

K12
T.9

ИЗ ФОНДА РЕДАКЦИИ И СТАРОЙ
ПЕЧАТИ

15587

ИЗ ФОНДА ВѢЖКОЙ И СТАРОЙ
КНИЖКИ

КАВКАЗСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПО УКАЗАНІЮ

ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

ВЪ БЫТНОСТЬ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

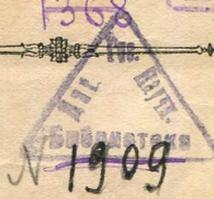
Главнoкомандующимъ Кавказскою Арміею.

Подъ редакціею артилеріи генераль-маіора Чернявскаго.

ТОМЪ ІХ.

7781
1368

15567

ТИФЛИСЬ. 1885.

1954

1954

1954

1954

1954

1954

1951

1954

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- I. Три года на Кавказѣ (1837—1839). *А. Юрова.* 1
- II. Трехлѣтіе на лезгинской кордонной линіи (1847—1849). *Н. А. Волконскаго.* 157
- III. Лѣвый флангъ кавказской линіи въ 1848 году. *К.* 367
- IV. Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ въ 1852 и 1853 годахъ. *В. Солтана.* 477
- V. Дѣйствія охотничьей команды кабардинскаго полка въ Кубанской области 6 іюня 1862 года. 523
-

ИЗДАНИЕ

издано в 1811 году

Издатель	Место издания	Год издания	Цена
Издатель	Место издания	1811	12
Издатель	Место издания	1811	305
Издатель	Место издания	1811	125

О П Е Ч А Т К И

къ IX тому „Кавказскаго Сборника“.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать</i>
	СВЕРХУ. СНИЗУ.		
17	4	капитанъ	штабсъ-капитанъ
305	2	1847	1848
435	3	Хасавъ-арта,	Хасавъ-юрта,

ИЗДАНИЕ

издано в 1811 году

Издатель	Место издания	Год издания	Цена
Издатель	Место издания	1811	12
Издатель	Место издания	1811	305
Издатель	Место издания	1811	125

ТРИ ГОДА НА КАВКАЗЪ *).

(1837—1839).

(Окончаніе).

VIII.

1839-й годъ.

Взглядъ на положеніе дѣлъ въ краѣ къ началу 1839-го года. Предположенія командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса по покоренію Кавказа вообще и для дѣйствій въ описываемомъ году въ Дагестанѣ и на восточномъ берегу Чернаго моря. Дѣйствующие отряды, ихъ составъ и время сбора. Подготовка экспедицій на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Одобреніе Государемъ Императоромъ предположеній генералъ-лейтенанта Головина о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1839-мъ году и собственноручная резолюція Его Величества. Преждевременно вызванная обстоятельствомъ экспедиція генералъ-лейтенанта Граббе въ Ичкерію. Дѣятельность и замыслы Шамиля. Нападеніе его на с. Ирганай. Движеніе отряда въ Аухъ. Внезапное нападеніе на укр. Ташовъ-хаджи въ урочищѣ Ахметъ-Тала. Вступленіе въ Ичкерію. Бой у Саясана. Возвращеніе войскъ въ кр. Внезапную. Аррьергардное дѣло у с. Баланъ-су. Результаты экспедицій.

Положеніе нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, не смотря на предыдущія экспедиціи, къ началу 1839-го года представлялось мало утѣшительнымъ **). Въ Дагестанѣ, въ сущности, было немного племенъ дѣйствительно намъ покорныхъ; бокъ-о-бокъ съ провинціями, управляемыми нашими чиновниками, находились многолюдныя общества, считавшія себя по отношенію къ

*) Матеріалами для составленія этой статьи служили дѣла архива штаба кавказскаго военнаго округа, „Описаніе военныхъ дѣйствій 1839-го года въ сѣверномъ Дагестанѣ“ полковника (нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ) Д. А. Милютина и другіе источники.

***) Рапортъ корпуснаго командира военному министру 15-го декабря 1838-го года № 2161-й.

намъ какъ равная власть къ равной и—хотя мы, больше по привычкѣ, и называли ихъ покорными—мечтавшія только о *союзи* съ нами, но ни въ какомъ случаѣ не допускавшія мысли о подчиненіи. Къ этой категоріи, напр., принадлежали: воинственное Сюрга (дербентской провинціи), Кара-Кайтахъ, Табасарань, Акуша, Андалалъ и друг., при всякомъ удобномъ случаѣ измѣнявшія намъ. Вольныя общества верхнихъ кубинскихъ магаловъ считались русскими подданными, но, на самомъ дѣлѣ, были лишь нашими данниками, — въ сущности фиктивными, такъ какъ давно уже отказались отъ уплаты податей. Мало того—не смотря на присягу въ покорности и на обѣщанія безпрекословно выполнить все требованія нашего начальства, ахтинцы и рутульцы, въ продолженіе всей зимы, подъ разными предлогами уклонялись отъ внесенія накопившейся за ними недоимки, укрывали шайки хищниковъ и вмѣстѣ съ ними производили разбои. Племена прилегавшія къ Аваріи оказывались то мирными, то непокорными, смотря по тому, что въ данномъ случаѣ было для нихъ выгоднѣе. Чеченцы ежегодно становились подъ знамена возмутителей, нагорный же Дагестанъ и анкратльскія общества никогда не покорялись намъ; лишь нѣкоторыя племена изъ нихъ, сосѣднія съ Кахетією и джарскою областью, ежегодно на зиму спускались со своими стадами на алазанскую долину, въ благодарность за эту снисходительность нашего начальства грабя почти безнаказанно плодоносную Кахетію. Вообще, горючаго матеріала было въ избыткѣ, и, благодаря неутомимымъ проискамп главы мюридизма—умнаго и энергичнаго Шамиля—онъ угрожалъ общимъ взрывомъ. На правомъ флангѣ кавказской линіи, гдѣ мы имѣли также сильнаго непріятеля, къ нашему благополучію, у него не было единства: горцы тамъ еще никогда не поднимались почти поголовно, какъ напр. въ Дагестанѣ, въ эпоху Казимуллы; они не были подогрѣваемы религіознымъ фанатизмомъ и волновались или вельдствіе происковъ бездомныхъ бродягъ-

абрековъ, или же заманчивыхъ, но несбыточныхъ обѣщаній иностранныхъ эмиссаровъ. Устройство черноморской береговой линіи и предположенное развитіе крейсера у восточнаго берега Чернаго моря должны были положить предѣлъ оказывавшемуся особенно вреднымъ иностранному вліянію; въ Дагестанѣ же, при существовавшей системѣ дѣйствій, трудно было даже предвидѣть конецъ нашей борьбы съ горцами. Едва успѣли въ 1838-мъ году разойтись по зимнимъ квартирамъ войска, какъ Шамиль и Ташовъ-хаджи начали снова собирать партіи и грозили прервать сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры съ Хунзахомъ. Все это заставляло принять скорыя и энергическія мѣры.

Ознакомившись достаточно съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, генераль-лейтенантъ Головинъ составилъ и представилъ черезъ военнаго министра на Высочайшее воззрѣніе а) общес предначертаніе къ покоренію Кавказа и б) предположенія къ дѣйствіямъ въ 1839-мъ году въ Дагестанѣ и на восточномъ берегу Чернаго моря. Отсылая желающихъ ознакомиться съ первымъ документомъ, а также съ отзывомъ по этому поводу военнаго министра, къ приложеніямъ въ концѣ статьи (приложеніе XII), обратимся собственно къ предположеніямъ генерала Головина о военныхъ дѣйствіяхъ въ описываемомъ году.

По мнѣнію корпуснаго командира прежде всего необходимо было подчинить себѣ окончательно населеніе бассейна Самура, возвести по рѣкѣ рядъ укрѣпленій и, такимъ образомъ, положить разъ навсегда преграду распространенію безпорядковъ изъ Дагестана въ наши мусульманскія провинціи и открыть себѣ возможность свободно дѣйствовать въ Дагестанѣ базируясь на самурскую укрѣпленную линію. Затѣмъ, для парализованія власти и вліянія Шамиля на сѣверѣ Дагестана, — нанести сильный ударъ его скопищамъ въ полѣ, уничтожить грозный его оплотъ — Ахульго — и утвердиться хотя въ одномъ пунктѣ (напр. Чиркатъ) по андійскому Койсу, чтобы, владѣя обоими его берегами, держать въ страхѣ Гумбетъ и Анди, и,

наконецъ, на берегу Чернаго моря, для продолженія береговой линіи, овладѣть устьями рр. Субаши и Псезуапсѣ и возвести промежуточное укрѣпленіе между Анапою и Новороссійскомъ. Вопросъ о перенесеніи кубанской кордонной линіи на Лабу, возбужденный генераль-маіоромъ барономъ Зассомъ въ предыдущемъ году, предполагалось отложить до 1840-го года, съ тѣмъ, чтобы назначенныя для этого части войскъ обратить для дѣйствій противъ Шамиля.

По этимъ соображеніямъ изъ войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса предположено было собрать три главныхъ, достаточно сильныхъ для энергическихъ, самостоятельныхъ дѣйствій отряда: 1) *Въ Дагестанѣ*, на югѣ, для операций въ вольныхъ обществахъ а) *Самурскій* отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта Головина, изъ 11-ти баталіоновъ 2-хъ ротъ саперъ, 5 сотенъ казаковъ и 1000 милиціонеровъ, при 22-хъ орудіяхъ, у сел. Хазры, къ двадцатымъ числамъ мая. Для облегченія дѣйствій этого отряда и развлеченія вниманія горцевъ со стороны шекинской провинціи, формировался особый вспомогательный отрядъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Симборскаго, изъ 3-хъ баталіоновъ и 8-ми сотенъ милиціи, при 4-хъ орудіяхъ. На сѣверѣ, у кр. Вnezапной, для дѣйствій противъ Шамиля, б) *чеченскій* отрядъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Граббе, изъ 9-ти баталіоновъ, одной роты саперъ, пяти сотенъ казаковъ, 7-ми сотенъ конной и 27 сотенъ пѣшей милиціи, при 22-хъ орудіяхъ и мортиркахъ и 2) *на восточномъ берегу Чернаго моря*, въ Тамани, *десантный* отрядъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Раевского, изъ 8-ми баталіоновъ, 2-хъ пѣшихъ черноморскихъ казачьихъ полковъ, при 12-ти орудіяхъ и 6-ти мортиркахъ.

Для обезпеченія Кахетіи и джарской области отъ набѣговъ хищниковъ, предположено было занять два пункта, черезъ которые проходили главные пути—гору Акималь, противъ Закаталъ, и другой пунктъ противъ Бежаньянъ или ла-

годехскаго ущелья—каждый ротою или двумя отъ линейныхъ баталіоновъ, находившихся на лезгинской линіи и 300 имеретинской, мингрельской и гурійской милиціи.

Самурскому отряду, по выполненіи поставленной ему задачи на Самурѣ, предназначалось двинуться черезъ Кази-Кумухъ или черезъ верхнюю Табасарань, Кара-Кайтахъ и Акушу на Хунзахъ, съ цѣлью возстановленія въ нагорномъ Дагестанѣ порядка и давно утраченнаго повиновенія. Впрочемъ, послѣднее предпріятіе зависѣло всецѣло отъ успѣховъ какъ самурскаго, такъ и чеченскаго отрядовъ.

Дѣйствія на сѣверѣ Дагестанѣ распались на два періода: въ первомъ—ашшеронскій полкъ (4-ре баталіона), съ появленіемъ подножнаго корма, долженъ былъ снабдить годовымъ продовольствіемъ Хунзахъ и заготовить двухнедѣльный запасъ провіанта на случай прибытія самурскаго отряда по окончаніи дѣйствій на югѣ. Независимо этого, предполагалось собрать во второй половинѣ мая, у Вnezальной, чеченскій отрядъ и двинуть его въ Салатау и Гумбетъ, для проложенія дороги къ Чиркату и дѣйствій смотря по обстоятельствамъ.

Во второмъ періодѣ ашшеронскій полкъ оставляетъ Аварію и присоединяется къ чеченскому отряду; послѣдній беретъ Чиркатъ, строитъ тамъ, если не представится особыхъ затрудненій, укрѣпленіе, затѣмъ раззоряетъ Ахульго и заканчиваетъ свои дѣйствія экспедиціею въ Ичкерію.

Со дня прибытія отрядовъ на сборные пункты до роспуска ихъ приказано было производить войскамъ мясную порцію и спиртъ три раза въ недѣлю; генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ—солдатскій паекъ и семь порцій въ недѣлю. Артилерійскимъ и казачьимъ лошадямъ положено отпускать по три гарнца, а подъемнымъ—по два гарнца ячменя въ сутки. Въ виду же затруднительности довольствія лошадей въ горахъ вообще, число ихъ рѣшено сократить во всѣхъ отрядахъ до возможнаго minimum'a.

Продовольствіе и фуражъ заготовлялись: въ Хазрахъ—10,450 четв. сухарей, 1,440 четв. муки, 281 четв. крупъ, 3,415 ведеръ спирта и 8,374 четв. зерноваго фуража, въ Нухъ—3,000 четв. сухарей, 282 четв. крупъ, 900 ведеръ спирта и 1,055 четв. зерноваго фуража, въ Хунзахъ—3,200 четв. сухарей, 905 ведеръ спирта и сухаго фуража 882 четв., въ Внезапной—10,150 четв. сухарей, 3,200 ведеръ спирта и 4,597 четв. сухаго фуража.

Для подвоза продовольственныхъ запасовъ при самурскомъ отрядѣ учреждался выючный транспортъ на наемныхъ лошадахъ, катерахъ или эшакахъ, который могъ бы поднять въ одинъ разъ 11-ти-дневный запасъ провіанта на 1000 выюкахъ. Другой транспортъ предназначался для поднятія ячменя на 7 дней для артилерійскихъ и подъемныхъ лошадей на 200 выюкахъ.

Отряды обезпечивались двойнымъ комплектомъ зарядовъ для батарейныхъ и легкихъ орудій, тройнымъ—для горныхъ и тремя комплектами патроновъ, изъ коихъ при войскахъ слѣдовало имѣть лишь то количество, которое можно было поднять на людяхъ, выюкахъ и патронныхъ ящикахъ, а остальное сложить въ Закаталахъ, Хазры, Шуръ и Внезапной.

Военно-временные госпитали устраивались: въ Нухъ на 115 мѣсть, въ Кубъ—на 620, въ Дербентъ—на 110, въ Бурной—на 216, въ Шуръ—на 315, въ Внезапной—на 315 и въ Грозной—на 315-ть. Кроме того, войска должны были имѣть выючные аптечные ящики и лазаретныя вещи на 20-ть человекъ въ каждомъ баталіонѣ. Всѣ части были укомплектованы медицинскимъ персоналомъ.

Шанцевый инструментъ предписано было имѣть съ собою въ полномъ комплектѣ и въ совершенной исправности, но, помимо этого, заготовлялось желѣзныхъ лопатъ, кирокъ, мотыгъ, ломовъ, молотовъ, буровъ и т. п. для самурскаго отряда на 2951-го человека, для вспомогательнаго нухинскаго

отряда на 1325 человекъ и для чеченскаго отряда на 3000 человекъ.

Государь Императоръ, разсмотрѣвъ подробно представленіе генераль-лейтенанта Головина, утвердилъ его предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1839-мъ году съ незначительными измѣненіями и на рапортѣ корпуснаго командира военному министру начерталъ слѣдующую собственноручную резолюцію, обнимающую собою между прочимъ и проектъ покоренія края:

„Въ военномъ отношеніи—писалъ Государь—для упроченія нашего владычества на Кавказъ, предстоятъ два главныхъ предмета: 1) покореніе горскихъ народовъ, т. е. черкесъ и проч., со всеми изъ сего истекающими мѣрами. 2) Покореніе и усмиреніе горнаго Дагестана или общимъ названіемъ лъваго фланга. Первое необходимо довершить и потому, что уже начато, и можно сказать успѣшно исполнится, если постоянно продолжится постепенное онаго довершеніе; и потому, что по удобству на сей край внѣшнихъ вліяній требуетъ скорѣйшаго устраненія всякъ къ тому способовъ. Второе равно необходимо, ибо безъ онаго ни покоя, ни вѣрнаго владычества имѣть на Кавказъ не можемъ.

„Миръ къ исполненію первой цѣли не требуютъ перемѣны; требуютъ только постоянства и настойчивости въ исполненіи, и тогда можно, почти не ошибаясь, годами опредѣлить время, въ которое оное совершится. Не такъ на лъвомъ флангѣ; тамъ край намъ менѣе извѣстенъ, отчасти-же мы никакихъ положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Народы тамъ еще воинственны и доступъ къ нимъ труднѣе, и, что всего важнѣе, они менѣе въ распряхъ и легче противъ насъ соединяются. и, наконецъ, населеніе горцевъ сильнѣе.

„Изъ сего ясно истекаетъ, что должно зрѣло обдумать, что намъ разумѣть слѣдуетъ подъ покореніемъ или усми-

реніемъ сей стороны? Мысль генерала Головина возводить укрѣпленія, снабжать ихъ гарнизонами и ежегодно въ разныхъ направленіяхъ проводить сильныя отряды, по Моему мнѣнію не только неудобна, но даже вредна, ибо потребуетъ прибавленія войскъ для постоянныхъ гарнизоновъ и тѣмъ уменьшитъ число полевыхъ войскъ, которыя со дня на день потребуются могутъ противу турокъ или персіянъ. Сверхъ того, приучая мусульманъ видѣть, что противъ нихъ мы, вопреки стараго обычая, показываться будемъ въ большихъ силахъ, увѣримъ, что они намъ опаснѣе прежняго; а нашихъ въ той-же мѣрѣ можемъ увѣрить, что они не прежніе русскіе, которые съ Паскевичемъ, въ числѣ одиннадцати тысячъ человекъ, уничтожили Персію и проникли до Эрзерума.

„Но нѣтъ сомнѣнія, что нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ въ самомъ сердцѣ вольныхъ обществъ, на главныхъ соединеніяхъ сообщеній, занять должно и можно. Остается только рѣшить, какъ управлять покоренными областями. Я полагаю, что гдѣ мы встрѣтимъ покорность, тамъ полезно оставлять прежнихъ владѣтелей ихъ, ставить намъ покорныхъ или преданныхъ членовъ сихъ-же обществъ. Но тамъ, гдѣ нужно проникнуть силою, тутъ предпочтительно ставить нашихъ чиновниковъ изъ военныхъ, самыхъ надежныхъ. Управлять, не измѣняя ни мѣстныхъ законовъ, ни обычаевъ; дань требовать только ту, которая платилась прежнимъ владѣльцамъ и отнюдь ни въ чемъ не обременять жителей, но требовать непременно ихъ содѣйствія для покоренія другихъ, ближайшихъ. Духовенству оказывать особое покровительство, лаская и награждая ихъ и улучшая содержаніе; школы, гдѣ есть, тоже покровительствовать, а гдѣ нѣтъ — устранять ихъ съ строгимъ и близкимъ надзоромъ.

„Въ заключеніе: ничего наудачу не начинать, и лучше

откладывать до времени, когда успех несомнѣненъ; словомя, такъ вести дѣло, чтобы, сдѣлавъ шагъ впередъ, отнюдь назадъ нейти“.

Пока мы дѣятельно готовились къ военнымъ предпріятіямъ, Шамиль также не сидѣлъ сложа руки. Пользуясь временемъ до сбора нашихъ отрядовъ, онъ задумалъ привлечь на свою сторону еще покорныя намъ койсубулинскія селенія, показать тѣ изъ нихъ, которыя попытались бы ему сопротивляться и уничтожить пограничныя аварскіе аулы. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1839-го года онъ собралъ въ Чиркатѣ пятитысячное скопище изъ разныхъ племенъ. Узнавъ о намѣреніяхъ имама, ханъ мехтулинскій, Ахметъ, направилъ противъ него часть аварской милиціи. Она спустилась къ Тлоку, взяла изъ этого враждебнаго намъ селенія аманатовъ, но была атакована Шамилемъ, отброшена и окружена у сел. Мушули. Горсть милиціонеровъ безъ сомнѣнія была бы раздавлена, еслибы не подоспѣлъ на выручку самъ Ахметъ-ханъ съ тремя тысячами аварцевъ и мехтулинцевъ; тѣмъ не менѣе Шамиль успѣлъ сжечь аварскія деревни Бетль и Ахкентъ и благополучно уйти въ сел. Ахали. Отсюда онъ дѣлалъ нѣсколько нападений на Унцукуль, многолюднѣйшее изъ всѣхъ враждебныхъ ему койсубулинскихъ селеній, но унцукульцы, подъ предводительствомъ своего храбраго старшины Алило, отражали всѣ покушенія мюридовъ. Въ томъ же мѣсяцѣ Шамиль снова обрушился на селеніе, но, съ помощью подоспѣвшей аварской и мехтулинской милиціи, унцукульцы еще разъ отбили непріятеля. Въ то же время командовавшій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ, генераль-маіоръ Пантелѣевъ, получивъ приказаніе генерала Граббе поддержать унцукульцевъ, расположилъ небольшой отрядъ у Зыряны; но Шамиль уже распустилъ свои

партии и, вернувшись въ Ахульго съ одною постоянною своею охранною стражею, послалъ только Сурхая и Али-бека съ нѣсколькими сотнями человекъ въ Чечню, на поддержку Ташовъ-хаджи.

Не смотря, однакожъ, на все это и на опытъ предшествовавшихъ двухъ лѣтъ, кавказское начальство не теряло надежды отклонить бѣдствія войны переговорами съ имамомъ. Нѣкоторымъ изъ преданныхъ намъ горцевъ поручено было уговорить Шамиля смириться, но онъ, задержавъ сперва посланныхъ, потомъ отпустилъ ихъ, объявивъ, что на будущее время повѣситъ каждого, кто осмѣлится взять на себя подобное порученіе. Вместе съ тѣмъ онъ старался внушить всѣмъ, что при вступленіи нашего отряда въ долину андійскаго Койсу, онъ будетъ отрѣзанъ, лишень всякихъ средствъ продовольствія и долженъ будетъ неминуемо погибнуть. Горцы охотно вѣрили на слово своему владыкѣ; горсть благоразумныхъ людей, знавшихъ истинную цѣну нашимъ средствамъ и скептически относившихся къ этимъ разглагольствованіямъ, принуждена была молчать, такъ какъ суровый имамъ жестоко наказывалъ тѣхъ, кто осмѣливался выразить опасенія на счетъ вторженія русскихъ, тѣмъ болѣе, что въ его глазахъ Ахульго было совершенно неприступно. Успокаивая себя этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, Шамиль, однако, озаботился затрудненіемъ подступовъ къ своей резиденціи и сильно укрѣплялъ гумбетовское селеніе Аргуани, на пути изъ Салатау въ Ахульго.

Распустивъ свои скопища въ февралѣ и обязавъ ихъ клятвою вновь собраться по первому его требованію, имамъ не далъ имъ долго наслаждаться отдыхомъ: въ половинѣ апрѣля онъ снова собралъ ихъ. Къ 1-му мая огромное скопище уже стояло подъ ружьемъ въ Чиркатѣ, а въ ночь съ 3-го на 4-е мая Шамиль, переправившись черезъ аварское Койсу у Гимръ, обрушился совершенно неожиданно на покорное намъ селеніе Ирганай. Занявъ 6-го мая этотъ ауль, онъ держался

въ немъ до 10-го, пока успѣлъ выселить всѣхъ жителей въ горы. Командиръ 2-го баталіона апшеронскаго полка маіоръ Вагнеръ, двинувшійся изъ Зыряны съ двумя ротами, при взводѣ горныхъ орудій, и 7-го числа атаковавшій горцевъ, не въ состояніи былъ выгнать ихъ изъ селенія и отступилъ съ потерей 9-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ и 2-хъ артиллерійскихъ лошадей. Наши же войска въ сѣверномъ Дагестанѣ, къ сожалѣнію, въ это время были заняты транспортировкой, заготовленіемъ разныхъ запасовъ къ предстоящей экспедиціи и смѣною гарнизоновъ, такъ что подъ рукою небыло достаточныхъ средствъ для немедленнаго противудѣйствія дерзкому врагу. Правда, оставалась тарковская, мехтулинская и аварская милиція, но она не рѣшалась уже самостоятельно вступать въ бой. Такимъ образомъ, Шамиль какъ нельзя лучше выбралъ удобный для себя моментъ и засталъ насъ совершенно врасплохъ.

Узнавъ о нападеніи на Ирганай, командовавшій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ генераль-маіоръ Пантелѣевъ поспѣшно двинулъ черезъ Зыряны на мѣсто происшествія 6-тъ ротъ пѣхоты, при взводѣ горныхъ орудій, подъ командою подполковника Сахновскаго, но и этого оказалось недостаточно: вторичная атака селенія съ сѣвера и юга 9-ю ротами, при 4-хъ орудіяхъ, была отбита и наши войска, послѣ четырехчасовой перестрѣлки, отошли въ Зыряны, потерявъ 7-мъ нижнихъ чиновъ убитыми и одного офицера (апшеронскаго полка прапорщика Родошковскій) и 18-тъ нижнихъ чиновъ ранеными.

Получивъ объ этомъ донесеніе, командующій войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генераль-лейтенантъ Граббе предписалъ Пантелѣеву во что бы то ни стало овладѣть Ирганаемъ, но Шамиль уже былъ на маршѣ къ Аргуани и обратилъ все свое вниманіе на кр. Внезапную, гдѣ уже началъ сосредоточиваться чеченскій отрядъ. Въ составъ его были назначены слѣдующія части: 4 баталіона куринаскаго (распо-

ложенные на лѣвомъ флангѣ), 2—кабардинскаго егерскихъ полковъ (изъ Кабарды), одна рота кавказскаго сапернаго баталіона (изъ Тифлиса), 5-ть сотень казаковъ (двѣ конныхъ и три пѣшихъ) отъ горскаго, моздокскаго, гребенскаго и кизлярскаго полковъ, 8-мь орудій 20-й артилерійской бригады, 4 конно-казачьихъ орудія и до 500 охотниковъ-милиціонеровъ изъ кумыковъ, кабардинцевъ, осетинъ и надтеречныхъ чеченцевъ.

Изъ сѣвернаго Дагестана выдѣлялись въ распоряженіе генерала Граббе 4 баталіона апшеронскаго полка, 6-ть орудій резервной № 2-го батареи 19-й артилерійской бригады и предполагалось собрать тарковскую, мехтудинскую и аварскую милицію. Но эти войска не могли собраться къ Внезапной раньше второй половины мая, такъ какъ были необходимы на мѣстѣ для прикрытія края, конвоированія транспортовъ и гарнизона въ Хунзахѣ, Зыряны и Бурундукъ-кале, впредь до смѣны въ этихъ пунктахъ командами отъ линейнаго баталіона.

Къ 1-му мая у кр. Внезапной, на правомъ берегу Акташа, раскинулся большой лагерь. Здѣсь сосредоточились 6-ть баталіоновъ пѣхоты, рота саперъ, конвойная команда въ составѣ 1 офицера и 52-хъ нижнихъ чиновъ, три сотни пѣшихъ и двѣ сотни конныхъ казаковъ и три сотни горской милиціи, при шести легкихъ и 4-хъ горныхъ орудіяхъ, всего 5546 штыковъ и шашекъ, при 10-ти орудіяхъ. Пѣхота, артилерія и милиція располагались въ лагерѣ, выславъ всѣхъ лошадей, подъ прикрытіемъ баталіона, на подожный кормъ, за пять верстъ, по направленію къ Костеку, двѣ же конныя казачьи сотни были отправлены съ тою же цѣлью къ Хасавъ-юрту.

По предположеніямъ о военныхъ дѣйствіяхъ на 1839-й годъ, чеченскій отрядъ долженъ былъ начать свои операціи движеніемъ въ Дагестанъ, противъ Шамиля, а затѣмъ уже, осенью, сдѣлать экспедицію въ Ичкерію. Соображеніе это по-

строено было на томъ, что лѣтомъ дѣйствовать въ лѣсистой Чечнѣ сопряжено съ большими потерями, тогда какъ, наоборотъ, въ Дагестанѣ невозможно оперировать въ позднее время года. Однакожъ, обстоятельства рѣшили иначе: изъ Чечни были получены свѣдѣнія, совершенно измѣнявшія обстановку и опрокинувшія всѣ наши заранѣе сдѣланные расчеты.

Ташовъ-хаджи, оставленный Шамилемъ полновластнымъ хозяиномъ въ Чечнѣ *), уже въ мартѣ мѣсяцѣ началъ собирать многочисленныя партіи, угрожая кумыкской плоскости; вскорѣ къ нему на помощь прибыли посланные имамомъ Сурхай-кадіи и Али-бекъ. Въ кумыкскомъ владѣніи поднялась тревога, собрали милицію, но вскорѣ все опять успокоилось: набѣгъ не состоялся и Ташовъ-хаджи, занявъ с. Мискитъ (на Аксаѣ), началъ строить укрѣпленіе на урочищѣ Ахметъ-Тала, среди дремучаго лѣса. Выборъ этого пункта сдѣланъ былъ не безъ цѣли: опираясь на новое укрѣпленіе, Ташовъ-хаджи могъ пользоваться всякимъ удобнымъ моментомъ и броситься на любую точку сунженской линіи или кумыкской плоскости.

Узнавъ о сборѣ войскъ у Внезапной, Ташовъ-хаджи началъ снова собирать партіи изъ Ичкеріи и аргунскаго ущелья и опять обратился за помощью къ Шамилю. Имамъ, приготовлявшійся встрѣтить насъ съ фронта, для этого укрѣплявшій Аргуани, разрушившій спускъ съ крутой горы Соукъ-Булахъ, на границѣ Салатау и Гумбета, и обѣщавшій буртунцевцамъ прибыть къ нимъ для встрѣчи русскихъ еще въ Салатау, съ удовольствіемъ взглянулъ на хлопоты Ташовъ-хаджи и быстро сообразивъ всѣ выгоды имѣть сильную партію на нашемъ флангѣ, составилъ весьма искусный планъ дѣйствій: задерживая насъ насколько возможно по пути, отступая съ позиціи на позицію и уступая каждый клочекъ земли съ боя, завлечь нашъ отрядъ въ горы и затѣмъ бросить Ташовъ-

*) Соперникъ хаджи—Уди-мулла—умеръ весною 1839-го года.

хаджи намъ въ тылъ, на наши сообщенія. Нельзя не отдать полной справедливости сообщеніямъ Шамиля: онъ билъ навѣрное; углубившись въ горы мы не имѣли бы никакихъ средствъ отразить Ташовъ-хаджи и онъ могъ хозяйничать сколько хотѣлъ и на кумыкской плоскости, и на линіи. Это то и заставило генераль-лейтенанта Граббе сперва обратиться въ Чечню, разбить Ташовъ-хаджи и, обезпечивъ такимъ образомъ свою операціонную линію, затѣмъ спокойно двинуться черезъ Салатау и Гумбетъ противъ Шамиля.

Выступленіе отряда *) было назначено на 9-е мая, но направленіе движенія держалось въ строгой тайнѣ. Войска выступали налегкѣ, съ одними только вьюками, для раненыхъ же было взято по одной арбѣ на баталіонъ. Весь лагерь, тяжести, паркъ и табунъ были оставлены у Вnezальной, подъ прикрытіемъ роты кавказскаго линейнаго № 10-го баталіона и кумыкской милиціи.

8-го мая прибылъ въ Вnezальную корпусный командиръ генераль-лейтенантъ Головинъ, по пути изъ Владикавказа въ Дагестанъ. Въ его присутствіи, въ лагерь было отслужено напутственное молебствіе, а на другой день, передъ походомъ, генераль Граббе отдалъ энергическій приказъ по отряду (приложеніе XIII).

Напасть на укрѣпленіе Ташовъ-хаджи на урочищѣ Ахметъ-Тала рѣшено было вnezально, сдѣлавъ скрытный переходъ въ ночь съ 9-го на 10-е мая.

Удобнѣйшая дорога къ Ахметъ-Тала отъ кр. Вnezальной шла вдоль подошвы ауховскихъ горъ до р. Аксая, затѣмъ, отъ развалинъ бывшаго аула Старый Аксай, верстъ пять съ небольшимъ вверхъ по лѣсистой долинѣ рѣки. По этой дорогѣ до урочища было около 32-хъ верстъ, но проводники вызвались указать кратчайшую дорогу отъ переправы на р. Яманъ-

*) 4 баталіона кабардинскаго, 4—куринскаго егерскихъ полковъ, 1½ сотни конныхъ, 3 сотни пѣшихъ казаковъ и 2½ сотни милиціи, при 14-ти орудіяхъ.

су, прямо черезъ лѣсъ. Однакожъ, оказалось, что по этой тропѣ ни артилерія, ни выюки слѣдовать не могутъ; тогда по ней былъ направленъ только передовой отрядъ полковника Лабынцева, изъ двухъ баталіоновъ кабардинцевъ и сотни казаковъ, на отборныхъ лошадяхъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, все же остальные войска должны были двигаться черезъ Старый Аксай.

По приказанію генерала Граббе войска незамѣтно приготовились къ движенію, а съ наступленіемъ совершенной темноты тихо, безъ шума, снялись съ позиціи. Главныя силы еще до разсвѣта достигли Старого Аксая и расположились для привала, передовой же отрядъ полковника Лабынцева, скрытно подойдя почти къ самому укрѣпленію Ташовъ-хаджи, остановился въ густомъ лѣсу въ ожиданіи разсвѣта. Непріатель какъ видно не предполагая, чтобы наши войска двинулись по узкой лѣсной тропинкѣ, не счелъ нужнымъ оберегать ее хотя бы пикетомъ; благодаря этому предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Укрѣпленіе было построено на возвышенномъ холмѣ между двумя глубокими и лѣсистыми оврагами, въ полутора верстахъ отъ р. Аксая, и состояло изъ квадратнаго редута, съ бревенчатою башнею-редюитомъ посрединѣ. Наружнюю ограду составляли двѣ стѣны, одна за другою, промежутокъ между которыми былъ заполненъ землею. Выходъ съ западной стороны защищенъ былъ башнею. Лѣсъ вокругъ укрѣпленія былъ расчищенъ на ружейный выстрѣлъ, изъ огромныхъ же деревьевъ и пней устроено нѣсколько рядовъ заваловъ, преграждавшихъ какъ все доступы, такъ и дорогу отъ Аксая къ сел. Балантъ-су, проходившую мимо укрѣпленія.

Въ укрѣпленіи находился лично Ташовъ-хаджи съ самыми преданными и отчаянными мюридами.

Появленіе нашихъ войскъ было такъ внезапно, что сподвижникъ Шамиля былъ застигнутъ совершенно врасплохъ,

среди глубокаго сна. Съ первыми лучами разсвѣта, наши егеря уже вышли на опушку лѣса и, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, бросились на завалы и укрѣпленіе. Одну же роту, съ спѣшенными казаками, полковникъ Лабынцевъ послалъ густымъ лѣсомъ, чтобы преградить непріятелю всякій путь къ отступленію. Увидя этотъ маневръ и сообразивъ всю опасность своего положенія, горцы, не думая болѣе о защитѣ своего оплота, искали спасенія въ лѣсу. Кабардинцы почти мгновенно заняли редуть и сейчасъ же зажгли его. Въ центральной башнѣ найдено было много верхней одежды и значекъ— доказательство полной неожиданности нападенія и торопливаго бѣгства непріятеля. Этотъ первый успѣхъ стоилъ намъ одного убитаго и двухъ раненыхъ рядовыхъ.

Увидя густой дымъ, клубившійся надъ лѣсомъ, главныя силы стали въ ружье и безпрепятственно двинулись вверхъ по долинь. Между тѣмъ, по первымъ выстрѣламъ въ лѣсу, къ урочищу Ахметъ-Тала начали собираться окрестные жители и, скрываясь за завалами, усиливались все болѣе и болѣе.

Ко времени прибытія генераль-лейтенанта Граббе, передовая колонна расположена была на открытой полянѣ, на ружейный выстрѣлъ отъ опушки занятой непріателемъ, совершенно укрытымъ даже отъ картечи нашихъ единороговъ. По обыкновенію, горцы воодушевляли себя громкимъ пѣніемъ стиховъ изъ корана и повременамъ, кучками, бросались съ шапками наголо на нашихъ стрѣлковъ съ такою быстротою, что резервы съ трудомъ подоспѣвали на выручку цѣпи. Чтобы выбить непріятеля изъ его позиціи Граббе направилъ съ фронта, по дорогѣ, генераль-маіора Галафѣева, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами кабардинскаго и 2-мъ—куринскаго полковъ, для охвата горцевъ слѣва—полковника Пулло, съ 1-мъ куринскимъ баталіономъ, а всю горскую милицію, съ маіоромъ Мезенцевымъ, послалъ въ обходъ лѣса справа. Въ резервъ стали 3-й и 4-й баталіоны куринскаго полка.

Пока пѣхота строилась въ боевой порядокъ на полянѣ, позади разваливъ непріятельскаго укрѣпленія, два орудія, снявшись съ передковъ на высотѣ, почти подъ дулами горскихъ ружей, осыпали опушку лѣса картечью. Стройно двинулись впередъ наши закаленные въ бояхъ баталіоны, — и горцы не рѣшились выждать удара: замѣтивъ обходное движеніе кавалеріи и боясь попасть какъ бы въ тиски, они предпочли искать спасенія въ бѣгствѣ, бросая даже тѣла убитыхъ. Тогда отрядъ направился къ с. Баланъ-су. Дорога, по которой онъ шель, представляла четырехверстное дефиле, среди непроницаемаго лѣса, прегражденное во многихъ мѣстахъ громадными срубленными деревьями, такъ что саперы, слѣдовавшіе въ головѣ колонны, просто выбились изъ силъ расчищая путь. По сторонамъ дороги видны были боковые завалы, но горцамъ, къ нашему счастью, не довелось ими воспользоваться. Потерявъ всего 4-хъ убитыхъ и 4-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, отрядъ прошелъ спокойно лѣсъ и расположился у Баланъ-су.

Въ этотъ день потеря наша была слѣдующая: убито 10-ть нижнихъ чиновъ, ранено два оберъ-офицера *) и 28 нижнихъ чиновъ и контужено одинъ штабъ, одинъ оберъ-офицеръ **) и 7-мь нижнихъ чиновъ. Лошадей убыло 4.

Лишь только войска расположились на бивакѣ, какъ селеніе Баланъ-су, служившее горцамъ сборнымъ пунктомъ при набѣгахъ ихъ на линію и покорныя намъ племена и теперь оставленное жителями, было предано пламени. Та же участь постигла ближайшіе хутора и огромное зарево пожара освѣтило окрестныя горы, далеко давая знать о нашемъ прибытіи въ Ичкерію.

*) Гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Мелютинъ и кабардинскаго полка штабъ-капитанъ Генушъ.

**) Навагинскаго полка подполковникъ Быковъ и кабардинскаго — подпоручикъ Китаевъ.

11-го мая отрядъ тронулся далѣе, то лѣсомъ, то мимо засѣянныхъ полянъ, и спустился къ самому руслу р. Яманъ-су, близъ ауловъ Наке-юртъ и Цацынъ-Ирзау. Не смотря на довольно трудные подъемы и спуски, артилерія вездѣ прошла свободно. Далѣе пришлось двигаться по самому руслу мелкой и извиистой Яманъ-су, безпрестанно переходя съ одного берега на другой. Для прикрытія отряда съ фланговъ, по тропамъ были посланы двѣ боковыя колонны, каждая изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, при взводѣ горныхъ орудій.

Къ 7-ми часамъ вечера голова походной колонны поднялась на поляну у истоковъ Яманъ-су и войска расположились у с. Рагонкажъ. Встрѣчавшіеся по пути аулы оказались пустыми и были сожжены. Въ этотъ день войска не видѣли непріятеля, за исключеніемъ лѣвой боковой колонны, наткнувшейся на небольшую партію, засѣвшую въ оврагѣ, почти въ виду Рагонкажъ, и тотчасъ выбитую штыками.

Отъ мѣста нашего бивака было не болѣе 8-ми верстъ прямой дороги до с. Саясанъ, главнаго опорнаго пункта Ташовъ-хаджи, но путь лежалъ опять среди дремучаго лѣса, покрывающаго сплошь весь хребетъ между долинами рр. Яманъ-су и Аксаю.

Оставивъ главныя силы на позиціи у Рагонкажъ, съ цѣлью обезпеченія пути отступленія отъ Саясанъ, генераль-лейтенантъ Граббе для атаки послѣдняго аула назначилъ 1-й и 2-й баталіоны кабардинскаго, двѣ роты куринскаго полковъ и горскую милицію, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою полковника Лабынцева.

Выступивъ въ полдень 12-го мая, колонна эта спокойно прошла лѣсистое дефиле и лишь на спускѣ къ самому аулу была встрѣчена сильнымъ огнемъ.

Саясанъ былъ расположенъ на небольшомъ плато, круто обрывающемся къ Аксаю. Къ югу отъ селенія, на небольшомъ мысу, между двумя крутыми оврагами, находилось укрѣпленіе

Ташовъ-хаджи. Оно состояло изъ толстой бревенчатой ограды, фланкированной башнями съ бойницами,—съ башнею-редюитомъ посрединѣ. Всѣ скаты были защищены рвами, завалами, застѣками въ нѣсколько рядовъ; единственная же тропинка сюда отъ селенія была во многихъ мѣстахъ перекопана и обстрѣливалась убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ.

При нашемъ приближеніи очистивъ селеніе, горцы засѣли частью въ укрѣпленіи, частью—на лѣсистыхъ высотахъ позади него. Селеніе тотчасъ было нами занято, послѣ небольшой перестрѣлки. Видя, что непріятель начинаетъ усиливаться жителями окрестныхъ селеній Белгатоя, Беноя, Даттаха, Билитли и друг., полковникъ Лабынцевъ рѣшилъ безотлагательно приступить къ штурму укрѣпленія и быстро сдѣлать всѣ нужныя распоряженія. Онъ поставилъ одно горное орудіе передъ селеніемъ, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты, для обстрѣливанія главной башни, занялъ съ боя ротую пѣхоту и частью милиціи лѣсистое возвышеніе влѣво, оставилъ въ аулѣ двѣ роты, а четыре—при горномъ орудіи—въ верстѣ позади, для обезпеченія отступленія. На укрѣпленіе были двинуты двѣ роты, подъ начальствомъ навагинскаго полка подполковника Быкова, а часть милиціи, подъ командою куринскаго полка маіора Мезенцева, въ обходъ слѣва.

Егерямъ пришлось пробираться почти поодинокѣ, подъ мѣткимъ огнемъ, но такъ какъ посланная влѣво одна рота куринцевъ уже заняла лѣсистыя высоты, то непріятель, не выждавъ удара, обратился въ бѣгство: только горсть отчаянныхъ мюридовъ, съ Ташовъ-хаджи во главѣ, попыталась было удержаться во внутренней башнѣ, но почти всѣ они были переколоты штыками. Такимъ образомъ, съ укрѣпленіемъ было покончено: оно разрушено, а селеніе сожжено, но влѣво, у куринцевъ, все еще шла горячая перестрѣлка.

Въ 8-мъ часовъ вечера полковникъ Лабынцевъ началъ отступать, прикрываясь четырьмя ротами, при горномъ орудіи,

подъ командою кабардинскаго полка маіора Рудакова. Какъ только горцы замѣтили наше движеніе, то начали дѣйствовать смѣлѣе и отчаянно бросились на арріергардъ, когда отрядъ началъ втягиваться въ дефиле. Кабардинцы встрѣтили атакующихъ бѣглымъ огнемъ и отбросили ихъ штыками. Не смотря однако на это, натиски прекратились только по выходѣ изъ лѣса послѣдней роты. Колонна возвратилась къ главнымъ силамъ когда уже стемнѣло, потерявъ убитыми 10-ть нижнихъ чиновъ, ранеными 1 штабъ, 4-хъ оберъ-офицеровъ *) и 39-ть нижнихъ чиновъ и 7-мъ контуженныхъ рядовыхъ—изъ нихъ болѣе половины при отступленіи.

Такимъ образомъ Ташовъ-хаджи былъ нанесенъ второй чувствительный ударъ въ главномъ его убѣжищѣ. Этимъ исчерпывалась цѣль движенія въ Ичкерію, а потому отрядъ, вечеромъ 13-го числа, по раззореніи аула Билитли особою колонною изъ 2-хъ баталіоновъ куринцевъ и сотни казаковъ, при взводѣ казачьихъ орудій, подъ командою подполковника Цыклаурова, выступилъ отъ Рагонкажъ обратно въ кр. Внезапную. Для этого былъ избранъ путь долиною Яманъ-су до с. Буна-юртъ. Движеніе это было прикрыто боковыми колоннами, направленными по лѣсистымъ горамъ: лѣвою—полковника Пулло—изъ 1-го и 4-го куринскихъ баталіоновъ, двухъ горныхъ, одного казачьяго орудій и милиціи и правой—полковника Лабынцева—изъ 1-го и 2-го баталіоновъ кабардинцевъ и сотни линейныхъ казаковъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ. Въ арріергардѣ шель 2-й баталіонъ куринскаго полка, съ двумя конными орудіями. Чтобы скрыть отъ непріятеля хотя начало нашего отступленія, съ позиціи снялись ночью, съ соблюденіемъ строжайшей тишины, и, сперва обозъ, а за нимъ и весь отрядъ успѣли благополучно спуститься къ руслу

*) Куринскаго полка маіоръ Мезенцевъ и подпоручикъ Вишняковъ, кабардинскаго полка подпоручикъ Эикманъ и Мачихинъ и артилеріи капитанъ Сирьяни.

р. Яманъ-су. Горцы замѣтили исчезновеніе отряда только тогда, когда солнце поднялось уже довольно высоко и войска въ полномъ порядкѣ двигались тремя колоннами. Раздосадованный непріятель бросился за арріергардомъ и началъ охватывать его съ фланговъ. Завязалась жаркая перестрѣлка. Медленно двигалась главная колонна по руслу рѣки, такъ какъ постоянныя остановки обоза ее задерживали. Тѣмъ временемъ арріергарду приходилось выдерживать не одинъ отчаянный натискъ горцевъ, бросавшихся очертя голову въ пашки, не обращая никакого вниманія даже на картечь. Особенно жарко было въ арріергардѣ при продолжительной остановкѣ, вслѣдствіе подъема около с. Баланъ-су на правый нагорный берегъ рѣки. Куринцы болѣе часа простояли неподвижно намѣстѣ, повременамъ бросаясь въ штыки на дерзко насѣдавшаго врага. Наконецъ, когда всѣ войска вытянулись на подъемъ, лѣвая боковая колонна смѣнила арріергардъ, приняла на себя послѣднюю отчаянную атаку и отразила ее, благодаря стойкости нашихъ артиллеристовъ: горцы были уже въ пятнадцати шагахъ отъ орудій и тогда только толпу, почти въ упоръ, осыпали картечью. Все смѣшалось, побѣжало и болѣе уже не осмѣливалось насъ преслѣдовать.

При отступленіи этомъ мы потеряли 6-ть нижнихъ чиновъ убитыхъ, 1-го штабъ, 4-хъ оберъ-офицеровъ *) и 49-ть нижнихъ чиновъ раненыхъ и 8-мь контуженныхъ.

Послѣ короткаго привала на полянѣ у берега Яманъ-су, отрядъ спокойно двинулся далѣе одною походною колонною, переправился на правый берегъ рѣки и сталъ на ночлегъ у с. Ярыкъ-су-Аухъ. На другой день, 15-го мая, войска возвратились въ свой лагерь подѣ Везанной.

Злополучный Ташовъ-хаджи бѣжалъ въ Беной. Вслѣдъ

*) Углицкаго егерскаго полка майоръ Словескій, генеральнаго штаба штабъ-капитанъ Шульцъ, кабардинскаго полка поручикъ Кононовъ, прапорщикъ Ставицкій и кавказскаго линейнаго № 6-го баталіона прапорщикъ Боборыкинъ.

за нимъ туда же прибылъ—хотя правда уже поздно—андійскій кадій Галбаць, съ партією, на поддержку наибу. Два шамильскихъ вождя не замедлили поссориться; между прочимъ, Галбаць упрекалъ Таповъ-хаджи въ трусости, а послѣдній всю вину съ своей головы сваливалъ на ичкеринцевъ, якобы относившихся съ преступнымъ равнодушіемъ къ общему дѣлу борьбы съ гяурами. Такъ ли было или иначе, но Галбаць увидѣлъ ясно, что въ Ичкеріи ему уже дѣлать нечего и поспѣшилъ обратно въ Анди. Послѣ испытанныхъ Таповъ-хаджи неудачъ, популярность его сильно поколебалась; многіе аулы, видя горькую судьбу сосѣдей, въ отвѣтъ на прокламацію генераль-лейтенанта Граббе (приложеніе XIV), заявили готовность покориться.

Такимъ образомъ, результатами экспедиціи и истребленія ближайшихъ къ плоскости ичкеринскихъ ауловъ—притоновъ и сборныхъ пунктовъ для горцевъ—было то, что покорныя намъ племена и самая линія могли быть—хотя на время—спокойными, а генераль-лейтенантъ Граббе могъ приступить къ дѣйствіямъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, не опасаясь уже за свой тылъ.

IX.

Планъ экспедиціи въ сѣверный Дагестанъ. Выступление чеченскаго отряда изъ Вnezанной. Дѣло у с. Буртунай. Двухдневный штурмъ и взятіе Аргуани. Занятіе сс. Чирката и Ашильты; устройство моста черезъ Койсу при первомъ изъ нихъ. Прибытіе транспорта съ провіантомъ и боевыми запасами. Первая рекогносцировка оплота Шамиля и первая его вылазка. Начало блокады и осады Ахульго.

Для нанесенія рѣшительнаго удара Шамилю разгромомъ оплота его—Ахульго—можно было двигаться или изъ Темиръ-Ханъ-Шуры черезъ Аварію и Койсубу, или изъ Вnezанной черезъ Салатау и Гумбетъ. Первый путь былъ самый короткій и легкій: изъ Шуры было вполнѣ надежное сообщеніе съ Аварією черезъ Бурундукъ-кале и Зыряны. Отъ Цатаныха отдѣлялась вправо хорошая дорога на гору Бетль, у подножія которой лежало Ахульго. Со стороны же Вnezанной идти приходилось гораздо дальше *), съ большими затрудненіями, и по землямъ непокорныхъ племень. До селенія Инчхе шли двѣ дороги: черезъ хребетъ Гебекъ-кала и берегомъ Сулака, черезъ мятлинскую переправу. Далѣе предстояло перевалить черезъ лѣсистыя хубарскія высоты, представлявшія всѣ удобства для упорной обороны, и, по плоскости Дюзътау, мимо с. Гертме, достигнуть горы Соукъ-Булахъ. Затѣмъ, по каменистымъ, безлѣснымъ и обрывистымъ горамъ, добравшись до переправы черезъ андійское Койсу у Чирката, надо было еще подняться на отвѣсныя скалы лѣваго берега къ Ашилтъ. Не смотря однако на все это, послѣднее направленіе и было избрано генераломъ Граббе для движенія, на томъ основаніи, что прежде взятія Ахульго, необходимо было приготовить ударъ, разгромивъ горцевъ вездѣ, гдѣ только случится ихъ встрѣтить, поколебать обаяніе силы и

*) Около 80-ти верстѣ.

увѣренность въ непобѣдимости Шамиля и, такимъ образомъ, лишить его содѣйствія обществъ лѣвой стороны андійскаго Койсу. Помимо всего этого, пораженіе непріятеля именно въ Салатау и Гумбетѣ должно было имѣть непосредственными результатами обезпеченіе спокойствія на линіи, у кумыковъ и въ шамхальствѣ.

21-го мая генераль-лейтенантъ Граббе выступилъ изъ Вnezапной для операцій противъ Шамиля *). Войска двинулись прямо черезъ хребетъ Гебекъ-кала, направивъ обозъ черезъ Міатлы. Тою же кружною дорогою должны были прибыть въ отрядъ и три баталіона апшеронцевъ, при 4-хъ орудіяхъ, изъ шамхальства. Четвертый баталіонъ оставался въ сѣверномъ Дагестанѣ для снабженія всѣмъ необходимымъ Хунзаха, а впослѣдствіи доставленія запасовъ на гору Бетль, такъ какъ въ экспедиціонныхъ войскахъ провіанта имѣлось лишь на время слѣдованія по Салатау и Гумбету, съ переправою же черезъ андійское Койсу необходимо было базироваться черезъ Зыряны на Шуру.

О непріятелѣ генераль Граббе не имѣлъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній: по словамъ лазутчиковъ, гора Буюнъ-Башъ (не далѣе 6-ти верстъ отъ Вnezапной, на границѣ Салатау) была занята горскимъ пикетомъ. Шамиль продолжалъ волновать салатавцевъ, но малоуспѣшно, такъ какъ одинъ только Бургунай открыто призывалъ къ себѣ имама, остальные же селенія колебались, боясь русскихъ, и готовились разбѣжаться при нашемъ приближеніи. Генераль Граббе, узнавъ объ опасеніяхъ горцевъ, отправилъ къ нимъ двѣ прокламаціи (приложеніе XV), которыя подѣйствовали весьма благопріятно на большую часть селеній Салатау, успокоивъ ихъ

*) Въ составъ отряда входили 2 баталіона кабардинскаго, 4 баталіона куринскаго полковъ, двѣ сотни конныхъ, три—пѣшихъ казаковъ, двѣ сотни горской милиціи, конвойная команда и саперная рота, при 8-ми пѣшихъ и 4-хъ конныхъ орудіяхъ.

насчетъ нашихъ намѣреній и дѣйствій при предстоящемъ движеніи.

Оставивъ Внезапную, чеченскій отрядъ безпрепятственно перевалилъ по узкой лѣсной тропѣ черезъ хребетъ, отдѣляющій Салатау отъ земли кумыковъ, и, спустившись въ долину р. Тала-су, расположился лагеремъ между сс. Инчхе и Костала. Здѣсь присоединилась колонна съ обозомъ, отправленная изъ крѣпости еще наканунѣ, а на другой день прибыли два баталіона ашшеронцевъ, съ 4-мя орудіями. 3-й баталіонъ этого полка не могъ выступить изъ Шуры ранѣе 23-го, такъ какъ находился въ Ирганаѣ въ то время (20-го мая), когда генераль Пантелѣевъ получилъ приказаніе о высылкѣ ашшеронцевъ къ чеченскому отряду. Такимъ образомъ, къ вечеру 22-го мая, у Инчхе сосредоточились 8-мь баталіоновъ пѣхоты, рота саперъ, двѣ сотни конныхъ, четыре—пѣшихъ казаковъ и двѣ сотни горской милиціи, при 17-ти орудіяхъ, всего 6616 штыковъ и шашекъ.

Благодаря лѣсистымъ высотамъ, окружавшимъ нашъ лагерь, ночью горцы подползли къ нашей охранительной цѣпи и завязали съ нею перестрѣлку, впрочемъ не причинившую намъ особеннаго вреда: изъ строя выбыли одинъ убитый и три раненыхъ рядовыхъ.

23-го числа, недождавшись 3-го ашшеронскаго баталіона, отрядъ двинулся далѣе, но, по затруднительности подъема на хубарскія высоты, успѣлъ пройти не болѣе 5-ти верстъ. Непрiятель не показывался, не смотря на всѣ выгоды мѣстности для обороны. Войска стали бивакомъ на возвышенномъ плато Дюзъ-тау, за Хубаромъ. Разбѣжавшіеся были жители аула, увидѣвъ, что дома ихъ остаются цѣлыми, начали мало по малу собираться и клялись, что не поднимутъ противъ насъ оружія. Однакожь, отъ нихъ трудно было добиться какихъ нибудь положительныхъ свѣдѣній о Шамилѣ. Говорили, напр., что онъ лично въ Чиркатѣ, а на помощь буртунаевцамъ вы-

сласть лишь небольшую партію, то же самое подтвердилъ и старшина черкеевскій, Джамаль, пріѣхавшій къ генералу Граббе.

24-го мая утромъ, густой туманъ окутываль еще всѣ окрестности, какъ наши войска уже двинулись на Гертме. Въ авангардѣ шла вся кавалерія, поддержанная баталіономъ куринцевъ и ротою саперъ, при 4-хъ орудіяхъ. Дорога пролегла по открытой плоскости, между лѣсистой балкой съ одной (лѣвой) стороны и недоступнымъ теренгульскимъ оврагомъ съ другой: затѣмъ, черезъ оврагъ, по необыкновенно крутымъ спуску и подъему вела въ с. Буртунай. Повернувъ направо, наши передовые казачьи разъѣзды замѣтили нѣсколько горцевъ и увязались за ними, надѣясь захватить въ плѣнъ, но были внезапно встрѣчены огнемъ. Густой туманъ не позволилъ рассмотреть численности непріятеля, а пока подошелъ куринскій баталіонъ, отъ горцевъ и слѣдъ простылъ. Но вскорѣ, когда туманъ разсѣялся, глазамъ нашего авангарда представились толпы пѣшихъ и конныхъ, со множествомъ бѣлыхъ значковъ, усѣивавшія всю плоскость за Теренгуломъ. Самый оврагъ также былъ занятъ, такъ какъ изъ него то здѣсь, то тамъ трещали выстрѣлы. Оказалось, что самъ Шамиль, съ партіею до 4-хъ тысячъ гумбетовцевъ, андійцевъ, чамалалцевъ, богулялцевъ и каратинцевъ, занялъ фланговую позицію, съ цѣлью ударить намъ въ тылъ, еслибы мы продолжали движеніе прямо на Соукъ-Булахъ.

Взвѣсивъ всѣ шансы и принявъ въ соображеніе всю важность моральнаго эффекта, еслибы удалось разбить огромное скопище, руководимое лично Шамилемъ, Граббе, не смотря на вѣроятную не малую убыль при атакѣ такой крѣпкой позиціи, рѣшилъ штурмовать ее безотлагательно съ фронта, оставивъ для прикрытія вагенбурга 1-й и 3-й баталіоны куринцевъ и 3-й баталіонъ апшеронцевъ, при 5-ти орудіяхъ.

Артилерія снялась съ передковъ надъ самымъ обрывомъ

и открыла огонь; съ первыми же выстрѣлами ея, двинулся влѣво, частью въ охватъ, генераль-лейтенантъ Галафѣевъ съ четвертыми баталіонами куринцевъ и апшеронцевъ, при взводѣ горныхъ орудій. Завязалась жаркая перестрѣлка, и, не смотря на всю трудность спуска и подъема, лѣвая колонна, шагъ за шагомъ, неудержимо подавалась впередъ, штыками выбивая непріятели. Видя, что у Галафѣева дѣла идутъ успѣшно, Граббе направилъ въ охватъ справа, лѣвѣе дороги къ Буртунаю, 2-й баталіонъ куринцевъ, съ ихъ полковымъ командиромъ полковникомъ Пулло. Наконецъ двинулся вверхъ по извилистой тропинкѣ и полковникъ Лабынцевъ съ двумя баталіонами кабардинцевъ, тащившихъ на рукахъ два горныхъ орудія. Моментъ для атаки съ фронта былъ выбранъ очень удачно: замѣтивъ обходныя колонны, горцы разомъ прекратили перестрѣлку и поспѣшно отступили, чтобы не быть захваченными въ оврагѣ. Между тѣмъ, кабардинцы съ большимъ трудомъ взобрались на другой берегъ пропасти и велѣдъ затѣмъ подняли и горный взводъ, тотчасъ ударившій картечью въ густыя толпы горцевъ. Онѣ заколебались, закружились намѣстѣ и велѣдъ затѣмъ бросились къ Буртунаю, противъ своего обыкновенія даже бросая тѣла убитыхъ.

Желая довершить пораженіе непріятели, генераль-лейтенантъ Граббе, не ожидая перехода черезъ оврагъ всего отряда, двинулся велѣдъ за отступавшими съ 3½ баталіонами пѣхоты, собственнымъ конвоемъ и двумя горными орудіями, но горцевъ нельзя было уже настичь: они поспѣшили разсѣяться по ближайшимъ балкамъ, не думая удерживать за собою Буртунай, представлявшій всѣ средства къ упорной оборонѣ. Селеніе, оказавшееся пустымъ, было занято и къ вечеру зажжено. Между тѣмъ подошли и остальные войска и расположились вокругъ аула. Шамиль направился въ Чиркатъ.

Мы потеряли въ этомъ бою 4-хъ убитыхъ и 35-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ; непріятель понесъ огромный уронъ

отъ дѣйствія картечи; въ числѣ убитыхъ находились преданнѣйшіе мюриды Шамиля, главный же его сообщникъ, Сурхайкадій, былъ раненъ.

Во время дѣла прибылъ черезъ мѣтлинскую переправу третій баталіонъ апшеронскаго полка, доведя численность отряда до 8000 человекъ.

25-го и 26-го мая отрядъ двигался къ горѣ Соукъ-Булахъ двумя колоннами: генераль Пантелѣевъ, со всѣми тяжестями, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ и 5-ти орудій, шелъ по прямой дорогѣ, лѣвѣе оврага Теренгуль, а остальные войска—по другой сторонѣ.

17-ть верстъ подъема по голымъ каменистымъ утесамъ едва проходимою тропинкою, которую съ огромными усиліями приходилось разрабатывать чуть не на каждомъ шагѣ, не перестававшій дождь, недостатокъ въ водѣ и топливѣ, по мѣрѣ подъема усиливавшійся холодъ, гололедица въ маѣ мѣсяцѣ и, наконецъ, снѣгъ на вершинѣ Соукъ-Булаха—вотъ тѣ невзгоды, съ которыми пришлось бороться нашимъ молодецкимъ войскамъ на этомъ двухдневномъ переходѣ. Люди измучились вконецъ, но не потеряли бодрости и были готовы къ новымъ, еще болѣе тяжкимъ испытаніямъ. Взобравшись на вершину Соукъ-Булаха, отрядъ долженъ былъ оставаться двое сутокъ въ снѣгу, пока шла разработка кыркскаго спуска порохомъ и киркою. 27-го числа могла уже спуститься къ подошвѣ часть пѣхоты, а на другой день—за ней послѣдовала артилерія и часть тяжестей и, такимъ образомъ, мы вступили въ Гумбетъ.

Отрядъ расположился на небольшой площадкѣ—одномъ изъ уступовъ южнаго склона хребта; вправо открывалась долина съ дорогою въ Мехельту и Анди; передъ фронтомъ нашего лагеря лежала крутая и глубокая балка, влѣво суживающаяся.

Дальнѣйшій путь, предстоявшій намъ до андійскаго Кой-

су черезъ с. Аргуани, пролегалъ по краю балки, а затѣмъ у подошвы почти отвѣснаго хребта, пересѣкающаго Гумбетъ, между сс. Мехельта и Аргуани. Вершина хребта была занята горцами, готовившимися забросать дорогу огромными камнями. Мѣстность извѣстна была намъ только по распросамъ. Такъ какъ получено было свѣдѣніе, что насъ на маршѣ ожидаютъ большія затрудненія, и что Аргуани сильно укрѣпленъ и занять Шамилемъ, съ огромною партіею, то рѣшено было выступить далѣе налегкѣ, оставивъ тяжести у спуска Кыркъ, подъ прикрытіемъ 3-го баталіона апшеронскаго полка, при 5-ти орудіяхъ, подъ командою маіора Тарасевича. Для большаго обезпеченія вагенбурга, онъ былъ прикрытъ временнымъ укрѣпленіемъ, названнымъ Удачнымъ.

Генераль Граббе не трогался съ мѣста до 29-го мая. За это время продолжалась разработка спуска и дальнѣйшей дороги; былъ отправленъ летучій отрядъ для истребленія сел. Артлухъ и доставленія оттуда дровъ; 28-го и частью 29-го чиселъ спустился съ Соукъ-Булаха обозъ и помѣстился въ несовсѣмъ еще оконченномъ укрѣпленіи.

29-го, послѣ полудня, отрядъ двинулся къ с. Данухъ, выславъ впередъ авангардъ изъ саперной роты и одного баталіона для разработки дороги. Для обезпеченія себя справа, отъ горцевъ занявшихъ гребень хребта, Граббе приказалъ выставить впереди оставленнаго нами бивака 5-ти-орудійную батарею. Не смотря на большой уголь возвышенія, нѣсколько удачныхъ гранатъ разогнали непріятеля и колонна спокойно прошла по самымъ опаснымъ мѣстамъ. Влѣво былъ высланъ баталіонъ, слѣдовавшій балкою, по едва проходимой тропинкѣ. Не встрѣтивъ сопротивленія, голова отряда достигла перевала черезъ гору Шугу-Мееръ, въ 6-ти верстахъ отъ Соукъ-Булаха. Селеніе Данухъ, брошенное жителями, тотчасъ было занято двумя баталіонами, при взводѣ орудій, для снабженія войскъ дровами и даже водою. Только съ наступленіемъ совершенной

темноты подтянулся хвостъ колонны: до того узка и затруднительна была дорога. Ночью же едва успѣвшіе вздохнуть саперы и команды рабочихъ были высланы впередъ для разработки спуска съ горы Шугу-Мееръ и дальнѣйшаго пути къ Аргуани. Работы эти были окончены къ полудню 30-го числа и тогда весь отрядъ двинулся одною колонною къ Аргуани. Нужно было пройти всего 6-ть верстъ, но дорога была въ такомъ дурномъ состояніи отъ шедшаго нѣсколько дней проливнаго дождя, что войска достигли селенія не ранѣе 4-хъ часовъ пополудни.

Здѣсь, полагаясь на неприступность селенія, которое нельзя было обойти, Шамиль, какъ въ послѣдствіи оказалось, сосредоточилъ до 16,000 человѣкъ изъ племенъ обитавшихъ между рр. аварскимъ Койсу, Сулакомъ и Аргуномъ. Часть скопища занимала селеніе, остальные же, по преимуществу андійцы, усѣивали горы къ сторонѣ с. Мехельта. Еслибы всѣ наши усилія разбились объ укрѣпленное селеніе, защищаемое отчаянными мюридами, то отрядъ очутился бы въ критическомъ положеніи, имѣя въ тылу дефиле. Такимъ образомъ, удачный штурмъ Аргуани составлялъ условіе *sine qua non* успѣха всей экспедиціи.

Свѣдѣнія о непріятельскихъ намѣреніяхъ и о мѣстоположеніи селенія были весьма неопредѣленны. Со стороны Дануха послѣднее казалось совершенно неприступнымъ, вслѣдствіе расположенія своего на краю почти отвѣсной скалы; въ селеніе вела только одна тропинка, высѣченная въ скалѣ зигзагами. Прочныя каменные сакли были раскинуты амфитеатромъ, представляя всѣ удобства для упорной обороны многояруснымъ огнемъ. Наружную ограду составлялъ сплошной рядъ сакль, съ плоскими крышами, бойницами и башнями. Все это предвѣщало, что если штурмъ и окончится благополучно, то успѣхъ будетъ купленъ цѣною массы русской крови;—но, какъ мы видѣли выше, на-

чальнику отряда не приходилось выбирать, а тѣмъ болѣе колебаться.

Окинувъ взоромъ мѣстность, генераль-лейтенантъ Граббе отдѣлалъ все распоряженія для штурма селенія. 8-мь орудій и команда съ конгревовыми ракетами стали на возвышенной площадкѣ, на ружейный выстрѣлъ отъ аула, за складкою мѣстности, подъ прикрытіемъ баталіона куринцевъ и спѣшенныхъ казаковъ. Истинная атака была направлена на оба непріятельскіе фланга, для чего вправо, со стороны Мехельты, были посланы два баталіона кабардинцевъ, съ горскою милиціею, при двухъ орудіяхъ, подъ командою полковника Лабынцева, влѣво же—3-й и 4-й баталіоны куринскаго полка, съ полковникомъ Пулло. Для связи между главными силами и правою колонною, которой предстоялъ кружный обходъ, вправо былъ выдвинутъ 4-й баталіонъ апшеронскаго полка. И Лабынцеву и Пулло пришлось самимъ отыскивать тропинки по крутымъ горамъ и оврагамъ. Для демонстраціи съ фронта, по дорогѣ отъ с. Данухъ (съ сѣвера) былъ двинутъ первый баталіонъ апшеронскаго полка, подъ начальствомъ генераль-маіора Пантелѣева. Обозъ, подъ прикрытіемъ одного куринскаго баталіона и двухъ орудій, былъ оставленъ на дорогѣ, вѣ сфѣры огня изъ селенія Аргуани, и стянутъ въ вагенбургъ.

Въ 5-ть часовъ вечера загремѣли наши орудія, но не могли нанести особаго вреда непріятелю, укрытому за толстыми стѣнами и утесами: онъ засыпалъ пулями 1-й апшеронскій баталіонъ, приблизившійся къ селенію. Между тѣмъ, 4-й баталіонъ того же полка успѣлъ достигнуть узкаго гребня, отдѣляющагося отъ горнаго хребта со стороны Мехельты и примыкающаго къ аулу и смѣло двинулся впередъ, справа рядами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула гребень оказался перерѣзаннымъ глубокимъ рвомъ, впереди котораго была возведена круглая, низкая башня съ бойницами. Не смотря на трудность подступовъ и убійственный огонь горцевъ, апшеронцы бросились въ

штыки и такъ быстро ворвались въ башню, что гарнизонъ ея частью былъ переколотъ намѣстѣ, частью же, при бѣгствѣ, въ рву. Занявъ укрѣпленіе, баталіонъ, не имѣя свѣдѣній о томъ, что происходило по сторонамъ, не рѣшился двигаться далѣе безъ особаго приказанія.

Между тѣмъ боковыя колонны все еще тянулись длинными лентами по крутымъ горамъ, съ большимъ трудомъ втаскивая на людяхъ орудія. Полковникъ Пулло, спустившись съ высотъ, вышелъ на дорогу изъ Чирката и двинулся было по ней къ Аргуани. Но далѣе приходилось наступать по крутому подъему, подъ перекрестнымъ огнемъ съ выдающихся подобно бастионамъ частей аула. Атака съ этой стороны оказывалась невозможною. Колонна полковника Лабынцева также спустилась наконецъ на мехельтинскую дорогу. Расположивъ одинъ баталіонъ, въ ротныхъ колоннахъ, въ видѣ заслона противъ горцевъ, занимавшихъ высоты со стороны Мехельты, Лабынцевъ, съ другимъ баталіономъ, двинулся на западный исходящій уголь селенія, оказавшійся, относительно, удободоступнымъ, но съ такою горстью людей не могъ и думать о штурмѣ многолюднаго аула, особенно передъ вечеромъ, въ пасмурную, дождливую погоду.

Наступившая ночь заключила первый, подготовительный періодъ боя. Войска пока остались на своихъ мѣстахъ, въ полной готовности ко всякимъ случайностямъ, а между тѣмъ въ отрядномъ штабѣ кипѣла работа: на основаніи прибывавшихъ донесеній о дѣйствіяхъ колоннъ, генераль-лейтенантъ Граббе составилъ новую диспозицію, соображенную съ мѣстностью, для доведенія до конца начатаго дѣла. Главный ударъ готовился съ праваго фланга, для чего полковнику Лабынцеву посылались 1-й и 2-й баталіоны куринскаго полка, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ. 1-й баталіонъ кабардинцевъ долженъ былъ попрежнему оставаться фронтомъ къ Мехельтѣ. 4-й аншеронскій и 4-й куринскій баталіоны, порученные пол-

ковнику Пулло, при содѣйствіи огня двухъ горныхъ орудій должны были наступать вдоль по гребню, отъ укрѣпленія взятаго апшеронцами. На лѣвомъ флангѣ нашего боеваго расположенія оставленъ былъ одинъ 3-й баталіонъ куринскаго полка, для привлеченія на себя вниманія непріятели, а при удачномъ исходѣ штурма—прегражденія горцамъ пути отступленія на Чиркатъ. Съ этою же послѣднею цѣлью были направлены правѣ колонны Лабынцева конные казаки и горская милиція, подъ командою маіора Власова. Не смотря на полную необходимость отдыха передъ предстоявшимъ тяжелымъ штурмомъ сильнаго по природѣ, искусственно укрѣпленнаго и хорошо обороняемаго селенія, войскамъ не пришлось сомкнуть глазъ во всю ночь. Нѣкоторымъ частямъ приходилось перемѣститься на пункты, указанные новою диспозиціею, да и горцы не переставали насъ тревожить. Андійцы нѣсколько разъ спускались съ горъ и бросались въ шашки на цѣпь 1-го кабардинскаго баталіона, но эти попытки разбились о наши штыки. Мало того, показались партіи по дорогѣ изъ Дануха, и въ тылу отряда, въ вагенбургѣ, завязалась перестрѣлка. Томительно было для всѣхъ ожиданіе разсвѣта.

Едва занялась заря, какъ артилерія начала бомбардировать селеніе. Эта артилерійская подготовка не была продолжительною: войска рвались въ бой и, по данному сигналу, быстро двинулись на приступъ.

Въ правой колоннѣ, 2-ые кабардинскій и куринскій баталіоны бѣгомъ спустились въ балку и, подъ жестокимъ огнемъ изъ всѣхъ сакль, начали взбираться въ селеніе. Въ то же время 1-й баталіонъ куринскаго полка былъ направленъ, по лѣвой сторонѣ ручья, на передовые завалы, изъ которыхъ горцы анфилировали штурмовыя колонны. Завалы были заняты отчаянными шоридами, готовившимися дорого продать свои головы. Убійственнымъ огнемъ была встрѣчена колонна и линію заваловъ и селеніе заволокло дымомъ; наши ряды рѣдѣли, но,

тѣмъ не менѣе, закаленные въ дѣлахъ баталіоны грозно, неудержимо двигались впередъ. Видя, что огонь насъ не останавливаетъ, горцы произвели контръ-атаку. Съ пашками наголо и съ кинжалами въ зубахъ они врвались въ средину нашего строя и гибли на штыкахъ. Отбросивъ мориловъ, кабардинцы и куринцы по пятамъ ихъ ворвались въ аулъ, не смотря на отчаянную оборону, и заняли передніе ряды сакль. Почти одновременно, съ другой стороны проникла колонна Пулло. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній, но торжествовать побѣду было еще рано: насъ ожидали всеѣ ужасы упорнаго боя внутри селенія, на улицахъ и за обладаніе каждою саклею, такъ какъ гарнизонъ рѣшился защищаться до послѣдней капли крови. Солдаты бросились по домамъ и началась кровавая драма, не поддающаяся никакому описанію.

Не смотря на то, что къ 9-ти часамъ утра въ нашей власти было уже болѣе половины аула и даже плоскія крыши тѣхъ сакль, въ которыхъ защищались морицы,—еще цѣлый день, до самой ночи, продолжалась рѣзня. Наконецъ, для того, чтобы очистить дома, начали пробивать отверстія въ крышахъ и бросать внутрь горючія вещества, ручныя гранаты и зажигать балки. Въ особенности много хлопотъ было съ башнею, въ нѣсколько этажей, на восточной окраинѣ селенія. Принуждены были втащить на крыши ближайшихъ домовъ два горныхъ и два казачьихъ орудія для пробитія бреши; но и послѣ этого горцы продолжали отчаянно обороняться, ночью же, не смотря на строгую блокаду аула, бѣжали. Немногимъ изъ нихъ удалось спастись: одни были положены на мѣстѣ пулями и штыками нашей передовой цѣпи, другіе, въ темнотѣ, сорвались съ кручи въ пропасть. Гарнизонъ селенія почти весь былъ уничтоженъ, незначительная часть его бѣжала и только 15-ть человекъ сдались въ плѣнъ.

Къ разсвѣту 1-го іюня все было кончено и начальникъ отряда вѣзжалъ въ дымящійся и залитый кровью Аргуани.

Двухдневный блистательный бой, какъ и слѣдовало ожидать, не могъ обойтись дешево: изъ строя выбыло — убитыми 6-ть штабъ и оберъ-офицеровъ *) и 134 нижнихъ чина, ранеными 1 генераль, 23 штабъ и оберъ-офицера **) и 471 нижній чинъ, 5-ть контуженныхъ оберъ-офицеровъ ***) и 6-ть безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ.

Неприятель понесъ огромную потерю, около 2,000 человекъ, какъ оказалось впоследствии. Въ нашихъ рукахъ осталось до 500 тѣлъ; масса труповъ лежала въ балкѣ, гдѣ наскочила на бѣгущихъ наша кавалерія. Особенно сильно потерпѣли богуляццы и кядалалццы, выказавшіе въ бою не мало доблести; напротивъ, андійцы, остававшіеся все время лишь зрителями боя и скрывшіеся тотчасъ какъ обнаружались его результаты, — отдѣлались незначительнымъ урономъ.

Взятіе Аргуани открыло намъ свободный путь къ Ахульго, гдѣ заперся Шамиль съ лучшими мюридами, но отрядъ принужденъ былъ еще четыре дня оставаться на мѣстѣ, до

*) Кавказскаго сапернаго баталіона подпоручикъ баронъ Гейсмаръ, кабардинскаго полка капитанъ Балашиъ, прапорщикъ Зеленскій, куринскаго полка подполковникъ Яковенко, поручикъ Склебинскій и прикомандированный къ этому полку орденскаго кирасирскаго полка поручикъ Турбинъ.

**) Командиръ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ Пантелѣевъ, ашицерскаго полка штабъ-капитанъ Левашовъ, поручики Таустъ и Лукевичъ, прикомандированные къ полку — навагинскаго полка подполковникъ Быковъ и оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона поручикъ Кильгинъ; кабардинскаго полка поручикъ Афанасьевъ, прапорщики баронъ Франкъ, Ставицкій, Казначеевъ, куринскаго — маіоръ Новицкій, капитаны Пулло 2-й, Толмачевъ, подпоручики Сорнеръ 2-й, Бердяевъ, прапорщики Поповъ 1-й, Гоубвальдъ, прикомандированные къ полку — л.-гв. конно-гренадерскаго полка поручикъ Масловъ, новоархангельскаго уланскаго полка поручикъ Коробчевскій, прикомандированный къ моздокскому казачьему полку состоящій по кавалеріи ротмистръ Зоммеръ, адъютантъ командующаго войсками штабъ-капитанъ Викторовъ, адъютантъ министра финансовъ штабъ-ротмистръ Минквицъ, генеральнаго штаба штабъ-капитаны баронъ Вревскій и Эдельгеймъ.

***) Кабардинскаго полка поручики Козинцевъ, Переслегинъ, подпоручикъ Щербаковъ, прикомандированные къ куринскому полку дѣлпровскаго пѣхотнаго — поручикъ Звягинцевъ и бутырскаго — поручикъ Красовичъ.

возвращенія колонны *), посланной въ укр. Удачное съ больными и ранеными. Все это время войска занимались уборкою тѣлъ, уже разлагавшихся и заражавшихъ воздухъ, и разрушеніемъ селенія, состоявшаго болѣе чѣмъ изъ 500 сакль, съ толстыми каменными стѣнами, и огромныхъ заваловъ. Къ вечеру 3-го іюня едва успѣли сжечь деревянныя части домовъ, кой-гдѣ разрушить каменную кладку и расчистить узкій проходъ для отряда между развалинами.

За блистательный штурмъ Аргуани генераль Граббе былъ назначенъ генераль-адъютантомъ, генераль-маіоръ Галафѣевъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а Лабынцевъ и Пулло— въ генераль-маіоры.

4-го іюня отрядъ выступилъ къ Чиркату; движеніе было крайне медленно, такъ какъ на каждомъ шагѣ приходилось разрабатывать дорогу или же прокладывать ее вновь; верстахъ въ 7-ми отъ Чирката пришлось и совсѣмъ остановиться для исправленія крутого и мѣстами обрывистаго спуска къ андійскому Койсу, для провоза артилеріи и тяжестей. Во всякомъ случаѣ, желая воспользоваться впечатлѣніемъ произведеннымъ на окрестныхъ жителей аргуанскимъ боемъ, генераль Граббе послалъ 5-го числа для занятія Чирката полковника Лабынцева, съ летучею колонною изъ двухъ баталіоновъ кабардинцевъ и конныхъ казаковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ. Лишь только было замѣчено это движеніе, какъ жители поспѣшно перебрались на правый берегъ рѣки и зажгли за собою мостъ. Ауль былъ занятъ почти безъ выстрѣла. Въ тотъ же день пѣхота и горная артилерія главныхъ силъ спустились на площадку, на половинѣ спуска къ Койсу, а 6-го числа къ нимъ присоединились легкія орудія и тяжести. Вечеромъ, на отдаленной вершинѣ, за Койсу, взвилась ракета:

*) Изъ 1-го баталіона ашкеронскаго и 2-го—курунскаго полковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою подполковника Цыклаурова.

этимъ сигналомъ генералу Граббе сообщалось о появленіи на Арактау милиціи Ахметъ-хана мехтулинскаго, которому предписано было овладѣть мостомъ у Ихали и нѣсколькими сотнями дѣйствовать къ Ашилтъ. Къ послѣднему же пункту долженъ быть возможно скорѣе двигаться и шамхаль тарковскій, съ цѣлью, между прочимъ, обезпечить транспортъ съ боевыми и продовольственными запасами, шедшій изъ Шуры съ конвоемъ изъ 2-го баталіона апшеронскаго полка, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Попова. Открыть новое сообщеніе черезъ Зыряны съ Шурою для насъ было вполне необходимо, такъ какъ пути къ укр. Удачному и кр. Внезапной были заняты непріятельскими партіями, перехватившими двѣ наши почты, и отрядъ уже началъ терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Поэтому, 7-го іюня, когда все войска стянулись къ Чиркату и расположились въ садахъ, вокругъ селенія, тотчасъ были приняты все мѣры къ возстановленію переправы; матеріалы для моста начали заготовлять еще наканунѣ. Въ то же время генераль Граббе старался всеми способами войти въ сношеніе съ полковникомъ Поповымъ, ханомъ мехтулинскимъ и шамхаломъ тарковскимъ, посылая одного нарочнаго за другимъ. Попову и шамхалу предписывалось скорѣе спустить транспортъ съ горы Бетль къ Ашилтъ и содѣйствовать устройству перехода черезъ рѣку, Ахметъ-хану же—овладѣть ихалинскою переправою, весьма удобною для устройства моста, чтобы, въ случаѣ нужды, хотя ею воспользоваться. Но Поповъ многихъ приказаній не получилъ, а шамхаль и ханъ не рѣшались безъ поддержки войскъ приблизиться къ грозному Ахульго.

На другой день, въ виду изложеннаго и того, что постройка моста влѣдствіе мѣстныхъ условій *) не могла быть

*) У Чирката рѣка имѣетъ до 20-ти сажень ширины, значительную глубину и необыкновенную быстроту теченія. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще каменистый грунтъ дна, не позволяющій вбивать сваи.

произведена съ необходимою быстротою, генераль Граббе— для связи съ Ахметъ-ханомъ—составилъ летучій отрядъ *), подъ командою флигель-адъютанта полковника Катенина, которому предписалъ двинуться вверхъ по лѣвому берегу Койсу, захватить остатки разрушеннаго сагрытлохскаго моста, постараться скорѣе соединиться съ мехтулинскою милиціею и двинуться обратно внизъ по высотамъ праваго берега рѣки, на Ашильту, для облегченія возведенія чиркатскаго моста занятіемъ противоположнаго берега и разработки дороги отъ этого мѣста къ Ашильтѣ.

Катенинъ двинулся по узкой, едва проходимои тропинкѣ, подъ выстрѣлами съ другаго берега, преодолевая чрезвычайныя трудности: разобранныя орудія тащили на рукахъ, кавалерія принуждена была спѣшиться. Тѣмъ не менѣе, къ 3-мъ часамъ пополудни колонна достигла Сагрытло, въ полчаса возстановила переправу бревнами и балками изъ ближайшихъ сакль и расположилась бивакомъ на ночлегъ по обоимъ берегамъ.

9-го іюня, съ разсвѣтомъ, войска вытянулись на высоты праваго нагорнаго берега, но едва успѣли отойти нѣсколько отъ переправы, какъ вдругъ показались горцы, до сихъ поръ притаившіеся въ окрестныхъ ущельяхъ и, охвативъ колонну съ фланговъ и тыла, завязали перестрѣлку, укрываясь за кустами и утесами вдоль дороги. Не обративъ на это вниманія, флигель-адъютантъ Катенинъ спѣшилъ къ Ашильтѣ и, обстрѣлявъ ее картечью, обратилъ въ бѣгство довольно большую партію и занялъ селеніе съ потерей одного убитаго, 3-хъ раненыхъ и одного утонувшаго нижнихъ чиновъ. Вскорѣ прибыли туда же шамхаль и Ахметъ-ханъ съ милиціею. Такимъ образомъ мы уже владѣли обоими берегами андійскаго Койсу. Катенинъ тотчасъ приступилъ къ разработкѣ дороги къ мосту.

*) Изъ 1-го и 3-го баталіоновъ куринскаго полка и всей кавалеріи, при двухъ горныхъ орудіяхъ.

10-го іюня, къ общей радости голоднаго отряда, къ переправѣ было доставлено нѣсколько выюковъ провіанта; такъ какъ мостъ не былъ еще готовъ, то бѣли были перетянуты черезъ рѣку на канатахъ.

Въ тотъ же день была произведена рекогносцировка Ахульго, по лѣвому берегу Койсу, двумя баталіонами, при четырехъ орудіяхъ, и получено первое понятіе объ этомъ грозномъ оплотѣ Шамиля. Замѣтивъ, что мы рекогносцируемъ замокъ, имамъ рѣшилъ и самъ поближе разсмотрѣть наше расположеніе: онъ сдѣлалъ вылазку, атаковалъ мехтулинскую милицію и успѣлъ уже выгнать ее изъ ашильтинскихъ садовъ, какъ полковникъ Катенинъ послалъ на выручку Ахметъ-хану три роты пѣхоты, заставившихъ непріятеля убраться во свояси.

Къ вечеру 11-го іюня, наконецъ былъ готовъ обыкновенный „кавказскій“ мостъ, безъ промежуточныхъ устоевъ, типа обыкновенно употребляемаго горцами въ Дагестанѣ, при устройствѣ переправъ черезъ свои быстрыя и довольно широкія горныя рѣки. Очевидно, что опираясь лишь на оба берега, онъ не могъ быть особенно проченъ, а потому орудія приходилось перетягивать на канатахъ, людьми. На другой день отрядъ перешелъ по этому „живому“ мосту и, съ трудомъ поднявшись на нагорный берегъ, расположился въ садахъ, за разобраннымъ на дрова и мостовые матеріалы с. Ашильта. Для охраненія съ такими трудами устроенной переправы, она была прикрыта двойнымъ тетъ-де-пономъ изъ наскоро устроенныхъ заваловъ, занятымъ 1-мъ ашшеронскимъ баталіономъ, при взводѣ легкихъ орудій. На лѣвомъ берегу пока оставлены были всѣ тяжести и паркъ съ прикрытіемъ изъ 1-го и 2-го баталіоновъ кабардинскаго полка, при двухъ казачьихъ и 1-мъ горномъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Лабынцева. Впослѣдствіи, когда тяжести были переправлены на правую сторону Койсу, колонна Лабынцева располо-

жилась на высотахъ противъ замка, для обстрѣливанія его съ лѣваго берега.

Пока происходили всѣ эти передвиженія, шамхаль отъ имени начальника отряда велъ переговоры съ гимринцами, перепутанными нашимъ приближеніемъ и рѣшившимися принести покорность, хотя и не искреннюю, а вынужденную обстоятельствами. Переговоры окончились благопріятно и тотчасъ дали весьма ощутительные для насъ результаты: гимринскій мостъ былъ исправленъ и всѣ курьеры посылались черезъ Гимры.

Итакъ, чеченскій отрядъ подступилъ наконецъ къ цѣли экспедиціи—послѣдному убѣжищу Шамиля, и съ 12-го іюня началась блокада и осада Ахулыго, составляющая одну изъ блестящихъ страницъ лѣтописи нашей полувѣковой борьбы на Кавказѣ съ воинственными горскими племенами и грозною природою.

Х.

Современное состояніе Ахульго. Препятствія для полной блокады замка. Расположеніе блокирующаго отряда на правомъ берегу Койсу. Начатіе осадныхъ работъ. Происки Шамиля для возбужденія къ войнѣ окрестнаго населенія. Появленіе у насъ въ тылу скопища Ахверды-Магомы и нападеніе его на лагерь; пораженіе горцевъ у Ашильты и у сагрытлохскаго моста. Неудачная вылазка изъ Ахульго. Первый неудавшійся штурмъ сурхаевой башни; бомбардированіе и овладѣніе ею. Результаты. Перехѣщенія войскъ, заложеніе новыхъ батарей. Прибытіе подкрѣпленій изъ южнаго Дагестана. Первый неудавшійся общій штурмъ Ахульго. Наши огромныя потери.

Два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ глубокимъ ущельемъ р. Ашильты и съ трехъ сторонъ омываемыхъ Койсу съ совершенно отвѣсными каменистыми берегами—составляли такъ называемое старое и новое Ахульго. Площадки обоихъ утесовъ, суживаясь къ югу, примыкаютъ узкими перешейками къ окружающимъ горамъ. Къ югу отъ новаго Ахульго (правый, восточный утесъ) возвышалась отдѣльная остроконечная вершина, увѣнчанная башнею, названною по имени ея строителя—Сурхай-кадія—сурхаевою. Обрывистые берега Ашильты и Койсу были изрыты пещерами. Для сообщенія между утесами, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сближались другъ съ другомъ, надъ пропастью около 20-ти сажень глубины было перекинуто нѣсколько бревень; подобный же мостъ, по которому нельзя было идти безъ головокруженія, былъ переброшенъ и черезъ Койсу, противъ стараго Ахульго.

Не смотря на грозную, суровую и дикую природу, Шамиль не пренебрегъ и искусственными средствами защиты. Два узкихъ гребня, которыми оба Ахульго примыкали съ юга къ окрестнымъ горамъ, оборонялись каменными постройками, съ глубокимъ впередилежащимъ рвомъ. Въ новомъ Ахульго, за передовою башнею, было устроено даже нѣчто въ родѣ бастионнаго фронта въ миниатюрѣ: двѣ каменные сакли съ бой-

ницами, соединенныя траншею, обстрѣливали перекрестнымъ огнемъ то ограниченное пространство, на которомъ была возможна эскалада, въ случаѣ паденія сурхаевой башни. Передовыя постройки были соединены крытыми, углубленными ходами съ задними частями утесовъ, гдѣ находились жилища. На новомъ Ахульго было устроено даже цѣлое селеніе, съ бассейномъ посрединѣ, въ который вода была проведена по деревянному жолобу, переброшенному черезъ перекопъ. Впрочемъ, въ первый же день осады, осажденные сняли этотъ жолобъ и добывали воду съ большимъ рискомъ, спускаясь по ночамъ къ Койсу или р. Ашилтъ. Всѣ сакли построенныя на Ахульго были углублены въ землѣ и скрыты за изгибами мѣстности. Края и скаты утесовъ были усыяны множествомъ заваловъ и подземныхъ сакль. Постройки сурхаевой башни, состоявшія изъ нѣсколькихъ отдѣленій, были искусно маскированы огромными скалами и камнями.

Какъ видно опытъ 1837-го года не прошелъ для Шамиля безслѣдно: вмѣсто прежнихъ высокихъ башенъ—теперь явились углубленныя траншеи, и тѣ немногія каменные постройки, которыя были допущены горскимъ инженеромъ-самородкомъ, не такъ то легко было сбить артилеріею. Къ довершенію всего сама мѣстность не доставляла возможности выгоднаго расположенія сильныхъ батарей и, въ то время, когда мы могли видѣть только дула ружей и верхушки напакъ, горцы разстрѣливали насъ почти навыборъ.

Въ Ахульго съ Шамилемъ находилось около 4000 душъ обоюга пола, въ томъ числѣ около 1000 подь ружьемъ. Здѣсь были заключены заложники отъ менѣ надежныхъ покорныхъ имаму племень и вся награбленная имъ добыча. Сурхаева башня была занята сотнею самыхъ отчаянныхъ моридовъ. Шамиль считалъ свои средства недостаточными и рассчитывалъ усилиться насчетъ ближайшихъ племень, впрочемъ значительно поколебленныхъ въ приверженности къ нему аргуанскимъ разгромомъ.

Вѣроятно зная русскую пословицу: „куй желѣзо, пока горячо“, имамъ не желалъ дать ему особенно остынуть, а потому не ожидая *полной* и строгой блокады, поспѣшилъ отправить въ Богуляль—Ахверды-Магому, въ Ихали—Сурхай-кадія и въ Анди—Галбаца, напутствовавъ наибова энергическимъ заявленіемъ, что въ случаѣ неуспѣха ихъ миссиі они отвѣчаютъ ему своими головами. Подобная фраза суроваго горскаго владыки безъ всякаго сомнѣнія вызвала полное напряженіе силъ и способностей его сподручниковъ и они, какъ увидимъ далѣе, достигли цѣли.

Приблизившись къ Ахульго, начальникъ отряда предполагалъ сначала блокировать его съ обоихъ береговъ Койсу и съ этой цѣлью, оставилъ на лѣвой сторонѣ три баталіона съ 5-ю орудіями (изъ нихъ баталіонъ и взводъ орудій въ прикрытіи моста); но такъ какъ изъ 5-ти баталіоновъ, перешедшихъ рѣку, за выдѣленіемъ заслона (одинъ баталіонъ) къ сторонѣ с. Ихали, оставалось для содержанія растянутой линіи блокады только 4-ре баталіона, при 5-ти горныхъ орудіяхъ, а изолированное положеніе баталіоновъ Лабынцева, по отдаленности переправы, было даже опасно, то рѣшено было ограничиться обложеніемъ замка съ юга. На рѣшеніе это немало повліяла подробная рекогносцировка, произведенная 13-го іюня, показавшая, что о штурмѣ безъ предварительной подготовки нечего было и думать и что при блокадѣ, вслѣдствіе крайне пересѣченной мѣстности, между частями нельзя было установить взаимной поддержки на случай вылазокъ.

14-го числа всѣ тяжести были перевезены къ Ашильтѣ и всѣ войска сосредоточены на правомъ берегу Койсу. У переправы оставлены двѣ апшеронскія роты, получившія приказаніе расположившись на правой сторонѣ, въ теть-де-понѣ, снять съ моста настилку.

Расположеніе блокирующаго отряда было слѣдующее: *лѣвое крыло*—по лѣвую сторону р. Ашильты—двѣ роты 1-го

и 4-й баталіонъ апшеронскаго полка, при 4-хъ орудіяхъ, *центр*—между рр. Ашильта и Бетль, на мысѣ—1-й баталіонъ куринскаго полка, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ; на высотахъ, южнѣе сурхаевой башни—4-й куринскій баталіонъ, также съ 2-мя орудіями; *правое крыло*—на высотахъ восточнѣе сурхаевой башни—2-й куринскій баталіонъ, съ 4-мя орудіями и въ ущельи, близъ самаго Койсу—2-й апшеронскій баталіонъ *); у *переправы*—двѣ роты 1-го апшеронскаго баталіона, съ однимъ орудіемъ; *на высотахъ къ сторонѣ Ихали*, къ сѣверу отъ Ашильты—два баталіона кабардинцевъ, при 2-хъ орудіяхъ и южнѣе Ашильты, въ садахъ,—аварская и мехтулинская милиція; *на высотахъ, по обѣ стороны бетлинскаго оврага*—налѣво—транспортъ и паркъ, подъ прикрытіемъ 3-го куринскаго баталіона, направо—табунъ, подъ прикрытіемъ конныхъ казаковъ и сборной команды отъ всѣхъ частей и, наконецъ, *на высотахъ около поворота дороги къ подъему на гору Бетль*—тарковская милиція.

Съ 13-го числа начались осадныя работы и довольно скоро были устроены пять батарей: № 1-й—на гребнѣ ведущемъ къ старому Ахульго, на два орудія, для дѣйствій противъ передней части новаго Ахульго; № 2-й, — на томъ же гребнѣ, нѣсколько ниже и лѣвѣе, для обстрѣливанія стараго Ахульго изъ 2-хъ орудій; № 3-й—на высотахъ, лѣвѣе ручья Бетль, на два орудія; потомъ этотъ взводъ былъ перемѣщенъ въ батарею № 4-й, вновь возведенную на горѣ къ югу отъ сурхаевой башни, въ № 3-мъ же остался одинъ горный единорогъ; наконецъ, на высотахъ, къ востоку отъ сурхаевой башни, была устроена для 4-хъ орудій батарея № 5-й. Матеріаломъ для батарей, за недостаткомъ земли, служили туры, наполненные камнями. Гораздо серьезнѣе оказались работы по устройству ходовъ сообщеній, такъ какъ въ иныхъ мѣстахъ

*) Прибывшій изъ Темиръ-Ханъ-Шуры съ транспортomъ.

приходилось высѣкать дорогу въ скалахъ. Особенно много трудовъ и заботъ положено было на устройство безопаснаго сообщенія съ батареями №№ 1-го и 2-го; путь этотъ пришлось прикрывать турами мѣстами отъ огня съ стараго, мѣстами— съ новаго Ахульго. Къ 18-му іюня эти работы были окончены и съ лѣваго фланга поведена сапа отъ батареи № 2-й вдоль по гребню къ старому Ахульго.

Съ 9-го по 16-е іюня у насъ выбыло изъ строя: убитыми апшеронскаго полка штабсъ-капитанъ Кузовлевъ и 8-мь нижнихъ чиновъ, ранеными апшеронскаго полка поручикъ Хорошиловъ, кабардинскаго—прапорщикъ Раевскій и 28-мь нижнихъ чиновъ.

Съ началомъ блокады, въ приказѣ по отряду отъ 12-го іюня, войскамъ даны были подробныя указанія для дѣйствій. Предписано было по всей линіи выставить посты и постепенно подвигая ихъ впередъ и располагая за изгибами мѣстности, укрыто отъ огня, стѣснять кругъ блокады. На ночь выставлялъ секреты пополамъ изъ солдатъ съ отборными стрѣлками-милиціонерами. Артилерія должна была беспокоить непріятеля и день, и ночь, стрѣляя не только по укрѣпленіямъ, но даже по кучкамъ людей. Для осадныхъ работъ, подъ руководствомъ саперъ, каждую ночь высылались отъ всѣхъ частей рабочіе. Непосредственное начальство надъ всѣми блокирующими войсками было поручено генераль-лейтенанту Галафѣеву; назначены были также начальники центра и обоихъ фланговъ.

Мѣстность около Ахульго настолько разнообразна и пересѣчена, что войска долго не могли съ нею ознакомиться и дѣйствовали наугадъ. Каждый нашъ шагъ впередъ стоилъ сравнительно дорого, такъ какъ люди даже не умѣли примѣняться къ мѣстнымъ закрытіямъ, а горцы были невидимы. Въ особенности вредила намъ сурхаева башня, командовавшая окрестностями. По ночамъ обыкновенно перестрѣлка усилива-

лась, такъ какъ горцы слышали явственно наши работы, да и сами, наконецъ, должны были спускаться за водою, подъ вѣрнымъ огнемъ нашихъ передовыхъ постовъ.

Вскорѣ генераль Граббе могъ убѣдиться, что Шамиль вовсе не былъ блокированъ въ Ахульго. Какъ только мы стянулись на правый берегъ Койсу, онъ тотчасъ возстановилъ переправу и началъ сношаться съ тѣми обществами, откуда могъ рассчитывать на помощь и запасы продовольствія. Вскорѣ и Чиркатъ снова былъ занятъ горцами, каждую ночь безпокоившими наше мостовое прикрытіе.

Необходимо было полное обложеніе Ахульго, а для этого силы и средства отряда оказывались слишкомъ недостаточными. Для систематическихъ осадныхъ работъ, отъ которыхъ только и можно было ожидать скорыхъ результатовъ, не было ни достаточнаго числа орудій соответственныхъ калибровъ, ни необходимаго числа саперъ, матеріаловъ и инструментовъ. Всѣ старанія нашихъ артиллеристовъ оказывались безплодными, такъ какъ поврежденія легко исправлялись горцами— какъ было напр. съ сбитыми нами верхними частями переднихъ башенъ новаго Ахульго,—а между тѣмъ бомбардировка поглощала массу зарядовъ, доставка которыхъ была чрезвычайно затруднительна. Всѣ запасы, продовольственные и военные, подвозились къ отряду на выюкахъ, по недостатку перевозочныхъ средствъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ, черезъ Зырянъ и Цатаныхъ, и отвлекали конвоированіемъ цѣлый баталіонъ изъ состава блокирующихъ войскъ. Наконецъ, трудно было заранѣе опредѣлить время нахождения отряда у Ахульго: оно могло оказаться и весьма продолжительнымъ. Въ виду всего изложеннаго, генераль Граббе счелъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія распоряженія: 1) о постоянномъ заготовленіи въ Шурѣ продовольствія и боевыхъ запасовъ, устройствѣ пекарень, для перепеченія муки въ хлѣбъ и сухари и о сосредоточеніи тамъ военныхъ запасовъ изъ разныхъ пунктовъ, и 2) о

немедленной высылкѣ къ отряду 2-хъ легкихъ орудій и 4-хъ мортирокъ, съ двойнымъ комплектомъ зарядовъ, изъ резервной № 2-го батареи 20-й артиллерійской бригады. Кроме того, начальникъ отряда просилъ корпуснаго командира генераль-лейтенанта Головина объ усиленіи его нѣсколькими баталіонами изъ южнаго Дагестана. Такъ какъ къ этому времени самурскій отрядъ уже окончилъ съ полнымъ успѣхомъ дѣйствія въ бассейнѣ р. Самура, то къ Граббе были отправлены три баталіона князя Варшавскаго полка и выслана въ сѣверный Дагестанъ часть военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, оказавшихся въ излишкѣ на Самурѣ.

Въ ожиданіи обѣщаннаго подкрѣпленія, было признано необходимымъ по возможности сблизить между собою войска блокировавшія Ахульго; поэтому, 18-го числа, Граббе приказалъ 2-мъ ашперонскимъ ротамъ, охранявшимъ переправу, сжечь мостъ и присоединиться къ отряду. Приказаніе это дошло къ нимъ лишь на разсвѣтѣ другого дня.

Пока приводились въ исполненіе различныя распоряженія, направленные къ возможному ускоренію паденія Ахульго, монотонный ходъ блокады былъ вдругъ нарушенъ совершенно неожиданнымъ нами нападеніемъ непріятеля извнѣ.

Грозныя обѣщанія и воззванія Шамиля и пропаганда высланныхъ имъ изъ Ахульго довѣренныхъ агентовъ не остались безъ послѣдствій: не только отдаленныя общества, но даже гумбетовцы и андійцы рѣшили подняться почти поголовно и идти на выручку своего имама.

Ахверды-Магома, собравъ многочисленное скопище въ Каратѣ и присоединивъ къ себѣ у с. Монны андійцевъ и гумбетовцевъ, двинулся впередъ; часть гумбетовцевъ пошла по лѣвой сторонѣ андійскаго Койсу, къ Чиркату, съ цѣлью уничтожить нашъ мостъ, вся же остальная масса, болѣе 3000 человекъ, 17-го и 18-го числа собралась въ Ихали.

Еще 17-го іюня въ отрядѣ были получены свѣдѣнія о

сборахъ въ верхнихъ обществахъ. Генераль Граббе не придавая этому пока особаго значенія, тѣмъ не менѣе предложилъ Ахметъ-хану, 18-го въ полдень, двинуться съ милиціею къ сагрыглохскому мосту для наблюденія за Ихали, выставивъ въ то же время постъ къ Ахкенту. Мехтулинцы двинулись почему то не по нижней дорогѣ, которою слѣдоваль отрядъ Катенина, а мимо лагеря шамхала, на бетлинскую гору, къ Ахкенту, гдѣ и расположились на возвышенномъ плато на ночлегъ. Какъ только на милиціонномъ бивакѣ все успокоилось, скопище Ахверды-Магомы быстро перенеслось по нижней дорогѣ отъ Сагрыгло къ Ашильтѣ и, занявъ высоты надъ послѣднимъ селеніемъ, начало спокойно укрѣплять ихъ завалами, на случай неудачи нападенія.

Шамильскій наибъ подошелъ съ той стороны, съ которой мы могли всего менѣе ожидать чего либо, такъ какъ всѣ знали о порученіи данномъ аварской и мехтулинской милиціи. Но послѣдняя не дала знать начальнику отряда о появленіи партіи. Генераль Граббе, ничего не подозрѣвавшій, хотѣлъ на разсвѣтѣ произвести новую усиленную рекогносцировку подступовъ къ старому Ахульго. Въ виду этого, туда была придвинута ночью часть войскъ лѣваго фланга, такъ что близъ Ашилты, у подошвы горъ, оставались лишь двѣ роты кабардинцевъ. Даже главная квартира, съ удаленіемъ Ахметъ-хана, оставалась почти безъ всякаго прикрытія.

Еще оставалось нѣсколько часовъ до разсвѣта, какъ, по инициативѣ начальника лѣваго фланга линіи, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Шульцъ, еще не оправившійся отъ тяжелой раны въ ногу, полученной при началѣ экспедиціи, съ нѣсколькими охотниками спустился въ балку, отдѣлявшую нашу позицію отъ стараго Ахульго, съ цѣлью измѣрить ея глубину, опредѣлить крутизну спуска и подъема и сообразить средства, необходимыя для устройства перехода. Едва наши смѣльчаки

начали спускаться съ послѣдняго уступа, въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ передовыхъ непріятельскихъ построекъ, какъ горцы, замѣтивъ наше движеніе, открыли сильнѣйшій огонь. Штабсъ-капитанъ Шульцъ тяжело былъ раненъ пулею въ верхнюю челюсть, охотники и слѣдовавшій въ нѣкоторомъ отдаленіи за ними резервъ отступили, но дѣло уже было сдѣлано: балка осмотрѣна, причемъ оказалось необходимымъ для перехода черезъ нее идти крытою сапою и заложить у подошвы башни мину.

Итакъ, въ эту ночь все сложилось въ пользу непріятеля: онъ имѣлъ передъ собою лишь двѣ роты, о появленіи его въ тылу у насъ никто не подозрѣвалъ и, наконецъ, вниманіе войскъ было привлечено совсѣмъ въ противоположную сторону начавшеюся съ стараго Ахулыго перестрѣлкою. Но, къ счастью для насъ, горцы не сумѣли воспользоваться выгодною обстановкою.

Только что все успокоилось, какъ еще до разсвѣта, за Ашильтою, громкое пѣніе стиховъ изъ корана, огласившее ночной воздухъ, а затѣмъ рѣдкіе одиночные выстрѣлы горскихъ винтовокъ дали знать намъ объ угрожавшей опасности. Прежде чѣмъ толпы Ахверды-Магомы успѣли спуститься съ высотъ, навстрѣчу имъ двинулись: влѣво—двѣ роты аншеронцевъ, съ 2-мя горными орудіями, а вправо—шесть ротъ кабардинскаго полка, при 1-мъ орудіи, съ генераль-маіоромъ Лабынцевымъ во главѣ. Занявъ сады, обѣ колонны начали сами взбираться на высоты, штыками опрокинули горцевъ и, по пятамъ ихъ, ворвались въ завалы, наскоро сложенные въ ночь изъ камней и бревень.

Измученные рѣшительнымъ отпоромъ, горцы очистили два передовые завала такъ поспѣшно, что не успѣли даже убрать тѣлъ, заколотыхъ штыками. Но Лабынцеву приказано было пріостановиться, чтобы дать время подойти другой колоннѣ, усиленной подоспѣвшимъ баталіономъ куринцевъ, кон-

ными казаками и горскою милиціею, при двухъ горныхъ орудіяхъ, съ генераль-маіоромъ Пулло.

Одновременное движеніе нашихъ колоннъ, частью въ охватъ фланговъ непріятельской позиціи, поколебало горцевъ. Едва засверкали на высотахъ штыки лѣвой колонны, какъ все скопище обратилось въ бѣгство къ сагрытлохскому мосту такъ быстро, что кавалерія посланная для преслѣдованія не могла его достигнуть. Въ два часа пополудни дѣло было кончено и войска Лабынцева и Пулло возвратились въ лагерь. Пока происходилъ бой на правомъ берегу Койсу, другая партія горцевъ появилась на лѣвой сторонѣ рѣки, противъ нашего моста, который приказано было снять. Не смотря на сильный непріятельскій огонь, апшеронскія роты, охранявшія переправу, выполнили приказаніе и отошли въ лагерь.

Къ удивленію нашему, осажденные во время описаннаго боя ничего активнаго не предприняли.

Наша потеря въ этотъ день состояла изъ 7-ми убитыхъ нижнихъ чиновъ, 5-ти офицеровъ *) и 54-хъ нижнихъ чиновъ раненыхъ, 1-го офицера **) и 24-хъ нижнихъ чиновъ контуженныхъ и 2-хъ утонувшихъ рядовыхъ. Съ 16-го по 18-е включительно—выбыло изъ строя одинъ офицеръ ***) и 22 нижнихъ чина ранеными и 5-ть рядовыхъ контуженными.

20-го и 21-го іюня осадныя работы шли своимъ чередомъ. На правомъ флангѣ войска пододвинулись къ сурхавой башнѣ. На лѣвомъ—заложена новая батарея на два горныхъ орудія—№ 6-й, для обстрѣливанія съ близкаго разстоянія горскихъ ретраншаментовъ и въ особенности крытаго пути на новомъ Ахульго. За эти дни мы потеряли 1-го убитаго и 1-го раненаго нижнихъ чиновъ.

*) Апшеронскаго полка прапорщикъ Ковалевскій, кабардинскаго—поручикъ Переслегинъ, куринскаго—подпоручикъ Поповъ 3-й, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Шульцъ и л.-гв. семеновскаго полка подпоручикъ Рылѣвъ.

**) Кабардинскаго полка подпоручикъ Мисостовъ.

***) Батареіной № 3-го батареи поручикъ Казимірскій.

Оразивъ скопище Ахверды-Магомы, генераль-адъютантъ Граббе не хотѣлъ оставить его въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ блокирующимъ отрядомъ: но для окончательнаго разсѣянiя угрожавшей нашему флангу и тылу партіи нужно было безъ сомнѣнiя выдѣлить сильную часть войскъ и тѣмъ ослабить на нѣкоторое время блокаду. Это послѣднее обстоятельство вызвало различныя измѣненiя въ размѣщенiи войскъ, которыя предполагалось оставить намѣстѣ. Распоряженiя по этому предмету заняли весь день 20-го и часть 21-го чисель, а въ ночь на 22-е iюня, оставивъ за себя генераль-лейтенанта Галафѣева и давъ ему подробную инструкцію навремя своего отсутствiя, генераль Граббе выступилъ налегкѣ, безъ всякаго обоза, къ сагрытлохскому мосту. Съ нимъ двинулись два баталіона кабардинскаго, два — куринскаго полковъ, конные казаки, горская милиція и два взвода горныхъ орудій.

Къ 8-ми часамъ утра летучій отрядъ достигъ уже спуска къ рѣчкѣ, которая беретъ начало около с. Ахкентъ и впадаетъ въ Койсу верстахъ въ 2-хъ ниже Сагрытло. Въ это время Ахверды-Магома успѣлъ уже отгѣснить передовые посты мехтулинской и аварской милиціи къ самому Ахкенту. Непрiятельское скопище занимало весьма растянутую позицію по балкѣ, опираясь лѣвымъ флангомъ въ Койсу у сагрытлохскаго моста, а правымъ — прикрывая дорогу въ с. Ихали, и, по увѣренiямъ лазутчиковъ, доходило до 8000 человекъ. Здѣсь былъ и Галбацъ. Не зная еще о движеніи предпринятомъ Граббе и полагая, что будутъ имѣть дѣло лишь съ однимъ Ахметъ-ханомъ, шамильскіе наибы порѣшили раздавить своею многочисленностью нашу милицію. Чтобы отрѣзать ей отступленіе, Ахверды-Магома переѣхалъ лично на правый свой флангъ и началъ протягивать его вправо по лѣсистымъ высотамъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, увидѣлъ передъ собою грозно надвигавшійся русскій отрядъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ горныхъ орудій, генераль-адъютантъ

Граббе двинулъ въ атаку всю кавалерію, а за нею шесть ротъ кабардинскаго полка, подъ командою генераль-маіора Лабынцева. Войска эти, имѣя впереди самого Лабынцева, съ шашкою наголо, бѣгомъ бросились прямо на балку, но горцы, уже смущенные нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, не выждали удара и бросились бѣжать: лѣвый флангъ ихъ черезъ сагрытлохскій мостъ, а центръ и правый флангъ—вверхъ по андійскому Койсу, къ Ихали. Послѣдніе успѣли благополучно выбраться изъ боя, но первые не были такъ счастливы: столпившись на переправѣ, они сильно потерпѣли отъ картечи нашихъ орудій и нѣсколько человѣкъ, въ суматохѣ, даже утонули.

Успѣхъ этотъ стоилъ намъ лишь нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ въ милиціи Ахметъ-хана и, въ связи съ предыдущимъ дѣломъ, былъ весьма важенъ по своимъ результатамъ: непріятель не смѣлъ болѣе тревожить блокады и ограничивался лишь наблюденіемъ за нами, выставивъ посты на сагрытлохскомъ мосту и въ Ихали. Отрядъ остался ночевать на мѣстѣ боя. Въ тотъ же день войска, оставленныя подъ Ахульго, устроили летучею сапою сообщеніе съ брешь-батареєю, заложеною для сбитія заваловъ и каменныхъ построекъ на новомъ Ахульго, защищавшихъ тропинку соединявшую оба утеса. Шамиль, зорко слѣдившій за всѣмъ у насъ происходившимъ и узнавшій объ отсутствіи нѣкоторыхъ частей, въ ночь на 23-е іюня сдѣлалъ сильную вылазку для уничтоженія брешь-батареи № 6-го, вновь заложеной противъ стараго Ахульго, и, по близкому своему расположенію, бывшей у него какъ бы бѣльмомъ на глазу. Въ полночь, около 400 мюридовъ, въ глубокой тишинѣ, какъ кошки, спустились къ руслу р. Ашильты и здѣсь раздѣлились надвое: одна часть направилась для отвлеченія центра ложною атакою, а другая ринулась съ гикомъ въ шашки на батарею, въ то время какъ Ахульго загорѣлся огненными линіями отъ бѣлаго огня. Опрокинувъ пе-

редовой нашъ постъ изъ 25-ти человекъ, непріятель успѣлъ сбросить мантелеть, прикрывавшій осадныя работы и разбросать нѣсколько туровъ на батареѣ; но торжество его было непродолжительно: наши войска, готовыя ко всякой случайности, быстро стали въ ружье, а подоспѣвшія двѣ алшеронскія роты опрокинули горцевъ и захватили 4 тѣла *); морида понесли значительную потерю, такъ какъ, при отступленіи, подверглись сосредоточенному огню нашихъ батарей; на мѣстѣ боя валялось много разбросанныхъ бурокъ, папахъ и оружія.

Убѣдившись посредствомъ дальнихъ развѣздовъ, что скопище Ахверды-Магомы окончательно разсѣялось, Граббе къ вечеру 23-го іюня вернулся подъ Ахульго и всѣ части войскъ заняли прежнія свои мѣста. Работы, разрушенныя при вылазкѣ гарнизона въ ночь на 23-е число, были тотчасъ возобновлены и продолжались по прежнему предположенію. 23-го же числа было оставлено устроенное у подошвы Соукъ-Булаха временное укрѣпленіе Удачное. Для облегченія отступленія занимавшаго его 3-го алшеронскаго баталіона, по приказанію Граббе, выдвинулся въ Салатау комендантъ Внезапной маіоръ Моравскій съ ротою линейнаго № 10-го баталіона, кумыкскою милиціею и достаточнымъ числомъ лошадей и быковъ для поднятія тяжестей. Не смотря на расчеты горцевъ преградить путь гарнизону Удачнаго, маіоръ Тарасевичъ **) поднялъ всѣ тяжести и артилерію на гору, срылъ укрѣпленіе и благополучно дошелъ до Міатловъ, почти безъ выстрѣла. Отсюда тяжести были направлены въ кр. Внезапную, а алшеронцы, съ 5-ю легкими орудіями, двинулись къ Шурѣ.

25, 26 и 27-го іюня продолжались осадныя работы; въ

*) Между убитыми было найдено тѣло Амиръ-ханъ-бека, младшаго брата извѣстнаго Гамзата. Потеря эта была весьма чувствительна для Шамля по близкимъ связямъ убитаго съ аварскими ханами и по вліянію его на общества прилегавшія къ Койсу.

**) Командиръ 3-го баталіона алшеронскаго полка.

два послѣднихъ дня, къ Ашильтѣ прибыли два транспорта съ боевыми и продовольственными запасами и два орудія и четыре мортирки резервной № 2-го батареи 19-й артилерійской бригады. Въ то же время генераль Габбе озабочивался устройствомъ кратчайшаго сообщенія съ Шурою, такъ какъ осада назрѣвала и расходъ зарядовъ съ каждымъ днемъ увеличивался. Сперва остановились на самой кратчайшей дорогѣ черезъ Гимры, по которой ѣздили наши курьеры, но отъ этой мысли пришлось отказаться, вслѣдствіе крутости гимринскаго спуска, неудобнаго даже для выюковъ. Тогда рѣшено было проложить путь черезъ Унцукуль, берегомъ Койсу, на Гимры. Съ этою цѣлью въ Унцукуль была отправлена рота пѣхоты, работавшая съ 27-го іюня по 21-е августа. Другая рота устраивала новый спускъ къ лагерю съ высотъ, на которыхъ стояла шамхальская милиція.

Такимъ образомъ, войска наши занимались весьма тяжелыми работами, производившимися по ночамъ, въ каменистомъ грунтѣ, подъ сильнымъ и близкимъ огнемъ осажденныхъ. Къ 27-му числу было построено 6-ть батарей, выведено прикрытое съ двухъ сторонъ сообщеніе съ ними, начато устройство спуска ко рву передъ старымъ Ахульго и поведена двойная крытая сапа. Въ то же время сжималось полукольцо нашихъ передовыхъ постовъ: съ 18-го числа былъ выдвинутъ постъ къ самому сліянію рѣчекъ Ашильты и Ветль, откуда линія слѣдовала по теченію послѣдней рѣчки до водопада у подошвы сурхаевой башни. Съ другой стороны—одна изъ ротъ 2-го ашшеронскаго баталіона перешла въ одну изъ ночей на скатъ высоты, занятой сурхаевою башнею и стала между нею и новымъ Ахульго, между двумя гребнями, укрыто отъ взоровъ и выстрѣловъ съ фронта и тыла. Съ занятіемъ передовыми постами, въ центрѣ, садовъ у подошвы сурхаевой башни, она была охвачена нами со всѣхъ сторонъ. Однако горцы, засѣвшіе въ башнѣ, всетаки сообщались съ новымъ Ахульго и спуска-

лись за водою къ рѣчкѣ Вегль, гдѣ всякую ночь завязывалась перестрѣлка.

Ознакомившись подробно съ чрезвычайно прихотливою и трудною мѣстностью вокругъ Ахульго, начальникъ отряда убѣдился, что прежде всякихъ предпріятій необходимо овладѣть сурхаевою башнею. Эта башня по своему положенію растягивала блокадную линію болѣе чѣмъ на 4 версты и заставляла выводить въ расходъ не 4-ре, а 6-ть баталіоновъ. Она совершенно командовала всѣми мѣстами, удобными для закладки батарей, и закрывала наиболѣе удобный доступъ къ замку. Такъ какъ вести противъ башни осадныя работы не было никакой возможности, то генераль-адъютантъ Граббе рѣшился овладѣть ею открытою силою.

29-го іюня, съ разсвѣтомъ, наши батареи открыли съ трехъ сторонъ огонь противъ башни, но не могли достигнуть желаемыхъ результатовъ. Съ юга, отъ батареи № 4-го, вооруженной 4-мя легкими орудіями, непріятельскія постройки были маскированы огромными утесами и камнями; съ запада, съ гребня передъ старымъ Ахульго, два казачьихъ орудія (батареи № 1-го) стрѣляли снизу вверхъ, наконецъ, съ восточной, наиболѣе открытой стороны, ничего не могли сдѣлать съ толстыми стѣнами башни два горныхъ единорога батареи № 5-го.

Въ 9-ть часовъ утра 2-й баталіонъ аншеронскаго и 2-й и 4-й баталіоны куринскаго полковъ, съ генераль-маіоромъ Пулло, подъ покровительствомъ огня батарей, подошли съ трехъ сторонъ къ подошвѣ горы и начали быстро карабкаться по уклону утеса, имѣвшему почти до 45°. Не смотря на градъ камней и бревна, скатываемыя осажденными, охотники подошли къ самой вершинѣ, но она оказалась огромною нависшею глыбою камня, въ нѣсколько сажень высотыю. Наши молодцы, подсаживая другъ друга, полѣзли вверхъ, но каждый солдатъ, показывавшійся надъ скалою, катился внизъ съ

прострѣленнымъ черепомъ. Къ довершенію несчастья атакующіе попали подъ фланговый огонь изъ отдѣльнаго завала съ лѣвой стороны. Наша артилерія, надѣясь облегчить штурмъ, повременамъ стрѣляла залпами, но это почти не помогало: огромные обломки скалъ, камня и бревна причиняли вредъ только своимъ. Отчаянный бой длился нѣсколько часовъ; рота смѣняла роту; наконецъ, около 4-хъ часовъ пополудни, генераль-маіоръ Лабынцевъ, по приказанію Граббе, лично повелъ на штурмъ еще 1-й баталіонъ кабардинскаго полка,—но всѣ усилія оказались тщетными въ борьбѣ съ грозною природою. Впрочемъ, каждая новая жертва вызывала еще большее ожесточеніе въ нашихъ солдатахъ и Богъ знаетъ чѣмъ кончилась бы эта бойня, еслибы съ наступленіемъ ночи не было приказано отступить съ буквально залитого кровью и заваленнаго трупами раскаленнаго утеса.

Хотя нельзя было не удивляться истинно-геройскому поведенію войскъ въ этотъ день, но бой оказался безуспѣшнымъ. Мы потеряли убитыми 1-го штабъ, 1-го оберъ-офицера *) и 34-ре нижнихъ чина, ранеными 3-хъ оберъ-офицеровъ **) и 165-ть нижнихъ чиновъ и контуженными 15-ть оберъ-офицеровъ ***) и 96-ть нижнихъ чиновъ.

Не смотря на неудачу, день 29-го іюня всетаки принесъ намъ нѣкоторую долю пользы. Во 1-хъ, Шамиль лишился

*) Командовавшій моздокскимъ казачьимъ полкомъ маіоръ Власовъ и кабардинскаго полка штабъ-капитанъ Генушъ 2-й.

**) Кабардинскаго полка капитанъ Юмашевъ, штабъ-капитанъ Бойко-Букевичъ и прапорщикъ Долгенскій.

***) Изъ нихъ контужены тяжело кабардинскаго полка подпоручикъ Китаевъ, куринскаго—штабъ-капитанъ Костырко, подпоручикъ Кишинскій 1-й и прапорщикъ Казіеръ; остальные были задѣты легко, не оставили строя и даже не именованы въ первомъ послѣ боя донесеніи Граббе. Это были: бутырскаго полка поручикъ Брасовичъ, аширонскаго — прапорщики Гулевичъ и Ковалевскій 2-й, кабардинскаго—подпоручики Македонскій, Шалаевъ, прапорщикъ Анфиловъ и куринскаго—капитанъ Рыковъ 3-й, поручикъ Сарочанъ 2-й, подпоручики Перевѣтовъ, Кишинскій 2-й и прапорщикъ Жабокритскій.

большей части отборныхъ мюридовъ, а самое главное—особенно преданнаго и способнаго своего помощника—Али-бека, которому ядромъ оторвалъ руку. Во 2-хъ, мы теперь знали, что сурхаева башня можетъ пасть только отъ разрушительнаго дѣйствія сильной артилеріи соответственныхъ калибровъ и преимущественно съ восточной стороны. Оказывалось необходимымъ усилить батарею № 5-го полевыми орудіями, но для этого нужно было ожидать прибытія колонны маіора Тарасевича, конвоировавшей транспортъ изъ Шуры.

30-го іюня, 1, 2 и 3-го іюля продолжались осадныя работы на лѣвомъ флангѣ; на правомъ флангѣ устроена новая батарея на мѣстѣ № 5-го. По прибытіи маіора Тарасевича батарея эта была вооружена 4-мя полевыми орудіями; 3-й баталіонъ апшеронцевъ сталъ на лѣвомъ флангѣ, рядомъ со своимъ 4-мъ баталіономъ.

4-го числа, въ 6-ть часовъ утра, горцы сдѣлали вылазку изъ стараго Ахульго; они быстро бросились на голову нашихъ траншейныхъ работъ, уже приблизившихся почти къ самому краю рва, и успѣли проникнуть въ сапу, но были съ урономъ отброшены резервомъ, подоспѣвшимъ къ угрожаемому пункту. Когда все уже успокоилось, два мюрида подползли по балкѣ и зажгли мантелеть, прикрывавшій голову сапы. Пламя, раздуваемое вѣтромъ, быстро переходило отъ тура къ туру; началась суматоха, сбѣжались люди, а горцы начали осыпать группу градомъ пуль. Распорядительность храбраго штабсъ-капитана апшеронскаго полка Лисаневича, убитаго вслѣдъ за тѣмъ наповаль, дала возможность прекратить пожаръ, но часть туровъ пришлось сбросить для прегражденія пути огню, хотя нижняя батарея, № 6-го, уцѣлѣла.

Въ два часа пополудни, какъ бы въ отвѣтъ на дерзость горцевъ, раздался залпъ 10-ти нашихъ орудій; это было начало бомбардированія сурхаевой башни; огонь продолжался до 5-ти часовъ вечера. Перекрестные и удивительно мѣткіе вы-

стрѣлы обваливали огромныя части стѣнъ, обломки катились къ подошвѣ скалы и, повременамъ, постройки совершенно скрывались въ пыли. Между тѣмъ двѣсти охотниковъ, отъ апшеронскаго, кабардинскаго и куринскаго полковъ, избранныхъ изъ массы вызвавшихся на штурмъ, собрались у подошвы горы и ожидали лишь сигнала, чтобы ринуться на башню. Охотники были снабжены деревянными щитами, подбитыми войлокомъ, для прикрытія головы и груди отъ камней, сбрасываемыхъ горцами. Для поддержки передовыхъ были назначены двѣ роты куринскаго полка, подъ командою капитана Рыкова 3-го.

Около 5-ти часовъ, отъ поразительнаго огня нашихъ орудій, вся башня представляла какой то хаосъ; тогда прозвучалъ сигналъ и охотники начали подниматься наверхъ. Замершая было башня вдругъ ожила; окуренные дымомъ, покрытые потомъ и пылью мюриды явились надъ развалинами и на головы штурмующихъ полетѣли бревна и камни. Бывшій съ охотниками куринскаго полка капитанъ Рыковъ 3-й, л.-гв. кирасирскаго полка поручикъ Мартыновъ (смертельно раненный на дуэли подъ Пятигорскомъ Лермонтова), кабардинскаго полка прапорщикъ Данилевскій и апшеронскаго полка прапорщикъ Евдокимовъ *) вели себя геройски. Повторились все ужасы предыдущаго штурма, но начальникъ отряда, щадя кровь храбрыхъ солдатъ, велѣлъ имъ отойти и, прикрывшись по возможности отъ огня, ждать ночи.

Снова заговорили наши орудія; большая часть мюридовъ была перебита или погибла подъ развалинами. Наконецъ, къ наступленію темноты, осыпь образовала до нѣкоторой степени отлогую покатость. Горсть оставшихся въ живыхъ защитниковъ, теряя всякую надежду сопротивляться, попыталась пробраться мимо нашихъ секретовъ въ новое Ахульго. Этого

*) Впоследствии генералъ-адъютантъ и графъ.

только и ждали наши охотники, притаившіеся подъ утесомъ: они бросились наверхъ, проникли въ башню и нашли лишь нѣсколько раненыхъ среди грудъ обломковъ и труповъ.

Мы потеряли убитыми 11-ть нижнихъ чиновъ, ранеными 2-хъ оберъ-офицеровъ *) и 51-го нижняго чина и контуженными 1-го штабъ, 1-го оберъ-офицера **) и 40 нижнихъ чиновъ.

Итакъ, сурхаева башня—это неприступное орлиное гнѣздо—пала подъ нашими ударами. Это событіе составило какъ бы переломъ въ ходѣ блокады; теперь мы могли сократить длину нашей блокадной линіи по правому берегу Койсу, обратитъ всѣ усилія противъ новаго Ахульго, и, значительно выдвинувъ впередъ батареи, получить возможность употребить съ полнымъ успѣхомъ и горныя орудія.

5-го іюля, часть войскъ занималась окончательнымъ разрушеніемъ сурхаевой башни и погребеніемъ тѣлъ, быстро разлагавшихся отъ дѣйствія знойныхъ лучей солнца. Вслѣдъ затѣмъ были произведены нѣкоторыя передвиженія частей въ центрѣ и на правомъ флангѣ. 4-й куринскій баталіонъ, съ двумя горными орудіями, занялъ верхній гребень впереди сурхаевой башни (гдѣ прежде помѣщалась рота 2-го баталіона апшеронцевъ). 2-й баталіонъ апшеронскаго полка, находившійся съ восточной стороны, выдвинуть впередъ и расположенъ между башнею и Койсу, гдѣ заложены двѣ новыя батареи, №№ 7-го и 8-го, противъ новаго Ахульго. На мысу, между рр. Ашильтою и Бетль, были поставлены 1-й и 2-й баталіоны куринскаго полка и заложена батарея № 9-го на 4 легкихъ орудія, снятыхъ съ южныхъ высотъ, для обстрѣливанія передовыхъ построекъ новаго Ахульго. На скатѣ высотъ,

*) Апшеронскаго полка прапорщикъ Евдокимовъ и л.-гв.-кирасирскаго На-
сѣдника Цесаревича полка поручикъ Мартыновъ.

**) Апшеронскаго полка маіоръ Тарасевичъ и кабардинскаго—прапорщикъ
Данилевскій.

въ районѣ лѣваго фланга блокады, возводилась батарея № 10-го для обстрѣливанія западныхъ частей новаго Ахульго; для предохраненія отъ огня съ командующихъ возвышеній она болѣе прикрыта блиндажемъ. Время съ 5-го по 12-е іюля было употреблено на возведеніе названныхъ батарей, перемѣщенія войскъ и передвиженіе орудій, согласно новой обстановкѣ. Проложеніе путей сообщенія съ новыми батареями стоило огромныхъ трудовъ: орудія, назначенныя для дѣйствія съ правой стороны, пришлось спускать въ ящикахъ, на блокахъ, съ отвѣсной скалы въ 13-ть сажень вышиною. На извилистой тропинкѣ, пробитой въ скалѣ къ гребню впереди сурхавой башни, въ двухъ мѣстахъ были поставлены лѣстницы. Непрiятель не оставался празднымъ зрителемъ всего происходившаго: по ночамъ онъ дѣлалъ вылазки и подкрадывался къ нашимъ осаднымъ работамъ, съ цѣлью ихъ уничтожить. Батареямъ было приказано поддерживать рѣдкій огонь цѣлую ночь, чтобы хотя нѣсколько удерживать горцевъ отъ этихъ смѣлыхъ попытокъ.

11-го числа изъ Шуры прибылъ транспортъ съ зарядами и провіантомъ, уже по оконченному прямому пути черезъ Унцукуль и Гимры; 12-го же вступили три баталіона пѣхотнаго князя Варшавскаго полка, подъ командою полковаго командира полковника барона Врангеля, при 2-хъ легкихъ и 2-хъ горныхъ орудіяхъ. Они расположились въ резервѣ, позади развалинъ с. Ашильты, гдѣ имъ былъ данъ трехдневный отдыхъ послѣ продолжительнаго похода.

13-го іюля, 12-ть легкихъ орудій, восемь горныхъ единогововъ и шесть кегорновыхъ мортирокъ (четыре изъ нихъ были поставлены на ближайшемъ гребнѣ противъ новаго Ахульго, а двѣ—посланы на лѣвый флангъ, для обстрѣливанія селенія) были въ боевой линіи, охватывая непріятельскую позицію полукругомъ.

Въ ночь на 14-е іюля, сильная партія мюридовъ сдѣлала

вылазку противъ нижняго гребня, на скатѣ съ высоты сурхавой башни къ новому Ахульго, и сбила находившійся тамъ слабый постъ. Тогда начальникъ отряда приказалъ поставить на это мѣсто 4-ю фузелерную роту 2-го баталіона апшеронскаго полка. Въ пять часовъ пополудни, эта рота, поодиночкѣ, по узкой тропинкѣ, перебѣжала точно сквозь строй подъ огнемъ почти въ упоръ, потерявъ пять человекъ ранеными. Далѣе, отъ нижняго гребня до передовой части Ахульго, былъ въ высшей степени крутой спускъ, около 50-ти сажень длины, по которому нельзя было спуститься иначе, какъ по приставленной лѣстницѣ. Вести апроши далѣе, до контръ-эскарпа, казалось невыносимымъ, такъ что все были убѣждены въ одномъ неизбежномъ исходѣ—атакѣ открытою силою.

14-го и 15-го чиселъ были разработаны четыре крытыхъ хода для сообщенія новыхъ батарей съ главными пунктами позиціи, а артилерія поддерживала все время сильный огонь противъ обоихъ Ахульго. Артиллеристы дѣйствовали прекрасно: все возвышавшееся надъ землей было разрушено или повреждено, но уцѣлѣла большая часть углубленныхъ построекъ. Оставалось одно средство выжить горцевъ—это штыкъ. Воспользовавшись усиленіемъ отряда до 13-ти баталіоновъ, при 24-хъ орудіяхъ и 6-ти мортиркахъ, принимая въ соображеніе утомленіе людей однообразною блокадою и тяжелыми работами, а съ другой стороны, прекрасное настроеніе частей, жаждавшихъ боя, отчаянное положеніе непріятеля на раскаленномъ утесѣ, безъ мяса *), безъ дровъ для варки пици, почти безъ воды, среди гнѣющихъ труповъ **)—гене-

*) По неимѣнію корма для скота.

**) О тяжеломъ положеніи осажденных много говорили лазутчики: они рассказывали, что между гарнизономъ царить полнѣйшее уныніе и что Шамиль намѣренъ бѣжать. По другимъ же свѣдѣніямъ, онъ рассчитывалъ на помощь изъ верхнихъ лезгинскихъ обществъ, на подвозъ припасовъ и не падалъ духомъ. Последнее, какъ впоследствии оказалось, было вѣрнѣе.

раль-адъютантъ Граббе рѣшилъ штурмовать 16-го іюля оба замка.

По диспозиціи на 16-е, войска распределены были слѣдующимъ образомъ: *правая* колонна, полковника барона Врангеля *), изъ трехъ баталіоновъ его полка, назначена была для атаки новаго Ахульго со стороны сурхаевой башни; ей приказано было собраться за нижнимъ гребнемъ и, какъ для спуска съ него, такъ и для перехода черезъ ровъ, запасться лѣстницами. *Средняя* колонна, маіора Тарасевича, изъ семи ротъ апшеронскаго полка, должна была собраться за батареею № 10-й, направиться по руслу рѣчки Ашилты для прекращенія сообщенія между обоими утесами, а въ случаѣ возможности—содѣйствія войскамъ барона Врангеля. *Лѣвая* колонна, полковника Попова, изъ 1-го баталіона апшеронцевъ, назначена была демонстрировать противъ стараго Ахульго, а въ случаѣ благопріятнаго исхода дѣйствій на остальныхъ пунктахъ,—и овладѣть имъ. Для направленія колоннъ были назначены: въ правую—генеральнаго штаба капитанъ Вольфъ, въ среднюю—штабсъ-капитанъ Милотинъ и въ лѣвую—штабсъ-капитанъ Эдельгеймъ. Остальныя войска—пять баталіоновъ, четыре горныхъ единорога и сборный казачій полкъ—составили *резерв* штурмовыхъ колоннъ. Всѣ колонны должны были двинуться на приступъ одновременно, по данному сигналу. Саперамъ приказано было заготовить достаточное количество туровъ и фашинь для устройства ложементовъ по занятіи передовыхъ построекъ новаго Ахульго.

Съ разсвѣтомъ 16-го іюля всѣ наши батареи открыли сильнѣйшій огонь по вынесеннымъ впередъ непріятельскимъ постройкамъ, а къ пяти часамъ пополудни всѣ войска уже стояли въ готовности на указанныхъ имъ пунктахъ. Ровно въ

*) Впослѣдствіи генераль-адъютантъ, командующій войсками въ прикаспійскомъ краѣ и одинъ изъ главныхъ виновниковъ пльненія Шамиля въ 1859-мъ году.

5-ть часовъ былъ выставленъ бѣлый флагъ и колонны двинулись.

Правая колонна начала смѣло спускаться съ нижняго гребня по лѣстницамъ, подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ. Цѣлые ряды валились, но воодушевляемые личнымъ примѣромъ полковаго командира люди быстро собрались и 1-й баталіонъ ринулся впередъ. Въ нѣсколько минутъ графцы были уже во рву и затѣмъ ворвались въ укрѣпленіе. Послѣ кровопролитной рѣзни боковыя башни были заняты. Непріятель защищался съ рѣдкимъ упорствомъ; дрались даже женщины переодѣтыя въ черкески. Воодушевленные подвигомъ 1-го своего баталіона, остальные баталіоны князя Варшавскаго полка подошли къ нимъ на подмогу ранѣе, чѣмъ слѣдовало и, такимъ образомъ, на узкомъ перешейкѣ столпилось около 1500 человекъ, составляя огромную цѣль для непріятеля. Сюда не замедлилъ политься цѣлый градъ пуль изъ множества бойницъ и заваловъ. Страшно терпя отъ огня, баталіоны бросились было впередъ, но за площадкою встрѣтили второй глубокой ровъ, находившійся подъ перекрестнымъ огнемъ изъ двухъ скрытыхъ капонировъ. Положеніе было отчаянное; узкій путь назадъ былъ заваленъ множествомъ убитыхъ и раненыхъ, а для устройства ложементовъ, чтобы сколько нибудь прикрыться отъ губительнаго огня, саперы не могли втащить ни одного тура. Къ довершенію всего—колонна оказалась вовсе безъ офицеровъ: храбрый баронъ Врангель былъ тяжело раненъ, остальные убиты, ранены или въ толкотнѣ сброшены съ кручи. Однако это послѣднее обстоятельство, безъ сомнѣнія вліяющее неблагоприятно въ бою даже на обстрѣленную часть, нисколько не отразилось на молодецкихъ баталіонахъ: безотвѣтно, не трогаясь съ мѣста, какъ часовой на посту, стояли и гибли люди, не будучи даже въ состояніи наказать скрытаго врага. Съ наступленіемъ ночи, подобравъ раненыхъ и тѣла, графцы, измученные боемъ, озлобленные не-

удачею, по приказанію Граббе тихо спустились за нижній гребень. Продолжать штурмъ на слѣдующій день — они уже не были въ состояніи.

Въ другихъ двухъ колоннахъ дѣло не дошло до столкновѣнія: лѣвая — ограничилась одною перестрѣлкою, средняя же — быстро бросилась впередъ по самому руслу Ашильты и успѣла уже проникнуть довольно далеко въ ущелье, но, встрѣченная убійственнымъ огнемъ и градомъ камней, сперва пріостановилась, а вслѣдъ затѣмъ, видя безуспѣшность дѣйствій барона Врангеля, отошла на сборный пунктъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками, горцы потеряли около 150 человекъ, нашъ же уронъ былъ очень великъ: изъ строя выбыло убитыми — одинъ штабъ, 6-ть оберъ-офицеровъ *) и 153 нижнихъ чина, ранеными — 5-ть штабъ, 26-ть оберъ-офицеровъ **) и 580 нижнихъ чиновъ, контуженными — 8-мь офицеровъ ***) и 97 нижнихъ чиновъ.

Вскорѣ послѣ штурма, призвавъ завѣдывавшего осад-

*) Князя Варшавскаго полка подполковникъ Фуксъ, капитанъ Милорадовичъ, поручикъ Соколовъ, подпоручикъ князь Шалиговъ 2-й, прапорщикъ Лазовскій, л.-гв. егерскаго полка подпоручикъ Редлигеръ и уланскаго Великаго Князя Михаила Павловича полка корнетъ Вороновъ.

**) Состоявшій по армейской пѣхотѣ подполковникъ Муравьевъ, ашперонскаго полка майоры баронъ Фитингофъ, Тарасевичъ, подпоручикъ Никитинъ 2-й, князя Варшавскаго полка — командиръ полка полковникъ баронъ Врангель, майоръ Комаровскій, капитаны Рожицынъ 1-й, Афанасьевъ 2-й, Туховъ, поручики Рожицынъ 2-й, Бучкѣвъ, Вачнадзе, подпоручики Коллерусъ, Голотузовъ, Стандершильдъ, прапорщики Кривоносовъ, Хрищеновичъ, Шлееръ, Елистратовъ, Яннау, князь Аргутинскій-Долгорукій, Пирадовъ, Михайловскій и Эльвингъ. Прикомандированные: л.-гв. преображенскаго полка подпоручикъ Потуловъ, л.-гв. драгунскаго полка прапорщикъ Штромбергъ, гусарскаго Короля ганноверскаго полка корнетъ Завиша и кавалерійскаго казачьяго полка хорунжій Шахъ-Абасъ-бекъ карчагскій, кавказскаго сапернаго баталіона капитанъ Вильде, легкой № 5-го батареи 19-й артилерійской бригады подпоручикъ Матисонъ и оренбургскаго казачьяго войска сотникъ Черневъ.

***) Ашперонскаго полка штабъ-капитанъ Мягковъ, прапорщикъ Ковалевскій, князя Варшавскаго полка поручикъ Киеловскій, Пархомовъ, подпоручикъ Хрищеновичъ, прапорщики Рябовъ, Залдостановъ и лекарь Балабуха.

ными работами кавказскаго сапернаго баталіона подполковника Вильде, генераль-адъютантъ Граббе отдалъ ему категорическое приказаніе *во что бы то ни стало* устроить крытый спускъ отъ нижняго гребня до вынесенныхъ впередъ построекъ новаго Ахульго.

XI.

Положеніе осажденных послѣ перваго штурма Ахульго. Возстановленіе нами переправы у Чирката. Полное обложеніе Ахульго. Ходъ осадныхъ работъ. Висячая галерея. Переговоры съ Шамилемъ. Высылка имамомъ сына своего Джамаль-Эдина въ аманаты. Перемиріе. Бесплодность дальнѣйшихъ переговоровъ. Третій штурмъ и взятіе обоихъ Ахульго. Нашъ уронъ и потеря непріятеля. Разрушеніе непріятельскихъ укрѣпленій и очищеніе пещеръ отъ остатковъ гарнизона. Выступленіе отряда въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Движеніе къ с. Черкей. Черкеевцы осязательно даютъ намъ почувствовать, что долина Сулака не есть „сатовская губернія“. Пораженіе нашего авангарда; потеря орудія и пѣльныхъ. Сожженіе горцами моста. Движеніе Граббе къ Черкею черезъ Міатлы. Раскаяніе Черкея. Крайне снисходительное наказаніе его. Переговоры съ покорявшимися племенами. Взглядъ на результаты экспедиціи.

Борьба за обладаніе сурхаевою башнею и первый общій штурмъ Ахульго, лишивъ непріятеля отборной части гарнизона и подвинувъ наши работы къ осажденнымъ веркамъ, не оставили однако Шамиля упасть духомъ. Благодаря отсутствію полной блокады, онъ не былъ еще отрѣзанъ отъ остальнаго горскаго населенія; убѣдившись съ половины іюня, что нашъ отрядъ намѣренъ блокировать Ахульго только съ юга, онъ тотчасъ приказалъ высѣчь въ скалахъ спуски къ Койсеу, не смотря ни на какіе труды, и перекинуть черезъ рѣку нѣсколько бревенъ. Пользуясь этимъ импровизированнымъ мостомъ, онъ освобождалъ замокъ отъ больныхъ и раненыхъ—вообще

отъ лишнихъ и бесполезныхъ ртовъ—взаимнѣ же ихъ получалъ свѣжія, хотя и не особенно сильныя укомплектованія, такъ, напр., на другой же день послѣ штурма 16-го іюля, къ нему прибыли сотни двѣ черкеевцевъ и жителей другихъ ближайшихъ селеній, такъ что въ Ахульго собралось до 2000 вооруженныхъ мюридовъ. Кромѣ того, около 400 человекъ, приведенныхъ Галбацемъ изъ Анди, заняли Чиркатъ и окрестныя сады. Передъ нашими глазами, по лѣвому берегу, ежедневно тянулись непріятельскіе выючные транспорты съ порохомъ и запасами продовольствія. Многія ближнія селенія не прекращали сношеній съ имамомъ и ободряли его къ упорной оборонѣ; видя это, Шамиль отправилъ Сурхай-кадія въ верхнія лезгинскія общества для возбужденія населенія къ войнѣ съ невѣрными и сбора новыхъ партій.

Одно лишь полное обложеніе Ахульго могло довести его храбрый гарнизонъ до истощенія; въ это время генераль Граббе располагалъ уже достаточными силами, чтобы перебросить нѣсколько баталіоновъ на лѣвый берегъ, а потому немедленно приказалъ приступить къ изысканію средствъ для возстановленія переправы.

Было произведено нѣсколько самыхъ тщательныхъ рекогносцировокъ рѣки, но удобнѣе того мѣста, гдѣ былъ старый нашъ мостъ, не оказалось; единственное затрудненіе состояло въ томъ, что здѣсь мѣстность вполне благопріятствовала горцамъ. Остановившись выборомъ на этомъ пунктѣ, генераль-адъютантъ Граббе рѣшилъ отвлечь вниманіе непріятеля въ совершенно противоположную сторону. Въ ночь съ 25-го на 26-е іюля, небольшая команда охотниковъ, съ генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Эдельгеймомъ, открыто спустилась къ Койсу въ виду и подъ ружейными выстрѣлами изъ стараго Ахульго. Не смотря на прибыль воды отъ таянія снѣговъ въ горахъ и необыкновенно быстрое теченіе, нѣсколько хорошихъ пловцовъ были посланы для осмотра лѣваго берега

и возвратились назадъ; вскорѣ начали разрабатывать дорогу къ тому же мѣсту и заложили батареи на высотахъ передъ переправою. Ночью на 31-е іюля, съ неимовѣрными трудами, новыя батареи были уже вооружены и съ разсвѣтомъ открыли огонь. Горцы съ изумленіемъ смотрѣли на все происходившее, но когда къ рѣкѣ подошелъ баталіонъ кабардинцевъ, перебросилъ на другой берегъ канатъ и 1-го августа началъ устанавливать туры, — то, несомнѣваясь болѣе въ нашихъ намѣреніяхъ, начали группироваться въ смежныхъ оврагахъ и въ свою очередь устраивать завалы. Такимъ образомъ, мюриды и самъ Шамиль попались въ ловушку и, пользуясь этимъ, мы могли безпрепятственно приступить къ устройству дѣйствительной переправы. Еще въ то время, когда на западѣ Ахульго только начиналась демонстрація, въ лагерѣ кипѣли работы по заготовкѣ мостовыхъ матеріаловъ, по ночамъ же исправлялась дорога къ бывшему мосту.

31-го іюля, ночью, генералъ-маіоръ Лабынцевъ, съ двумя баталіонами кабардинцевъ, имѣя съ собою все матеріалы и готовый срубъ для моста, направился къ берегу. Передъ самымъ разсвѣтомъ двѣ роты спустились къ водѣ и прикрылись наскоро каменною стѣнкою и турами. Какъ ни скрытно все дѣлалось, однако горцы успѣли собраться на противоположной сторонѣ и занять сады и балки противъ переправы. Не смотря на это, 50-тъ охотниковъ, съ артилеріи поручикомъ Лихачевымъ, быстро раздѣлись и, захвативъ ружья и патроны, смѣло бросились въ пѣнившіяся и бурлившія волны. Нашъ артилерійскій и ружейный огонь, нѣсколько отдаливъ непріятеля, облегчилъ нашимъ смѣльчакамъ выходъ на берегъ. Съ неимовѣрными усиліями они переплыли рѣку, но нѣкоторые были снесены быстрымъ теченіемъ и принуждены выходить изъ воды противъ Ахульго, подъ огнемъ горцевъ чуть не въ упоръ; впрочемъ почти все спаслись. Около 200-тъ мюридовъ, ожидавшихъ насъ на другомъ берегу, пораженные неожидан-

ностью переправы впасть, обратились въ бѣгство; оставшіеся же въ завалахъ нѣсколько десятковъ фанатиковъ сдерживались въ почтительномъ отдаленіи огнемъ нашихъ орудій. Охотники засѣли по берегу за камнями и скоро натянули два каната. Лобынцевъ сдѣлалъ нѣсколько опытовъ устройства паррома на бочкахъ и бурдюкахъ, но и то и другое,—не смотря на всѣ ухищренія энергичнаго и смѣтливаго капитана артиллеріи Роменскаго, которому поручено было это дѣло,—оказалось неудобноисполнимымъ. Оставалось одно средство—связать оба берега прочнымъ мостомъ. Въ виду наступленія вечера предпріятіе было отложено и поручикъ Лихачевъ съ командою отозванъ обратно.

Въ ночь на 2-е августа, противъ мѣста переправы была возведена батарея и вооружена шестью легкими орудіями, весь же наступившій день посвященъ окончанію всѣхъ необходимыхъ приготовительныхъ работъ. 3-го августа, съ разсвѣтомъ, подъ прикрытіемъ огня стрѣлковой цѣпи и артиллеріи, было приступлено къ устройству моста. Мѣткіе выстрѣлы нашихъ орудій наносили горцамъ сильный уронъ, такъ что вскорѣ они принуждены были оставить передніе завалы, но перестрѣлка не прекращалась; непріятель даже нѣсколько разъ подходилъ къ самому берегу; впрочемъ, горскіе выстрѣлы не могли принести особаго вреда ни нашимъ рабочимъ, прикрытымъ тѣрами, ни стрѣлкамъ, залегшимъ за камнями. Между тѣмъ работа шла дружно и энергично: съ праваго берега часть сруба была уже установлена, оставалось только пять сажень до материка. Тогда нѣсколько охотниковъ переплыли черезъ рѣку, натянули канатъ и съ края установленной уже части сруба перетянули на противоположный устой длинную лѣстницу. Тотчасъ стрѣлки, а за ними три роты кабардинцевъ, перешли Койсу, а затѣмъ начали перетаскивать и матеріалы. Это послужило сигналомъ къ общему бѣгству горцевъ. Вечерѣло. Работы пока прекратились, но передовыя кабар-

динскія роты всю ночь трудились надъ прикрытіемъ себя окопомъ. Къ полудню 4-го числа мостъ былъ совершенно готовъ и настолько проченъ, что допускалъ переправу не только пѣхоты, но и горныхъ орудій и лошадей.

Генераль Лабынцевъ, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами кабардинцевъ и аварскою и мехтулинскою милиціею, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, переправился черезъ мостъ, и послѣ слабой перестрѣлки занялъ и предалъ огню Чиркатъ, въ которомъ уцѣлѣло еще болѣе половины домовъ и садовъ, не смотря на разрушеніе нашими войсками деревни еще въ началѣ іюня. Горцы разсѣялись по дорогамъ къ Аргуани и Ихали. Оставивъ у Чирката милицію Ахметъ-хана *), тотчасъ выдвинувшую передовые посты по путямъ къ Аргуани, Ихали и Черкею, генераль Лабынцевъ, съ кабардинцами и взводомъ орудій, расположился на высотахъ лѣваго берега, противъ Ахульго. Для охраненія моста была выслана рота князя Варшавскаго полка. Когда стемнѣло, генераль Лабынцевъ приказалъ послать нѣсколько гранатъ въ оба замка и въ раздѣляющее ихъ ущелье. Болѣзненно долженъ былъ отозваться въ сердцѣ имама первый русскій орудійный выстрѣлъ съ лѣваго берега: съ этой минуты на горскомъ оплотѣ не было почти мѣста, укрытаго отъ дѣйствія нашихъ гранатъ, даже негдѣ было спрятать женщинъ и дѣтей; добываніе воды также затруднилось: единственный спускъ къ рѣкѣ былъ подъ вѣрными выстрѣлами сѣверной цѣпи передовыхъ постовъ. Ахульго было охвачено кольцомъ и Шамилю пришлось проститься и съ подкрѣпленіями, и со всякаго рода подвозами. Цѣпь нашихъ пикетовъ охватила съ сѣвера долину Койсу и совершенно прекратила всякое сообщеніе осажденныхъ черезъ рѣку. Двухсотенная партія андійцевъ и гумбетовцевъ, въ тотъ же вечеръ пробравшаяся въ Ахульго съ запасомъ муки, наткнулась на

*) Въмѣсто нея у Ахкента расположилась таровская милиція.

кабардинцевъ, поспѣшно отступила и расположилась на высотахъ. Съ разсвѣтомъ 5-го числа, андійцы и гумбетовцы, усилясь байгушами изъ сосѣднихъ ауловъ, начали беспокоить кабардинцевъ огнемъ, но посланныя противъ нихъ двѣ роты опрокинули горцевъ и заставили отступить, потерявъ нѣсколько человѣкъ. Ахметъ-ханъ въ тотъ же день сдѣлалъ поискъ къ Аргуани, но не встрѣтилъ уже непріятеля. Вскорѣ къ генералу Граббе явились лазутчики, сообщившіе ему весьма пріятное для него извѣстіе: агенты Шамиля, высланные имъ для возбужденія населенія, не имѣли никакого успѣха. Теперь у начальника отряда развязывались руки: онъ могъ сосредоточить все вниманіе и энергію исключительно на Ахульго, овладѣніе которымъ должно было быть достигнуто не отступая ни передъ какими жертвами; здѣсь уже шла рѣчь о нашей военной чести и престижѣ въ глазахъ горскихъ массъ.

6-го и 7-го чиселъ, на лѣвомъ берегу Койсу были устроены двѣ новыя батареи для двухъ легкихъ орудій и двухъ кегорновыхъ мортиръ, а 8-го августа былъ открытъ огонь, препятствовавшій непріятелю даже переходить изъ одной пещеры въ другую. Для перевозки этой артилеріи нужно было высѣкать дорогу въ скалѣ съ чрезвычайными затрудненіями. Въ то же время мостъ черезъ Койсу былъ замѣненъ болѣе надежнымъ. Небольшія партіи окрестныхъ жителей не переставали пытаться проникнуть въ Ахульго съ лѣваго берега и изрѣдка перестрѣливались съ аванпостами кабардинскаго полка.

Съ 9-го числа, саперы, дотога занятые безпрерывною работою на переправѣ, приступили къ измѣненію расположенія нашихъ батарей и къ окончанію крытаго спуска отъ нижняго гребня къ новому Ахульго.

На нижнемъ гребнѣ передъ новымъ Ахульго, въ батареѣ № 11-го, были поставлены кромѣ 4-хъ мортирокъ еще два горныхъ орудія съ верхняго гребня, гдѣ они оказались почти бесполезными. Лѣвѣе, на прикрытомъ пути, ведущемъ къ

верхнему гребню, была устроена новая батарея, № 12-го, на 4-ре полевыхъ орудія, снятыхъ съ мыса между рр. Ашильта и Бетль. Батарея № 13-го также была устроена на 4-ре полевыхъ орудія, для обстрѣливанія передовыхъ укрѣпленій новаго Ахульго во флангъ и ущелья между обоими утесами. Все это, впрочемъ, было для насъ шуткою, въ сравненіи съ чрезвычайно труднымъ, казалось почти невозможнымъ устройствомъ крытаго спуска къ контръ-эскарпу новаго Ахульго. Не смотря на скалистый грунтъ, мѣткій непріятельскій огонь и ежеминутное ожиданіе его вылазокъ, дѣло было сдѣлано 2-ю піонерною ротою кавказскаго сапернаго баталіона, подъ командою двухъ молодыхъ офицеровъ—подпоручиковъ графа Нирода *) и Гараева и подъ руководствомъ завѣдывавшаго всѣми инженерными работами подполковника того же баталіона Вильде. Наши саперы, по словамъ очевидцевъ, совершили чудеса искусства, находчивости и храбрости; они съ замѣчательнымъ упорствомъ, неутомимо продолжали свои работы, придумывая на каждомъ шагѣ что нибудь новое для преодоленія встрѣчавшихся препятствій **).

Нижній гребень къ сторонѣ новаго Ахульго обрывался почти отвѣсно, такъ что спускаться съ него можно было только или по высѣченнымъ въ камень ступенямъ, или по приставленной лѣстницѣ. Дальнѣйшія работы предстояло вести по остроуму мысу, круто склонявшемуся къ самому рву передовыхъ построекъ; на этой крутизнѣ даже нельзя было ставить туровъ. Долго раздумывали наши молодцы-саперы, что дѣлать и, наконецъ, додумались: рѣшено было строить галерею изъ досчатыхъ щитовъ, плотно связанныхъ между собою, прикрѣпивъ ее канатами къ двумъ прочнымъ столбамъ, утвер-

*) Командиръ роты.

***) Доблесть этихъ офицеровъ была достойно награждена: за блокаду Ахульго графъ Ниродъ и Гараевъ получили ордена св. Георгія 4-й степени и слѣдующіе чины.

жденнымъ на вершинѣ гребня. Этотъ смѣлый проэктъ облегчался нѣсколько тѣмъ, что на протяженіи ската кой-гдѣ были небольшія площадки, не только доставлявшія упоръ *висячей* галлерей, но и позволившія устроить ложементы для людей прикрытія работъ.

Въ особенности трудно было начало этой изумительной, не предусмотрѣнной ни въ какой фортификаціи работы, до тѣхъ поръ, пока она могла быть наконецъ, прикрыта карауломъ; вылазки непріятеля не только останавливали ее, но и уничтожали все, что было уже сдѣлано.

12-го августа, передъ разсвѣтомъ, около сотни мюридовъ, раздѣтыхъ и безъ обуви, съ цѣлью подобраться къ нашимъ рабочимъ возможно скрытно, вышли изъ своихъ заваловъ и подползли къ мантелету, прикрывавшему саперъ. Лежавшій здѣсь секретъ изъ 24-хъ куринцевъ вовремя замѣтилъ врага, подпустилъ его почти въ упоръ и, бросившись въ штыки, перекололъ 6-ть человекъ. Завидя подоспѣвшій резервъ, горцы бросились назадъ, но уже разсвѣтало и наша артилерія, замѣтивъ ихъ, со всѣхъ сторонъ ударила картечью. Мюриды скрылись въ пещерахъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ одно тѣло; четыре трупа скатились въ кручу. Благодаря распорядительности командовавшаго прикрытіемъ храбраго поручика куринскаго полка Каныщева, работы наши остались въ цѣлости и безостановочно продолжались вплоть до 16-го августа *). Въ этотъ день спускъ былъ доведенъ до перешейка, отдѣлявшаго нашу позицію отъ новаго Ахульго. Далѣе вести галлерейю не было возможности до взятія передовыхъ укрѣпленій: горцы могли совершенно препятствовать нашимъ работамъ, особенно при довольно изолированномъ положеніи прикрытія галлерей. Въ виду этого, начальникъ отряда рѣшилъ взять передовыя укрѣпленія штурмомъ. Безъ сомнѣнія его побуждали къ этому

*) Мѣсяцъ относительнаго бездѣйствія—съ 16-го июля по 16-е августа—всетаки стоилъ отряду до 100 человекъ убитыми и ранеными въ мелкихъ перестрѣлкахъ.

и нѣкоторыя другія причины. Съ одной стороны — отчаянное положеніе осажденныхъ; наши снаряды, бороздя землю по всѣмъ направленіямъ, положительно затрудняли въ Ахульго даже сообщеніе одной сакли съ другой; больныхъ и раненыхъ собралось много; между гарнизономъ появилась оспа; подвозъ и подкрѣпленій не было; только горцы, не привыкшіе ни къ какимъ удобствамъ въ жизни, воспламененные фанатизмомъ и сдерживаемые желѣзною рукою имама, — могли выносить подобныя лишенія и невзгоды блокады. Съ другой — усилившаяся болѣзненность въ отрядѣ; продолжительная стоянка на одномъ мѣстѣ, воздухъ зараженный гніеніемъ труповъ и удушливый зной не замедлили повліять на войска — и люди повалились. А между тѣмъ составъ отряда и безъ того значительно уменьшился влѣдствіе отсылки казаковъ и милиціи за окончательнымъ истощеніемъ въ окрестностяхъ подножнаго корма.

Бодрясь передъ истощеннымъ непривычнымъ постомъ и утомленнымъ продолжительною борьбой гарнизономъ, хитрый имамъ самъ внутренно не обманывался и, замѣчая на стойчивость осады, предвидѣлъ неизбѣжный конецъ. Шамиль старался войти съ нами въ переговоры сперва черезъ Джамала-черкеевскаго, но получилъ категорическій отвѣтъ генерала Граббе, что переговоры могутъ быть допущены только въ томъ случаѣ, если имамъ намѣренъ принести покорность, подкрѣпивъ искренность своихъ заявленій выдачею въ аманаты сына (приложеніе XVI). Въ концѣ іюля (27-го) прибылъ въ лагерь житель Черкея Біакай, черезъ котораго начались переговоры, сопровождавшіеся перемиріемъ и прекращеніемъ перестрѣлки, но черезъ нѣсколько часовъ были прерваны. Шамиль не соглашался на условія Граббе; онъ предлагалъ въ аманаты одного изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ и по одному человѣку изъ находившихся при немъ черкеевцевъ и ашильтинцевъ и требовалъ свободного пропуска изъ

Ахульго. Вообще стороны не сошлись: генераль Граббе смотрѣлъ на Шамиля какъ на бунтовщика и разбойника, имамъ же говорилъ съ достоинствомъ предводителя одной изъ воюющихъ сторонъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ началѣ августа, въ отрядъ прибыла депутація отъ Андалаля и привезла между прочимъ Граббе письмо тилитльскаго кадя Кибитъ-Магомы, который вызывался быть посредникомъ между русскимъ начальствомъ и имамомъ. Начальникъ отряда отказалъ наотрѣзъ непрошеному медиатору, выразившись, что не можетъ допустить никакого посредничества между собою и мятежникомъ, испрашивающимъ прощенье у законной власти. Посланные удалились, а между тѣмъ, 12-го августа, Шамиль и самъ прислалъ къ намъ парламентаря. Переговоры начались, перестрѣлка прекратилась и наши войска могли вздохнуть свободнѣе. Четыре дня съ перерывами, сопровождавшимися перестрѣлкою, тянулись объясненія, но не привели ни къ чему. Прибывшій Джамаля вель себя двусмысленно и только портилъ и затягивалъ дѣло, такъ что Граббе даже арестовалъ его. Замѣтивъ, что перемиріе служитъ непріятелю лишь для исправленія заваловъ, начальникъ отряда приказалъ объявить Шамилю, что если онъ къ вечеру 16-го числа не выдастъ сына, то мы на другой же день будемъ штурмовать Ахульго.

Между тѣмъ съ 16-го на 17-е августа была разослана войскамъ слѣдующая диспозиція: штурмъ слѣдовало начать съ разсвѣтомъ. Для атаки формировались три штурмовыя колонны: *правая*—1-й, 2-й и 3-й баталіоны куринцевъ и рота саперъ, подъ командою генераль-маіора Пулло—собиралась за нижнимъ гребнемъ и предназначалась для овладѣнія передовыми построиками новаго Ахульго; *средняя*—изъ 3-го апшеронскаго баталіона, маіора Тарасевича—должна была также дѣйствовать противъ новаго Ахульго, двинувшись по руслу р. Ашильты, между обоими замками и *лѣвая*—изъ 4-го бата-

ліона апшеронскаго полка, подъ командою полковника Попова — должна была демонстрироватьъ противъ стараго Ахульго, но, по мѣрѣ успѣха Пулло, перейти въ энергическое наступленіе вмѣстѣ съ предыдущею колонною. Въ резервѣ за центромъ былъ поставленъ 4-й баталіонъ куринскаго полка. Прочія войска остались на своихъ мѣстахъ, охраняя дороги въ Ихали, Чиркатъ и Черкей. Батареи не измѣнили своихъ выгодныхъ позицій; онѣ получили приказаніе усиленно обстрѣливать непріятельскія постройки и завалы до той минуты, когда наступленіе колоннъ сдѣлаеть это невозможнымъ. Офицеры генеральнаго штаба были распределены по колоннамъ; при правой—находился капитанъ Вольфъ, при средней—штабсъ-капитанъ Эдельгеймъ, а при лѣвой—штабсъ-капитанъ Шульцъ.

17-го августа, съ разсвѣтомъ, едва солнечные лучи скользили по вершинамъ угрюмыхъ ахульгинскихъ утесовъ, загремѣли всѣ наши орудія. 1-й баталіонъ куринскаго полка, имѣя въ головѣ охотниковъ, спустился крыгою галлереею и быстро началъ подниматься на скалу, не смотря на градъ камней и пуль изъ всѣхъ заваловъ. Отчаянное мужество мюридовъ, зашвыгнувъ въ передовомъ укрѣпленіи подъ начальствомъ самого Сурхая, не могло остановить нашихъ солдатъ, съ генераломъ Пулло и подполковникомъ Цыклауровымъ, лично ставшими впереди штурмующихъ: передовое укрѣпленіе новаго Ахульго частью было занято, а велѣдъ затѣмъ наши саперы, съ подпоручиками графомъ Ниродомъ и Гараевымъ, успѣли продѣлать всходъ и втащить туры и фашины для устройства ложементовъ. Егеря, стѣсненные на узкомъ пространствѣ, ограниченномъ съ обѣихъ сторонъ обрывами, не могли даже выстроить взводную колонну, а между тѣмъ горцы, засыпая ихъ пулями, повременамъ бросались въ пашки. Не видя спасенія и рѣшившись дорого продать свою жизнь, они съ дикимъ отчаяніемъ прорывали нашъ строй и погибали на птыкахъ или же

умирали въ сакляхъ, постепенно взламываемыхъ. Кровавый бой за обладаніе этимъ ключемъ непріятельской позиціи— всю важность котораго отлично сознавали горцы—длился до полудня. Немногіе изъ фанатиковъ уцѣлѣли: до 150-ти убитыхъ и раненыхъ покрывали площадку; Сурхай-кадіи были убиты. Къ этому времени уже были готовы ложементы и куринцы стали твердою ногою лицомъ къ лицу съ новымъ Ахульго; но мюриды еще упорно держались въ двухъ подземныхъ сакляхъ-капонирахъ и обдавали цѣлымъ ливнемъ свинца перекопъ, отдѣлявшій площадку отъ остальной части новаго Ахульго. Между тѣмъ, наша артилерія дѣйствовала настолько удачно, что горцы начали колебаться и понемногу скрываться въ нижнія пещеры и ущелье между замками. Тогда генераль-маіоръ Пулло направилъ охотниковъ въ обходъ перекопа, по самому краю обрыва, и подкрѣпилъ ихъ двумя ротами 2-го баталіона куринскаго полка, подъ командою кавказскаго сапернаго баталіона поручика Попандопулло. Охотники шли по такой узкой тропинкѣ надъ кручею, что нѣсколько человѣкъ оступились и, сорвавшись внизъ, разбились о камни. Это движеніе рѣшило дѣло: потерявъ уже надежду удержать за собою новое Ахульго, Шамиль, въ часъ пополудни, поспѣшилъ выставить бѣлый флагъ и, когда пальба съ нашей стороны прекратилась, немедленно выслалъ къ генералу Граббе, въ аманаты, своего любимаго старшаго сына Джамалъ-Эдина *). Принимая во вниманіе, что главная (правая) штурмовая колонна была въ бою болѣе 6-ти часовъ въ весьма жаркій день, выбилась изъ силъ и, по условіямъ мѣст-

*) Привезенный въ Петербургъ, онъ поступилъ на воспитаніе въ 1-й кадетскій корпусъ, былъ выпущенъ офицеромъ въ владимірскій уланскій полкъ и возвратился обратно къ отцу лишь въ 1855-мъ году, въ обмѣнъ на захваченныхъ горцами въ Цинцдалахъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани. Молодой человѣкъ не могъ примириться съ жизнью въ аулѣ, послѣ пребыванія въ русской столицѣ, захирѣлъ и умеръ въ чахоткѣ въ с. Карата.

ности, почти не могла быть смѣнена свѣжими частями, что впереди предстояли еще чрезвычайныя затрудненія, такъ какъ въ обширныхъ и недоступныхъ пещерахъ даже горсть людей, рѣшившихся умереть, могла долго сопротивляться и, наконецъ, что продолженіе приступа безотлагательно, не смотря на несомнѣнность успѣха вообще, стоило бы намъ огромныхъ потерь и доставило бы только Шамилю въ глазахъ мюридовъ вѣнецъ мученика, — начальникъ отряда продиктовалъ имаму свои прежнія условія капитуляціи и далъ ему на размышленіе три дня срока.

Потеря наша въ бою 17-го августа была значительна, хотя и менѣе, чѣмъ при первомъ штурмѣ. Изъ строя выбыло убитыми два офицера *) и 100 нижнихъ чиновъ, ранеными— 6-ть офицеровъ **) и 96-ть нижнихъ чиновъ и контуженными— 5-ть офицеровъ ***) и 293 нижнихъ чина. Уронъ непріятели былъ такъ великъ, что въ сутки горцы едва успѣли убрать все свои тѣла. Особенно тяжела была для Шамиля утрата Сурхая, бывшаго его правою рукою. Преданнѣйшіе и испытанные мюриды имама дотого упали духомъ, что умоляли его скорѣе согласиться на все требованія русскаго начальства. Переговоры начались 17-го же августа. Для ускоренія ихъ хода было рѣшено, что исправлявшій должность начальника отряднаго штаба генераль-маіоръ Пулло будетъ имѣть личное свиданіе съ Шамилемъ, впереди расположенія нашихъ войскъ, въ самомъ Ахульго. Имамъ долго колебался, опасаясь

*) Куринскаго полка поручикъ Сорневъ 2-й и кавказскаго сапернаго баталіона поручикъ Попандупуло.

**) Куринскаго полка штабель-капитанъ Берхманъ, поручикъ Каныщевъ и подпоручикъ Пересвѣтовъ, прикомандированный изъ кабардинскаго полка поручикъ Куликовъ, резервной № 2-го батареи 19-й артилерійской бригады поручикъ Пеструевъ и костромскаго егерскаго полка поручикъ Гепъ.

***) Аншеронскаго полка штабель-капитанъ Клитаревъ, куринскаго полка подпоручикъ Мартыновъ, кавказскаго сапернаго баталіона подпоручикъ Гарасевъ, л.-гв. гренадерскаго полка поручикъ Муратовъ и оберъ-вагенмейстеръ 20-й пѣхотной дивизіи капитанъ Домбровскій.

какого нибудь злаго умысла съ нашей стороны, но, наконецъ, согласился и, утромъ 18-го, Пулло, съ небольшою свитою, вышелъ на Ахульго. Шамиль вышелъ навстрѣчу, усадилъ гостя на разостланный коверъ и бесѣдовалъ съ нимъ около полчаса. Всѣ старанія и убѣжденія Пулло оказались бесплодными: горскій предводитель не соглашался именно относительно главнаго пункта—онъ просилъ себѣ разрѣшенія жить въ горахъ, а сыну—отданному уже въ аманаты—въ Черкеѣ, подъ присмотромъ Джамала. Свиданіе оказалось бесполезнымъ, вопреки всѣмъ нашимъ ожиданіямъ. Переговоры опять затянулись, генераль Граббе получилъ отъ Шамиля два письма (приложеніе XVII), на которыя нельзя было согласиться, а между тѣмъ условленный трехдневный срокъ перемирія уже истекалъ. Видя, что Шамиль начинаетъ становиться все болѣе неуступчивымъ, Граббе, озабоченный скорымъ наступленіемъ дождливой и холодной осени, рѣшилъ не терять болѣе драгоценнаго времени и во что бы то ни стало покончить съ Ахульго.

Въ продолженіе перемирія были сдѣланы нѣкоторыя перемѣщенія въ расположеніи войскъ. Въ ночь съ 20-го на 21-е августа, куринцы, уголенные продолжительнымъ боемъ, были отозваны изъ ложементовъ на новомъ Ахульго; вмѣсто нихъ посланы кабардинцы, смѣненные на лѣвомъ берегу Койсу двумя баталіонами князя Варшавскаго полка. Кроме того, въ составъ правой колонны вошли еще два баталіона алшеронцевъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Лабынцева. Сильно занявъ передовое укрѣпленіе, Лабынцевъ расположился за нижнимъ гребнемъ.

На разсвѣтѣ 21-го числа штурмъ возобновился. Генераль Лабынцевъ двинулъ 1-й баталіонъ кабардинцевъ на непріятельскую постройку бастионнаго начертанія *), обороняемую Ахверды-Магомою. По первымъ выстрѣламъ у перекоса,

*) Двѣ скрытыя сакли, соединенныя траншею.

Шамиль направилъ сюда большую часть гарнизона; завязался кровопролитный бой на жизнь и на смерть. Вскорѣ, лѣвая сакля была взята, правая же, наиболѣе недоступная по своему положенію, держалась цѣлый день, не смотря на то, что мы испробовали все средства: бросали на дно рва ручныя гранаты, заваливали его фашинами и турами и проч. Наконецъ, ночью, саперы начали устраивать мину, выѣкая галерею въ сплошной глыбѣ камня. Сакля была обрушена и все ея защитники погибли подъ развалинами или пали подъ штыками ожесточенныхъ упорною защитою солдатъ. Кабардинцы немедленно заняли взятую съ боя постройку и наскоро прикрылись отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Для дальнѣйшаго развитія успѣха, по приказанію начальника отряда, въ преддверіи новаго Ахульго были оставлены двѣ роты апшеронцевъ, подъ командою маіора Вагнера, съ приказаніемъ держаться тамъ до послѣдняго человѣка, кабардинскіе баталіоны расположены на покатоности къ рѣчкѣ Апильта, въ полной готовности къ штурму, съ резервомъ позади изъ 3-го баталіона апшеронскаго полка. 1-ый баталіонъ апшеронскаго и 3-й куринскаго полковъ составили общій резервъ правой колонны. Такимъ образомъ, все было подготовлено для послѣдняго рѣшительнаго боя, но наступившее утро ясно показало намъ упадокъ духа гарнизона, оставшагося безъ главы, такъ какъ имамъ, видя, что дѣло проиграно, поспѣшилъ бѣжать съ семьею и нѣсколькими преданными моридами, приказавъ горцамъ перейти для послѣдней отчаянной обороны въ старое Ахульго.

Съ разсвѣтомъ было замѣчено большое движеніе на новомъ Ахульго: женщины съ дѣтьми поспѣшно уходили въ старый замокъ, унося все свое имущество. Этой минутой тотчасъ воспользовался Граббе; онъ приказалъ артилеріи усиленно обстрѣлять непріятельскіе завалы, а двумъ апшеронскимъ ротамъ маіора Вагнера и двумъ ротамъ кабардинскаго

полка, подъ начальствомъ маіора Денисенко, перейти въ наступленіе. Кабардинцы и ашперонцы быстро бросились къ аулу, опрокидывая передъ собою толпы горцевъ, изумленныхъ неожиданнымъ натискомъ. Вслѣдъ за ними двинулись: слѣва шесть кабардинскихъ ротъ, а справа 2-й куринскій баталіонъ. Очистивъ всѣ траншеи и завалы и обойдя пещеры, гдѣ засѣли мюриды, войска проникли въ самое селеніе; первымъ ворвался туда унтеръ-офицеръ куринскаго полка Костенецкій, бывший студентъ московскаго университета *). Завязался отчаянный бой; даже женщины оборонялись съ изступленіемъ, бросаясь безъ всякаго оружія на сплоченный рядъ нашихъ штыковъ. Вскорѣ сопротивленіе горцевъ было сломлено и они бросились бѣжать въ ущелье р. Ашилыты, въ старыи замокъ и пещеры; лишь 200 отчаянныхъ фанатиковъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ, заперлись въ сакляхъ и продолжали отстрѣливаться. Бой разбился на мелкія рукопашныя схватки и къ полудню на новомъ Ахульго не осталось ни одного непріятеля.

Между тѣмъ на новомъ Ахульго были поставлены два орудія противъ стараго; тамъ замѣчалась большая суматоха; часть горцевъ еще не успѣла перейти мостикъ и спускалась къ нему по весьма трудной и опасной тропинкѣ; за ними бросились войска правой колонны, а въ это время туда уже вторгнулся 3-й ашперонскій баталіонъ маіора Тарасевича.

Въ то время, когда на новомъ Ахульго бой былъ уже въ полномъ разгарѣ—около 10-ти часовъ утра—генераль Пулло, по приказанію генерала Граббе, двинулъ 3-й баталіонъ ашперонцевъ на приступъ къ старому Ахульго. Ашперонцы, воодушевленные успѣхомъ правой колонны и личнымъ

*) Отданный за какой то проступокъ въ солдаты, Костенецкій, по свидѣтельству генераль-адъютанта Граббе, „уже неразъ отличался своею отважностью“. Такъ, въ доброе старое время, некупала наша молодежь свои юношескіе грѣхи, нерѣдко складывая голову на службѣ Царю и родинѣ!...

примѣромъ храбраго маіора Тарасевича, не дали врагу опомниться; они быстро начали подниматься на утесъ, гдѣ толпы Шамиля искали послѣдняго убѣжища. Путь колоннѣ указывалъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Шульцъ, тяжело раненый въ третій разъ за время блокады, но, тѣмъ не менѣе, не пропускавшій ни одного штурма. По узкой тропинкѣ, въ одного человѣка, поднялись апшеронцы на плоскость стараго Ахульго, изрытую пещерами и подземными саклями, покрытую башнями и завалами—и мгновенно заняли главнѣйшіе пункты. Непріятель, сосредоточившій все свое вниманіе на происходившемъ въ новомъ замкѣ, какъ видно вовсе не ожидалъ натиска. Онъ замѣтилъ голову колонны только тогда, когда она уже поднялась на утесъ и встрѣтилъ ее залпомъ; но уже было поздно: апшеронцы ринулись вверхъ и опрокинули горцевъ штыками. Часть гарнизона положила оружіе, около же 600 мюридовъ продолжали защищаться съ ожесточеніемъ. По прибытіи передовыхъ частей войскъ съ новаго Ахульго и послѣ продолжительнаго боя, фанатики были истреблены до послѣдняго. Въ два часа дня 22-го августа на обоихъ Ахульго развѣвались русскія знамена.

Потеря непріятели была огромна: до 700 тѣлъ устилали поверхность обоихъ утесовъ, вообще же насчитано было болѣе 1000 труповъ; много убитыхъ было унесено быстрымъ теченіемъ Койсу. Въ плѣнъ было взято до 900 человѣкъ, большею частью стариковъ, женщинъ и дѣтей. Съ трудомъ мирились гордые горцы со своимъ положеніемъ; не смотря на полное изнуреніе и раны, нѣкоторые бросались на штыки часовыхъ, предпочитая смерть позорному плѣну.

Нашъ уронъ въ бою 21-го и 22-го августа былъ великъ, но не настолько, какъ слѣдовало ожидать, судя по обстановкѣ, въ которой войскамъ пришлось драться: изъ строя выбыло: убитыми 6-ть офицеровъ *) и 150 нижнихъ чиновъ,

*) Апшеронскаго полка поручики Таустъ, Травишъ, Мостовскій и прапор-

ранеными 1 штабъ, 15-ть оберъ-офицеровъ *), 494 нижнихъ чина и контуженными два офицера **).

Такъ кончилась осада Ахульго, составляющая одну изъ блистательнѣйшихъ страницъ исторіи кавказской арміи. Генераль-адъютантъ Граббе отъ души благодарилъ войска за ихъ подвиги, въ приказѣ по отряду отъ 22-го августа 1839-го года (приложеніе XVIII).

Съ 23-го августа было приступлено къ окончательному очищенію сакль и пещеръ; начался упорный одиночный бой, продолжавшійся цѣлую недѣлю. Горцы не хотѣли сдаваться и защищались отчаянно; женщины и дѣти, съ кинжалами и камнями, въ изступленіи лѣзли на штыки или, потерявъ послѣднюю надежду, бросались въ пропасть; матери собственными руками убивали дѣтей, чтобы они не доставались русскимъ; цѣлыя семьи гибли подъ развалинами своихъ жилищъ; нѣкоторые фанатики, истекая уже кровью и отдавая оружіе нашимъ солдатамъ или офицерамъ, въ послѣднемъ предсмертномъ усиліи предательски убивали ихъ; жертвою подобнаго вѣроломства палъ храбрый командиръ 3-го баталіона апшеронскаго полка маіоръ Тарасевичъ. Особенно большихъ трудовъ стоило выгнать непріятеля изъ пещеръ, вырытыхъ въ отвѣсномъ обрывѣ надъ Койсу; солдаты, чтобы выбить засѣвшихъ враговъ спускались туда на веревкахъ.

Тягостна была эта недѣля, съ 23-го по 30-е августа, для

щикъ Логвиновъ, кабардинскаго—штабъ-капитанъ Орель и тарутинскаго егерскаго—поручикъ Дьяковъ.

*) Кабардинскаго полка маіоръ Денисенко, поручикъ Козинцевъ, подпоручики Македонскій, Шелаевъ, Забѣлло, прапорщики Анфиловъ, Раевскій, генеральнаго штаба штабъ-капитаны Эдельгеймъ и Шульдцъ, апшеронскаго полка штабъ-капитанъ Мягковъ, поручикъ Шрейдеръ, прапорщикъ Павловъ, князя Варшавскаго полка подпоручикъ Зоммеръ, прапорщикъ Чечековъ, смоленскаго уланскаго полка поручикъ Мартинау и низовскаго егерскаго—поручикъ Розенлинде.

**) Кабардинскаго полка штабъ-капитанъ Сервіановъ и подпоручикъ Мисостовъ.

нашихъ войскъ, вслѣдствіе смрада, наполнявшаго воздухъ отъ множества мертвыхъ тѣлъ; въ узкомъ ущельи между обоими Ахульго люди положительно не могли оставаться безъ смѣны болѣе нѣсколькихъ часовъ.

Пока одна часть войскъ была занята осмотромъ и очищеніемъ послѣднихъ убѣжищъ горцевъ, другая—усердно трудилась надъ разрушеніемъ укрѣпленій. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ числѣ и сурхаева башня,—взорваны порохомъ. Къ 29-му числу все было окончено, въ Ахульго не осталось ни одного горца, но Шамиля нигдѣ не нашли. Вскорѣ лазутчики сообщили о его бѣгствѣ. Скрывшись въ ночь на 22-е число въ одну изъ пещеръ, Шамиль рѣшился съ небольшимъ конвоемъ прорваться сквозь линію блокады. Въ полночь съ 22-го на 23-е августа, онъ пустилъ по рѣкѣ плотъ, обратившій на себя вниманіе нашихъ постовъ и вызвавшій градъ пуль, а самъ, съ семейю и нѣсколькими моридами, направился по скаламъ въ Гимры. Дорогою имамъ наткнулся въ ущельи на небольшой постъ, отъ котораго, послѣ жаркой перестрѣлки, ему удалось ускользнуть. Самъ онъ былъ раненъ, также какъ одинъ изъ его родственниковъ и малолѣтній сынъ, котораго мать несла на спинѣ. Къ разсвѣту бѣглецы достигли сліянія андійскаго Койсу съ аварскимъ и, переправившись, бросились въ Салатау, а оттуда въ Чечню.

80-ти-дневная осада Ахульго, съ 12-го іюня по 30-е августа, стоила намъ, кромѣ убыли отъ болѣзней и другихъ причинъ, 150 офицеровъ и 2919-ть нижнихъ чиновъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ. Войска были крайне утомлены; баталіоны ослабѣли дотого, что въ нѣкоторыхъ осталось не болѣе 200 штыковъ; обувь и одежда были совершенно изношены; артилерійскія и подъемныя лошади изморены вконецъ и числа ихъ нехватало на все количество орудій и повозокъ отряда.

30-го августа, въ день св. Александра Невскаго, послѣ

молебствія, отрядъ выступилъ изъ подъ Ахульго и двинулся черезъ Унцукуль на Гимры, по весьма трудной вновь разработанной дорогѣ. Всѣ тяжести и легкая артилерія были отправлены, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ апшеронцевъ, кружнымъ и болѣе удобнымъ путемъ — черезъ Цатаныхъ и Зыряны.

1-го сентября правая, легкая колонна отряда прибыла въ Гимры. Это постоянно мятежное селеніе, родина Казимуллы и Шамиля и гнѣздо мюридизма, по своей близости къ плоскости всегда имѣло самое вредное вліяніе на покорныя намъ племена и считало себя обезпеченнымъ отъ русскихъ войскъ недоступнымъ своимъ мѣстоположеніемъ. Однако, послѣ штурма Аргуани, гимринцы увидѣли необходимость смириться хоть на время, пока мы блокировали Ахульго. Все это, конечно, несколько не мѣшало имъ пробираться въ замокъ и помогать Шамилю. Впрочемъ, Граббе не обращалъ особаго вниманія на ихъ двоедушіе и довольствовался наружною покорностью, позволившею намъ устроить черезъ Гимры прямое сообщеніе съ Шурою. Паденіе Ахульго, считавшагося у горцевъ неприступнымъ, повергло въ ужасъ послѣднихъ приверженцевъ имама въ койсубулинскихъ селеніяхъ. Когда чеченскій отрядъ проходилъ черезъ Унцукуль, то войскамъ пришлось немало выслушать выраженій удивленія и одобренія — даже отъ женщинъ и дѣтей. Въ виду того, что гимринцы, находившіеся въ Ахульго, были или арестованы, или въ плѣну или, наконецъ, убиты — генераль-адъютантъ Граббе объявилъ остальнымъ всеобщее прощеніе и назначилъ имъ русскаго пристава — Уллу-бея эрпелинскаго — ввѣривъ ему также и управленіе селеніемъ Ашильта, въ которомъ просили позволенія водвориться 24-ре семейства, державшіеся въ сторонѣ отъ всего происходившаго у бывшаго оплота Шамиля.

Простоявъ одинъ день подъ Гимрами, Граббе 2-го сентября поднялся на каранаевскую гору, а 3-го — расположилъ

войска лагеремъ въ полуверстѣ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Здѣсь отрядъ простоялъ пять дней въ ожиданіи тяжестей и артилеріи. Шамхальская и мехтулинская милиція, по минованіи къ ней надобности, была распущена. 6-го сентября прибыла и вторая колонна, 8-го въ лагерѣ было отслужено благодарственное молебствіе послучаю окончанія труднаго похода противъ Шамиля, а на другой день было назначено выступленіе отряда на кумыкскую плоскость. Генераль-адъютантъ Граббе предполагалъ пройти черезъ с. Черкей и Салатау. Названное селеніе, не смотря на близость пунктовъ занятыхъ нашими войсками, не прекращало постоянныхъ своихъ сношеній съ Шамилемъ. Старшина ихъ Джамаль былъ арестованъ, а селенію обѣщано строгое наказаніе, но ничто не помогало. Послѣ паденія Ахульго, особенно же въ виду нахождения стадъ жителей на правомъ берегу Сулака, Черкей вдругъ перемѣнилъ тонъ: депутація, явившаяся въ лагерь подъ Шурою, выражала неограниченную преданность русскимъ, просила объ освобожденіи Джамала и убѣждала Граббе непременно пройти съ отрядомъ черезъ ихъ селеніе. Такъ какъ до сихъ поръ Черкей гордился тѣмъ, что въ немъ еще не бывала нога русскаго солдата, то приглашеніе это казалось самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ покорности. Не слѣдовало конечно забывать, что въ каждомъ аулѣ была буйная молодежь, неохотно подчинявшаяся старѣйшей и благоразумной части населенія и не упускавшая случая затѣять перестрѣлку или сдѣлать лихой набѣгъ, но присутствіе депутаціи изъ почетнѣйшихъ жителей, приглашеніе ихъ и пребываніе черкеевскихъ стадъ на плоскости, — заставили откинуть всякую недовѣрчивость, не смотря на слухъ, ходившій еще 7-го числа, что между жителями Черкея была какая то ссора, окончившаяся даже перестрѣлкою, и что часть семействъ уже выселяется изъ аула.

9-го сентября, утромъ, чеченскій отрядъ вытянулся

длинною лентою по дорогѣ къ Черкею. Въ авангардѣ шли три баталіона князя Варшавскаго полка, одинъ—апшеронскаго, съ 4-мя горными орудіями, подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Клоки-фонъ-Клугенау *). Авангардъ, слѣдуя безостановочно, опередилъ главные силы на нѣсколько верстъ и, подходя къ мосту на Сулакѣ, былъ встрѣченъ почетными черкеевцами, поднесшими виноградъ и разные плоды для генерала и начальника отряда, въ знакъ своего гостепріимства, и увѣрявшими въ готовности исполнить всѣ наши требованія. Казалось, нельзя было ожидать лучшаго пріема!... Между тѣмъ головной баталіонъ князя Варшавскаго полка дебушировалъ уже черезъ мостъ и потянулся, съ пѣсенниками впереди, по узкой углубленной дорогѣ, поднимавшейся между густыми садами къ селенію. Вслѣдъ за нимъ переправился взводъ горныхъ орудій и другой баталіонъ графцевъ. Къ этому времени головной баталіонъ уже приближался къ воротамъ аула. Никакихъ особенныхъ предосторожностей нами принято не было; даже ружья не были заряжены. Громко разливалась лихая кавказская пѣня, гудѣлъ бубень. Ъхавшій впереди пѣсенниковъ генераль Клугенау невольно улыбался при какихъ то сверхъестественныхъ треляхъ рѣзкой фистулы ротнаго запѣвалы..... какъ вдругъ раздался залпъ изъ ближайшихъ домовъ и съ крышъ.

*) Генераль Клугенау въ 1838-мъ году принужденъ былъ навремя оставить Дагестанъ. Поставленный въ натянутыя отношенія къ генераль-лейтенанту Фезе, онъ счелъ за лучшее уклониться отъ совмѣстной съ нимъ службы и просилъ объ увольненіи въ отпускъ за границу для излеченія отъ раны, сильно его беспокоившей. Однако Высочайшимъ разрѣшеніемъ онъ не воспользовался, вслѣдствіе предложенія корпуснаго командира управлять ахалцыхскою провинціею, охваченною чумною заразою, вскорѣ впрочемъ прекращенною энергическими и разумными мѣрами Клугенау. Въ 1839-мъ году, передъ походомъ къ Ахульго, генераль Граббе просилъ о назначеніи къ нему Клугенау. Просьба эта была исполнена, Клугенау назначенъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи, но пока онъ успѣлъ сдать свою должность преемнику, Ахульго уже пало подъ нашими штыками и Клугенау могъ явиться Граббе только лишь по возвращеніи отряда въ Шуру.

Войска вовсе не были приготовлены къ подобной неожиданности; произошелъ безпорядокъ, колонна остановилась, но пока начали разбираться, а Клугенау приказалъ выслать стрѣлковъ, черкеевцы успѣли охватить уже насъ съ обоихъ фланговъ и, подкравшись незамѣтно къ мосту, зажгли его. Мостъ состоялъ изъ деревянныхъ перекладинъ, укрѣпленныхъ на выдающихся утесахъ, и мгновенно вспыхнулъ, такъ что, перешедшія къ селенію части рисковали быть совсѣмъ отрѣзанными. Генераль Клугенау приказалъ отступать, но исполнить это было не такъ то легко: приходилось идти узкимъ строемъ и, не смотря на всѣ старанія ускорить переходъ по пылавшему мосту, трудно было избѣжать столпленія. Къ довершенію несчастья черкеевцы бросились въ шапки и затѣмъ, засѣвъ въ садахъ, провожали насъ убійственнымъ огнемъ. Лошади подъ обоими горными единорогами были перебиты; одно орудіе успѣли перетащить на рукахъ на другой берегъ, но другое осталось на той сторонѣ. Мостъ рухнулъ и наши стрѣлки, съ двумя офицерами и орудіемъ, остались въ рукахъ вѣроломныхъ горцевъ. Кромѣ того, изъ строя двухъ баталіоновъ выбыло убитыми 55-ть нижнихъ чиновъ, ранеными два оберъ-офицера *), 81-нѣ нижній чинъ и контуженными 12-ть рядовыхъ.

Между тѣмъ подоспѣли главныя силы и выстроились въ боевомъ порядкѣ на правомъ берегу противъ Черкея. Видя гнусную измѣну, генераль-адъютантъ Граббе потребовалъ объясненій отъ старшинъ и почетныхъ жителей аула, находившихся подъ надзоромъ при отрядѣ. Они клялись, что тутъ не существовало общаго преднамѣреннаго плана, а все было дѣломъ молодежи, въ виду слуха, что русскіе будто бы намѣрены испенедить селеніе. Тогда начальникъ отряда рѣшился

*) Князя Варшавскаго полка прапорщикъ Аргутинскій и прикомандированный къ тому же полку легкой № 4-го батареи 19-й артилерійской бригады поручикъ Дяхачевъ.

подойти къ Черкею черезъ Міатлы, Хубарь и Гертме и не оставить въ селеніи камня на камнѣ, если жители не исполнятъ всѣхъ его приказаній, такъ какъ оставить безъ наказанія поступокъ черкесцевъ, значило ослабить нравственное вліяніе на горцевъ, купленное подъ Ахульго такою дорогою цѣною. Въ то же время черкесскіе старшины были арестованы, казакамъ приказано немедленно захватить черкесскія стада, а самому аулу объявлена ожидавшая его участь.

10-го сентября отрядъ выступилъ двумя колоннами: по прямой дорогѣ были направлены 9½ баталіоновъ, съ 12-ю горными орудіями и вьюками, а всѣ тяжести и полевые орудія, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ, пошли кружнымъ путемъ.

Міатлинская переправа въ то время состояла изъ одного парома, прикрытаго съ обоихъ береговъ башнями. Къ тому же нѣсколько дней сряду былъ такой сильный вѣтеръ съ проливнымъ дождемъ, что бурное теченіе нѣсколько разъ рывало канаты и сносило паромъ. Вслѣдствіе этого переправа тянулась три дня и только 14-го отрядъ могъ двинуться къ сел. Инчхе. Здѣсь предполагалось дожидаться изъ Внезапной транспорта съ продовольствіемъ и боевыми припасами, такъ какъ раньше этого нельзя было и помышлять о движеніи въ горы. Нужны были свѣжія лошади подъ орудія и обозъ, такъ какъ часть артилеріи уже возилась на волахъ; необходимо было въ пѣхотѣ обновить одежду и аммуницію, а въ виду наступленія осенняго времени, съ проливными дождями, вѣтрами и снѣгомъ на горахъ— позаботиться о полушубкахъ и возможномъ улучшеніи пищи людей.

Къ счастью, отряду не пришлось совершать новаго, труднаго и несвоевременнаго движенія въ горы. Черкесцы ясно понимали, что не будучи приготовлены къ оборонѣ не могли сопротивляться русскимъ; еще 9-го сентября они освободили плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ, а на другой день прислали

генералу Граббе письмо (приложение XIX), въ которомъ просили помилованія, и обѣщали вслѣдъ за тѣмъ привезти и оставшееся у нихъ горное орудіе. Дѣйствительно, 15-го сентября, въ лагерь у Инче явилась депутація съ орудіемъ. Генераль Граббе не сразу принялъ черкеевцевъ и допустилъ ихъ къ себѣ только послѣ убѣдительныхъ просьбъ. Депутаты на колѣняхъ молили о пощадѣ—явленіе рѣдкое со стороны гордыхъ горцевъ. Начальникъ отряда не видѣлъ особой пользы въ разрушеніи богатаго аула, населеннаго четырьмя тысячами жителей, обрабатывавшихъ виноградные сады, занимавшіе до 10-ти квадратныхъ верстъ; не желая увеличивать числа бездомныхъ абрековъ и предполагая въ будущемъ измѣнить настроеніе черкеевцевъ устройствомъ близъ аула укрѣпленія, онъ, послѣ строгаго упрека, даровалъ имъ прощеніе; но объявилъ, что съ этой минуты назначитъ въ селеніе русскаго пристава и распространитъ и на нихъ общія условія, предписываемыя всѣмъ покоряемымъ племенамъ (приложение XX). Депутація согласилась на все.

Собственно наказаніе вѣроломнаго аула ограничилось: 1) взятіемъ въ казну сорока тысячъ барановъ (изъ 150 т.), изъ коихъ большая часть была отправлена на линію для продажи, а остальное роздано на порціи войскамъ, 2) очищеніемъ мѣста для будущаго укрѣпленія, что требовало истребленія части виноградныхъ садовъ и 3) обязательствомъ жителей доставить матеріалы для постройки укрѣпленія.

Постройка проектированнаго укрѣпленія, въ виду наступившей ненастной погоды и сильнаго утомленія войскъ, была отложена генераломъ Граббе до весны будущаго 1840-го года.

Между тѣмъ шли весьма успѣшные переговоры съ покорявшимися дагестанскими племенами. 16-го сентября прибыла къ генералу Граббе депутація изъ Гумбета, съ аманатами и ружьями въ залогъ покорности. Анди, Карата, Инху,

Ихали, Тлокъ и другія общества выдали аманатовъ и оружіе Ахметъ-хану мехтулинскому, специально командированному для этой цѣли, и приняли всѣ наши условія. Даже Технупаль не отсталъ отъ другихъ и прислалъ депутацію.

18-го сентября отрядъ выступилъ изъ лагеря у Инче; части 19-й пѣхотной дивизіи, съ орудіями 19-й артилерійской бригады, подъ командою генераль-маіора Клугенау *), направились черезъ міатлинскую переправу въ Темиръ-Ханъ-Шуру, для дальнѣйшаго слѣдованія черезъ Дербентъ въ Кубу; остальные же войска двинулись къ Внезапной по прямой дорогѣ, пославъ тяжести и легкія орудія черезъ Міатлы.

По прибытіи въ Внезапную, отрядъ, послѣ нѣкотораго отдыха, былъ распущенъ на зимнія квартиры, а генераль-адъютантъ Граббе, поручивъ всѣ распоряженія по отправленію войскъ генераль-лейтенанту Галафѣеву, выѣхалъ въ Ставрополь.

Дѣйствія генераль-адъютанта Граббе на сѣверѣ Дагестана безспорно были блестящи, имѣли несомнѣнное вліяніе на настроеніе умовъ въ горскихъ обществахъ и могли быть очень плодотворны—если бы мы, какъ предполагалось раньше, утвердились хоть въ одномъ пунктѣ по андійскому Койсу **).

*) Генераль-адъютантъ Граббе, сдѣлавъ представленіе (рапортъ корпусному командиру отъ 17-го сентября № 592-й) о назначеніи Клугенау управляющимъ сѣвернымъ и нагорнымъ Дагестаномъ и командующимъ тамъ войсками, а генераль-маіора Пулло, на мѣсто перваго,—начальникомъ лѣваго фланга линіи и командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, допустилъ обоимъ немедленно къ исполненію этихъ должностей.

***) Въ предписаніи корпуснаго командира командующему войскамъ на кавказской линіи и въ Черноморіи, отъ 21-го февраля 1839-го года № 352-й, между прочимъ значилось: „временное пребываніе войскъ нашихъ въ Чиркатѣ, наказаніе жителей истребленіемъ посѣвовъ и даже раззореніе этого селенія недостиг-

Къ сожалѣнію этого сдѣлано небыло и Шамиль, душа всего разнообразнаго горскаго тѣла, ускользнулъ изъ нашихъ рукъ. Генераль Граббе, въ самоослѣпленіи дѣйствительно блестящею экспедиціею, непоколебимо вѣрилъ въ достиженіе ею чрезвычайныхъ результатовъ, умѣлъ привить эту вѣру и въ высшихъ военныхъ сферахъ и не придавалъ бѣгству имама ровно никакого значенія. По его мнѣнію, послѣ погрома Ахульго и гибели цвѣта мюридовъ, Шамиль—безпріютный и безсильный бродяга; голова его не стоитъ болѣе 100 червонцевъ. Ташовъ-хаджи, Шуайбъ-мулла и другіе его сообщники хлопчатъ только о примиреніи съ нами на выгодныхъ условіяхъ. Горскія племена, до сихъ поръ упорно отклонявшія всякія заявленія наши о принесеніи ими покорности, сами ищутъ ея, присылаютъ адреса и аманатовъ. Въ высшей мѣстной администраціи является даже мысль о правильномъ раздѣленіи этихъ племенъ, назначеніи всюду русскихъ приставовъ и введеніи ежегодной дани—оружіемъ—съ цѣлью постепеннаго обезоруженія населенія. Въ чаду успѣха, о Шамилѣ совершенно забыли; только одинъ Императоръ Николай I, по обыкновенію лично вникавшій въ ходъ кавказскихъ дѣлъ, не раздѣлялъ общаго взгляда на вещи, и, на донесеніи генераль-адъютанта Граббе о паденіи Ахульго и бѣгствѣ Шамиля, начерталъ собственно-ручно слѣдующія пророческія слова: „*Прекрасно* (по поводу блистательнаго штурма); *но жаль, что Шамиль ушелъ и, признаюсь, что опасаясь новыхъ его козней, хотя неоспо-*

нетъ ожидаемой цѣли, т.е. изгнанія Шамиля изъ центральнаго пункта, откуда онъ съ такою выгодною противъ насъ дѣйствуетъ, и болѣе прочнаго обладанія Аваріей и Койсубу. Если, по занятіи Чирката и Ахульго, войска оставятъ сей край, то, безъ сомнѣнія, Шамиль опять займетъ его и станетъ снова въ то же положеніе, въ которомъ теперь находится; въ такомъ случаѣ, неподверженномъ сомнѣнію, всѣ пожертвованія, которыя мы должны будемъ сдѣлать для овладѣнія Чиркатомъ и замкомъ Ахульго, останутся не вполнѣ вознагражденными; выгодное же вліяніе наше на койсубулинцевъ, гумбетовцевъ, андійцевъ и вообще на горный Дагестанъ будетъ только кратковременно“.

римо, что онъ лишился болшей части своихъ способствъ и своего вліянія. Посмотримъ, что далье будетъ!“

Взглядъ Государя не замедлил оправдаться въ слѣдующемъ же 1840-мъ году: съ этого года началось возрастаніе власти и могущества третьяго имама и голова его, оцѣненная такъ скупо генераль-адъютантомъ Граббе, начала быстро подниматься въ цѣнѣ.

ХІІ.

Составъ и сборъ самурскаго отряда у с. Хазры. Демонстративные отряды. Движеніе самурскаго отряда, подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, вверхъ по Самуру. Штурмъ аджіахурской позиціи, занятіе с. Ахты и достигнутые результаты. Закладка и возведеніе тифлискаго и ахтинскаго укрѣпленій. Проложеніе дороги черезъ кавказскій хребетъ. Отбытіе генерала Головина, съ легкимъ отрядомъ, въ Тифлисъ по новой дорогѣ. Задача и дѣйствія вспомогательнаго демонстративнаго отряда генераль-маіора Симборскаго. Холодная и голодная стоянка на г. Ноуръ. Дѣла и перестрѣлки съ горцами. Неожиданное спасеніе отряда и роспускъ его. Наказаніе селеній Борчъ и Хновъ за вѣроломное поднятіе оружія противъ Симборскаго. Результаты экспедиціи 1839-го года въ южномъ Дагестанѣ.

Въ то время, когда чеченскій отрядъ, вернувшись изъ Ичкеріи, двигался къ Ахульго, у сел. Хазры, на Самурѣ, сосредоточивался самурскій отрядъ, въ составѣ 2-хъ ротъ кавказскаго сапернаго баталіона, 4-хъ баталіоновъ князя Варшавскаго, 4-хъ баталіоновъ тифлискаго, 3-хъ баталіоновъ (1, 3 и 4-го) мингрельскаго полковъ, трехъ сотень линейныхъ казаковъ, 2-хъ сотень донскаго № 22-го полка и 10-ти сотень милиціи, при 8-ми орудіяхъ кавказской гренадерской артилерійской бригады, 6-ти орудіяхъ 19-й артилерійской бригады и 8-ми орудіяхъ сводно-горной батареи, всего 11½ бата-

ліоновъ пѣхоты и 15-ть сотенъ кавалеріи, при 22-хъ орудіяхъ, — около 8600 пштыковъ, пикъ и шашекъ.

24-го мая подошли послѣднія части войскъ, и въ тотъ же день прибылъ и корпусный командиръ, съ частью своего штаба. 25-го послѣдовалъ приказъ по отряду (приложение XXI), а 26-го былъ произведенъ смотръ всѣмъ войскамъ. Корпусный командиръ нашелъ ихъ въ отличномъ видѣ и рѣшилъ безотлагательно приступить къ военнымъ операціямъ. Предварительно, къ мятежнымъ горскимъ обществамъ было послано особое воззваніе (приложение XXII), но ни оно, ни значительный сборъ войскъ не произвели желаемаго дѣйствія. Оставалось обратиться къ послѣднему средству убѣжденія — силѣ оружія.

Для отвлеченія непріятельскихъ силъ при предстоящемъ самурскому отряду движеніи былъ сформированъ въ Нухѣ особый вспомогательный отрядъ, изъ 2-хъ баталіоновъ грузинскаго гренадерскаго и одного — эриванскаго карабинернаго полковъ, при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Симборскаго. Симборскому было предписано двинуться къ верховьямъ Самура черезъ гору Салаватъ. Для тѣхъ же демонстративныхъ цѣлей была собрана табасаранская и кюринская милиція (до 800 чел.), подъ командою нижегородскаго драгунскаго полка маіора Корганова, и расположена на лѣвомъ берегу Самура, противъ с. Хазры и, наконецъ, элисейскій владѣтель Даніель-бекъ долженъ былъ угрожать Рутулу своими всадниками.

Честь встрѣтиться первою съ непріятелемъ выпала на долю милиціонной колонны Корганова. 27-го мая онъ выступилъ къ границамъ ахтинскаго общества и, на перевалѣ хребта Гетинкиль, проходящаго вдоль лѣваго берега Самура, наткнулся на партію горцевъ силою до 400 человекъ. Она пыталась преградить дорогу нашей милиціи, но была сбита и опрокинута къ с. Хула. Занявъ селеніе, непріятель, подкрѣ-

пняемый мало-по-малу окрестными жителями, приготовился къ упорной оборонѣ, но майоръ Коргановъ, не видя возможности овладѣть деревнею, отступилъ на переваль, съ потерею одного убитаго, 4-хъ раненыхъ милиціонеровъ и 14-ти выбывшихъ изъ строя лошадей. Эта первая стычка на Самурѣ имѣла то важное значеніе, что, во первыхъ, въ ней встрѣтились и на славу поработали шашками до сихъ поръ друзья—кюринцы и ахтинцы—и вовторыхъ—что ругульцы, направлявшіеся противъ главнаго отряда, остановились въ с. Ахты, а затѣмъ перешли черезъ ахтинскій мостъ въ сс. Хула, Хакамъ и Гра. Коргановъ располагаясь въ виду непріятеля, безпрестанно посылалъ мелкія партіи его тревожить и, показывая видъ, что намѣренъ ударить на деревни, удерживалъ горцевъ намѣстѣ.

28-го мая самурскій отрядъ двинулся вверхъ по Самуру. Отойдя около 4-хъ верстъ отъ лагеря, корпусный командиръ направилъ лѣво, на дер. Хиля и Худугъ, генераль-лейтенанта Фезе, съ двумя сотнями линейныхъ и донскихъ казаковъ, сотнею горской милиціи, ротой саперъ, четырьмя баталіонами тифлисскихъ егерей, при 8-ми орудіяхъ, самъ же, съ остальными войсками, пошелъ на с. Цухулъ. Лѣвая колонна назначалась для наказанія отложившихся отъ насъ жителей Хиля и Худугъ и для занятія высотъ, которыя обезпечивали бы лѣвый флангъ нашей позиціи при Цухулѣ.

Первое селеніе оказалось брошеннымъ жителями, второе же было сильно занято непріателемъ. Выбивъ горцевъ, Фезе преслѣдовалъ ихъ по пятамъ; усиленные свѣжею партіею, они пытались было удержаться въ сел. Тагерджаль, но, опрокинутые кавалеріею, подъ командою подполковника Альбрандта, обратились въ полное бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ шесть тѣлъ и двухъ плѣнныхъ. Занявъ высоты тремя баталіонами егерей, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Берзуля, Фезе спустился черезъ сел. верхній Геленгуръ къ главнымъ силамъ, предавъ огню аулы

Хиля, Худуть и верхній Геленкуръ и отбивъ нѣсколько штукъ рогатаго скота.

Между тѣмъ авангардъ главныхъ силъ *), подъ командою полковника барона Врангеля, недоходя двухъ верстъ до Цухуль въ свою очередь наткнулся на непріятеля, въ значительныхъ силахъ занявшаго крѣпкую позицію на противоположномъ берегу р. Тагерджаль-чай и выславшаго черезъ рѣку до 150-ти джигитовъ. Движеніе кавалеріи и посланной въ обходъ роты князя Варшавскаго полка заставили этихъ смѣльчаковъ съ такой поспѣшностью уйти за рѣку, что часть оружія, барабанъ и значекъ достались графцамъ. Пока все это происходило, главные силы, задержанныя дурными дорогами и разработкою спуска въ оврагъ для артилеріи, медленно подтягивались къ авангарду. Видя это, корпусный командиръ приказалъ остановиться на ночлегъ. 4-ре батарейныхъ и 4-ре легкихъ орудія были выдвинуты на самый край оврага, а два полевыхъ и два горныхъ—спущены на нижній его уступъ, подъ прикрытіемъ авангардныхъ баталіоновъ. Вся кавалерія послана вправо на долину р. Самура. Вскорѣ перестрѣлка завязалась по всей линіи. Конечно, горцы не долго могли состязаться съ нашей артилеріей: съ наступленіемъ ночи они отступили къ ур. Аджіахуръ. На крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ дѣло не ограничилось одною перестрѣлкою; назойливость лезгинъ, засѣвшихъ въ кустахъ, заставили подполковника Берзуля двинуть въ штыки резервы цѣпи; опрокинутый непріятель отступилъ и къ разсвѣту лѣвая колонна присоединилась къ отряду. Въ этотъ день мы потеряли одного нижняго чина убитымъ и 8-мъ ранеными.

Непріятельское скопище сосредоточилось на аджіахурской

*) 20-тъ кубинскихъ нукеровъ, сотня казаковъ, горская милиція, рота саперъ, 1-й и 2-й баталіоны князя Варшавскаго полка. при 4-хъ горныхъ орудіяхъ.

позиціи, въ неприступность которой оно твердо вѣровало. Расчеты горцевъ, какъ увидимъ ниже, были небезосновательны.

Отъ снѣжной вершины Шахъ-дагъ тянется къ сѣверу значительный хребетъ, подъ названіемъ Кушъ-дагъ. Восточная часть хребта, склоняющаяся къ селеніямъ Судуръ, Кюхуръ и Тагерджаль, доступна только для пѣшеходовъ. Сѣверная сторона оканчивается отвѣсною скалою, которая на большое разстояніе составляетъ какъ бы огромную стѣну, возвышающуюся до 200 сажень. Отъ этой стѣны къ Самуру, между сс. Цухуль и Кара-Кюра, тянется, въ видѣ контръ-форсовъ, нѣсколько отроговъ; ближайшій изъ нихъ къ с. Кара-Кюра омывается Самуромъ и круто понижается къ нему на протяженіи 3-хъ или 4-хъ верстъ. Этотъ исполинскій валь, извѣстный подъ названіемъ ур. Аджіахуръ, возвышающійся надъ русломъ рѣки на 600 сажень и, по крутизнѣ и глубинѣ оврага почти недоступный, былъ укрѣпленъ по гребню завалами въ нѣсколько ярусовъ, въ которыхъ были заготовлены кучи камней для встрѣчи наступающаго.

Отъ с. Цухуль къ Кара-Кюра идутъ двѣ дороги: одна низомъ, вдоль рѣки Самура, а другая черезъ с. Мака, поперекъ отроговъ. Первая—сперва удобна для движенія войскъ, но, подходя къ Аджіахуру, пролегаетъ надъ шестидесятисаженнымъ обрывомъ и суживается въ едва замѣтную тропу; вторая—вообще трудна по крутизнѣ спусковъ и подъемовъ.

29-го числа, съ разсвѣтомъ, кавалерія, подъ командою подполковника Альбрандта, заняла оставленное непріателемъ с. Цухуль и сожгла его. Устроивъ вагенбургъ въ долинѣ Самура, близъ названнаго селенія, подъ прикрытіемъ 2-хъ ротъ мингрельскаго полка, команды саперъ и казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ, генераль Головинъ двинулъ войска впередъ двумя колоннами; правая—состояла изъ большей части кавалеріи, 2-хъ баталіоновъ князя Варшавскаго полка, 2-хъ ротъ мингрельцевъ, роты саперъ и 8-ми орудій, подъ командою пол-

ковника барона Врангеля, и слѣдовала по долинѣ Самура; лѣвая, при которой находился и самъ корпусный командиръ, изъ 2-хъ баталіоновъ князя Варшавскаго, 4-го баталіона тифлискаго и 3-го баталіона мингрельскаго полковъ, при 10-ти орудіяхъ, направлялась на дер. Мака.

Изнурительный переходъ по горамъ, при почти постоянной разработкѣ дороги, занялъ цѣлый день, такъ что лѣвая колонна принуждена была ночевать недоходя 2-хъ верстъ до селенія. Горцы нигдѣ не показывались и по мѣрѣ нашего приближенія убирали свои наблюдательные посты, расположенные по вершинамъ.

На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, войска двинулись впередъ; ихъ встрѣтила та же адская разработка дороги, такъ что лѣвая колонна могла стянуться на первомъ отрогѣ Кушь-дага не ранѣе 2-хъ часовъ пополудни. Генералъ-лейтенантъ Головинъ, опередивъ войска, подъ прикрытіемъ всей кавалеріи и баталіона пѣхоты, лично произвелъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія. Кромѣ главныхъ заваловъ на аджіахурскомъ отрогѣ, оказался сильно укрѣпленнымъ и занятымъ передовыми непріятельскими толпами слѣдующій, ближайшій къ намъ отрогъ. Овладѣніе такою позиціею представляло массу затрудненій и при самомъ лучшемъ успѣхѣ не могло обойтись безъ значительной потери въ людяхъ; но такъ какъ другого исхода, кромѣ атаки открытою силою, не представлялось, то штурмъ былъ предпріятъ.

Ровно въ два часа пополудни войска наши перешли въ наступленіе на всѣхъ пунктахъ. Кавалерія, выславъ влѣво небольшой наблюдательный отрядъ, съ возможною по мѣстности быстротою двинулась впередъ, прикрывъ пѣхоту обѣихъ колоннъ. Три баталіона тифлискаго полка, съ дивизиономъ горныхъ орудій, подъ командою подполковника Фрейтага, пошли на центръ непріятельской позиціи, а полковникъ баронъ Врангель, съ своею колонною, двинулся по берегу къ отвѣсной

скалъ отрога, занятаго передовыми горцами. Убійственный огонь не остановилъ нашу пѣхоту и вскорѣ ея штыки засверкали у передовыхъ заваловъ. Прежде всего началъ отступать къ главной позиціи правый непріятельскій флангъ, затѣмъ сдѣлъ центръ и только лѣвые завалы, сплошь затянутые пороховымъ дымомъ, продолжали упорно держаться.

Замѣтивъ затрудненія, встрѣченныя правою колонною, корпусный командиръ бросилъ въ тылъ горскому авангарду всю кавалерію, подкрѣпленную двумя ротами тифлисскихъ егерей, и приказалъ двумъ горнымъ единорогамъ обстрѣлять завалы съ фланга. Распоряженія эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ: вскорѣ въ завалахъ поднялась суета и баронъ Врангель бросился на нихъ съ фронта. Горцы въ безпорядкѣ бѣжали на аджіахурскій отрогъ и спасеніемъ своимъ обязаны только крутизнѣ оврага, раздѣлявшаго оба отрога, воспрепятствовавшей кавалеріи энергически преслѣдовать бѣгущихъ по пятамъ и заставившей ее ограничиться однимъ огнемъ.

Непріятель привѣтствовалъ этотъ нашъ первый успѣхъ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ и, черезъ нѣсколько минутъ, весь аджіахурскій отрогъ—отъ берега Самура до центра—исчезъ въ пороховомъ дымѣ. Горцамъ отвѣчали два спущенные внизъ горные единорога, двѣ роты тифлисскихъ егерей и вся спѣшенная кавалерія. Между тѣмъ баронъ Врангель, не смотря на то, что пришлось разбирать полевые орудія для провоза ихъ надъ кручею, весьма быстро поднялъ 8-мь орудій, поставилъ ихъ на позиціи и засыпалъ лѣвый непріятельскій флангъ гранатами и картечью. Вскорѣ канонада загремѣла по всей нашей линіи.

Удостоверившись еще во время рекогносцировки, что верхніе завалы, примыкающіе къ утесу горы Шахъ-дагъ и командующіе всѣмъ гребнемъ, составляютъ ключъ непріятельской позиціи, корпусный командиръ рѣшилъ овладѣть прежде всего ими и уже двинулъ было съ этою цѣлью два баталіона тифлис-

цевъ *) и мингрельцевъ, со взводомъ горныхъ орудій; но потомъ, желая по возможности избѣгнуть большой траты людей, отложилъ предпріятіе до наступленія ночи. Тѣмъ временемъ, въ составъ штурмовой колонны, взамѣнъ мингрельскаго баталіона, были назначены 1-й и 3-й баталіоны тифлисцевъ, подъ общемою командою подполковника Берзуля, расположившаго своихъ егерей укрыто, на ружейный выстрѣлъ отъ линіи непріятельскаго праваго фланга. Корпусный командиръ приказалъ Берзулю пододвинуть ночью свою цѣпь съ резервами возможно ближе къ верхнимъ заваламъ и при малѣйшей оплошности обороняющагося овладѣть ими.

Въ сумерки перестрѣлка, одно время уже почти прекратившаяся, загорѣлась съ новою силою на нашемъ правомъ флангѣ; легкая батарея правой колонны и цѣпь спѣшенной кавалеріи отвѣчали рѣдкимъ, но мѣткимъ огнемъ на цѣлый рой горскихъ пуль. На остальномъ протяженіи нашего фронта все было спокойно и не наводило горцевъ ни на какія подозрѣнія, лишь пѣсни линейцевъ и тагаурцевъ заглушали ругательства лезгинъ, сидѣвшихъ въ ближайшихъ завалахъ. Съ наступленіемъ совершенной темноты огонь всюду умолкъ; горцы, въ ожиданіи штурма на разсвѣтъ, утомонились, а между тѣмъ, по пробитіи вечерней зари, подполковникъ Берзуль безъ шума приступилъ къ выполненію возложеннаго на него труднаго порученія. Въ первую линію были назначены 1-я и 4-я егерскія роты. Командиры ротъ—1-й—поручикъ Вахваховъ и 4-й—поручикъ князь Тумановъ—передавъ шопотомъ послѣднія наставленія людямъ, перекрестясь начали взбираться на гору. Тихо, какъ кошки, ползли тифлисцы, подсаживая другъ друга. Добравшись шагомъ на сто къ заваламъ и подтянувъ заднихъ, роты дружно крикнули „ура“ и прилегли къ землѣ. Едва они успѣли это сдѣлать, какъ съ верхнихъ за-

*) 2-й баталіонъ.

валовъ грянулъ залпъ и цѣлый рой пуль просвисталъ и прошипѣлъ надъ головами. Это послужило сигналомъ для открытія бѣглаго артилерійскаго огня по всей нашей линіи. Непріятельская позиція, особенно противъ праваго нашего фланга, тотчасъ вспыхнула рѣзко обозначавшимися въ темнотѣ огненными полосами и оттуда загремѣлъ залпъ за залпомъ.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній, а тѣмъ временемъ поручики Вахваховъ и князь Тумановъ, пользуясь паузою, пока защитники верхнихъ заваловъ заряжали ружья, успѣли податься еще впередъ. Еще разъ раздалось громкое „ура“ тифлисцевъ; еще разъ прогремѣлъ вражій залпъ, но егеря уже ворвались въ первый заваль. Завязался короткий рукопашный бой—и все было кончено. Защитники ключа позиціи легли подъ штыками егерей, мы же недосчитались только одного убитаго и 6-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ. Нѣсколько устроившись, Вахваховъ и князь Тумановъ тотчасъ начали усиленно обстрѣливать вдоль и другой заваль, къ которому уже направлялась вторая карабинерная рота штабсъ-капитана Грабовскаго, подкрѣпленная 6-ю ротою. Лезгины, озадаченные пулями съ фланга, быстро очистили и второй заваль и бросились бѣжать вразсыпную, успѣвъ только контузить камнями до 30-ти человекъ въ ротѣ Грабовскаго. Вслѣдъ затѣмъ очищенъ былъ и третій заваль. Намаденіе произведено было такъ быстро и рѣшительно, что горцы оставили въ завалахъ свои пожитки, бурки и даже начатый ужинъ. Все это ясно доказывало, что правовѣрные ожидали насъ не раньше утра.

Получивъ донесеніе о паденіи верхнихъ заваловъ, корпусный командиръ тотчасъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ общему штурму на разсвѣтѣ. Подполковникъ Верзуль долженъ былъ двинуться изъ занятыхъ имъ заваловъ вдоль непріятельскаго фронта; генеральнаго штаба подполковнику Фрейтагу, съ 1-мъ баталіономъ князя Варшавскаго полка и 4-мъ баталіономъ

тифлисцевъ, при взводѣ горныхъ орудій, поручено было ударить на непріятельскій центръ; а полковнику барону Врангелю—опрокинуть лѣвый флангъ горцевъ.

Къ разсвѣту все было готово и ожидало лишь сигнальной ракеты. Подполковникъ Фрейтагъ, отдѣленный отъ непріятельскаго центра глубокимъ каменистымъ оврагомъ, еще ночью успѣлъ спуститься внизъ и затѣмъ подойти на полуружейный выстрѣлъ къ заваламъ. Но всѣ наши приготовленія оказались напрасными: семитысячное скопище, до сихъ поръ дотогу увѣренное въ успѣхѣ, что даже семейства кара-кюринскихъ жителей до послѣдней минуты оставались въ домахъ, бросило свою неприступную позицію; весь гребень, накануне кишѣвшій горцами, оказался пустымъ и только съ помощью зрительной трубы можно было видѣть населеніе долины, спасавшееся по едва доступнымъ тропамъ въ горы.

Честь дня всецѣло принадлежитъ подполковнику Берзуло, съ его тифлисцами. Когда, въ лагерѣ у Хазры, фельдфебеля читали передъ фронтомъ приказъ корпуснаго командира, отданный передъ выступленіемъ, въ которомъ упоминалось о кабардинцахъ и куринцахъ, заслужившихъ особенную похвалу генерала Граббе, то тифлисскіе егеря говорили: „ничего; дойдетъ до дѣла—о насъ еще лучше напишутъ!“—и въ бою подъ Аджиахуромъ вполнѣ сдержали слово.

Съ разсвѣтомъ 31-го мая, отрядъ передвинулся къ сел. Кара-Кюра, оставленному жителями, и сжегъ его до основанія, въ возмездіе кара-кюринцамъ, бывшимъ главными коноводами прошлыхъ возмущеній. Кавалерія, шедшая впереди, имѣла небольшую перестрѣлку и захватила двухъ плѣнныхъ и 8-мь тѣлъ.

Съ 28-го мая по 1-е іюня наша потеря состояла изъ 3-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, 3-хъ оберъ-офицеровъ *) и

*) Князя Варшавскаго полка прапорщикъ Мерлини, легкой № 1-го батареи

32-хъ нижнихъ чиновъ раненыхъ и 2-хъ офицеровъ *) и 45-ти нижнихъ чиновъ контуженныхъ и ушибленныхъ камнями.

Необходимость дать отдыхъ войскамъ послѣ изнурительныхъ переходовъ, дожидаться подвоза продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ и разработать дорогу по берегу Самура— заставили отложить на нѣсколько дней дальнѣйшее движеніе. Пользуясь этимъ временемъ корпусный командиръ намѣтилъ пунктъ для возведенія въ аджіахурскомъ дефиле укрѣпленія, и испросилъ Высочайшее соизволеніе на наименованіе его, въ память подвига тифлисскихъ егерей—*Тифлисскимъ*. Новое укрѣпленіе должно было обезпечить сообщеніе отряда, а впоследствии и проектированнаго укрѣпленія у с. Ахты, съ кубинскою провинціею. 1-го іюня произведена была трасировка Тифлисскаго укрѣпленія, а 2-го— послѣ благодарственнаго молебствія за одержанную побѣду— приступлено къ крѣпостнымъ работамъ. Въ этотъ же день въ лагерь прибылъ маіоръ Коргановъ, съ старшинами отъ ахтинскаго общества. Штабъ-офицеръ этотъ, усиленный еще 31-го мая десятию сотнями казикамукской милиціи, двинулся на другой день къ сел. Хула, занялъ его и, въ наказаніе, приказалъ сжечь до основанія. Этотъ примѣръ строгости, въ связи съ аджіахурскимъ боемъ, не замедлилъ дать прекрасные результаты: жители нѣкоторыхъ селеній, въ томъ числѣ и 10-ть ахтинцевъ, явились къ Корганову съ покорностью и просьбами ходатайствовать передъ корпуснымъ командиромъ о ихъ помилованіи. Ахтинцы же даже просили его двинуться къ главному отряду прямо на ихъ селеніе и черезъ мостъ на Самуръ. Маіоръ Коргановъ тотчасъ воспользовался этимъ предложеніемъ и явился къ генералу Головину. Ахтинцы униженно просили пощады обществу и просьба ихъ, въ искренности которой нельзя было

кавказской гренадерской артиллерійской бригады подпоручикъ Соловцовъ и кавказскаго казачьяго полка сотникъ Нефедьевъ.

*) Тифлисскаго полка поручикъ князь Бектабековъ и прапорщикъ Кирисъ.

сомнѣваться, была уважена. Кара-кюринцы также получили позволеніе водвориться на ихъ пепелищѣ.

Отчасти вслѣдствіе проливнаго трехдневнаго дождя, препятствовавшаго разработкѣ дороги и движенію транспорта, слѣдовавшаго къ отряду, въ особенности же желая дать ахтинцамъ и рутульцамъ время образумиться, корпусный командиръ рѣшилъ выступить далѣе лишь 5-го іюня. Въ этотъ день, оставивъ у сел. Кара-Кюра, для устройства укрѣпленія, одинъ баталіонъ князя Варшавскаго, одинъ—тифлискаго полковъ и роту саперъ, при 6-ти орудіяхъ, подъ командою подполковника Ясенскаго, а также и всѣ тяжести, генераль Головинъ двинулся къ с. Ахты. Съ первыхъ же нашихъ шаговъ обнаружились плоды боя 30-го мая: жители перваго попутнаго селенія Мескенджи встрѣтили войска съ хлѣбомъ-солью и получили прощеніе и забвеніе ихъ проступковъ отъ Имени Государя. Къ вечеру отрядъ остановился неподалеку отъ Ахты. На другой же день была произведена рекогносцировка окрестностей для выбора мѣста подъ проектированное укрѣпленіе. Въ полдень прибылъ элисуйскій султанъ Даніэль-бекъ, лично доложившій корпусному командиру о занятіи и приведеніи въ покорность Рутула.

Между тѣмъ въ нашъ лагерь собрались старшины и почетные люди изъ всѣхъ окрестныхъ магаловъ и просили о пощадѣ, изъявляя вновь безусловную покорность, которая на этотъ разъ была искреннею, такъ какъ горцы не видѣли уже никакой возможности не только сопротивляться, но даже избѣгнуть строгаго наказанія въ случаѣ малѣйшаго съ ихъ стороны упорства. Такимъ образомъ, оставалось только утвердить наше владычество въ вольныхъ обществахъ на прочномъ основаніи, чтобы навсегда лишить ихъ средствъ и даже надежды на безнаказанное нарушеніе спокойствія и, затѣмъ, устроить кратчайшее и безопасное сообщеніе между Дагестаномъ и закавказскими провинціями. Первое достигалось уже возведе-

ніемъ укрѣпленій у Ахты и Аджіахура, что же касается до второго—то оно оставалось еще на очереди; для предварительной рекогносцировки дорогъ, ведущихъ по разнымъ направлениямъ изъ Ахты черезъ горы въ джаро-бѣлоканскую область и шекинскую провинцію, уже были посланы офицеры генеральнаго штаба.

7-го іюня было избрано мѣсто для укрѣпленія при впадении р. Ахты-чай въ Самуръ, на правомъ берегу. Оно должно было обстрѣливать селеніе Ахты, оба ущелья и мостъ на Самурѣ, защищенный кромѣ того особыми блокгаузами. Для крѣпостныхъ работъ назначены и расположены на р. Ахты-чай три баталіона тифлискаго и два—мингрельскаго полковъ, при 6-ти орудіяхъ, а 11-го числа, послѣ молебствія, заложено укрѣпленіе, на двѣ роты пѣхоты и 8-мь орудій, изъ пяти бастионовъ, соединенныхъ куртнами, съ оборонительными казармами. Верки проектировались изъ камня, безъ рва. Въ то же время устраивалось сообщеніе въ тылу отряда до Кара-Кюра и впередъ къ Рутулу, по лѣвому берегу Самура, исправлялся мостъ на послѣдней рѣкѣ и строился новый—на Ахты-чаѣ.

12-го іюня, въ виду достаточнаго успокоенія края, милиція, состоявшая при отрядѣ, за исключеніемъ 300 человекъ, была распущена, чтобы дать возможность милиціонерамъ заняться сельскими работами; то же самое приказано было сдѣлать и элисуйскому султану, оставивъ часть всадниковъ лишь для наблюденія за спокойствіемъ рутульскаго магала.

Къ 20-му іюня разработка дороги черезъ Рутуль настолько подвинулась, что для проложенія пути по хребту были высланы въ Рутуль баталіонъ мингрельскаго полка; въ то же время предписано генераль-маіору Симборскому, распустивъ свой отрядъ, двинуть 1-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка въ Элису, для разработки хребта съ юга, навстрѣчу мингрельцамъ. Въ двадцатыхъ же числахъ, непредвидя болѣе военныхъ дѣйствій,

генераль Головинъ распустилъ и остальную милицію и, по просьбѣ генерала Граббе, отправилъ въ составъ чеченскаго отряда, подъ Ахульго, три баталіона князя Варшавскаго полка, при четырехъ орудіяхъ, подъ командою полковника барона Врангеля; съ этими баталіонами пошли всѣ гвардейскіе офицеры, бывшіе въ самурскомъ отрядѣ.

Къ половинѣ іюля оба укрѣпленія—Ахтинское и Тифлисское—были приведены въ оборонительное состояніе и корпусный командиръ, находя дальнѣйшее присутствіе свое при отрядѣ излишнимъ, съ первыми баталіонами мингрельскаго и грузинскаго полковъ и конвойною командою, при двухъ легкихъ орудіяхъ, отправился черезъ Рутуль, Гельмець, Элису, Кахъ, Закаталы и далѣе по лезгинской линіи въ Тифлисъ. Начальство надъ оставшимися войсками *) было ввѣрено генераль-лейтенанту Фезе, которому вмѣнено въ обязанность докончить оба укрѣпленія—у Ахты и на Аджіахурѣ—оставить въ гарнизонѣ перваго двѣ роты, по 150-ти штыковъ каждая, а во второмъ—взводъ въ 80-ть человекъ**), снабдить ихъ снарядами, патронами, продовольствіемъ, топливомъ и взыскать съ населенія всю недоимку за прошлое время и подати на 1839-й годъ. Затѣмъ, оставивъ два баталіона мингрельцевъ въ кубинской (въ с. Джанъ-Ятагъ) и баталіонъ тифлисцевъ въ шекинской провинціяхъ, распустить войска на зимнія квартиры.

Въ то время, когда самурскій отрядъ однимъ ударомъ сокрушилъ неповиновеніе вольныхъ обществъ, вспомогательный

*) Одинъ баталіонъ князя Варшавскаго, четыре—тифлискаго, два—мингрельскаго полковъ, рота саперъ, 10-ть орудій, двѣ сотни донскаго казачьяго № 22-го полка, 100 нукеровъ и всѣ мастеровые.

**) Отъ баталіона князя Варшавскаго полка; впоследствии предполагалось смѣнить эти части грузинскимъ линейнымъ № 9-го баталіономъ.

отрядъ генераль-маіора Симборскаго совершенно успѣшно выполнилъ поставленную ему задачу, оттянулъ на себя часть непріятельскихъ силъ, но, въ то же самое время, самъ очутился почти въ критическомъ положеніи; спасла его только адміахурская побѣда.

Экспедиція генерала Симборскаго должна была начаться съ задержанія многочисленныхъ стадъ овецъ, принадлежавшихъ вольнымъ обществамъ и зимою пригоняемыхъ на плоскости окрестностей Нухи; затѣмъ, обозрѣвъ горные проходы, онъ долженъ былъ заняться отвлеченіемъ непріятели отъ главныхъ силъ самурскаго отряда.

Прибывъ 22-го апрѣля въ Нуху, Симборскій засталъ свой отрядъ расположеннымъ слѣдующимъ образомъ: въ сел. верхній Гейнукъ, для наблюденія за шинскимъ ущельемъ, 3-й баталіонъ эриванцевъ; въ Нухѣ—двѣ роты 1-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полка, при одномъ орудіи; въ сел. верхнемъ Дашагилѣ—остальные двѣ роты того же баталіона; въ сел. Хачмазѣ—4-й баталіонъ грузинцевъ, при орудіи; въ с. Куташинѣ—4-й баталіонъ тифлисцевъ и два орудія, и 1-й баталіонъ того же полка въ с. Бумъ *). Между тѣмъ лезгинны успѣли уже угнать свои стада въ горы, такъ что начальнику отряда оставалось готовиться къ демонстративному движенію.

Къ 21-му мая все войска вспомогательнаго отряда стянулись въ общій лагерь у с. верхній Зикзитъ. Не смотря на желаніе генерала Симборскаго возможно скорѣе приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ, пришлось не трогаться съ мѣста, въ виду того, что не только на перевалѣ черезъ горы шинскаго ущелья, но и на ближайшихъ къ вершинѣ покатоствяхъ еще лежалъ снѣгъ. Тѣмъ не менѣе, опасаясь, чтобы

*) Всюду баталіоны тифлискаго полка, съ двумя орудіями, были отправлены въ главный отрядъ, такъ что у Симборскаго осталось только два баталіона грузинцевъ и одинъ—эриванцевъ.

горцы не затруднили нашего движенія при самомъ подъемѣ изъ шинскаго ущелья, начальникъ отряда рѣшилъ выдвинуть впередъ часть войскъ, для занятія одного или двухъ пунктовъ въ ущельи. Съ этою цѣлью, 24-го мая, около полудня, былъ посланъ грузинскаго полка подполковникъ Тизенгаузенъ, съ своднымъ баталіономъ изъ 2-хъ ротъ грузинцевъ и 2-хъ—эриванцевъ; не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія, колонна, около 5-ти часовъ вечера 25-го числа, заняла позицію на г. Ноуръ, выставивъ на покатости г. Салаватъ два пикета—одинъ изъ 16-ти милиціонеровъ, а другой—изъ взвода карабинеровъ.

Въ тотъ же день, генераль Симборскій, съ остальными войсками, прибылъ въ с. верхній Гейнукъ, но получивъ свѣдѣніе, что рутульцы собрались въ с. Ворчъ, съ намѣреніемъ преградить намъ путь по шинскому ущелью, 26-го посилъ на соединеніе съ колонною подполковника Тизенгаузена, оставивъ всю легкую артилерію и часть обоза на мѣстѣ ночлега, подъ прикрытіемъ одной роты гренадеръ.

Между тѣмъ 26-го мая, въ два часа пополудни, горцы сняли безъ выстрѣла милиціонный пикетъ и потѣснили взводъ эриванцевъ. Къ утру же вся гора Салаватъ оказалась усѣянною толпами лезгинъ, засѣвшихъ въ завалахъ и засыпавшихъ пулями нашу передовую цѣпь. Подполковникъ Тизенгаузенъ, сознавая, что силы его недостаточны для штурма крѣпкой непріятельской позиціи, рѣшился выжидать прибытія Симборскаго, а до тѣхъ поръ стараться лишь помѣшать лезгинамъ занять лѣсистый подъемъ на г. Ноуръ. Лезгины, какъ бы предугадавъ соображенія Тизенгаузена, дѣйствительно потянулись было къ подъему, но высланная рота эриванцевъ заставила ихъ отступить. Въ пять часовъ вечера поднялись на г. Ноуръ остальные войска вспомогательнаго отряда. Въ этотъ день мы потеряли ранеными 17-ть человекъ нижнихъ чиновъ.

Перестрѣлка съ перерывами шла ежедневно. До 29-го

числа Симборскій не предпринималъ ничего рѣшительнаго, но въ этотъ день отправилъ въ с. Гейнукъ 1-ю и 9-ю фузелерныя роты грузинскаго полка, подъ общею командою поручика Гренгамера *), съ вычнымъ транспортомъ для подвоза провіанта. Дорога проходила вдоль праваго берега Салаватъ-чая, лѣвая лѣсистая и обрывистая сторона котораго была занята завалами, устроенными въ нѣсколько ярусовъ. Грузинцы съ перваго же шага были встрѣчены убійственнымъ фланговымъ огнемъ; это заставило генерала Симборскаго подкрѣпить поручика Гренгамера еще 3-ею карабинерною и 8-ю егерскою ротами карабинеръ, подъ начальствомъ маіора Антонова, занимавшимися разработкою спуска съ г. Ноуръ въ шинское ущелье. Но еще до полученія этого приказанія маіоръ Антоновъ переправилъ на лѣвый берегъ Салаватъ-чая 8-ю егерскую роту, тотчасъ выбившую лезгинъ изъ перваго ряда заваловъ по самому берегу и бросившуюся на вторую линію, вытянутую по полугорѣ. Въ это время къ спуску подошелъ транспортъ; поручикъ Гренгамеръ, остановилъ выюки, подкрѣпилъ 9-ою ротою 8-ю эриванскую и онѣ, мгновенно, на штыкахъ вынесли горцевъ и изъ втораго ряда заваловъ. Подкрѣпленныя постепенно 1-ю грузинскою и 3-ю эриванскою ротами переднія роты зарвались: лихо бросились онѣ, соревнуя другъ съ другомъ, на третій рядъ заваловъ, но, вслѣдствіе сильной усталости людей, не могли уже имѣть успѣха. Осыпаемые градомъ пуль и камней наши молодцы должны были отступить; торжествующіе лезгины снова засѣли въ своихъ завалахъ, а транспортъ долженъ былъ вернуться обратно ни съ чѣмъ. Дѣло это стоило намъ 4-хъ нижнихъ чиновъ убитыхъ и одного оберъ-офицера **) и 19-ть нижнихъ чиновъ раненыхъ ***).

*) Командиръ 9-й роты.

**) Грузинскаго гренадерскаго полка поручикъ Гренгамеръ.

***) Надо полагать, что потеря была гораздо значительнѣе; въ исторіи

Недолго однако пришлось горцам ликовать по поводу возвращенія ихъ заваловъ, которыми они совершенно прекращали всякое сообщеніе отряда съ пекинскою провинціею. Генераль Симборскій приказалъ грузинскаго полка маіору Огіевскому, съ 3-ю и 9-ю ротами того же полка и 7-ю и 8-ю егерскими эриванцевъ, при одномъ горномъ орудіи, съ разсвѣтомъ 30-го мая выбить лезгинъ изъ ихъ позиціи, разрушить завалы, расположить на удобномъ пунктѣ противъ спуска съ Ноура двѣ роты, прикрывъ ихъ наскоро окопами, а съ остальными двумя—и горнымъ орудіемъ, очистить все ущелье до с. Шинъ и слѣдовать далѣе въ Гейнукъ. Здѣсь колонна должна была присоединить къ себѣ двѣ роты, оставленныя въ шекинскои провинціи, 200 пѣшихъ ширванскихъ милиціонеровъ и, взявъ транспортъ съ провіантомъ и боевыми запасами, возвратиться къ отряду. Для поддержки дѣйствій своднаго баталіона, одна рота грузинцевъ была расположена по гребню, идущему отъ вершины Салавата, а другая, штабсъ-капитана князя Джамбакуріанъ-Орбеліани *), послана по скату горы, въ тылъ верхнимъ заваламъ.

Маіоръ Огіевскій съ полнымъ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе. Ночью онъ двинулся по данному направленію и успѣлъ спуститься съ Ноура раньше, чѣмъ лезгины стали въ ружье. Ближайшіе къ спуску завалы были очищены съ налета, а къ утру лезгины были выгнаны и изъ остальныхъ. Успѣшному окончанію дѣла не мало способствовала рота гренадеръ штабсъ-капитана князя Орбеліани. Эриванцы затѣмъ возвратились въ лагерь, такъ какъ невыгодное мѣстоположеніе не позволяло возвести окопа тамъ, гдѣ это признавалось необходимымъ, а Огіевскій, съ 2-мя

грузинскаго полка, сост. Г. Казбекомъ, у однихъ грузинцевъ значится бывшими изъ строя убитыми и ранеными одинъ офицеръ и 70-ть нижнихъ чиновъ.

*) Григорій Дмитріевичъ, генераль-аъюгангъ, недавно умершій.

грузинскими ротами и орудіемъ, двинулся къ Шину. Лезгины на каждомъ шагу перерѣзывали ему дорогу, но будучи всякій разъ отбиваемы, наконецъ оставили гренадеръ въ покоѣ. Вся потеря наша въ бою состояла изъ 2-хъ убитыхъ и 12-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Пока Огіевскій успѣлъ прорваться къ Шину, а затѣмъ достигнуть благополучно с. верхній Гейнукъ, положеніе отряда часть отъ часу становилось затруднительнѣе. Многочисленныя скопища, усиленныя жителями сс. Борчъ и Хновъ, совершенно преѣкли сообщеніе его съ шекинскою провинціею. Сухарей, при уменьшенной дачѣ, едва могло хватить на 4-ре дня; патроновъ оставалось по 70-ти на каждое ружье, а зарядовъ— лишь по нѣскольку на орудіе. Транспортъ съ тѣмъ и другимъ, ожидаемый съ понятнымъ въ этомъ случаѣ нетерпѣніемъ, легко могъ быть отрѣзанъ непріателемъ, а безпрестанныя схватки, сильно ослабляя строй, въ то же время дѣлали врага, не замѣчавшаго своихъ потерь влѣдствіе постоянного прилива подкрѣпленій, еще дерзче и предприимчивѣе. Къ довершенію всего Симборскій могъ рассчитывать только на пѣхоту; милиція же, по его словамъ, составляла лишь тяжкое бремя.

Въ ночь на 31-е мая наши караулы замѣтили, что лезгины устраивали новые завалы по гребню, идущему отъ вершины Салавата, параллельно спуску съ Ноура и на самомъ спускѣ. Пальба, открытая съ разсвѣтомъ изъ этихъ новыхъ заваловъ, ясно показала отряду, что доступъ къ водѣ и единственный путь отступленія—дорога въ шинское ущелье—ему отрѣзаны. Не имѣя достаточно силъ, чтобы рѣшительнымъ ударомъ опрокинуть непріателя, генераль Симборскій, съ цѣлью хотя отдалить горцевъ, двинулъ на нихъ двѣ роты грузинцевъ, подъ командою штабсъ-капитана Валова и подпоручика Вашклевича. Гренадеры, на глазахъ всего отряда, лихо атаковали завалы, выбили лезгинъ штыками, но, къ сожалѣнію, этимъ не ограничились. Храбрый, но запальчивый

Валовъ, увлеченный успѣхомъ, бросился далѣе, увлекъ за собою и роту Вашклевича и этимъ испортилъ все дѣло. Оба офицера легли намѣстѣ, прострѣленные десятками пуль, а гранадеры, выбившіеся изъ силъ, были оттѣснены съ урономъ въ 13-ть убитыхъ, 19-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ и одного офицера (прапорщикъ Грибунинъ) и 30-ть нижнихъ чиновъ сильно контуженныхъ камнями. Симборскій чуть не плакалъ видя гибель храбрыхъ грузинцевъ, но поддержать ихъ ничѣмъ не могъ: въ резервѣ оставалось только 4-ре роты слабого состава, съ орудіемъ, которыхъ нельзя было трогать съ мѣста, въ виду остальной массы лезгинъ, угрожавшихъ лагерю.

Съ этихъ поръ дерзость горцевъ удвоилась, а нашъ отрядъ, тая съ каждымъ днемъ, терялъ всякую надежду на успѣхъ и готовился къ единственному почетному выходу изъ этого положенія—смерти въ бою съ превосходными силами. Въ лагерѣ находилось два офицера и 90 нижнихъ чиновъ раненыхъ и 10-ть больныхъ. Изнуренные солдаты, проведя нѣсколько дней почти безъ пищи и сна, падали отъ усталости; безъ теплой одежды и палатокъ, вблизи снѣговыхъ горъ, они терпѣли ужасную стужу. Нѣкоторое время разные коренья, черемша, щавель и такъ названная солдатами „жирная трава“—кое-какъ замѣняли обычную пищу, но и это скудное подспорье скоро было уничтожено. Между тѣмъ послѣдняя попытка къ активнымъ дѣйствіямъ окончилась неудачею, отступить же казалось дѣломъ несбыточнымъ. „Если отрядъ не получитъ черезъ три дня ожидаемаго продовольствія, долженствующаго прибыть сюда при 4-хъ ротахъ пѣхоты и одномъ горномъ орудіи маіора Огіевского, то *нельзя опредѣлить мѣры бѣдствій, которыя насъ здѣсь ожидаютъ*“.— Такъ доносилъ Симборскій о своемъ положеніи корпусному командиру.

Трудно сказать, на что рѣшился бы начальникъ отряда, если бы это „сидѣніе“ на Ноурѣ продолжилось еще сутки, но

счастливый случай не допустилъ гренадеръ и карабинеръ до безславія. 1-го іюня въ нашъ лагерь явились старшины бунтовавшихся деревень съ повинною головою: это было послѣдствіе пораженія скопища лезгинъ генераломъ Головинымъ при Аджіахурѣ. Симборскій съ достоинствомъ встрѣтивъ старшинъ, взялъ ихъ въ качествѣ аманатовъ и съ ними вмѣстѣ возвратился въ верхній Гейнукъ. Трудно судить о радости отряда, избавившагося отъ явной гибели и получившаго горячую пищу и нѣкоторыя удобства походной жизни послѣ недѣльнаго голода. Кто участвовалъ въ кавказскихъ походахъ, тотъ знаетъ, съ какимъ братскимъ радушіемъ обыкновенно принимали солдаты другъ друга при встрѣчѣ ротъ, баталіоновъ и цѣлыхъ отрядовъ. Такъ случилось и въ этотъ разъ: роты, пришедшія въ Гейнукъ нѣсколькими днями раньше, угощали вновь прибывшихъ голодныхъ товарищей.

Генераль Симборскій не замедлилъ отдать должное своему геройскому полторатысячному отряду, боровшемуся съ восьмитысячнымъ скопищемъ, въ теплое, задушевное приказѣ отъ 11-го іюня 1839-го года № 31-й (приложеніе XXIII). Хотя на долю войскъ и не выпало блестящихъ дѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, поставленная имъ задача — отвлеченіе части горскихъ силъ — была достигнута, что и было вполнѣ оцѣнено корпуснымъ командиромъ. За время экспедиціи отрядъ потерялъ убитыми, ранеными и контуженными 4-хъ оберъ-офицеровъ и 116-ть нижнихъ чиновъ.

19-го числа генераль-маіоръ Симборскій получилъ приказаніе прекратить всякія военныя дѣйствія и распустить войска. Эриванскій баталіонъ, со взводомъ орудій, отправленъ былъ въ Тифлисъ, 1-й баталіонъ грузинцевъ, съ частью казаковъ, взводомъ орудій и командою саперъ — въ Элису, для разработки дороги, а 3-й баталіонъ того же полка — оставленъ въ распоряженіи шекинскаго коменданта.

Жители селеній Ворчь и Хновъ, не смотря на увѣренія

въ покорности, поднявшіе оружіе противъ отряда Симборскаго, въ послѣдствіи же, получивъ прощенье, вновь ослушавшіеся приказаній генераль-лейтенанта Головина прислать въ Ахты почетныхъ людей и старшинъ для принесенія присяги на вѣрность Государю, не остались безъ заслуженнаго возмездія. На пути изъ Ахты по вновь проложенной дорогѣ черезъ кавказскій хребетъ, по прибытіи въ Рутуль, корпусный командиръ отправилъ 17-го іюня, для наказанія сс. Борчъ и Хновъ, 15-ть сотенъ казикумухской, кюринской, элисуйской и грузинской милиціи, подъ командою майора Корганова, подкрѣпивъ ее наслучай упорнаго сопротивленія тремя баталіонами пѣхоты, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ командира 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи генераль-майора Круммеса. Коргановъ повелъ дѣло весьма быстро и искусно: оба селенія были застигнуты врасплохъ и окружены; жители обезоружены, всѣ зачинщики и подстрекатели арестованы, а главный коноводъ мятежа, старшина Челяби, преданъ суду самихъ хновцевъ и, по мѣстному обычаю, побитъ камнями. Населеніе торжественно присягнуло на вѣрноподданство Государю Императору.

Военныя дѣйствія 1839-го года въ южномъ Дагестанѣ окончились. Плодами ихъ было: устройство укрѣпленной самурской линіи, открытіе сообщенія черезъ Рутуль съ элисуйскими владѣніями, присоединеніе къ симъ послѣднимъ рутульскаго магала и, такимъ образомъ, совершенное разобщеніе нашихъ мусульманскихъ провинцій съ лезгинскими племенами Дагестана; прочное водвореніе спокойствія не только въ шекинскомъ ханствѣ и кубинской провинціи, но и во всемъ сосѣднемъ краѣ, пріобрѣтеніе непосредственнаго вліянія на казикумухское и кюринское ханства, открытіе возможности во всякое

время дѣйствовать въ горахъ, опираясь на укрѣпленную самурскую линію и, наконецъ, сокращеніе на 300 верстъ лѣтняго пути между Грузіею и Дагестаномъ, съ небольшою разработкою доступнаго для движенія выюковъ и войскъ во всякое время года.

Желая повозможности усилить и упрочить вновь созданную самурскую линію, корпусный командиръ обратилъ особенное вниманіе на то, чтобы удержать на мѣстахъ всѣхъ горцевъ этой густо населенной долины. Съ этою цѣлью, образовавъ округъ изъ самурскихъ жителей (около 6000 дворовъ) и избравъ Ахты, какъ главнѣйшее и самое многолюдное селеніе, его центромъ, онъ занялся немедленно учрежденіемъ въ немъ правительственнаго дивана изъ выборныхъ туземцевъ, подъ предсѣдательствомъ нашего штабъ-офицера, съ званіемъ военно-окружнаго начальника. До этого времени жители бассейна Самура раздѣлялись на разныя вольныя общества, управляемые выборными старшинами и духовными лицами. Учрежденіе дивана, сохранивъ между ними существовавшій порядокъ управленія, открыло достойнѣйшимъ туземцамъ путь къ достиженію власти. Такимъ образомъ, народное самолюбіе было удовлетворено и вся исполнительная и полицейская власть, въ общественномъ быту самая тяжелая для народа, — оставаясь въ рукахъ туземцевъ, служила ручательствомъ въ неприкосновенности древнихъ обычаевъ и законовъ края. Между тѣмъ предсѣдатель дивана, постоянно слѣдя за дѣйствіями его членовъ, имѣлъ всегда возможность давать имъ должное направленіе, безъ ощутительнаго тяготѣнія надъ ними своею властью; послѣдняя же имѣла надежную опору въ дулахъ орудій, грозно выглядывавшихъ изъ-за крѣпостныхъ верковъ и готовыхъ въ каждую минуту разгромить с. Ахты. Учрежденіе этого образа управленія не только удержало въ своихъ жилищахъ обитателей самурской долины, но поселило въ нихъ довѣріе къ намъ; народонаселеніе этого угла, наслаждавшееся,

въ сравненіи съ другими жителями Кавказа, благоденствіемъ, стало даже замѣтно увеличиваться и смягчать свои нравы; доказательствомъ тому служилъ исчезнувшій съ теченіемъ времени обычай носить оружіе и даже кинжалъ, считающійся непремѣнною принадлежностью горскаго костюма.

XIII.

Сборъ и посадка на суда черноморскаго флота десантнаго отряда генералъ-лейтенанта Раевского. Высадка съ боемъ у устья р. Субаши. Возведеніе укрѣпленія Головинскаго. Перестрѣлки и дѣла 27-го и 28-го мая. Амбаркація войскъ и занятіе устья р. Пезуане; дѣло при высадкѣ десанта. Перестрѣлки. Возведеніе укр. Лазарева. Перевозка войскъ къ Анапѣ. Движеніе отряда на р. Мескага и устройство промежуточнаго форта Раевского. Санитарное состояніе отряда. Болѣзнь генералъ-лейтенанта Раевского и отбытіе его въ Керчь, по сдачѣ командованія генералъ-маіору Капустину. Движеніе отряда въ Черноморію и роспускъ его на зимнія квартиры. Высочайше утвержденное новое раздѣленіе черноморской береговой линіи.

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля 1839-го года десантный отрядъ сосредоточился на берегу Чернаго моря, между Вугасомъ и Таманью, а 23-го апрѣля прибыла къ керченскому проливу эскадра черноморскаго флота. Вслѣдствіе двухдневнаго сильнаго волненія нагрузка тяжестей была окончена лишь 28-го числа, а вслѣдъ затѣмъ, послѣ молебствія, войска посажены на суда. Задерживаемый то штилемъ, то противными вѣтрами и сильнымъ теченіемъ вдоль берега, флотъ прибылъ къ устью р. Субаши въ пять часовъ пополудни 2-го мая. Приступать къ высадкѣ уже было поздно, а потому суда держались въ морѣ. Горцы, заранѣе знавшіе о предстоявшемъ занятіи нами этого пункта, толпами стекались къ берегу и,

съ наступленіемъ ночи, долины рр. Субашы, Шахе и окрестныя горы озарились безчисленными кострами.

На другой день, съ разсвѣтомъ, эскадра подошла къ берегу и спустила гребныя суда. Между тѣмъ, на берегу все сгущались толпы пѣшихъ горцевъ. Нѣсколько человѣкъ, по видимому начальниковъ, разѣзжали верхомъ. Поодаль, на равнинѣ, подъ вѣковыми деревьями, нѣсколько сотъ человѣкъ стояли на колѣняхъ, имѣя впереди себя муллу въ бѣлой чалмѣ, и молились. Все предвѣщало жестокой бой.

Грозная тишина, царившая въ воздухѣ, была вдругъ нарушена ревомъ корабельныхъ орудій, начавшихъ громить берегъ. Вслѣдъ затѣмъ гребныя суда, подъ командою капитана 2-го ранга Корнилова, стройно двинулись впередъ, стрѣляя находу изъ носовыхъ орудій, и скоро врѣзались въ песокъ. Одновременно съ движеніемъ десанта, правѣ его были направлены три азовскія лодки, подъ командою войсковаго старшины Дьяченко; онѣ имѣли назначеніе при высадкѣ обстрѣливать правый флангъ, такъ какъ съ кораблей были замѣчены толпы горцевъ, поспѣшно спускавшихся съ горъ лѣваго берега Шахе и переходившихъ рѣку вбродъ у устья. По приказанію Дьяченко, одна лодка (лейтенанта Краббе) вошла въ самое устье рѣки и своимъ огнемъ прикрыла правый флангъ десанта; другая (инженеръ-поручика Баумгартена)—подойдя къ берегу, удачными выстрѣлами выбила партію черкесъ изъ лѣска, близъ устья, третья же (лейтенанта Рындина), обогнавъ десантъ, осыпала берегъ картечью. Когда гребныя суда причаливали къ матеріку, Рындинъ далъ имъ мѣсто, но тутъ ему не посчастливилось: внезапно послѣдовалъ взрывъ пороховаго ящика и лодка пошла ко дну. Экипажъ спасся благодаря присутствію духа Рындина и содѣйствію Баумгартена, быстро подоспѣвшаго къ мѣсту катастрофы и принявшаго на бортъ погибавшихъ; тѣмъ не менѣе, 8-мъ человѣкъ оказались обожженными порохомъ и два изъ нихъ весьма серьезно.

Войска первого рейса *) высадились на берегъ. 2-й баталіонъ тенгинскаго полка, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою генераль-маіора Кашутина, составилъ авангардъ, 3-й баталіонъ того же полка, съ однимъ орудіемъ, подъ командою и. д. начальника отряднаго штаба генераль-маіора Ольшевскаго—лѣвое, а 1-й баталіонъ навагинскаго полка, съ своимъ полковымъ командиромъ полковникомъ Полтининымъ—правое прикрытіе. 3-й навагинскій и сводный (изъ двухъ ротъ 4-го тенгинскаго и 2-хъ ротъ 4-го навагинскаго баталіоновъ) баталіоны, съ остальною артилеріею, составили резервъ, подъ командою командовавшаго навагинскимъ полкомъ подполковника Вылазкова.

Удачное дѣйствіе морской артилеріи принудило горцевъ оставить завалы, которыми они заблаговременно устѣяли берегъ между устьями Субаши и Шахе, но они сильно заняли лѣсистыя возвышенности и овраги, идущіе къ р. Шахе, параллельно берегу моря. Едва наши передовыя войска успѣли выстроиться, выгрузить два горныхъ единорога, и затѣмъ разсыпавъ цѣпь, какъ непріятель хлынулъ на равнину между горою и прибрежнымъ лѣсомъ. Вся эта масса, до 1000 человекъ, молча и безъ выстрѣла неслась на 2-й баталіонъ тенгинцевъ, не обращая вниманія на огонь цѣпи и картечь двухъ горныхъ единороговъ. Впереди толпы бѣжали нѣсколько мултъ, находу подогрѣвая энтузіазмъ правовѣрныхъ. Цѣпь авангарда мгновенно была разорвана и отброшена къ резервамъ; генераль-маіоръ Кашутинъ, лично обнаживъ шашку, бросился навырчку въ головѣ баталіона, но и штыками не озадачилъ фанатизированныхъ горцевъ: они съ гикомъ охватили колонну

*) 2-й, 3-й и двѣ роты 4-го баталіона тенгинскаго, 1-й, 3-й и двѣ роты 4-го баталіона навагинскаго полковъ, при 5-ти горныхъ единорогахъ и двухъ ручныхъ мортиркахъ. Всѣ баталіоны были снабжены шанцевымъ инструментомъ и по 100 топоровъ на каждый. Люди имѣли на себѣ четырехдневный запасъ сухарей.

съ трехъ сторонъ и завязали отчаянную рукопашную свалку, — но въ это время, изъ чащи лѣса дебушировалъ подоспѣвшій 3-й навагинскій баталіонъ подполковника Танскаго, и картина боя сразу измѣнилась. Усиленный одною ротою, по распоряженію полковника Полгинина, Танскій ударилъ въ штыки во флангъ партіи. Озадаченные горцы были смяты, подались было назадъ, но вскорѣ остановились и, завязавъ перестрѣлку, думали задержать наступающихъ. Но было уже поздно; охваченные съ фланговъ, они принуждены были вновь отступать среди ожесточеннаго рукопашнаго боя. Въ схваткѣ принимали участіе, съ капитаномъ 2-го ранга Корниловымъ, капитанъ-лейтенанты Панфиловъ, Ивановъ, флигель-адъютантъ Глазенапъ и нѣкоторые другіе морскіе офицеры съ нѣсколькими десятками матросовъ, увлеченныхъ желаніемъ попробовать свои силы въ сухопутномъ бою. Нечего и говорить, что молодцы-черноморцы и здѣсь явили себя такими же героями, какъ и 14-ть лѣтъ спустя, въ тяжкую для Россіи годину, при оборонѣ многострадальнаго Севастополя. Вообще можно сказать, что ежегодное участіе эскадръ при десантахъ для устройства береговой линіи способствовало той замѣчательной братской связи, которая существовала между кавказскимъ корпусомъ и черноморскими моряками до самой добровольной гибели нашего славнаго черноморскаго флота.

Пока въ авангардѣ происходило все описанное, на лѣвомъ флангѣ насъ ожидало не менѣе серьезное дѣло. Сильная партія спускалась съ высокаго хребта, служащаго водораздѣломъ между Шахе и Субаши, съ цѣлю занять вдающійся въ море мысомъ отрогъ. Но генераль-маіоръ Ольшевскій предупредилъ непріятеля: быстро занявъ высоту баталіономъ подполковника Хлющина, онъ бросился оттуда на покрытый лѣсомъ гребень. Завязалась жаркая перестрѣлка, но занятая нами выгодная позиція позволила не только остановить напоръ горцевъ, но даже обратить артилерійскій огонь на тол-

пы, тѣснимыя авангардомъ. Вскорѣ горцы и здѣсь начали отступать, прикрываясь двойною цѣпью; свѣжія толпы, выходя изъ лѣсистаго ущелья, уносили и замѣняли раненыхъ и убитыхъ.

Между тѣмъ, съ вторымъ рейсомъ, высадились остальные войска, артилерія и баталіонъ матросовъ, подъ командою капитана 2-го ранга Путятинъ *). Тотчасъ сводный баталіонъ подполковника Данзаса былъ посланъ на усиленіе авангарда и сталъ за нимъ въ резервъ. Тогда генераль Кашутинъ началъ энергичнѣе тѣснить горцевъ и, подойдя къ подножію горы, раздѣлявшей Шахе отъ Субаши, двинулъ подполковника Лебединскаго, съ двумя ротами, на высокій и крутой уступъ, командующій равниною и лѣсистымъ ущельемъ, въ которое втягивались отступавшіе горцы. Лебединскій, при жаркой перестрѣлкѣ, занялъ указанный ему пунктъ и утвердился на немъ. Для занятія промежутка, образовавшагося между этою колонною и лѣвымъ прикрытіемъ, начальникъ отряда направилъ морской баталіонъ, который тотчасъ двинулся по обрывамъ оврага, отдѣлявшаго его отъ выступа горы. Моряки двумя колоннами взобрались наверхъ и выбили штыками горцевъ изъ весьма выгодной позиціи въ лѣсу. Такимъ образомъ, нашъ авангардъ вошелъ въ непосредственную связь съ лѣвымъ прикрытіемъ. Непріятель отступилъ, но, укрываясь за деревьями, не прекращалъ перестрѣлки и все болѣе и болѣе усиливался. Тогда въ помощь морякамъ были посланы изъ резерва 2-й баталіонъ навагинцевъ и саперная рота. Между тѣмъ матросы съ трудомъ уже держались противъ превосходнаго противника; капитанъ 2-го ранга Путятинъ, получивъ двѣ раны, принужденъ былъ оставить строй, сдавъ команду капитану 2-го ранга Меглину. По прибытіи подкрѣпленія, съ большимъ трудомъ успѣли втащить на плечахъ вверхъ

*) Сводная саперная рота, 1-й баталіонъ тенгинскаго и 2-й баталіонъ навагинскаго полковъ, 6-й и 8-й пѣшіе черноморскіе казачьи полки, при 7-ми орудіяхъ и четырехъ ручныхъ мортирахъ.

два горныхъ единорога; сдерживая горцевъ картечью, Метлинъ приступилъ къ устройству засѣвки и черезъ два часа ее окончилъ.

Въ это время, на равнинѣ, авангардъ и правое прикрытие продолжали тѣснить горцевъ, отступавшихъ шагъ за шагомъ, чтобы дать время вынести изъ боя своихъ раненыхъ и убитыхъ. Подъ каждымъ нашимъ картечнымъ выстрѣломъ валились цѣлыя груды тѣлъ и около нихъ завязывался упорный рукопашный бой, стоившій много крови. Дойдя до возвышенія, замыкавшаго прибрежную долину, генералъ-маіоръ Кашутинъ и полковникъ Полтининъ овладѣли имъ и тѣмъ завершили занятіе предположеннаго пространства. Двухчасовой ожесточенный бой прекратился, но послѣ непродолжительной паузы горцы сдѣлали послѣднее отчаянное усиліе: маскируя свое намѣреніе рѣдкою пальбою и пользуясь изгибами мѣстности, они внезапно подошли къ резерву, прикрывавшему орудія близъ высоты занятой подполковникомъ Лебединскимъ, и съ рикомъ ринулись въ шашки. Молодцы-артиллеристы не потерялись: командовавшій орудіями 20-й артилерійской бригады штабсъ-капитанъ Щербина, подпустивъ непріятеля, послалъ ему картечь почти въ упоръ, а командовавшіе ротами резерва тенгинскаго полка поручики Рыковъ и Мажаровъ отбросили его штыками. Къ сожалѣнію, оба храбрые офицеры пали во главѣ ротъ тяжело ранеными. Послѣ этого отпора горцы ограничились одною перестрѣлкою, но вели ее упорно, особенно противъ лѣваго нашего фланга. Пока впереди шель бой, два черноморскихъ пѣшихъ полка охватили засѣкою все пространство, назначенное для лагеря, такъ что къ 6-ти часамъ вечера отрядъ спокойно могъ расположиться на ночлегъ.

Высадка стоила намъ 3-хъ оберъ-офицеровъ *) и 17-ть

*) Навагинскаго полка подпоручикъ Колодыко и прапорщикъ Бракеръ и колыванскаго егерскаго—поручикъ Павловъ.

нижнихъ чиновъ убитыхъ, одного штабъ, 5-ти оберъ-офицеровъ *) и 111-ти нижнихъ чиновъ раненыхъ. Потеря непріятеля была весьма значительна и часть тѣлъ осталась въ нашихъ рукахъ. Перестрѣлка еще только начала замирать, какъ къ начальнику отряда явились горскіе старшины, воглавъ съ Біарсланомъ Берзековымъ и убыхскимъ дворяниномъ Тюлькаромъ, и просили о выкупѣ убитыхъ. Оказавшіяся у насъ 48-мъ тѣлъ, въ томъ числѣ трупы двухъ главныхъ предводителей, тотчасъ были выданы, причемъ генераль-лейтенантъ Раевскій не упустилъ случая обласкать нашихъ враговъ, похвалить ихъ храбрость и указать на тѣ милости, которыя ихъ ожидаютъ въ случаѣ покорности волѣ Государя. Тронутые обхожденіемъ съ ними генерала, горцы стали откровеннѣе: говорили объ огромныхъ своихъ потеряхъ и о тѣхъ причинахъ, которыя заставили ихъ драться съ такимъ ожесточеніемъ. По ихъ словамъ, прибрежная роца издревле считалась священной („тагапкъ“, т. е. священный лѣсъ) и служила мѣстомъ для совершенія языческихъ обрядовъ и для народныхъ совѣщаній. Поэтому то они въ виду флота произнесли торжественную клятву умереть до послѣдняго, но не допустить невѣрныхъ до оскверненія святыни. Помимо всего этого привольная и довольно густо населенная долина Шахе была имъ дорога, какъ главный пунктъ торговли невольницами.

Четвертаго мая, съ разсвѣтомъ, вновь загорѣлась перестрѣлка противъ лѣваго фланга лагеря, но предпринять что либо активное горцы уже не рѣшились. Между тѣмъ, подъ прикрытіемъ выдвинутыхъ впередъ морскаго и 2-го навагинскаго баталіоновъ, энергично, безъ перерыва, шла рубка лѣса. Къ 7-ми часамъ вечера пространство передъ засѣкою было расчище-

*) Капитанъ 2-го ранга Путятинъ, мичманъ Фредериксъ, тенгинскаго полка поручики Рыковъ и Мажаровъ и прапорщикъ Лутковскій и оренбургскаго линейнаго № 5-го баталіона подпоручикъ Овсянниковъ.

но на ружейный выстрѣль и оба баталіона вернулись въ лагерь. Въ ночь съ 6-го на 7-е мая эскадра ушла въ море. Между тѣмъ на берегу было приступлено къ расчисткѣ мѣста для лагеря и будущаго укрѣпленія. 12-го послѣднее было окончательно разбито и торжественно освящено, а затѣмъ начато возведеніе верковъ. Наши успѣшныя работы были не совсѣмъ по нутру горцамъ; вскорѣ лазутчики дали знать, что къ непріятелю везутъ орудіе, съ специальною цѣлью обстрѣливанія лагеря, и даже указали мѣсто, избранное для его установки. Начальникъ отряда незамедлилъ убѣдиться, что горцы дѣйствительно приступили къ рубкѣ просѣки и приказалъ направить туда четыре крѣпостныхъ 6-ти-фунтовыхъ орудій и два четверть-пудовыхъ единорога. Большаго числа орудій нельзя было сосредоточить для этой цѣли, такъ какъ полевые орудія были распределены по фасамамъ засѣвки, а крѣпостныя—на вооруженіе укрѣпленія—еще вовсе не были доставлены къ отряду. Вообще, недостатокъ крѣпостной артилеріи, особенно единороговъ, былъ весьма ощутителенъ; на дѣйствиіе полевыхъ орудій почти нельзя было рассчитывать, такъ какъ ихъ лафеты не выдерживали и 5-ти выстрѣловъ. Къ довершенію всего, доставленныя въ отрядъ гранаты были неудовлетворительны; рѣдкая изъ нихъ рвалась, принося болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ горцы не упустили случая попользоваться порохомъ изъ неразорвавшихся снарядовъ.

До 27-го мая въ лагерь не произошло ничего выдающагося; при почти постоянныхъ перестрѣлкахъ, а иногда и попыткахъ горцевъ атаковать засѣвку открытою силою,—у насъ выбыли изъ строя одинъ убитый и 24-ре раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ этотъ же день, передъ разсвѣтомъ, для занятія высотъ лѣваго берега р. Шахе (противъ лѣваго фланга лагеря) и для прикрытія вырубки тамъ лѣса, были посланы 1-й, 3-й и сводный баталіоны тенгинскаго полка, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и 4-хъ мортиркахъ, подъ командою генераль-маіора

Кашутина. Подойдя къ рѣкѣ, голова колонны нашла бродъ непроходимымъ: вода въ Шахе, отъ таянiя въ горахъ снѣга, вдругъ поднялась. Не теряя времени, войска были направлены на высокую, покрытую густымъ лѣсомъ возвышенность, служившую водораздѣломъ между рр. Шахе и Субаши.

Едва начинало разсвѣтать. Быстрота нашего движенiя и безопасность непрiятеля облегчили занятiе горы. Уже маiоръ Германсъ, съ 1-мъ баталiономъ навагинцевъ, успѣлъ взобраться на вершину и приступить къ устройству засѣки, а 3-й и сводный баталiоны съ тою же цѣлью вытянулись по гребню ската до лагерной засѣки,—тогда только грянули первые горскiе выстрѣлы, въ разныхъ мѣстахъ послышался крикъ, загорѣлись сигнальные огни и непрiятель началъ стекаться со всѣхъ сторонъ огромными толпами. Перестрѣлка зачастила, а вскорѣ горцы не замедлили перейти и къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствiямъ. Сперва они бросились на правый флангъ возводимой засѣки, но были отражены съ большою потерею 1-ю гренадерскою ротою навагинцевъ. Тогда толпы начали массивоваться противъ лѣваго фланга 1-го баталiона, и, скрытно пробравшись водомоиною, обрушились на 3-ю мушкетерскую роту. Горцы не замѣтили засѣки и подошли такъ близко, что обѣ стороны разстрѣливали другъ друга почти въ упоръ. Наконецъ, командиръ роты поручикъ Михайловскiй подвелъ резервъ на линiю цѣпи и, съ крикомъ „ура“, опрокинулъ непрiятеля въ кручу, съ огромнымъ урономъ.

Было уже около 6-ти часовъ утра. Въ пяти шагахъ отъ нашей засѣки лежало много непрiятельскихъ тѣлъ, взятыя которыя горцы могли лишь съ боя; это повело къ цѣлому ряду отчаянныхъ натисковъ. Распоряжаясь боемъ, генераль-маiоръ Кашутинъ упалъ въ обрывъ и такъ сильно зашибъ раненую ногу, что принужденъ былъ сдать командованiе тенгинскаго полка подполковнику Данзасу. Между тѣмъ перестрѣлка не умолкала ни на минуту. Противъ лѣваго фланга 1-го и праваго фланга

2-го баталіоновъ навагинскаго полка толпы горцевъ все болѣе сгущались. Врагъ былъ такъ близокъ, что мы ясно слышали даже обыкновенный разговоръ и пустить въ дѣло артилерію не было никакой возможности. Впрочемъ, наши артиллеристы нашлись и въ этомъ случаѣ: юнкеръ Греченевскій и фейерверкеръ 4-го класса Корчагинъ, находясь безотлучно за засѣлкой, бросали изъ рукъ зажженные 6-ти-фунтовыя гранаты; черкесы, съ своей стороны, отвѣчали имъ камнями и кусками дерева и, не смотря на сильныя потери, не отказывались отъ своего намѣренія. Они ожесточенно бросались къ засѣлкѣ и старались растащить деревья, но своевременно придвинутые резервы всякій разъ отбрасывали ихъ штыками. При каждомъ натискѣ, успѣвая захватить часть тѣлъ, нападавшіе устигали мѣсто боя свѣжими трупами. Во время отраженія восьмой атаки былъ раненъ двумя пулями въ руку и животъ навывлетъ командиръ 1-го навагинскаго баталіона храбрый маіоръ Германсъ. Этотъ натискъ не былъ послѣднимъ: еще пять разъ бросались въ пашки горцы, но также неудачно. Бой настолько былъ горячъ, что ружья 2-й и 3-й мушкетерскихъ ротъ навагинскаго полка нагрѣлись и нагорѣли почти до невозможности изъ нихъ дѣйствовать; подполковникъ Данзасъ принужденъ былъ смѣнить навагинцевъ двумя тенгинскими ротами. Наконецъ, передъ сумерками, перестрѣлка начала ослабѣвать, а съ наступленіемъ темноты совершенно смолкла. Горцы длинными вереницами тянулись по горамъ въ долину Шахе, унося и уводя своихъ убитыхъ и раненыхъ; наши войска, покончившія свое дѣло, съ пѣснями вернулись въ лагерь, съ потерей 15-ти нижнихъ чиновъ убитыхъ, одного штабъ, одного оберъ-офицера *) и 35-ти нижнихъ чиновъ раненыхъ. Лошадей убыло двѣ.

*) Навагинскаго полка маіоръ Германсъ и тенгинскаго — подпоручикъ Кузьминскій 2-й.

Въ этотъ день особенно отличилась 3-я мушкетерская рота навагинскаго полка. Изъ ея состава унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Городенскій и рядовой Важинскій и тенгинскаго полка фельдфебель Игнатъевъ и унтеръ-офицеръ Феликсъ Ордынскій *) выказали въ дѣлѣ выдающуюся храбрость.

Пока колонна генераль-маіора Кашутина геройски оставила цѣлый день занятую ею позицію, въ тылу ея кипѣла работа: отъ лѣса было очищено такое пространство, что лагерь и новое укрѣпленіе были совершенно обезпечены отъ нечаяннаго нападенія.

Непріятель дрался съ замѣчательнымъ мужествомъ, даже отчаяніемъ; духъ его былъ поднятъ взятіемъ въ 1838-мъ году орудія у Сочи, разграбленіемъ фрегата „Варна“ и корвета „Мессемврія“ и значительнымъ подвозомъ пороха и ядеръ, доставленныхъ на контрабандномъ суднѣ изъ Синопа извѣстному англичанину Балю, находившемуся здѣсь со времени нашей высадки и проживавшему въ аулѣ Гассанъ-бея, на р. Варданъ. Гассанъ-бей былъ одинъ изъ самыхъ заклятыхъ и опасныхъ нашихъ враговъ и пользовался огромнымъ вліяніемъ на черкесовъ по богатству своему и связямъ; три его брата были въ турецкой службѣ: одинъ—Хафисъ—пашою, а два другихъ—бимъ-баши (маіоръ).

На другой день, 28-го мая, крѣпостныя работы шли своимъ чередомъ. Горцы, зная о неудачной попыткѣ нашей переправиться наканунѣ черезъ Шахе, собрались въ значительныхъ силахъ на лѣвомъ берегу ея и вывезли орудіе. По первымъ горскимъ выстрѣламъ, генераль-маіоръ Ольшевскій, съ 1-мъ и своднымъ (двѣ роты 2-го и двѣ роты 4-го баталіоновъ) баталіонами тенгинцевъ и 3-мъ—навагинцевъ, при 4-хъ орудіяхъ, двинулся къ мѣсту избранному для переправы; въ 200 шагахъ отъ устья рѣки. Для покровительства колоннѣ

*) Изъ государственныхъ преступниковъ.

огнемъ, два крѣпостныхъ орудія были вывезены къ самому устью, а вся остальная артилерія поставлена сосредоточенно на позиціи. Вслѣдъ за войсками шли особо наряженные команды, съ различными матеріалами для устройства моста на козлахъ.

Рѣка Шахе, при впаденіи въ море, раздѣляется на три рукава, изъ которыхъ лѣвый шире и глубже остальныхъ; отъ него до подошвы горъ не болѣе 70-ти сажень. Передъ самымъ пунктомъ переправы находится возвышеніе, покрытое рѣдкимъ лѣсомъ. Какъ только наши орудія открыли огонь, генераль-маіоръ Ольшевскій быстро двинулся къ главному рукаву и съ головнымъ баталіономъ бросился въ воду. Схватившись за руки повзводно, люди перешли вбродъ по грудъ бурный потокъ—и высота была занята. Тотчасъ введены были въ рѣку двѣ вооруженныхъ лодки, устроены мостъ на козлахъ и переведены на другой берегъ остальные войска, артилерія и рабочіе съ топорами. Наслучай разрушенія моста отъ внезапной прибыли воды, люди имѣли на себѣ 4-хъ-дневный сухарный запасъ, а орудія—полный комплектъ зарядовъ. При первомъ нашемъ движеніи горцы поспѣшили увезти свое орудіе и толпами бросились къ рѣкѣ, но опоздали—до ихъ прибытія переправа совершенно окончилась.

На ружейный выстрѣлъ за занятой уже нами высотой, огибалъ ее лѣсистый хребетъ, упиравшійся въ море; генералу Ольшевскому удалось и здѣсь предупредить непріятеля и не встрѣтить особаго сопротивленія. Рабочіе тотчасъ взяли съ топоры, не обращая вниманія на разгоравшуюся перестрѣлку; особенно усердно горцы осыпали пулями 1-й тенгинскій баталіонъ, но внесенное людьми наверхъ полевое орудіе тотчасъ осадило ихъ.

Занятіемъ прибрежной высоты и хребта еще не закончилось порученіе, данное Ольшевскому. Вскорѣ его смѣнилъ посланный изъ лагеря баталіонъ, подъ командою подполков-

ника Хлюпина, передаваемаго ему приказаніе генераль-лейтенанта Раевского—идти на гору, въ двухъ верстахъ выше по теченію, откуда непріятель стрѣлялъ изъ орудія. Ольшевскій двинулся по указанному ему направленію.

Уже смеркалось. Накрапывалъ дождь и прибой съ моря усилился. Колонна шла молча. Горцы, не смотря на свою многочисленность, не оказали особеннаго сопротивленія; темнота, чаща лѣса и крутизна подъема также не помѣшали полному порядку движенія. Началась перестрѣлка, но потомъ все быстро смолкло, лишь стучали топоры нашихъ рабочихъ. Впрочемъ, вскорѣ оказалось, что не лѣсъ, а сама мѣстность доставляла надежное укрытіе для горцевъ и ихъ орудія. За острымъ гребнемъ была вырыта просторная яма, обставленная внутри и блиндированная сверху огромными бревнами. Самый гребень игралъ роль бруствера, въ которомъ была прорѣзана узкая амбразура, позволявшая безопасно обстрѣливать лагерь по направленію его длиннаго фаса. Послѣ каждаго выстрѣла, для заряжанія, орудіе откатывали назадъ; сбить его было немыслимо, такъ какъ для этого надо было попасть прицѣльно въ амбразуру. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что работою импровизированной батареи руководилъ Бэль.

Вырубивъ возможности лѣсъ вокругъ батареи и разрушивъ ее, генераль Ольшевскій къ 5-ти часамъ утра благополучно вернулся въ лагерь, снявъ мостъ, едва державшійся отъ сильной прибыли воды въ рѣкѣ, вслѣдствіе дождя и морскаго прибоя. Колонна потеряла убитыми 3-хъ нижнихъ чиновъ и ранеными 1-го оберъ-офицера *) и 7-мь рядовыхъ.

30-го и 31-го мая, несмотря на непогоду, работы продолжались. Горцы опять вывезли свое орудіе и, не смотря на сосредоточенный огонь всѣхъ нашихъ крѣпостныхъ орудій,

*) Тенгинскаго полка поручикъ Самойленко.

сдѣлали до 20-ти выстрѣловъ, выведя у насъ изъ строя трехъ рядовыхъ, одного убитымъ и двухъ ранеными.

Съ 1-го по 29-е іюня въ лагерѣ все шло по заведенному порядку. При перестрѣлкахъ въ цѣпи, за это время убитъ одинъ рядовой, раненъ одинъ оберъ-офицеръ *), 4-ре рядовыхъ и одинъ контуженъ.

Вечеромъ 30-го числа на горизонтѣ показалась эскадра черноморскаго флота, высланная для перевозки отряда къ устью р. Псезуапе. Къ этому времени укрѣпленіе было совершенно окончено и вооружено, но оборонительныя стѣнки, соединявшія его съ прибрежнымъ блокгаузомъ, не были еще достроены. Крѣпостныя работы представляли большія затрудненія: грунтъ земли въ долинѣ Шахе—подъ тонкимъ слоемъ иловатой растительной земли голышъ и крупный песокъ—оказался весьма неудобнымъ; кромѣ того проливные дожди не мало тормазили дѣло. Въ виду этого начальникъ отряда отложилъ на два дня амбаркацію и суда ушли въ море. Въ этотъ день также не обошлось безъ перестрѣлки и у насъ былъ раненъ въ цѣпи одинъ оберъ-офицеръ **).

Къ 3-му іюля новый фортъ, по Высочайшему повелѣнію названный *Головинскимъ*, былъ оконченъ, за исключеніемъ внутреннихъ строеній, вслѣдствіе поздней доставки ихъ въ разобранномъ видѣ. На другой день было отслужено благодарственное молебствіе и произведенъ церковный парадъ, когда вновь подошла эскадра; всѣ войска были стянуты къ морскому берегу, подъ прикрытіемъ 1-го баталіона тенгинскаго полка, высланнаго на ближайшую гору.

Наконецъ, 6-го іюля, съ разсвѣтомъ, началась нагрузка артилеріи и тяжестей и посадка войскъ на суда и, послѣ перерыва отъ 8-ми часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни, по

*) Навагинскаго полка прапорщикъ Шленевъ.

***) Навагинскаго полка прапорщикъ Душинкевичъ.

случаю сильнаго прибоя, благополучно окончилась въ 8-мь часовъ вечера. Море сильно замедляло всю эту операцію, повредило много гребныхъ судовъ и разломало всѣ временныя пристани: вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, солдаты прямо по водѣ шли къ гребнымъ судамъ, нерѣдко исчезая подъ набѣгавшими волнами; особенно много трудовъ стоило погрузить орудія.

Въ то время, когда отрядъ постепенно садился на суда, въ лагерь пріѣзжали горцы, для развѣдокъ о нашихъ будущихъ намѣреніяхъ. Отъ нихъ не скрывали, что десантъ предполагается у Псезуане и, между прочимъ, предложили подробно осмотрѣть вновь возведенное укрѣпленіе.

Ночью подулъ вѣтеръ съ берега; эскадра тотчасъ снялась съ якоря и въ 8-мь часовъ утра 7-го іюля была уже противъ р. Псезуане.

Долина Псезуане, шириною по берегу моря до 800-тъ сажень, оканчивается низменнымъ мысомъ, въ исходящемъ углѣ котораго находится устье рѣки. Всѣ окрестныя горы доступны и сплошь обработаны. Рѣка течетъ ближе къ лѣвой сторонѣ долины. При самомъ устьѣ росъ густой лознякъ, остальное же пространство было почти безлѣсно. Русло рѣки, проходимой всюду вбродъ, широко и каменисто. На правомъ берегу разстилается обширная равнина, оканчивающаяся у моря густымъ лѣсомъ, перевитымъ дикимъ виноградомъ и колючими растеніями. Влѣво, къ сѣверо-западу, на невысокой, поросшей рѣдкимъ лѣсомъ горѣ, были видны толпы по большей части конныхъ горцевъ; съ окрестныхъ высотъ туда же тянулись новыя партіи.

Эскадра бросила якорь въ 150-ти сажняхъ отъ берега, охвативъ мысъ полукругомъ, для перекрестнаго обстрѣливанія пункта высадки. По ближайшемъ обзорѣ мѣстности, рѣшено было высадиться на лѣвомъ берегу рѣки и, дождавшись всѣхъ войскъ и артилеріи, перейти на обширную равнину пра-

ваго берега. Чтобы ввести горцевъ въ заблужденіе, всѣ гребныя суда были выстроены лѣвѣе устья Псезуапе, но, двинувшись впередъ, должны были съ мѣста принять вправо, чему способствовалъ поднявшійся нордъ-вестъ. По мѣрѣ очищенія гребными судами фронта эскадры, она должна была открывать огонь; до того же времени, къ устью рѣки были выдвинуты тендеръ-ботъ „Часовой“ и 4-ре азовскія лодки, подъ командою войсковаго старшины Дьяченко.

Войска 1-го рейса состояли изъ слѣдующихъ частей: авангардъ, подъ командою начальника корпуснаго штаба генераль-маіора Коцебу—30-го мая прибывшаго къ отряду для совѣщанія съ генераль-лейтенантомъ Раевскимъ о дѣйствіяхъ на 1840-й годъ и устройствѣ края—изъ 3-го баталіона тенгинскаго полка, при двухъ горныхъ единорогахъ; правое прикрытие, съ генераль-маіоромъ Кашутинымъ, изъ 3-го баталіона навагинскаго полка и двухъ легкихъ орудій; лѣвое прикрытие, подъ командою генераль-маіора Ольшевскаго, изъ своднаго баталіона (по двѣ роты четвертыхъ баталіоновъ тенгинскаго и навагинскаго полковъ), при 2-хъ легкихъ орудіяхъ, и резервъ, порученный владѣтелю Абхазіи генераль-маіору князю Михаилу Шервашидзе, прибывшему вмѣстѣ съ Коцебу, изъ 2-го баталіона тенгинскаго и 1-го баталіона навагинскаго полковъ.

По отданному приказанію, гребныя суда двинулись усиленною греблею вправо и загремѣли корабельныя орудія. Войсковою старшина Дьяченко, съ тендеромъ и азовскими лодками, подошелъ къ самому устью Псезуапе и картечью воспрепятствовалъ непріятелю переходить на лѣвую сторону рѣки. Когда первый рейсъ приближался къ берегу, то вѣтеръ развелъ сильное волненіе, но, не смотря на это, войска выстроились быстро и безъ замѣшательства по заранѣе поставленнымъ разноцвѣтнымъ флагамъ.

Генераль-маіоръ Коцебу тотчасъ двинулся впередъ и, занявъ лѣсъ, прикрылъ выгрузку артилеріи: правое и лѣвое

прикрытія также заняли указанныя имъ мѣста. Когда орудія были уже на берегу, Коцебу направился къ горѣ, командуящей долиною и всѣми окрестными высотами, и, не смотря на сопротивленіе горцевъ, быстро занялъ первый ея уступъ 3-мъ баталіономъ тенгинцевъ, подъ командою подполковника Хлюпина. Затѣмъ шелъ болѣе пологій подъемъ, покрытый кустарниками въ перемежку съ пахатными полями. Для дальнѣйшаго развитія дѣйствій, къ авангарду былъ посланъ 1-й баталіонъ навагинскаго полка, подъ командою состоявшаго по армейской пѣхотѣ подполковника Козловскаго.

Между тѣмъ вѣтеръ и волненіе усилились; волны съ шумомъ разбивались о берегъ; суда едва могли выгребать: ихъ сносило вѣтромъ и сбивало теченіемъ. Особенно затруднительна была доставка артилеріи; баркасы съ орудіями принуждены были буксировать парходами. Не смотря однако на стеченіе самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, усердіе и находчивость нашихъ моряковъ превозмогли все и, черезъ четыре часа по высадкѣ перваго рейса, вся артилерія 2-го рейса была уже на берегу. Первымъ изъ войскъ 2-го рейса высадился сводно-морской баталіонъ, подъ командою капитана 2-го ранга Метлина, тотчасъ же направленный къ авангарду.

Подерѣвленный моряками, генераль Коцебу, послѣ незначительной перестрѣлки, занялъ вершину горы. Это смѣлое движеніе окончательно ввело горцевъ въ заблужденіе: рассчитывая, что мы останемся на лѣвомъ берегу рѣки, они сдѣлали большой обходъ во избѣжаніе огня, продолжавшагося съ лѣваго фланга эскадры, и стянулись къ мѣсту высадки. Толпы ихъ, изнуренныя зноемъ и продолжительнымъ бѣгомъ, уже начали взбираться на гору, занятую авангардомъ, какъ Коцебу вдругъ отступилъ на слѣдующій уступъ. Горцы, къ удивленію своему, никого не застали на вершинѣ; а пока они рѣшали вопросъ, что все это значитъ? начальникъ отряда уже пере-

бросилъ на другой берегъ сводный баталіонъ подполковника Данзаса, съ 2-мя легкими орудіями, подъ начальствомъ генераль-маіора Ольшевскаго и тотчасъ приказалъ рубить засѣку. Генераль Коцебу, съ своей стороны, подкрѣпилъ эту часть морскимъ баталіономъ. Тогда непріятель, видя свою ошибку, началъ спускаться съ горы и устремился въ промежутокъ, образовавшійся между авангардомъ и правымъ прикрытіемъ, но зоркій глазъ Раевского уже замѣтилъ эту прорѣху въ нашемъ боевомъ порядкѣ. Посланные туда владѣтель Абхазіи и подполковникъ Вылазковъ съ 2-мъ баталіономъ тенгинцевъ, при 2-хъ легкихъ орудіяхъ, заняли отдѣльную лѣсистую высоту, замыкающую прибрежную равнину и остановили и здѣсь горцевъ.

Когда собрался весь отрядъ, то по общему сигналу войска двинулись за рѣку, причемъ авангардъ обратился въ арріергардъ и присоединился къ колоннѣ. Вскорѣ на правомъ берегу завязалась перестрѣлка, но здѣсь горы наткнулись уже на засѣку, изъ-за которой были встрѣчены градомъ пуль и картечи; затѣмъ генераль Коцебу, съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами тенгинскаго и 1-мъ—навагинскаго полковъ, при 4-хъ орудіяхъ, прогнавъ непріятеля, окончательно занялъ долину. Къ вечеру весь лагерь былъ уже обнесенъ засѣкою, не смотря на неумолкаемую перестрѣлку. Въ этотъ день мы потеряли убитыми одного рядоваго, ранеными двухъ офицеровъ *), 12-ть рядовыхъ и контуженными одного офицера и 3-хъ нижнихъ чиновъ.

До 10-го іюня войска занимались расчисткою лагернаго мѣста, а 12-го было заложено новое укрѣпленіе *Лазарева*, причемъ отслужено молебствіе и произведенъ церковный парадъ. Затѣмъ начались крѣпостныя работы. Перестрѣлокъ,

*) Тенгинскаго полка штабсъ-капитанъ Гриневиць и 19-й артилерійской бригады поручикъ Азанчевскій.

конечно, мы не избѣгли, но рѣшительнаго—горцы ничего не предпринимали. Гораздо сильнѣе непріятеля дожимали войска сильныя жары, стоявшія весь июль и половину августа мѣсяца. Во все это время не выпало ни капли дождя, трава выгорѣла, листья на деревьяхъ пожелтѣли. Въ отрядѣ, вмѣстѣ съ окологочными, считалось до тысячи больныхъ *), но, къ счастью, смертность была незначительна. Особенно озабочивала Раевского цынга, развившаяся въ войскахъ еще въ болотахъ Черноморіи. Необыкновенная жара отразилась губельно и на гарнизонахъ всѣхъ укрѣпленій береговой линіи.

30-го августа исправляющій должность начальника штаба отряда полковникъ Филипсонъ, съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами тенгинскаго, 1-мъ и 2-мъ баталіонами навагинскаго полковъ, при 4-хъ орудіяхъ, по приказанію начальника отряда, занялъ съ бою цѣпь лѣсистыхъ возвышеній съ лѣвой стороны форта; командуя окрестною равниною, эти высоты могли составить въ послѣдствіи неисчислимыя затрудненія для гарнизона. Подполковникъ Данзасъ и маіоръ Германсъ быстро поднялись съ своими баталіонами на высоты и устроили засѣку. Остальныя войска заняли пространство между горами и моремъ. Горцы насъ не ожидали, но вскорѣ у нихъ поднялась тревога и перестрѣлка завязалась. Десятка два абрековъ подползли къ цѣпи тенгинскаго баталіона подполковника Данзаса, но подпрапорщикъ Вырглыковскій свалилъ одного изъ нихъ пулею наповаль, а вслѣдъ затѣмъ онъ и рядовой того же полка Архипъ Осиповъ **), съ крикомъ „ура“, бросились впередъ. Резервъ цѣпи, увлеченный геройскимъ примѣромъ, послѣдовалъ за ними и горцы разбѣжались, оставивъ въ нашихъ рукахъ одно тѣло. Затѣмъ, они уже не рѣшались болѣе под-

*) Къ концу августа число больныхъ и слабыхъ возрасло до 2-хъ тысячъ.

**) Въ 1840-мъ году погнѣнъ геройскою смертію при штурмѣ горцами Михайловскаго укрѣпленія; имя его увѣковѣчено Императоромъ Николаемъ I въ синагахъ 1-й роты тенгинскаго полка.

ходить къ цѣпи, ограничиваясь лишь перестрѣлкою, въ которой у насъ былъ убитъ одинъ рядовой. Въ 7-мь часовъ вечера колонна Филипсона возвратилась въ лагерь; къ этому времени рабочіе и морской баталіонъ успѣли вырубить весь лѣсъ на горѣ и на версту отъ укрѣпленія, перенеся бревна внутрь нашихъ оборонительныхъ линій.

Между тѣмъ производилась нагрузка тяжестей на суда, а ночью весь отрядъ былъ принятъ эскадрою, въ 10-ть часовъ утра 31-го августа поднявшею якорь. Въ гарнизонѣ форта Лазарева была оставлена 4-я мушкетерская рота тенгинскаго полка и сто казаковъ 6-го пѣшаго черноморскаго полка для окончанія внутреннихъ строеній.

4-го сентября отрядъ благополучно высадился у кр. Анапы и расположился лагеремъ за крѣпостью. Вечеромъ флотъ ушелъ въ море.

Сдавъ больныхъ и раненыхъ въ анапскій госпиталь, а слабыхъ пославъ въ станицу Витязеву, взявъ притянутыхъ къ отряду двухъ ротъ тенгинцевъ, бывшихъ тамъ въ гарнизонѣ, генераль-лейтенантъ Раевскій перешелъ къ станицѣ Николаевской. Дождавшись здѣсь присоединенія обоза и своднаго черноморскаго конно-казачьяго полка, 11-го сентября, на разсвѣтѣ, отрядъ выступилъ на р. Мескага, для возведенія тамъ промежуточнаго форта между Анапою и Новороссійскомъ. Горцы не оказали никакого сопротивленія нашему движенію, и въ 5-ть часовъ пополудни войска расположились лагеремъ на мѣстѣ, избранномъ подъ укрѣпленіе. Къ 18-му октября новое укрѣпленіе, по Высочайшему повелѣнію названное форгомъ *Раевского*, было окончено и торжественно освящено, при громѣ орудій съ бастіоновъ. Работы производились относительно спокойно, такъ какъ, съ 11-го сентября по 18-е октября, отрядъ потерялъ ранеными подпрапорщика тенгинскаго полка Унтилова и 2-хъ рядовыхъ и убылыми 6-тъ лошадей. Гораздо серьезнѣйшимъ тормазомъ постройки форта

была не уменьшавшаяся болѣзненность между нижними чинами. Хотя жары прекратились, но вліяніе, оказанное ими на людей, все еще было ощутительно, такъ какъ въ іюлѣ и августѣ температура доходила на солнцѣ до 47°, а въ тѣни—32° по Реомюру. По словамъ Раевского, этотъ зной и засухи можно было сравнить лишь съ бывшими во время персидской войны, въ 1827-мъ году. Самъ начальникъ отряда сильно занемогъ и еще 17-го сентября, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, отправился лечиться въ Керчь; 25-го числа прибылъ командиръ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Кашутинъ и вступилъ въ командованіе войсками.

19-го октября лагерь былъ снятъ и отрядъ со всѣмъ обозомъ двинулся въ станицу Николаевскую. Въ гарнизонѣ форта Раевского была оставлена 6-я мушкетерская рота тегинскаго пѣхотнаго полка, съ командою мастеровыхъ для окончанія строеній. Не успѣли войска пройти 7-ми верстъ, какъ горы собрались, настигли арріергардъ и завязали перестрѣлку. Въ 4-ре часа пополудни колонна достигла станицы Николаевской, потерявъ 1-го казака легко раненымъ и 2-хъ лошадей, передневала, а 21-го выступила въ Черноморію и, по переправѣ черезъ Кубань при Бугасѣ, была распущена на зимнія квартиры. Къ этому же времени были закончены работы въ укр. Новороссійскѣ особымъ небольшимъ отрядомъ (черноморскій линейный № 3-го баталіонъ, два пѣшихъ черноморскихъ полка, рота навагинскаго полка и команда саперъ, со взводомъ горныхъ орудій), Свиты Его Величества контръ-адмирала Серебрякова, бывшимъ въ сборѣ съ 25-го апрѣля по 20-е октября 1839-го года. Такимъ образомъ, въ 1839-мъ году береговая линія была довершена окончательно и по Высочайшему повелѣнію раздѣлена на два отдѣленія: первое—отъ устья Кубани до форта Александрія, а второе—отъ форта Александрія до границы Мингреліи. Сюда же были присоединены Абхазія и Цебельда, съ расположен-

ными тамъ войсками. Начальникомъ всей черноморской береговой линіи былъ назначенъ состоявшій по кавалеріи генераль-лейтенантъ Раевскій, начальникомъ 1-го отдѣленія, укр. Новороссійска и устраиваемаго тамъ порта—Свиты Его Величества контръ-адмираль Серебряковъ, и 2-го отдѣленія—состоявшій по армейской пѣхотѣ генераль-маіоръ Ольшевскій. Мѣстопробываніе этихъ трехъ лицъ было назначено: Раевскому и Серебрякову—Новороссійскъ, а Ольшевскому—Сухумъ-кале. Начальникъ береговой линіи по управленію 1-мъ отдѣленіемъ подчинялся командующему войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи, по управленію же 2-мъ отдѣленіемъ—непосредственно корпусному командиру.

Укрѣпленія оконченной береговой линіи, по ограниченности времени, употребленнаго на ихъ возведеніе, а можетъ быть и по ошибочному соображенію мѣстнаго начальства, не получили достаточно сильныхъ и прочныхъ профилей и, по обстоятельствамъ, не имѣли достаточныхъ гарнизоновъ, кромѣ того еще сильно ослабляемыхъ болѣзненностью. Еще въ 1839-мъ году начались дерзкія покушенія горцевъ на эти скороспѣлыя укрѣпленія, а въ 1840-мъ году—подъ ихъ ударами палъ цѣлый рядъ нашихъ прибрежныхъ фортовъ. Такимъ образомъ, послѣдствія дѣйствій описываемаго года на черноморскомъ берегу были для насъ также скоро потеряны, какъ и результаты ахулыгинскаго погрома на сѣверѣ Дагестана и на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи.

XIV.

Событія на черноморской береговой линіи. Рядъ нападеній на Навагинское укрѣпленіе; отбитый штурмъ 28-го сентября. Дѣйствія генераль-маіора барона фонъ-Засса на кубанской линіи. Набѣгъ за Кубань и дѣла 18-го и 19-го апрѣля. Движеніе генерала барона Засса на Лабу, возведеніе Зассовскаго укрѣпленія; пораженіе горскаго скопища 12-го сентября въ верховьяхъ Лабы. Экспедиція начальника черноморской кордонной линіи генераль-маіора Заводовскаго за Кубань въ апрѣль и августѣ мѣсяцахъ описываемаго года. Десятидневная экспедиція полковника Пулло, со стороны сунженской линіи, въ аргунское ущелье. Сацхениское дѣло на лезгинской линіи. Заключеніе.

1839-й годъ на восточномъ берегу Чернаго моря былъ какъ бы прелюдіей къ тѣмъ событіямъ 1840-го года, которыя вписаны кровавыми буквами въ исторію береговой линіи и увѣковѣчены незабвеннымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ спискахъ первой роты тенгинскаго пѣхотнаго полка.

Попытки горцевъ овладѣть нашими слабыми прибрежными укрѣпленіями, построенными на скорую руку изъ мѣстныхъ матеріаловъ, лишенными должной обороны и занятыми малочисленными гарнизонами, изнуряемыми болѣзнями отъ губительнаго климата *), начались уже съ описываемаго года. Особенно досаждали черкесы гарнизону Навагинскаго укрѣпленія (на р. Соча, бывшее Александрія).

Ночью на 18-е апрѣля они засѣли близъ укрѣпленія, за срубленными деревьями, и напали на команду, высланную утромъ на кладбище для рытья могилы. Въ завязавшей довольно жаркой перестрѣлкѣ гарнизонъ потерялъ 3-хъ уби-

*) При возведеніи форта Лазарева, въ мартѣ 1839-го года, въ немъ была оставлена 4-я мушкетерская рота тенгинскаго полка въ 200 рядовыхъ, съ должнымъ числомъ унтеръ-офицеровъ; къ 1-му же января 1840-го года въ ней осталось подъ ружьемъ лишь 15-ть унтеръ-офицеровъ и 108 рядовыхъ: остальные умерли.

тыхъ, 4-хъ раненыхъ и одного контуженнаго нижняго чина. Не прошло и мѣсяца (въ десятыхъ числахъ мая), какъ лазутчики сообщили воинскому начальнику о значительныхъ сборахъ убыховъ у джигетовъ.

Дѣйствительно, въ долину р. Соча состоялось собраніе, съ цѣлью возобновить присягу на борьбу съ русскими на жизнь и смерть и собрать штрафъ съ тѣхъ, кто имѣлъ какія либо сношенія съ нами. На этомъ бы пока и покончили, но среди шумныхъ дебатовъ явился англичанинъ Бэль. Онъ началъ обнадеживать горцевъ въ близкой и несомнѣнной помощи турецкаго султана и Англии и заявилъ, что получилъ письмо о скоромъ прибытіи флота съ сильнымъ десантомъ. Положеніе авантюриста въ это время было довольно затруднительно: какъ ни легковѣрны были горцы, но, не видя подтвержденія рассказываемыхъ Бэлемъ басенъ, они начали терять уже всякую вѣру въ его слова. Ему ничего болѣе не оставалось, какъ съ каждымъ днемъ выдумывать все болѣе и болѣе чудовищныя нелѣпости во вкусѣ своихъ слушателей, втайнѣ питая надежду ускользнуть съ Кавказа. Такъ напр., незадолго передъ тѣмъ, онъ оцѣнилъ голову генералъ-лейтенанта Раевского въ миллионъ рублей и распустилъ слухъ, что въ Грузію вторглось многочисленное войско египетскаго паши и уже заняло нѣкоторыя изъ нашихъ крѣпостей. На этотъ разъ Бэлю удалось уговорить убыховъ напасть открытою силою на укр. Навагинское.

20-го мая, на командующую высоту, въ ружейномъ выстрѣлѣ отъ укрѣпленія, непріятель привезъ три орудія, въ томъ числѣ одно двѣнадцатифунтовое, захваченное съ разбитаго корвета „Мессемврія“, и расположилъ ихъ за гребнемъ, въ заранѣе вырытомъ углубленіи. Горцевъ собралось до полуторы тысячи; часть скопца осталась въ прикрытіи своей батареи, а другіе подползли съ двухъ сторонъ къ укрѣпленію и, тщательно укрываясь за срубленными деревьями, за-

вязали перестрѣлку. Непрiятельская артилерiя сдѣлала до 50-ти выстрѣловъ и черкесы два раза бросались на штурмъ, но убiйственный огонь съ верковъ не подпускалъ ихъ ближе ста шаговъ ко рву. Къ ночи все стихло, но гарнизонъ до утра простоялъ подъ ружьемъ, ожидая новаго нападенiя. Съ разсвѣтомъ перестрѣлка загорѣлась съ прежнею силою; горская батарея пустила въ фортъ до 20-ти ядеръ; гарнизонъ ясно видѣлъ человѣка, въ европейскомъ головномъ уборѣ (это было Баль), переходившаго отъ одного орудiя къ другому, руководя стрѣльбою. Къ счастью и къ общей шумной радости осажденныхъ произошелъ весьма рѣдкiй въ артилерiйской практикѣ случай: одинъ изъ нашихъ снарядовъ попалъ въ дуло двѣнадцатифунтоваго орудiя и плотно заклинилъ его; сконфуженные горскiе артиллеристы тотчасъ вовсе прекратили огонь, а вслѣдъ затѣмъ скопище, вѣроятно понесшее немалый уронъ, начало уходить и постепенно скрылось изъ вида. Потеря наша въ эти два дня была незначительна, такъ какъ люди хорошо были укрыты отъ огня: два раненыхъ и одинъ контуженный нижнiй чинъ. Нельзя того же сказать о внутреннихъ жилыхъ строенiяхъ; непрiятельскiя ядра произвели въ нихъ значительныя поврежденiя.

20-го iюля, послѣ пробитiя утренней зари и по возвращенiи обычнаго обхода, была выслана изъ укр. Навагинскаго команда для прикрытiя рабочихъ, занимавшихся исправленiемъ поврежденiй въ брустверѣ. Едва успѣли выставить пикеты, какъ партiя горцевъ, человѣкъ до 60-ти, давъ залпъ изъ ружей, бросилась въ пашки на ближайшiй пикетъ. Ружейный огонь прикрытiя и картечь стоявшаго на атакованномъ фронтѣ орудiя обратили ихъ въ бѣгство, но, тѣмъ не менѣе, мы потеряли 2-хъ нижнихъ чиновъ, изрубленныхъ въ куски, 1-го раненаго и 1-го безъ вѣсти пропавшаго.

Описанные случаи въ сущности маловажны, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ на Навагинское было сдѣлано уже болѣе серьез-

ное нападеніе, едва не увѣнчавшеся успѣхомъ. Въ этотъ разъ планъ горцевъ былъ соображенъ искусно, съ полнымъ знаніемъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ форта и способовъ обороны, и былъ приведенъ въ исполненіе съ замѣчательною рѣшимостью. Для атаки были избраны два слабѣйшихъ фаса, одинъ—обращенный къ р. Соча, въ которомъ находились ворота, и другой—ему противоположный; на два другихъ фаса—бастіонный и приморскій—производилась только демонстрація.

28-го сентября, передъ разсвѣтомъ, огромное скопище, воспользовавшись бурей, темнотою ночи и пересѣченной мѣстностью, подкралось съ трехъ сторонъ на гласисъ укрѣпленія, имѣя съ собою болѣе 30-ти лѣстницъ и длинные крючья или багры, и залегло тамъ. Ходившій на валу часовой, замѣтивъ на гласисѣ какіе то неясные силуэты, сообразилъ, что дѣло неладно и далъ выстрѣлъ. Не успѣвъ еще звукъ этотъ замереть въ рѣдкомъ, холодномъ ночномъ воздухѣ, какъ раздался залпъ, гикъ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ и горцы бросились на валы по приставленнымъ лѣстницамъ, цѣпляясь за туры крючьями.

Гарнизонъ *), какъ и во всѣхъ береговыхъ укрѣпленіяхъ, по привычкѣ спавшій лишь однимъ глазомъ, успѣлъ вскочить, стать въ ружье и кинуться къ брустверу прежде, чѣмъ укрѣпленіе было занято; но, не зная истиннаго пункта атаки и не будучи въ состояніи ориентироваться въ темнотѣ, при грохотѣ стрѣльбы со всѣхъ сторонъ, люди раздѣлились по всему протяженію линіи огня и не могли, такимъ образомъ, нигдѣ дать штурмующимъ должнаго отпора.

Между тѣмъ воинскій начальникъ капитанъ Подгурскій, съ резервомъ, собраннымъ у самаго слабого пункта—близь

*) Одна рота черноморскаго линейнаго № 6-го баталіона и команда мингрельскаго егерскаго полка, всего 313 штыковъ, при 8-ми офицерахъ.

бастіона, прилегавшаго къ сочинскому фронту— и поручикъ Яковлевъ, также съ горстью людей, бросились навстрѣчу непріятелю, вторгнувшемуся внутрь со стороны воротъ. Оба храбрые офицеры и ближайшіе къ нимъ ряды были мгновенно изрублены, но люди, озлобленные смертью любимыхъ начальниковъ, дружно приняли въ штыки лѣзшихъ какъ иступленные черкесъ и, положивъ нѣсколько человекъ намѣстѣ, опрокинули ихъ за валъ. Въ то же время другіе офицеры, съ остальною частью гарнизона, защищали константиновскій фронтъ, отбиваясь и отъ черкесъ, уже ворвавшихся въ укрѣпленіе. Даже больные, около 80-ти человекъ, изнуренные лихорадкою, откликнулись на зовъ штабъ-лекаря Тяжелова и провіантскаго чиновника Татаринова, взяли за ружья и славно помогли своимъ здоровымъ товарищамъ, изнемогавшимъ въ неравномъ бою. Вскорѣ непріятель былъ опрокинутъ на всѣхъ пунктахъ и на разсвѣтѣ очистилъ укрѣпленіе, оставивъ внутри 17-ть тѣлъ и 2-хъ тяжело раненыхъ, тотчасъ помѣщенныхъ въ нашъ лазаретъ. Кромѣ того черкесы сильно потерпѣли отъ ружейнаго и артилерійскаго огня во рву и на эспланадѣ, но успѣли захватить съ собою всѣ тѣла и раненыхъ. Съ нашей стороны убито два офицера *) и 4-ре нижнихъ чина, ранено два офицера, одинъ чиновникъ **) и 15-ть нижнихъ чиновъ.

Казалось бы, что данный горцамъ отпоръ долженъ былъ нѣсколько охладить ихъ воинственный пылъ—но ничуть не бывало: въ слѣдующіе два дня—29-го и 30-го сентября—они вновь окружили укрѣпленіе и, ведя безпрестанную перестрѣлку, подползали на ружейный выстрѣлъ къ валамъ. Только при-

*) Черноморскаго линейнаго № 6-го баталіона капитанъ Подгурскій и мингрельскаго егерскаго полка поручикъ Яковлевъ.

**) Сухумскаго артилерійскаго гарнизона прапорщикъ Карповъ, азовскаго казачьяго войска хорунжій Тимченко и провіантскаго вѣдомства смотритель Татариновъ,—всѣ трое шапками, въ рукопашномъ бою.

бытіе небольшого подкрѣпленія, на двухъ азовскихъ лодкахъ, изъ укр. Св. Духа, заставило непріятели удалиться.

Дѣйствія генераль-маіора барона фонъ-Засса на кубанской линіи отличались свойственными ему энергіею и лихостью.

Въ промежутокъ времени съ 10-го по 15-е апрѣля кордонные посты кубанской линіи открыли въ разныхъ мѣстахъ за Кубанью три непріятельскихъ партіи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ ночь на 16-е апрѣля, баронъ Зассъ получилъ вѣрное извѣстіе, что эти партіи были не болѣе, не менѣе, какъ развѣдчики многочисленнаго скопища, готовившагося къ набѣгу за Кубань и, въ расчетъ на разлигіе рѣкъ, расположившагося пока довольно оплошно въ лѣсу, близъ майкопскаго ущелья, на правомъ берегу Вѣлой, выкармливая своихъ лошадей.

Вполнѣ сознавая необходимость предупредить вторженіе, особенно опасное въ рабочую пору, генераль рѣшилъ разгромить горцевъ и тѣмъ обезпечить спокойствіе линіи. Съ обыкновенною быстротою собравъ летучій отрядъ изъ однихъ только казаковъ, уже приученныхъ имъ къ „суворовскимъ“ переходамъ, онъ въ ночь на 17-е число переправился за Кубань, на паромъ, у Прочно-окопской станицы. Подойдя къ Лабѣ и давъ немного вздохнуть конямъ и людямъ на правомъ берегу, баронъ, ночью съ 17-го на 18-е число переправился вплавъ черезъ шесть рукавовъ послѣдней рѣки и черезъ рр. Чохраге и Фарсъ и съ разсвѣтомъ былъ уже на Вѣлой.

Горскій бивакъ былъ еще объятъ глубокимъ сномъ, когда нагрянулъ Зассъ, точно снѣгъ на голову. Пока состоявшій по армейской кавалеріи штабсъ-ротмистръ Левашовъ съ частью казаковъ отхватилъ табунъ, изрубивъ караульныхъ, подполковникъ Ротъ, съ кубанскимъ казачьимъ полкомъ, давъ залпъ, бросился рубить сонныхъ поклонниковъ полумѣсяца.

Внезапно пробужденные громом выстрѣловъ и нашимъ „ура“, суетясь и толпясь, горцы одинъ за другимъ ложились подъ ударами острыхъ казачьихъ шашекъ; наконецъ, опомнившись, они обратились въ бѣгство, бросая тѣла и оставивъ въ добычу линейцамъ много оружія, бурокъ и сѣдель. Въ числѣ убитыхъ оказалось нѣсколько вліятельныхъ абадзеховъ, знакомыхъ казакамъ по набѣгамъ ихъ въ наши предѣлы. Молодецкій набѣгъ, благодаря внезапности и быстротѣ, стоилъ намъ лишь 2-хъ убитыхъ казаковъ и 15-ти убитыхъ и павшихъ отъ изнуренія лошадей, тотчасъ замѣненныхъ отбитыми у непріятеля.

Разбивъ и разсѣявъ сналета скопище, Зассъ, по обыкновенію, также быстро исчезъ, какъ и появился: переправившись опять на правый берегъ Лабы и, послѣ полутораставерстнаго перехода въ оба конца, давъ казакамъ вполнѣ заслуженный ими отдыхъ, онъ 20-го былъ уже на линіи.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ мирныхъ прилабинскихъ аулахъ появились абадзехи, закупавшіе просо, по случаю бывшаго у нихъ въ 1838-мъ году неурожая. Въ то же время между этими аулами возникли различныя споры. Кровомщеніе (канлы) темиргоевского владѣльца князя Шарлетука Болотокова къ нѣкоторымъ семействамъ шегиреевскаго племени вызвало у малодушныхъ, подстрекаемыхъ абадзехскими агентами, намѣреніе переселиться къ абадзехамъ. Эти обстоятельства вызвали барона Засса на Лабу.

Собравъ отрядъ *), онъ двинулся 3-го іюня за Кубань, расположился на высотахъ у Арджина, въ 4-хъ верстахъ отъ Лабы и провелъ здѣсь все лѣто и часть осени, до половины ноября, занимаясь возведеніемъ укрѣпленія, входившаго въ общій планъ перенесенія линіи съ Кубани на Лабу.

*) 3-я карабинерная и взводъ 15-й мушкетерской роты кабардинскаго полка, 9½ сотенъ кубанскаго, ставропольскаго и кавказскаго казачьихъ полковъ и сотня донскихъ казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ.

Первымъ плодомъ появленія нашихъ войскъ на Лабѣ, было разсѣянiе нѣсколькихъ сильныхъ партій абадзеховъ, намѣревавшихся напасть на армянскій аулъ, поселенный на Кубани противъ Прочно-Окопа. Вслѣдъ за тѣмъ, ежедневная посылка Засомъ сильныхъ разѣздовъ вверхъ и внизъ по Лабѣ повліяла на прекращеніе междоусобій у мирныхъ горцевъ и лишила абадзеховъ возможности пріобрѣтать просо, а главное—агитировать намъ во вредъ; мало того, старшины ближайшихъ абадзехскихъ ауловъ начали даже являться къ начальнику отряда, съ просьбами о включеніи ихъ въ число мирныхъ.

Къ сентябрю мѣсяцу работы по возведенію укрѣпленія бойко шли впередъ, а между тѣмъ баронъ Засъ не дремалъ и черезъ преданныхъ ему лазутчиковъ зорко слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ у горцевъ. Въ началѣ сентября ему дали знать, что въ верховьяхъ Лабы собралась партія, до 400 человекъ, съ цѣлью сдѣлать набѣгъ въ наши предѣлы. Давъ знать объ этомъ по линіи, для принятія всевозможныхъ мѣръ предосторожности, и притянувъ къ себѣ на всякій случай донской № 5-го полкъ, только что смѣненный съ баталпашинскаго участка кордона для отправленія на Донъ, Засъ держалъ отрядъ наготовѣ, рассчитывая отрѣзать горцамъ путь отступленія, если бы имъ и удалось прорваться за Лабу, пользуясь ущельями въ ея верховьяхъ и непроглядными осенними ночами.

9-го сентября, поздно ночью, прискакалъ мирной черкесъ и сообщилъ генералу, что партія еще усилилась, перешла Лабу близъ Тамовекаго аула и потянулась къ Баталпашинску. Немедленно полетѣлъ нарочный къ командовавшему баталпашинскимъ участкомъ командиру хоперскаго казачьяго полка майору Игельstromу; самъ же Засъ, зная, что кордонъ насторожѣнъ и что резервы его вездѣ достаточно сильны для отраженія партіи, съ казаками, 3-й ротой кабардинцевъ и

однимъ коннымъ орудіемъ, занять въ верховьяхъ Лабы ущелья, по которымъ должны были возвращаться хищники.

Предупрежденный заблаговременно, Игельстромъ, тотчасъ по полученіи извѣстія съ кордона о нападеніи на усть-тох-тамышевскій постъ, бросился туда съ ближайшимъ резервомъ и 40 егерями кабардинскаго полка, посаженными на подводы. Горцы были опрокинуты и, оставивъ на мѣстѣ боя 2-хъ раненыхъ, одно тѣло и четыре убитыхъ лошади, обратились въ бѣгство. Маіоръ Игельстромъ гналъ ихъ до Зеленчуковъ и только наступившая ночь заставила прекратить преслѣдованіе. Разсѣявшись было по лѣсистымъ ущельямъ, партія вскорѣ вновь собралась, направилась къ Лабѣ и какъ разъ наткнулась на Засса, ожидавшаго ее въ засадѣ съ 3½ сотнями казаковъ и ротой кабардинцевъ, съ коннымъ орудіемъ. Неожиданный ружейный залпъ и картечь встрѣтили горцевъ и въ тотъ же мигъ баронъ, давъ нагайку лихому коню, съ шашкой наголо, понесся съ сотнями на озадаченную толпу. Она не выдержала удара и повернула назадъ къ ближайшему лѣсу. Казаки скоро настигли непріятеля, спѣшились и завязался ожесточенный лѣсной бой; подоспѣвшіе егеря довершили пораженіе. Горцы бѣжали опросты и въ тупомъ отчаяніи бросались съ обрыва въ кручу, съ убитыми и ранеными, которыхъ успѣли подхватить, пользуясь чащею лѣса и темнотою наступавшей ночи. Въ нашихъ рукахъ всетаки осталось 65-ть тѣлъ, 73 лошади съ сѣдлами и много оружія. У насъ выбыло изъ строя 5-ть убитыхъ казаковъ и ранеными 1-нъ оберъ-офицеръ и 12-ть нижнихъ чиновъ.

Въ десятыхъ числахъ ноября укрѣпленіе было совершенно окончено и занято 4-ю карабинерною ротой кабардинскаго полка, сотнею донскаго № 2-го полка, 1½ сотнями кавказскаго и кубанскаго казачьихъ полковъ и вооружено двумя конными орудіями легкой № 11-го батареи кавказскаго линейнаго казачьяго войска и 4-мя крѣпостными, изъ которыхъ

два, съ лошадьми, были взяты изъ Жировскаго и Георгіевскаго укрѣпленій. Новое укрѣпленіе, первое звено лабинской линіи—дѣтища барона Засса—было расположено на высотахъ, командующихъ всеми окрестностями. Съ бруствера, на далекое пространство, глазу открывалась залабинская сторона. Укрѣпленіе имѣло въ длину 90, а въ ширину—45 сажень и заключало въ себѣ домъ для воинскаго начальника и офицеровъ, изъ пяти комнатъ, три казармы на 500 человекъ, пять конюшенъ на 250 казачьихъ и артилерійскихъ лошадей, гауптвахту, два цейхгауза, пороховой погребъ, кухню и домъ для маркитанта. Вблизи имѣлись въ изобиліи лѣсъ и вода, кромѣ рѣчной; въ сѣнникѣ, въ сферѣ орудійнаго огня съ верковъ, было сложено въ скирдахъ до 60,000 пудовъ сѣна, какъ для лошадей гарнизона, такъ и отрядовъ, собираемыхъ съ цѣлью производства набѣговъ въ непріятельскую территорию. Все это, по донесенію Засса генераль-адъютанту Граббе, *не стоило ни гроша казни*, такъ какъ все крѣпостные матеріалы и проч. были взяты изъ раззоренныхъ абадзехскихъ ауловъ. Для связи новаго укрѣпленія съ кубанскою линіею, по пути отъ р. Арджина къ Чамлыкку, на ручьѣ Кокеу былъ устроенъ постъ на полусотню казаковъ донскаго № 2-го полка, расположеннаго въ Жировскомъ; на Кубани же, у Прочнаго-Окопа, былъ перекинута мостъ, на огромныхъ ящикахъ, набитыхъ камнями, стоившій около 2½ тысячъ рублей ассигнаціями. Укрѣпленіе на Арджинѣ было выстроено прочно и даже красиво, какъ о томъ доносили начальникъ штаба войскъ кавказской линіи и Черноморіи флигель-адъютантъ полковникъ Траскинъ и состоявшій для особыхъ порученій при корпусномъ командирѣ полковникъ Альбрандтъ, захватившій на Арджинѣ чисто изъ любопытства, по пути въ отпускъ, въ Россію. Заслуги генераль-маіора барона Засса, выполнишаго со своими, такъ сказать, домашними средствами, часть работъ 1840-го года по перенесенію линіи на Лабу, были оцѣнены

по достоинству не только генераломъ Головинымъ, но и Государемъ, повелѣвшимъ назвать новое укрѣпленіе *Зассовскимъ*. Впрочемъ, самымъ осязательнымъ доказательствомъ мастерскаго выбора барономъ пункта подъ укрѣпленіе служили просьбы абадзеховъ срыть его—дотого оно было имъ не по сердцу.

Изъ событій на черноморской кордонной линіи останавливаютъ на себѣ вниманіе экспедиціи командовавшаго линіею генераль-маіора Заводовскаго въ концѣ апрѣля и въ двадцатыхъ числахъ августа описываемаго года.

Съ цѣлью переселенія изъ-за Кубани въ Черноморію армянскаго аула Бечмирзо Гакуна, расположеннаго на границѣ хамышейскаго и абазинскаго племень, генераль Заводовскій собралъ отрядъ изъ 1350 пѣшихъ, 600 конныхъ казаковъ и 80-ти человекъ мирныхъ черкесъ, при 6-ти конныхъ и 4-хъ пѣшихъ орудіяхъ. Въ виду того, что горцы чрезвычайно внимательно слѣдили за всеѣмъ происходившимъ у насъ, войска въ сумерки 29-го апрѣля переправились черезъ Кубань и ночью двинулись черезъ хамышейскія владѣнія въ земли абадзеховъ. На пространствѣ около 25-ти верстъ колонна не встрѣтила особыхъ препятствій, но далѣе, верстъ на 20-ть, до самаго армянскаго аула, дорога, пролегавшая чащею лѣса, оказалась крайне затруднительною не только для артилеріи, но даже и для кавалеріи; войска, понеобходимости, принуждены были растянуться.

Въ пяти верстахъ отъ аула нашъ авангардъ наткнулся на непріятельскій пикетъ, давшій сигнальный залпъ и тотчасъ скрывшійся. Зная, съ какою быстротою обыкновенно собираются горцы по тревогѣ, Заводовскій приказалъ ускорить движеніе, но, какъ оказалось, насъ уже предупредили: вскорѣ мы услышали шумъ въ аулѣ, ревъ скота и плачь женщинъ и дѣтей, а тутъ, какъ на зло, дорога превратилась въ узкую

тропинку, пересѣченную глубокимъ оврагомъ. Подхвативъ перешедшихъ первыми оврагъ три сотни пѣшихъ, сотню конныхъ казаковъ, мирныхъ горцевъ и два конныхъ орудія, Заводовскій бросился къ аулу. Между тѣмъ остальные войска стягивались на прогалинѣ, развертываясь вправо и влѣво. Оказалось, что абадзехи, узнавъ о готовящемся переселеніи армянъ, собрались къ аулу и начали его грабить. На разсвѣтѣ казаки охватили селеніе со всѣхъ сторонъ и завязали перестрѣлку. Имъ пришлось выдержать не одинъ натискъ горцевъ, старавшихся дать время увести плѣнныхъ и угнать награбленный скоть. Но это имъ не удалось: черезъ полчаса плѣнные и скоть были отбиты и все имущество переселенцевъ поднято на арбахъ и выюкахъ. Генераль Заводовскій готовъ уже былъ двинуться на соединеніе съ остальною частью отряда, на которую тоже начали настѣдать горцы, какъ новый натискъ заставилъ его пріостановиться. Отбивъ атаку и потребовавъ къ себѣ еще сотню пѣшихъ казаковъ, для обезпеченія движенія армянъ, отправленныхъ впередъ съ ихъ имуществомъ, Заводовскій тронулся обратно уже другою дорогою, избѣгая лѣсистыхъ и пересѣченныхъ мѣстъ, и, около 5-ти часовъ вечера, прибывъ къ Кубани, переправился черезъ нее.

Абадзехи, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ шалеугами, провозжали отрядъ слишкомъ 20-ть верстъ и, врываясь въ наши цѣпи, дрались отчаянно, но всякій разъ были опрокидываемы съ урономъ. Наша потеря за время экспедиціи заключалась въ одномъ убитомъ казакѣ, одномъ офицерѣ, 18-ти казакахъ и одномъ мирномъ горцѣ раненыхъ и 27-ми убитыхъ лошадяхъ. Убыль горцевъ, по собраннымъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, состояла изъ 30-ти убитыхъ и 33-хъ раненыхъ. Въ нашихъ рукахъ осталось двое плѣнныхъ и три тѣла.

19-го августа, во время нахождения генераль-маіора Заводовскаго на великолагерномъ посту, къ нему прискакалъ ла-

зутчикъ и сообщилъ, что въ урочищѣ Бурко, въ 25-ти верстахъ отъ Кубани, собирается огромное скопище шапсуговъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго наѣздника Казбечъ, съ цѣлью напасть на с. Марьинское и отбить скотъ, обыкновенно выгоняемый въ поле на пастьбу.

Наскоро собравъ ближайшія къ великолагерному посту команды, гривенскихъ и другихъ мирныхъ черкесъ и притянувъ къ себѣ сводный черноморскій конный полкъ, приготовленный къ выступленію въ отрядъ, дѣйствовавшій на восточномъ берегу Чернаго моря *), генераль, 20-го числа ночью, переправивъ у елинскаго поста лошадей вплавь, а людей и артилерію на каюкахъ, въ 11-ть часовъ выступилъ къ урочищу Бурко, съ намѣреніемъ передъ разсвѣтомъ атаковать партію. Слѣдую скрытными мѣстами, черезъ топкія болота, Заводовскій встрѣтилъ на пути своего лазутчика, который заявилъ, что половина скопища разошлась по ауламъ, а остальные пердвинулись на поляну, до которой оставалось не болѣе 12-ти версть. Начальникъ отряда началъ торопить казаковъ, такъ какъ до разсвѣта уже было недалеко, а имъ предстояло пройти еще одно топкое болото. Наконецъ и это препятствіе миновало и, чуть забрезжилъ свѣтъ, отрядъ наткнулся на горцевъ. Конныя орудія осыпали непріятели картечью, и, вслѣдъ за тѣмъ, казаки бросились въ атаку на безпечно отдыхавшихъ шапсуговъ. Тщетно непріятель пытался дать намъ отпоръ: онъ мгновенно былъ смятъ и разсѣянъ по полю, потерявъ 29-ть человекъ плѣнными и болѣе 70-ти убитыми; въ нашихъ рукахъ осталось 38-мь воловъ, 47-мь лошадей съ сѣдлами, 58-мь ружей, 35-ть пистолетовъ, 60-ть шашекъ и много мѣдныхъ котловъ.

*) 250-ть конныхъ и 150-ть пѣшихъ казаковъ своднаго коннаго полка, 150-ть пѣшихъ 8-го коннаго полка, 100 конныхъ и 50-ть пѣшихъ 6-го коннаго полка, 25-ть конныхъ и 50-ть пѣшихъ казаковъ учебной команды и 48-мь мирныхъ горцевъ, при 4-хъ орудіяхъ черноморской конно-артилерійской № 10-го батареи.

Предавъ огню до 2000 копень хлѣба, разбросанныхъ по полянѣ, отрядъ двинулся обратно, отбиваясь отъ назойливыхъ натисковъ шапсуговъ, пытавшихся отнять плѣнныхъ и тѣла своихъ убитыхъ, не смотря на мѣткій ружейный и картечный огонь. Къ 12-ти часамъ пополудни войска прибыли къ Кубани, а вечеромъ переправились на нашу сторону.

Въ происходившемъ дѣлѣ мы потеряли 4-хъ нижнихъ чиновъ ранеными *) и 15-ть убившихъ лошадей. Отрядъ, сдѣлавъ въ оба пути до 150-ти верстъ въ 13-ть часовъ, при постоянной перестрѣлкѣ съ горцами, не имѣлъ ни одного отсталаго.

Со стороны сунженской линіи, въ январѣ мѣсяцѣ описываемаго года, была предпринята экспедиція въ аргунское ущелье, съ цѣлью расчистить заросшія отъ времени просѣки и заставить нѣкоторые чеченскія деревни внести установленныя подати.

19-го января, въ 6-ть часовъ пополудни, начальникъ линіи и командиръ куринскаго егерскаго полка полковникъ Пулло выступилъ съ отрядомъ **) изъ кр. Грозной, черезъ Аханькала на с. Дачу-Барзой, и къ 4-мъ часамъ утра 20-го числа достигъ аргунскаго ущелья. Устроивъ при входѣ въ дефиле вагенбургъ и прикрывъ его 4-мъ баталіономъ куринскаго полка и сотнею казаковъ моздокскаго полка, при 2-хъ конныхъ орудіяхъ, Пулло, съ остальными войсками, налегкъ, всту-

*) Въ томъ числѣ тяжело раненъ пулею въ животъ храбрый урядникъ Говорусскій, при первой нашей атакѣ изрубившій шашкою двухъ шапсуговъ.

**) Шестнадцать ротъ куринскаго полка, три сотни моздокскаго и двѣ сотни гребенскаго семейныхъ казачьихъ полковъ, конвойная команда (20-ть человекъ), 120-ть конныхъ и 80-ть пѣшихъ мирныхъ чеченцевъ князя Алхасова. 4-ре орудія и двѣ мортирки легкой № 8-го батареи 20-й артиллерійской бригады и 4-ре орудія конно-казачьей № 12-го батареи, всего около 3000 штыковъ и шашекъ, при 8-ми орудіяхъ и 2-хъ ручныхъ мортиркахъ.

пиль въ ущелье и черезъ часть подошелъ къ с. Дачу-Барзой, лежавшему у устья рр. Шаро и Чанты-Аргуна, и деревнѣ Чишки, раскинутой на лѣвомъ берегу послѣдней рѣки.

Рѣшивъ атаковать одновременно оба селенія, сочувствовавшій Шамилю, начальникъ отряда направилъ на Дачу-Барзой генеральнаго штаба подполковника барона Россильона, съ 1-мъ баталіономъ куринцевъ и спѣшенными моздокскими казаками, къ селенію же Чишки послалъ командующаго гребенскимъ казачьимъ полкомъ подполковника графа Стенбока, съ конными казаками, подкрѣпивъ его 3-мъ куринскимъ баталіономъ подполковника Берзуля. Артилерія, вслѣдствіе крайне пересѣченной мѣстности, не могла быть употреблена въ дѣло и, подъ прикрытіемъ 2-го куринскаго баталіона, осталась въ резервѣ, къ которому приказано было собираться войскамъ для отступленія.

Едва тронулись наши колонны, какъ жители обоихъ селеній, извѣщенные сторожевыми пикетами, съ семействами и скотомъ начали выбираться въ ближайшіе лѣса и овраги. Однако баронъ Россильонъ и графъ Стенбокъ достигли ауловъ раньше, чѣмъ населеніе ихъ успѣло уйти и, послѣ короткой, но жаркой перестрѣлки, овладѣли ими. Сакли, имущество и значительные запасы хлѣба, собранные для скопищъ Шамиля, были зажжены, а вслѣдъ за тѣмъ отрядъ, провожаемый рѣдкими выстрѣлами горскихъ винтовокъ, стянулся къ сборному пункту у резерва, потерявъ убитыми 7-мъ нижнихъ чиновъ, ранеными 1-го офицера *) и 12-ть нижнихъ чиновъ и 5-ть убитыхъ лошадей. На другой день Пулло двинулся къ покорной деревнѣ Чахкери-Варандой, гдѣ простоялъ 21-е и 22-е числа. Въ это время старшины окрестныхъ селеній внесли недоимки податей за 1838-й годъ; было приведено въ извѣстность число жителей въ сс. большая Атага, Чахкери-Сатой

*) Куринскаго егерскаго полка прапорщикъ Мартыновъ 3-й.

и Чахкери-Варандой, арестованы нѣкоторые подозрительныя личности за возмущеніе населенія и связи съ непокорными горцами, и собраны точныя свѣдѣнія о мѣстопребываніи карабулакскихъ и ингушевскихъ абрековъ.

23-го числа было получено извѣстіе, что нѣкоторые изъ жителей с. Джаганъ-юртъ, боясь наказанія за укрывательство абрековъ, и вѣроятно зная русскую пословицу: „на людяхъ и смерть красна“, взволновали всю деревню и уговорили односельчанъ выселяться въ лѣса. Полковникъ Пулло тотчасъ двинулся туда *), пославъ предупредить горцевъ, что они могутъ рассчитывать на снисхожденіе, только оставшись въ своихъ домахъ, въ противномъ же случаѣ—селеніе будетъ сравнено съ землею. Предупрежденіе подѣйствовало и съ приближеніемъ отряда джаганъ-юртовцы начали возвращаться. Обязавъ ихъ подъ присягою не имѣть болѣе сношеній съ абреками и взявъ 2-хъ аманатовъ изъ вліятельнѣйшихъ семействъ, полковникъ Пулло выступилъ къ с. Гехи. По дорогѣ было получено свѣдѣніе, что жители Шалажъ-юрта выгнѣснили абрековъ изъ поселка, устроеннаго ими близь деревни, сожгли ихъ сакли и заставили бѣжать въ лѣса, окружавшіе аулъ Даутъ-юртъ. Отрядъ повернулъ къ послѣднему селенію, имѣлъ стычку съ абреками и отбивъ около 200 штукъ рогатаго скота, съ потерей 2-хъ убитыхъ и пяти раненыхъ нижнихъ чиновъ, занялся 26-го и 27-го чиселъ расчисткою дороги черезъ гехинскій лѣсъ между сс. Пханъ-Кичу и Тепи-юртомъ. Для этой цѣли полковникъ Пулло собралъ до 1500 мирныхъ чеченцевъ и прикрылъ работы частью отряда. 27-го войска

*) На маршѣ черезъ гойтинскій лѣсъ, у с. Чонгурой-юртъ, былъ оставленъ штабсъ-капитанъ князь Кагерманъ Алхасовъ, съ 200 мирныхъ чеченцевъ, для расчистки просѣки, прорубленной еще въ 1836—37-мъ годахъ, но заросшей частымъ кустарникомъ. Работы прикрывалъ 2-й баталіонъ куринцевъ, съ 2-мя орудіями, 25-го числа, по выполненіи порученія, присоединившійся къ отряду.

двинулись через с. Кулары въ Грозную и, прибывъ туда 28-го января, были распущены по своимъ квартирамъ.

Вся наша убыль за время десятидневной экспедиціи заключалась въ 9-ти убитыхъ нижнихъ чинахъ и одномъ офицерѣ и 17-ти нижнихъ чинахъ раненыхъ. Лошадей убыло пять; онѣ тотчасъ были замѣнены отбитыми у непріятеля. Не смотря на сильную стужу, въ отрядѣ не было ни одного солдата съ отмороженными ногами и на походѣ заболѣло только 8-мь человекъ.

На лезгинской кордонной линіи, благодаря экспедиціи Граббе въ Дагестанъ, заставившей Шамиля навремя позабыть о существованіи лезгинъ, въ 1839-мъ году было относительное затишье. Мы ничего не предпринимали, ограничиваясь чисто оборонительнымъ положеніемъ, самыя же сильныя анкратльскія племена, готовившіяся было къ вторженію въ Кахетію, вдругъ круто повернули въ обратную сторону и искали лишь примиренія съ нами, предлагая, чуть не въ сотый разъ, свою покорность. Тѣмъ не менѣе, безъ вторженій не обошлось, и въ первую треть года, т. е. до начатія нами предположенныхъ военныхъ дѣйствій, обращаетъ на себя вниманіе такъ называемое сацхениское дѣло.

25-го марта, двѣ тысячи лезгинъ, спустившись скрытно въ сацхениское ущелье и обойдя по горамъ эриванцевъ, расположенныхъ на горисцверскомъ полѣ, бросились на жителей телавскаго уѣзда, работавшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи позади карабинеръ, ихъ прикрывавшихъ. Нападеніе было произведено безъ выстрѣла и въ одно мгновеніе 40 рабочихъ были изрублены, а остальные бѣжали подъ защиту эриванцевъ, находившихся въ наскоро сложенномъ завалѣ и совершенно закрыли собою скопище. Лезгины тотчасъ воспользовались этимъ и на плечахъ бѣгущихъ бросились на завалъ. Но передъ самымъ заваломъ грузины частью разсыпались въ сто-

роны, частью же прилегли къ землѣ, и непріятель, почти въ упоръ, былъ встрѣченъ дружнымъ залпомъ. Толпа отхлынула; только нѣкоторые, храбрѣйшіе, ворвались въ заваль, и буквально, были подняты на штыки.

Между тѣмъ, по первымъ выстрѣламъ, въ бежаньянскомъ редутѣ грохнуло орудіе—и тревога распространилась по линіи. На выручку атакованныхъ тотчасъ были посланы 60-тъ человекъ грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона, подъ командою поручика Мамонова и 88-мъ милиціонеровъ 1-го грузинскаго пѣшаго полка, съ прапорщикомъ Ивановымъ. Обѣ команды достигли мѣста происшествія въ ту минуту, когда заваль былъ уже окруженъ со всѣхъ сторонъ и дружно бросились на лезгинъ. Отчаянная рукопашная схватка продолжалась лишь нѣсколько секундъ: горцы не выдержали натиска и обратились въ бѣгство, не смотря на огромное неравенство силъ. Они бѣжали такъ быстро, что пришлось, противъ желанія, отказаться отъ преслѣдованія. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли 2-хъ убитыхъ и 4-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и 60-тъ убитыхъ и 14-тъ раненыхъ рабочихъ; въ плѣнъ взяли одинъ грузинъ, зарѣзанный при отступленіи. Хищники оставили на мѣстѣ боя 10-тъ тѣлъ.

Велѣдъ за тѣмъ часть милиціонеровъ и нѣкоторыя команды возвратились обратно, у завала же было оставлено на всякій случай—около 150-ти человекъ. Такая предусмотрительность оказалась нелишнею: на другой же день—26-го марта—лезгины пытались повторить нападеніе и уже приблизились къ завалу на ружейный выстрѣлъ, но предвидя солидный отпоръ, поспѣшили опять уйти въ горы.

И такъ военныя дѣйствія 1839-го года, въ общей сложности, не оправдали возлагавшихся на нихъ въ свое время

надеждъ; мы полагали однимъ ударомъ покончить и съ Шамилемъ, и съ Кавказомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ Дагестаномъ,—но обманулись въ расчетахъ: съ слѣдующаго 1840-го года развертывается дѣятельность Шамиля, какъ воина и администратора; власть его растетъ съ каждымъ днемъ, и онъ даетъ намъ почувствовать самымъ осязательнымъ образомъ, что онъ нѣчто болѣе, чѣмъ простой безпріютный абрেকъ, всѣ упованія котораго лишь въ удачномъ набѣгѣ, съ горстью плѣнныхъ и выюками награбленнаго имущества мирныхъ жителей въ результатѣ, и что замыслы его неизмѣримо шире, чѣмъ когданибудь могъ предполагать кто либо изъ мѣстныхъ властей.

А. Юровъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я

КЪ СТАТЬѢ „ТРИ ГОДА НА КАВКАЗѢ“.

ХІІ.

А.

ОБЩЕЕ ПРЕДНАЧЕРТАНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА ГОЛОВИНА КЪ ПОКОРЕНІЮ КАВКАЗСКАГО КРАЯ.

„Для покоренія Дагестана, полагаю полезно будетъ предпринять слѣдующія мѣры:

„а) Прорѣзать Дагестанъ удобопроходимыми дорогами, по которымъ ежегодно посылать значительныя силы, для обезпеченія гарнизоновъ продовольствіемъ; для покровительства намъ преданныхъ, противу обидъ, которыя имъ могутъ дѣлать племена къ намъ нерасположенныя, для поддержанія властей, которыя нами тамъ устанавливаемы будутъ; чтобы непокорные, въ страхѣ скорого наказанія, отвыкли отъ непріязненныхъ дѣйствій, и, при ежегодномъ появленіи войскъ въ земляхъ ихъ, постепеннымъ съ ними сношеніемъ, привыкли къ покорности.

„б) Дороги полезно проложить слѣдующія: 1) изъ Кахетинъ чрезъ землю дидойцевъ, Богосъ, Тинди—въ Хунзахъ, 2) изъ Аваріи чрезъ землю гумбетовцевъ и салатавцевъ—въ кр. Внезапную, 3) изъ джаро-бѣлоканской области по Самуру, чрезъ землю вольныхъ обществъ—Рутуль и Ахты—въ Кубу, 4) изъ джаро-бѣлоканской области чрезъ анкратльскія общества, по аварскому Койсу—въ Хунзахъ, 5) изъ Дербента, чрезъ Акушу—въ Хунзахъ, и 6) изъ Богоса или Тинди—въ кр. Грозную.

„На этихъ дорогахъ, гдѣ надобность укажетъ, и смотря по мѣстнымъ удобствамъ, ставить укрѣпленія. Но вообще принять за

правило, строить ихъ въ нагорномъ Дагестанѣ какъ можно менѣе, такъ какъ бесплодный этотъ край представляетъ большія затрудненія въ снабженіи гарнизоновъ продовольствіемъ и дровами.

„Въ земляхъ, которыя войска наши проходятъ будутъ, устанавливать правленіе, употребляя преимущественно преданныхъ намъ мусульманъ, тѣхъ провинцій, которыя находятся совершенно въ нашей власти. А въ послѣдствіи времени, которое опредѣлить нельзя, постановить уже русскихъ чиновниковъ.

„Вездѣ, гдѣ только возможно, устраивать школы мусульманскія, для воспитанія духовенства, чрезъ которое можно дѣйствовать на умы народа.

„Въ укрѣпленіяхъ устраивать базары, гдѣ имѣть подъ наблюдениемъ комедантовъ всѣ необходимыя потребности для горцевъ.

„Ту же систему принять въ отношеніи обитателей праваго фланга кавказской линіи, или закубанцевъ, и восточнаго берега Чернаго моря, т. е. чтобы проведеніемъ дорогъ чрезъ ихъ земли имѣть удобность ежегодно къ нимъ появляться въ значительныхъ силахъ и покорять общества, сначала ближайшія къ нашимъ укрѣпленіямъ, а потомъ—отдаленнѣйшія. Предпріятіе это начать съ земель, лежащихъ въ треугольникѣ между Кубанью, Чернымъ моремъ и дорогою отъ Ольгинскаго укрѣпленія до Геленджика, дабы покоривъ племена, на этомъ пространствѣ обитающія между нашими укрѣпленіями, стать на флангѣ горнаго хребта, тыломъ къ Цемесу и Анапѣ, и, въ этомъ положеніи, дѣйствовать уже далѣе наступательно, какъ съ этой стороны, такъ и отъ морскаго берега, гдѣ мы теперь находимся только въ оборонительномъ положеніи. Такимъ образомъ, исполниться можетъ предположеніе г. генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго къ покоренію закубанцевъ.

„Для постепеннаго приведенія въ исполненіе этихъ предположеній, предпринять должно слѣдующія дѣйствія.

„а) Окончательное занятіе береговъ Чернаго моря и прочное устройство постояннаго морскаго сообщенія между укрѣпленіями, для совершеннаго прекращенія всякой контрабандной торговли и сношеній съ иностранцами; что исполниться можетъ чрезъ усиленіе способовъ для крейсерства, особливо посредствомъ пароходовъ.

„б) Довершеніе цемесскаго порта и расположеніе въ немъ не менѣе двухъ баталіоновъ дѣйствующихъ войскъ, независимо гарнизона, которые бы могли при всякомъ удобномъ случаѣ дѣйствовать наступательно.

„в) Обеспеченіе сообщенія между Анапой, Цемесомъ и Абиномъ устройствомъ промежуточныхъ укрѣпленій и расположеніе на

соединеніи дорогъ, идущихъ по баканской и цемесской долинамъ въ Анапу изъ Абинска и Цемеса, не менѣе одного баталіона, кромѣ гарнизона, для наступательныхъ дѣйствій къ покоренію окрестныхъ племенъ.

„г) Проложеніе въ удобныхъ мѣстахъ сухопутнаго сообщенія между прибрежными укрѣпленіями, дабы возможно было, въ значительныхъ силахъ и во всякое время, не только подать помощь нашимъ укрѣпленіямъ, въ случаѣ надобности, но и для покоренія горцевъ по берегу моря обитающихъ.

„д) Проложеніе дороги отъ Тенгинскаго укрѣпленія (на Шапсухо) въ Екатеринодаръ и расположеніе въ томъ укрѣпленіи не менѣе одного баталіона, независимо гарнизона, для сообщенія и дѣйствія на ближайшіе аулы.

„е) Проложеніе дороги отъ форта Александрія (на р. Сочи) чрезъ хребетъ къ бывшему Калашскому укрѣпленію на Лабѣ, гдѣ предполагается соорудить укрѣпленіе, одно изъ предполагаемыхъ на лабинской линіи, — и расположеніе въ фортѣ Александрія не менѣе одного баталіона, независимо гарнизона.

„ж) Проложеніе дороги отъ Вомборъ чрезъ Псху къ верховьямъ рѣки Лабы, къ Тамовскому аулу, гдѣ также предполагается соорудить укрѣпленіе на новой лабинской линіи.

„з) Устройство новой лабинской линіи и переселеніе казачьихъ станицъ на рѣку Лабу.

„Само собою разумѣется, что проложеніе этихъ путей должно быть сопровождаемо покореніемъ племенъ и водвореніемъ между ними управленія, соотвѣтственно обстоятельствамъ и возможности, на тѣхъ основаніяхъ, какія признаны будутъ полезными.

„Это главные очерки предпріятіямъ, которыя, надѣяться можно, поведутъ къ усмиренію кавказскихъ племенъ“.

Б.

ОТЗЫВЪ ВОЕННАГО МИНИСТРА КЪ КОМАНДИРУ ОТДѢЛЬНАГО КАВКАЗСКАГО КОРПУСА, ОТЪ 15-ГО ЯНВАРЯ 1839-ГО ГОДА, № 296-й.

„Государь Императоръ, разсмотрѣвъ предположенія вашего превосходительства о послѣдовательномъ порядкѣ предпріятій, нужныхъ по соображеніямъ вашимъ для прочнаго усмиренія Кавказа, и о военныхъ предпріятіяхъ собственно на нынѣшній годъ, въ

общихъ видахъ Высочайше утвердить соизволилъ, какъ тѣ, такъ и другія.

„Высочайшія разрѣшенія, по сему предмету послѣдовавшія, относятся, вопервыхъ, къ общимъ предположеніямъ насчетъ способовъ къ усмирению Кавказа и, во вторыхъ—къ дѣйствіямъ, въ наступившемъ году предстоящимъ. Относительно общаго плана Государь Императоръ Высочайше замѣтитъ соизволилъ, что въ военномъ отношеніи для упроченія владычества нашего на Кавказѣ представляются два главныя обстоятельства—покореніе черкесскихъ племенъ и усмиреніе горнаго Дагестана, въ связи съ лѣвымъ флангомъ линіи.

„Покореніе племенъ черкесскихъ, начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и продолжаемое съ очевидными успѣхами, довершить необходимо, сколько потому, чтобы неоставить неоконченнымъ на неопредѣленное время сего важнаго предпріятія, столько же по настоятельной надобности положить скорѣйшій предѣлъ вышнему на край сей вліянію. Усмиреніе горнаго Дагестана и лѣваго фланга кавказской линіи равно необходимо, ибо безъ того покойное и вѣрное обладаніе Кавказомъ невозможно.

„Мѣры, Высочайше указанныя къ усмирению черкесскихъ племенъ и къ овладѣнію восточнымъ берегомъ Чернаго моря, не требуютъ перемѣнъ; необходимы только постоянство и твердая рѣшимость въ ихъ исполненіи и тогда, почти безошибочно, можно опредѣлить годами время, въ которое онѣ окончательно исполнены будутъ.

„Не въ томъ положеніи находятся лѣвый флангъ линіи и, въ особенности, горный Дагестанъ. Край этотъ отчасти только, и то весьма недостаточно, намъ извѣстенъ, и потому всякія предположенія къ прочному его усмирению не могутъ имѣть необходимой въ подобныхъ случаяхъ положительности, между тѣмъ какъ самое ихъ исполненіе сопряжено будетъ съ усиліями чрезвычайными и важными пожертвованіями, по воинственности и многочисленности населенія, по существующимъ между составляющими его племенами связямъ и, наконецъ, по особенной затруднительности сообщеній.

„Изъ сего явствуется необходимость опредѣлить предварительно: до какой степени покорности племена Дагестана на первый случай доведены быть должны, соразмѣрно съ способами, которыми мы для сей цѣли располагать можемъ.

„Предполагаемое вашимъ превосходительствомъ устройство дорогъ въ Дагестанъ по шести различнымъ направленіямъ, возведеніе укрѣпленій на всѣхъ путяхъ сообщенія, снабженіе ихъ гар-

низонами и ежегодная посылка сильныхъ воинскихъ отрядовъ для содержанія населенія въ постоянномъ повиновеніи, имѣтъ очевидно цѣлью немедленное, безусловное покореніе дагестанцевъ волю правительства. Сколь ни желательно достигнуть сей цѣли безъ потери времени, но предположенія ваши, милостивый государь, по мнѣнію Его Величества, представляются несоразмѣрными съ способами кавказскаго корпуса, неудобными къ исполненію, а въ нѣкоторомъ отношеніи—даже вредными. Постоянные гарнизоны въ предполагаемыхъ укрѣпленіяхъ уменьшать число полевыхъ войскъ, которыя по настоящему положенію востока могутъ востребоваться для дѣйствій важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ на границѣ турецкой или персидской; ежегодная посылка значительныхъ отрядовъ во внутренность Дагестана, вопреки прежняго обыкновенія, можетъ быть принята горцами доказательствомъ собственной ихъ силы и могущества, а въ войскахъ нашихъ вселить мысль, что они уже не тѣ русскіе воины, которые, въ числѣ 11 т., подъ предводительствомъ князя Паскевича, истребили многочисленную персидскую армію и проникли до Эрзерума.

„По симъ уваженіямъ, Его Величество изволить признавать достаточнымъ заняться на первый случай проложеніемъ самыхъ только необходимѣйшихъ путей сообщенія по Дагестану и устройствомъ укрѣпленій въ немногихъ пунктахъ, самыхъ важнѣйшихъ по вліянію, которое они могутъ доставить на удержаніе вольныхъ дагестанскихъ обществъ въ должной покорности. Для постепеннаго исполненія сего, способы кавказскаго корпуса, по всей вѣроятности, будутъ весьма достаточны и при устройствѣ временнаго, соответствующаго положенію края управленія, можно надѣяться сдѣлать дагестанцевъ совершенно безвредными; ознакомясь же ближе со всѣми мѣстными обстоятельствами, можно будетъ предпринимать постепенно дальнѣйшія мѣры къ прочному усмиренію и устройству Дагестана, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всего лѣваго фланга кавказской лишіи.

„По мнѣнію Его Величества, во всѣхъ горскихъ обществахъ, которыя съ приближеніемъ къ нимъ нашихъ отрядовъ изъявятъ добровольную покорность, полезно на нѣкоторое время сохранить прежній ихъ образъ управленія, и начальство надъ ними поручить преданнымъ намъ туземцамъ, членамъ тѣхъ же самыхъ обществъ. Напротивъ того, общества, которыя будутъ покоряемы силою оружія, поручать временно въ начальство россійскимъ военнымъ чиновникамъ, избирая ихъ изъ самыхъ благонадежнѣйшихъ. Между тѣмъ, въ управленіе какъ тѣми, такъ и другими не вводитъ ничего

противнаго мѣстнымъ законамъ и обычаямъ, не требуя и не учреждая иной дани кромѣ той, которая въ различныхъ обществахъ могла существовать до ихъ покоренія или изъявленія ими покорности, и отнюдь не обременяя жителей никакими незаконными и излишними требованіями.

„Особенно важнымъ представляется склоненіе сихъ обществъ къ содѣйствію нашимъ войскамъ для покоренія ближайшихъ ихъ сосѣдей. Къ достиженію этой цѣли должны быть приложены всѣ мѣры убѣжденія; по обстоятельствамъ—можно даже и требовать этого въ видѣ условія при изъявленіи обществами покорности.

„Между тѣмъ, во всякомъ случаѣ, духовенству должно быть оказываемо особое покровительство; ласковостью обращенія, личными награжденіями и улучшеніемъ его содержанія надобно стараться склонять его къ нашимъ видамъ и пользамъ. Школы для обученія юношества, гдѣ онѣ существуютъ, должны пользоваться равнымъ покровительствомъ, устраивая таковыя школы и вновь, гдѣ это будетъ возможно, но имѣя ихъ подъ близкимъ и самымъ бдительнымъ надзоромъ.

„Дѣйствуя въ вышеизложенныхъ видахъ, необходимо имѣть къ непремѣнному и постоянному руководству общее правило: не предпринимать ничего наудачу, но лучше откладывать всякое предпріятіе или распоряженіе, сколь бы оно ни казалось полезнымъ и необходимымъ, до совершеннаго убѣжденія въ несомнительности успѣха; словомъ, такъ повести это важное дѣло, чтобы никогда не встрѣчалось надобности оставлять начатое предпріятіе.

„Обращаясь отъ сихъ общихъ сужденій къ разсмотрѣнію предположенныхъ вашимъ превосходительствомъ дѣйствій на наступившей годъ, Государь Императоръ одобряетъ составленіе двухъ отрядовъ для дѣйствій въ Дагестанѣ и противъ мятежнаго муллы Шамиля. Не входя въ подробное разсмотрѣніе предпріятій, каждому изъ сихъ отрядовъ вами, милостивый государь, предначертанныхъ, Государь Императоръ предоставлять изволить вашему превосходительству согласить оныя въ исполненіи съ вышеизложенными общими видами Его Величества, относительно усмиренія Дагестана. вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорское Величество, разрѣшая употребить къ сей экспедиціи войска въ предположенномъ вашимъ превосходительствомъ числѣ и составѣ, кромѣ спѣшеннаго дивизіона нижегородскаго драгунскаго полка, на назначеніе котораго Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, изволилъ одобрить благовременныя распоряженія ваши для снабженія ихъ продовольствіемъ, артилерією, снарядами и прочими принадлежностями.

„Что принадлежит до праваго фланга кавказской линіи, то Государь Императоръ равноѣрно Высочайше одобряетъ изволить общія предположенія вашего превосходительства относительно подлежащихъ еще къ усмиренію сего края предпріятій, какъ совершенно сходныхъ съ прежними Высочайшими предназначеніями. Между тѣмъ, самое исполненіе сихъ предположеній Его Величество полагаетъ изволить произвести въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) въ теченіе нынѣшняго года занять на черноморскомъ берегу только два пункта, Псезуапѣ и Субаши, начавъ, согласно съ предположеніемъ вашего превосходительства, съ отдаленнѣйшаго на югѣ. 2) По возведеніи этихъ двухъ укрѣпленій, высадить отрядъ въ удобномъ пунктѣ по ближайшему усмотрѣнію генераль-адъютанта Лазарева и возвести промежуточное укрѣпленіе между Анапою и Цемесомъ, на вершинахъ рѣки Мескага, обративъ туда казармы и другія строенія, заказанныя для третьяго форта, который предположено было построить на берегу Чернаго моря въ наступившемъ году, и 3) по окончаніи укрѣпленія на Мескагѣ, отряду возвратиться сухопутно чрезъ Анапу, по примѣру прошедшаго года.

„За симъ представится возможность обратиться къ внутреннему усмиренію черкесскихъ племенъ посредствомъ занятія пространства между Кубанью, моремъ и геленджикскою линіею, перенесенія кубанской линіи на Лабу и устройства путей сообщенія въ предположенныхъ направленіяхъ.

„Изъ предпріятій сихъ Государь Императоръ полагаетъ отнести къ дѣйствіямъ 1840-го года довершеніе занятія черноморскаго берега возведеніемъ укрѣпленія въ Варданѣ или Ту и перенесеніе линіи и казачьихъ станицъ на Лабу, на что, по составленнымъ на предметъ сей соображеніямъ, требуется не болѣе 4-хъ баталіоновъ. Свободныя частіи войска, на правомъ флангѣ расположенныя, обратитъ въ томъ же году къ довершенію цемесскаго порта, о которомъ сообщается особое Высочайшее разрѣшеніе, и постройкѣ другого посредствующаго укрѣпленія между Цемесомъ и Анапою, если это признано будетъ необходимымъ.

„Въ 1841-мъ году заняться окончательнымъ покореніемъ племенъ, обитающихъ между Кубанью, моремъ и геленджикскою линіею; въ 1842-мъ году устроить дорогу отъ Тенгинскаго укрѣпленія въ Екатеринодаръ; въ 1843-мъ году—отъ форта Александрія чрезъ хребетъ къ Лабѣ, и въ 1844-мъ году—отъ Бомборъ къ верховьямъ Лабы. Само собою разумѣется, что устройство сихъ дорогъ должно быть сопрягаемо съ покореніемъ ближайшихъ къ нимъ горскихъ племенъ; самыя же подробности ежегодныхъ предпріятій

должны быть каждый разъ соображаемы съ с временными способами, обстоятельствами и дѣйствительною необходимостью и представляемы на предварительное Высочайшее утверждение.

„Утвердивъ составъ отряда, назначеннаго къ дѣйствіямъ на правомъ флангѣ линіи въ 1839-мъ году, и одобривъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ распоряженія, сдѣланныя вашимъ превосходительствомъ къ снабженію его продовольствіемъ и всѣми прочими принадлежностями, Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ назначить въ составъ сего отряда, попрежнему, четыре пѣшіе черноморскіе казачьи полка, въ томъ уваженіи, что съ нынѣшнимъ годомъ будутъ окончены самыя главнѣйшія строительныя работы въ береговыхъ укрѣпленіяхъ и что посему, на будущее время, содѣйствіе черноморскихъ казаковъ не въ той уже мѣрѣ востребоваться можетъ. Между тѣмъ, пріемля во вниманіе особенное разстройство, которому подвергается войско, отвлеченіемъ столь значительнаго числа людей отъ хозяйственныхъ занятій, Его Императорское Величество предположить соизволилъ оказать симъ полкамъ нѣкоторое пособіе насчетъ войсковаго капитала, о мѣрѣ коего генералу Граббе войти въ ближайшее соображеніе, представивъ оное вашему превосходительству.

„Въ заключеніе, Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ предположеніе ваше возвести каждое изъ вновь сооружаемыхъ приморскихъ укрѣпленій, а равно и посредствующее между Анапою и Цемесомъ, на одну роту пѣхоты, съ тѣмъ, чтобы матеріалы для жилыхъ строеній были заготовлены въ Херсонѣ или Ростовѣ-на-Дону, по распоряженію вашего превосходительства, и чтобы эти укрѣпленія вооружены были согласно съ вашимъ, милостивый государь, предположеніемъ.

„Монаршія разрѣшенія сіи сообщая вашему превосходительству для зависящаго исполненія и покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ, честь имѣю присовокупить, что дѣйствующій отрядъ Государь Императоръ изволить ввѣрять начальству генераль-лейтенанта Раевского, который, для выигранія времени, поставленъ мною чрезъ генераль-лейтенанта Граббе, о семъ и о всѣхъ подлежащихъ ему дѣйствіяхъ, въ надлежащую извѣстность.

„О приготовленіи потребнаго числа судовъ черноморскаго флота вмѣстѣ съ симъ извѣщенъ начальникъ главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества, на тотъ конецъ, дабы онъ предоставилъ генераль-адъютанту Лазареву войти по сему предмету въ непосредственное сношеніе съ генераль-лейтенантомъ Раевскимъ;

для фрагтованія перевозныхъ судовъ командированъ отсюда въ Николаевъ капитанъ-лейтенантъ Панфиловъ и, наконецъ, Высочайше повелѣно министру финансовъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ облегченію вашему превосходительству способовъ для заготовленія каменнаго угля на луганскомъ заводѣ“.

XIII.

ПРИКАЗЪ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА ГРАББЕ ПО ЧЕЧЕНСКОМУ ОТРЯДУ,
9-го мая 1839-го года.

„Вамъ знакомы уже, ребята, труды и непріятель, на котораго я поведу васъ. Одна сила оружія укротить или истребить этихъ нарушителей спокойствія, каеъ въ горахъ, такъ и въ самыхъ границахъ нашихъ. Пойдемъ, отыщемъ ихъ въ убѣжищахъ, которыя они почитаютъ непреступными. Откуда человекъ выходитъ—туда достигнетъ русскій штыкъ. Много есть между ними такихъ, которые желаютъ, наконецъ, покоя, подъ защитою нашего оружія. Отличимъ ихъ отъ непокорныхъ, тамъ, гдѣ они явятся. Женщинамъ же и дѣтямъ, ребята, непремѣнно и вездѣ—пощада! Не будьте страшны для безоружныхъ. Берегите вашу пулю, не теряйте ее наудачу, особливо въ мѣстахъ открытыхъ.

„Приступимъ же къ нашему дѣлу въ день Св. Николая, съ надеждою на Бога и Государя. Твердо полагаюсь на васъ, господа начальники всѣхъ чиновъ, въ строгомъ наблюденіи за исполненіемъ смысла сего приказа. Вы поведете умно и неустрашимо солдатъ, уже извѣстныхъ своею храбростію“.

XIV.

ПРОКЛАМАЦІЯ ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА ГРАББЕ КЪ ИЧКЕРИНЦАМЪ 13-ГО
МАЯ 1839-ГО ГОДА (ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО).

„Государь Императоръ всероссійскій ввѣрилъ мнѣ управление всѣми горскими племенами, обитающими между кордонною линією и кавказскимъ хребтомъ, и поручилъ мнѣ употребить всѣ способы, дабы сіи народы жили въ мирѣ и спокойствіи и исполняли Высочайшую волю, которая клонится къ счастію и благоденствію всѣхъ. Между тѣмъ я узналъ, что недостойный и низкій мюридъ Шамиль, старый товарищъ Кази-муллы,—котораго русскія войска разбили подъ Гимрами,—имѣетъ между ичкеринцами много друзей. Негодный андреевскій мулла, измѣнникъ Ташовъ-хаджи, обманываетъ васъ, старается васъ возмутить противъ русскаго правительства, успѣлъ набрать между вами партіи, которыя не хотятъ повиноваться русскому Государю, и, вмѣстѣ съ Шамилемъ, убѣждаетъ всѣхъ жителей принять его шаріатъ. Поэтому я прибылъ самъ въ Чечню съ отрядомъ, для того, чтобы возстановить здѣсь спокойствіе и законный порядокъ, уничтожить козни Ташовъ-хаджи, истребить до основанія непокорные аулы и оказать милость и покровительство мирнымъ жителямъ.

„Ичкеринцы! Вы видѣли, что я умѣю строго наказывать ослушниковъ приказаній моихъ, что я прошелъ въ самыя неприступныя ваши ущелья, сжегъ укрѣпленія, построенныя вами у Ахметъ-Тала и въ Саясани, и всѣ тѣ деревни, которыя принимали къ себѣ мюридовъ и абрековъ. Вы должны теперь убѣдиться, что ничто не можетъ противиться русскому оружію,—но я употребляю его только противу враговъ русскаго Царя. Мулла андійскій явился ко мнѣ отъ имени ичкеринскихъ ауловъ по лѣвую сторону рѣки Аксая, съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство русскаго Государя и обѣщаніемъ выдать аманатовъ за себя и за чеченскія деревни, близъ Сунжи и Мичика лежація и населенныя семействами, вышедшими изъ Ичкеріи. Я согласился на ихъ прошеніе. Пусть же и остальные жители послѣдуютъ этому примѣру. Я объявляю прощеніе тѣмъ ауламъ, которые явятся ко мнѣ съ покорностью, изгонять отъ себя Ташовъ-хаджи и абрековъ, выдадутъ мнѣ надежныхъ аманатовъ или поручителей и дадутъ присягу въ вѣрности. Тѣ изъ васъ, которые исполняютъ эти условія, могутъ спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ и пользоваться своими землями и

всѣмъ имуществомъ. Я не требую отъ васъ ничего, кромѣ того, чтобъ вы жили въ мирѣ и въ повиновеніи правительству. Тѣ же аулы, которые дадутъ убѣжище Ташовъ-хаджи, — будутъ всѣ истреблены до основанія, и дѣти ваши будутъ долго поминать, какъ наказываются возмутители“.

XV.

A.

ВОЗЗВАНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА ГРАББЕ КЪ САЛАТАВЦАМЪ
19-го мая 1839-го года.

„Мнѣ донесено, что жители ауловъ салатавскихъ боятся оставаться въ нихъ, когда я понесу черезъ ихъ земли оружіе противъ возмутителя Шамиля. Приглашаю ихъ оставаться покойно въ своихъ домахъ, безъ малѣйшаго опасенія отъ войскъ, мною предводимыхъ. Волосъ не спадетъ съ головы покорныхъ и мирныхъ жителей. Стада ихъ могутъ ходить на обычныхъ пастбищахъ. Строгій порядокъ въ войскахъ ручается салатавцамъ за совершенную безопасность. Но селенія, жителями оставленныя, могутъ почесться непріязненными, и за цѣлость ихъ не ручаюсь. Оставайтесь же всѣ смѣло и мирно по домамъ. Вы не раскаетесь“.

B.

ВТОРОЕ ВОЗЗВАНІЕ ЕГО ЖЕ КЪ САЛАТАВЦАМЪ 22-го мая 1839-го года.

„Салатавцы! Я прибылъ въ ваши земли съ намѣреніемъ оказать вамъ мое покровительство, поражать и истреблять только Шамиля и тѣхъ измѣнниковъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе своими гнусными злодѣйствами. Я не хотѣлъ даже, чтобъ волосъ палъ съ головы мирныхъ жителей, покорившихся русскому правительству. Не смотря на то, нѣкоторые изъ васъ стрѣляли по отряду вчера ночью. Предупреждаю васъ, что впредь подобныя дѣйствія немедленно повлекутъ за собою гибель вашихъ

ауловъ. При движеніи отряда, старшины всѣхъ окрестныхъ деревень должны ко мнѣ явиться; неисполнившихъ сего—я буду считать измѣнниками. Одною покорностью можете вы обезоружить справедливый мой гнѣвъ. Я иду впередъ,—берегитесь!”

XVI.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ УСЛОВІЯ КАПИТУЛЯЦІИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТОМЪ ГРАББЕ ШАМИЛЮ.

„1) Шамиль предварительно отдаетъ своего сына аманатомъ.

„2) Шамиль и всѣ мюриды, находящіеся нынѣ въ Ахульго, сдаются русскому правительству; жизнь, имущество, и семейства ихъ остаются неприкосновенными; правительство назначаетъ имъ мѣсто жительства и содержаніе; все прочее предоставляется великодушію русскаго Императора.

„3) Все оружіе, находящееся нынѣ въ Ахульго, отдается русскому начальству.

„4) Оба Ахульго считать на вѣчныя времена землею Императора всероссійскаго и горцамъ на ней безъ дозволенія не селиться“.

XVII.

А.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ШАМИЛЯ КЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТУ ГРАББЕ 19-го АВГУСТА 1839-го ГОДА (ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО).

„Всякому несомнѣнно извѣстно, что во время всѣхъ военныхъ дѣйствій, прежде предпринимаемыхъ противъ меня, я не былъ никогда приведенъ въ такое чистосердечное раскаяніе, какъ теперь. Я совершенно теперь вамъ преданъ, и свято сохраняю слово, лично данное мною помощнику вашему, генералу Пулло. Я говорилъ ему всю правду: повѣрьте, что это не одна личина,—а искреннее желаніе поведеніемъ своимъ оправдать впоследствии вашу милость ко мнѣ. И такъ, откровенно говорю отъ имени не только

своего, но и всѣхъ здѣшнихъ жителей, прошу васъ не требовать меня передъ лице ваше. Не какая нибудь прихоть, или другое помышленіе, удерживаютъ меня отъ этого; я уже являлся къ вашему помощнику, и прежде бывалъ у разныхъ начальниковъ русскихъ; слѣдовательно, безъ всякаго опасенія могъ бы явиться и къ вашему превосходительству. Но около васъ есть мусульмане, имѣющіе со мною жестокою вражду; я опасуюсь ихъ, и, по обычаю края,—стыжусь ихъ. Надѣюсь, впрочемъ, что съ милостію Божіей, Государя и добрыхъ начальниковъ, эта вражда современемъ обратится въ дружбу.

„Убѣдительно прошу васъ не оскорбляться моею просьбою, и не возлагать на меня того, чего теперь снести я не могу. Впослѣдствіи же, когда мы начнемъ расходиться,—я предстану предъ лице вашего превосходительства. Будьте благосклонны къ просьбамъ посылаемыхъ при семъ моихъ и общественныхъ депутатовъ; не ввергайте ихъ снова въ уныніе, ибо вы имѣете право внимать гласу молящихъ васъ.

„Я вступилъ въ подданство Его Императорскаго Величества, отдалъ вамъ въ залогъ вѣрности любимаго моего сына, котораго никогда и никому не отдавалъ; и такъ, смѣю надѣяться на милость вашего превосходительства. Отказъ вашъ будетъ убійственъ для меня“.

Б.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ШАМИЛЯ КЪ НЕМУ ЖЕ ТОГО ЖЕ ЧИСЛА
(ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАВСКАГО).

„Чувствительную приношу вамъ благодарность за благосклонный отзывъ вашъ, переданный мнѣ сего числа повѣренными моими. Въѣстѣ съ тѣмъ, прибѣгаю къ великодушному вниманію вашему, испрашивая позволенія поселиться съ семействомъ моимъ на родинѣ моей—въ деревнѣ Гимрахъ, покорной русскому правительству. Я буду въ ней простымъ гиринскимъ жителемъ, наравнѣ съ прочими буду служить,—и даже, можетъ быть, успѣю обратить особенное вниманіе начальства своимъ усердіемъ въ исполненіи воли русскаго правительства. Еще разъ умоляю васъ сдѣлать мнѣ милость и уважить мою просьбу.

„Что же касается до переселенія моего отсюда, то, при всей

моей готовности на это, *не могу этого исполнить прежде истечения одного мѣсяца*; прошу васъ даровать мнѣ эту отсрочку. Вамъ свойственно великодушіе; поэтому и я могу надѣяться, что вы не поторопитесь и не откажете мнѣ.

„Не опасайтесь съ моей стороны измѣны данному мною слову. Если вы не вѣрите переселенію моему, то я ручаюсь вамъ въ этомъ. Прошу васъ не быть слишкомъ взыскательнымъ ко мнѣ, по домогательству, можетъ быть, какихъ нибудь недоброжелателей моихъ, и не требовать того, чего исполнить я не могу.

„Я вручилъ вамъ моего сына въ той увѣренности, что я вступилъ уже въ подданство російскаго Государя,—и думалъ, что мнѣ остается оправдать послѣдующимъ поведеніемъ своимъ вѣрность мою. Все остальное лично объяснять вамъ вторично посылаемые мною повѣренныя мои“.

XVIII.

ПРИКАЗЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА ГРАББЕ ПО ЧЕЧЕНСКОМУ ОТРЯДУ
22-ГО АВГУСТА 1839-ГО ГОДА.

„Гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры и вы, всѣ нижніе чины отряда! Вы совершили подвигъ необыкновенный, достойно увѣнчавшій рядъ успѣховъ этой экспедиціи. Вы отпраздновали высокаторжественный день вѣнчанія на Царство Великаго Государя славнымъ боемъ, въ которомъ каждый велъ себя такъ, какъ будто чувствовалъ на себѣ ободрительный взглядъ любимаго Монарха. Я зналъ васъ, когда при началѣ дѣйствій приказомъ объявилъ, что не признаю съ вами ничего недоступнаго и неодолимаго. Я всего отъ васъ требовалъ, потому, что всего надѣялся,—и вы все оправдали. Благодарю васъ!“

XIX.

АДРЕСЪ, ПОДАННЫЙ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТУ ГРАББЕ ЧЕРКЕЕВЦАМИ,
10-ГО СЕНТЯБРЯ 1839-ГО ГОДА (ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО).

„Мы покорны русскому правительству; ежегодно платимъ до 480-ти руб. серебромъ подати; выдали 8-мъ аманатовъ; исполняемъ

всѣ приказанія ваши. Но, какъ и прежде говорили вашему превосходительству,— между нами есть такіе буйные и неукротимые люди, которые позволяютъ себѣ разныя палости; общество наказываетъ ихъ. Притомъ же побѣды ваши даже и ихъ привели въ уныніе; они готовы были искать вашего покровительства.

„Къ великому несчастью нашему, буйныя эти головы дерзнули еще покуситься на сопротивленіе вашимъ силамъ. Въ то время, когда благонамѣренные встрѣтили васъ какъ мирные, когда вы безпрепятственно уже перешли черезъ нашъ мостъ, открытый нашимъ войскамъ,—они сдѣлали то, что вы видѣли. Но на это не было нашего согласія и даже мы не давали къ тому ни малѣйшаго повода.

„И такъ, просимъ васъ явить намъ милосердіе ваше и принять насъ подъ свое покровительство“.

XX.

УСЛОВІЯ, ПРЕДПИСЫВАЕМЫЯ ПОКОРЯЮЩИМЪ ГОРЦАМЪ.

„Покорные горцы должны: 1) немедленно выдать аманатовъ отъ всѣхъ ауловъ. Командующій войсками предоставляетъ себѣ назначить сколько и изъ какихъ именно фамилій означенные аманаты должны быть выданы. 2) Принести присягу въ покорности русскому Императору и представить чрезъ старшинъ присяжные листы русскому начальству. 3) Исполнять всѣ требованія и приказанія русскаго пристава, который будетъ назначенъ правительствомъ. 4) По требованію пристава выставлять арбы или эшпаковъ для перевозки тяжестей. Въ случаѣ движенія отряда, высылать людей для устройства дорогъ и мостовъ; содержать при приставѣ достаточное число людей для перевозки бумагъ или приказаній изъ одного аула въ другой; давать конныхъ людей для конвоирования проѣзжающихъ, а равно и пѣшихъ и конныхъ въ отрядъ, когда онъ будетъ дѣйствовать въ окрестностяхъ земель того племени. 5) Не переходить изъ одного аула въ другой для постоянного жительства безъ дозволенія мѣстнаго начальства. 6) Избрать изъ среды себя одного кадія, который обязанъ исполнять всѣ приказанія пристава. 7) Избрать въ каждомъ аулѣ одного старшину, который утверждается русскимъ начальствомъ, наблюдаетъ за обществен-

нымъ спокойствіемъ и приводитъ въ исполненіе всѣ приказанія начальства. 8) Не давать убѣжища въ своихъ аулахъ абрекамъ, мюридамъ и непокорнымъ горцамъ и отказаться отъ всякаго участія въ пагубномъ ученіи Шамиля. 9) Выдать по одному хорошему ружью съ каждыя 10-ти сакль, въ видѣ залога ихъ покорности. 10) Въ видѣ наказанія за участіе въ возстаніи Шамиля, заплатить штрафъ съ каждой сакли по 2 барана. Затѣмъ, покорные жители освобождаются отъ всякихъ податей. 11) Выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, находящихся въ горахъ, и 12) за неисполненіе сихъ условій горцы подвергаются штрафу и арестамъ. За неисполненіе важнѣйшихъ изъ нихъ, избличающее явную непокорность, ружья, бывшія въ залогъ, описываются въ казну, а аманыты непокорныхъ ауловъ ссылаются въ Сибирь“.

XXI.

ПРИКАЗЪ ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА ГОЛОВИНА ПО ВОЙСКАМЪ ГЛАВНАГО ОТРЯДА, ДѢЙСТВУЮЩАГО ВЪ ЮЖНОМЪ ДАГЕСТАНѢ, ВЪ ЛАГЕРЬ ПРИ СЕЛ. ХАЗРЫ, 25-ГО МАЯ 1839-ГО ГОДА № 2.

„Войска главнаго отряда! Дѣла дагестанскія вызвали меня сюда и я радъ этому случаю, чтобы, принявъ лично начальство надъ вами, ближе узнать васъ.

„Кавказская война давно вамъ знакома, ребята, я же, послѣ множества кровопролитныхъ битвъ съ врагами нашего отечества въ Европѣ, въ первый разъ еще пойду съ вами на полудикихъ обитателей Дагестана. Но служба Государева вездѣ равна и враги Его, въ стройныхъ ли рядахъ, съ огромною артилеріею, въ рубищѣ ли, имѣя защитою одни горы и камни, какъ здѣсь, должны повсюду гибнуть отъ руки вашей, храбрые воины! И такъ, со Христомъ, пойдемъ на заклѣтыхъ враговъ нашихъ, да непохвалятся они, что могли противустать вамъ и да престанутъ считать вершины свои недоступными для мужества вашего.

„Неразъ русскій штыкъ рѣшалъ великія дѣла военныя—и, помните, ребята, чѣмъ меньше перестрѣлки тѣмъ лучше; чтобъ опрокинуть непріятеля, надобно смѣло идти на него и онъ не дождется вашего удара. Броситесь ли онъ на васъ—примите его безстрашно и онъ обратится назадъ. Такъ, съ Божіею помощію,

перейдемъ мы неприступныя горы и овраги, и проложимъ дорогу для себя и для потомковъ нашихъ въ этой странѣ.

„Богъ благословилъ оружіе вашихъ товарищей, которые, подъ начальствомъ генерала Граббе, дѣйствуютъ въ Чечнѣ и сѣверномъ Дагестанѣ. Съ 10-го и до 15-го числа этого мѣсяца рядъ молодецкихъ подвиговъ увѣнчалъ ихъ труды при переходахъ чрезъ мѣста доселѣ неприступныя; толпища враждебныхъ ичкеринцевъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Ташовъ-хаджи, сообщника Шамиля, были разбиты въ укрѣпленныхъ стѣнахъ своихъ при Мискиѣ и Саясани; ни крутыя горы, ни вѣковые лѣса, ни высокія стѣны и башни не спасли ихъ отъ храбрости нашихъ войскъ! Егеря кабардинскаго и куринскаго полковъ, безъ выстрѣла, бѣгомъ, взбирались на крутизны и врывались въ укрѣпленія чеченцевъ; враги спасались бѣгствомъ; укрѣпленія и аулы ихъ были преданы пламени. При аулѣ Саясани, двѣ роты, пройдя около ста сажень по узкой плотинѣ, подъ сильнымъ огнемъ, къ непріятельскому укрѣпленію, вырвали его изъ рукъ защищавшихъ его мюридовъ и предали пламени.

„Вотъ вамъ свѣжій примѣръ, ребята! Я увѣренъ въ готовности вашей ему послѣдовать; и вамъ надобно выбивать непріятеля изъ-за скалъ и заваловъ; но вы не отстанете отъ вашихъ кавказскихъ товарищей.

„Начальникамъ частей и гг. офицерамъ считаю излишнимъ говорить объ ихъ долгѣ: они его знаютъ“.

XXII.

ВОЗЗВАНІЕ КОМАНДИРА ОТДѢЛЬНАГО КАВКАЗСКАГО КОРПУСА КЪ МЯТЕЖНЫМЪ ОБЩЕСТВАМЪ ВЪ 1839-мъ ГОДУ.

„Ахтинцы, рутульцы, докуспаринцы и алтыпаринцы!

„Прежде чѣмъ двинуть къ вамъ войска, считаю я нужнымъ исчислить ваши преступленія, которыми вы навлекаете на себя бѣдствія вась ожидающія.

„Послѣ возмущенія въ кубинской провинціи, которое произошло отъ подстрекательства вашего и при участіи вашихъ обществъ, вы приняли къ себѣ и скрыли отъ преслѣдованія правосудія главнѣйшихъ возмутителей, дерзко отвѣчая на требованія

начальства о выдачѣ ихъ, что это не сходно съ вашими обыкновеніями.

„Въ прошломъ году, взятые изъ среды васъ старшины, которые были подозрѣваемы въ передержательствѣ преступниковъ, были великодушно отпущены въ свои дома и войска пошли отыскивать самихъ разбойниковъ, которые и по укрощеніи кубинскаго мятежа не переставали нарушать спокойствіе провинціи. Вмѣсто того, чтобъ принять войска дружелюбно, какъ есть долгъ всѣхъ вѣрноподанныхъ, каковыми вы себя называете, вы собрались съ оружіемъ въ рукахъ и встрѣтили отрядъ генерала Фезе выстрѣлами. Исполняя мое повелѣніе, изъ Тифлиса присланное, генераль Фезе возвратился въ Кубу, удовольствовавшись принятіемъ отъ васъ присяги въ вѣрности; вы умоляли меня о томъ чрезъ генерала князя Севарсемидзе.

„Вмѣсто храненія присяги, вы, слѣдуя наущенію тѣхъ же разбойниковъ и бѣглеца изъ Нухи, спустились въ шекинскую провинцію и напали тамъ опять на войска Его Императорскаго Величества; васъ прогнали и вы именемъ Бога и Государя, просили прощенія у генерала Фезе, который шелъ съ отрядомъ наказать васъ за нухинскій набѣгъ. Раскаяніе ваше было принято и посланнымъ отъ васъ въ Тифлисъ я объявилъ прощеніе, давъ имъ же письменное повелѣніе, объ вашихъ обязанностяхъ.

„Вы ничего не исполнили; не смотря на то, я приказалъ возвратить вамъ стада ваши, на равнинахъ пасшіяся, и удержать только то число барановъ, которое нужно было для пополненія должныхъ вами казнѣ денегъ; толпы ваши опять спустились въ шекинскую провинцію и вооруженною рукою хотѣли исторгнуть то, что и безъ того къ вамъ возвращалось.

„Когда осенью прошлаго года раскаяніе ваше было великодушно принято и войска, не трогая васъ, возвратились въ Хазры, вы, вмѣсто благодарности, возмнили, что васъ боятся, и распускали слухи, что войска не осмѣлились васъ наказать.

„Неоднократно отвѣчали вы на требованія начальства, что между вами нѣтъ порядка, что у васъ одинъ другого не слушаетъ и нѣтъ власти, которая бы могла обуздывать людей неблагонамѣренныхъ; и такъ, мнѣ остается самому водворить у васъ порядокъ, и людей вредныхъ, между вами находящихся, лишить средствъ нарушать спокойствіе сосѣднихъ провинцій.

„Принявъ лично начальство надъ войсками, на Самурѣ собранными, я иду къ вамъ, исполняя волю моего Государя и возложенную Имъ на меня обязанность—блюсти спокойствіе и пра-

восудіе во вѣренномъ управленіи моему краѣ. Если отрядъ мой, проходя чрезъ ваши магалы и селенія, не встрѣтитъ со стороны вашей препятствія, то жизнь, дома и собственность ваша останутся неприкосновенны; но если вы встрѣтите войска съ оружіемъ въ рукахъ, то всякое селеніе, вблизи коего я буду вынужденъ силою оружія очищать себѣ дорогу, будетъ разрушено до основанія. Еще вамъ предстонтъ выборъ—или покорность безъ условій, или конечное раззореніе. Войска, подъ моимъ начальствомъ, горять нетерпѣніемъ наказать васъ за ваше безумное самохвальство и раззорить разбойничьи у васъ притоны“.

XXIII.

ПРИКАЗЪ ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА СИМБОРСКАГО ПО ОТРЯДУ, ДѢЙСТВУЮЩЕМУ СО СТОРОНЫ НУХИ, ОТЪ 11-ГО ІЮНЯ 1839-ГО ГОДА.

„Храбрые воины! я былъ личнымъ свидѣтелемъ непоколебимаго вашего мужества въ тяжелую годину 26-го, 27-го и 28-го, въ особенности же 29-го, 30-го и 31-го чисель минувшаго мая, когда вы, окруженные вѣроломнымъ непріателемъ, превышающимъ въ нѣсколько разъ число ваше, стяжали кровью новую славу и неотъемлемое право на признательность справедливаго начальства. Геройскія дѣла ваши не скрыты отъ корпуснаго командира, вѣрнаго цѣнителя ихъ. Честь и слава вамъ, храбрые, честь и слава вождю, которому благое Провидѣніе и мудрость Царя нашего поручили надъ вами предводительство.

„Теперь время открыть предъ вами высокую цѣль, предназначенную вамъ корпуснымъ командиромъ: она заключалась въ отвлеченіи непріятельскихъ силъ отъ главнаго отряда, дѣйствующаго со стороны Кубы, подъ личнымъ начальствомъ его превосходительства. Вы достигли ее вполне и, жертвуя собою, помогли достойнымъ товарищамъ вашимъ проложить путь, съ малою потерей, черезъ неприступное аджіахурское ущелье, ведущее въ средину земель вольнаго Дагестана.

„Народъ докуспаринскій, алтыпаринскій, ахтинцы, рутульцы, съ первенствующими у нихъ деревнями Мескенджею, Микрахомъ, Фи, Мази, Ахтою и Рутуломъ, пали къ ногамъ предводителя кубинскаго отряда и только тѣмъ получили помилованіе для менѣе виновныхъ изъ нихъ.

„Нынѣ спѣшу я, независимо отъ прежнихъ донесеній моихъ, повергнуть предъ корпуснымъ командиромъ списокъ съ испрошеніемъ награды храбрѣйшимъ изъ среды васъ; почему прошу частныхъ командировъ, безъ потери времени, сдѣлать представленіе тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые, по самой строгой справедливости, заслужили это въ сраженіяхъ на горѣ Ноурѣ и въ шинскомъ ущельи, въ продолженіе упомянутыхъ шести дней.

„Еще большую благодарность и признательность высшаго начальства снискали всѣ гг. штабъ и оберъ-офицеры ввѣреннаго мнѣ отряда, подавая собою подчиненнымъ своимъ примѣръ неустрашимости и рѣдкаго самоотверженія. Смерть командировъ 1-й фузелерной роты подпоручика Вашклевича и 7-й—штабъ-капитана Валова, равно и тяжелая рана командира 9-й роты поручика Гренгамера, служатъ къ тому, между прочимъ, доказательствомъ. Миръ праху героевъ, павшихъ со славою; память о нихъ не умретъ между нами.

„Представленіе о наградѣ гг. офицеровъ, которые имѣютъ предъ прочими болѣе на то права, должно быть сдѣлано также въ самомъ скоромъ времени.

„Въ заключеніе, вы должны знать, что мы остановлены были у вершинъ снѣжнаго Салавата неслыханною измѣною жителей Борча, Хнова и Гдыма. Они, бывъ подданными Россіи и принадлежа къ шекинской провинціи, посреди мира въ ней и послѣ данныхъ мнѣ увѣреній, что встрѣтятъ насъ на землѣ своей, какъ братій и даже соберутъ намъ отъ себя милицію, для совокупнаго дѣйствія противъ дагестанцевъ, подняли противъ насъ оружіе, призвали къ себѣ не только сосѣдей, но и отдаленныхъ жителей непокорнаго Дагестана и соединенными полчищами окружили малый отрядъ вашъ; но враги были поражены геройствомъ вашимъ, повесели сильный уронъ въ людяхъ и, упросивъ меня прекратить бой, дали намъ случай возвратиться безъ потери черезъ крѣпкое положеніемъ своимъ шинское ущелье, занятое ими повсюду.

„Впрочемъ, съ той минуты, когда узналъ я объ измѣнѣ трехъ означенныхъ деревень, переходъ черезъ Салаватъ сдѣлался для насъ невозможнымъ по малочисленности нашей; посему, оставленіе позиціи на Ноурѣ и счастливое возвращеніе наше въ занимаемый нами теперь лагерь дѣлаетъ отряду также немало чести“.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОБЗОРЪ УПРАВЛЕНІЯ ЛѢВЫМЪ ФЛАНГОМЪ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТОМЪ ГРАФЪЕ КОРПУСНОМУ КОМАНДИРУ И НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ВОЗВРЪНІЕ, ВЪ 1839-МЪ ГОДУ.

„Управленію лѣваго фланга кавказской линіи подлежитъ все пространство между р. Терекѡмъ, Каспійскимъ моремъ, р. андійскимъ Койсу, главнымъ кавказскимъ хребтомъ, рр. Ассою, Сунжею, до бывшаго укрѣпленія Преграднаго-Стана, и границею малой Кабарды до поста секретнаго, въ 4-хъ верстахъ отъ Моздока; оно заключаетъ въ себѣ примѣрно до 20 т. квадратныхъ верстъ и имѣетъ около 150 т. жителей обоого пола. Главное и самое сильное здѣсь племя чеченцы, къ коему принадлежатъ и общества, называемыя ауховцами, ичкеринцами, качкалыковцами, шатоевцами (или шубузами), акинцами, и чаберлоевцами (или Чарбили). Къ востоку отъ нихъ, между устьями Терека и Сулака, находятся земли кумыковъ, среди коихъ кочуютъ ногайцы въ 850-ти кибиткахъ. По берегу Сулака и андійскаго Койсу обитаютъ лезгинскія племена: салатавцы, гумбетовцы и андійцы.

„Физическія свойства этой страны весьма различны. Къ сѣверу отъ черты проведенной отъ Владикавказа чрезъ Дачу-Барзой, Маюртушъ и старый Аксай къ Внезапной, простирается обширная равнина до самаго Терека, изрѣдка пересѣкаемая около Сунжи небольшими отраслями горъ, а на кумыкскихъ земляхъ—болотистыми пространствами. Эта часть Чечни образуетъ край богатый, населенный, щедро надѣленный всѣми дарами природы; племена здѣсь обитающія, будучи подъ ближайшимъ надзоромъ гарнизоновъ нашихъ укрѣпленій, и не находя въ своихъ постепенно очищаемыхъ лѣсахъ надежнаго убѣжища для своего буйнаго своеволія, начинаютъ уже привыкать къ мирной жизни, и въ послѣднее десятилѣтіе хлѣбопашество и нѣкоторыя другія отрасли промышленности сдѣлали здѣсь видимые успѣхи и получили весьма удовлетворительное развитіе. Напротивъ того, земли къ югу отъ показанной черты представляютъ всѣ свойства горной страны: затруднительность сообщеній, малое населеніе, бесплодность почвы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ равнинъ и ичкеринскихъ горъ; жители, еще не испытавшіе силы русскаго оружія, сохранили дикіе разбойничьи нравы, и они то много препятствуютъ совершен-

ному замиренію Чечни. Все это неотносится къ лезгинскимъ племенамъ, прилегающимъ къ лѣвому берегу Сулака и андійскаго Койеу. Хотя земля здѣсь большею частью безплодна и безлѣсна, а у гумбетовцевъ состоитъ почти изъ голыхъ скалъ, разрѣзанныхъ глубочайшими балками, но трудолюбіе жителей и вѣковыя и изумительныя усилія нѣсколькихъ поколѣній умѣли побѣдить природу: узкія долины рѣкъ, покрыты обширными виноградными садами, простирающимися на 30-ть и болѣе верстъ; овцеводство весьма въ хорошемъ состояніи; среди каменныхъ утесовъ, по ущельямъ, внезапно представляются огромныя и цвѣтущія селенія; скаты горъ изсѣчены въ видѣ террасъ, насыпаны слоемъ земли, оплодотворяемы искусно проведенными водопроводами и засѣяны столь тщательно, что доставляютъ лезгинамъ нужное количество хлѣба. Аулы построены большею частью въ мѣстахъ недоступныхъ, и способъ ихъ построенія, ихъ каменные сакли въ нѣсколько ярусовъ, узкія и извилистыя улицы, башни съ бойницами,—дѣлаютъ ихъ еще болѣе недоступными. Но если взятіе подобныхъ селеній силою оружія стоитъ большихъ усилій, то по этому самому оно ближе и скорѣе ведетъ къ обузданію и удержанію въ повиновеніи туземцевъ. Понятно, что раззореніе ауловъ, построенныхъ съ такими усиліями, и трудность возобновенія ихъ, заставляють лезгинъ дорожить своими саклями и садами; наши отряды имѣють самыя дѣйствительныя средства для наказанія ихъ, если жители не предупредятъ ихъ своею покорностью. Здѣсь видно большое мѣстное различіе отъ Чечни, гдѣ сожженное селеніе можетъ быть въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ застроено изъ лѣса, имѣющагося вездѣ подъ рукою; коль скоро хлѣбъ снятъ съ полей, чеченцы удаляются съ семействами и имунствомъ въ свои лѣсистыя ущелья и мы лишаемся возможности нанести имъ какой либо существенный вредъ.

„По отношеніямъ сихъ племенъ къ русскому правительству, можно раздѣлить ихъ на три разряда: 1) *покорныя*, 2) *полупокорныя* и 3) *непокорныя*. Къ первому, въ началѣ сего года, принадлежали кумыки, кочующіе ногайцы и чеченцы обитающіе равнину, всего до 55 т. жителей; ко второму—ауховцы, нѣкоторые ичкеринскіе аулы, ближайшіе къ линіи, и салатавцы, всего до 20 т. жителей; къ третьему—гумбетовцы и андійцы, большая часть ичкеринцевъ и всѣ чеченскія племена, обитающія горы, всего до 60 т. жителей. Покорность первыхъ, за исключеніемъ кумыковъ и надтеречныхъ чеченцевъ, состоитъ только въ томъ, что они несутъ нѣкоторыя повинности и не пропускають явно чрезъ свои земли хищническихъ партій, дѣлающихъ прорывы на линію; хотя они и

начинаютъ уже обнаруживать склонность къ мирной жизни, и, во многихъ отношеніяхъ, въ совершенной отъ насъ зависимости, но непрерывныя сношенія ихъ и родственныя связи съ горцами, природная и почти нескрываемая ненависть къ ихъ побѣдителямъ— дѣлаютъ покорность ихъ не совсѣмъ надежною; еще долгое время нуженъ будетъ здѣсь самый бдительный надзоръ, а иногда и строгія мѣры наказанія. Изъ полупокорныхъ—нѣкоторыя отбываютъ повинности, другія плятять, впрочемъ неисправно, подать по рублю серебромъ съ сакли, но до сего времени подчиненность ихъ была почти номинальная, требованія начальства большею частью приводились въ исполненіе силою оружія и названіе ихъ подданными російскаго Императора отнюдь не препятствовало имъ принимать тайное или явное участіе во всѣхъ возмущеніяхъ волновавшихъ или волнующихъ этотъ край. Остальныя племена, обитающія ближе къ главному хребту, оставались явными врагами русскихъ или рѣшительно измѣнили данной ими въ разныя времена клятвѣ въ покорности.

„Вообще, отношенія всѣхъ этихъ племенъ къ нашему правительству были крайне неопредѣлительны и неясны; начальство требовало отъ нихъ болѣе или менѣе, смотря по большей или меньшей возможности поддержать требованія силою оружія; но постоянныхъ и точныхъ письменныхъ, или словесныхъ обязательствъ съ ихъ стороны никакихъ не было. О прочномъ устройствѣ управленія, по крайней мѣрѣ мирныхъ обществъ, никто не думалъ, и, кромѣ 3-хъ или 4-хъ приставовъ, наблюдавшихъ за надтеречными чеченцами и кумыками, и андреевскаго городского суда для разбора тяжбныхъ дѣлъ между туземцами, суда существовавшего только по названію,—не было сдѣлано никакой попытки для подчиненія этихъ обществъ какому либо начальству, съ опредѣленными правами и обязанностями. Все ограничивалось предписаніями командующаго сунженскою линіею, который относился прямо, или чрезъ воинскихъ начальниковъ, къ старшинамъ и кадїямъ селеній. Не смотря на всю дѣятельность и способности этого начальника, онъ не могъ никогда прекращать всѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій, которые были слѣдствіемъ этого положенія вещей и отдавали время совершеннаго покоренія этихъ племенъ.

„Но если, въ отношеніи къ устройству горскихъ обществъ и къ наступательнымъ дѣйствіямъ, было сдѣлано весьма мало, то въ отношеніи обезпеченія нашей кордонной линіи и обороны нашихъ предѣловъ было сдѣлано въ послѣднее десятилѣтіе несравненно болѣе, хотя многое остается еще пополнить и довершить. Возведе-

ніе укрѣпленія Умаханъ-юрта, перестройка крѣпости Внезапной, устройство мѣтлинской переправы и неоднократное наказаніе многихъ непокорныхъ ауловъ — безспорно принесли большую пользу. Прорывы большихъ партій сдѣлались весьма рѣдки, и, въ послѣдніе годы, нѣтъ ни одного подобнаго примѣра: горцы не думали нападать на казачьи станицы, или наши укрѣпленія. Частные разбои и хищничества случаются также рѣже, но совершенное ихъ прекращеніе не могло воспослѣдовать при описанномъ мною положеніи вещей. Лѣвый флангъ линіи, отъ Моздока до устья Терека, и отъ Преграднаго-Стана, на Сунжѣ, до мѣтлинской переправы, на протяженіи слишкомъ 250-ти верстъ длины, оберегается 6-ю укрѣпленіями, занятыми пѣхотными гарнизонами и казачьими полками: моздокскимъ, гребенскимъ и семейнымъ кизлярскимъ, расположенными въ 16-ти станицахъ и на 68-ми постахъ. Часть кордона отъ Моздока до Червленной, прикрытая передовою сунженскою линіею, пролегающая по мѣстоположенію открытому и ровному, хорошо обезпечена отъ покушеній горцевъ; напротивъ того, пространство отъ Червленной до Кизлира, гдѣ лѣвый берегъ р. Терека лѣсистъ, а равно и промежутокъ между укр. Умаханъ-юртомъ и кр. Внезапною, гдѣ находятся выходы изъ лѣсистыхъ горныхъ ущелій, по свойствамъ мѣстности, особенно благопріятствуютъ проходу хищническихъ партій. Этотъ участокъ кордона преимущественно подвергается нападеніямъ разбойниковъ, тѣмъ болѣе, что кочующіе здѣсь ногайцы, даютъ имъ всегда у себя убѣжище и способствуютъ ихъ пропуску. Здѣсь необходимы были многія перемѣны для усиленія обороны линіи.

„Не смотря на нѣкоторые недостатки, устройство кордонной части вообще соотвѣтствовало мѣстнымъ потребностямъ, и укрѣпленія, возведенныя на хорошо избранныхъ пунктахъ, обуздали племена ближайшія къ линіи. Но далѣе, въ горахъ, чеченцы и лезгинны вовсе не привыкали къ мысли о покорности русскому правительству; они оправились отъ тяжелаго удара, нанесеннаго имъ при Гимрахъ въ 1832-мъ году, и болѣе нежели когда либо обнаруживали непримиримую вражду къ русскимъ и самый необузданный фанатизмъ. Вліяніе Шамиля годъ отъ года усиливалось. Нѣсколько разъ пораженный нашими отрядами, онъ умѣлъ однакожъ возставать сильнѣе прежняго, и переговорами, а иногда и усиленнымъ дѣйствіемъ оружія, выигрывалъ болѣе, нежели сколько терялъ отъ неудачъ. Вредное его ученіе распространялось болѣе и болѣе, находило вездѣ ревностныхъ поборниковъ (мюридовъ) и подготавливало умы къ общему возстанію. Сначала прикрывая свои за-

мысли личиною преданности къ исламизму, онъ ограничивался толкованіями алкорана въ религіозномъ отношеніи. Но съ 1836-го года, величая себя преемникомъ Кази-муллы и имамъ-азамомъ (великимъ имамомъ), онъ началъ открыто проповѣдывать всеобщее равенство, истребленіе хановъ и всякой наслѣдственной власти и необходимость поголовнаго ополченія противъ невѣрныхъ, для поддержанія свободы горъ и чистоты магометанской вѣры; вотъ основные догматы его ученія.

„Это опасное ученіе, котораго слѣды замѣтны стали на всемъ востокѣ, и которое кажется въ тайной связи съ сектою мюридовъ въ Персіи *) и съ сектою веггабитовъ въ Аравіи,—было такъ хорошо приспособлено Шамилемъ къ настоящимъ обстоятельствамъ и къ направленію умовъ горцевъ,—что получило въ короткое время необыкновенно обширное развитіе. Шаріату его подчинились: весь нагорный Дагестанъ, всѣ гумбетовцы и андійцы; онъ напелъ многочисленныхъ поборниковъ и между салатавцами, и всѣми чеченскими племенами. Недовольствуясь возбужденіемъ фанатизма, Шамиль весьма искусно употреблялъ и матеріальныя средства, и зимою 1839-го года, приобрѣлъ такой вѣсъ въ обществахъ прилежащихъ къ р. андійскому Койсу, что его воля тамъ безпрекословно исполнялась, и что ослушники были немедленно наказываемы, иногда даже смертию.

„Чтобы положить преграду замысламъ Шамиля и предупредить общее возстаніе въ горахъ, необходимо было силою оружія нанести рѣшительный и конечный ударъ сектѣ мюридовъ. Для этой цѣли, съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора, произведена была въ нынѣшнемъ году экспедиція въ Чечнѣ и нагорномъ Дагестанѣ. Пораженіе ичкеринскаго возмутителя Ташовъ-хаджи и взятіе двухъ укрѣпленныхъ его позицій, успѣшныя дѣла при Буртунаѣ и Аргуани, взятіе послѣдняго убѣжища возмутителя—замка Ахульго—послѣ двухмѣсячной блокады, истребленіе всей его партіи и раззореніе нѣсколькихъ главнѣйшихъ чеченскихъ и лезгинскихъ ауловъ, принявшихъ наибольшее участіе въ общемъ вооруженіи, *возстановили совершенное спокойствіе во всемъ краѣ.* Хотя намъ и не удалось захватить Шамиля, но смерть или плѣнъ всѣхъ его приверженцевъ, постыдное его бѣгство, ужасный урокъ данный тѣмъ племенамъ, которыя его поддерживали, *лишили его всякаго вліянія* и поставили его въ такое положеніе, что, скитаясь одинокимъ въ горахъ, онъ долженъ только думать о своемъ пропитаніи и спасеніи собственной жизни. *Секта мюридовъ пала*

*) Вѣроятно генералъ-адъютантъ Граббе хотѣлъ сказать „въ Бухарѣ“.

вмѣстѣ со всѣми ея представителями и приверженцами, коихъ погубило до 4 т. въ продолженіе кампаніи. Гумбетовцы, андійцы и отложившіеся койсубулинскіе аулы, т.е. тѣ общества, на коихъ Шамиль наиболѣе распространялъ свое вліяніе, явились ко мнѣ съ просьбою о пощадѣ и принятіи ихъ снова въ подданство російскаго Императора. Предписанныя имъ условія должны ускорить эпоху совершеннаго успокоенія края и настоящей покорности горцевъ. Другія, отдаленнѣйшія племена, прилегающія къ главному хребту кавказскому, выслали также депутатовъ, съ изъявленіемъ своей покорности; я предоставилъ мехтулинскому хану объявить имъ намѣренія русскаго правительства.

„Столь счастливая развязка экспедиціи и нравственное вліяніе, произведенное въ горахъ успѣхомъ нашего оружія, дали мнѣ возможность, съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства, приступить къ тѣмъ мѣрамъ, которыя я считалъ необходимыми для упроченія спокойствія края.

„Ближайшее знакомство съ бытомъ горцевъ и настоящимъ положеніемъ ихъ обществъ, убѣдили меня, что первымъ предметомъ вниманія начальства должно быть устройство правленія на прочныхъ и сколько можно единообразныхъ началахъ для всѣхъ покорныхъ или покоряющихся племенъ. Сообразно съ этимъ, я составилъ проектъ положенія объ управленіи мирными племенами, который въ непродолжительномъ времени представленъ будетъ мною на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, тотчасъ по полученіи требуемаго мнѣнія отъ гг. начальниковъ частей линіи. Конечно, не всѣ статьи сего положенія могутъ быть примѣнены ко всѣмъ племенамъ безъ различія. Я старался только выразить ту систему, которой полезно бы было слѣдовать въ отношеніи къ горцамъ вообще, имѣя въ виду, что для примѣненія статей сего проекта необходимы будутъ многія измѣненія, сообразно съ мѣстными обстоятельствами.

„Но такъ какъ обсужденіе и утвержденіе сего проекта требуетъ много времени, а обстоятельства доказывали, что нельзя было отлагать нѣкоторыя мѣры по сему предмету, то я рѣшился, впредь до Высочайшаго утвержденія общаго проекта, составить правила для управленія покорными горцами, на основаніи общихъ началъ упомянутаго положенія.

„Я раздѣлил народы, подлежащіе управленію начальника лѣваго фланга линіи, на три главныхъ приставства, сообразно съ географическимъ положеніемъ земель и многосложными взаимными отношеніями горцевъ: 1) главное кумыкское приставство, подраз-

дѣленное на 4-ре частныхъ, составлено изъ кумыковъ, ногайцевъ, кочующихъ между рр. Сулакомъ и Тереконъ, чеченцевъ, обитающихъ по р. Мичику и по качкальковскому хребту, и покорныхъ ичкеринскихъ ауловъ; на попеченіе пристава, который будетъ жить въ селеніи Андреевомъ, возложилъ я наблюденіе за прострапствомъ между кр. Внезапной и укр. Умаханъ-юртомъ, наиболѣе подверженнымъ прорывамъ хищническихъ партій; 2) главное чеченское пристаство, подраздѣленное на три частныхъ, завѣдываетъ всѣми чеченскими обществами, обитающими равнину отъ р. Даутъ-Мартана до р. Мичика и до ичкеринскихъ горъ. Начальникъ онаго, близъ кр. Грозной, будетъ имѣть наблюденіе за аулами, прилежащими къ р. Тереку, отъ станицы Червленной до Моздока, и 3) главное лезгинское пристаство, подраздѣленное на 4-ре частныхъ, заключаетъ въ себѣ салатавцевъ, гумбетовцевъ и андійцевъ; къ нимъ присоединилъ я временно и ауховцевъ, которые впослѣдствіи должны войти въ составъ 1-го пристаства; мѣстопробываніе главнаго лезгинскаго пристава въ гумбетовскомъ аулѣ Мехельта.

„Главными и частными приставами назначены мною чиновники благонадежные, знакомые съ горцами и испытанной преданности къ правительству; именной имъ списокъ будетъ представленъ вслѣдъ затѣмъ вашему высокопревосходительству.

„Каждый изъ нихъ отправленъ къ назначенному ему мѣсту пребыванія съ подробною инструкціею. На обязанность ихъ возложено: приводить въ исполненіе всѣ требованія и распоряженія начальства, доносить по командѣ о всѣхъ замыслахъ неблагонамѣренныхъ, охранять общественное спокойствіе, производить уравнительную раскладку повинностей по ауламъ, вести перепись ауламъ, саклямъ и жителямъ, взыскивать за маловажные проступки по народнымъ обычаямъ и, въ качествѣ домашняго исправленія, арестовывать и представлять по начальству уличенныхъ въ важнѣйшихъ преступленіяхъ.

„Гумбетовцамъ и андійцамъ предписаны слѣдующія условія, которыя будутъ служить образцомъ для племенъ, имѣющихъ впослѣдствіи покориться: 1) выдать аманатовъ, по назначенію правительства, и по одному хорошему ружью съ каждаго 10-ти сакль, 2) исполнять всѣ требованія и распоряженія поставленнаго надъ ними пристава, 3) исправлять нѣкоторыя опредѣленные повинности, какъ то: чинить дороги и мосты, выставлять нужное число арбъ, или эшаковъ, для перевозки тяжестей и конныхъ людей для конвоировапія проѣзжающихъ и содержать при при-

ставъ достаточное число людей для перевозки приказаній, 4) не переходить изъ одного аула въ другой для постоянного жительства безъ дозволенія начальства, 5) избрать въ каждомъ аулѣ по одному старшинѣ, на коемъ лежать будетъ отвѣтственность за нарушение общественнаго спокойствія, и 6) не давать убѣжища абрекамъ и мюридамъ и отказаться отъ всякаго участія въ пагубномъ ученіи Шамиля. Всѣ сии статьи, за исключеніемъ выдачи оружія, примѣнены и къ прочимъ мирнымъ племенамъ, относящимся къ лѣвому флангу. Вотъ сущность возложенной на начальниковъ и на управляемыхъ обязанности. Для побужденія горцевъ къ исполненію приказаній, при каждомъ главномъ приставѣ будетъ находиться и уже находится извѣстное число вооруженныхъ туземцевъ. Что касается до выдачи оружія, то, конечно, не всѣ покорившіеся аулы его выдали; однакожь, уже довольно значительное количество винтовокъ отправлено ими въ наши крѣпости, и я считаю это обстоятельство весьма важнымъ, *какъ первый приступъ къ системъ постепеннаго обезоруженія горцевъ.*

„Вмѣстѣ съ тѣмъ положены правила, на коихъ могутъ получить прощеніе абреки, которые будутъ просить о дозволеніи возвратиться на прежнія мѣста жительства; эти правила, предписывая строгую разборчивость, возлагаютъ прямую отвѣтственность за будущее поведеніе абрековъ на жителей тѣхъ ауловъ, въ коихъ поселятся сии бѣглецы. Этимъ, по возможности, предупреждены будутъ вредныя послѣдствія, которыя произойти могутъ какъ отъ излишняго снисхожденія къ раскаявшимся разбойникамъ, такъ и отъ рѣшительнаго прегражденія имъ всякой надежды на пощаду.

„Кочующіе на кумыкскихъ земляхъ ногайцы, по роду ихъ жизни, доселѣ избѣгали надзора русскаго начальства и всегда способствовали прорывамъ хищниковъ; положеніе ихъ было таково, что, съ одной стороны, оно подвергало ихъ притѣсненіямъ кумыкскихъ князей, а съ другой—лишало возможности прочно обезпечить спокойствіе оконечности лѣваго фланга кавказской линіи. Я предписалъ начальнику онаго соединить ногайцевъ въ возможно большія кочевья, поручить ихъ наблюденію надежныхъ старшинъ, и всѣми мѣрами стараться постепенно склонять ихъ къ осѣдлой жизни, чему способствуетъ свойство края. Я займусь теперь окончателными по сему предмету мѣрами. Между ними были и ногайцы, принадлежавшіе шамхалу тарковскому; кочуя на лѣвомъ берегу Сулака, они не были подчинены никакому русскому начальству и, пользуясь совершенною безнаказанностью, явно давали у себя пристанище абрекамъ и проводили ихъ партіи на линію,

чему примѣромъ служить Юнусъ и его товарищи, разграбившіе черный рынокъ въ прошедшемъ году. По предварительному сношенію съ шамхаломъ, я переселилъ ихъ на правый берегъ рѣки, гдѣ настоящій ихъ владѣлецъ можетъ, по крайней мѣрѣ, имѣть надъ ними нѣкоторый присмотръ.

„Относительно устройства кордонной линіи приняты также мною нѣкоторыя мѣры для большаго обезпеченія лѣваго фланга, хотя удары, нанесенные горцамъ въ собственныхъ ихъ жилищахъ, всею болѣе будутъ способствовать къ безопасности нашихъ предѣловъ. На Сулакѣ, отъ устья его до янги-юртовской переправы, устроилъ я передовую кордонную линію, изъ 6-ти постовъ, расположенныхъ частью на правомъ, частью на лѣвомъ берегу рѣки. Посты сіи, содержимые кумыками и подвластными шамхала, находятся въ вѣдѣніи кази-юртовскаго воинскаго начальника. Переправа при Янги-юртѣ мною уничтожена; она была не только бесполезна, послѣ устройства кази-юртовской, но даже вредна, потому, что, не будучи достаточно охранена, служила только для прорыва хищническихъ партій. Всѣмъ подвластнымъ шамхала строжайше воспрещено переходить черезъ Сулакъ по линію, безъ билетовъ русскаго начальства. Точно также запретилъ, или, лучше сказать, возобновилъ я старое, забытое воспрещеніе всѣмъ вообще горцамъ ѣздить внутри кавказской линіи съ оружіемъ, безъ особенныхъ билетовъ отъ начальника лѣваго фланга линіи. Эти мѣры прекратятъ, или, по крайней мѣрѣ, затруднятъ вредныя сношенія погайцевъ съ абреками въ сѣверномъ Дагестанѣ.

„Отъ міатлинской переправы черезъ старый Аксай до Умаханъ-юрта, т. е. на слабѣйшей части кордона, выставлена цѣпь изъ 6-ти постовъ, содержимыхъ туземцами и подчиненныхъ главному кумыкскому приставу; она обезпечитъ сообщеніе кр. Внезапной съ Темиръ-Ханъ-Шурою и укр. Умаханъ-юртомъ и будетъ наблюдать за партіями, могущими собираться на качкалыковскомъ хребтѣ.

„Съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства, я имѣлъ въ виду еще болѣе обезпечить это пространство, а равно и сообщеніе съ Дагестаномъ, посредствомъ построенія укрѣпленій при старомъ Аксаѣ и Черкеѣ. По поздній срокъ окончанія военныхъ дѣйствій противъ Шамиля препятствовалъ исполненію сего предположенія. Нынѣшнею зимою займусь я окончательными приготовлениями къ устройству этихъ крѣпостей, коихъ заложеніе, по моему мнѣнію, будетъ имѣть самое благотѣльное вліяніе на спокойствіе края.

„Всѣ верки и нѣкоторыя строенія крѣпости Грозной пришли

въ совершенную ветхость; мостъ, построенный тамъ черезъ Сунажу, уже болѣе двухъ лѣтъ стоялъ полусгнившимъ и не могъ служить ни для проѣзжающихъ, ни для проходящихъ. Ваше высокопревосходительство изволили уже, по моему представленію, утвердить проектъ и смѣту перестройки крѣпости и устройства новаго моста. Работы сія начнутся весною будущаго года. Нѣкоторыя строенія въ кр. Внезапно были исправлены въ теченіе нынѣшняго лѣта.

„Начальнику лѣваго фланга линіи предписалъ я въ теченіе нынѣшней зимы постепенно очищать лѣса въ Чечнѣ, вырубая для сего деревья на разстояніе ружейнаго выстрѣла въ обѣ стороны, на главныхъ сообщеніяхъ крѣпости Грозной съ горами; работы эти будутъ возложены на самихъ туземцевъ.

„Во всѣхъ предпріятіяхъ для упроченія спокойствія лѣваго фланга линіи и управленія горцами, встрѣчалось всегда и вездѣ одно главное затрудненіе: подчиненіе сѣвернаго и нагорнаго Дагестана особому начальству, независящему отъ командующаго войсками на кавказской линіи. Такое устройство управленія имѣло во всѣхъ отношеніяхъ самыя вредныя послѣдствія, лишая всякаго единства мѣры, принимаемыя для покоренія лезгинскихъ племенъ по сю или ту сторону андійскаго Койсу, и доставляя всегда хищникамъ, абрекамъ и мюридамъ удобныя средства избѣгать надзора и наказанія.

„Ваше высокопревосходительство обратили вниманіе на неудобства пронстекающія отъ этого положенія дѣль и подчинили въ отношеніи управленія края начальнику кавказской линіи: сѣверный Дагестанъ, заключающій въ себѣ владѣнія шамхала тарковскаго и хана мехтулинскаго, землю койсубулинскую и Аварію, вмѣстѣ съ войсками тамъ расположенными, оставляя ихъ въ вѣдѣніи начальника дивизіи по строевой и хозяйственной частямъ. Не сомнѣваюсь, что эта мѣра будетъ имѣть самое выгодное вліяніе на усмиреніе горскихъ обществъ, хотя подчиненіе нѣкоторыхъ частей войскъ двумъ разнымъ начальствамъ представляетъ также многія неудобства.

„Я имѣлъ уже честь представить на утвержденіе вашего высокопревосходительства проектъ правилъ для управленія койсубулинскимъ обществомъ. Главныя его основанія суть слѣдующія: 1) изъ всѣхъ ауловъ сего общества, за исключеніемъ 6-ти, составить особое приставство, поручивъ его управленію русскаго чиновника, дабы яснѣе опредѣлить отношенія этихъ горцевъ къ русскому правительству; 2) пристава сего подчинить командующему войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ и назначить ему мѣстопре-

ТРЕХЛѢТІЕ

НА ЛЕЗГИНСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ

(1847—1849 ГОДЫ).

I.

Причины болѣе упорной войны на лезгинской кордонной линіи съ 1844-го года и характеръ ея. Положеніе двухъ противныхъ лагерей. Двойная важность 1847-го года на лезгинской линіи—какъ новой эпохи въ войнѣ нашей съ пограничными горцами, и какъ момента улучшеній, преобразованій и поворота къ иному порядку вещей. Недостатки устройства лезгинской кордонной линіи. Предположенія на 1847-й годъ. Составъ лезгинскаго отряда. Начало нашей очередной дѣятельности и затишье до мая мѣсяца. Приготовленія и распоряженія у горцевъ.

Послѣ измѣны и перехода къ Шамилю въ 1844-мъ году элисуйскаго султана Даніельбека, положеніе наше на лезгинской кордонной линіи становится значительно тревожнѣе и затруднительнѣе, чѣмъ было до тѣхъ поръ. Даніельбекъ, человѣкъ весьма богатый, щедро отличенный и награжденный русскимъ правительствомъ, а слѣдовательно вдвойнѣ знатный въ глазахъ горцевъ, всегда вліятельный въ Дагестанѣ, отважный и рѣшительный въ бояхъ, деспотъ у себя въ султанствѣ, былъ для Шамиля драгоцѣннымъ приобрѣтеніемъ. Онъ явился крѣпкою и прочною связью между обществами, прилегавшими къ нашей лезгинской линіи, на которыхъ до того времени вліяніе Шамиля было весьма слабое, и тѣми, кото-

рья жили въ глубинѣ Дагестана и были слугами, почти рабами грознаго своего повелителя, располагавшаго ими безгранично вельдствіе своего ума, характера и юридика. Приобрѣтя въ Даніельбекѣ такого надежнаго товарища и сотрудника, Шамиль съ той минуты является какъ бы въ двухъ лицахъ, и это важное обстоятельство было одною изъ главныхъ причинъ нашего дальнѣйшаго пятнадцатилѣтняго болѣе упornaго состязанія съ горцами восточнаго Кавказа.

Всѣ эти пятнадцать лѣтъ, за исключеніемъ развѣ одного 1846-го года, представляютъ непрерывный рядъ нашихъ кровавыхъ встрѣчъ съ противникомъ и на лезгинской кордонной линіи. Преслѣдуя систему охранительную и стараясь по возможности уклониться отъ серьезныхъ дѣйствій въ глубинѣ непріятельской территоріи, мы, тѣмъ не менѣе, ежегодно вынуждаемы были необходимостью предпринимать вторженія съ лезгинской линіи внутрь ближайшихъ обществъ и одновременно вести двѣ войны: оборонительную у себя на плоскости и наступательную въ горахъ. Первая изъ нихъ, при постоянныхъ вторженіяхъ непріятеля въ наши предѣлы, была для насъ тяжеле, безпокойнѣе и непріятнѣе, чѣмъ вторая. Главнѣе же всего то, что оба эти рода войны, въ смыслѣ приобрѣтеній и вообще всякихъ военныхъ и политическихъ выгодъ, были для насъ одинаково безрезультатны. Подобная продолжительная война попадаетъ на страницахъ всемірной исторіи только какъ особое исключеніе. Если же взять при этомъ во вниманіе, что въ теченіе всего этого времени мы, воюя и обороняясь, постоянно устраивались, одолѣвая массу препятствій, поставленныхъ намъ природою, то отсюда будетъ ясно, сколько жертвъ и усилій стоило намъ покореніе этой части восточнаго Кавказа.

Война наша на лезгинской кордонной линіи съ 1845-го года является болѣе чѣмъ когда нибудь дополненіемъ войны въ прикаспійскомъ краѣ, и одна безъ другой въ исторіи Да-

гестана разсматриваемы быть не могутъ, потому что общества, прилегавшія къ бывшей лезгинской кордонной линіи (телавскому уѣзду, бѣлоканскому округу и шекинскоѣ провинці)—все общества одного и того же Дагестана, находившагося между 40° и 44° сѣверной широты и между 64° и 68° восточной долготы, и заключавшагося въ треугольникъ, вершиною котораго былъ бакинскій полуостровъ и апшеронскій мысъ, сторонами—западный берегъ Каспійскаго моря и главный хребетъ, а основаніемъ—другой хребетъ, отдѣлявшій отъ Дагестана Чечню, Ичкерію и кумыкскія владѣнія, съ теченіемъ р. Сулака отъ Чирь-Юрта до устья. Взглядъ на лезгинскія (пограничныя съ нами) и дагестанскія (внутреннія) общества, какъ на отдѣльныя племенные и топографическія единицы, совершенно невѣренъ. Дагестанъ и Лезгистанъ, какъ особыя земли, существовали только для насъ, вслѣдствіе нашего военно-административнаго дѣленія края, и по этому случаю вошли раздѣльно въ наши понятія; но сами горы не дѣлали различія между этими двумя наименованіями съ половины VII вѣка, т. е. со дня завоеванія Дагестана аравитянами. Сообразно нашему дѣленію на двѣ части всей горной страны въ указанныхъ выше градусахъ долготы и широты, мы подраздѣляли и самую народность на два элемента—татарскій и лезгинскій; но у горцевъ, опять-таки, существовала одна только народность и именовалась она (за исключеніемъ ничтожной части въ шамхальствѣ и ханствѣ аварскомъ) лезгинскою. Сами аравитяне и послѣдующіе завоеватели Дагестана—турки, персіяне, грузины *), монголы, оставляя въ покоренной землѣ

*) Исторія Кавказа даже и въ настоящее время малоизвѣстна. поэтому для многихъ было бы большою новостью, что грузины, бывшіе два съ половиною вѣка въ рабствѣ у лезгинъ, когда-то сами владѣли этими лезгинами. Между тѣмъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: въ XII столѣтіи турки и персіяне были изгнаны изъ Дагестана грузинскою царицею Тамарою, женою нашего князя Георгія Боголюбскаго, которая въ средѣ покоренныхъ утвердила даже христіан-

слѣды своего пребыванія, общей народности въ ней не подавили, и лезгины, не смотря на всѣ превратности своей судьбы, остались во всемъ Дагестанѣ все тѣми же лезгинами и никогда ни въ какихъ татаръ не преобразовывались и не перерождались; слово же „татаринъ“ было не болѣе, какъ общимъ именованіемъ на языкѣ русскаго человѣка (кавказца, и преимущественно солдата) всѣхъ горцевъ восточнаго Кавказа, подобно тому, какъ названіемъ всѣхъ горцевъ западнаго Кавказа было слово „черкесь“.

Общность народности въ Дагестанѣ, или, лучше сказать, тѣсное политическое единство у жителей внутреннихъ и пограничныхъ съ нами магаловъ съ теченіемъ времени, правда, ослабѣло, но не въ силу разноплеменности, а вслѣдствіе разнородныхъ вопросовъ и чисто топографическихъ условій, и весьма мало нужно было усилій, даже достаточно было одного хорошаго толчка или твердой руки, чтобы опять всѣ безъ исключенія дагестанскія общества сплотить въ одну семью. Вотъ почему и бывшему султану Даниельбеку такъ нетрудно было явиться связующимъ звеномъ между давними родственниками, немного разъединившимися между собою по недостатку взаимныхъ отношеній, и, вмѣстѣ съ Шамилемъ, поставить противъ насъ къ 1847-му году одну цѣльную народность, для которой не существовало болѣе грани даже въ снѣговомъ кавказскомъ хребтѣ. Съ указаннаго года между обществами, пограничными съ нашею лезгинскою кордонною линіею, даже исчезаетъ окончательно слово „глуходаръ“ („болходаръ, бологодаръ“), которымъ и мы, и они сами именовали себя почти три столѣтія.

Оба представителя противнаго намъ лагеря весьма меткоскую вѣру почти поголовно и обложила ихъ податью. Царица Тамара управляла Дагестаномъ изъ стѣнъ своего замка, остатки котораго сохранились и донинѣ въ Бахетинѣ, на высокой горѣ, между урочищемъ Бара-Агачемъ и Царскими-Колодцами.

Авт.

и удачно избрали одно сильное средство для восстановления тѣснаго единства во всѣхъ дагестанскихъ обществахъ и для противопоставленія намъ на какомъ угодно пунктѣ хотя бы всего племени лезгинъ поголовно (чего до тѣхъ поръ не случалось). Это средство было мюридизмъ, который прежде всѣхъ другихъ нашихъ ближайшихъ враждебныхъ сосѣдей увлекъ самого Даниельбека, послуживъ главною причиною его отщепенства,—и 1847-й годъ именно замѣчателенъ тѣмъ, что въ теченіе его этотъ *мюридизмъ распространился и утвердился въ обществахъ, прилегавшихъ къ нашей лезгинской кордонной линіи*; онъ сильно измѣнилъ и самый характеръ бывшей дотолѣ нашей войны съ горцами въ этомъ районѣ. До 1847-го года, главныя общества: Дидо, Анцухъ, Капуча и Джурмутъ признавали свою зависимость отъ насъ, имѣя у себя нашихъ приставовъ, и хотя не упустили удобнаго случая ссориться, втайнѣ воевать съ нами и вторгаться въ наши предѣлы, но все же непрерывно увѣряли насъ въ своей дружбѣ и покорности; съ 1847-го же года мы лишились даже и этого, и увидѣли противъ себя прежнихъ зависимыхъ и мнимо-покорныхъ—открытыми врагами во всеоружіи, вслѣдствіе чего должны были упразднить и должность дидойскаго пристава. Частныя заявленія о миролюбіи были незначительны, для насъ ничтожны и весьма скоропреходящи. Такимъ образомъ, въ войнѣ нашей на лезгинской линіи, 1847-й годъ можно назвать новою эпохою, съ которой потянулся особый, отличный отъ прежняго періодъ борьбы и нашихъ отношеній къ пограничнымъ обществамъ. Годъ, значить, самостоятелно важный и серьезный. Такъ онъ сказался и на дѣлѣ: хотя онъ небогатъ крупными явленіями, но замѣчателенъ тѣмъ, что всѣ наши силы и боевыя средства держалъ въ высшемъ напряженіи, а кордонъ нашъ въ постоянной тревогѣ. Вслѣдствіе непрекращавшихся сборовъ въ горахъ, нападений на плоскость значительныхъ партій и дохо-

дившихъ до насъ свѣдѣній о разныхъ крупныхъ преднамѣреніяхъ Шамиля и Даніельбека, наши войска поневолѣ должны были стоять на линіи въ качествѣ безсмѣннаго караула и неустанно передвигаться то туда, то сюда. Послѣднее обстоятельство вытекало изъ того, что наличныя средства наши были ничтожны и вовсе не соотвѣтствовали какъ охраняемому ими пространству линіи отъ г. Нухи до селенія Артаны *), такъ равно и всему, что обусловливало положеніе нашего противника, начиная съ его союзницы—горной природы, и кончая отвагою, мужествомъ и полною къ намъ ненавистью. У непріятеля, въ ближайшихъ къ намъ (такъ называемыхъ тогда „лезгинскихъ“) обществахъ было вооруженное и всегда готовое выступить противъ насъ населеніе по меньшей мѣрѣ въ десять тысячъ человѣкъ (приложеніе I), у насъ же, на всемъ длиннѣйшемъ нашемъ кордонѣ, было пять съ половиною тысячъ солдатъ, разбросанныхъ на пунктахъ сотнями и десятками, и 24 орудія (приложеніе II). Силы эти, во время движеній въ горы, сокращались значительно, потому что часть изъ нихъ уходила въ составъ отряда, который *формировался особо и независимо* отъ нихъ, и хотя онѣ замѣнялись временными милиціонерами и обывательскими караулами иногда съ избыткомъ, но отъ этого дѣло не улучшалось, потому что какъ тѣ, такъ и другіе, въ сравненіи съ рѣшительными и отважными горцами, составляли оплотъ ненадежный; укрѣпленные же наши пункты по большей части не выдерживали критики, а посты и вышки, въ смыслѣ препятствій для вторженія горцевъ, могли играть роль и имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если были защищаемы такими героями, какъ милиціонеры 1-го Грузинскаго пѣшаго полка.

Лезгинская кордонная линія въ половинѣ 1846-го года,

*) Дальнѣйшее протяженіе линіи до р. Арагвы, занятое тушино-пшаво-хевсурскимъ округомъ, охранялось мѣстнымъ населеніемъ.

по Высочайшему повелѣнію, была раздѣлена на два участка: 1) правый флангъ, заключающій посты шекинскаго уѣзда и бѣлоканскаго округа, съ укрѣпленіями: города Нухи, въ сел. Кахъ, крѣпости новыхъ Закаталь и форта бѣлоканскаго (т. е. отъ укр. Лагодехъ до г. Нухи); 2) лѣвый флангъ, обнимающій посты кварельскаго участка и укрѣпленія: Лагодехи, Каратубань, Безаньяны, Кварели, Натлисъ-Мцемели и съ 1847-го года — колдорское укрѣпленіе. Управление правымъ флангомъ было возложено на бѣлоканскаго окружнаго начальника, а лѣвымъ — на командира грузинскаго линейнаго № 16-го баталіона, расположеннаго въ укр. Кварели.

Дальнѣйшее устройство и состояніе лезгинской линіи въ разные періоды нашей войны уже намъ извѣстны; теперь остается только указать на недостатки этого устройства, которые до сихъ поръ избѣгли всякаго описанія, и которые, между прочимъ, послужили въ свое время указаніемъ и поводомъ къ различнымъ перемѣнамъ и улучшеніямъ на линіи, выдвигающимъ вторично 1847-й годъ, какъ новую эпоху нашей дѣятельности въ означенномъ раіонѣ.

Уже въ 1846-мъ году военные люди, знакомые съ положеніемъ нашихъ дѣлъ въ Закавказьи, стали приходить къ убѣжденіямъ, что лезгинская кордонная линія, оправдывавшая, быть можетъ, свое назначеніе десять лѣтъ назадъ, въ данное время въ устройствѣ своемъ являлась весьма печальною. Прежде всѣхъ другихъ причинъ такого ея состоянія, достаточно обратить вниманіе на топографію мѣстности, которая даетъ понятіе и о стратегическомъ театрѣ нашихъ военныхъ дѣйствій.

Колоссальный хребетъ тянулся безъ значительныхъ изгибовъ на протяженіи ста шестидесяти верстъ, отъ горы Барбало до горы Гудурь-дагъ, отдѣляя непокорныя общества отъ тифлисской губерніи. Скатъ, обращенный къ намъ, имѣющій заложенія отъ 15-ти до 20-ти верстъ, безлюденъ и

сплошь былъ покрытъ густымъ лѣсомъ; гребень же безлѣсенъ и тянулся почти ровною линіею, однообразіе которой лишь въ немногихъ мѣстахъ нарушалось весьма округленно выдающимися вершинами. Подошва ската вездѣ обозначалась явственною чертою; это была окраина лѣсистой равнины, имѣвшей слабое паденіе, а потому почти повсюду болотистой. Вдоль окраины тянулась полоса сухой и плодородной земли, шириною отъ полуверсты до пяти верстъ, *которая и составляла лезгинскую линію.*

Важнѣйшую характеристическую черту равнины въ военномъ и физическомъ отношеніи составляла рѣка Алазань, протекавшая въ разстояніи 5—25 верстъ отъ подошвы хребта. На послѣднее разстояніе она удалялась въ джаро-бѣлоканскомъ округѣ, и здѣсь, по лѣвому берегу ея, посреди болотъ и лѣсовъ, разбросаны были джарскіе и енисельскіе аулы. Алазань даже въ верховьяхъ своихъ была для войскъ непроходима въ бродъ; переправы большею частью происходили на пароммахъ и лодкахъ. Эти свойства рѣки были выгодны для обезпеченія телавскаго участка и сигнахскаго уѣзда, но чрезвычайно стѣсняли насъ при передвиженіи резервовъ съ праваго берега на передовую линію. Вся оборона Алазани заключалась въ постахъ.

Отсюда видно, что вся система обороны тифлисскаго губерніи по отношенію къ горамъ заключалась въ одной линіи; впереди негдѣ было дѣйствовать, а позади не было пунктовъ, которые бы имѣли центральное положеніе, и гдѣ можно было бы расположить резервы. Длина пространства, подвергавшагося *непосредственному* нападенію непріятеля, составляла 240 верстъ, и по этому протяженію растягивались войска безъ резервовъ, безъ передовыхъ пунктовъ. Линія была обречена на пассивную оборону, потому что могла только, при удачныхъ для насъ обстоятельствахъ, отражать, но не поражать нападающаго—и далѣе перваго изъ этихъ предѣловъ

не смѣли простираться ни обязанности, ни надежды нашихъ войскъ.

Всѣ, столь невыгодныя для насъ, топографическія условія, были весьма выгодны для горцевъ, которые, пользуясь отлогостью ската и его лѣсистостью, могли проходить все пятнадцативерстное пространство его вполнѣ незамѣтно часа въ три, въ четыре, и внезапно, а также безнаказанно являться у насъ на плоскости; если же они терпѣли здѣсь какую либо неудачу, то находили защиту и пріютъ въ лѣсахъ и болотахъ нашей низменности, которые ихъ укрывали до минованія опасности. Такъ или иначе, но, достигнувъ плоскости и прорвавъ линію, горцы пріобрѣтали всѣ выгоды для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Достаточно этихъ немногихъ словъ, чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, въ какомъ положеніи мы находились на лезгинской кордонной линіи, управлять и распоряжаться которою изъ Закаталь начальнику ея было труднѣе, чѣмъ управлять изъ Владикавказа кумыкскою плоскостью. Единственная для насъ выгода состояла въ томъ, что наше весьма опасное положеніе длилось 4—5 мѣсяцевъ въ году, когда горы обнажались отъ снѣга, допуская движеніе большихъ партій; въ остальные же мѣсяцы года мы были болѣе или менѣе спокойны, потому что линія могла подвергаться нападеніямъ только небольшихъ разбойничьихъ шаекъ, которыя капитальнаго зла намъ причинить не могли. Исключеніе въ семь послѣднемъ случаѣ было только 21-го декабря 1846-го года, когда значительная партія лезгинъ напала на селеніе Гогами.

Главнокомандующій князь Воронцовъ въ первый же годъ своего управленія краемъ очень хорошо понялъ и взвѣсилъ всѣ наши военныя нужды на лезгинской кордонной линіи, и вслѣдствіе этого, предварительною и главною задачею поставилъ не наступленіе въ горы, а устройство этой части

края и усовершенствованіе обороны. Сознавал прежде всего всю важность сближенія Дагестана съ закавказскимъ краемъ и преимущественно съ лезгинскою кордонною линіею, по прямому пути чрезъ главный хребетъ, князь Воронцовъ еще въ іюлѣ 1845-го года приступилъ къ проложенію такъ называемой военно-ахтынской дороги—отъ г. Нухи по шинскому ущелью на укрѣпленіе Ахты въ самурскую долину; непосредственно засимъ, въ томъ же году онъ приказалъ разработать дорогу отъ сел. Сабуи (въ Кахетіи) на гору Кодоръ, и когда, къ октябрю мѣсяцу, она была готова—велѣлъ воздвигнуть на Кодорѣ, при входѣ въ землю дидойцевъ, укрѣпленную башню. Поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ исправлявшему должность начальника джаро-бѣлоканскаго военного округа генералъ-маіору Горскому изслѣдованіе всѣхъ недостатковъ лезгинской линіи и составленіе соображеній о переустройствѣ ея обороны, князь Воронцовъ, исходя изъ своей основной идеи, удалилъ изъ предположеній на 1847-й годъ всякія стремленія къ наступательнымъ дѣйствіямъ въ горы и представилъ на Высочайшее соизволеніе слѣдующій планъ дѣйствій на лезгинской линіи:

Охраненіе края отъ вторженія непріятельскихъ партій, рекогносцировка въ ближайшія лезгинскія общества—сколько по обстоятельствамъ будетъ возможно, довершеніе укрѣпленій на Кодорѣ, производство всѣхъ работъ, которыя по ближайшему усмотрѣнію мѣтнаго начальства будутъ признаны полезными для усовершенствованія обороны кордонной линіи, какъ то: проложеніе просѣкъ и дорогъ, перестройка ветхихъ постовъ, перенесеніе тѣхъ, которые расположены на невыгодныхъ мѣстахъ и т. п.

На всѣ эти надобности, кромѣ линейныхъ баталіоновъ, назначались въ составъ лезгинскаго отряда: три баталіона тифлискаго и одинъ баталіонъ мингрельскаго егерскихъ полковъ, 50-ть человекъ кавказскаго сапернаго баталіона, двѣ

сотни донскаго № 28-го полка, 1-й Грузинскій пѣшій полкъ, два легкихъ и четыре горныхъ орудія. Войска эти должны были прибыть на лезгинскую линію въ половинѣ мая; составъ и сборъ *дѣйствующаго* отряда изъ этихъ же войскъ предоставлены были усмотрѣнію начальника джаро-бѣлоканскаго военнаго округа.

Предположенія князя Воронцова были Высочайше утверждены въ началѣ ноября 1846-го года, какъ совершенно согласныя съ видами Государя Императора и общемою системою постепеннаго утвержденія нашего на Кавказѣ, оправдавшаяся въ томъ же году. Между прочимъ, Его Величество предоставилъ главнокомандующему сдѣлать въ планѣ предстоящихъ дѣйствій всѣ измѣненія и дополненія, которыя будутъ признаны необходимыми.

На этомъ основаніи главнокомандующій приказалъ генераль-маіору Горскому—для усовершенствованія обороны лезгинской кордонной линіи возвести въ 1847-мъ году на правомъ флангѣ ея два передовыхъ укрѣпленія и четыре промежуточныхъ поста; но Горскій донесъ, что, при предоставленныхъ ему средствахъ, онъ этого сдѣлать не успѣетъ и просилъ утвердить представленный имъ планъ занятій войскъ, въ которомъ, между прочимъ, подробно объяснилъ плохое состояніе лѣваго фланга линіи и тѣ работы, которыя требовались настоятельно и преимущественно въ этомъ районѣ, а именно: постройку и исправленіе стѣнъ въ укрѣпленіяхъ Лагодехи, Каратубани, Бежаньянахъ, Кварели, Натлисъ-Мцемели; устройство въ Шильдахъ штабъ-квартиры для 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, довершеніе кодорскаго укрѣпленія и постройку въ немъ казармъ, окончательную разработку дороги къ этому укрѣпленію, окончаніе на правомъ флангѣ укрѣпленія въ сел. Кахъ, соединеніе двухъ закатальскихъ форштаговъ и обнесеніе ихъ каменною стѣною. Главнокомандующій согласился съ доводами Горскаго и отложилъ постройку

укрѣпленій и постовъ на правомъ флангѣ линіи до будущаго года.

Генераль-маіоръ Горскій, пользуясь въ началѣ 1847-го года зимнимъ временемъ, прежде всего приступилъ къ рубкѣ лѣса на правомъ флангѣ линіи, и для этого потребовалъ наряда тысячи человекъ обывателей изъ телавскаго и сигнахскаго уѣздовъ. Работы производились въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости Закаталь, не доѣзжая селенія Мацехи, и частью у каменнаго моста на почтовой муганлинской дорогѣ; но успѣхъ ихъ былъ неполнѣ удовлетворителенъ, преимущественно по случаю снѣговъ и вообще ненастной погоды; да къ тому же, между рабочими развилась и корь; вслѣдствіе этого, въ концѣ марта они были распущены по домамъ. Этимъ и ограничилась въ 1847-мъ году наша попытка относительно вырубки заповѣдныхъ лѣсовъ, на которую главнымъ образомъ указывало предположеніе о занятіяхъ въ томъ году нашихъ войскъ.

Та же сильная зима на плоскости и весьма жестокая въ горахъ, гдѣ глубина снѣга на высотахъ доходила до десяти и даже до пятнадцати аршинъ, поблагопріятствовала намъ только въ томъ отношеніи, что до мая мѣсяца никакихъ особенныхъ происшествій, кромѣ мелкаго хищничества партій отъ 8—10 человекъ, не произошло. Это обстоятельство дало намъ возможность исподоволь готовиться къ предположеннымъ, по плану, занятіямъ, чтобы рѣшительно и энергично приступить къ нимъ съ мая мѣсяца. Но непредвидѣнные обстоятельства, какъ и случалось большею частью на лезгинской линіи, заставили обратить наше вниманіе и дѣятельность совсѣмъ въ иную сторону.

Пользуясь суровымъ временемъ года и глубокими снѣгами, отвращавшими всякое подозрѣніе о возможности сношеній съ горами, нѣкоторые вліятельныя лица изъ джарскихъ лезгинъ въ январѣ мѣсяцѣ отправили къ Шамилю своихъ по-

вѣренныхъ, приглашая его съ наступленіемъ весны на плоскость и увѣряя, что, въ случаѣ появленія мюридовъ, весь округъ возметъ за оружіе. Конечно, Шамилю это было весьма на руку, но, не довѣряя словеснымъ и письменнымъ заявленіямъ немногихъ нашихъ возмутителей, онъ выразилъ желаніе имѣть болѣе осязательное подтвержденіе ихъ заявленія. Тогда изъ селеній Джары, Бѣлоканы и Элису разновременно явились къ нему, въ видѣ депутацій, болѣе восьмидесяти лицъ и удостовѣрили, что, дѣйствительно, при содѣйствіи войскъ имама, округъ намѣренъ возетать поголовно, уничтожить все крѣпости и изгнать русскихъ—что весьма удобно и легко при малочисленности гарнизоновъ и почти при совершенномъ отсутствіи полевыхъ войскъ. Для Шамиля этихъ увѣреній показалось достаточно, и онъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы повсюду партіи были готовы къ выступленію по первому призыву. Когда призывъ Шамиля коснулся и чеченцевъ, то они, собравшись въ большіе джаматы, стали обсуждать вопросъ о томъ, не выгоднѣе ли имъ будетъ отказатьсь отъ всякой борьбы съ русскими. Шамиль быстро свѣдалъ объ ихъ неповиновеніи и, не давъ имъ возможности прійти къ какому либо рѣшенію, явился въ с. Цонтери съ партіею лезгинъ и нѣсколькими орудіями. По зову его, немедленно прибыли туда чеченскіе наибы, старшины и муллы, съ стариками и ближайшими родственниками. Приказавъ имъ всемъ собраться въ назначенный часъ на ближайшей полянѣ, Шамиль, въ сопровожденіи Джемаль-Эддина и своего многочисленнаго конвоя, среди котораго главную роль играли преданные ему мюриды, выѣхалъ къ нимъ для переговоровъ. Эти переговоры были коротки, рѣшительны и очень оригинальны: Джемаль-Эдинъ прочиталъ нѣсколько стиховъ изъ корана, затѣмъ лезгины раздвинулись и обнаружили позади себя нѣсколько заряженныхъ орудій и три большихъ топора. Имамъ вызвалъ поименно уже извѣстныхъ ему заранѣе главныхъ за-

говорщиковъ, велѣлъ имъ отрубить головы—и дѣлу конецъ. Покорно склонившись передъ грознымъ владыкою, всѣ остальные представители вольнодумныхъ чеченцевъ ожидали его приказаній. Шамиль велѣлъ имъ явиться къ себѣ въ новое Дарго на общій съѣздъ. Въ этомъ собраніи онъ рѣшилъ вопросъ и далъ инструкціи о предстоявшихъ предпріятіяхъ.

Представительствомъ и руководительствомъ предназначенныхъ военныхъ дѣйствій былъ облеченъ, конечно, Даніельбекъ. Первыя его распоряженія относились къ возможно сильнѣйшему укрѣпленію его собственной новой резиденціи—Ириба, для котораго онъ велѣлъ приготовить тысячу бревень; послѣдующія, касавшіяся общества, прилегавшихъ къ нашей лезгинской кордонной линіи, состояли въ томъ, чтобы ихъ всѣ поднять на ноги и склонить капучинцевъ, вышедшихъ изъ горъ и поселившихся у насъ на плоскости близъ укр. Безаньянъ, переселиться обратно въ горы, съ тѣмъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ будетъ имъ возвращено все отнятое у нихъ имущество и скотъ; еслибы они не согласились на предложеніе добровольно, то напасть на нихъ вооруженною рукою и насильно возвратить въ прежнія мѣста. Эту довольно трудную задачу Даніельбекъ возложилъ на двухъ наибовъ, къ которымъ питалъ особенное довѣріе—анцросо-гебельскаго муллу Шабана, джарскаго бѣглеца, и анцухо-капучинскаго мудира (главнаго муллу) Адала-Махмуда-швили, или, какъ его называли у насъ, мудира Адалова. Сему же послѣднему Даніельбекъ поручилъ призывъ и сборъ партій въ анкратльскомъ союзѣ и на него же возложилъ движеніе на Закаталы, сообщивъ ему, что другія партіи, подъ его личнымъ предводительствомъ, пойдутъ на Мухахъ и Элису.

Какъ ни заблаговременны были всѣ эти столь важныя распоряженія, но мы пребывали относительно ихъ въ полномъ невѣдѣніи; мало того, до половины апрѣля они были тайною даже для жителей анкратльскаго союза, которыхъ

непосредственно касались. Эти горцы, по врожденному имъ любопытству и страсти къ разнымъ новостямъ и сплетнямъ, хотя и пытались проникнуть въ сущность и въ частности отданнаго имъ краткаго приказанія—быть готовыми къ походу и запасись десятидневнымъ продовольствіемъ, но политика Шамиля и его обыкновение—не оглашать своихъ преднамѣреній до послѣдней минуты, даже до перваго выстрѣла, такъ твердо были усвоены Даніельбекомъ и двумя-тремя изъ его близкихъ довѣренныхъ лицъ, что никому не удалось не только открыть, но даже приподнять соблазнительную и интересную завѣсу. Только одинъ капуцинецъ изъ селенія Бежита, нѣкто Шихтуръ-Шайхъ-швили, вообразивъ себѣ, что онъ дальновиднѣе и догадливѣе прочихъ, и услышавъ о какихъ-то недоразумѣніяхъ между мудиромъ Адаловымъ и бежитскимъ наибомъ муллою Гасанъ-Дибиромъ, поспѣшилъ вывести изъ этого свои собственныя заключенія и сообщилъ намъ, что, молъ, Шамиль прогоняетъ съ должности Адалова и ввѣряетъ ее Гасанъ-Дибиру, а сей послѣдній, желая отличиться и ознаменовать первыя дѣйствія свои блистательными подвигами, собираетъ людей, съ намѣреніемъ напасть или на Кварели, или на Бежаньяны, или на Кучетаны, или на Чеканы. Подобное свѣдѣніе для насъ было животрепещущимъ, и генераль-маіоръ Горскій 2-го февраля отправилъ въ горы нѣсколько лазутчиковъ изъ капуцинскихъ переселенцевъ узвать, что тамъ дѣлается; но эти посланные вернулись вечеромъ съ пустыми руками и заявили, что на горахъ проходы заняты сильными караулами, и что проникнуть внутрь непріятельской земли невозможно.

И такъ, Даніельбекъ предусмотрительно и очень вовремя для себя разгородилъ стѣною два противные лагера.

II.

Генераль-лейтенантъ Шварцъ и генераль-маіоръ Бюрно. Вторженіе Даніельбека въ джаро-бѣлоканскій округъ. Мечты его о возвращеніи себѣ султанства. Троекратное пораженіе его и изгнаніе изъ округа.

Въ концѣ марта генераль-лейтенантъ Шварцъ, послѣ временнаго отсутствія, вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей по званію начальника джаро-бѣлоканскаго военнаго округа и всей лезгинской кордонной линіи.

Въ описываемый періодъ времени генераль Шварцъ былъ на высшей точкѣ своего значенія и пользовался у князя Воронцова такимъ довѣріемъ и расположеніемъ, за предѣлами котораго ничего болѣе подчиненному желать нельзя. Будучи, въ полномъ смыслѣ слова, фаворитомъ главнокомандующаго, Григорій Ефимовичъ, къ чести его нужно сказать, достигъ этого положенія своими выдающимися качествами боеваго и чрезвычайно энергичнаго и распорядительнаго генерала. Еще въ чинѣ маіора и въ званіи эскадроннаго командира въ польскомъ уланскомъ полку, Шварцъ былъ извѣстенъ какъ офицеръ рачительный и исправный, котораго генераль-адъютантъ баронъ Корфъ (бывшій командиръ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса) поставилъ образцомъ и примѣромъ въ цѣломъ корпусѣ. Князь Воронцовъ зналъ хорошо и отличилъ Шварца еще въ 1830-мъ году, когда былъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генераль-губернаторомъ, и когда Шварцъ служилъ у него начальникомъ кордонной линіи въ херсонской и таврической губерніяхъ. Симпатіи къ нему князя Воронцова возрасли въ особенности по случаю пораженія Даніельбека и восстановленія спокойствія въ краѣ въ 1844-мъ году (хотя это было до прибытія князя Воронцова въ край), доставившихъ Шварцу извѣстность и видъ Кавказа, и обратившихъ на него

вниманіе Государи Императора, быстро и вѣско награждавшяго его съ той минуты, не смотря на занятую въ его послужномъ спискѣ, стѣснявшую его въ наградахъ и отличіяхъ. Шварцъ самъ зналъ себѣ цѣну; нельзя умолчать, что такое самомнѣніе вело его къ самообольщенію, иногда къ самоувлеченію, и развило въ немъ исходную точку всѣхъ желаній—аренду за свою службу, которой онъ, впрочемъ, и добился.

О-бокъ съ Шварцомъ и рука объ руку съ нимъ является въ 1847-мъ году другой дѣятель на лезгинской линіи—генераль Бюрно, родомъ французъ, человекъ умный, хорошо и даже иногда увлекательно говорившій порусски, но не умѣвшій писать. Князь Воронцовъ его также любилъ и отличалъ; вѣроятно, онъ повелъ бы его по слѣдамъ Шварца, еслибы Бюрно не оплошалъ въ 1848-мъ году и не сошелъ бы съ поприща довольно печально. Но пока этого не случилось, лезгинская кордонная линія въ описываемое время была весьма хорошо обезпечена этими двумя личностями, которыя, вспомагая другъ другу, вывели ее изъ большой опасности.

Въ 1847-мъ году нужно было предвидѣть, что, не смотря на широкія затѣи Шамиля и на твердую увѣренность Даніельбека въ осуществленіи ихъ, двѣ упомянутыя личности, а въ особенности первая изъ нихъ, до которой дѣло касалось ближе всего, имѣли все право покоить на себѣ наши надежды. Такъ смотрѣлъ на дѣло и князь Воронцовъ, и когда на лезгинской линіи не замедлила разыгратъяся довольно сложная драма, извѣстная подъ именемъ „вторженія Даніельбека“, то онъ настолько былъ увѣренъ въ Шварцѣ, что, предоставивъ ему дѣйствовать какъ знаетъ, не счелъ нужнымъ преподать ему съ своей стороны ни одного совѣта или указанія.

Въ теченіе всего апрѣля генераль-лейтенантъ Шварцъ хотя и имѣлъ кое-какія свѣдѣнія изъ горъ, но они вовсе не относились къ преднамѣреніямъ Шамиля и Даніельбека, такъ что первоначальные темные слухи о какомъ-то движеніи въ

горахъ потеряли для насъ свою важность. Вслѣдствіе этого, генераль Шварцъ, согласно разрѣшенію главнокомандующаго (приложеніе III), въ послѣднихъ числахъ апрѣля выѣхалъ въ Тифлисъ, по дѣламъ службы, и тамъ оставался пока совершенно спокойнымъ за благосостояніе линіи. Но, уѣзжая, онъ, на всякій случай, отправилъ въ с. Бѣлоканы, для поддержанія тамъ спокойствія, 2-й баталіонъ тифлискаго егерскаго полка, подъ командою майора Воронченко.

Между тѣмъ, въ это-то самое время и созрѣла гроза: мудиръ Адаловъ выставилъ на первый разъ изъ Анѣуха 200 человекъ, и тотчасъ къ нему присоединились: бежитскій наибъ мулла Гасанъ-Дибиръ, о которомъ Шихтуръ-Шайхъ-швили составилъ цѣлую сказку, съ 60-ю человеками, мулла Шабанъ съ 500-ми слишкомъ, тиндальскій (богоскій) Халиль-Дибиръ съ 800-ми, бохнадальскій Молла-Магома съ 500-ми, тландаальскій Амориль (или Омаръ) Магома съ 300-ми, ташекій Магома, косдодскій Магома-Томинъ и джурмутскій— съ небольшими партіями. Всѣ эти вооруженныя толпы стояли наготовѣ, ожидая лишь прибытія, съ дагестанскими скопичами, Данильбека, чтобы получить отъ него приказанія и разомъ низринуться на плоскость.

Султанъ, котораго другимъ именемъ въ горахъ и не называли, не заставилъ себя ждать, и 1-го мая, съ своимъ пріятелемъ тилитлинскимъ кадїемъ Кибитъ-Магомою и съ шести-тысячнымъ войскомъ, явился въ Джурмутъ. Только въ этотъ день бѣлоканскій окружной начальникъ подполковникъ Колюбакинъ получилъ первое свѣдѣніе о сборѣ въ лезгинскихъ обществахъ и о намѣреніи скопича кинуться на Бѣлоканы. Чтобы повѣрить основательность этого извѣстія и раскрыть подробности предпріятія, Колюбакинъ приказалъ преданному намъ лезгинскому моураву подпоручику Рамазану-ага отправиться въ горы. Взявъ съ собою двухъ талскихъ старшинъ, прапорщиковъ братьевъ Али-бека и Кур-

банъ-Магома (по фамиліи Шикили-оглы), Рамазанъ 2-го мая пустился въ путь—конечно, пѣшкомъ.

Между тѣмъ, на бѣду, 1-го и 2-го мая лилъ такой сильный и непрерывный дождь, что вода во всѣхъ рѣчкахъ вдругъ поднялась на чрезвычайный уровень, и переправы сдѣлались невозможны. Это обстоятельство задержало 2-й тифлисскій баталіонъ у рѣки Катехъ-чай и лишило его возможности достигнуть до Вѣлоканы,—что чрезвычайно поблагопріятствовало видамъ Даніельбека.

Въ глубокую полночь съ 2-го на 3-е мая, Рамазанъ-ага и два его товарища бѣгомъ неслись по залитымъ водою улицамъ Закаталъ; ручьи буквально струились съ ихъ одежды, когда они вломились въ квартиру окружнаго начальника и впопыхахъ, перебивая и подсказывая другъ другу, доложили слѣдующее: „Даніельбекъ идетъ на округъ съ тысячами лезгинъ и съ присоединившимися къ нему жителями горнаго магала; отдѣльныя четыре тысячи онъ послалъ на Вѣлоканы подъ предводительствомъ мудира Адалова и муллы Шабана, котораго вліяніе и связи должны увлечь бѣлоканцевъ; самъ Даніельбекъ ночевалъ въ Башъ-Дженихъ, откуда завтра или послѣзавтра толпы его явятся въ мухахскомъ ущельи и въ Элису“.

Такимъ образомъ, непріятель угрожалъ намъ въ трехъ пунктахъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго въ сорока верстахъ, между которыми дороги были пересѣчены рѣчками, съ избыткомъ переполненными водою.

Не теряя ни минуты, Колобакинъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: помощника своего Деруденко послалъ въ с. Алмало, чтобы изъ нижнихъ деревень собрать милицію; о предстоящемъ нападеніи сообщилъ въ Шиназъ генераль-маіору Бюрно, а въ Кахъ—воинскому начальнику и элисуйскому приставу; послалъ приказаніе 2-му баталіону тифлискаго полка повернуть на с. Мухахъ; направилъ туда же 4-й ба-

таліонъ мингрельскаго егерскаго полка, 50-ть человекъ саперъ и два горныхъ орудія. Съ разсвѣтомъ 3-го мая, когда послѣднія части выступили по назначенію, Колюбакинъ выѣхалъ изъ Закаталъ и принялъ надъ ними начальство.

Тревога охватила все ближайшія къ Закаталамъ деревни. Въ глазахъ жителей, пораженныхъ паникою, толпы Даніельбека ежеминутно росли новыми тысячами; семейства, бросая въ домахъ имущество, стремились укрыться въ крѣпости; они приносили съ собою самыя разнорѣчивыя и въ высшей степени сбивчивыя и преувеличенныя слухи, созданныя встревоженнымъ воображеніемъ, и генералъ Шварцъ, возвратившійся изъ Тифлиса 3-го мая вечеромъ, не зналъ кому и чему вѣрить.

Между тѣмъ, Даніельбекъ, занявъ все проходы съ горъ въ округъ, обставилъ свое движеніе такою тайною, что никто не только не зналъ о настоящемъ его направленіи, но даже мѣстныя начальственныя лица и не подозрѣвали о его приближеніи. Такъ, изъ нижнихъ деревень Деруденко доносили, что о наступленіи Даніельбека ничего неизвѣстно; элисуйскій приставъ губернской секретарь Мелешко и его помощникъ прапорщикъ Ханъ-Баба-бекъ почти ежечасно сообщали изъ укрѣпленія Кахъ, что окружной начальникъ обманывается, что все обстоитъ благополучно, и непріятеля нѣтъ даже въ горномъ магалѣ, и что онъ развѣ только собирается въ Аварію. Но удивительнѣе всего то, что даже изъ Элису, отъ прапорщика Гаджи-Абаза, заклятаго врага Даніельбека, имѣвшаго тамъ свой домъ, мимо котораго, по цохурской дорогѣ, пролегаль путь слѣдованія партій, получено было 3-го мая ночью сообщеніе, что никакого Даніельбека и ни одного изъ враждебныхъ намъ горцевъ нигдѣ не слышно и не видно. Шварцъ, едва пріѣхавъ и получивъ одно за другимъ эти свѣдѣнія, сперва недоумѣвалъ, но наконецъ вышелъ изъ себя и, въ своемъ, по его заключенію, непогрѣшимомъ убѣжденіи, при-

знать Хань-Баба-бека и Гаджи-Абаза самыми наглými нашими измѣнниками.

Исходя изъ этой точки, а слѣдовательно и склонявшійся въ сторону извѣстій, полученныхъ Колюбакинымъ, генераль Шварцъ, въ виду опасности, угрожавшей всей линіи, нимало не медля, далъ знать начальнику лѣваго фланга полковнику Квятковскому, что Кибитъ-Магома, съ пятью тысячами, спустился въ башъ-дженихскій магалъ, Даніельбекъ, съ тремя тысячами, прибылъ въ элисуйскій горный магалъ, а большая особая партія готова спуститься по бѣлоканскому ущелью и у дооркацкаго поста. Въ виду этого, начальникъ линіи предписывалъ: принять всѣ мѣры предосторожности, быть готовымъ на случай движенія, и посты съ вышекъ въ опасныхъ мѣстахъ снять, замѣнивъ ихъ непрерывнымъ движеніемъ малыхъ командъ для открытія непріятели.

Опугавъ и усыпивъ всѣхъ, кромѣ прозорливаго Шварца, полною о себѣ неизвѣстностью, Даніельбекъ, 4-го мая, на разсвѣтѣ, явился въ Элису всего лишь съ нѣсколькими десятками мюридовъ, опередивъ свое скопище, которое оставилъ въ с. Сарубашъ, откуда открывались пути въ Кумъ и Кахъ. Населеніе горнаго магала, начиная отъ сел. Гильмеца, за немногими исключеніями, встрѣчало и привѣтствовало его съ подобострастіемъ. Едва онъ вступилъ въ бывшую свою резиденцію, какъ тотчасъ самымъ курьезнымъ образомъ послалъ за приставомъ Мелешко, мѣстопробываніе котораго было въ укр. Кахъ: призвавъ къ себѣ Гаджи-Абаза, онъ приказалъ ему написать записку къ приставу, что въ Элису явился извѣстный разбойникъ Богарчи (его же, Даніельбека, молочный братъ), котораго можно взять живымъ, если Мелешко захочетъ прибыть какъ можно скорѣе. Эту записку онъ отправилъ по назначенію съ однимъ изъ элисуйцевъ, на вѣрность котораго полагался; затѣмъ, приказалъ состоявшему у него въ званіи палача, разбойнику изъ шайки Богарчи, бѣглому жи-

тело бѣлоканскаго округа, Наби-Сарчи-Гусейнъ-оглы *) — снять Гаджи-Абазу голову, и трупъ сбросить въ оврагъ. Конечно, это распоряженіе было приведено въ исполненіе безъ малѣйшаго замедленія.

Въ десять часовъ курьеръ Даніельбека прибѣжалъ въ укр. Кахъ и, съ неописаннымъ на лицѣ восторгомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ чрезвычайною таинственностью, передалъ Мелешкѣ летучку. Обрадованный такою неожиданностью, доставлявшею случай отличиться, злополучный приставъ, отблагодаривъ довольно щедро благонамѣреннаго вѣстника, и угостивъ его, послалъ за своимъ помощникомъ и за другими преданными намъ лицами. Быстро собрались къ нему; Ханъ-Бабабекъ, поручикъ Паша-Ага, карабахскій армянинъ Баба Варавовъ и до десяти человекъ есауловъ **). Подѣлившись съ ними отраднымъ извѣстіемъ, приставъ двинулся въ Элису; но желая пока скрыть отъ начальства свой предстоявшій подвигъ, чтобы потомъ одолжить его сюрпризомъ, Мелешко въ послѣдній разъ послалъ нарочнаго въ Закаталы доложить, что въ приставствѣ все спокойно и благополучно. Жестокко поплатился несчастный чиновникъ за свою слѣпую довѣрчивость: спустя полчаса по прибытіи его, съ эскортомъ, въ Элису, въ ближайшемъ оврагѣ, возлѣ покойника Гаджи-Абаза, валялось еще до пятнадцати изуродованныхъ труповъ, среди которыхъ съ трудомъ можно было различить Мелешку отъ Ханъ-Баба-бека и всѣхъ пріѣзжихъ другъ отъ друга ***). Ге-

*) Этотъ отъявленный разбойникъ былъ убитъ 6-го іюля того же года въ сел. верхніе Лански, при преслѣдованіи его полиціею.

***) Есаулъ—нукеръ, исполняющій и полицейскія обязанности; званіе это равносильно чапару.

***) По удостовѣренію сослуживцевъ Мелешко, послѣдній былъ человекъ способный, распорядительный и вполне удовлетворялъ назначенію пристава; но элисуйцы не любили его, равно и Ханъ-Бабу, за корыстныя побужденія, вслѣдствіе чего сообщали не разъ о томъ своему бывшему султану и просили его, при удобномъ случаѣ, освободить ихъ отъ подобнаго начальника.

нераль Шварцъ, узнавъ черезъ два-три дня о смерти мучениковъ, только тогда разубѣдился въ измѣнѣ заподозрѣнныхъ имъ Гаджи-Абаза и Ханъ-Баба *).

Стоя въ Элису и навѣрное ожидая къ себѣ пристава, Даніельбекъ не тратилъ попусту времени: онъ уже успѣлъ отправить въ горы многія семейства элисуйцевъ и послалъ отряды въ мухахское ущелье, черезъ селеніе Салунчи. Время имъ было рассчитано чрезвычайно вѣрно, потому что другое скопище, подъ предводительствомъ мудира Адалова, состоявшее изъ жителей анкратльскаго союза, въ тотъ самый часъ спускалось къ с. Вѣлоканы. Вѣлоканцы, во главѣ съ начальникомъ лезгинской милиціи маіоромъ Кара-Али, оплатившимъ гнусною измѣною нашему правительству за всѣ ласки и благодѣянія, встрѣтили нашихъ враговъ съ радушіемъ, нанесли имъ гору хлѣба и привели на убой трехъ быковъ. Мулла Шабанъ, собравъ вокругъ себя толпы жителей, съ перваго же момента приступилъ къ проповѣдыванію мюридизма и, относясь къ слушателямъ кротко и льстиво, сковалъ ихъ подготовленное пылкое воображеніе и тотчасъ склонилъ въ пользу своего ученія. Вѣлоканцы, въ наивномъ увлеченіи, объявили, что всѣ поголовно готовы слѣдовать за скопищами Шамиля, увѣренные въ покровительствѣ аллаха, и въ доказательство своего усердія тотчасъ зажгли и, насколько возможно было, разбросали упраздненный бѣлоканскій фортъ; затѣмъ, они пристали къ непріятельскимъ толпамъ. Этимъ путемъ послѣднія усилились весьма чувствительно, и всѣ вмѣ-

*) У Гаджи-Абаза было два сына; изъ нихъ одинъ велъ торговлю съ горами, а другой—Гаджи-Ага-бекъ служилъ въ нашей милиціи. Этотъ послѣдній черезъ пять лѣтъ оплатилъ за смерть отца если не самому Даніельбеку, то его пріятелю Хаджи-Мурату. Когда въ 1852-мъ году, 22-го апрѣля, Хаджи-Муратъ бѣжалъ изъ Нухи, Гаджи-Ага-бекъ, будучи вѣрующимъ, съ элисуйскими жителями, при участіи карабахской и нухинской милиціи, розыскалъ его, 24-го числа, близъ ахкобурской станціи и сел. Дайкенды, и снялъ съ него голову, которую, вмѣстѣ съ головами его нукеровъ, представилъ начальству.

стѣ направились внутрь округа, по большой дорогѣ, на Катехи и Джары—въ Закаталы. Одновременно съ занятіемъ Бѣлоканъ, передовая партія въ восемьсотъ человекъ, изъ отряда, выступившаго отъ Сарубаша, показалась въ верховьяхъ мухахскаго ущелья, и тогда цѣль Даніельбека обнаружилась довольно наглядно, а именно: охватить правый флангъ жаро-бѣлоканскаго округа (бѣлоканскій участокъ) съ двухъ сторонъ, соединить отряды въ Закаталахъ и оттуда дѣйствовать по усмотрѣнію.

Позиція въ Мухахахъ была важна и сильна въ томъ отношеніи, что прикрывала хлѣбородныя и спокойныя англоискія селенія, и по центральному положенію давала возможность подать помощь элисуйскому и бѣлоканскому участкамъ. Не допустить непріятели завладѣть ею—было для насъ дѣломъ первостепеннымъ, поэтому генераль Шварцъ поскакалъ въ мухахское ущелье вслѣдъ за направившеюся туда наканунѣ колонною Колобакина. Имѣя вообще подъ рукою 2-й и 3-й баталіоны тифлискаго *), 4-й баталіонъ мингрельскаго егерскаго полковъ, команду саперъ въ 50-ть человекъ и два горныхъ орудія, Шварцъ считалъ эти силы достаточными для того, чтобы выйти навстрѣчу самому значительному скопищу горцевъ—но лишь въ совокупности ихъ и на мѣстности удобной; при тогдашнихъ же обстоятельствахъ, т. е. когда ни того, ни другаго не имѣлось, имъ нужно было придать необыкновенную подвижность и сдѣлать такъ, чтобы одни и тѣ же части войскъ, какъ бы въ одно и то же время, являлись и угрожали въ разныхъ мѣстахъ. На этомъ Шварцъ основалъ всю систему противодѣйствія сильному и рѣшительному противнику.

Лишь только толпы показались вверху мухахскаго ущелья, впередъ былъ двинутъ полубаталіонъ 2-го баталіона тифлис-

*) 4-й баталіонъ оставался пока въ Закаталахъ.

скаго полка, подъ командою маіора Воронченко, для раскрытія силъ непріятеля. Обѣ стороны встрѣтились уже въ ущельи, и насколько съ нашей стороны было быстроты и увѣренности, настолько же горцы оказались почему-то нерѣшительными. Маіоръ Воронченко, увидѣвъ это по первымъ ихъ пріемамъ, развернулъ одну роту въ боковыя цѣпи по полувысотамъ, а другую двинулъ впередъ, прикрываясь сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Непріятель не принялъ атаки и сталъ быстро отступать; тифлискцы двинулись за нимъ, не обративъ вниманія на то, что могутъ быть наведены на главныя силы горцевъ. Но Шварцъ, подоспѣвшій уже къ колоннѣ, предвидя возможную и серьезную опасность для двухъ довольно слабыхъ ротъ, послалъ къ нимъ на помощь другія двѣ роты съ подполковникомъ Колюбакинымъ, и, спустя нѣкоторое время, и самъ двинулся за ними съ остальными частями. Маіоръ Воронченко, преслѣдуя горцевъ, хотя и ушелъ довольно далеко, но былъ настолько предусмотрителенъ, что не увлекся успѣхомъ и, избравъ на пути закрытую позицію у высокихъ скалъ, за быстрымъ потокомъ, пріютился здѣсь словно въ обширномъ гнѣздѣ, такъ что его маленькія роты едва были замѣчены подоспѣвшею колонною. Здѣсь она стянулась и провела ночь. Генераль Шварцъ послалъ къ генералу Бюрно въ шинское ущелье, прося его поскорѣе прибыть въ укр. Кахъ хотя бы съ тремя ротами перваго баталіона тифлискцевъ, а командиру № 28-го донскаго казачьяго полка предписалъ направить немедленно изъ штабъ-квартиры (Кара-Агача) четыре сотни въ укрѣпленіе Кахъ и двѣ въ Закаталы.

Удачныя дѣйствія наши въ мухахскомъ ущельи надъ непріятелемъ удаляли его на нѣкоторое время отъ тамошняго населенія. Чтобы не потерять плодовъ перваго успѣха, генераль Шварцъ оставилъ въ ущельи двѣ роты подъ начальствомъ маіора Воронченко и съ остальными шестью ротами тифлискцевъ и мингрельцевъ, саперами и орудіями, двинулся,

5-го мая, съ разсвѣтомъ, въ Закаталы. Цѣль этого движенія, согласно основной идеѣ Шварца, на которой, какъ выше сказано, онъ построилъ свою систему, состояла въ томъ, чтобы показаться среди фанатическаго и легкомысленнаго населенія бѣлоканскаго участка, уже вкусившаго, въ зачаткахъ, олицетвореннаго ученія Шамиля, о которомъ они давно слышали, которымъ интересовались и исподоволь заражались; кромѣ того, среди малодоступной мѣстности, перерѣзанной рѣчками и покрытой лѣсами, какою представлялся тогда бѣлоканскій участокъ, съ его каменными аулами въ глубинѣ ущелій, нужно было выразить всю быстроту движеній и дѣйствій, отвагу и рѣшимость, чтобы вывести джаро-бѣлоканцевъ изъ заблужденія о безсиліи нашихъ незначительныхъ войскъ и о возможности не только имъ сопротивляться, но даже, какъ думали они, и побѣдить ихъ.

Прибывъ въ Закаталы и давъ немного отдохнуть колоннѣ, генераль Шварцъ присоединилъ къ ней 4-й баталіонъ тифлискаго полка и одно легкое орудіе гарнизонной артилеріи, для котораго взялъ со станціи почтовые тройки, и двинулся къ Вѣлоканамъ, навстрѣчу непріятелю. Пройдя двѣнадцать верстъ и переправясь черезъ рѣчку у селенія Катехи, онъ столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу. Горцы занимали позицію очень сильную: справа дороги, по которой наступали наши войска, тянулась древняя высокая стѣна съ каменными башнями; за нею на протяженіи полуружейнаго выстрѣла стлалась небольшая поляна, покрытая бурьяномъ и густымъ виноградникомъ, а далѣе шли лѣсистыя возвышенности. Вся эта мѣстность была наводнена толпами мудира Адалова.

Шварцъ послалъ въ обходъ ея три роты тифлисцевъ. Егеря, объжавъ стѣну, дружно ударили во флангъ горцамъ, но были встрѣчены такимъ жестокимъ огнемъ, преимущественно съ высотъ, откуда непріятель принялъ ихъ, въ свою оче-

редь, во флангъ, что подвинуться впередъ не могли ни на шагъ. Услышавъ за стѣною ожесточенную перестрѣлку и сообразивъ, по прекратившемся тамъ мгновенно нашему „ура“, что тифлисцы приостановили атаку, генераль Шварцъ послалъ на поддержку ихъ три роты мингрельскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Немировича-Данченко. Мингрельцы, вмѣсто того, чтобы пойти по слѣдамъ тифлисцевъ, рѣшили, что лучше сократить путь и выиграть время—и бросились прямо черезъ стѣну, подставляя другъ другу спины. Однимъ изъ первыхъ явился наверху инженеръ штабсъ-капитанъ Каменскій. Увлеченные его отвагою, солдаты быстро заняли все протяженіе стѣны, и еще быстрѣе очутились по ту сторону ея. Раздалось „ура“ нѣсколькихъ передовыхъ молодцовъ, его тотчасъ перехватили по линіи—и закипѣлъ упорный рукопашный бой. Лезгины стойко и самоувѣренно отражали удары штыковъ своими длинными кинжалами, но, охваченные шестью ротами съ двухъ сторонъ, долго держаться не могли и попятались на высоты, скрываясь за деревьями и оттуда поражая нашихъ солдатъ.

Ободренные удачею, мингрельцы собрались, наскоро устроились и двинулись на высоты съ фронта; двѣ роты тифлисцевъ, подъ командою штабсъ-капитановъ Данилова и Яковлева, ударили съ фланга; артилерія наша открыла частую пальбу гранатами, прикрывая наступленіе этихъ пяти ротъ, и наконецъ подполковникъ Колобакинъ повелъ за штурмующими частями половину бывшей въ колоннѣ джаро-лезгинской постоянной милиціи и команду армянъ. Съ трудомъ карабкались наши солдаты на полуотвѣсную крутизну, поражаемые сильнымъ ружейнымъ огнемъ, и если только отвоевывали себѣ безмолвно шагъ за шагомъ, то благодаря лишь артилеріи, которая ободряла и поддерживала ихъ своимъ сильнымъ и меткимъ огнемъ, возмѣщая имъ отсутствіе со стороны атакующихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Мудиръ Адаловъ, какъ видно,

быть вполне увѣренъ, что численность его скопища возьметъ, наконецъ, перевѣсъ, и роты наши будутъ смяты. Вслѣдствіе этого, оставивъ свои пѣшія толпы бороться съ наступавшими, онъ ринулся съ горы со всею своею кавалеріею и бросился колоннѣ въ тылъ. Моментъ былъ роковой—но въ томъ только случаѣ, еслибы штурмующія роты не устояли. Къ счастью, этого не произошло: онѣ были недалеко отъ вершины, и энергія ихъ не умялась, но, напротивъ, росла съ каждымъ шагомъ. Шварцъ, сознавая опасное положеніе колонны, и видя на горѣ позади себя толпы вооруженныхъ жителей, которые любовались боемъ и въ то же время ожидали нашей неудачи, чтобы, въ свою очередь, поддержать непріятеля, приказалъ двумъ ротамъ и командѣ саперъ, бывшимъ въ резервѣ, открыть по кавалеріи Адалова бѣглый ружейный огонь. Но мудиръ быстро приближался подъ градомъ нашихъ пуль и черезъ четыре-пять минутъ долженъ былъ охватить колонну съ тыла. Но въ эту минуту на вершинѣ горы раздалось слабое „ура“. Черезъ мгновеніе оно повторилось сильнѣе — и колонна была спасена: кавалерія Адалова остановилась и затѣмъ быстро повернула назадъ, а высоты уже были окончательно въ нашихъ рукахъ.

Бой продолжался четыре часа. Между стѣною и подошвою горы осталось до шестидесяти непріятельскихъ тѣлъ, большею частью заколотыхъ штыками; нѣтъ сомнѣнія, что отъ дѣйствія артилеріи по высотамъ горцы также понесли потери. У насъ убитъ одинъ офицеръ и 49-ть нижнихъ чиновъ, ранено 42 нижнихъ чина преимущественно кинжалами и пиками. Хотя, такимъ образомъ, побѣда досталась намъ недешево, но она имѣла рѣшающее вліяніе на умы мѣстнаго мусульманскаго населенія—что для насъ было важнѣе всего. О впечатлѣніи же, произведенномъ ею на толпы мудира Адалова, можно судить изъ словъ казачьяго сына Михаила Андреева, бывшего десять лѣтъ въ плѣну у горцевъ и бѣжавшаго

изъ ихъ лагеря на другой день послѣ катехской битвы. При дознаніи онъ показалъ *):

— Послѣ дѣла у Катехъ наибы отступили на горы и тамъ сосчитали свои потери. Они обнаружили, что у нихъ болѣе 60-ти однихъ убитыхъ; раненыхъ анцухцевъ я самъ видѣлъ 13-ть человекъ, но были и другіе. Наибы, помолясь Богу, составили совѣтъ и рѣшили уйти, но бѣлоканцы имъ возразили: „вы пришли только подстрекнуть насъ—и хотите уйти. Если такъ, то мы соберемся и будемъ драться противъ васъ“. Тогда положено -- собраться всѣмъ вмѣстѣ и, пробравшись къ крѣпости (Закаталамъ), съ восходомъ мѣсяца или передъ утреннею зарею, атаковать ее и форштатъ. —

Въ совѣщаніи этомъ участвовало много бѣлоканскихъ старшинъ, среди которыхъ выдѣлялись: мулла Омаръ, Гаджи джарскій, Гаджи-Шабанъ съ сыномъ и другіе; всѣ они сидѣли объ руку съ наибами и закусывали привезенный ими бѣлый русскій хлѣбъ и сыръ. Нѣкоторые же другіе старшины ближайшихъ ауловъ—впрочемъ, кромѣ селенія Катехи—не замедлили прибыть въ лагерь къ Шварцу и принесли ему поздравленіе по случаю побѣды. Какъ ни сомнительны были ихъ увѣренія, но—нечего дѣлать! пришлось принять ихъ за чистую монету.

Рѣшеніе военного совѣта горцевъ состоялось: они вслѣдъ затѣмъ повернули обратно на плоскость, хотя преднамѣренія своего относительно Закаталъ привести въ исполненіе не могли.

Войска наши ночевали на занятыхъ съ бою позиціяхъ. Къ разсвѣту явились въ отрядъ изъ Закаталъ, съ патронными ящиками, двѣ сотни казаковъ донскаго № 28-го полка. Одну изъ нихъ, съ двумя ротами пѣхоты, генераль Шварцъ

*) На этомъ показаніи рукою генерала Шварца написано: „показаніе это заслуживаетъ полнаго вѣроятія“.

ввѣрилъ генеральнаго штаба подполковнику Гродскому и поручилъ ему развѣдать о непріятелѣ и открыть сообщеніе съ Бѣлоканами. Пѣхота дошла до половины дороги отъ Катехъ къ Бѣлоканамъ, казаки прошли далѣе, а развѣздъ лезгинской милиціи вѣзжалъ даже и въ селеніе Бѣлоканы, но нигдѣ непріятели не оказалось. Въ самомъ же селеніи все было спокойно, и жители, подружившіеся съ толпами Адалова, оставались въ своихъ домахъ.

6-го мая, въ поддень, отрядъ возвратился въ Закаталы. Вскорѣ явились туда депутаты отъ бѣлоканскаго общества, прося пощады; но Шварцъ пока не объявилъ имъ окончательнаго рѣшенія.

Положеніе наше въ данный моментъ на лезгинской линіи лучше всего обрисовывается самимъ Шварцемъ, въ письмѣ его, посланномъ изъ Закаталъ 6-го мая на Царскіе-Колодцы къ начальнику 21-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанту Клюки-фонъ-Клугенау, и въ отзывѣ къ помощнику начальника главнаго штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса свиты Его Величества генераль-маіору Гогелю. Первому изъ нихъ онъ писалъ:

„М. Г. Францъ Карловичъ. Положеніе мое было *) и даже еще не кончилось: въ трехъ пунктахъ непріятель спустился—въ Белокана (Бѣлоканахъ), мухахскомъ ущельи и Элису. 4-го мая въ мухахскомъ ущельи непріятель прогнанъ; я тотъ же часъ бросился къ Белоканъ, но меня встрѣтили въ двѣнадцати верстахъ отъ Закаталъ, и 5-го мая я имѣлъ сильное дѣло. Непріятель разбитъ и вогнанъ въ горы. Теперь получилъ донесеніе г. Бюрно, который съ однимъ баталіономъ прибылъ къ Кахамъ; въ Элису сильный непріятель; я сію минуту выступаю. Не смѣю просить васъ, но если есть возможность, то дайте человѣкъ 300 или хотя менѣе. Я не буду медлить и атакую сейчасъ по прибытіи мосмъ, и если, какъ

*) Какъ видно, письмо писано второпяхъ и между словами: „было“ и „и даже“ пропущено, должно быть, слово „трудное“.

говорять, султанъ укрывается въ Элису, то немудрено, что меня и задержатъ, и хищники по дорогѣ отъ Муганло будутъ вредить сильно проѣзжающимъ. P. S. Подъ орудія я забралъ въ Закаталахъ почтовыхъ лошадей“.

Письмо это Клюки-фонъ-Клугенау получилъ на другой день утромъ, но въ немъ почти не нуждался, потому что еще 5-го мая узналъ о вторженіи непріятеля и тотчасъ же выслать въ Закаталы двѣ роты 5-го баталіона тифлискаго полка, съ двумя полевыми орудіями; 7-го же числа онъ двинулъ туда же еще двѣ роты и оставилъ штабъ-квартиру полка только съ музыкантскою и инвалидною командами, да съ людьми, назначенными въ гвардію и образцовый полкъ.

Сообщеніе же къ генералу Гогелю было слѣдующаго содержания:

„По настоящимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ джаро-бѣлоканскаго округа, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, не ожидая разрѣшенія г. главнокомандующаго, приказать 3-му эриванскому карабинерному баталіону двинуться въ кр. Закаталы сколь можно поспѣшнѣе. Теперь каждый день чрезвычайно важень. Горцы, въ необыкновенно большихъ силахъ, спустились вдругъ нѣсколькими ущельями въ округъ подѣ начальствомъ главныхъ наибовъ дагестанскихъ и непрерывно усиливаются партіями съ горъ. А между тѣмъ, округъ и нухинскій уѣздъ, видя слабость нашихъ здѣсь войскъ противъ весьма сильнаго непріятеля, колеблются въ преданности намъ. Мнѣ въ одно время нужно быть всюду, но непрерывныя движенія, бой, воинская осторожность утомляютъ войска и лошадей до крайности, а перемѣнить хотя часть оныхъ для отдыха почти нечѣмъ“.

Получивъ такое тревожное извѣщеніе, генераль Гогель тотчасъ распорядился, именемъ главнокомандующаго, выскою изъ Тифлиса въ Закаталы 3-го баталіона эриванскаго карабинернаго полка, съ ракетною командою, которому, по маршруту, слѣдовало прибыть на мѣсто, форсированнымъ маршемъ, 17-го мая, и сообщилъ генераль-лейтенанту Клю-

ки-фонъ-Клугенау объ отправленіи туда же команды съ крѣпостными ружьями тифлискаго полка.

Хотя эти распоряженія дѣлались, конечно, вполне негласно, чтобы не встревожить умы, и въ официальныхъ бумагахъ начальники частей предупреждались, что усиленіе войскъ на лезгинской линіи вызвано будто бы предстоящею экспедиціею въ горы, но жители даже отдаленныхъ отъ мѣста набѣга деревень знали, что именно дѣлается, были въ необычайной тревогѣ и въ постоянной готовности бросить свои дома, имущество и бѣжать, куда глаза глядятъ. Такая паника происходила собственно не вслѣдствіе нападенія лезгинъ, которое было не ново въ закавказскомъ краѣ, а по случаю слуховъ о Даніельбекѣ и о томъ, что онъ лично руководитъ вторженіемъ. Имя этого человѣка, извѣстнаго своимъ жестокимъ характеромъ и отвагою, а въ особенности неразборчивостью средствъ при достиженіи цѣлей, положительно наводило ужасъ на мирныхъ обитателей плоскости, и это непріятное чувство, при каждомъ воспоминаніи о бывшемъ султанѣ, поддерживалось убѣжденіемъ, что Даніельбекъ раньше или позже долженъ отвоевать себѣ свое султанство и стать грозою надъ нашими головами. Слухи это упорно поддерживались мусульманскимъ населеніемъ края и истекали отъ самого Даніельбека, мечты котораго объ овладѣніи элисуйскими землями были лучшими и завѣтными мечтами, не дававшими ему покоя ни днемъ, ни ночью. Увѣренность мусульманъ въ томъ, что Даніельбекъ отниметъ-таки у насъ свое султанство, была главною причиною того сочувствія и единодушія, которыя оказывали ему жители горнаго магала и джаро-бѣлоканскаго округа, дорожившіе своимъ имуществомъ и благосостояніемъ и избѣгавшіе его мести и кары. Съ русскими они надѣялись поладить всегда, даже разъ и измѣнивъ имъ, потому что знали наше правило—задобривать ихъ и постоянно прощать ихъ вѣроломство; но султану боя-

лись не угодить, потому что, по ихъ убѣжденію, онъ сѣумѣлъ бы всегда розыскать и наказать виновныхъ въ неуступчивости ему, не смотря даже на свое изгнаніе и пребываніе въ горахъ—чему были постоянные примѣры, и что яснѣе всего свидѣтельствовалося теперь отрубленными головами Ханъ-Бабабека, Гаджи-Абаза и другихъ.

Причина, заставлявшая Даніельбека мечтать постоянно о возвращеніи себѣ султанства и побуждавшая его достигнуть этой цѣли при посредствѣ мѣстнаго мусульманскаго населенія, объяснялась весьма просто: потерявъ султанство, Даніельбекъ лишился Колхиды. Наши потомки не повѣрятъ, пожалуй, что горный магалъ (выселенный барономъ Врангелемъ на плоскость въ 1852-мъ году), въ составъ котораго входило и элисуйское приставство, былъ богатѣйшимъ участкомъ въ горахъ Кавказа. Жители его были преимущественно народъ торговый; большая часть изъ нихъ владѣла обширными стадами, и какая нибудь тысяча головъ баранты не считалась даже богатствомъ, а давала только право владѣльцу именоваться зажиточнымъ. Богатымъ считался тотъ, кто имѣлъ двѣ, три, четыре и болѣе тысячъ головъ скота. И не это только имущество обуславливало собою богатство жителей горнаго магала; черезъ пять лѣтъ послѣ описываемаго событія, выселеніе магала доказало намъ воочію, что населеніе его владѣло массою серебра и золота, преимущественно въ монетѣ, которую хранило въ подземельяхъ своихъ сакль, въ глиняныхъ кувшинахъ нерѣдко такого размѣра, что два человѣка съ трудомъ поднимали этотъ кувшинъ. Въ элисуйскомъ участкѣ былъ одинъ изъ обывателей по имени Назыръ, памятный старожиламъ и доселѣ, который получалъ отъ торговли, отъ своихъ имѣній и отъ скота свыше десяти тысячъ годоваго дохода. Этотъ Назыръ измѣнилъ намъ вскорѣ послѣ вторженія Даніельбека и передался на сторону сего послѣдняго, но въ 1846-мъ году явился съ повинною, былъ про-

щенъ и введенъ во владѣніе (подобно тому, какъ и многіе изъ элисуйцевъ) своимъ имѣніемъ. Отсюда становится весьма понятнымъ, отчего Даніельбекъ такъ дорожилъ своимъ бывшимъ владѣніемъ и такъ мечталъ о возстановленіи въ немъ своей власти. Послѣ восьми лѣтъ борьбы съ нами, именно въ 1852-мъ году, видя, что плетью обуха не перешибеть, Даніельбекъ даже согласился вернуться къ намъ съ повинною и имѣлъ объ этомъ секретныя сношенія съ барономъ Врангелемъ, но изъ его желаній ничего не вышло, потому что Шамиль хотя и довѣрялъ ему, но держалъ камень за пазухой и гарантировалъ для себя личность Даніельбека всѣмъ его семействомъ. Оставъ Даніельбекъ Шамиля—и послѣдній въ тотъ же моментъ перерѣзалъ бы всю его семью, которая находилась у него подъ постояннымъ надзоромъ.

Элисуйскимъ султанствомъ и лично Даніельбекомъ, въ бытность его владѣтелемъ, дорожили не только жители горнаго магала, но и всѣ торгующіе армяне джаро-бѣлоканскаго округа и прилегавшаго къ элисуйскому приставству нухинскаго уѣзда: для нихъ, для этихъ торговцевъ, широкая натура свиты Его Величества генералъ-маіора султана Даніеля и его владѣнія были обширнымъ поприщемъ и предметомъ всякой наживы. Многіе изъ нихъ такъ крѣпко и хорошо завязали свои торговые узлы въ султанствѣ, что въ теченіи весьма долгаго времени послѣ 1844-го года не прерывали съ элисуйцами ни торговли, ни денежныхъ сношеній. Однимъ изъ наивыгоднѣйшихъ приемовъ для армянъ-торговцевъ было—*собираніе* въ элисуйскомъ приставствѣ старыхъ *долговъ*, и за это удовольствіе (есть еще налицо живые факты) они готовы были платить лицамъ власти имѣющимъ тысячи и притомъ—золотомъ. Но такъ какъ начальство наше воспретило это *собираніе старыхъ долговъ*, то не каждому изъ торговцевъ удавалось достигнуть своей цѣли. При этомъ собираніи долговъ происходили разныя сцены и исторіи, доходившія даже

до кровопролитія, и среди нихъ неправыми считались по большей части требователи. Элисуйцы, конечно, каждый разъ сообщали о томъ въ горы своему султану, который оттуда надъ виновными изрекалъ свое послѣднее и рѣшительное слово—и слово это было дѣломъ. Въ силу этого, страхъ имени Даниельбека постоянно тяготѣлъ и надъ тѣми нашими мирными торговцами округа и нухинскаго уѣзда, у которыхъ (избѣгая выразиться подлинными словами нашего народнаго баснописца) фізіономія была въ пуху. Поэтому, и слухъ о вторженіи скопищъ Даниельбека произвелъ потрясающее впечатлѣніе на торгующихъ армянъ бѣлоканскаго округа и нухинскаго уѣзда—и не столько съ точки зрѣнія военныхъ операцій, до которыхъ имъ было мало дѣла, сколько въ виду всегда возможнаго суда и расправы.

Первую, ужасную для города Нухи, вѣсть о вторженіи Даниельбека, примчалъ къ уѣздному начальнику, маіору Родзевичу, въ полночь съ 4-го на 5-е число, нарочный, посланный юзбашемъ одной изъ пограничныхъ нижнихъ элисуйскихъ деревень. Извѣстіе было такого рода, что Даниельбекъ „нечаянно“ вторгся въ Элису и занялъ нѣкоторыя деревни, и что многіе изъ тамошнихъ жителей начали перевозить свои семейства и имущество въ верхніе деревни нухинскаго уѣзда. Маіоръ Родзевичъ тотчасъ же послалъ нухинскаго участкаго засѣдателя титулярнаго совѣтника Альмова узнать, справедливо ли все это.

Между тѣмъ, едва разсвѣло—имя Даниельбека моментально облетѣло всю Нуху. Суматоха повсюду, толкотня на улицахъ отъ поспѣшныхъ сборовъ куда-то и зачѣмъ-то, вой бабъ, крикъ ребятишекъ, пользовавшихся случаемъ предоставить практику своей глоткѣ, все смѣшалось въ невообразимый хаосъ. Торгующее христіанское населеніе или запирало свои лавки на десять замковъ, или выносило товары и припрятывало въ потаенныя мѣста, или складывало ихъ на арбы, го-

това заблаговременно къ отправленію въ болѣе безопасныя пункты. Общая паника увеличилась еще болѣе, когда отъ Альмова прилетѣлъ нарочный и привезъ свѣдѣніе, что Даніельбекъ привелъ съ собою до двѣнадцати тысячъ человекъ и намѣренъ у насъ распорядиться, какъ у себя дома.

Когда первоначальное извѣстіе подтвердилось, нухинскій уѣздный начальникъ приказалъ жителямъ верхнихъ деревень, смежныхъ съ элисейскими владѣніями, занять сильными караулами всѣ дороги, ущелья и другіе удобопроходимые пункты—чтобы воспрепятствовать мелкимъ шайкамъ горцевъ безнаказанно врываться въ уѣздъ; впереди города, на десять верстъ въ окружности, онъ выставилъ также караулы и выслалъ разъѣзды; затѣмъ, разослалъ во всѣ концы нарочныхъ и предписалъ подчиненнымъ ему полицейскимъ властямъ призвать къ оружію народную милицію и собрать ее къ 9-му мая въ количествѣ четырехъ тысячъ человекъ; наконецъ, казаковъ нухинскаго поста началъ переводить въ крѣпость, и гарнизону, состоявшему изъ двухъ ротъ линейныхъ №№ 6-го и 7-го баталіоновъ, въ числѣ 350-ти человекъ, на ночь велѣлъ оставаться въ готовности на валу.

6-го числа въ Нуху прибыла часть казаковъ изъ Кара-Агача, и это нѣсколько ободрило жителей, хотя до полного успокоенія ихъ было далеко, потому что тревожныя вѣсти не прерывались. Значительная часть армянскаго населенія искала убѣжища въ укрѣпленіи и была препровождаема туда и размѣщаема тамъ съ пяти часовъ вечера до полуночи. Только на другой день, послѣ полученія ночью отъ генерала Шварца свѣдѣнія, что онъ поразилъ горцевъ у селенія Катехи и идетъ теперь съ войсками въ Кахъ и Элису, городское населеніе уюмонилось и пришло въ себя, а уѣздный начальникъ вслѣдъ затѣмъ донесъ непосредственно главнокомандующему, что оно „въ хорошемъ расположеніи духа“.

Сообразно задачѣ генерала Шварца — съ возможною

быстротою являться на разныхъ пунктахъ, противодѣйствуя горцамъ, вліять этимъ на поддержаніе преданности къ намъ мѣстнаго населенія, Даніельбекъ, съ своей стороны, подвигалъ партіи то туда, то сюда и разсылалъ мелкія шайки для тревогъ и грабежей—благо, что скопища его постоянно усиливались прибывавшими изъ Дагестана толпами и постепенно возросли, дѣйствительно, до десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ; кромѣ того, были и два орудія, которыя онъ приберегалъ на крайній случай въ резервъ, расположенномъ въ трупобахъ, за селеніемъ Элису; самъ же, оставаясь въ своей бывшей резиденціи, и ожидая тамъ съ новыми подкрѣпленіями еще и Хаджи-Мурата, оттуда руководилъ дѣйствіями своихъ отрядовъ и на плоскость не выходилъ—что отчасти столько же вредило ему, сколько благопріятствовало намъ, потому что жители, да и самая войска его, не видя своего главнаго и суроваго, въ ихъ глазахъ, руководителя, были не настолько энергичны, какъ бы этого слѣдовало отъ нихъ ожидать.

Однако, не взирая и на это, генералу Шварцу, съ его маленькимъ отрядомъ, становилось съ часу на часъ не легче, и еслибы не явился вовремя и не поддержалъ генералъ Бюрно, который снялъ значительную часть заботъ съ Шварца, то послѣдній едва ли на этотъ разъ управился бы съ своимъ соперникомъ, тѣмъ болѣе, что затребованный имъ въ подкрѣпленіе баталіонъ эриванцевъ долженъ былъ подойти еще не скоро.

Генералу Бюрно пришлось дѣйствовать совершенно самостоятельно и только лишь сообразно съ дѣйствіями генерала Шварца. Онъ получилъ извѣстіе о появленіи Даніельбека 5-го мая, въ шесть часовъ утра, и тотчасъ сталъ готовиться къ выступленію. Сосредоточивъ въ селеніи Башъ-Гейнухъ *)

*) Черезъ 3—4 дня сюда же явилось 300 человѣкъ милиціи, собранной гейнухскимъ старшиною.

палатки, офицерскія, солдатскія и всякія прочія тяжести, провіантъ и порохъ, подъ прикрытіемъ третьей роты тифлискаго полка (штабсъ-капитана Семенова), Бюрно снялъ съ работъ остальные три роты перваго баталіона и команду саперъ и въ полдень двинулся съ ними налегкахъ, форсированнымъ маршемъ, въ элисуйское ущелье, не упустивъ снабдить людей четырехдневнымъ провіантомъ. Въ девять часовъ вечера того же дня онъ прибылъ въ укрѣпленіе Кахъ и засталъ тамъ уже четыре сотни № 28-го полка, въ составѣ 263-хъ человѣкъ; онъ ихъ примкнулъ къ своей колоннѣ и здѣсь остался, потому что укрѣпленіе, оборона котораго состояла изъ одной роты и двухъ крѣпостныхъ орудій, давало ему возможность устоять съ своими малыми силами противъ непріятеля, еслибы послѣдній рѣшился атаковать его даже всѣмъ своимъ многочисленнымъ скопищемъ.

Даніельбекъ же, съ тремя тысячами муридовъ, занималъ въ это время селеніе Элису и его окрестности. Предполагая, что Кахъ не занятъ еще нашими войсками, и желая въ этомъ убѣдиться, онъ отправилъ 6-го мая, на разсвѣтѣ, часть своихъ силъ, подъ начальствомъ Богарчи, на рекогносцировку къ Каху и Куму—съ тѣмъ, что, если удастся и препятствія не будетъ, атаковать первый изъ этихъ пунктовъ. Къ счастью, Бюрно весьма своевременно получилъ свѣдѣніе объ этомъ движеніи и тотчасъ выступилъ съ тремя ротами въ низовье элисуйскаго ущелья, гдѣ дорога раздваивается на Кахъ и Кумъ, и тамъ занялъ позицію—не столько для боя, сколько для того, чтобы слѣдить за направлениемъ горцевъ. а командира саперной роты капитана Корганова, съ казаками и саперами, послалъ для наблюденія въ кумское ущелье. Богарчи, приблизясь къ выходу ущелья и увидѣвъ, что Даніельбекъ, предполагавшій укрѣпленіе Кахъ свободнымъ, ошибся въ своихъ расчетахъ, повернулъ окольными тропами, по горамъ, на селеніе Кумъ, сдѣлавъ лишь издали по на-

правленію къ кахскому укрѣпленію нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ встрѣчи противниковъ не произошло. Вслѣдъ затѣмъ, Бюрно получилъ извѣстіе отъ Шварца, что онъ прибудеть къ нему въ укр. Кахъ. Имѣя полную надежду, что въ этомъ случаѣ Даніельбекъ на другой день отступитъ изъ Элису, генераль Бюрно снялъ части своего отряда съ занятыхъ ими позицій и скрытно возвратился въ укрѣпленіе, желая на утро занять ахчайское ущелье и пересѣчь, такимъ образомъ, отступление горцевъ.

Но обстоятельства сложились нѣсколько иначе.

Генераль Шварцъ, поразивъ непріятеля у Катехи и отнявъ у жителей бѣлоканскаго участка всякую надежду на успѣхъ ихъ при общемъ возстаніи, долженъ былъ какъ можно скорѣе направляться прямо въ Элису, потому что населеніе горнаго магала, и въ особенности элисуйскаго участка, съ каждою минутою все ближе льнуло къ Даніельбеку, и убѣжденія нѣкоторыхъ преданныхъ намъ бековъ теряли уже свою силу надъ народомъ. Къ довершенію же нашего и безъ того крайняго положенія, нухинская милиція, собранная въ числѣ четырехъ тысячъ собственно для угрозы непріятелю со стороны элисуйскаго участка, не захотѣла охранять уѣзда, а тѣмъ болѣе воевать за насъ, и большею частью разбѣжалась. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, генераль Шварцъ, давъ знать нухинскому уѣздному начальнику, чтобы онъ не отягощалъ нашего и безъ того серьезнаго положенія столь значительнымъ числомъ вполнѣ бесполезныхъ милиціонеровъ, приказалъ ему ограничиться тысячью человекъ наиболее надежныхъ. 6-го мая, по отправленіи къ Бюрно извѣстія о намѣреніи быть въ Кахъ, онъ двинулся на Элису, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить непріятеля гдѣ бы то ни было, разгромить его еще разъ и тѣмъ повернуть расположеніе элисуйскихъ умовъ хотя навремя въ нашу сторону, удержавъ жителей отъ окончательнаго и поголовнаго соединенія съ не-

пріятелемъ. У генерала Шварца было девять ротъ пѣхоты, команда саперъ въ 50-ть человекъ, двѣ сотни казаковъ, два горныхъ и два легкихъ орудія, изъ которыхъ одно слѣдовало на почтовыхъ лошадяхъ. На походѣ онъ присоединилъ къ отряду только-что прибывшія изъ Царскихъ Колодцевъ два легкихъ орудія 21-й артилерійской бригады и взводъ крепостныхъ ружей тифлискаго полка. Высланныя оттуда же двѣ роты 5-го баталіона тифлискаго полка вечеромъ прибыли въ Закаталы.

Генераль же Бюрно, не имѣя никакихъ извѣстій изъ Элису и не получая ихъ болѣе отъ Шварца, 7-го мая, на разсвѣтѣ, занялъ позицію противъ ахчайскаго ущелья. Чтобы узнать, занято ли оно непріятелемъ, онъ послалъ для рекогносцировки капитана Корганова, съ тремя сотнями казаковъ. Коргановъ быстро и смѣло дошелъ почти до самой деревни Ахтычай; непріятельскихъ партій онъ не встрѣтилъ, но успѣлъ захватить болѣе двухъ тысячъ барановъ, которые были отняты горцами у окрестныхъ жителей и приготовлены для угона въ горы.

Генераль Бюрно не сомнѣвался, что Богарчи отступилъ изъ с. Кума на с. Сарубашъ. Нимало не медля, онъ двинулся въ Элису и, сбивъ по пути нѣсколько наблюдательныхъ лезгинскихъ пикетовъ, въ девять часовъ утра безъ выстрѣла вошелъ въ это селеніе, но засталъ его совершенно пустымъ.

Одновременно съ этимъ и генераль Шварцъ, переночевавъ съ 6-го на 7-е мая въ мухахскомъ ущельи и убѣдясь, что по близости непріятеля нѣтъ, на другой день присоединилъ къ себѣ бывшія тамъ двѣ роты 2-го баталіона тифлискаго полка и двинулся на с. Кумъ, чтобы вытѣснить оттуда Даніельбека; но, конечно, его тамъ уже не засталъ: оказалось, что онъ направился къ мухахскому ущелью. Тогда, для прикрытія выхода изъ него, онъ двинулъ обратно баталіонъ пѣхоты, съ двумя горными орудіями и полусотнею казаковъ,

подъ командою маіора Мезерцова, а остальные войска при- держаль въ кумскомъ ущельи. Ночью онъ получилъ извѣстіе, что Адаловъ и мулла Шабанъ, усиленные партиёю изъ Джур- мута, вновь спустились съ горъ по катехскому ущелью и, занявъ селеніе Катехи, съ угрозою требовали возстанія жителей. Катехцы не замедлили большею частью присоединиться къ непріятелю; примѣру ихъ послѣдовали Бѣлоканы, Мапехи, Таначи и прочія окрестныя селенія (кромѣ селенія Талы), жители которыхъ, не видя вблизи нашихъ войскъ, заколеба- лись и на народныхъ сходкахъ шумно заговорили о возстаніи подобно катехцамъ; немногіе почетные и болѣе благоразумные люди кое-какъ сдерживали порывы фанатиковъ, остававшихся вслѣдствіе этого пока въ нерѣшимости, но такое состояніе долго продолжаться не могло и, при малѣйшемъ неблагопріят- номъ для насъ слухѣ, эти немногія преданныя намъ лица не могли бы уже болѣе осиливать общаго заблужденія. Такихъ свѣдѣній было весьма достаточно, чтобы генералу Шварцу измѣнить свои намѣренія: отозвавъ въ ту же минуту части войскъ, посланныя въ мухасское ущелье, онъ, по прибытіи ихъ, оставивъ на мѣстѣ, въ распоряженіи генерала Бюрно, двѣ роты тифлискаго полка, взводъ крѣпостныхъ ружей и одно легкое орудіе, самъ, съ остальными войсками, 8-го мая двинулся въ Закаталы. Сообщивъ обо всемъ вышеприведенномъ генералу Бюрно, который получилъ это увѣдомленіе въ часъ пополудни, Шварцъ предоставилъ его непосредственному усмотрѣнію оборону всего элисуйскаго участка и просилъ, если окажется возможнымъ, прикрыть все протяженіе отъ сел. Кахъ до сел. Зарна.

Оставаясь въ Элису, генераль Бюрно не имѣлъ ника- кихъ извѣстій о непріятелѣ; элисуйскіе же жители, укрывав- шіеся большею частью въ Сарубашѣ, а нѣкоторые въ раз- ныхъ труппахъ, домой не возвращались. Чтобы понудить ихъ занять свои дома, Бюрно, оставивъ отрядъ въ Элису,

двинулся къ Сарубашу съ одною ротою пѣхоты и сотнею казакѣвъ и занялъ позицію противъ этого селенія. Отсюда онъ далъ знать укрывавшимся жителямъ, что если они не явятся назадъ, то селеніе ихъ будетъ разорено до основанія. Эта угроза подѣйствовала, и около полтора ста семействъ вышли съ повинною. Возвратившись съ ними въ Элису, онъ объявилъ старшинамъ, что обезпеченіе спокойствія жителей будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго ихъ поведенія. Подъ вліяніемъ этого условія, жители изъявили совершенную покорность, и только одно населеніе верхняго магала все еще скрывалось пока въ ущельи, преимущественно у источника минеральныхъ водъ *).

Послѣ этого нужно было позаботиться о Даніельбекѣ. Утромъ 9-го мая генераль Бюрно отрядилъ, съ двумя ротами и командою саперъ, маіора тифлискаго полка Семенова къ селенію Сарубашъ и приказалъ ему объявить жителямъ, что если они не откроютъ мѣстопробываніе непріятели, то будутъ разорены; командиру же 1-й егерской роты штабсъ-капитану Кононовичу онъ велѣлъ отбить скотъ, принадлежащій жителямъ верхнихъ магаловъ. Не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ Семеновъ донесъ, что Даніельбекъ находится въ деревнѣ Сувагиль, и узнавъ объ удаленіи войскъ генераль-лейтенанта Шварца, намѣревается напасть на малочисленный кахскій отрядъ. Ночью свѣдѣнія были болѣе серьезныя и обстоятельныя: наибъ мукарскій Гусейнъ стоялъ въ Гильмецѣ съ тысячною партіею, готовый выступить по первому указанію Даніельбека; наибъ Хаджи-Ягья съ такими же силами находился въ Цохурѣ, а еще другіе два наиба быстро собирали толпы въ Михахѣ, Мишлешѣ (Мышлишѣ) **) и Башъ-Дженихѣ. Чтобы воспрепятствовать соединенію этихъ силъ съ Да-

*) Сѣрный ключъ въ ущельи Амамъ-дара, идущемъ отъ сел. Элису на востокъ.

**) Оба аула на сѣверо-западъ отъ Гильмеца, по рѣчкѣ Дюльты-чай.

нѣльбекомъ, генераль Бюрно тотчасъ отправилъ маіора Воронченко, съ двумя ротами 2-го баталіона тифлискаго полка, однимъ легкимъ единорогомъ и тремя сотнями казаковъ, въ элисуйское ущелье, приказавъ ему занять позицію выше моста и прикрыть движеніе отряда въ Сарубашъ—на случай, еслибы непріятель рѣшился атаковать маіора Семенова, находившагося въ Сарубашѣ съ первою егерскою ротою тифлискаго полка.

Но Даніельбекъ въ Сувагилѣ долго не оставался. 11-го мая, до разсвѣта, онъ выступилъ оттуда и, переправившись черезъ рѣчку Шайтанъ, спустился горными тропами въ джароблоканскій округъ и занялъ селеніе Зарна *). Получивъ объ этомъ извѣстіе въ два часа пополудни, Бюрно тотчасъ отозвалъ маіора Семенова въ с. Элису, и въ семь часовъ вечера сосредоточилъ весь отрядъ въ элисуйскомъ ущельи, у моста. Погода была въ высшей степени неносная: дождь и снѣгъ не переставали съ утра, и на людяхъ не было сухой нитки. Понятно, съ какимъ неописаннымъ удовольствіемъ они, по занятіи позиціи, тотчасъ сгруппировались у громаднхъ костровъ, для которыхъ не пожалѣли вѣковаго чинара, тутъ же предложившаго имъ свои обильныя услуги. Эти костры, между прочимъ, оказали намъ весьма важную услугу еще и въ томъ отношеніи, что преданные Даніельбеку ахчайцы и элисуйцы не замедлили дать знать ему, что отрядъ расположился въ ущельи ночевать, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого вовсе не случилось: Бюрно поднялъ свои войска въ одиннадцать часовъ ночи и къ разсвѣту 12-го мая былъ въ с. Лякитъ (въ трехъ слишкомъ верстахъ отъ Зарна). Деревня эта оказалась пустою. Передовые посты мюридовъ занимали высоты между Лякитомъ и Зарна.

Давъ войскамъ перевести духъ, Бюрно двинулъ ихъ впе-

*) Зарна находится на линіи, почти на половинѣ дороги между сс. Кумъ и малый Мухахъ.

редѣ. Подойдя къ Зарна, онъ увидѣлъ, что непріятель торопливо устроивалъ тамъ завалы по всѣмъ улицамъ, открывавшимъ ходъ въ глубину деревни. Опасаясь, чтобы, при нашемъ приближеніи, непріятель не бросилъ своей позиціи и не ускользнулъ бы изъ нашихъ рукъ, Бюрно, нимало не медля, пустилъ на него въ атаку всѣхъ казаковъ, подъ командою капитана Корганова. Казаки, съ пиками на перевѣсъ, помчались съ мѣста въ карьеръ и, не обращая вниманія на жестокий ружейный огонь изъ аула, перескочили черезъ недостроенные завалы и ураганомъ накинудись на горцевъ. Позади ихъ бѣглымъ шагомъ слѣдовали 1-я и 2-я егерскія роты тифлискаго полка, подъ командою маіора Семенова; остальные части отряда заняли позицію на полуружейный выстрѣлъ отъ деревни. Подъ молодецкимъ ударомъ казаковъ, руководимыхъ Коргановымъ и отважнымъ есауломъ Каргашевымъ, мюриды моментально разсыпались по всѣмъ направленіямъ, ища спасенія въ бѣгствѣ; подоспѣвшая пѣхота довершила пораженіе—и скопище Даніельбека безъ оглядки бросилось въ горы, напутствуемое сильнымъ огнемъ взвода крѣпостныхъ ружей.

Даніельбекъ, окруженный толпою мюридовъ, стоялъ на опушкѣ лѣса, съ правой стороны деревни, и смущенный такою быстрою и неожиданною податливостію своихъ воиновъ, видимо находился въ нерѣшимости относительно того, что ему предпринять. Когда же онъ увидѣлъ, что деревня опустѣла, и толпы его ни удержать, ни возвратить невозможно, то повернулъ коня и, послѣдній изъ всѣхъ, поскакалъ за своею бѣжавшею ратью. Въ это время казаки, выбивъ горцевъ изъ деревни, были на краю ея. Сотникъ Кирсановъ, находившійся впереди, увидѣвъ отступавшую со значкомъ партію, но не предполагая, чтобы въ средѣ ея былъ Даніельбекъ, съ нѣсколькими десятками бывшихъ при немъ казаковъ пустился вслѣдъ за нею. Благодаря пересѣченной мѣстности, которая мѣшала горцамъ ускорить ходъ, Кирсановъ, не щадя казачь-

ихъ лошадей, нагналъ партію, пиками проложилъ себѣ дорогу къ передовымъ мюридамъ и, изрубивъ одного изъ нихъ, державшаго значекъ, вырвалъ у него этотъ трофей.

Бой былъ конченъ; пораженіе горцевъ было рѣшительное; они оставили на мѣстѣ 23 тѣла и, кромѣ того, имѣли не мало и раненыхъ, которые, однако, успѣли ускакать. Быстрота атаки была причиною нашей незначительной потери: у насъ оказалось только пять раненыхъ казаковъ и до десяти убитыхъ лошадей; послѣднія были пополнены лошадьми отбитыми у мюридовъ.

Къ вечеру, для избѣжанія напрасной потери, отрядъ отодвинулся отъ деревни на два ружейныхъ выстрѣла; впрочемъ, это не обезпечивало его отъ покушеній непріятеля, который изрѣдка поддерживалъ перестрѣлку до утра.

Едва разсвѣло, генералу Бюрно дали знать, что транспортъ провіанта, приготовленный жителями низменныхъ деревень для мюридовъ, находится въ лѣсу и выжидаетъ удобной минуты для выступленія по назначенію. Онъ тотчасъ послалъ сотника Язьева, съ двумя сотнями казаковъ, отбить этотъ транспортъ. Язевъ безъ труда исполнилъ порученіе и, нѣсколько часовъ спустя, доставилъ до восьмидесяти пудовъ муки. Это приобрѣтеніе для отряда было очень кстати, потому что у него не было уже провіанта. Необходимость снабдить имъ части войскъ заставила генерала Бюрно на другой же день отступить къ селенію Кумъ. Здѣсь онъ получилъ свѣдѣніе отъ кумскаго старшины, выѣжавшаго изъ плѣна, что Даніельбекъ, оставивъ Сувагиль, перешелъ въ верхній Дженихъ. Это обстоятельство, въ связи съ появленіемъ холеры въ окрестностяхъ и въ с. Кахъ, гдѣ уже было два смертныхъ случая, побудило генерала Бюрно, 16-го мая, просить Шварца о дозволеніи ему возвратиться въ шинское уцелье.

Генераль Шварцъ, прибывъ 8-го мая въ Закаталы, послалъ оттуда, съ своимъ адъютантомъ поручикомъ Гамалеемъ,

къ помощнику начальника главнаго штаба Гогелю краткое, наскоро написанное свѣдѣніе о состояніи дѣлъ въ округѣ, и въ немъ заявилъ, что Гамалей дастъ подробныя объясненія въ словесномъ докладѣ, потому что онъ не имѣетъ свободной минуты, чтобы подробно изложить происшествія, случившіяся въ последнее время. Въ запискѣ своей къ Гогелю, Шварцъ, между прочимъ, въ двухъ словахъ обрисовывалъ свое положеніе: „оно тѣмъ болѣе затруднительное, сообщаетъ онъ, что непріятель появился на всѣхъ проходахъ съ горъ, начиная отъ Элису до Бѣлоканы; но войска, не смотря на крайнюю усталость, бодры и въ духѣ, свойственномъ русскому солдату“.

Записку свою Шварцъ заключилъ слѣдующими словами:

„Сегодняшній день долженъ пояснить всѣ обстоятельства бѣлоканскаго округа. Просить усиленія отряда, я знаю, что будетъ несвоевременно, но не менѣе того я бы просилъ, въ предосторожность, двинуть хоть одинъ баталіонъ на лѣвый флангъ въ укр. Кварели“.

Переночевавъ въ Закаталахъ, Шварцъ 9-го мая двинулся, съ тремя баталіонами, тремя сотнями казаковъ и пятью орудіями, въ с. Катехи, чтобы подавить разгоравшееся тамъ волненіе. По прибытіи туда, онъ увидѣлъ, что непріятель владѣлъ всѣмъ селеніемъ и главнымъ образомъ утвердился въ верхней части его, въ узкомъ и крѣпкомъ ущельи. Лишь только войска подошли на дальній ружейный выстрѣлъ, изъ селенія вынеслось два или три десятка ружейныхъ пуль; на встрѣчу же отряду, какъ бы слѣдовало ожидать, не явился ни одинъ изъ катехцевъ. Это доказывало, что Шабанъ и Адаловъ достигли своей цѣли и успѣли склонить на свою сторону всѣхъ жителей. При такомъ условіи, снисхожденіе относительно сихъ послѣднихъ представлялось совершенно лишнимъ, и генераль Шварцъ велѣлъ открыть артилерійскій огонь хотя по непріятельской позиціи, но не разбирая и жилищъ катехцевъ. Спустя полчаса, горцы оставили свою позицію и скрылись въ самыхъ дальнихъ частяхъ ущелья. Отрядъ распо-

жился лагеремъ противъ Катехи и здѣсь заночевалъ. У насъ выбыло изъ строя двое раненыхъ нижнихъ чиновъ; катехцы же потеряли 15-ть человѣкъ убитыми. Уронъ непріятеля неизвѣстенъ.

Послѣ этого небольшого дѣла, мусульманское населеніе окрестныхъ къ Закаталамъ деревень, убѣдившись окончательно въ вездѣсущіи нашихъ войскъ, не посмѣло болѣе возставать противъ насъ открыто, хотя безмолвно, конечно, и тяготѣло къ своему Даніельбеку. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Шварцъ достигъ своей цѣли и, кромѣ того, значительно выигралъ время, необходимое для усиленія его слабаго отряда, такъ какъ 9-го мая прибыли въ Закаталы вытребованныя имъ остальные двѣ роты, съ учебною командою тифлискаго полка, одно легкое орудіе 21-й артилерійской бригады и взводъ боевыхъ ракетъ, а на другой день—дивизионъ горныхъ орудій 21-й артилерійской бригады. Независимо того, благопріятный для насъ среди значительной части населенія поворотъ ободрилъ разбѣжавшихся нухинскихъ милиціонеровъ, которые собрались въ числѣ тысячи слишкомъ человѣкъ и были расположены на границѣ уѣзда для наблюденія за мелкими партіями.

Приведя, такимъ образомъ, къ болѣе или менѣе благополучному состоянію одну половину дѣла, генераль Шварцъ могъ теперь сосредоточеннѣе отнестись къ другой, именно—къ Даніельбеку и его партіямъ, усиленнымъ жителями верхняго магала и меньшею частью низменныхъ селеній. Всѣ они еще пока не давали повода думать, что намѣрены оставить насъ въ покоѣ; напротивъ, Даніельбекъ какъ бы все упряме преслѣдовалъ свою задачу и, нимало несконфуженный неудачами, видимо надѣялся на измѣненіе обстоятельствъ въ его пользу. Съ главными своими силами онъ находился въ глубинѣ мухахскаго ущелья, а отдѣльныя партіи его рыскали по всѣмъ направленіямъ въ низменностяхъ округа. Имъ чрезвы-

чайно благоприятствовала дикая и лѣсистая мѣстность, съ ея болотами и недоступными балками, которая въ то же время для нашихъ дѣйствій представляла всѣ невыгоды. Въ интересномъ, по поводу этого, собственноручномъ письмѣ генерала Шварца отъ 11-го мая, въ 8-мь часовъ утра, изъ Закаталъ, составляющемъ цѣнный для описываемаго періода документъ, находимъ слѣдующее чистосердечное его сознаніе, проливающее все болѣе яркій свѣтъ на событія того времени:

„Изъ бѣлоканскаго округа я никакъ не могу выбить непріятеля. Куда бы ни двинуль отрядъ — хищники скрываются; отрѣзать имъ проходы въ горы невозможно; это бы значило совершенно раздробить отрядъ — и все бесполезно: непріятель скроется въ лѣса, и жители нетолько будутъ его кормить, но и присоединятся къ нему. Отрѣзать проходы легко на лѣвомъ флангѣ (въ верхней Кахегіи); тамъ непріятель долженъ бы былъ погибнуть, потому что не имѣлъ бы мѣста укрываться. Но въ бѣлоканскомъ округѣ лучшее средство выгнать его, еслибы князь Аргутинскій могъ сдѣлать движеніе черезъ рысурскій (дусраратскій) магаль къ Арчи-дагу. Это единственная дорога къ отступленію. Я писалъ обо всемъ къ князю Аргутинскому, но не знаю, дошло ли ему это свѣдѣніе, ибо посланный еще не возвращался.

„До сей поры важнаго ничего нѣтъ; отряды въ Элису, противъ с. Кумъ, въ мухахскомъ ущельи и около сел. Катехи, близъ Закаталъ, стоятъ и изрѣдка на показавшихся дѣлаютъ по нѣсколько выстрѣловъ. Вслѣдъ засимъ я приплю полное донесеніе: до сей поры я рѣшительно не имѣлъ времени писать, а главное — и не хотѣлъ встревожить всѣми слухами и донесеніями, къ которымъ я привыкъ и цѣну имъ знаю.

„Я сію минуту ѣду въ Мухахъ, но повторяю просьбу мою: никакимъ слухамъ не вѣрять, кромѣ моихъ донесеній. Я надѣюсь, что скоро совершенно успокоится все“.

Генераль Шварцъ, отправивъ это письмо, располагалъ тотчасъ же ѣхать въ мухахское ущелье, потому что, командировавъ туда наканунѣ изъ Катехъ командира тифлисскаго

полка полковника Волоцкого, съ четырьмя ротами пѣхоты, двумя сотнями казаковъ, двумя горными орудіями и взводомъ боевыхъ ракетъ, рассчитывалъ получить отъ него достовѣрныя свѣдѣнія о мѣстѣ нахождения Даниельбека. Но лишь только онъ собрался садиться на лошадь, какъ новое свѣдѣніе остановило его и заставило взглянуть на все дѣло значительно серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ до сихъ поръ. Свѣдѣніе это касалось прибытія изъ Дагестана въ помощь султану отважнаго Хаджи-Мурата, и Шварцъ, въ дополненіе къ приведенному выше письму, сообщилъ тотчасъ же въ Тифлисъ генералу Гогелю слѣдующее:

„До сихъ поръ я старался сколь можно менѣе тревожить пачальство и надѣялся кончить дѣло войсками, находящимися въ моемъ распоряженіи; но теперь полученное извѣстіе о прибытіи Хаджи-Мурата въ Джурмутъ и о скоромъ его прибытіи въ самый округъ заставило меня написать сигналахскому уѣздному начальнику, чтобы онъ, не теряя времени, собралъ сколь можно болѣе милиціи и шелъ въ Закаталы.... Прошу, если возможно, ускорить движеніе карабинернаго эриванскаго баталіона“.

Такимъ образомъ, теперь только выяснилось, почему Даниельбекъ продолжалъ оставаться въ верхнемъ магалѣ, и какія именно онъ лелѣялъ розовыя надежды насчетъ будущаго. Прибытіе наѣздника Хаджи-Мурата, а съ нимъ вмѣстѣ или вслѣдъ за нимъ и новыхъ скопищъ изъ Дагестана, безъ которыхъ ему не было смысла появляться на линіи, окончательно, такъ сказать, вскрыло Шварцу тайну поведенія султана. При такихъ обстоятельствахъ, только беззавѣтная рѣшимость, крайняя быстрота дѣйствій и еще хотя бы одинъ сильный и чувствительный ударъ могли спасти насъ отъ массы новыхъ затрудненій. Въ этомъ еще болѣе убѣдило Шварца донесеніе полковника Волоцкого, полученное имъ съ наступленіемъ ночи, 11-го же числа. Волоцкой увѣдомлялъ, что, двинувшись въ тотъ день утромъ вверхъ по мухахскому ущелью, онъ узналъ, что сильное непріятельское скопище, соединив-

шись съ жителями ближайшихъ селеній, укрѣпилось въ деревнѣ Чардахлы. Волоцкой явился туда, чтобы его атаковать, но съ перваго же шага убѣдился, что силы его для этого недостаточны, и атака будетъ рискованною; поэтому, ограничился дѣйствіемъ артилеріи и ожидалъ присылки подкрѣпленій.

Волоцкой еще не зналъ, что это за скопище, съ которымъ столкнула его судьба; но Шварцъ догадался, что оно ничто иное, какъ тѣ именно главныя силы Даніельбека, отъ пораженія которыхъ зависитъ теперь весь исходъ дѣла и благополучіе округа. Соображенія его вполнѣ подтверждались, когда за полночь онъ получилъ второе донесеніе Волоцкого, что въ селеніи Чардахлы утвердился самъ Даніельбекъ и, какъ видно, не намѣренъ уступить его очень легко, тѣмъ болѣе, что всѣ жители стали на его сторону.

Къ сожалѣнію, Шварцъ не могъ двинуться тотчасъ же, потому что тальская рѣчка, отъ сильнаго дождя, не переставшаго цѣлые сутки, разлилась донельзя, и переправа была невозможна; поэтому, съ большею частью отряда онъ выступилъ только 13-го числа, когда, послѣ угомонившагося дождя, вода значительно спала, и, спустя нѣсколько часовъ, явился у Чардахлы.

Селеніе это было расположено у подошвы лѣсистыхъ высотъ и на протяженіи полуторы версты скрывалось въ густыхъ садахъ, изрѣзанныхъ оврагами. Сады эти были обнесены остатками каменныхъ стѣнъ, служившихъ заборами, и прочными завалами; сакли и нѣсколько крѣпкихъ баненъ, всѣ построенныя преимущественно изъ плитнаго камня, грозно и мрачно смотрѣли впередъ своими темными бойницами и амбразурами; дно ущелья противъ селенія было ровное, каменистое и весьма широкое. Вообще, лучшей оборонительной позиціи для непріятеля трудно было и желать, и онъ имѣлъ полное право надѣяться, что она скоро и легко взята не будетъ.

Къ нашему удовольствію, вышло совсѣмъ напротивъ.

Бой у Чардахлы является весьма характернымъ и заслуживающимъ особаго историческаго значенія, потому что былъ разыгранъ, такъ сказать, по нотамъ и, какъ слѣдуетъ заключить по его исходу, не могъ не удивить противника своею методичностью и строгою послѣдовательностью.

Генераль Шварцъ подвелъ войска къ селенію на пушечный выстрѣль и тутъ устроилъ ихъ въ боевой порядокъ—въ двѣ линіи съ резервомъ. Отправивъ въ обходъ селенія двѣ сотни казаковъ и конвойную команду изъ туземцевъ, онъ разтавилъ семь орудій на возможно широкіе интервалы и велѣлъ имъ, а также взводу боевыхъ ракетъ, открыть огонь по передовымъ заваламъ и толпамъ непріятеля. Каждое орудіе, установивъ для себя особую цѣль, мѣрно, не спѣша, начало отправлять по назначенію снарядъ за снарядомъ. Эта спокойная стрѣльба дала возможность поражать непріятеля весьма удачно, и ни одинъ выстрѣль не прошелъ безъ того, чтобы въ толпахъ его не обнаружилось колебанія и поспѣшнаго передвиженія съ одной стороны въ другую. Замѣшательство непріятеля, возраставшее съ минуты на минуту, обнаруживалось постепенно усиливавшеюся ружейною пальбою, которая видимо производилась впопыхахъ и наудачу, потому что пули не только достигали до нашей артилерійской позиціи, но падали даже въ резервъ—и всетаки не приносили никому вреда. Горцы показали себя вполне молодцами, потому что цѣлый часъ держались упорно и не сдали ни одного шага, но, наконецъ, имъ стало не въ мочь, и большая часть изъ нихъ скрылась за стѣнами, оставивъ въ завалахъ однихъ только мюридовъ.

Въ то время обходныя сотни показались на флангѣ непріятеля. Признавъ этотъ моментъ самымъ удобнымъ для рѣшительной атаки, генераль Шварцъ подвинулъ весь отрядъ на близкій картечный выстрѣль, сдѣлавъ послѣдній залпъ изъ

всѣхъ орудій, крѣпостныхъ ружей и боевыхъ ракетъ—и затѣмъ, безъ выстрѣла, въ стройномъ порядкѣ, повелѣ объ линіи на штурмъ. Грозный видъ спокойно идущихъ войскъ видимо озадачили непріятеля, потому что пальба съ его стороны мгновенно оборвалась, и полнѣйшее молчаніе продолжалось минуты двѣ или три—словно атакуемые залюбовались такъ рѣдко виданною ими въ горной войнѣ картиною. Подойдя не болѣе какъ на сто пятьдесятъ шаговъ, первая линія сдѣлала дружный ружейный залпъ, потомъ векинула ружья „на руку“ и бѣглымъ шагомъ бросилась на завалы; за нею поспѣшала и вторая линія. Мюриды опомнились—и сильная трескотня охватила всѣ завалы. Однако, защищаться уже было поздно, потому что роковое русское „ура“ не замедлило раздаться у самыхъ заваловъ, и увлеченія, которое оно рождало, ни уничтожить, ни сократить было нельзя. Мюриды дрогнули и обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ множество бурокъ, гудъ, папахъ и даже отчасти оружія. Толпы, сидѣвшія за стѣнами, увидѣвъ, что лучший цвѣтъ и опора всего многочисленнаго скопища сломанъ и сбитъ, также бросились въ беспорядкѣ за селеніе и искали спасенія на высотахъ, ограждавшихъ его съ тыла. Черезъ часъ все скопище красовалось уже на гребнѣ высотъ, куда не доставали наши выстрѣлы, и оттуда, съ стѣсненнымъ сердцемъ, взирало на уничтоженіе одного изъ обширныхъ и богатыхъ пристанищъ хищниковъ, которое Шварцъ велѣлъ тотчасъ же раззорить въ наказаніе его жителямъ, поголовно предавшимся Даніельбеку, и въ примѣръ другимъ. Къ ночи обширное зарево висѣло надъ вѣроломнымъ и злополучнымъ Чардахлы.

Поспѣшное бѣгство непріятеля спасло его отъ истребленія, а быстрота нашей атаки и спокойствіе, съ которымъ она была произведена, были причиною весьма незначительной нашей потери: у насъ убитъ одинъ, ранено семь и контужено шесть нижнихъ чиновъ.

Взятіе Чардахлы и широкіе столбы пламени, высившіеся къ темному беззвѣздному небу, свидѣтельствовавшіе всему окрестному населенію, что главныя силы непріятеля поражены и измѣнникамъ пощады не дано, сосредоточили въ нашемъ лагерѣ, утромъ 14-го мая, толпу представителей отъ разныхъ деревень, спѣшившихъ раскаяніемъ и покорностью загладить свое вѣроломство. 15-го числа не оставалось почти ни одного отложившагося селенія, которое бы не выслало отъ себя депутацію, съ мольбою о прощеніи и пощадѣ.

Одинъ день, и притомъ фатальное (по народному повѣрью) тринадцатое число, перевернуль все обстоятельства, тяготившія насъ до того времени, и вдругъ измѣнилъ картину дѣйствительности въ обширномъ районѣ бѣлоканскаго округа, которая съ той минуты явилась въ слѣдующемъ видѣ:

Даніельбекъ ушелъ въ горный магалъ. Отступленіе его скопища сопровождалось негодованіемъ обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ населенія; все, отъ мала до велика, наконецъ, прозрѣли и, въ особенности послѣ чардахлынскаго дѣла, поняли не безъ ужаса, какія бѣдствія могли ожидать ихъ при дальнѣйшей войнѣ въ округѣ. Настроеніе массы выразилось фактически и осязательно: при удаленіи скопища, женщины провожали его проклятіями за все причиненныя бѣды, а мальчишки швыряли камнями въ отсталыхъ и запоздавшихъ, при удаленіи въ глубь горъ, мюридовъ; многіе муллы, не смотря на свой фанатизмъ, дали знать набамъ, чтобы болѣе не пробовали спускаться съ горъ и не подвергали бы жителей всему гибельнымъ послѣдствіямъ своего ненасытнаго властолюбія и хищничества; жители въ раскаяніи клялись, что болѣе заблуждаться не будутъ и безропотно выдавали намъ зачинниковъ возстанія—хотя генераль Шварцъ не вѣрилъ въ искренность этого раскаянія и былъ убѣжденъ, что оно, по завѣденному издавна у лезгинскаго населенія обычаю, можетъ имѣть силу только до перваго новаго случая. Съ той минуты

для насъ ясно обнаружилась среди подвластнаго намъ населенія наши друзья и недруги.

Съ отступленіемъ Даніельбека, анкратльскіе наибы также удалились изъ катехскаго ущелья на г. Акималь, съ тѣмъ, чтобы разойтись въ свои мѣста; но участвовавшіе въ ихъ партіяхъ бѣлоканскіе измѣнники снова упрекнули ихъ въ малодушіи и заставили пріостановиться. Дидойцы, собравшіеся во всеоружіи на границѣ своего общества и намѣревавшіеся поддержать Даніельбека вторженіемъ на лѣвый флангъ лезгинской линіи, хотя и отрядили отъ себя пятьсотъ человѣкъ и двинулись 13-го мая въ кварельское ущелье, но, узнавъ о чардахлынскомъ дѣлѣ, на другой день возвратились въ свои дома, не принеся намъ никакого вреда; Шамиль и Хаджи-Муратъ отправились въ Чечню.

Такъ окончилось вторженіе горцевъ въ округъ, хорошо обдуманное и исполненное быстро, рѣшительно, въ такое время, когда всѣ рѣки были въ полномъ разлитіи и чрезвычайно замедляли движеніе нашего отряда. Что счастье намъ послужило—это безспорно; но не видѣть бы намъ никогда этого счастья, еслибы во главѣ нашего отряда не стоялъ опытный, разумный и энергичный Шварцъ, да подѣ начальствомъ у него не были бы такія войска, которыми былъ славенъ тогда Кавказъ. Эти покорные, безропотные герои въ теченіе двѣнадцати дней (съ 2-го по 14-е мая) сдѣлали 240 верстъ по ужасающимъ дорогамъ, въ самое ненастное время, безъ палатокъ и безъ одного лишняго выюка, совершили двадцать двѣ большихъ и множество мелкихъ переправъ, перенесли голодъ, холодъ, бессонницу—словомъ, всѣ невзгоды, но не оскудѣли духомъ, не обезсилѣли не измѣнили своему заповѣдному мужеству. Народъ, убѣдившись въ своемъ ничтожествѣ и превосходствѣ нашего оружія, въ то же время умлялся снисходительностью и добродушіемъ грознаго нашего солдата, который, не щадя въ бою враговъ и измѣнниковъ,

кротко и милостиво относился къ ихъ семействамъ, брошеннымъ въ домахъ и справедливо ожидавшимъ законнаго возмездія за проступки своихъ представителей.

Генераль Шварцъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, не думалъ такъ быстро и удачно справиться съ горцами, и это было главною причиною, которая заставила его обратиться къ содѣйствию князя Аргутинскаго. Лѣтописи же оставили намъ интересный историческій фактъ, заключающійся въ томъ, что князь Аргутинскій, при всемъ глубокомъ знаніи характера горцевъ, ихъ политики, и при всѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя постоянно имѣлъ съ горь, на этотъ разъ ошибся въ возрѣніи на дѣло и измѣнилъ самъ себѣ: онъ сначала не придавалъ никакого значенія вторженію горцевъ въ бѣлоканскій округъ, и на увѣдомленіе объ этомъ Шварца отозвался, что это должно быть ничто иное, какъ хищническая партія, намѣревавшаяся угнать скотъ у жителей, вслѣдствіе чего и никакого пособія Шварцу не оказалъ. Только послѣ трехъ пораженій, нанесенныхъ Давіельбеку 5-го, 12-го и 13-го мая, онъ убѣдился, что вторженіе султана не было разбойничьимъ набѣгомъ, и что бѣлоканскій округъ былъ въ положеніи весьма критическомъ. Но тогда Шварцъ уже болѣе не нуждался въ его помощи.

Князь Воронцовъ взглянулъ на дѣло серьезнѣе, но, не смотря на то, когда получилъ первыя достовѣрныя извѣстія съ поручикомъ Гамалеемъ, пересталъ тревожиться, потому что вполне былъ увѣренъ въ Шварцъ и полагался на него, какъ на незыблемую гору—что лучше всего выразилъ въ письмѣ къ нему отъ 12-го мая, изъ лагеря на Ассѣ (приложеніе IV).

Видя, что спокойствіе въ округѣ возстановилось, генераль Шварцъ 16-го мая распустилъ по домамъ прибывшую наканунѣ, по его требованію, сигналахскую милицію и другую временную милицію, собранную на лѣвомъ флангѣ линіи, отправилъ въ Царскіе Колодцы 5-й баталіонъ тифлисецвъ и три

легкихъ орудія, а на Бѣлый Ключъ, съ лѣваго фланга линіи, 3-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка, и разрѣшилъ генералу Бюрно возвратиться, съ баталіономъ, въ шинское ущелье, къ своему назначенію. 3-му баталіону и взводу крѣпостныхъ ружей эриванскаго карабинернаго полка не пришлось участвовать въ дѣйствіяхъ отряда, такъ какъ они прибыли въ Закаталы только 16-го и 18-го мая, когда уже все было кончено. 19-го мая все усиленныя предосторожности были прекращены, и въ г. Нухѣ орудія разряжены. Народъ мирно принялся за обычныя свои занятія.

Приведя внутреннія дѣла округа въ возможный порядокъ, генераль Шварцъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ уничтоженіи въ сел. Катехи старой каменной стѣны, которая такъ много усиливала позицію горцевъ въ дѣлѣ 5-го мая, и чтобы подавить въ жителяхъ всякую мысль о неповиновеніи, возложилъ эту операцію на самихъ катехцевъ, поведеніе которыхъ при вторженіи горцевъ было болѣе чѣмъ двусмысленное; съ тою же цѣлью онъ заставилъ бѣлоканцевъ возобновить разрушенное ими бѣлоканское укрѣпленіе, не смотря даже на то, что, по губительному вліянію на здоровье, оно оставалось давно уже безъ гарнизона.

Съ 11-го числа генераль Шварцъ пересталъ посылать даже отрывочныя записки о ходѣ дѣлъ къ генералу Гогелю, потому что едва имѣлъ время и успѣвалъ слѣдить за обстоятельствами и перемѣнами въ округѣ, мелькавшими съ быстротою молніи: только теперь онъ могъ приняться за составленіе обстоятельныхъ донесеній обо всемъ, что произошло въ джаробѣлоканскомъ военномъ округѣ съ 1-го мая. Генераль Гогель, зная хорошо, что князь Воронцовъ, находившійся въ то время при войскахъ сперва въ Чечнѣ, а потомъ, со второй половины мая, въ Дагестанѣ, весьма сильно интересовался событіями въ Закавказьи, 17-го мая послалъ къ Шварцу въ Закаталы адъютанта главнокомандующаго штабсъ-рот-

мистра князя Дондукова-Корсакова, поручилъ ему собрать все достовѣрныя свѣдѣнія на мѣстѣ, получить официальные донесенія и слѣдовать прямо черезъ Дагестанъ въ мѣсто пребыванія князя Воронцова. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, исполнивъ все это, явился отраднымъ для князя Воронцова вѣстникомъ, и маститый вождь, умѣвшій всегда приласкать и очаровать всякаго полезнаго дѣятеля, не стѣсняясь даже своимъ официальнымъ разстояніемъ по отношенію къ нему, поспѣшилъ выразить Шварцу все свое удовольствіе и расположеніе (приложеніе V).

Хотя боевыя дѣйствія въ бѣлоканскомъ округѣ прекратились, и населеніе утомилось, но тревоги продолжались, потому что мулла Шабанъ и мудиръ Адаловъ не только все оставались на Акималѣ, но и собирали новыя партіи, а скопище Даніельбека, сократившееся, впрочемъ, до семи тысячъ, стояло наготовѣ въ горномъ магалѣ, въ селеніяхъ Цохурѣ, Гильмецѣ, Мышлипѣ и Башъ-Дженихѣ. Даніельбекъ отрядилъ тысячу человекъ для расчистки дороги чрезъ гору Саридагъ въ общество Кейсерухъ и распускалъ въ народѣ слухи, что въ этомъ направленіи онъ ожидаетъ къ себѣ подкрѣпленій, съ артилеріею, изъ Дагестана. Для наблюденія за его дѣйствіями князь Аргутинскій выставилъ въ селеніяхъ Лучекѣ и Рутулѣ до двухъ тысячъ ахтынской милиціи, съ баталіономъ пѣхоты и двумя горными орудіями; кромѣ того, онъ просилъ генерала Шварца, если будетъ возможно, двинуться съ частью лезгинскаго отряда вверхъ по мухахскому или другому ущелью, которое больше представитъ выгодъ для того, чтобы угрожать Даніельбеку въ тылъ, и вытѣснить его изъ цохурскаго магала, какъ средоточія, откуда, при первомъ удаленіи самурскаго отряда за Кумухъ, онъ могъ бы предпринять движеніе въ самурскій округъ и подвергнуть большой опасности наши мусульманскія провинціи, гдѣ его все знали и уважали. Вообще, позиція, занятая Даніельбекомъ

въ горномъ магалѣ, одинаково обезпокоивала и Шварца, и князя Аргутинскаго, и каждый изъ этихъ генераловъ имѣлъ право тревожиться за безопасность ввѣреннаго ему района, тѣмъ болѣе, что настоящихъ цѣлей султана никто навѣрное не зналъ. Только изъ воззванія Даниельбека къ ругульскому населенію, которое онъ призывалъ къ отпаденію отъ насъ и къ священной войнѣ, можно было слегка заключить, что онъ, достигнувъ будто бы своихъ цѣлей въ жаро-бѣлоканскомъ округѣ, намѣренъ теперь дѣйствовать въ Дагестанѣ, но не на лезгинской линіи (приложеніе VI).

Такимъ образомъ, генералу Шварцу предстояло, не ограничиваясь удаленіемъ непріятеля изъ округа, отдѣлаться отъ него окончательно, и для этого предпринять еще два движенія—на Акималъ и въ горный магалъ. Попросивъ начальника 21-й пѣхотной дивизіи генерала Клюки-фонъ-Клугенау придвинуть, на всякій случай, изъ Царскихъ Колодцевъ на муганлинскую переправу двѣ роты съ двумя легкими орудіями, генераль Шварцъ послалъ въ Бѣлоканы навагинскаго полка маіора Эристова, съ баталіономъ пѣхоты, двумя сотнями казачковъ, взводомъ крѣпостныхъ ружей и двумя горными единокорами—для воспрепятствованія непріятелю вновь занять селеніе и пользоваться оттуда продовольствіемъ. Вслѣдъ за Эристовымъ располагалъ двинуться по бѣлоканскому ущелью и самъ генераль Шварцъ, съ большею частью отряда. Но Шабанъ и Адаловъ не дождались его: узнавъ о приближеніи нашихъ войскъ, они подняли свои партіи, поспѣшили испортить и безъ того едва проходимый подъѣмъ на г. Мааль-Раса и скрылись въ своихъ трупобахъ. Спустя нѣкоторое время, намъ стало извѣстно, что они распустили свои толпы по домамъ.

Послѣ этого генераль Шварцъ обратился противъ Даниельбека. 23-го мая онъ двинулъ часть отряда, подъ начальствомъ командира эриванскаго полка полковника Бельгарда,

по мухахскому ущелью на урочище Ахдамъ-Тахта, приблизивъ въ то же время къ с. Катехи войска, бывшія въ Бѣлоканахъ, и предписавъ генераль-маіору Бюрно, чтобы онъ, съ четырьмя ротами пѣхоты и сотнею казаковъ, занялъ селеніе Элису, угрожая непріятелю по элисууйскому ущелью; начальнику же лѣваго фланга линіи полковнику Квятковскому велѣно было принять всѣ мѣры осторожности и держать резервъ въ совокупности, чтобы анкратльскіе наибы не вздумали бы воспользоваться случаемъ и, послѣ неудачи въ бѣлоканскомъ ущельи, не собрали бы опять партіи и не нагрянули бы на лѣвый флангъ. 26-го мая, генераль Шварцъ, съ остальною частью войскъ, самъ прибылъ на урочище Ахдамъ-Тахта. Численность всего отряда, который онъ принялъ подъ свое начальство, заключалась въ двухъ съ половиною баталіонахъ пѣхоты, сотнѣ саперъ, ста человѣкахъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, ста человѣкахъ казаковъ, въ четырехъ горныхъ единокоргахъ, полувзводѣ боевыхъ ракетъ и взводѣ крѣпостныхъ ружей.

Даніельбекъ, свѣдавъ о появленіи нашихъ войскъ въ мухахскомъ ущельи, поспѣшно занялъ переваль на хребтѣ Динди-дагъ и укрѣпилъ его завалами. Обойти эту позицію не было никакой возможности, потому что на окрестныхъ высотахъ повсюду лежалъ еще глубокій снѣгъ, а форсировать трудный переваль—значило напрасно жертвовать людьми. Поэтому, Шварцъ предоставилъ свои дѣла природѣ—холоду и сильному снѣгу, который очень кстати повалилъ вскорѣ по прибытіи его на позицію, увѣренный, что эти два помощника навѣрное выживутъ скопище султана съ Динди-дага. Онъ не ошибся: горцы не выдержали даже одной ночи и 27-го мая къ разсвѣту перешли за Самуръ, не надѣясь, какъ видно, удержаться при оборонѣ Мышлиша и Балъ-Джениха. Отрядъ нашъ тотчасъ перешагнулъ черезъ хребетъ и расположился на берегу этой рѣки, близъ с. Калялю. Тогда Даніель-

бекъ перевалилъ 28-го мая черезъ гору Саридагъ и совершенно очистилъ весь горный магалъ, не упустивъ случая захватить многихъ старшинъ въ аманаты (которые, впрочемъ, скоро отъ него бѣжали).

Драма, длившаяся въ теченіе цѣлаго мѣсяца и имѣвшая своимъ сюжетомъ *первое обширное вторженіе* горцевъ на лезгинскую линію, кончилась. Безусловное удаленіе Даніельбека привело въ нашъ лагерь толпу окрестныхъ жителей и представителей разныхъ селеній горнаго магала, съ выраженіемъ намъ своей покорности и поздравленій съ счастливою развязкою опаснаго для насъ дѣла. При этомъ, жители селеній Калялю, Башъ-Джениха и Мислаха похваляли тѣмъ, что хотя „могущественный султанъ“ приказалъ имъ переселиться въ Анкратль или Дагестанъ, но они, не желая разорвать съ нами дружбу, имѣли смѣлость ослушаться его и нынѣ остаются на своихъ мѣстахъ. Шварцъ недовѣрчиво улыбнулся въ отвѣтъ на подобное наивное заявленіе, но все же увѣриль старшинъ, что онъ цѣнитъ вполне расположеніе къ намъ населенія и убѣжденъ, что оно еще не разъ докажетъ намъ свою привязанность.

Выждавъ еще сутки у Калялю и узнавъ изъ достоверныхъ свѣдѣній, что Даніельбекъ ни въ какомъ случаѣ назадъ пока не повернетъ, генераль Шварцъ, 30-го мая, спустилъ отрядъ на урочище Ахдамъ-Тахта, а 31-го возвратилъ его въ Закаталы.

III.

Новое движеніе въ горахъ. Мѣры съ нашей стороны. Нападеніе дидойцевъ и богозцевъ на кодорское укрѣпленіе. Экспедиція въ горы. Уничтоженіе селенія Кутлаба и ста двадцати слишкомъ хуторовъ. Разсѣяніе на Акималѣ партіи мурды Шабана. Положеніе дѣлъ въ округѣ. Овладѣніе позиціею непріятели на урочищѣ Тамалдѣ. Пораженіе горцевъ у аула Бехельды и уничтоженіе селеній Камелюха и Ганоклоба. Отступленіе отряда. Неудачное нападеніе горцевъ на отрядъ полковника Бельгарда, расположенный на Акималѣ. Обузданіе жителей горныхъ магаловъ. Покушеніе дидойцевъ. Тревоги въ бѣлоканскомъ округѣ. Отозваніе отряда Бельгарда изъ Калялю. Истребленіе въ катехскомъ ущельи селенія Каписдара. Расположеніе войскъ въ округѣ. Предупрежденіе нападенія горцевъ на Бѣлоканы.

Послѣ бурныхъ явленій не сразу все укладывается и приходитъ въ порядокъ. Такъ было и на лезгинской линіи послѣ вторженія горцевъ.

Не смотря на видимое усердіе Даніельбека и на его громкое воззваніе къ рутульскому обществу, которое онъ ни съ того, ни съ сего заключилъ оповѣщеніемъ о цѣли своего движенія въ Грузію, Шамиль почему-то пошатнулся къ нему въ своемъ довѣрїи—хотя не надолго, и лучшее доказательство тому далъ въ перемѣщеніи семейства его изъ Кейсеруха сперва въ Карату, а потомъ и въ Дарго. Даніельбеку оставалось лишь, скрѣпя сердце, молчать, такъ какъ онъ видѣлъ, что Шамиля провести трудно, и что затаенная его мысль о возвращеніи себѣ обратно, силою оружія, элисуйскаго владѣнія разгадана хитрымъ имамомъ до тонкости. Проглотивъ неудачу этого предпріятія, Даніельбекъ теперь остановился лишь на одномъ: усыпить Шамиля, если возможно, сугубымъ, удвоеннымъ усердіемъ и услужливостью, и доказавъ ему, что онъ ошибается въ своемъ подозрѣніи, возвратитъ себѣ его довѣріе. Для приведенія въ исполненіе этихъ цѣлей Даніельбекъ поставилъ необходимою: возбуждать противъ насъ со-

сѣднія къ лезгинской линіи общества, укоренять въ нихъ юридизмъ и предпринять опять что нибудь новое, въ видѣ ослѣпительнаго и пріятнаго для глазъ имама фейерверка. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ сперва не переставалъ дѣйствовать и вліять на анкратльцевъ лично и непосредственно, а затѣмъ, отвлеченный содѣйствіемъ Шамилю у Гергебиля и Салты—черезъ своихъ пріятелей Шабана и Адалова, а также другихъ, подготовлявшихъ ему почву ко времени окончанія дагестанской экспедиціи. Всѣми своими маневрами онъ до такой степени надоѣлъ горцамъ, и въ особенности кейсерухскому обществу, что, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Шварца, терпѣніе ихъ истошилось, и они не знали какъ освободиться отъ своего тирана. Кейсерухцы обѣщали, при появленіи русскихъ войскъ, пользуясь смятеніемъ, даже убить Даніельбека. Генераль Шварць, чрезъ своихъ агентовъ, поддерживалъ это благое намѣреніе и напоминалъ кейсерухцамъ то счастливое время, когда они были мирными и пользовались покровительствомъ русскихъ.

Но какъ ни несносенъ сталъ для многихъ Даніельбекъ, однако анкратльцы, благодаря его приверженцамъ, глухо бурлили и волновались въ своихъ трущобахъ. Тотчасъ по отступленіи его за Саридагъ они имѣли большое сборище у постояннаго ихъ совѣщательнаго пункта, близъ черельскаго моста, потомъ заняли караулами проходы въ горы и приступили въ разныхъ мѣстахъ къ оборонительнымъ сооружеціямъ: по бѣлоканскому ущелью и отъ Мааль-Расы до Тамалды они быстро воздвигли цѣлые ряды прочныхъ заваловъ; отъ Каратубани до Химрика дорога была завалена ими массою срубленныхъ деревьевъ, и только по катехскому и лагодехскому ущельямъ, гдѣ лежалъ еще снѣгъ, они пока не предпринимали ничего, хотя все же оберегали ихъ. Въ первыхъ числахъ іюня, мудиръ Адаловъ и анкратльскіе наобы объявили населенію, а дидойцы и богозцы получили приказаніе непосред-

ственно отъ Шамиля, чтобы быть готовыми къ движению на лезгинскую линію, которое лично поддержитъ имамъ, имѣющій намѣреніе въ свое время прибыть въ Анкратль съ многочисленнымъ скопищемъ. Трудно было тогда рѣшить, сбудетъ ли это, или нѣтъ, но послѣ недавнихъ событій въ округѣ ни за что ручаться было нельзя.

Во всякомъ случаѣ, нельзя было оставаться спокойнымъ наблюдателемъ всего происходившаго въ горахъ, и предупредить возможность новаго вторженія, а равно заблаговременно подѣйствовать на анкратльцевъ, было необходимо. Такое воззрѣніе генерала Шварца, въ связи съ обязанностью его содѣйствовать успѣхамъ дагестанскаго отряда отвлеченіемъ отъ него непріятельскихъ силъ, рѣшило вопросъ объ экспедиціи въ горы. За горные магалы Шварць не опасался, потому что непріятелю тамъ взять было нечего: Даніельбекъ ихъ обобралъ уже достаточно, и они совершенно были счастливы, что дозволено было имъ провозить къ себѣ въ необходимомъ количествѣ хлѣбъ, закупленный ими на плоскости. Поэтому, Шварць рѣшилъ поступить такъ: стать прямо въ центрѣ прилегавшихъ къ линіи непріятельскихъ обществъ, въ Анпросо, на урочищѣ Химрикѣ, и этимъ раздѣлить дѣйствующія силы и резервы горцевъ; общества, зная, что изъ Химрика онъ можетъ двинуться всюду, по его заключенію, волей-неволей должны будутъ сидѣть въ своихъ домахъ, съ цѣлью обороны ихъ, и не вдаваться въ дальнія предпріятія. А чтобы до того времени держать непріятеля въ недоумѣніи о томъ, по какому пути онъ можетъ двинуться въ горы—по каратубанскому или бѣлоканскому ущельямъ, онъ сосредоточилъ войска у Лагодехъ, откуда одинаково удобно могъ пойти по обоимъ направленіямъ. Кромѣ того, Лагодехи въ данное время были важны еще и потому, что давали возможность содѣйствовать, въ случаѣ надобности, лѣвому флангу линіи, куда, по свѣдѣніямъ, намѣревались нагрянуть дидойцы, и

доставляли хорошее продовольствіе лошадямъ. Князь Воронцовъ одобрилъ всѣ эти соображенія генерала Шварца (приложеніе VII), и ему оставалось только привести ихъ въ исполненіе. Для этого у Лагодехъ онъ поставилъ два баталіона пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, взводъ крѣпостныхъ ружей и четыре горныхъ орудія; противъ катехскаго ущелья—баталіонъ пѣхоты, команду казаковъ и взводъ ракетъ; противъ бѣлоканскаго ущелья—баталіонъ пѣхоты, сотню въ 250-ть человекъ Грузинскаго пѣшаго полка, полтора взвода крѣпостныхъ ружей, два горныхъ орудія и сотню донскаго № 28-го полка; другая же сотня, прибывшая изъ элисуйскаго участка, была отправлена на лѣвый флангъ линіи, въ распоряженіе начальника тушино-пшаво-хевсурскаго округа; изъ шинскаго ущелья ожидался еще одинъ баталіонъ. Начальствованіе отрядомъ, сосредоточеннымъ у Лагодехъ, было ввѣрено командиру эриванскаго карабинернаго полка полковнику Бельгарду. Переселившимся къ намъ капучинцамъ и милиціонерамъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка приказано было открыть частные набѣги въ горы, чтобы тревожить непріятели, узнавать о его расположеніе и по возможности утомлять его до выступленія отряда.

Грузины и капучинцы не заставили себя долго ждать, и на другой день, т. е. 11-го іюня, первые изъ нихъ открыли въ бѣлоканскомъ ущельи непріятельскій караулъ, который, при ихъ приближеніи, конечно, отступилъ и сигнальными выстрѣлами произвелъ тревогу на далекое разстояніе; вторые же, т. е. капучинцы, пробрались даже въ самыя горы и тамъ сожгли одно изъ непокорныхъ селеній. Черезъ день послѣ этого, 13-го числа, въ одинъ разъ горцы удостоились трехъ нашихъ посѣщеній: одинъ обходъ въ бѣлоканскомъ ущельи, принятый за авангардъ нашего отряда, заставилъ сбѣжаться на Мааль-Расу до тысячи человекъ лезгинъ—для обороны подъема и устроенныхъ тамъ заваловъ; другой, въ томъ же ущельи, встрѣтилъ значительную партію и, будучи скоро под-

крѣпленъ милиціонерами, подоспѣвшими съ подполковникомъ княземъ Чавчавадзе, опрокинулъ ее на крѣпкой позиціи, обратилъ въ бѣгство и получилъ за это въ даръ разныя брошенныя лезгинами вещи и тѣло ихъ белада; а третій обходъ, состоявшій изъ капучинцевъ, пустившихся на розыски въ числѣ восьми человекъ, захватилъ у горцевъ 16-ть штукъ рогатаго скота, и, кромѣ того, принесъ извѣстіе, что лезгины, ожидая русскихъ, заваливаютъ и сильно портятъ дороги. Всѣ эти три экскурсіи привели почему-то непріятеля къ заключенію, что военныя дѣйствія не сегодня-завтра будутъ нами открыты, вслѣдствіе чего анкратльцы быстро собрали еще до тысячи человекъ и расположились въ Джурмутъ, для поддержанія партіи, занимавшей Мааль-Раса.

Пока группировались противъ праваго фланга линіи эти толпы, дидойцы и богозцы, бывшіе, по приказанію Шамиля, уже наготовѣ, рѣшились попробовать, нельзя ли будетъ прорвать нашъ кордонъ на лѣвомъ флангѣ и самимъ прорваться въ Шильды или Кварели. Такъ какъ главнымъ представителемъ нашей передовой обороны на лѣвомъ флангѣ являлось кодорское укрѣпленіе, сторожившее сабуйское ущелье, то на него и былъ направленъ сосредоточенный ударъ лезгинъ. 18-го іюня утромъ, усилившись частью горцевъ съ Мааль-Раса, они обложили, въ числѣ пятисотъ человекъ, это укрѣпленіе съ трехъ сторонъ и въ продолженіе двухъ часовъ вели съ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 120-ти человекъ, оживленную перестрѣлку; затѣмъ, они послѣдовательно три раза порывались атаковать укрѣпленіе, но каждый разъ были опрокидываемы съ урономъ дѣйствіемъ изъ крѣпостныхъ ружей и мортирки. Наконецъ, они отошли на пушечный выстрѣлъ и стали отдыхать. Пока они предавались успокоенію, поднялась такая страшная буря, съ градомъ, а потомъ съ дождемъ и снѣгомъ, что не было физической возможности оставаться на вершинѣ горы. Какъ ни старались они переждать эту невзгду, но

видѣли, что ей нѣтъ конца, вслѣдствіе этого бросили свою позицію и удалились на ночлегъ въ ущелье Ори-Цхале. На другой день, убѣдившись, что имъ не прорвать линіи, они ретировались восвояси.

Вѣрныя свѣдѣнія объ испорченной дорогѣ на Мааль-Расу и о численности непріятеля, тамъ находившагося, добытыя развѣдками нашихъ командъ, понудили генерала Шварца, щадя людей, испытать: нельзя ли движеніемъ по каратубанскому ущелью отвлечь горцевъ съ Мааль-Расы, и еслибы это не удалось, то тѣмъ же каратубанскимъ ущельемъ выйти въ горы на урочище Химрикъ. Съ этою цѣлью онъ, 21-го іюня, съ частью войскъ, выступилъ изъ Закаталъ въ Бѣлоканы и отерылъ экспедицію.

24-го іюня отрядъ сосредоточился близь каратубанскаго укрѣпленія. Для обороны праваго фланга линіи было оставлено девять ротъ пѣхоты, сотня казаковъ и крѣпостная артилерія въ укрѣпленіяхъ кахскомъ и бѣлоканскомъ (возобновленномъ жителями) и въ крѣпости Закаталахъ, да вытребована была сюда же обратно и полусотня казаковъ изъ состава той сотни, которая была отправлена къ тушино-пшаво-хевсурекому окружному начальнику. Командованіе войсками на линіи было поручено инженеръ генераль-маіору Бюрно.

Не тратя напрасно времени, генераль Шварцъ, по прибытіи къ Каратубани, въ тотъ же день отправилъ авангардъ, подъ командою командира 1-го Грузинскаго пѣшаго полка подполковника князя Чавчавадзе, по каратубанскому ущелью — для расчистки дороги на урочище Химрикъ; при авангардѣ слѣдовали и двѣ сотни капучинскихъ переселенцевъ, вызвавшіяся добровольно участвовать въ дѣйствіяхъ лезгинскаго отряда. Князь Чавчавадзе исполнилъ порученіе безъ помѣхи со стороны непріятеля и доставилъ возможность отряду 26-го числа стать на урочищѣ Химрикъ.

Утвердившись на позиціи, генераль-лейтенантъ Шварцъ

сейчасъ же потребоваль къ себѣ старшинъ дидойскихъ, кашучинскихъ, анцухскихъ и анцросскихъ. Всѣ они обѣщали явиться, но старшины главнаго анцухскаго селенія Кутлаба, въ которомъ проживаль мулла Шабанъ, наотрѣзъ отказались отъ приглашенія. Такого неповиновенія нельзя было оставить безъ наказанія, потому что оно могло неблагопріятно повліять на всѣхъ остальныхъ представителей населенія; даже необходимо было поторопиться этимъ наказаніемъ, такъ какъ, по зову муллы Шабана, начали стекаться толпы горцевъ, а сами анцросцы дѣятельно принялись укрѣплять свое селеніе, черезъ которое пролегаль для насъ лучшій свободный путь на урочище Черель и въ Анкратль.

Къ Кутлабу вели двѣ дороги: одна прямая, но трудная и весьма неудобопроходимая; другая, хотя кружная и требовавшая двудневнога перехода, но за то легкая для движенія. Для выгодъ отряда нужно было бы избрать эту послѣднюю, но для пользы дѣла, которая могла быть достигнута только быстротою наступленія и внезапностью появленія нашихъ войскъ, слѣдовало на этотъ разъ пожертвовать удобствами отряда, и генераль Шварцъ избралъ первую изъ дорогъ. 29-го іюня утромъ онъ выступилъ съ урочища Химрикъ и въ тотъ же день къ сумеркамъ стоялъ уже надъ Кутлабомъ, поразивъ горцевъ неожиданностью и не давъ имъ времени ни устроиться, ни усилиться.

Селеніе было расположено надъ обрывомъ, въ которомъ несся шумный потокъ, по покатости горы, и могло выдержать упорное нападеніе. Сообразивъ это и видя, что внутри его происходитъ сильное смятеніе, генераль Шварцъ рѣшилъ, что только быстрота удара можетъ вѣнчать дѣло успѣхомъ, и приказаль начальнику авангарда полковнику Бельгарду тотчасъ же атаковать селеніе. Хотя войска были значительно утомлены труднымъ переходомъ, но бодро и дружно двинулись впередъ. Во главѣ шли

сотни Грузинскаго пѣшаго полка и милиціонеры изъ переселившихся къ намъ калакцевъ, а за ними 3-й баталіонъ эриванскаго карабинернаго полка. Калакцы, руководимые местью за уничтоженіе горцами ихъ аула въ 1846-мъ году, опередили всѣхъ и первые бросились въ селеніе; за ними поспѣшали грузины и эриванцы. Испуганные рѣшительною отвагою, защитники Кутлаба едва успѣли сдѣлать залпъ изъ ружей и обратились въ бѣгство къ черельскому мосту. Калакцы и грузины, хотя задержанные нѣсколько при проходѣ черезъ селеніе, настигли однако часть бѣглецовъ и истребили ее; остальные успѣли достигнуть до черельскаго моста и, быстро перебѣжавъ по немъ, тотчасъ его сорвали, избавивъ тѣмъ отъ нападенія аулы, расположенные за рѣкою. Непріятель потерялъ до двадцати убитыхъ и шесть плѣнныхъ, до 150 штукъ рогатаго скота, кромѣ мелкаго, и все имущество; у насъ, изъ калакской милиціи убито два и ранено три человекъ. Вся военная добыча была отдана калакцамъ въ вознагражденіе ихъ потерь и убытковъ, понесенныхъ при переселеніи на линію, и въ поощреніе ихъ дальнѣйшей службы.

На другой день Кутлабъ былъ испеленъ. Истребивъ хлѣба и много хуторовъ, отрядъ безъ преслѣдованія возвратился 30-го іюня на ур. Химрикъ *).

Роковая доля Кутлаба произвела сильное впечатлѣніе на окрестныхъ жителей, которые, принявъ заслуженную кару за безцѣльный нашъ набѣгъ, предположили, что и ихъ не ми-

*) Въ составъ дѣствующихъ войскъ лезгинскаго отряда къ 1-му іюля входили слѣдующія части: 1-й и 2-й бат. тифлискаго (1992 чел.), 3-й эриванскаго (1686 ч.), 4-й мингрельскаго (1645 ч.) полковъ, по одному взводу вѣрнопетныхъ ружей отъ эриванскаго и тифлискаго полковъ, двѣ сотни донскаго № 28 полка (212 чел.), дивизионъ горныхъ орудій 21-й артил. бригады, взводъ горныхъ орудій новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона, шесть станковъ конгревовыхъ ракетъ, сотня 1-го Грузинскаго пѣшаго полка (239 чел.), команда волонтеровъ телавскаго уѣзда (76 чел.) и джаро-лезгинская постоянная милиція (15 чел.).

нуетъ подобная участь. Первыми встрепенулись анухцы, илянхевцы и бежитцы. Избѣгая заявить намъ свою покорность, они предпочли бросить свои жилища и удалиться въ глубину горъ. Узнавъ объ этомъ на другой день по прибытіи на Химрикъ, генераль Шварцъ тотчасъ командировалъ калакскую милицію для уничтоженія опустѣлыхъ ауловъ бѣглецовъ, и она въ два дня сожгла болѣе ста двадцати хуторовъ.

Тѣмъ временемъ, мулла Шабанъ, пользуясь отдаленностью отряда, бросился на Акималъ, оттуда 3-го іюля лѣсами спустился въ округъ и въ селеніи Джары сжегъ домъ одного изъ преданныхъ намъ старшинъ. Населеніе бѣлоканскаго округа нимало не противодѣйствовало непріятелю, а молодежь даже сочувствовала ему и, бросая свои жилища, или присоединялась къ хищникамъ, скрывавшимся и до сихъ поръ въ лѣсахъ, или, увлеченная фанатизмомъ, открыто вступала въ ряды мюридовъ. Шварцу нужно было въ одно время и прогнать Шабана изъ округа, и оборвать въ зародышѣ вновь возникавшее волненіе. 3-го іюля онъ двинулся съ Химрика, чтобы стать противъ фланга линіи, переночевалъ на урочищѣ Нахтякъ и 4-го числа явился съ войсками на Мааль-Расѣ. Это быстрое движеніе по дорогамъ, которыя своею неудобопроходимостью сильно затрудняли самихъ горцевъ, дало возможность казакамъ, бывшимъ въ головѣ авангарда, захватить надъ спускомъ къ Акималу конный резервъ муллы Шабана, который тутъ же былъ атакованъ и опрокинутъ въ бѣлоканское ущелье. Стремглавъ понеслись лезгинны по чрезвычайно дурному спуску къ главнымъ своимъ силамъ, стоявшимъ въ это время, вмѣстѣ съ Шабаномъ, на Акималѣ, и по пути падали въ кручу съ лошадьми и выюками. Однако они успѣли вовремя предупредить своего предводителя, такъ что когда генераль Шварцъ, прибывъ съ отрядомъ на Мааль-Расу, послалъ на Акималъ влѣдъ за бѣжавшими баталіонъ пѣхо-

ты, сотню пѣшаго Грузинскаго полка и шесть крѣпостныхъ ружей, то они не застали уже ни муллы Шабана, ни его партіи: она бѣжала въ свои тущобы черезъ гору Губахъ, не успѣвъ даже захватить всѣхъ своихъ вещей. По дорогѣ съ Мааль-Расы до Акимала было найдено десять крѣпкихъ заваловъ, которые дали внушительно понять начальнику отряда, какую громадную потерю могли бы понести наши войска, еслибы двинулись съ линіи на Мааль-Расу по бѣлоканскому ущелью.

Прогнавъ Шабана, генераль-лейтенантъ Шварцъ 6-го іюля послалъ въ Бѣлоканы, для поддержанія тамъ порядка, баталіонъ пѣхоты, сотню казаковъ и сотню 1-го Грузинскаго пѣшаго полка и предписалъ бѣлоканскому окружному начальнику прибыть туда же изъ Закаталь съ двумя ротами, арестовать ближайшихъ родственниковъ всѣхъ бѣглецовъ, и дома ихъ уничтожить до основанія. Черезъ два дня приказаніе было приведено въ точное исполненіе. Мѣра эта подѣйствовала на умы бѣлоканцевъ, охладивъ навремя ихъ юридическую горячку, но не заставила измѣнниковъ явиться съ повинною; напротивъ, она повернула совершенно въ обратную сторону всѣхъ тѣхъ, не исключая и маіора Кара-Али, которые до сихъ поръ скрывались въ лѣсахъ на плоскости: въ одиночку и партіями они побѣжали черезъ Губахъ вслѣдъ за ихъ соблазнителемъ Шабаномъ.

Не остыли еще слѣды этой партіи, какъ въ лагерь къ генералу Шварцу явились джурмутскіе старшины, будто бы съ покорностью, но въ сущности съ просьбою о томъ, чтобы въ случаѣ новаго наступленія въ горы, пощадить ихъ аулы и семейства, и принесли извѣстіе, что у нихъ въ обществѣ, близъ селенія Камелюха, стоитъ партія человекъ въ пятьсотъ, для прикрытія дороги съ урочища Тамалды въ Кейсерухъ, и что мудиръ Адаловъ собираетъ на Черели толпу анкратльцевъ для противодѣйствія лезгинскому отряду. Выразивъ

джурмутцамъ одобреніе за эти свѣдѣнія, генераль Шварцъ отвѣтилъ имъ и написалъ ближайшимъ анкратльскимъ обществамъ, что они будутъ пощажены единственно лишь тогда, когда выплютъ аманатовъ. Для послѣдняго обязательства имъ было дано срока три дня, въ которые генераль Шварцъ обѣщалъ не трогаться съ Мааль-Расы. Въмѣсто всякаго отвѣта на это требованіе, джурмутцы перевезли свои семейства и имущество въ тебельское и канадальское общества, а скотъ угнали въ дальнія горы; анкратльцы же усилили свои сборы и къ 13-му іюля сосредоточились, подъ личнымъ начальствомъ Шабана и Адалова, близъ селенія Салта *) (на границѣ Джурмута, по дорогѣ черезъ Бехельду въ Тебель) въ числѣ полутора тысячи человѣкъ пѣшихъ и конныхъ. Кромѣ того, значительная партія анкратльцевъ оставлена Адаловымъ въ анцросскомъ обществѣ, а тиндальская партія, подъ начальствомъ своего наиба Халить-Дибира, заняла капучинское общество. Въ дополненіе ко всему этому, въ горные магалы бѣлоканскаго округа явился для какой-то цѣли и Хаджи-Муратъ, съ полутора сотнею аварской конницы, изъ Анцуха ожидались два орудія, а изъ гидатлинскаго общества, по просьбѣ Адалова — значительное подкрѣпленіе, о высылкѣ котораго Шамиль заблаговременно приказалъ Даніельбеку — благо, что осада Гергебиля кончилась, и войска дагестанскаго отряда пребывали на Турчидагѣ пока безъ дѣла — приготавлиаясь, впрочемъ, къ осадѣ Салты, для чего князь Воронцовъ вызвалъ къ себѣ и генерала Бюрно (приложеніе VIII **). Наконецъ, противъ лѣваго фланга линіи, именно противъ селеній Шильды и Кварели, на горѣ маломъ Ялагѣ (Эйлахѣ) открыта была особая значительная партія, которая, какъ ока-

*) Не нужно смѣшивать двухъ названій Салта и Салты.

**) Письмо кн. Воронцова, писанное по этому поводу къ генералу Шварцу, отлично характеризуетъ генерала Бюрно и показываетъ намъ, какъ смотрѣлъ на него главнокомандующій.

залось, составляла авангардъ отдѣльнаго скопища, будто бы въ пять тысячъ человѣкъ, занимавшаго урочище Жѣко (между Капучей и Анцухомъ) и намѣревавшася сдѣлать нападеніе на Кахетію по тремъ дорогамъ. Цѣль этого нападенія состояла въ томъ, чтобы силою увлечь капучинскихъ переселенцевъ, со всеѣмъ ихъ имуществомъ, въ горы. Последнее обстоятельство заставило немедленно призвать въ ружье на лѣвомъ флангѣ временную милицію телавскаго и сигнахскаго уѣздовъ и, въ защиту капучинскихъ выселенцевъ, выдвинуть войска къ Бежаньянамъ, близь которыхъ они были водворены, и частью къ подошвѣ главнаго хребта. Словомъ, противъ лезгинской линіи оказались такія силы, что еслибы онѣ разомъ низринулись на плоскость, подъ руководствомъ отважнаго и разумнаго предводителя, и дѣйствовали бы на разныхъ пунктахъ во всемъ согласно, то навѣрное надѣлали бы намъ больше хлопотъ, чѣмъ недавнее вторженіе Даніельбека. Затруднительное наше положеніе усложнялось еще двумя обстоятельствами: вопервыхъ, на плоскости, въ лѣсахъ, продолжали скрываться шайки хищниковъ, съ которыми никакъ нельзя было порѣшиться разъ навсегда, не смотря на то, что Шварцъ командировалъ противъ нихъ часть войска изъ дѣйствующаго отряда; и во вторыхъ, то и дѣло появлялись проповѣдники мюридизма. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ явились даже въ англоиское селеніе Аліабатъ (Али-Абатъ) и разглагольствовали тамъ совершенно открыто, какъ у себя дома. Къ сожалѣнію, они успѣли ускользнуть отъ поимки, и только удалось обнаружить и арестовать одиннадцать человѣкъ ихъ ближайшихъ родственниковъ, жившихъ въ Аліабатѣ и содѣйствовавшихъ ихъ пропагандѣ.

Генераль-лейтенантъ Шварцъ, продолжая держать отрядъ на Мааль-Расѣ, не могъ пока предпринять движенія въ горы, потому что занятъ былъ важными работами: исправленіемъ дороги на Моуровъ-дагъ по направленію къ с. К.

техамъ и подорваніемъ скалистаго гребня по дорогѣ съ Мала-Расы въ Бѣлоканы—чтобы навсегда закрыть это прямое сообщеніе, наиболѣе удобное для спуска горцевъ зимою изъ Джурмута въ округъ. Все, что онъ могъ сдѣлать, состояло въ слѣдующемъ: 16-го іюля онъ отправилъ часть отряда, подъ командою подполковника князя Чавчавадзе, по хребту горъ, въ виду партій, стоявшей въ Джурмутѣ, во флангъ сборищу, сосредоточившемуся на главномъ хребтѣ противъ Кахетіи, съ тѣмъ, чтобы князь Чавчавадзе, произведя явно и открыто это движеніе, скрытно и незамѣтно возвратился бы ночью 18-го числа обратно въ лагерь. Князь Чавчавадзе очень ловко исполнилъ этотъ маневръ, и угроза произвела свое дѣйствіе: скопище, бывшее на урочищѣ Жекко, узнавъ объ этомъ движеніи, а главное о томъ, что у Бежаньянъ оно предупреждено прибытіемъ туда подкрѣпленій, оставило свою затѣю и разошлось по домамъ. Вслѣдствіе этого, временная милиція на лѣвомъ флангѣ была распущена, и войска возвращены въ мѣсто постоянного своего расположенія.

Пока Шварцъ былъ занятъ работами, скопища въ Джурмутѣ успѣли усилиться толпами наибольше муллы Махмада, Омара-Махмада и другихъ, до трехъ тысячъ человекъ; отдѣльныя партіи его начали появляться на урочищѣ Тамалдѣ, въ виду нашихъ войскъ, гдѣ былъ выставленъ, между прочимъ, и постоянный караулъ для наблюденія за нашимъ отрядомъ, въ числѣ ста пятидесяти человекъ. 19-го іюля, съ разсвѣтомъ, генералъ Шварцъ снялся съ позиціи и двинулся на Тамалду, по мѣстности хорошо ему знакомой изъ предыдущихъ походовъ. Казаки, волонтеры и конвойная команда, слѣдовавшіе въ головѣ отряда, налетѣли на непріятельскій караулъ, сбили его и овладѣли урочищемъ.

Въ то время, какъ стягивались войска, нѣсколько развѣдочныхъ командъ было послано въ окрестности для откры-

тія непріятели. Часа черезъ два онѣ дали знать, что главныя силы горцевъ расположены у селенія Бехельды, по дорогѣ въ тебельское общество, а особая значительная партія стоитъ у селенія Камелюха, на пути въ Кейсерухъ. Генераль Шварцъ рѣшилъ двинуться на Бехельду, но такъ какъ ему было уже извѣстно, что Адаловъ устроилъ на этомъ протяженіи много заваловъ, то онѣ раздѣлили войска надвое, и одною частью ихъ показали движеніе по прямой дорогѣ, а другую (3-й баталіонъ эриванскаго полка, сотню казаковъ, сотню 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, два горныхъ орудія, взводъ боевыхъ ракетъ и два взвода крѣпостныхъ ружей) ввѣрилъ полковнику Бельгарду и приказалъ ему идти по высотамъ параллельно прямой дорогѣ и, ставъ на флангъ непріятельскихъ заваловъ, открыть по нимъ огонь. Послѣ полудня Бельгардъ поровнялся съ передовыми завалами, занялъ довольно выгодную позицію и началъ обстрѣливать ихъ орудіями, крѣпостными ружьями и ракетами. Генераль Шварцъ, не видя со стороны Камелюха никакого покушенія горцевъ, послалъ въ подкрѣпленіе Бельгарду изъ своей колонны двѣ роты 1-го баталіона тифлискаго полка и конвойную команду. Это пособіе было очень кстати, потому что лезгины заняли, между прочимъ, на значительномъ пространствѣ окрестные кустарники и оттуда дѣйствовали по нашей пѣхотѣ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Прибытіе же ротъ дало возможность, не ослабляя баталіона, имѣвшагося въ виду для атаки, охватить цѣпью стрѣлковъ мѣстность, покрытую кустарниками, и парализовать вредъ, который горцы безнаказанно могли нанести колоннѣ.

Уже около полутора часа артилерія наша громила завалы, но непріятель, противъ ожиданія, не выражалъ ни малѣйшаго желанія уступить ихъ и продолжалъ отстрѣливаться, время отъ времени вырывая у насъ то одну, то другую жертву. Хотя потери его были чувствительны — о чемъ даже издали можно было судить по количеству раненыхъ, которыхъ вы-

носили изъ заваловъ, но онъ видимо ими не стѣснялся и упорно сидѣлъ за своими сооруженіями; а между тѣмъ день клонился къ вечеру. Полковникъ Бельгардъ, видя, что только рѣшительнымъ ударомъ можно сломить стойкость противника, мгновенно и неожиданно бросилъ на него милиціонеровъ, подкрѣпивъ ихъ тотчасъ же двумя ротами эриванцевъ. Внезапное „ура“, покрывшее собою послѣдній раскатъ орудійнаго выстрѣла, и оглушительный трескъ сотенъ ружей электрически подѣйствовали на непріятеля: сбѣлавъ залпъ, онъ бросилъ передовые завалы и побѣжалъ за послѣдующіе, рассчитывая отсюда встрѣтить атакующихъ соединенными силами. Легкіе на ходу милиціонеры не дали ему опомниться и тотчасъ же сѣли у него на шею. Тогда горцы поспѣшно начали очищать всѣ пункты и, отступая за рѣчку, уходили на высоты противоположнаго берега, напуганные нашимъ беспощаднымъ огнемъ. Преслѣдовать ихъ по гористой и лѣсистой мѣстности было трудно, да и бесполезно, поэтому полковникъ Бельгардъ далѣе заваловъ не пошелъ. Къ вочи отрядъ вернулся въ лагерь.

Потеря наша, сравнительно съ важностью достигнутой цѣли, была незначительна: убито пять нижнихъ чиновъ (одинъ эриванскаго баталіона и четыре 1-го Грузинскаго пѣшаго полка) ранено четыре эриванца, шесть грузинъ, одинъ волонтеръ и одинъ изъ взвода крѣпостныхъ ружей; контужено пять грузинскихъ милиціонеровъ и три волонтера.

О бехельдинскомъ дѣлѣ, равно и о положеніи округа, генераль Шварцъ не замедлилъ донести главнокомандующему и въ отвѣтъ отъ него и отъ начальника штаба генерала Коцебу получилъ интересныя письма, проливающія, между прочимъ, свѣтъ на наши дѣйствія въ то время у аула Салты (приложеніе IX).

Послѣ пораженія горцевъ у Бехельды, оставалось разогнать партію, стоявшую у Камелюха. Съ этою цѣлью, на дру-

той день съ разсвѣтомъ отрядъ приготовился къ выступленію, но первоначально быть двинуть авангардъ, состоявшій изъ всей кавалеріи, милиціи и двухъ ротъ 4-го баталіона мингрельскаго полка. Едва онъ началъ спускаться съ Мааль-Расы, какъ навстрѣчу ему выросъ изъ земли какой-то лезгинъ, будто бы выбѣжавшій отъ непріятеля, и объявилъ, что не стоитъ беспокоиться, потому что партія еще ночью снялась съ позиціи и ушла по кейсерухскому ущелью. Однако, это заявленіе доброжелательнаго вѣстника, имѣвшаго въ виду, конечно, не избавитъ наши войска отъ лишняго перехода, а отвратить опасность отъ его роднаго аула, не остановило Шварца, потому что камелюхцы заслуживали полнаго наказанія, а селеніе ихъ, вмѣстѣ съ ближайшимъ къ нему Ганоклобомъ, стояло на пунктѣ, для насъ очень невыгодномъ, именно — на пересѣченіи дорогъ съ Тамалды: изъ горныхъ магаловъ отъ Кусура и изъ Кейсеруха отъ Ириба. Отрядъ двинулся по назначенію. Когда онъ подошелъ къ своей цѣли, тогда не трудно было убѣдиться, что лезгинъ, дѣйствительно, хлопоталъ прежде всего о цѣлости и благосостояніи селенія, такъ какъ всѣ, предполагавшіе, что Камелюхъ и его сосѣдъ Ганоклобъ, раззоренные до тла въ 1844-мъ году, пребываютъ и донынѣ въ самомъ жалкомъ состояніи, совершенно разочаровались: оба они красовались еще въ лучшемъ видѣ, чѣмъ были прежде. Къ крайнему горю лезгина, котораго, безъ сомнѣнія, придержали при войскахъ, Камелюхъ и Ганоклобъ были раззорены и сожжены еще разъ, а хлѣба ихъ истреблены. Послѣ этой операціи отрядъ отступилъ на Тамалду. Здѣсь получено было извѣстіе, что скопище, разбитое у Бехельды, ушло изъ Джурмута, и при мултѣ Шабанѣ осталось только 50-ть человекъ джарскихъ бѣглецовъ; что Хаджи-Муратъ, съ своею партією, оставилъ горный магалъ и возвратился на Кара-Койсу, а другіе болѣе или менѣе опасные наши враги — Даніельбекъ, карахскій наибъ и Кибитъ-Магома нахо-

дятся далеко—первые въ Ирибѣ, а послѣдній на Гудуль-Мейданѣ. Въ виду этого, не предстояло надобности держать войска на Тамалѣ, и генераль Шварцъ возвратилъ ихъ, 21-го іюля, на Мааль-Расу. Отсюда онъ спустилъ въ тотъ же день 3-й баталіонъ эриванскаго полка и взводъ артилеріи, для освѣженія, на урочище Акималъ, гдѣ было значительно теплѣе, и гдѣ обиліе лѣса давало возможность устроить столь необходимую для солдата баню, а на утро, 22-го іюля, отправилъ три роты пѣхоты, съ саперною командою и частью пѣшей милиціи, на гору Месельдегеръ для рубки лѣса и продолженія прямой дороги отъ Закаталъ черезъ Моуровъ-дагъ на Мааль-Расу; эта дорога оказалась весьма удобною для разработки и вдвое короче, нежели черезъ Бѣлоканы. Такое раздробленіе отряда послѣдовало весьма вовремя, потому что въ первую же затѣмъ ночь жестокій холодъ на Мааль-Расѣ до того сильно и неблагоприятно далъ себя почувствовать, въ особенности при лѣтнемъ снаряженіи оставшихся тамъ частей войскъ, что утромъ десятки людей дрогли въ лихорадкѣ. Это обстоятельство было весьма уважительнымъ для того, чтобы, нимало не медля, спустить на Месельдегеръ и остальные войска. Мааль-Раса опустѣла мгновенно.

Быстрое отступленіе нашихъ войскъ горцы истолковали въ свою пользу, и, поджигаемые неутомимыми въ своихъ тревогахъ и безпокойствѣ Шабаномъ и Адаловымъ, опять зашевелились. Эти два неутомонные фанатика быстро измыслили новый пріемъ для борьбы съ нами, именно: собравъ еще разъ скопище, рассыпать его между Мааль-Расою и округомъ и пресѣчь сообщеніе отряда съ плоскостью. Но планы ихъ не удались, потому что, для обезпеченія сообщенія войскъ, находившихся на Акималѣ и Месельдегерѣ, съ бѣлоканскимъ фортомъ, Шварцъ двинулъ 26-го іюля на урочище Цертель-Тахту три роты 2-го баталіона тифлискаго полка, подъ командою майора Воронченко, которому велѣлъ,

по прибытіи на мѣсто, отозвать на присоединеніе къ себѣ изъ Бѣлоканъ и четвертую роту, такъ какъ тамошній климатъ губительно дѣйствовалъ на нижнихъ чиновѣ. Въмѣсто солдатъ, въ гарнизонъ бѣлоканскаго форта было отправлено 90 человѣкъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, которые несравненно успѣшнѣ умѣли ладить съ мѣстными климатическими условіями.

Хотя намѣренія Шабана и Адалова были разрушены въ ихъ зародышѣ, но это нисколько не мѣшало имъ продолжать сборъ партій, и на призывъ ихъ прежде всего откликнулись богозцы и анухцы. Первые изъ нихъ немедленно явились къ Шабану въ Джурмутъ, а послѣдніе расположились около капучинскаго селенія Наада. Чтобы усилить свои толпы до возможно большихъ размѣровъ и предпринять что нибудь новое относительно своей родины—джарскаго округа (конечно, въ пользу своихъ близкихъ), а съ тѣмъ вмѣстѣ и поживиться русскими благами—что было совершенно нелишнимъ при господствовавшемъ въ горахъ голодѣ,—мулла Шабанъ пустился на маленькую хитрость: онъ увѣдомилъ Шамиля, что считаетъ священнымъ долгомъ освободить изъ заключенія многихъ джарскихъ старшинъ, арестованныхъ нами въ Закаталахъ и въ другихъ мѣстахъ, и, въ вѣдѣствіе этого, проситъ объ усиленіи его скопища. Но имама трудно было провести, да и притомъ, послѣ всѣхъ предыдущихъ неудачъ на лезгинской линіи онъ былъ не особенно податливъ на подобныя предложенія, опасаясь, между прочимъ, черезчуръ одолѣвать населеніе и въ особенности ослабить войска у с. Салты, гдѣ началась осада. Онъ отвѣчалъ Шабану очень любезно, что не стѣсняетъ его въ привлеченіи на доброе дѣло всякаго правовѣрнаго и желаетъ ему успѣха, но, по случаю жаровъ и болѣзней на плоскости, а преимущественно и пребыванія русскихъ войскъ въ горахъ (у Салты), не можетъ удовлетворить безкорыстнаго стремленія своего храбраго и вѣрнаго сподвиж-

ниба; въ исходѣ же рамазана, т. е. въ концѣ августа, когда станетъ прохладнѣе, послѣуютъ фрукты и хлѣбъ, онъ не замедлитъ послать партію на Бежаньяны, а самъ двинется на Закаталы. Нечего дѣлать, пришлось Шабану оборачиваться своими средствами, и въ то же время дѣйствовать на Даніельбека. — и нельзя сказать, чтобы онъ плохо или неумѣло успѣлъ въ томъ и другомъ, такъ какъ къ 29-му іюля у него было уже въ сборѣ до полуторы тысячи человѣкъ, независимо отъ партіи въ четыреста человѣкъ, которую онъ выставилъ на Химрикѣ въ видѣ наблюдательнаго караула; въ Анцухѣ стояло подъ ружьемъ пятьсотъ человѣкъ, да отъ Даніельбека шли къ нему до семисотъ человѣкъ. Противодѣйствіе же наше войскамъ непріятеля выражалось къ первому августа въ слѣдующихъ нашихъ подвижныхъ силахъ: на урочищѣ Месельдегерѣ—три роты 1-го баталіона тифлискаго егерскаго полка (314-ть чел.), двѣ сотни казаковъ донскаго № 28-го полка (189-ть чел.), команда волонтеровъ (77-мь чел.), команда джаро-лезгинской постоянной милиціи (15-ть чел.), взводъ горныхъ орудій 21-й артилерійской бригады, шесть станковъ конгревовыхъ ракетъ; на урочищѣ Доорджабалѣ—4-й баталіонъ мингрельскаго егерскаго полка (579-ть чел.), взводъ крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка и новозакатальскаго гарнизона, взводъ горныхъ орудій 21-й артилерійской бригады; на урочищѣ Акималѣ—3-й баталіонъ эриванскаго карабинернаго полка (665-ть чел.), рота 1-го баталіона тифлискаго полка (105-ть чел.), взводъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка, команда саперъ, полусотня 1-го пѣшаго Грузинскаго полка (100 чел.), взводъ горныхъ орудій новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона; на урочищѣ Цертель-Тахта—2-й баталіонъ тифлискаго егерскаго полка.

Съ этими незначительными средствами генералу Шварцу надлежало и охранять линію, и предпринимать, по мѣрѣ надобности, движенія въ горы, и производить работы, и под-

держивать спокойствіе въ округѣ, противоудѣствуя частнымъ прорывамъ и вторженіямъ, а также разбойничьимъ нападеніямъ шаекъ, утвердившихъ свое мѣстопробываніе въ непроходимыхъ лѣсахъ на плоскости. Нѣтъ сомнѣнія, что каждая живая единица ему была очень дорога и, сберегая ее на крайній случай, онъ пускалъ ее въ дѣло только при самой рѣшительной необходимости. Въ данный же моментъ, хотя онъ и зналъ о численности противника, о его расположеніи и о намѣреніяхъ Шабана, но не считалъ нужнымъ предпринимать что либо рѣшительное цѣлымъ отрядомъ или частью его, наученный опытомъ, что обстоятельства въ горахъ мѣняются ежедневно, и изъ большихъ затѣй часто выходитъ мыльный пузырь; поэтому, онъ ограничился пока тѣмъ, что для разсѣянія непріятельской партіи на Химрикѣ послалъ двѣ сотни капучинскихъ переселенцевъ (калакцевъ), а для предупрежденія какого нибудь сильнаго вторженія приказалъ производить частые разѣзды и обходы и дѣлать засады.

Калакцы выступили изъ Безаньянъ 5-го августа, но не дошли они, на другой день, до Химрика, какъ отъ непріятельской партіи и слѣдъ простылъ. 7-го числа они перешли въ верховье каратубанскаго ущелья, 8-го имѣли ночлегъ на урочищѣ верхнемъ Ялагѣ (большой Эйлахъ)—и нигдѣ не встрѣтили горцевъ; 9-го они возвратились на линію къ каратубанскому укрѣпленію. Столь неожиданное исчезновеніе химрикской партіи не долго оставалось загадкою: по слѣдамъ возвратившихся изъ похода калакцевъ явился къ Шваріцу лазутчикъ и сообщилъ, что толпы Шабана сегодня или завтра намѣрены произвести нападеніе на наши войска, расположенныя на Акималѣ. Нимало не медля, Шварцъ 9-го же августа отправилъ съ Цертель-Тахты на Акималѣ три роты 2-го баталіона и команду саперъ, поставленную тамъ послѣ перваго августа.

Полковникъ Бельгардъ, предувѣдомленный начальникомъ

отряда об опасности, съ наступленіемъ ночи усилиль на Акиматъ цѣпи и секреты и, между прочимъ, устроилъ засаду изъ ста человѣкъ милиціонеровъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка. Войска улеглись у своего оружія—пѣхота на линейкѣ, а артиллеристы возлѣ орудій; огни раскладывалъ было не велѣно. Конечно, немногія безпечныя натуры предались на этотъ разъ успокоенію; большая же часть людей не смыкала глазъ и въ нетерпѣливомъ ожиданіи безмолвно проводила часъ за часомъ, напряженно прислушиваясь ко всякому незначительному шуму, почему либо нарушавшему ночную тишину. Такъ все длилось до двухъ часовъ ночи, и уже Бельгардъ, равно и многіе, готовы были разубѣдиться въ возможности нападенія—какъ вдругъ, щелкнувъ выстрѣлъ, велѣдъ за нимъ раздался въ засадѣ дружный залпъ, послышались крики сотенъ голосовъ, и закипѣла оживленная перестрѣлка. Милиціонеры не прозѣвали партіи, и авангардъ ея цѣликомъ наръзался на нихъ, но, встрѣченный ихъ огнемъ, тотчасъ же отхлынулъ назадъ и вступилъ съ ними въ состязаніе. Въ помощь грузинамъ подбѣжали двѣ роты эриванцевъ; ночной бой принялъ неспѣшный, спокойный характеръ, и все въ одномъ и томъ же видѣ продолжался до разсвѣта. Когда же первые лучи дня скользнули по горамъ, на перевалѣ Мааль-Раса и на Моуровъ-дагѣ обозначились солидныя толпы лезгинъ, о численности которыхъ, доходившей въ сложности до двухъ тысячъ человѣкъ, можно было судить по рѣявшимъ, при восходящемъ солнцѣ, разноцвѣтнымъ значкамъ. Свѣтъ дня измѣнилъ ходъ дѣла, потому что наши орудія вступили въ свои права. Послѣ нѣсколькихъ гранатъ, полковникъ Бельгардъ двинулъ въ атаку полусотню 1-го Грузинскаго пѣшаго полка и обѣ роты эриванцевъ, сбиль ночную партію съ ея позиціи, смялъ ее почти на глазахъ всего остальнаго скопища и заставилъ убраться на Мааль-Расу. При послѣшномъ отступленіи горцы не успѣли захватить пять тѣлъ,

которыя остались на мѣстѣ боя. У насъ ранено два милиціонера.

Ночное нападеніе на Акималь было пробой и началомъ исполненія какого нибудь широкаго замысла горцевъ, потому что, независимо партій на Мааль-Расъ и Моуровъ-дагъ, на горѣ Губахъ, въ разстояніи всего десяти верстъ отъ Бѣлоканъ, стояла третья большая партія, ожидавшая своей очереди. Когда генераль Шварцъ получилъ свѣдѣнія объ исходѣ ночнаго боя на Акималѣ и о губахскомъ скопищѣ, то, для поддержанія Бѣлоканъ и занятія дороги съ Губаха въ это селеніе, направилъ съ Акимала всю милицію и вызвалъ съ лѣваго фланга двѣ роты 3-го баталіона тифлискаго полка, которыя 15-го числа поставилъ въ Лагодехахъ. Послѣ неудачнаго покушенія на Акималь, непріятельскія партіи снова заняли свои мѣста.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, еслибы жители горныхъ магаловъ осуществляли на дѣлѣ то расположеніе и ту преданность къ намъ, которыя выражали на словахъ, то непріятель не могъ бы такъ свободно разгуливать противъ нашего праваго фланга линіи, и пребываніе Даніельбека, а также посѣщеніе магаловъ другими дагестанскими наибами, не были бы обставлены для нихъ всѣми удобствами. Шварцъ имѣлъ это въ виду тотчасъ же послѣ бехельдинскаго дѣла, когда получилъ извѣстіе о томъ, что дѣлается въ горахъ на всемъ протяженіи отъ Кейсеруха до Элису, и свои соображенія по этому поводу представилъ на усмотрѣніе главнокомандующаго. Въ отвѣтъ онъ получилъ желаніе князя Воронцова—обуздать своеволіе горныхъ магаловъ и наказать ихъ. Въ особомъ же письмѣ, главнокомандующій, описывая положеніе наше у Салты, излагалъ и причины, по которымъ находилъ необходимымъ сильную диверсію со стороны лезгинской линіи (приложеніе X). Откладывать это дѣло было не для чего, и генераль Шварцъ, на другой же день послѣ нападенія гор-

цевъ на Акималъ, приказалъ полковнику Вельгарду, съ тремя ротами 1-го тифлискаго баталіона, со взводомъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка и двумя горными орудіями 21-ой артилерійской бригады, двинуться изъ отряда, черезъ Закаталы, въ мухакское ущелье, а оттуда въ горный магалъ, въ верховья р. Самура, къ селенію Калялю. Явясъ на этотъ пунктъ, онъ, вопервыхъ, долженъ былъ войти въ сношеніе съ начальникомъ самурскаго округа полковникомъ Ротомъ относительно взаимнаго содѣйствія, и вовторыхъ, согласно указанію главнокомандующаго, показать видъ движенія черезъ с. Арчи рысурскаго магала, къ Ирибу—мѣстопробыванію Даніельбека, распространивъ слухи, что тамъ онъ соединится съ лезгинскимъ отрядомъ. Цѣлю этого движенія, кромѣ обузданія жителей магала, еще было и развлеченіе вниманія и силъ Даніельбека въ интересахъ дагестанскаго и даже лезгинскаго отрядовъ, а также нравственное вліяніе на низменныя деревни этой части округа. Въ этомъ смыслѣ Вельгарду была дана подробная инструкція, которая, спустя немного, дополнена распоряженіемъ о прекращеніи вывоза изъ горныхъ магаловъ хлѣба въ непріятельскія общества и объ арестованіи нѣкоторыхъ укрывавшихся въ этихъ магалахъ довольно важныхъ бѣглецовъ изъ округа. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Шварцъ не замедлилъ донести главнокомандующему и получилъ, въ отвѣтъ, совершенное его одобреніе (приложеніе XI).

Полковникъ Вельгардъ, выступивъ изъ Закаталъ 13-го августа, 14-го ночевалъ на урочищѣ Ахдамъ-Тахта и 15-го занялъ крѣпкую позицію противъ селенія Калялю, куда 17-го числа прибыли къ нему изъ Закаталъ еще двѣ роты 3-го баталіона эриванскаго полка, а 18-го—пятьдесятъ казаковъ. За выступленіемъ отряда Вельгарда, на Моуровъ-дагъ и на Акималъ осталось девять ротъ пѣхоты, команда саперъ, сотня казаковъ, 50 волонтеровъ, взводъ крѣпостныхъ ружей, че-

тыре горныхъ орудія и взводъ боевыхъ ракетъ. По прибытіи нашихъ войскъ въ Каляло, старшины всѣхъ селеній горныхъ магаловъ бѣлоканскаго округа явились къ Бельгарду съ изъявленіемъ преданности и обязались отъ каждаго селенія выставить караулы для наблюденія за хищниками. Слѣдую полученной инструкціи и желая удостовѣрить Даніельбека въ движеніи своемъ къ Ирибу, чтобы этимъ отклонить его отъ вторженія въ Казикумухъ или въ бѣлоканскій округъ, какъ сообщалъ о томъ Шварцу князь Аргутинскій, полковникъ Бельгардъ приказалъ жителямъ исправлять дорогу въ рысурскій магалъ.

Выступленіе съ Акимала части войскъ ослабило и безъ того ограниченный составъ дѣйствующихъ войскъ лезгинскаго отряда; поэтому, съ лѣваго фланга линіи была истребована карабинерная рота 3-го баталіона тифлискаго полка и поставлена на Месельдегеръ, а по недостатку, отъ болѣзней, войскъ въ Закаталахъ, проживающимъ тамъ армянамъ было предложено взять на себя временно выставку на ночь нѣкоторыхъ постовъ—на что они охотно изъявили согласіе и исполняли эту обязанность до 25-го августа, когда прибыла въ Закаталы изъ Каляло, съ больными, 3-я егерская рота тифлискаго полка, которая уже болѣе въ отрядѣ Бельгарда не возвратилась. Отозваніе же въ непродолжительный срокъ трехъ ротъ съ лѣваго фланга на правый дало поводъ дидойцамъ предполагать, что имъ удобно будетъ прорваться въ Кахетію, поэтому они наскоро собрали довольно значительную партію и 18-го августа двинулись мимо горы Андаразани къ лопотинскому ущелью. Но, какъ въ горахъ былъ извѣстенъ каждый нашъ шагъ, такъ и у насъ на плоскости получались заблаговременно всѣ свѣдѣнія о покушеніяхъ нашихъ соеѣдей, вслѣдствіе чего и на этотъ разъ полковникъ Квятковскій предупредилъ партію, и намѣреніе ея не состоялось: не втянувшись еще въ лопотинское ущелье, она повернула назадъ и разошлась по до-

мамъ. Послѣ этого, непріятель остался все въ прежнемъ оборонительномъ положеніи въ Джурмутѣ и другихъ обществахъ, прилежащихъ къ линіи, высылая на плоскость для грабежей и хищничества только мелкія партіи, среднимъ числомъ человекъ въ 50-ть и рѣдко въ 100 человекъ. Для предупрежденія ихъ вторженія и для поимки разбойниковъ, генераль-лейтенантъ Шварцъ сформировалъ изъ лучшихъ стрѣлковъ команды охотниковъ, которыя съ той минуты и начали рыскать по всѣмъ труппамъ.

Въ такомъ видѣ были дѣла почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Никакихъ крупныхъ боевыхъ явленій съ обѣихъ сторонъ не происходило, и вся дѣятельность горцевъ сводилась лишь къ хищничеству и частнымъ нападеніямъ, которыя не вліяли на положеніе нашего отряда.

Между тѣмъ, 14-го сентября одинъ изъ главнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ въ Дагестанѣ—укрѣпленіе Салты—палъ и снесенъ съ лица земли; благодаря пребыванію нашихъ войскъ въ Калялю и благоразумнымъ дѣйствіямъ Бельгарда, а также нахожденію Даніельбека большею частью при толпахъ осажденнаго Салты, горные магалы провели время въ спокойствіи и добронравіи, и никакого вторженія ни въ Казикумухъ, ни въ бѣлоканскій округъ не состоялось; наконецъ, всѣ бараны горныхъ жителей были спущены на плоскость. Въ виду этого, въ пребываніи нашихъ войскъ въ горномъ магалѣ не предстояло болѣе надобности, а между тѣмъ на плоскости они были очень нужны, потому что нападенія и разбои хищниковъ не уменьшались, да кромѣ того, 14-го сентября спустились въ округъ по разнымъ направленіямъ три партіи, подъ начальствомъ джурмутскаго, ташскаго и канадальскаго набовъ. Хотя каждая изъ этихъ партій была незначительна, но не было никакого сомнѣнія, что всѣ онѣ могли усилиться жителями и сдѣлались бы тогда опасными. Генераль Шварцъ экстренно далъ знать полковнику Бельгарду, чтобы онъ выступилъ изъ

Калялю и прибылъ въ два перехода. 16-го сентября Бельгардъ явился, съ своимъ отрядомъ, къ с. Мухаху и 17-го расположился у сел. Катехи. Не успѣли его войска стряхнуть съ себя походную пыль, какъ получили приказаніе, вслѣдствіе появленія непріятели на Мааль-Расѣ, выступить къ отряду на Месельдегеръ. 19-го сентября они прибыли по назначенію, и 20-го весь отрядъ съ этого урочища и съ Акимала тронулся на Мааль-Раса, чтобы внезапно напасть на горскіе караулы, расположенные по всему протяженію этого хребта и, если возможно, захватить ихъ. Но эту программу, къ сожалѣнію, выполнить не удалось, потому что лунная свѣтлая ночь выдала наше движеніе, и лезгины одновременно бѣжали со всѣхъ пунктовъ по направленію къ селенію Бехельдѣ, гдѣ стояло главное ихъ скопище, подъ начальствомъ Шабана и Адалова. Шварцъ готовился уже послѣдовать и туда, какъ получилъ вѣрное извѣстіе, что оба наиба успѣшно удалились въ Тебель. Преслѣдовать ихъ было невозможно, потому что войска шли налегкахъ, а холодъ пронизывалъ до костей; да притомъ, нигдѣ на дорогѣ не было подножнаго корма. Поэтому генераль Шварцъ повернулъ назадъ. 21-го сентября взорвалъ главный зимній путь изъ Джурмута въ округъ—съ Мааль-Расы на Акималъ, и на другой день остановился на Месельдегерѣ.

Оставалось, послѣ этого, удѣлить надлежащую долю вниманія тѣмъ партіямъ трехъ наивовъ, которыя пріютились въ лѣсахъ округа и, какъ видно, не располагали ретироваться оттуда нѣкоторое время безъ особенно уважительныхъ причинъ, побуждаемая необходимостью перехватить у жителей на зиму для своихъ семействъ возможно большее число великихъ запасовъ. Генераль Шварцъ узналъ, что соединительнымъ пунктомъ для нихъ съ горами служить селеніе Каписдара, расположенное въ катехскомъ ущельи, которое болѣе всего содѣйствовало ихъ безпрепятственному прорыву на пло-

скость. Это селеніе, состоявшее всего только изъ четырнадцати дымовъ, давно обратило на себя вниманіе начальника отряда своею неблагонадежностью и было уличено не разъ въ передержательствѣ бѣглецовъ и въ укрывательствѣ хищниковъ; никакія убѣжденія не могли удержать жителей его отъ приостановительства и участія въ разбояхъ, и послѣднее нападеніе на команду, проходившую съ Месельдегера въ Закаталы, при которомъ убито три офицера изъ волонтеровъ, было произведено 13-го сентября изъ этого селенія (приложеніе XII). Прежде чѣмъ гоняться за партіями набовъ, Шварцъ рѣшилъ уничтожить причину зла, т. е. вѣроломное и разбойничье Каписдара. Съ этою цѣлью 22-го сентября онъ командировалъ туда, съ частью войскъ, полковника Бельгарда, и послѣдній на славу исполнилъ возложенное на него порученіе: отъ Каписдара не осталось и слѣда; даже камни его сакль были разметаны по ущелью.

26-го сентября лезгинскій отрядъ перешелъ на гору большой Губахъ—частью по неимѣнію на Месельдегеръ подножнаго корма, а болѣе потому, чтобы быть ближе къ тебельскому обществу, куда удалилось изъ Джурмута скопище горцевъ. Но въ послѣднемъ случаѣ опасности не оказалось, потому что мулла Шабанъ и мудиръ Адаловъ въ это время выѣхали на совѣщаніе къ Шамилю и распустили свои толпы по домамъ. Да, наконецъ, и пора было угомониться, потому что повалилъ снѣгъ, и въ горахъ началась зима. 27-го сентября отрядъ спустился на плоскость и расположился слѣдующимъ образомъ:

Въ крѣпости Закаталахъ—1-й и 4-й баталіоны, рота 2-го и двѣ роты 5-го баталіоновъ тифлискаго полка и два горныхъ орудія 21-й артилерійской бригады; на бахталъскомъ посту—полторы сотни 28-го донскаго казачьяго полка; въ катехскомъ ущельи—три роты 2-го баталіона тифлискаго, 3-й баталіонъ эриванскаго полковъ, со взводомъ крѣпостныхъ

ружей, взводъ конгревовыхъ ракетъ и два горныхъ орудія 21-й артилерійской бригады; въ укрѣпленіи Бѣлоканахъ—команда саперъ для поправки строеній; близъ укрѣпленія Лагодехъ—4-й баталіонъ мингрельскаго полка и полтора взвода крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка и новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона; на лѣвомъ флангѣ линіи—3-й баталіонъ тифлискаго полка. 4-го октября прибылъ въ Зака-талы 3-й баталіонъ гренадерскаго полка (грузинскаго).

Едва совершилось это распредѣленіе войскъ, какъ лазутчики дали знать, 11-го октября, что анкратльцы собираются завершить надняхъ дѣятельность истекающаго года нападеніемъ на с. Бѣлоканы и сожженіемъ его. По этому случаю, 4-й баталіонъ мингрельскаго полка, взводъ горныхъ орудій новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона и взводъ крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка были двинуты того же числа въ Бѣлоканы. Поспѣшное прибытіе этихъ частей войскъ предупредило вторженіе, и Бѣлоканы остались цѣлы и невредимы.

23-го октября дивизионъ горныхъ орудій 21-й артилерійской бригады, взводъ боевыхъ ракетъ той же бригады и команда саперъ отправлены съ лезгинской линіи въ свои штабъ-квартиры, а 25-го числа спущены въ Кара-Агачъ и казаки донскаго № 28-го полка.

✓ / Совѣщаніе наибовъ у Шамиля не прошло безслѣдно, и рѣшеніе этого митинга оборвалось, въ началѣ ноября, послѣ праздника курбана, на южномъ Дагестанѣ; лезгинскую же линію миновала чаша сія. Мудирь Адаловъ и мулла Шабанъ, возвратившись съ даргинскаго конгресса, гдѣ первый изъ нихъ получилъ новое званіе наибо надъ наибами *), привезли анкратльцамъ строжайшее приказаніе имама—ни въ какомъ слу-

*) Мулла Шабанъ оставленъ наибомъ Джурмута, Тебея и Канады; нашъ дезертиръ Кара-Али назначенъ наибомъ Анпросо, Бохнады и Ухнады, а мудирь Адаловъ—наибомъ надъ ними обоими.

чаѣ не изъявлять покорности русскому правительству. Обѣщанное черезъ Шабана и Адалова вспоможеніе анкратльцамъ для нападенія на бѣлоканскій округъ и личное для этого прибытіе въ Анкратль Шамиль отложили до другаго времени.

Годъ кончился. Независимо отъ изложенныхъ выше крупныхъ событій, онъ былъ полонъ тѣми частными нападеніями горцевъ на наши границы, которыя составляли особый родъ войны на лезгинской линіи въ теченіе столь долгаго времени, а также имѣли и свой особый характеръ. Перечислить ихъ все нѣтъ возможности; для полноты же описанія достаточно будетъ ознакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. До мая мѣсяца, по случаю суровой зимы въ горахъ, ихъ почти не было, и только съ этого времени они постепенно усиливались и усложнялись (приложеніе XII).

IV.

Высочайше утвержденныя предположенія на 1848-й годъ. Положеніе дѣлъ въ горахъ въ началѣ 1848-го года. Неудавшееся нападеніе на Бѣлоканы. Расположеніе войскъ въ округѣ къ 1-му апрѣля. Нападеніе горцевъ на наши предѣлы. Неудавшееся новое обширное вторженіе Даниельбека. Предотвращеніе четырехъ другихъ серьезныхъ нападеній на линію. Отпоръ горцамъ 31-го мая. Молодецкая схватка съ лезгинами, 18-го іюня, казаковъ донскаго № 28-го полка. Оригинальный способъ осады. Нападеніе сильной партіи на селеніе Лялехури въ ночь съ 28-го на 29-е іюня. Свѣдѣнія о новыхъ нападеніяхъ. Энергія генерала Шварца. Высочайшая милость. Занятіе непріателемъ горнаго магала. Рекогносцировка на Гудуръ-дагъ и схватка съ горцами. Нападеніе на Тунетію кистинъ. Расположеніе нашихъ войскъ къ первому августа.

Среди всехъ многочисленныхъ тревогъ на лезгинской кордонной линіи въ 1847-мъ году, на лѣвомъ флангѣ ея не было ни одного прорыва значительной партіи, и Кахетія, по словамъ главнокомандующаго, никогда не наслаждалась такимъ спокойствіемъ. Князь Воронцовъ, соглашаясь съ мнѣ-

ніемъ генераль-лейтенанта Шварца, относить эту злѣчную долю кахетинцевъ къ постройкѣ кодорскаго укрѣпленія, какъ надежнѣйшаго стража алазанской долины.

Между тѣмъ, на правомъ флангѣ линіи еще не было существенныхъ преградъ для вторженія горцевъ. Обширное нападеніе Даніельбека доказало, что ихъ необходимо устроить какъ можно скорѣе и этимъ прекратить сообщеніе паргій съ единовѣрческимъ, единоплеменнымъ и даже единомыслящимъ населеніемъ джаро-бѣлоканскаго округа. Для достиженія этой цѣли нужно было запереть все пути небольшими укрѣпленіями—дѣло тѣмъ болѣе возможное, что путей этихъ являлось немного, и мѣстность намъ вполне способствовала. Такая линія не могла быть выдвинута за хребетъ или на хребетъ, потому что земли, прилегавшія къ правому флангу были безплодны, горы черезчуръ высоки и дороги непроходимы; линія же на самой плоскости, не смотря на обиліе постовъ, не въ состояніи была остановить непріятеля, потому что эти посты были обходимы повсюду, а лѣса, не взирая на постоянныя вырубкі, росли неимоვნю быстро; слѣдовательно, для возведенія укрѣпленій нужно было приискать другіе выгодные пункты—и генераль Шварцъ нашелъ ихъ на южныхъ и понижающихся отрогахъ хребта, впереди лѣсистой полосы, примыкающей къ Лагодехамъ и Закаталамъ, а именно: а) на горѣ Губахъ, при соединеніи дорогъ изъ Бѣлоканъ и Лагодехъ на главный хребетъ, б) на урочищѣ Цертель-Тахта—на сообщеніи изъ Бѣлоканъ черезъ гору Акималъ на Мааль-Раса и в) на Месельдегерѣ—для прикрытія дороги изъ Закаталъ въ Джурмутъ. На первомъ и третьемъ пунктахъ онъ находилъ необходимымъ построить укрѣпленія, каждое на одну роту, а на второмъ—оборонительную башню на взводъ пѣхоты и на одно орудіе. Для связи этихъ фортовъ требовалось два наиблагодательныхъ поста и, сверхъ того, отдѣльная башня на 70 человекъ, съ однимъ орудіемъ, на проходѣ динди-даг-

скомъ—какъ главною сообщеніи горныхъ магаловъ съ Бѣлоканскимъ округомъ, черезъ мухахское ущелье, откуда Даніельбекъ угрожалъ деревнямъ, оставшимся намъ покорными. Всѣ эти пункты изобиловали водою, дровами и пастбищами, пользовались здоровымъ климатомъ, лежали въ виду одинъ другаго, и съ нихъ открывался весь обнаженный главный хребтъ, со всѣми вьющимися по немъ тропинками. Съ учрежденіемъ этихъ пунктовъ, совершенно закрывались всѣ главные пути на правомъ флангѣ линіи со стороны горъ, наблюденіе за непріателемъ облегчалось безъ пособія постовъ, покорныя селенія прикрывались, сообщеніе ихъ съ горами прекращалось, главные входы въ Джурмутъ и Анкратль переходили въ наши руки, а войска устранялись отъ горячекъ и лихорадокъ. Затѣмъ, Бѣлоканскій фортъ, по вредному его климату, подлежалъ упраздненію.

Такимъ образомъ, главная дѣятельность нашихъ войскъ въ 1848-мъ году должна была состоять въ перенесеніи линіи на уступъ кавказскаго хребта; второстепенныя же предположенія, касавшіяся улучшенія обороны лезгинской линіи, заключались въ слѣдующемъ: 1) между Закататами и Бѣлоканами, на урочищѣ Цоорквицъ, поставить крѣпкую вышку для караула; 2) привести въ надежное оборонительное положеніе аулъ переселившихся калучинцевъ (бежитцевъ и калакцевъ) близъ укрѣпленія Бежаньянъ; 3) прорубить въ нѣсколькихъ мѣстахъ просѣки; 4) поселить близъ бахталскаго поста нѣсколько семействъ энгилойцевъ, для обезпеченія сообщенія Закаталъ съ мутандинскою переправою, и обязать ихъ содержать карауль и конвоировать проѣзжающихъ; 5) продолжать разработку военно-ахтынской дороги черезъ главный хребтъ.

Эти занятія не исключали наступательнаго движенія отряда въ Анкратль и прилежащія общества, еслибы къ тому оказалась надобность, чтобы держать ихъ въ страхѣ, пре-

пятствовать распространению влияния Даниельбека и предупредить всякіе замыслы его на бѣлоканскій округъ.

Предположенія эти въ началѣ ноября 1847-го удостоились Высочайшаго одобренія и утвержденія; часть же изъ нихъ, относившаяся къ второстепеннымъ занятіямъ войскъ, кромѣ поселенія энгилейцевъ и работъ по военно-ахтынской дорогѣ, была приведена въ исполненіе къ началу 1848-го года. Князю Воронцову, между прочимъ, предоставлено было видоизмѣнить то или другое по своему усмотрѣнію, и на этомъ основаніи онъ отложилъ, къ сожалѣнію, сооруженіе весьма важнаго месельдегерскаго укрѣпленія, замѣнивъ его постройкою въ Лагодехахъ укрѣпленной штабъ-квартиры для баталіона тифлискаго полка.

Для осуществленія вышеозначенныхъ предположеній и для наступательныхъ, въ случаѣ надобности, движеній въ горы были назначены слѣдующія войска: два баталіона эриванскаго карабинернаго, три баталіона тифлискаго егерскаго и одинъ баталіонъ мингрельскаго егерскаго полковъ, рота саперъ, команды съ крѣпостными ружьями эриванскаго и тифлискаго полковъ, 1-й Грузинскій пѣшій полкъ, шесть горныхъ орудій и три сотни донскаго № 28 полка; для продолженія же работъ на военно-ахтынской дорогѣ—сто человекъ саперъ и одинъ баталіонъ тифлискаго полка, а по окончаніи экспедиціи въ Дагестанъ—еще баталіонъ мингрельскаго полка. Эти два послѣдніе баталіона, въ случаѣ вторженія сильнаго непріятели въ бѣлоканскій округъ, подчинялись непосредственно генераль-лейтенанту Шварцу, съ тѣмъ, чтобы безъ крайней необходимости онъ не отвлекалъ ихъ отъ занятій. Пѣхота, артилерія и саперы должны были прибыть на лезгинскую линію, въ крѣпость новые Закаталы, въ началѣ апрѣля, а кавалерія—къ первому мая или даже ранѣе, если покажется подножный кормъ.

Положеніе въ горахъ въ началѣ 1848-го года повиди-

тому совершенно отвѣчало нашимъ цѣлямъ и планамъ на этотъ годъ. Тамъ и сямъ неудовольствіе населенія къ своимъ наибамъ и другимъ представителямъ, несогласіе въ побужденіяхъ народа, выразившееся за и противъ насъ, распри между самими наибами, а главнѣе всего усиливавшійся голодъ, угрожавшій лезгинамъ полною безысходностью, на первый разъ достаточны были для того, чтобы намъ не ждать въ 1848-мъ году никакихъ крупныхъ военныхъ событій на лезгинской линіи. Прежде всего, распространился даже слухъ, который дошелъ и до главнокомандующаго, что мудиръ Адаловъ убитъ своими же мюридами; но, къ сожалѣнію, этого не случилось. Поводомъ же къ такому пріятному для насъ извѣстію послужило, вопервыхъ, притѣсненіе Адаловымъ безжитцевъ, которыхъ онъ немилосердно обременялъ работами по устройству укрѣпленнаго палисада вокругъ своего дома, и вторыхъ—крупная ссора между имъ и нашими джарскими бѣглецами и представителями ихъ: бывшимъ маіоромъ Кара-Али и его братомъ Гаджи-Гаджіевымъ. По случаю этого обстоятельства оба брата-измѣнники, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ бѣглыхъ джарцевъ, ѣздили даже съ жалобою къ Шамилю, но, должно быть, не достигли важныхъ для себя результатовъ, потому что велѣдъ затѣмъ Кара-Али повернулъ въ другую сторону, именно—поднять вопросъ о переселеніи къ намъ обратно. Какъ взглянулъ на это князь Воронцовъ, и какія вообще были воззрѣнія въ свое время на данный предметъ, видно изъ письма главнокомандующаго къ генералу Шварцу отъ 21-го января 1848-го года, которому онъ писалъ:

„... Извѣстный вамъ Коргановъ (Ванька Каинъ) далъ мнѣ надняхъ записку насчетъ нѣкоторыхъ изъ непокорныхъ племенъ сосѣдственнаго съ вами Дагестана и просилъ меня сообщить ее вамъ и спросить вашего мнѣнія. Я вамъ ее посылаю и, вмѣстѣ съ нею, и другую, которую онъ мнѣ принесъ вчера, насчетъ желанія бѣглеца Кара-Али возвратиться къ намъ, если будетъ ему

прощено. Никто, кромѣ васъ, не знаетъ, справедливо ли это желаніе Кара-Али, и можно ли его простить; но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что первый шагъ или предложеніе должно быть не отъ насъ, а отъ него самого, а также, что ежели онъ покорится только самъ собою, не склонивъ въ то-же время какую нибудь часть изъ горцевъ, между которыми онъ теперь находится, то и при прощеніи нужно будетъ его удалить куда нибудь, и хотя на годъ или на два не позволить ему остаться въ нашемъ округѣ“.

Отвѣтъ на это генерала Шварца неизвѣстенъ; должно думать, что онъ былъ данъ на словахъ въ бытность его затѣмъ въ Тифлисѣ, и данъ не въ пользу Кара-Али. Если же Шварцъ не противорѣчилъ князю Воронцову, то, значитъ, самъ Кара-Али остановился въ дальнѣйшемъ исполненіи своего намѣренія по какимъ нибудь уважительнымъ причинамъ, такъ какъ продолжалъ пребывать въ горахъ, ссорился съ Адаловымъ и, въ заключеніе, предпринималъ, съ шайками, нападенія на округъ. Какъ ни ничтожны для насъ черезъ тридцать пять слишкомъ лѣтъ такія два явленія, какъ выраженіе желанія бывшимъ маіоромъ изъ лезгинъ возвратиться подъ нашу опеку, и ссора его съ однимъ изъ главныхъ наибовъ, но въ свое время эти обстоятельства были для насъ достаточно важными, а среди горцевъ и подавно имѣли особенное значеніе.

Нѣкоторыя изъ анкратльскихъ обществъ, которымъ Шамиль воспретилъ въ концѣ 1847-го года заявлять намъ покорность, побуждаемая преимущественно недостаткомъ хлѣба и корма для своихъ стадъ, а также невозможностью спускать послѣднія на плоскость, не только не обратили вниманія на присланное имъ изъ Вѣденя строжайшее запрещеніе, но подстрекали даже своихъ дагестанскихъ сосѣдей къ примиренію съ нами. Такъ, андалаяльцы открыто говорили, что если Шамиль не позволитъ имъ подчиниться намъ, то они сами это сдѣлаютъ. Въ легкомысленномъ заблужденіи о томъ, что мож-

но игнорировать могучую волю Шамиля и уклониться отъ его желѣзной руки, горцы вообще толковали, что другой разъ, подобно тому, какъ при защитѣ Салты, они подвергать себя гибели не будутъ и не станутъ болѣе терять лучшихъ людей, ничего не пріобрѣтая и не имѣя возможности уже два года поживиться чѣмъ либо себѣ на здоровье. Конечно, эти общія толкованія разлетѣлись по вѣтру при первомъ воззваніи имама; только немногіе, болѣе предусмотрительные и рѣшительные люди успѣшили заблаговременно свое слово обратить въ дѣло. Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежалъ прежде другихъ джурмутскій наибъ Ибрагимъ-Магометъ, который при всѣхъ переворотахъ въ Анкратлѣ оставался намъ неизмѣнно вѣрнымъ. Онъ собралъ 64-ре семейства джурмутскаго и тебельскаго обществъ и, вмѣстѣ съ ними, въ началѣ февраля просилъ дозволенія поселиться навсегда у насъ на плоскости. Генераль Шварцъ встрѣтилъ эту просьбу сочувственно—прежде всего въ политическихъ нашихъ видахъ, а потомъ и въ интересахъ округа. По его мнѣнію, вопервыхъ, примѣръ Ибрагимъ-Магомета и компаніи могъ подѣйствовать на анкратльцевъ, которые, имѣя уже образчикъ благоденствія и спокойствія въ выселившихся калучинцахъ, постараются и сами заслужить дозволеніе на выходъ къ намъ изъ горъ; вовторыхъ, чѣмъ болѣе у насъ будетъ переселенцевъ, тѣмъ болѣе мы будемъ имѣть свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ непокорныхъ обществахъ; втретьихъ, пустая земля будетъ занята, лѣсъ очищенъ, проведена дорога и т. п. Въ этихъ видахъ главнокомандующій согласился на просьбу Ибрагимъ-Магомета, и 64-ре семейства, вмѣстѣ съ нимъ, были поселены на пусто-порожней землѣ, уступленной имъ охотно бѣлоканскимъ обществомъ, между селеніями Ковахчель и Бѣлоканы, внизъ по р. Мазымъ-чай—конечно, не хуторами, а одною общею деревнею. Пунктъ этотъ былъ признанъ для насъ выгоднымъ потому, что, находясь ниже Бѣлоканъ, затруднялъ пересе-

ленцевъ въ nepозволительныхъ сношеніяхъ съ горцами. Къ сожалѣнію, ожиданія Шварца относительно этихъ переселенцевъ не сбылись—хотя въ этомъ пришлось убѣдиться не ему, а его преемнику: хищные споконъ вѣка, лезгины могли отстать отъ своихъ привычекъ только на короткое время.

Въ побужденіи съ джурмутцами и тебелъцами совпала большая часть бѣглецовъ округа, понуждаемая все тѣмъ же роковымъ и неустрашимымъ голодомъ, а также неудовлетвореніемъ своихъ претензій и жалобъ, принесенныхъ Шамилю; но послѣдовала къ своей цѣли другимъ путемъ, достигнувъ, впрочемъ, также благопріятнаго для себя результата. Эти провинившіеся передъ нами блудные сыны тайно возвратились въ округъ, поселились у своихъ родственниковъ и проживали у нихъ тише воды, ниже травы. Спустя немного, хозяева, пріютившіе своихъ земляковъ, рассчитывая вполнѣ на милость нашего правительства, и имѣя въ виду отданное по округу приказаніе, представили своихъ бѣглыхъ родичей нашему начальству, и только не исполнили этого жители селеній Гуляюкъ и Чардахлы. Уклоненіе послѣднихъ отъ приказанія побудило генерала Шварца командировать къ нимъ 12-го февраля для экзекуціи 2-й баталіонъ тифлискаго полка. Одинъ слухъ о такой мѣрѣ быстро привелъ къ желанной цѣли, и баталіонъ не дошелъ еще до мѣста назначенія, какъ укрыватели подчинились нашему требованію. По изслѣдованіи вины бѣглецовъ оказалось, что большая часть изъ нихъ бѣжала изъ боязни наказанія за драки между собою, а тѣ, которые были увлечены Даніельбекомъ, медлили явиться, убоявшись изъ страха казни. Конечно, все имъ было прощено, и они, давъ обѣщаніе жить смирно, водворены на прежнихъ мѣстахъ.

Генераль Шварць не ошибся: примѣръ Ибрагимъ-Магомета съ 64-мя семействами и положеніе бежитскихъ и калакскихъ переселенцевъ прежде всего подѣйствовали на непокорныхъ доселѣ намъ другихъ жителей селенія Бежиты. Въ

началъ марта они выслали четырехъ своихъ представителей, родственниковъ старшины переселившихся капучинцевъ Датхи-Аджи-Махмада-швили, съ заявленіемъ, что значительная часть жителей Бежиты желаетъ принести покорность русскому правительству, но наибы, поставленные надъ ними Шамилемъ, не допускають ихъ къ тому; бежитцы, не обращая на это вниманія, готовы были бы исполнить свое намѣреніе—хотя бы и съ нѣкоторою невыгодою для себя, но боятся, что не будутъ приняты. На это имъ пока не дано было рѣшительнаго отвѣта. Шамиль же, узнавъ о желаемомъ выселеніи и приписывая его слабости управленія бежитскаго наиба, смѣстилъ его и назначилъ изъ Бохнады другого—нѣкоего Даудъ-муллу. Однако, это не парализовало стремленій большинства.

Вообще, съ каждымъ днемъ имамъ терялъ въ своемъ лагерьѣ людей, не будучи въ состояніи устранить главной причины къ тому—все болѣе и болѣе развивавшагося голода. Въ обществахъ, прилегавшихъ къ лезгинской линіи, только одни дидойцы не страдали недостаткомъ хлѣба; анкратльскій же союзъ вынужденъ былъ отправить въ Чечню, для снисканія дневнаго пропитанія и заработковъ, болѣе тысячи человекъ—что крайне обезсиливало его на случай военныхъ операцій. Важнѣйшая причина этого голоданія заключалась въ воспрещеніи княземъ Аргутинскимъ торговли съ Дагестаномъ, и не было рѣчи о томъ, что если это воспрещеніе продлить, то горцы, приведенные въ нищету и безысходную крайность, должны бы были волей-неволей принести намъ покорность.

Шамиль хотя и не показывалъ вида, что его болѣзненно шекочать всѣ эти явленія, но и не оставался спокоенъ. То и дѣло онъ созывалъ къ себѣ на совѣщаніе представителей разныхъ обществъ, ласкалъ ихъ надеждами, обольщалъ обѣщаніями, но всѣ отъ него возвращались недовольными—хотя въ душѣ и сознавали, что это ихъ неудовольствіе безцѣльно и бесплодно. Въ особенности имамъ обращалъ внима-

ніе на общества, прилегавшія къ нашей лезгинской кордонной линіи, и когда узналъ, что анкратльцы все-таки продолжают ратовать въ пользу покорности нашему правительству, то приказалъ тотчасъ же поставить небольшіе караулы на Мааль-Расѣ и на другихъ болѣе или менѣе удобныхъ переходахъ, чтобы не пропускать къ намъ анкратльскія семейства. Конечно, его приказаніе было исполнено, и тутъ лезгины еще разъ убѣдились, что какъ ни противорѣчили они въ душѣ и даже на словахъ стремленіямъ и распоряженіямъ имама, а приходилось имъ потворствовать и ихъ исполнять.

Разнохарактерныя и рѣшительныя побужденія Шамила на этомъ не остановились. Онъ зашелъ такъ далеко, что принялъ себѣ какъ бы за правило каждую недѣлю посылать своихъ агентовъ въ хевсурское селеніе Шатиль, съ требованіемъ дани по одному рублю серебромъ съ дыма. Въ первый разъ шатильцы приняли это требованіе за бредъ больного, но когда оно начало повторяться, то объявили наотрѣзъ, что никакой дани платить не могутъ и не хотятъ, и просятъ оставить ихъ въ покоѣ. Но имамъ подобнаго отвѣта не призналъ логичнымъ, и хотя насчетъ денежной дани остановился, потому что ее насильно взять трудно, но однако, взамѣнъ ея, требовалъ безпрепятственнаго пропуска черезъ Шатиль десяти партій непріязненныхъ намъ горцевъ, обѣщая за это шатильцамъ въ подарокъ по одному лучшему ружью отъ каждой партіи. Окружной начальникъ маіоръ князь Челокаевъ, узнавъ, что двѣ партіи кистинъ (митхойцы и майститцы) уже находятся въ сборѣ и, предводимые наибомъ Арсико-Махамазъ-оглы, готовы, при малѣйшемъ колебаніи хевсуръ, проникнуть въ горную Пшавію, двинулъ туда 350-ть человекъ собранной имъ наскоро телавской милиціи. Ему не удалось встрѣтиться съ наибомъ Арсико, потому что горцы обоихъ кистинскихъ обществъ, составлявшихъ его толпы, перессорились между собою, передрались и разошлись по домамъ. У митхойцевъ,

во время драки, было убито два, а у майститцевъ пять человекъ.

Хорошо, что затрудненіе, которое приготовили для насъ кистины, разрѣшилось такимъ неожиданнымъ и благополучнымъ образомъ; въ противномъ случаѣ майору князю Челобаеву, съ горстью его милиціонеровъ, пришлось бы очень тѣсно, потому что генераль Шварцъ, по недостатку войскъ, поддержать его не могъ; онъ даже долженъ былъ отказаться отъ содѣйствія, въ началѣ марта, начальнику самурскаго округа, когда узналъ о сборѣ мюридовъ при селеніи Ирибѣ, гдѣ находился Даніельбекъ, и о намѣреніи ихъ обратиться въ самурскую долину, изъ которой сообщеніе съ Даніельбекомъ сдѣлалось свободнымъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ горахъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1848-го года. Благодаря зимней суровой порѣ, въ этотъ промежутокъ времени никакихъ прорывовъ на плоскость не было, и на линіи все было спокойно. 29-го же марта было получено въ Закаталахъ первое извѣстіе, что въ Джурмутѣ собралась значительная непріятельская партія, намѣревающаяся спуститься по бѣлоканскому ущелью, напасть на селеніе Бѣлоканы, ограбить и истребить преданныхъ намъ людей. Хотя желаніе этой партіи было очень смѣлое, потому что одинъ ненастный день въ горахъ могъ закрыть ей дорогу для отступленія, но примѣръ подобной дерзости въ декабрѣ 1846-го года и крайній недостатокъ хлѣба въ Анкратлѣ дѣлали все возможнымъ. Поэтому, на всякій случай были сдѣланы слѣдующія распоряженія: на усиленіе гарнизона бѣлоканскаго форта, гдѣ находилось до двухсотъ милиціонеровъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, выслана команда охотниковъ изъ семидесяти лучшихъ стрѣлковъ для открытія непріятеля обходами; баталіону, расположенному для работъ близъ Лагодехъ, предписано—по первому требованію бѣлоканскаго воинскаго начальника тотчасъ при-

быть въ Бѣлоканы, изъ Закаталь двинуться туда двумъ ротамъ пѣхоты и двумъ легкимъ орудіямъ, а изъ Царскихъ Колодцевъ въ Лагодехи, на соединеніе съ баталіономъ, въ одинъ переходъ—взводу крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка; 3-му мингрельскому баталіону, слѣдовавшему на линію, въ Закаталы, вѣрно было идти сколь можно поспѣшнѣе.

Мѣры эти принесли неожиданную пользу, потому что обходы наши 1-го апрѣля усмотрѣли большую партію, спускавшуюся съ Мааль-Расы на Акималъ. По происшедшей, вслѣдствіе этого, тревогѣ, войска немедленно двинулись согласно указанному выше назначенію, кромѣ закатальскаго подкрѣпленія, которое, въ числѣ не двухъ, а трехъ ротъ, съ орудіями, подъ командою маіора князя Эристова, стало между Катехами и Мацехами, прикрывъ означенныя селенія со стороны Месельдегера. Появленіе нашихъ войскъ поставило горцевъ въ нерѣшительность относительно дальнѣйшаго наступленія, вслѣдствіе чего они простояли на Акималѣ почти цѣлый день, не двигаясь съ мѣста; 2-го же апрѣля къ вечеру они повернули назадъ въ горы. Только небольшая часть бѣглецовъ изъ округа спустилась поодиначкѣ, скрытными дорогами, въ лѣса и тамъ пріотилась до удобнаго случая.

По первымъ слухамъ о готовящемся нападеніи, генераль Шварцъ, независимо отъ распоряженій по предупрежденію непріятели, поспѣшилъ, 1-го апрѣля, расположить наличныя войска тѣмъ порядкомъ, который былъ имъ предназначенъ для обороны округа и для открытія работъ: въ гарнизонѣ кахскаго укрѣпленія—одну роту грузинскаго линейнаго № 15-го баталіона; въ крѣпости Закаталахъ—три роты грузинскаго линейнаго № 15-го баталіона, 1-й баталіонъ тифлискаго егерскаго полка и два легкихъ орудія новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона; въ бѣлоканскомъ фортѣ—одну сотню 1-го грузинскаго пѣшаго полка; на постахъ праваго

фланга—джаро-лезгинскую милицію, 20 человекъ казаковъ и для истребленія разбоевъ партизанскую команду въ 80 человекъ милиціонеровъ пѣшаго Грузинскаго полка и лучшихъ стрѣлковъ 1-го и 2-го баталіоновъ тифлискаго полка; при укрѣпленіи Лагодехахъ—1-й баталіонъ тифлискаго полка, собственно для работъ; въ укрѣпленіяхъ Бежаньяны, Кварели, Шильды и Натлисъ-Мцемели—по одной ротѣ грузинскаго линейнаго № 16-го баталіона; укрѣпленія Лагодехи, Каратубань и кодорское, а также всѣ посты по кордону лѣваго фланга лезгинской линіи были заняты милиціонерами 1-го Грузинскаго пѣшаго полка; въ резервѣ на лѣвомъ флангѣ—3-й баталіонъ тифлискаго полка и два легкихъ орудія новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона.

Непосредственно засимъ начали прибывать войска для составленія дѣйствующаго отряда: 2-го апрѣля, въ укрѣпленіе Лагодехи—взводъ крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка; 5-го, въ крѣпость Закаталы—3-й баталіонъ мингрельскаго егерскаго полка, три взвода горной № 2-го батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады и взводъ боевыхъ ракетъ изъ семи станковъ; 6-го апрѣля, въ Закаталы—команда кавказскаго сапернаго баталіона изъ 60-ти человекъ и на бахталскій постъ изъ Кара-Агача—одна сотня донскаго казачьяго № 28-го полка; 14-го числа, въ Закаталы—2-й баталіонъ и взводъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго карабинернаго полка и на бахталскій постъ—3-й баталіонъ того же полка. Изъ числа этихъ войскъ, были направлены, 9-го апрѣля, для прикрытія Катехъ и Мацехъ, въ ущелье выше этихъ селеній—3-й баталіонъ мингрельскаго полка и взводъ горныхъ орудій кавказской гренадерской артилерійской бригады, а для усиленія центра линіи выступили въ Лагодехи остальные четыре орудія той же бригады и команда саперъ.

Распредѣленіе войскъ по своимъ мѣстамъ и прибытіе частей въ составъ лезгинскаго отряда было какъ бы сигналомъ

для открытія непріязненныхъ дѣйствій со стороны горцевъ, которыя одновременно нарушили продолжительное затишье на обоихъ флангахъ линіи. Нападенія хищниковъ, разраста-ясь ежедневно то тамъ, то сямъ, не замедлили перейти въ открытыя вторженія болѣе или менѣе значительныхъ партій: въ ночь съ 24-го на 25-е апрѣля пятьсотъ отважныхъ горцевъ, подъ предводительствомъ племянника Даніельбека Тамимъ-Ага, спустились въ округъ по мухахскому ущелью и атаковали обывательскій карауль, занимавшій въ верховьяхъ его наблюдательный постъ. Произошло довольно жаркое дѣло, въ которомъ караульные, лишившись своего офицера и семерыхъ товарищей, съ честью отстояли свою позицію и не допустили непріятеля сдѣлать ни шага впередъ. Послѣдній, потерявъ девять человекъ убитыми, долженъ былъ повернуть обратно въ горы. По слѣдамъ этой партіи подвигалась другая, подъ предводительствомъ измѣнника Кара-Али, который шелъ прямо на Бѣлоканы. Но молва и исправность нашихъ лазутчиковъ опередили его: къ бѣлоканскому форту моментально были подвинуты изъ Лагодехъ двѣ роты 2-го баталіона эриванскаго полка, полувзводъ крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка и два горныхъ орудія кавказской гренадерской артилерійской бригады—и маіоръ-отщепенецъ долженъ былъ отказаться отъ удовольствія поправить неудачу даніельбековаго родича.

Среди этихъ случаевъ обратило на себя особенное вниманіе не только мѣстнаго начальства, но и главнокомандующаго происшествіе, послѣдовавшее 29-го апрѣля. Въ этотъ день, одинъ изъ переселенцевъ, водворенныхъ у насъ недавно въ числѣ шестидесяти четырехъ семействъ, именно ковахчельскій кевха Гаджи-Махмедъ-Рамазанъ-оглы, находясь въ лѣсу, замѣтилъ слѣды хищнической партіи. Прибѣжавъ домой, онъ быстро собралъ своихъ джурмутскихъ сотоварищей и съ жителями селеній Ковахчель и Килиса-Буговъ бросился за раз-

бойниками. Опъ нагналъ ихъ въ двухъ верстахъ за послѣднимъ селеніемъ. Оказалось, что партія горцевъ была довольно значительная—человѣкъ до ста; но это не испугало преслѣдователей, и они вступили съ нею въ перестрѣлку. Когда же солнце начало клониться къ закату, и явилось опасеніе, что хищники, подъ прикрытіемъ наступавшей темноты, могутъ счастливо разсѣяться, то Гаджи-Махмедъ, при содѣйствіи другихъ пяти храбрецовъ, первый бросился на непріятеля въ пашки, своимъ примѣромъ увлекъ за собою всѣхъ остальныхъ, опрокинулъ партію и преслѣдовалъ ее на разстояніи почти трехъ верстъ. Ночь положила конецъ этому дѣлу. Хотя горы унесли до десяти своихъ раненыхъ, но на мѣстѣ все же оставили двоихъ—одного убитаго и одного раненаго, и кромѣ того нѣсколько бурокъ и кожаныхъ гудъ. Со стороны переселенцевъ было ранено двое.

Случай этотъ, въ сущности, не отличался отъ другихъ молодецкихъ схватокъ подобнаго рода, чуть не ежедневно происходившихъ на протяженіи кордонной линіи, но онъ былъ важенъ и значителенъ въ томъ отношеніи, что наши новые подданные въ самомъ непродолжительномъ со дня переселенія времени воспользовались первымъ случаемъ, чтобы убѣдить насъ въ своей преданности и доказать недавнимъ своимъ со-товарищамъ, что они порвали съ ними всякія прежнія связи. Такого рода примѣръ, поучительный для всего джаро-бѣлоканскаго населенія, указывавшій имъ на возможность самообороны безъ содѣйствія войскъ, доставилъ шестерымъ главнымъ представителямъ схватки болѣе или менѣе исключительныя въ данномъ случаѣ награды: кевху Рамазану-оглы—золотую медаль, двоимъ серебряныя медали, а троимъ—денежныя награды, по десяти червонцевъ каждому.

Пока происходили на плоскости всѣ эти столкновенія, въ горахъ собиралось многочисленное скопище, съ полнымъ рѣшеніемъ повторить прошлогоднее нападеніе не только на

джаро-бѣлоканскій округъ, но и на Кахетію. Пунктами для сбора партій служили: Кейсерухъ, неизбѣжный Джурмутъ, Дидо и Анцухъ. Въ первомъ изъ нихъ ратовалъ самъ Даніельбекъ, съ своимъ молочнымъ братомъ Богарчи и съ Юсуфъ-бекомъ, въ остальныхъ—мулла Шабанъ, мудиръ Адаловъ, Хаджи-Муратъ, Кибитъ-Магома, каляльскій Турачь-Дибиръ, гидатлинскій Нуръ-Магометъ и даже Кара-Али. Словомъ, собрались все горскія знаменитости. Мулла Шабанъ разрабатывалъ, между прочимъ, дороги между Джурмутомъ и Канадою и посильно устроивалъ мостъ черезъ рѣку Никиль-оръ. Вторженіе на правый флангъ предположено было по катехскому или бѣлоканскому ущельямъ, а на лѣвый—по сабуйскому. Генераль-лейтенантъ Шварцъ, вѣдѣствіе этихъ извѣстій, придвинулъ опять изъ Лагодехъ къ Бѣлоканамъ двѣ роты 2-го баталіона эриванскаго полка, и затѣмъ два горныхъ орудія послалъ на бахтальскій постъ, для присоединенія къ 3-му баталіону того же полка; двѣ роты 3-го баталіона тифлискаго полка и одно легкое орудіе притянулъ къ селеніямъ Греми и Енисели, и наконецъ одну роту того же баталіона поставилъ на оконечности лѣваго фланга линіи, въ с. Артаныхъ.

10-го мая, передовой отрядъ изъ скопища, собраннаго Даніельбекомъ въ Кейсерухъ, двинулся, подѣ начальствомъ Юсуфъ-бека и Богарчи, въ горный (верхній) Балъ-Дженихъ. Чтобы остановить движеніе его на низменные селенія, въ тотъ же день были командированы изъ Закаталь въ мухахское ущелье двѣ роты и партизанская команда, подѣ начальствомъ бѣлоканскаго окружнаго начальника подполковника князя Эристова. Прибывъ по назначенію, князь Эристовъ засталъ непріятеля уже на урочищѣ Ахдамъ-Тахта и, увидѣвъ, что силы его велики, не рѣшился наступать далѣе, а послалъ объ этомъ донесеніе начальнику отряда. Генераль Шварцъ, съ разсвѣтомъ 11-го мая, двинулся на помощь къ князю Эри-

стову съ двумя ротами тифлискаго полка и двумя горными орудіями новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона, а другимъ двумъ ротамъ и взводу крѣпостныхъ ружей того же полка приказалъ выдти на нижній Мухахъ. По соединеніи своемъ, отрядъ направился на Ахдамъ-Тахта. Горцы не приняли боя и отступили къ Сарубашу; оттуда 13-го мая они начали спускаться къ селенію Элису, рассчитывая на прошлогоднюю встрѣчу жителей. Однако, на этотъ разъ вышло не то, и гостепріимные годъ назадъ элисуйцы, собравшись подъ командою штабсъ-капитана Махмудъ-Ага и своего участковаго пристава поручика Гаджи-Ага, встрѣтили ихъ ружейнымъ огнемъ. На подмогу къ нимъ вскорѣ явился воинскій начальникъ кахскаго укрѣпленія и элисуйскій приставъ капитанъ Чачиковъ, съ собранною имъ милиціею подъ начальствомъ прапорщиковъ Иса-Ага и Мехти-Ага и одною сотною казаковъ, выбилъ непріятели изъ окрестностей селенія Элису и преслѣдовалъ его до Сарубаша. Покушеніе Даніельбека рушилось, и онъ убѣдился, что обстоятельства въ теченіе года значительно измѣнились. Однако, не смотря на это, онъ, повидимому, отъ задуманной мечты отказаться не желалъ, и главныя силы своего скопища придвинулъ къ Кусуру. Въ виду этого, для наблюденія за горнымъ магаломъ, съ бахталъскаго поста на Ахдамъ-Тахту были отправлены, 14-го мая, подъ начальствомъ полковника Бельгарда, 3-й баталіонъ, со взводомъ крѣпостныхъ ружей, эриванскаго полка и два горныхъ орудія кавказской гренадерской артилерійской бригады, а вслѣдствіе извѣстія о намѣреніи муллы Шабана и Кара-Али спуститься въ округъ, съ собранными ими въ Анкратль толпами, по катехскому ущелью, изъ Закааталь были посланы, подъ начальствомъ инженеръ штабсъ-капитана Каменскаго, двѣ роты 1-го баталіона тифлискаго полка, съ двумя орудіями новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона. Каменскому было приказано—въ случаѣ наступ-

ленія непріятеля, атаковать его во флангъ, содѣйствуя 3-му баталіону мингрельскаго полка, расположенному въ укрѣпленномъ лагерѣ на мѣстѣ разрушеннаго селенія Каписдара.

16-го мая отдѣльныя небольшія передовыя партіи Шабана и Кара-Али показались въ полуторы верстѣ отъ лагеря мингрельцевъ, но были встрѣчены и разсѣяны обходною командою, подкрѣпленною тотчасъ же одною ротою; въ прошедшей при этомъ перестрѣлкѣ у насъ убитъ одинъ рядовой. Едва только эти партіи скрылись, какъ на месельдегескихъ высотахъ показались главныя силы непріятеля, численностью до двухъ тысячъ человекъ. Но далѣе этой позиціи онѣ не пошли, потому вопервыхъ, что джурмутцы отказались спуститься въ округъ, а вовторыхъ, наибое узнали, что для нихъ уже приготовлена надлежащая встрѣча. 17-го мая и эти толпы удалились въ горы.

Что касается до скопища, собравшагося въ Дидо съ цѣлью обрушиться на лѣвый флангъ линіи, то для встрѣчи его, независимо отъ регулярныхъ войскъ, стоявшихъ у предгорія, тушино-пшаво-хевсурскій окружной начальникъ собралъ милицію и разослалъ ее отдѣльными партіями по разнымъ дорогамъ. Одна изъ этихъ партій, бывшая подъ командою прапорщика Соломона Шинки-швили и Байндура Парешидзе, открыла значительное скопище за горою Сакорно и тотчасъ по обѣимъ сторонамъ прохода устроила двѣ засады. Но горцы подмѣтили своихъ противниковъ, наскоро соорудили, на ружейный отъ нихъ выстрѣлъ, завалы и открыли перестрѣлку. Около часа продолжалось это, въ сущности, невинное состязаніе. Тушины, сознавъ, что подобнымъ путемъ не прійдутъ ни къ какой цѣли, разомъ выскочили изъ своихъ засадъ и, какъ одинъ, бросились въ шашки. Этотъ пріемъ скорѣе развязалъ имъ руки: лезгины, послѣ незначительнаго сопротивленія, бросили свои посипѣшныя сооруженія и разсыпались въ стороны, оставивъ въ рукахъ побѣдителей четы-

рехъ убитыхъ и десять раненыхъ. Тѣла убитыхъ были брошены на мѣстѣ, а отрѣзанныя у нихъ правыя кисти рукъ доставлены къ маіору князю Челобаеву.

Это еще не все, и тремя описанными покушеніями горцевъ не ограничились ихъ надежды попасть въ джаро-бѣлоканскій округъ и въ Кахетію. Оставались еще Кибитъ-Магома и Хаджи-Муратъ, съ четвертымъ отдѣльнымъ скопищемъ. Думая, что будутъ счастливы Даниельбека, Шабана и другихъ, они 21-го мая прибыли на Арчидагъ и тамъ остановились. Тогда генераль Шварцъ послалъ приказаніе полковнику Бельгарду удостовѣриться въ дѣйствительномъ пребываніи двухъ неразрывныхъ сподвижниковъ на Арчидагъ и затѣмъ—сняться съ Ахдамъ-Тахты, перейти черезъ Динди-дагъ, стать на позиціи близъ селенія Калялю и открыть сообщеніе съ начальникомъ самурскаго округа, которому онъ немедленно сообщилъ обо всемъ этомъ. Бельгардъ наблюдалъ за непріателемъ около восьми дней и, наконецъ, узналъ, что 30-го мая онъ перешелъ Арчидагъ. Тогда и онъ двинулся тотчасъ въ горный магалъ и на другой день расположился у Калялю; изъ Закаталь же былъ отправленъ на усиленіе его отряда 1-й бат. тифлискаго полка, а изъ элисуйскаго участка прибылъ къ нему капитанъ Чачиковъ съ частью своей милиціи. Хаджи-Муратъ и Кибитъ-Магома, узнавъ о прибытіи нашихъ войскъ въ горный магалъ, заблагоразеудили отступитъ обратно за Арчидагъ. Выждавъ одинъ день, полковникъ Бельгардъ отправилъ 2-го іюня капитана Чачикова, съ сотнею милиціи и партизанскою командою, для рекогносцировки. Части эти переправились черезъ рѣку Самуръ и по хребту горъ дошли до урочища Али-Бекъ-Пачъ, не встрѣтивъ непріателя; только въ этомъ пунктѣ онѣ достигли до тридцати оставшихъ мюридовъ, убили одного изъ нихъ и остальныхъ разогнали.

Такимъ образомъ, четыре почти одновременныхъ покушенія непріателя были разстроены, и набѣги на округъ и въ

Кахетію предотвращены, благодаря разумнымъ мѣрамъ и чрезвычайной распорядительности генераль-лейтенанта Шварца. 1-й баталіонъ тифлискаго полка былъ возвращенъ въ Закаталы.

Водворилось, такъ сказать, спокойствіе, среди котораго горцы занялись постройкою укрѣпленія на урочищѣ Гооль-Гинь, выше рѣчки Калишъ-оръ *). Труды эти выпали на долю сборища изъ обществъ Ухнады, Бохнады, Таша и Анцросо. У насъ тоже было обращено вниманіе на подобныя работы, и для облегченія людей въ постройкѣ штабъ-квартиры при укрѣпленіи Лагодехахъ, 7-го числа іюня переведены оттуда двѣ роты, а изъ Бѣлоканъ одна рота эриванскаго полка—на урочище Киписдара; бывший же тамъ 3-й баталіонъ мингрельцевъ перешелъ въ Лагодехи.

Спокойствіе, о которомъ сейчасъ сказано, установилось на два мѣсяца—но, къ сожалѣнію, не у насъ на линіи, а въ горахъ, и въ томъ только смыслѣ, что не вызывало насъ на наступательныя туда дѣйствія. Оно происходило главнымъ образомъ по случаю открытія военныхъ дѣйствій въ прикаспійскомъ краѣ и въ Чечнѣ, куда были оттянуты все непріятельскія силы. По словамъ князя Воронцова **), Шамиль поголовно призвалъ въ Чечнѣ къ оружію непокорныхъ горцевъ и даже велѣлъ выходить въ поле и неимѣющимъ оружія, „съ дубинами“. Двинулась туда, въ особенности въ прикаспійскій край, и большая часть изъ обществъ, прилегавшихъ къ лезгин-

*) Урочища Гооль-Гинь на картѣ нѣтъ. Это урочище находится на высотахъ лѣваго берега рѣчки Калишъ-оръ, вытекающей недалеко отъ Химрика изъ двухъ озеръ—Химрикъ-Дике и Маалакю, и впадающей въ аварское Койсу подъ названіемъ Черель-оръ, которое она получаетъ въ верстѣ отъ черельскаго моста. Урочище Гооль-Гинь отстоитъ на двѣнадцать верстѣ отъ Химрика, на соединеніи дорогъ къ этому урочищу изъ Анцуха и отъ черельской переправы, и на восемь верстѣ отъ с. Кутлаба.

**) Письмо кн. Воронцова къ генералу Шварцу отъ 31-го мая 1848-го года изъ Грозной.

своей кордонной линіи, но за то, оставшіеся въ домахъ получили полную возможность дѣйствовать по своему личному усмотрѣнію, утолить свой голодъ и хищничествомъ наверстать то, что теряли долгое время—на что, какъ сказано, жаловались Шамилю, говоря, что, по случаю пребыванія въ составѣ его отрядовъ, два года не имѣли добычи. И нельзя сказать, чтобы они не стяжали успѣха.

Два мѣсяца, считая съ послѣднихъ чиселъ мая, въ теченіе которыхъ не предпринималось нашихъ наступательныхъ движеній въ горы, полны происшествій на линіи и замѣчательны, съ одной стороны, отважными боевыми схватками съ вашими командами, а съ другой—смѣлостью нападений лезгинъ и чувствительнымъ ущербомъ, который они причинили жителямъ. Тѣ и другія явленія вполне заслуживаютъ особой страницы въ прошлой исторіи Кавказа, и на болѣе выдающихся изъ нихъ нельзя не остановиться.

31-го мая, изъ селенія Кварели былъ высланъ обывательскій караулъ для обозрѣнія горъ, открытія хищниковъ и предупрежденія ихъ нападения. По пути, къ караульнымъ присоединилось и восемь милиціонеровъ; всѣ они отправились въ предгорный заповѣдный лѣсъ. Зная такъ называемыя воровскія тропинки, партія эта двинулась по одной изъ главныхъ и вскорѣ лицомъ къ лицу встрѣтилась съ тѣми, кого искала. На послѣдовавшіе ружейные выстрѣлы подоспѣли милиціонеры 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, и черезъ четверть часа дѣло рѣшилось, безъ потери для грузинъ, разсѣяніемъ горцевъ и избавленіемъ на этотъ разъ селенія Кварели отъ непрошенныхъ посѣтителей. Но этимъ, однако, день не завершился, и подъ вечеръ, когда партія наша отдыхала послѣ трудовъ и тревоги, неожиданно показалась масса непріятели, съ тремя значками. Увидѣвъ ее, караульные и милиціонеры отступили тотчасъ на выгодную позицію и, наскоро укрѣпляясь, а въ то же время и отстрѣливаясь, преградили движеніе непріятели.

Счастье и тутъ послужило грузинамъ: пальба ихъ была очень удачная, и лезгины несли видимую, чувствительную потерю; вскорѣ явились на подмогу еще десятка три милиціонеровъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, и толпы должны были отступитъ. Съ нашей стороны ранено три переселенца капучинскаго общества.

18-го іюня, партія хищниковъ въ 60-ть человѣкъ атаковала между Бѣлоканами и Лагодехами 10-ть казаковъ донскаго № 28-го полка, слѣдовавшихъ изъ укр. Каратубани въ кр. Закаталы. Казаки показали себѣ вполнѣ молодцами и героически приняли неравный бой, но вышли довольно плачевно изъ своего затруднительнаго положенія. Спѣшившись, они вступили съ непріятелемъ въ перестрѣлку и цѣлый часъ поддерживали ее, не позволивъ горцамъ ввести въ дѣло холодное оружіе. Наконецъ, когда изъ состава команды шесть человѣкъ пало убитыми, тогда только остальные четыре принуждены были укрыться въ лѣсу. Но изъ этихъ четырехъ уцѣлѣло только двое, которые явились въ Лагодехи и дали знать о происшествіи. Тотчасъ для поисковъ были посланы двѣ роты егерей и часть грузинской милиціи, но хищниковъ не открыли и нашли только тѣла убитыхъ.

Черезъ пять дней произошелъ новый случай, заслуживающій вниманіе по оригинальности способа осады, который измыслили лезгины. Въ ночь съ 23-го на 24-е іюня тридцать человѣкъ изъ нихъ скрытно подобрался къ вышкѣ, находившейся впереди закаталской крѣпости, гдѣ былъ караулъ изъ шести человѣкъ джаро-лезгинской постоянной милиціи, и начали со всѣхъ сторонъ осѣнять ее стрѣлами, на концѣ которыхъ былъ прикрѣпленъ и зажженъ горючій матеріалъ. Въ промежуткахъ этой осады, горцы нѣсколько разъ бросались въ атаку, но ихъ соплеменники такъ удачно отражали нападенія, что ничего нельзя было съ ними сдѣлать. Наконецъ, изъ крѣпости подослѣла помощь, и непріятель удалился, оставивъ на мѣстѣ только слѣды крови.

Но всё эти случаи ступевывались передъ громкимъ происшествіемъ, которое вѣнчало ихъ въ концѣ мѣсяца, и извѣстно подъ названіемъ „нападенія на Лялисури“.

Селеніе Лялисури, состоявшее изъ семидесяти пяти дворовъ крестьянъ князей Челокаевыхъ, находилось на оконечности лѣваго фланга лезгинской кордонной линіи, противъ Пшавели, прикрытое довольно глубокою рѣчкою Стори. Въ ближайшихъ лѣсахъ, окружавшихъ селеніе, не было ни дорогъ, ни тропинокъ, которыя бы давали возможность проникнуть непріятелю, поэтому оно считалось однимъ изъ безопасныхъ, и въ то время, когда остальные селенія лѣваго фланга каждый день дрожали за свою цѣлость и спокойствіе, въ Лялисури не только сторожили сами не помнили, но и отъ отцовъ своихъ не слышали о какомъ нибудь, хотя бы незначительномъ, вторженіи непріятеля въ ихъ уютное гнѣздо. Въ виду этихъ обстоятельствъ, не одни жители селенія, но и кордонное начальство смотрѣло на Лялисури, какъ на пунктъ вполне выгороженный отъ покушеній горцевъ, и достигнувъ посты за двѣ версты до селенія, не считало нужнымъ обезпечить ими лялисурсцевъ—хотя не разъ предписывало мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, чтобы въ Лялисури всегда содержались свои собственные караулы, и чтобы часть обывателей постоянно была готова къ отраженію непріятеля. Къ сожалѣнію, это не исполнялось.

Въ ночь съ 28-го на 29-е іюня, скопище лезгинъ *), собранныхъ преимущественно изъ дидойскихъ селеній Хварши (Хоршъ), Метерада, Сильды, Эчедо и Аквара, съ одиннадцатью значками, предводительствуемое наибомъ Сагита (изъ селенія Тичо), пробралось черезъ обширныя лѣса, затѣмъ по пустыннымъ горамъ между Тушетіею и Кахетіею, въ обходъ нашего лѣваго фланга линіи, переправилось черезъ рѣку Сто-

*) По донесенію генерала Шварца, въ 1500-тъ человекъ, а по донесенію губернатора—въ тысячу сличномъ человекъ.

ри въ ея верховьяхъ и по высотамъ праваго ея берега быстро спустилось къ Лялисхури. Прибывъ сюда ровно въ полночь, оно раздѣлилось на три партіи: одна стала на возвышенности Тались-Цихе, въ верстѣ отъ деревни, для прикрытія отступленія, другая заняла сторону селенія Пшавели, откуда могла послѣдовать помощь для лялисхурцевъ, а третья тихо вошла въ деревню и въ одно мгновеніе кинулась на дома князей и крестьянъ, расположенные у подошвы горы.

Ночь прикрыла собою грабежъ и рѣзню безпечныхъ жителей, крѣпко спавшихъ послѣ дневныхъ полевыхъ работъ. Въ тринадцати семействахъ было вырѣзано самымъ тиранскимъ образомъ шестнадцать душъ, а двадцать четыре чело-вѣка схвачены живыми и тотчасъ же отправлены въ резервъ. Всѣ эти несчастные лишены были возможности не только защищаться, но даже призвать на помощь, и злодѣяніе совершено менѣе чѣмъ въ пять минутъ. Одновременно съ нападеніемъ на крестьянъ, часть лезгинъ ворвалась во дворъ князя Соломона Челокаева, а затѣмъ проложила себѣ дорогу и въ самый домъ. Князь Челокаевъ и его семейство, застигнутые врасплохъ, успѣли, однако, къ счастью, спастись въ третьемъ этажѣ своего дома, но отъ имуществва не осталось почти ни одной нитки: все было разграблено до послѣдняго коврика. Пока одна часть хинциковъ живо управлялась въ этомъ мѣстѣ, другая кинулась во дворъ князя Бидзины и братьевъ его. Но они успѣли уже укрыться и укрѣпиться во второмъ этажѣ дома, куда пролагать путь было опасно. Поэтому, грабители ограничились только тѣмъ, что увели шесть лошадей, выломали дверь ихъ домашней церкви и выбросили на дворъ одну икону. Отсюда, а также и со двора князя Челокаева, партія вломила въ домъ штабсъ-ротмистра князя Флора, расхитила все, что успѣла, и увела трехъ лошадей. Но самъ Флора, подобно семействамъ предыдущихъ

двухъ князей, съ женою и дѣтьми спасся отъ погибели также въ третьемъ этажѣ.

Безнаказанности лезгинъ содѣйствовало то обстоятельство, что все эти князья не имѣли при себѣ прислуги, кромѣ одного или двухъ человѣкъ. Все дворовые ихъ люди, по начавшейся молотбѣ хлѣба, находились на гумнахъ, вдали отъ своихъ помѣщиковъ, и частью поэтому не имѣли возможности дать имъ помощь, а въ особенности потому, что сопротивленіе ихъ было бы несоразмѣрно съ нападеніемъ. Тревога, однако, донеслась до нихъ, и они, рассчитывая на жителей, звали на помощь и даже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но лялисхурцы спросонья были поражены такою паникою, что бросали свои дома и скрывались въ темнотѣ подальше отъ селенія.

Совершивъ эти злодѣянія и ограбивъ еще три крестьянскихъ дома, хозяева которыхъ успѣли скрыться на чердакъ, лезгины поспѣшно оставили селеніе, бросивъ на мѣстѣ только одного смертельно раненаго товарища. Хотя князь Соломонъ Челокаевъ и удостовѣрялъ впослѣдствіи, что они хозяйничали въ Лялисхури около двухъ часовъ, но это едва ли вѣроятно, потому что горцы никогда такъ не длили своего грабежа въ деревняхъ.

Спустя нѣкоторое время по отступленіи враговъ, сельскій начальникъ князь Паата Челокаевъ, собравъ наскоро сорокъ человѣкъ, пошелъ преслѣдовать партію. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни онъ нашелъ одну женщину, увиденную въ плѣнъ, которая, по невозможности слѣдовать за хищниками, была изранена и брошена въ оврагъ. Получивъ свѣдѣніе отъ несчастной о приблизительной численности скопища, князь Паата Челокаевъ не рѣшился его преслѣдовать далѣе и возвратился назадъ.

Тревога, хотя и не вовремя, сообщилась и въ селеніе Артаны. Командиръ стоявшей тамъ роты тифлисскаго полка поручикъ князь Тумановъ немедленно двинулся, съ своими

людьми, къ Лялисури; но непріятеля уже онъ тамъ не засталъ. Присоединивъ къ себѣ двадцать милиціонеровъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, которые находились поблизости, и двадцать человекъ крестьянъ, и приказавъ прочимъ жителямъ вооружиться, собраться и нагнать его, онъ быстро двинулся по слѣдамъ горцевъ и дошелъ до горы Кахтисъ-тави. Но непріятеля уже нигдѣ по дорогѣ не было. Забравшись такъ далеко отъ линіи и съ столь слабыми силами, князь Тумановъ не рѣшился идти далѣе и также повернулъ обратно.

Начальникъ лѣваго фланга линіи полковникъ Квятковскій, узнавъ о происшествіи, послалъ по главному хребту, наперерѣзь непріятелю, 240 человекъ грузинъ, находившихся у кордорскаго укрѣпленія. Но горцы обезпечили свое отступленіе, выставивъ къ сторонѣ Кодоры, въ крѣпкой позиціи, 600 человекъ, которые не могли быть опрокинуты посланными грузинами.

Такимъ образомъ, лялисухское нападеніе увѣнчалось для лезгинъ полнымъ успѣхомъ. Только послѣ этого несчастнаго случая, на возвышенности Талисъ-Дихе былъ устроенъ кордонный постъ изъ сельскихъ обывателей, и возбуждено ходатайство мѣстной власти о постановкѣ и милиціоннаго поста.

На другой день, вмѣстѣ съ свѣдѣніемъ о лялисухской катастрофѣ, генералъ-лейтенантъ Шварцъ получилъ въ Зака-талахъ и два другія: что Адаловъ и мулла Шабанъ, ожидая движенія лезгинскаго отряда въ Джурмутъ, собрали скопище и расположили его на урочищѣ Тамалдѣ, и что партія лезгинъ въ сто человекъ, пройдя черезъ г. Губахъ, спустилась къ р. Мазымъ-чай. Первое изъ этихъ обстоятельствъ отворотить уже было нельзя, и оставалось ждать, что Шабанъ и Адаловъ сами уберутся съ занятой ими позиціи, когда узнаютъ, что наступательныхъ дѣйствій въ горы пока не предпо-

загается, а по поводу втораго — изъ Бѣлоканъ послана команда, въ составѣ 80-ти милиціонеровъ пѣшаго Грузинскаго полка и 200 человекъ бѣлоканскихъ жителей. При этой угрозѣ непріятель возвратился на высоты и скрылся въ горныхъ лѣсахъ.

Ожиданіе подобныхъ новыхъ покушеній заставило генерала Шварца послать, 30-го іюня, въ горный магалъ, для усиленія отряда въ Калялю, двѣ роты 1-го баталіона тифлискаго полка.

Наконецъ, наступили сильныя жары, которыя должны были привести съ собою на плоскость и болѣзни. Для сохраненія здоровья войскъ, необходимо было поднять ихъ въ горы, поэтому 8-го іюля 3-й баталіонъ мингрельскаго полка изъ Лагодехъ, 2-й баталіонъ эриванскаго полка, съ двумя горными орудіями кавказской гренадерской артилерійской бригады — изъ катехскаго ущелья и 5-я сотня донскаго казачьяго № 28-го полка — изъ Закаталъ перешли на высоты Месельдегеръ и Доорджабалъ, находящіяся надъ селеніемъ Катехи. При укрѣпленіи же Лагодехахъ оставлены: 2-й баталіонъ съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка, взводъ боевыхъ ракетъ и два горныхъ орудія той же бригады — собственно для охраненія работъ, такъ какъ лазутчики доставили самовѣрнѣйшія свѣдѣнія, что лезгины сборищъ своихъ въ горахъ не прекращаютъ, и одна партія собралась въ Анцросо, чтобы спуститься въ Лагодехи, а другая, преимущественно изъ дидойцевъ — для нападенія на лѣвый флангъ линіи. Слухи объ этой послѣдней вскорѣ подтвердились донесеніемъ тушино-пшаво-хевсурскаго окружнаго начальника, изъ котораго усматривалось, что дидойцы рѣшили напасть въ большихъ силахъ — но не на Кахетію, а на Тушетію, раззорить всѣ селенія и угнать скотъ. Тушины сами приготавились встрѣтить непріятеля, а окружной начальникъ, собравъ до девяти-сотъ человекъ пшавцевъ и хевсуръ, и присоединивъ къ нимъ

95 казаковъ *), 15-го іюля двинулся въ Тушетію, на помощь жителямъ.

Нужно удивляться энергіи и чрезвычайной распорядительности генераль-лейтенанта Шварца, который, получая каждый день тревожныя и основательныя извѣстія съ разныхъ концовъ линіи, умѣлъ и успѣвалъ, съ крошечнымъ составомъ своихъ подвижныхъ дѣйствующихъ силъ, предупреждать непрерывный рядъ покушеній непріятеля и уничтожать ихъ въ самомъ зародышѣ. Это было въ своемъ родѣ верховнаго военнаго искусства и, помимо своихъ личныхъ качествъ, генераль Шварцъ былъ обязанъ этимъ отличному знанію мѣстности на всей линіи, въ горныхъ магалахъ и даже въ непріятельскихъ обществахъ. Вотъ почему князь Воронцовъ, считая его незамѣнимымъ, употреблялъ все мѣры для того, чтобы поддержать и развить въ немъ природную энергію и, при достиженіи этой цѣли, не стѣнялся испрашивать у Государя Императора возможныя для Шварца награды. Онъ добился, наконецъ, того, что вполне угодило Шварцу и осуществило его давнюю завѣтную мечту объ арендѣ, не исключая которой могъ бы, пожалуй, лишиться этого важнаго для него въ то время дѣятеля. Въ письмѣ къ нему изъ Грозной отъ 31-го мая, о которомъ было упомянуто, онъ писалъ ему:

„Любезный Григорій Ефимовичъ. Съ душевнымъ удовольствіемъ спѣшу васъ увѣдомить, что князь Чернышевъ мнѣ написалъ, что Государь Императоръ пожаловалъ вамъ аренду. Я увѣренъ, что ваша полезная и блистательная здѣсь служба всегда была и будетъ цѣннѣе справедливымъ нашимъ Монархомъ. Я читалъ послѣднее ваше донесеніе и письмо къ начальнику штаба и вполне надѣюсь, что сильнаго вторженія на вашу сторону не будетъ, а ежели будетъ, то безъ успѣха“.

*) По распоряженію главнокомандующаго, въ первыхъ числахъ мая было назначено въ вѣдѣніе тушинно-шахово-хевсурскаго начальника 60 казаковъ донскаго № 23-го и 35 № 28-го полковъ.

Затѣмъ, начальникъ штаба генераль Коцебу, въ письмѣ отъ 6-го іюня, изъ Воздвиженской, писалъ ему слѣдующее:

„Позвольте теперь поздравить васъ отъ искренняго сердца съ пожалованіемъ вамъ аренды (официальнаго увѣдомленія еще не получено)—и позвольте напомнить вамъ слова ваши при свиданіи въ Тифлисѣ: что если вамъ пожалуютъ эту награду, то вы опять слуга кавказсвій на нѣсколько лѣтъ. Можно ли затѣмъ надѣяться, что вы не будете силиться покинуть лезгинскую линію, или все-таки остаетесь при желаніи получить 19-ю дивизію? Р. S. Генералу Клугенау отказано въ переводѣ въ Россію“.

Но Шварцъ, хотя получившій аренду и рѣшившій остаться на дальнѣйшее время на Кавказѣ, не оставлялъ своей мысли о дивизіи и доживалъ на лезгинской линіи послѣдніе мѣсяцы своего долгаго и полезнаго тамъ пребыванія. Давно-желанная награда, впрочемъ, не обнѣжила его, и въ эти послѣдніе мѣсяцы онъ усилилъ свои труды и усердіе, не давая нигдѣ свободно вздохнуть непріятелю.

А покушенія горцевъ какъ бы росли и усиливались въ параллель противодѣйствию Шварца. Едва успѣли нѣсколько застыть всѣ предыдущія событія, какъ генераль Шварцъ получилъ донесеніе джаро-бѣлоканскаго окружнаго начальника, основанное на сообщеніи лазутчиковъ, что партія горцевъ, въ тысячу человѣкъ, подъ начальствомъ двухъ наибовъ, намѣрена двинуться изъ Кейсеруха въ горные магалы округа, къ с. Кусуру. При этомъ лазутчики добавляли, что непріятель вѣроятнѣе всего будетъ только демонстрировать на горные магалы, но спустится на линію гдѣ либо въ другомъ пунктѣ. Чтобы повѣрить это свѣдѣніе, генераль Шварцъ послалъ въ горы 25-го іюля состоящаго по кавалеріи корнета Мургузъ-Али, но послѣдній болѣе къ нему не вернулся: проникнувъ до самаго Кусура, онъ былъ взятъ въ плѣнъ горцами, которые уже вступили въ это селеніе. Занявъ Кусуръ, партія распустила слухъ, что Даніельбекъ, Хаджи-

Муратъ и Кибить-Магома, съ скопищемъ въ четыре тысячи человекъ, придутъ къ вечеру въ горныя магалы. Въсть эта на другой же день примчалась къ полковнику Бельгарду. Донеся объ этомъ Шварцу, онъ, для обезпеченія сообщенія своего съ округомъ, командировалъ двѣ роты пѣхоты на переваль черезъ главный хребетъ въ крѣпость Закаталы, а самъ, съ баталіономъ пѣхоты, взводомъ крѣпостныхъ ружей и двумя горными единорогами, остался въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Калялю, ожидая объясненія намѣреній непріятеля; генераль же Шварцъ тотчасъ отправилъ на усиленіе его отряда бѣлоканскую милицію и приготовилъ для движенія двѣ роты и полувзводъ крѣпостныхъ ружей. При этихъ мѣрахъ тысячная партія изъ Кусура быстро исчезла, раззоривъ лишь нѣсколько домовъ преданныхъ намъ жителей, а слухъ о четырехъ тысячахъ горцевъ такъ и замеръ. Но это поспѣшное отступленіе партіи Шварцъ приписалъ ни чему иному, какъ намѣренію, согласно заявленію лазутчиковъ, дѣйствительно спуститься на линію гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а потому не трогался съ Месельдегера и Доорджабала, оставаясь тамъ съ шестью ротами и двумя орудіями для прикрытія главныхъ селеній округа: Джаръ, Мацехъ, Катехъ и Бѣлоканъ, и для того, чтобы съ этой позиціи могъ двинуться всюду во флангъ и въ тылъ непріятелю, еслибы онъ осмѣлился мимо него гдѣ либо прорваться. Независимо этого, позиція на высотахъ Месельдегера и Доорджабала давала возможность Шварцу въ одинъ усиленный переходъ прибыть или въ Лагодехи, или стать въ мухахскомъ ущельи.

Непріятель и на этотъ разъ былъ предупрежденъ въ дальнѣйшихъ своихъ цѣляхъ, и Шварца обмануть ему не удалось. Желая возмѣститъ неудачу злаго замысла другимъ способомъ, тысячная партія вознамѣрилась изъ Кейсеруха двинуться черезъ Гудурь-дагъ на гору Гонзогоръ и тамъ отбить стада джарскихъ барановъ. Тогда съ Месельдегера были

командированы налегкахъ на гору Гонзогоръ двѣ роты 3-го мингрельскаго баталіона, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей, подъ командою подполковника Суровцова. Ему было предписано: пользуясь этимъ случаемъ, и притомъ, если будетъ возможно, проникнуть до Гудурь-дага и подробно осмотрѣть этотъ весьма важный узелъ горныхъ хребтовъ—одну изъ высшихъ точекъ на лезгинской линіи (11090 ф.), откуда берутъ свое начало аварское Койсу и Самуръ и проходить прямая дорога изъ Кейсеруха въ бѣлоканскій округъ. Порученіе это имѣло особенную важность и должно было раскрыть намъ невѣдомыя дотолѣ горныя трущобы. Для съемки мѣстности былъ данъ въ распоряженіе Суровцова офицеръ корпуса топографовъ поручикъ Устьянцовъ. Съ Гудурь-дага подполковникъ Суровцовъ долженъ былъ, если не встрѣтитъ непріятеля, осмотрѣть мѣста и произвести съемку также и по направлению главнаго хребта до селенія Каляпо.

24-го іюля подполковникъ Суровцовъ ночевалъ на Гонзогорѣ и 25-го прибылъ на г. Хунсерна-Кичаль. Здѣсь онъ получилъ ложное свѣдѣніе, что на Гудурь-дагѣ непріятеля нѣтъ, поэтому продолжалъ движеніе черезъ возвышенные каменные пики, по едва проходимой дорогѣ, и 26-го числа прибылъ къ подошвѣ каменистаго Гудурь-дага. На эту гору онъ командировалъ Устьянцова и далъ ему въ прикрытіе тридцать человекъ. Едва эта команда начала подходить къ вершинѣ горы, какъ бывший тамъ непріятельскій караулъ сдѣлалъ по ней залпъ—вѣроятно, болѣе для извѣщенія позади находившейся партіи. По этому залпу, пятьдесятъ горцевъ съ своей стороны, и отъ насъ взводъ пѣхоты, одновременно двинулись на подкрѣпленіе къ вершинѣ горы, но поручикъ Устьянцовъ, не ожидая ни тѣхъ, ни другихъ, съ своею командою бросился впередъ, сбилъ караулъ и безъ потери занялъ вершину, захвативъ у непріятеля двѣ вьючныя лошади, на которыхъ между прочими вещами найдено восемнадцать фунтовъ

пороху. Непрiятельская партiя, бывшая позади своего сторожеваго пикета, отступила къ Саридагу. По распросамъ проводниковъ оказалось, что по главному хребту въ с. Калялю пройти невозможно; поэтому подполковникъ Суровцовъ, осмотрѣвъ и произведя съемку окрестностей Гудурь-дага, 27 iюля прибылъ на Гонзогоръ, а 29-го — въ Закаталы.

Тысячная партiя, отступившая изъ Кусура и вознамѣрившаяся отбить на Гонзогорѣ стада джарскихъ барановъ, благодаря движенiю подполковника Суровцова и зоркому наблюденiю генерала Шварца, не въ состоянii была всею своею массою произвести задуманное нападенiе, но и не отказалась отъ него. Три дня спустя послѣ того, какъ Суровцовъ прибылъ въ Закаталы, наибы отрядили изъ этой партiи передовой отрядъ въ сто человекъ и послали его на Гонзогоръ. 2-го августа онъ напалъ на пастуховъ, пасшихъ стада на этой возвышенности. Пастухи, рассчитывая, что тревога, возбужденная выстрѣлами, доставитъ имъ скорую помощь, не оставили своего мѣста и вступили съ непрiателемъ въ перестрѣлку. Они не ошиблись въ своемъ расчетѣ, потому что изъ ближайшихъ джарскихъ селенiй тотчасъ побѣжали къ нимъ вооруженные жители и поддержали ихъ, а изъ Закаталъ выскочила партизанская команда, и за нею послѣдшнею послѣдовала рота пѣхоты. Части эти успѣли прибыть въ самый разгаръ дѣла. Атаковавъ непрiателя, онѣ въ мгновенiе выручили храбрыхъ пастуховъ изъ затруднительнаго положенiя; горцы, понеся весьма чувствительный уронъ, бѣжали, сильно преслѣдуемые. Съ нашей стороны пострадали только жители, у которыхъ было убито одинъ и ранено четыре.

Между тѣмъ, прошло уже двѣ слишкомъ недѣли, какъ тушино-шаво-хевсурскiй окружной начальникъ, выступивъ (15-го iюля) съ хевсурами, телавцами и казаками въ Тупетiю, сторожилъ и оберегалъ эту окраину кордонной линiи отъ покушенiй непрiателя, оставивъ въ горномъ участкѣ завѣды-

вавшаго Тушетіею штабсъ-капитана кн. Макаева. Дидойцы, задумавшіе вторженіе, не расходились, но и не предпринимали пока ничего рѣшительнаго, а предоставили кистинамъ открыть дѣйствія и попытать счастья. 29-го іюля партія этихъ дикихъ и отважныхъ горцевъ неожиданно появилась на высотахъ надъ тушинскимъ селеніемъ Парсма и затѣмъ спустилась внизъ. Штабсъ-капитанъ князь Макаевъ, находясь въ это время тамъ съ командою казаковъ донскаго № 23-го полка и частью тушино-пшаво-хевсурской милиціи, вступилъ съ неприятелемъ въ перестрѣлку, но одна изъ первыхъ пуль вынесла его изъ рядовъ. Ободренные этою удачею, кистины бросились въ шашки. Атакованные сравнительно сильнымъ противникомъ, донцы и милиціонеры едва ли бы устояли, но два казака, бывшіе при князѣ Макаевѣ, Черновъ и Грешневъ, обнаживъ свои шашки, смѣло кинулись впередъ и мгновенно увлекли за собою остальныхъ. Нѣсколько кистинъ тутъ же пало подъ ударами храбрецовъ—и вся партія отхлынула обратно на высоты, укрывшись за устроенными ею тамъ заблаговременно завалами. Наши команды не рѣшились атаковать ее въ крѣпкой позиціи и ограничились ружейною перестрѣлкою. Но скоро подоспѣли на помощь тушины цовскаго и гомецарскаго обществъ, присоединились къ казакамъ и милиціонерамъ и тотчасъ же дружно ударили на своихъ давнихъ враговъ. Въ завалахъ произошла отчаянная битва, и кистины, тѣсно схваченные со всѣхъ сторонъ, едва ускользнули изъ приготовленной ими для себя самихъ западни, устлавъ баррикаду и дальнѣйшій свой путь двадцатью двумя трупамъ. Съ нашей стороны былъ убитъ одинъ изъ разсыльныхъ князя Макаева и тяжело раненъ кинжаломъ одинъ тушинъ. Штабсъ-капитанъ князь Макаевъ на другой день умеръ отъ раны.

Этотъ урокъ для кистинъ былъ весьма поучителенъ, и они присмирѣли недѣли на двѣ. Притихъ также навремя и

весь Дагестанъ, пораженный гергебильскимъ погромомъ и лишившейся крѣпости, которую считала неприступною, въ особенности послѣ отраженія отъ нея нашихъ войскъ въ прошломъ году; призадумался и Шамиль. Хотя въ Чечнѣ война кипѣла, но имама не было въ средѣ его скопищъ: онъ сидѣлъ въ Дарго, обдумывая новую задачу, которая нужна была ему для того, чтобы загладить неудачу и поднять въ горахъ свое значеніе на прежнюю высоту. Тѣмъ не менѣе, о сборищахъ въ Дагестанѣ слуховъ пока не было. Въ виду всѣхъ этихъ, вмѣстѣ взятыхъ, обстоятельствъ, и по крайнему недостатку подножнаго корма на Месельдегерѣ и Доорджабалѣ, генераль Шварцъ, 2-го августа, спустился оттуда на плоскость къ селенію Катехи, а на другой день перешелъ въ Лагодехи, отправивъ изъ отряда двѣ роты въ кр. Закаталы. Затѣмъ, онъ расположилъ войска на лезгинской линіи слѣдующимъ образомъ:

Въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Калялю, для защиты горныхъ магаловъ, оставлены: полгора баталіона эриванскаго карабинернаго полка, двѣ роты 1-го тифлискаго баталіона со взводомъ крѣпостныхъ ружей и два горныхъ орудія; въ кр. Закаталахъ—другія двѣ роты 1-го баталіона тифлискаго полка и одна сотня казаковъ для развѣздовъ; близъ Лагодехъ, для устройства баталіонной штабъ-квартиры и для закрытія центра линіи—2-й тифлисскій, 3-й мингрельскій баталіоны, двѣ роты 2-го эриванскаго баталіона со взводомъ крѣпостныхъ ружей, четыре горныхъ орудія, взводъ боевыхъ ракетъ и сотня казаковъ, подъ командою командира тифлискаго полка полковника Чиляева; близъ Бежаньянъ—сотня казаковъ; для защиты лѣваго фланга линіи—кромѣ линейнаго баталіона и 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, еще и 3-й баталіонъ тифлискаго егерскаго полка.

V.

Противодѣйствіе опаснымъ для насъ преднамѣреніямъ непріятеля. Пораженіе скопища 13-го августа у с. Джениха. Тревоги на кордошъ и схватки съ горцами. Дѣятельность войскъ лезгинскаго отряда вслѣдствіе нападенія скопищъ Шамиля на самурскій округъ. Демонстраціи муллы Шабана и мудира Адазова. Глухое волненіе въ округѣ и непрерывное передвиженіе войскъ. Пораженіе партій лезгинъ 25-го сентября въ катехскомъ ущельи. Предупрежденіе нападенія дидойцевъ на с. Шильды. Стремленіе непокорныхъ горцевъ къ переселенію въ наши предѣлы. Назначеніе генералъ-лейтенанта Шварца начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи, а полковника Чилева—исправляющимъ должность начальника джаро-бѣлканскаго военнаго округа и всей лезгинской кордонной линіи.

Генералъ-лейтенантъ Шварцъ, при всей своей боевой опытности, нѣсколько ошибся на этотъ разъ, предполагая, что окончаніе экспедиціи въ прикаспійскомъ краѣ и затишье въ горахъ дадутъ возможность отдохнуть его войскамъ и обратить ихъ до зимы для работъ по устройству линіи, а также для истребленія шакъ въ округѣ. Хотя Шамиль продолжалъ посиживать въ Дарго, не двигаясь съ мѣста, но у него былъ рьяный и дѣятельный сотрудникъ Даніельбекъ, который и по политическимъ побужденіямъ своимъ, и по наклонности своей мстительной и безпокойной натуры, не могъ скоро угомониться. Этимъ онъ вполне достигъ своей цѣли, которую предназначилъ себѣ въ предыдущемъ году, и, загладивъ временное неудовольствіе Шамиля, пользовался опять его полнымъ довѣріемъ и дружбою.

Не прошло и десяти дней со дня отозванія Шварцемъ войскъ на плоскость, какъ онъ одновременно, 12-го августа, получилъ три непріятныя и тревожныя извѣстія: начальникъ лѣваго фланга линіи доносилъ, что дидойцы не только не успокоились, но, увеличившись въ своемъ сборѣ послѣ отступленія скопищъ отъ Гергебиля, стоятъ наготовѣ близъ селенія Хупро и болѣе чѣмъ когда нибудь рѣшились привести въ

исполненіе свое желаніе о вторженіи въ Кахетію или въ Тушетію; начальникъ самурскаго округа полковникъ Ротъ доносилъ о большихъ сборахъ, сдѣланныхъ Даніельбекомъ, и о намѣреніи его вторгнуться въ горные магалы, а, если можно будетъ, то и на плоскость бѣлоканскаго округа; наконецъ, полковникъ Бельгардъ, какъ бы въ дополненіе и разъясненіе послѣдняго сообщенія, писалъ, что непріятельская партія въ три тысячи человѣкъ спустилась къ селенію Цохуру, а другая въ тысячу человѣкъ—повидимому, все та же, которая истребила нѣкоторые дома въ Кусурѣ—расположилась близъ селенія Калялю, на противоположныхъ высотахъ, на лѣвомъ берегу р. Самура, и занимаетъ селеніе Дженихъ. Лазутчики утверждали, что Даніельбекъ имѣетъ намѣреніе спуститься въ элисейское ущелье или вторгнуться въ самурскій округъ, удерживая въ то же время войска полковника Бельгарда въ лагерѣ близъ с. Калялю.

Трудно было генералу Шварцу, при маломъ числѣ войскъ, сосредоточить гдѣ нужно значительныя силы въ то время когда непріятель угрожалъ двумъ флангамъ, и еще труднѣе было охранить вездѣ линію отъ мелкихъ хищническихъ партій. Но дѣлать было нечего, и приходилось оборачиваться не ожидая никакой помощи извнѣ. Шварцъ раздѣлил войска на три части—для обороны обоихъ фланговъ и центра линіи. Онъ предписалъ командующему войсками, расположенными въ Лагодехахъ, полковнику Чилиеву, чтобы онъ содѣйствовалъ начальнику лѣваго фланга при отраженіи дидойцевъ; сдѣлать распоряженіе о сборѣ трехсотъ человѣкъ милиціи изъ жителей кварельскаго участка, а двѣ роты, расположенныя на оконечности лѣваго фланга, усилилъ двумя легкими орудіями. Безопасность Тушетіи онъ предоставилъ внутреннимъ средствамъ тушино-пшаво-хевсурскаго округа. Самурскому окружному начальнику онъ предписалъ—содѣйствовать, съ самурскою милиціею, войскамъ, расположеннымъ въ Калялю. На усиленіе

войскъ въ горномъ магалѣ были направлены изъ Закаталь двѣ роты 1-го баталіона тифлискаго полка; изъ Лагодехъ въ катехское ущелье были подвинуты баталіонъ пѣхоты съ двумя горными орудіями и полувзводомъ крѣпостныхъ ружей—для прикрытія Мацехъ и Катехъ и на случай, еслибы обстоятельства потребовали еще большаго усиленія полковника Бельгарда. Въ Лагодехахъ же осталось полтора баталіона, какъ для содѣйствія лѣвому флангу, такъ и для прикрытія работъ.

Полковникъ Бельгардъ, надѣясь, что Ротъ не пропуститъ непріятели во ввѣренный ему самурской округъ, рѣшилъ дѣйствовать наступательно противъ партіи, занявшей с. Дженихъ, съ тѣмъ, чтобы сборище въ Цохурѣ поставить между двухъ огней, еслибы полковникъ Ротъ подошелъ съ милиціею съ противоположной стороны. 13-го августа, съ разсвѣтомъ, оставивъ въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Калялю двѣ роты 2-го баталіона эриванскаго карабинернаго полка, Бельгардъ, съ третьимъ баталіономъ, взводомъ крѣпостныхъ ружей и двумя горными орудіями, переправился черезъ Самуръ и двинулся къ с. Джениху. Часть скопища занимала самое селеніе, а другая, бѣльшая, стояла на высотахъ за селеніемъ въ крѣпкой, да еще и укрѣпленной позиціи. Третій баталіонъ эриванцевъ, не укорачивая шага, которымъ слѣдовало все время, подошелъ къ Джениху, открылъ ружейный огонь по огню горцевъ и продолжалъ подвигаться такъ же спокойно, какъ будто вступалъ съ похода въ свою штабъ-квартиру. Лезгины, предпочитавшіе всегда быстрое, громкое и отважное наступленіе, которое ихъ обыкновенно экзальтировало, не выдержали спокойной и невозмутимой атаки эриванцевъ и, быстро очистивъ Дженихъ, присоединились къ своимъ главнымъ силамъ на высотахъ. Тогда настала очередь артилеріи и крѣпостныхъ ружей. Остановивъ баталіонъ, который прекратилъ огонь и расположился для минутнаго отдыха подъ прикрытіемъ скалъ, Бельгардъ все

чаще и чаще сталъ осыпаться позицію непріятеля артилерійскими снарядами, и когда усмотрѣлъ среди горцевъ нѣкоторое замѣшательство, доказывавшее, что время для атаки наступило, двинулъ впередъ все тотъ же слабый баталіонъ. Тутъ уже нужно было дѣйствовать иначе—быстро, смѣло, рѣшительно. Не смотря на довольно крутую покатость и на усилившуюся пальбу непріятеля, эриванцы, ускореннымъ шагомъ, но вполне безмятежно, скоро поднялись на двѣ трети высоты и оттуда, задыхаясь отъ тяжелаго восхожденія, съ привычнымъ боевымъ кликомъ кинулись на горцевъ почти вразсыпную. Въ нѣсколько минутъ скопище было опрокинуто на всѣхъ пунктахъ атаки и бѣжало къ селенію Коршу, стоявшему на скалѣ и чрезвычайно крѣпкому по своему естественному положенію. Полковникъ Бельгардъ преслѣдовалъ непріятеля почти до самаго Корша и, остановясь противъ него, расположилъ войска на позиціи, рѣшившись атаковать и это селеніе, если полковникъ Ротъ приблизится къ Цохуру. Но, къ сожалѣнію, о желаніяхъ Бельгарда Ротъ не получилъ никакихъ свѣдѣній, потому что посланный къ нему отзывъ былъ перехваченъ горцами. Въ дѣлѣ 13-го августа у Джениха непріятель потерялъ, преимущественно отъ дѣйствія нашей артилеріи и крѣпостныхъ ружей, до ста человекъ. Съ нашей стороны ранены: одинъ юнкеръ, одинъ унтеръ-офицеръ и 4-ре рядовыхъ.

Ничего пока не зная о томъ, что Ротъ не получилъ посланнаго къ нему извѣщенія, Бельгардъ все ждалъ, что вотъ-вотъ явится къ Цохуру самурская милиція. Но ожиданія его были напрасны. Между тѣмъ, вечеромъ онъ получилъ свѣдѣніе, что третья непріятельская партія пробралась высотами мимо лагеря при с. Калялю и заняла позицію на Диндидагѣ, по дорогѣ въ мухакское ущелье. Это обстоятельство, въ связи съ безнадежностью видѣть у Цохура самурскую милицію, заставило Бельгарда на другой день придвинуться къ

Башъ-Джениху и потомъ возвратиться въ лагерь у Калялю. Непрiятельская партiя, занявшая Динди-дагъ, не ожидая появленiя нашихъ войскъ, удалилась. 15-го августа скопище совершенно очистило наши горные магалы и ушло по направленiю къ Кейсеруху. Поэтому, двѣ роты 1-го баталiона тифлискаго полка, выдвинутыя въ мухахское ущелье, возвратились въ Закаталы. 17-го августа и генераль Шварцъ вернулся въ Лагодехи съ прибывшими оттуда войсками—чтобы ближе руководить дѣйствiями противъ непрiятельскихъ скопищъ въ Дидо, которыя, не будучи въ состоянii сдѣлать нечаяннаго нападениа, продолжали однако оставаться въ сборѣ, какъ бы чего-то ожидая. 19-го августа въ горныхъ магалахъ сразу повалилъ большой снѣгъ. Вслѣдствiе этого, отрядъ полковника Вельгарда былъ тотчасъ отозванъ изъ Калялю и поставленъ въ мухахскомъ ущельи, на урочищѣ Ахдамъ-Тахта.

Таково было положенiе дѣлъ на лезгинской кордонной линii къ тому времени, какъ Шамиль окончательно надумался, и возмечтавъ, что можетъ воскресить 1843-й годъ, заключилъ свою дѣятельность въ Дагестанѣ громкимъ и успѣшнымъ, но, по результатамъ своимъ, бесплоднымъ для него и даже отчасти роковымъ вторженiемъ въ самурскiй округъ. Это предпрiятiе замѣчательно тѣмъ, что было обставлено въ высшей степени искусно, и самая лучшая и рекомендательная сторона его для Шамиля заключается въ томъ, что вопервыхъ, не смотря на сборы и приготовленiя въ горахъ, оно до послѣдней минуты сохранялось въ глубочайшей тайнѣ, которую проникнуть не могли такiе опытные вожди, какъ Шварцъ и Аргутинскiй. и вовторыхъ, что войска лезгинскаго отряда были такъ ловко отвлечены отъ главной арены дѣйствiй, что не въ состоянii были оказать почти никакого содѣйствiя дагестанскому отряду. Усыпленные Шамилемъ, генералы Шварцъ и Аргутинскiй держали свои отряды на работахъ и на ла-

герномъ положеніи не только тогда, когда буря была на горизонтѣ, но даже и тогда, когда она вполне разразилась, в первый изъ нихъ, т. е. Шварцъ, производилъ у себя незначительныя ежедневныя передвиженія тѣхъ или другихъ частей не вслѣдствіе общаго плана дѣйствій горцевъ, а вслѣдствіе частныхъ, постоянно повторявшихся явленій на линіи.

Такъ, 20-го августа, когда получены были первыя извѣстія, что Даніельбекъ собираетъ въ Кейсерухъ, куда удался съ толпами 15-го августа, значительное число кавалеріи, генераль Шварцъ, предполагая, что онъ намѣренъ обрушиться на бѣлоканскій округъ, двинулъ изъ Лагодехъ двѣ роты тифлисецвъ въ катехское ущелье и занялъ тамъ укрѣпленный лагерь для прикрытія Катехъ и Мацехъ, а полковнику Бельгарду велѣлъ передвинуться съ Ахдамъ-Тахты въ мухахское ущелье, на высоты, для прикрытія дорогъ въ енисельскій участокъ. Но генераль Шварцъ ошибся: Даніельбекъ запасался кавалеріею вовсе не для лезгинской линіи, и произведенное передвиженіе нашихъ войскъ было преждевременное. Хитрый султанъ, желая еще болѣе ввести генерала Шварца въ недоумѣніе, чрезвычайно удачно и усиленно поддерживалъ у насъ слухи о нападеніи на округъ, а въ то же время еще энергичнѣе вербовалъ для Шамиля цѣлыя полчища; общества же, прилегавшія къ линіи и Тушетіи, по-нуждалъ тревожить насъ мелкими нападеніями, чтобы этимъ окончательно отвлечь вниманіе Шварца отъ своихъ дѣйствій въ горахъ и отъ главной задачи. Лезгины были очень рады исполнить волю султана, и за нападеніями дѣло у нихъ не стало: 21-го августа одна изъ партій, подъ начальствомъ милиціоннаго офицера въ русскихъ эполетахъ, благополучно пробралась на плоскость, на большую проѣзжую дорогу, и между станціями Мутанло и Кара-Агачъ ограбила и взяла въ плѣнъ чиновника провіантской комисіи губернскаго секретаря Мясникова, вахтера, ямщика и двухъ армянъ. Происшествіе

это было принято главнокомандующимъ чрезвычайно серьезно, и изъ письма начальника главнаго штаба Коцебу къ генералу Шварцу видно, что оно не должно бы было обойтись безслѣдно для кордонной стражи; но, къ счастью, и неизвѣстно какими путями, генераль Шварцъ достигъ того, что менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць все плѣнные были возвращены обратно. Затѣмъ, 25-го августа, конная партія изъ 30-ти человекъ лезгинъ была застигнута у бахталскаго поста частью партизанской команды, подъ начальствомъ корнета Ибрагимъ Нурова и, послѣ перестрѣлки, разсѣяна, съ потерей нѣсколькихъ раненыхъ; у насъ же убитъ одинъ рядовой мингрельскаго полка. 28-го августа сдѣлано было нападеніе на горную Тушетію, и изъ гомецарскаго ущелья угнано двадцать лошадей—впрочемъ, отбитыхъ обратно караульными диклойскаго поста; 29-го августа, возлѣ Бѣлокантъ, былъ также отбитъ скотъ, принадлежащій жителямъ этого селенія, но хищники настигнуты командою 2-го баталіона ариванскаго полка, и добыча у нихъ отнята,—и такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. Словомъ, происшествія, словно блудящіе огни, вспыхивали то тамъ, то сямъ, поддерживая напряженное состояніе и нашихъ войскъ, и населенія, и лично генерала Шварца. А вмѣстѣ съ ними разные слухи все не переставали усложнять эти затрудненія и 28-го августа выросли уже до тѣхъ размѣровъ, при которыхъ мы имѣли основаніе ожидать, что черезъ три дня Даніельбекъ нагрянетъ въ бѣлоканскій округъ съ огромнымъ количествомъ собранной имъ въ Кейсерухъ кавалеріи. Генераль Шварцъ повѣрилъ этому и двинулъ изъ Лагодехъ въ промежутокъ между Бѣлоканами и Катехами 3-й баталіонъ мингрельскаго полка, два горныхъ орудія, взводъ боевыхъ ракетъ и взводъ крѣпостныхъ ружей.

Обративъ все вниманіе на горные магалы и на своего опаснаго противника, а также ожидая удара именно съ этой

стороны, Шварцъ оставилъ на второмъ планѣ нашихъ постоянныхъ враговъ—анкратльцевъ, а въ это время мулла Шабанъ и мудиръ Адаловъ, вслѣдствіе наставленій Даніельбека, такъ сказать, втихомолку готовили свои партіи. Султанъ и въ этомъ пунктѣ дѣйствовалъ не менѣе искусно, какъ и въ прочихъ, и усыпилъ насъ какъ нельзя лучше, потому что со стороны Анкратля мы пока не имѣли никакихъ тревожныхъ извѣстій. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра, такъ какъ, при иныхъ условіяхъ, мы могли бы дѣйствовать нашими ничтожными силами еще противъ новаго пункта и, безъ сомнѣнія, окончательно разбросаться.

Въ тѣ минуты, когда генераль Шварцъ ожидалъ нападенія на округъ и потребовалъ изъ Царскихъ Колодцевъ на усиленіе своихъ войскъ двѣ роты 5-го баталіона тифлискаго полка (прибывшія въ Закаталы 5-го сентября), часть екопицъ Даніельбека, въ составѣ четырехъ тысячъ человѣкъ. 28-го и потомъ 30-го августа неожиданно обрушилась на селеніе Ихрекъ и на ихрекскій магаль (казикумухскаго ханства). Получивъ тамъ отпоръ, горцы опять какъ бы провалились сквозь землю, и нигдѣ объ нихъ не было ни слуху, ни духу. Князь Аргутинскій пришелъ къ окончательному заключенію, что это была со стороны Шамиля послѣдняя вспышка, и что ничего болѣе ожидать невозможно; генераль Шварцъ былъ того же мнѣнія, потому что 3-го сентября получилъ донесеніе полковника Вельгарда, что въ горныхъ магалахъ все спокойно, въ Дагестанѣ никакихъ сборищъ нѣтъ, и самъ Даніельбекъ удалился въ Кюрюдагъ. Сознавъ, что напрасно столько тревожился изъ пустяковъ, генераль Шварцъ отозвалъ обратно въ Лагодехи 3-й баталіонъ мингрельцевъ съ горными орудіями и взводомъ крѣпостныхъ ружей; взводъ боевыхъ ракетъ, бывшій при томъ баталіонѣ, присоединилъ къ двумъ ротамъ, расположеннымъ въ катехскомъ ущельи, а полтора баталіона эриванскаго полка, со взводомъ крѣпостныхъ ру-

жей и взводомъ горныхъ орудій, передвинулъ съ Сапанъ-дага въ мухахское ущелье, на урочище Ахдамъ-Тахту. Впрочемъ, одною изъ причинъ этого послѣдняго передвиженія былъ отчасти и холодъ, господствовавшій на Сапанъ-дагѣ.

Лишь только былъ произведенъ этотъ полуоборотъ на мирное или, сказать иначе, зимнее положеніе, какъ неожиданная вѣсть, полученная Шварцомъ 6-го сентября, заставила его встрепенуться: лазутчики донесли, что наканунѣ набы Хаджи-Муратъ и Турачъ-Дибиръ, съ конною партіею въ три тысячи всадниковъ, быстро прошли внизъ по р. Самуру къ сел. Лучеку, а Даніельбекъ, съ восемью тысячами пѣхоты, слѣдоваль за ними и остановился въ горныхъ магалахъ. Все это было дѣйствительно такъ, и лазутчики не прибавили къ истинѣ ни одного лживаго слова. Шварцъ повѣрилъ, но малочисленность войскъ, расположенныхъ въ бѣлоканскомъ округѣ, не позволяла ему и думать и движеній навстрѣчу непріятелю въ горные магалы; поэтому, необходимо было сосредоточить войска въ самомъ округѣ насколько это было возможно.

7-го сентября, утромъ, двѣ роты 1-го и двѣ роты 5-го баталіоновъ тифлискаго полка, съ двумя горными орудіями, подъ командою полковника Быкова, выступили изъ Закаталъ въ элисуйское ущелье для прикрытія элисуйскаго участка; генераль-маіору Бюрно было предписано выслать туда же бывшій у него на работѣ въ шинскомъ ущельи 1-й баталіонъ мингрельскаго полка, отпавленный къ нему изъ дагестанскаго отряда по взятіи Гергебиля; 2-й баталіонъ тифлискаго полка, со взводомъ крѣпостныхъ ружей и взводомъ горныхъ орудій, вызванъ форсированнымъ маршемъ изъ Лагодехъ и поставленъ между Катехами и Мацехами, на лѣвомъ берегу рѣчки Катехъ-чай; отрядъ полковника Бельгарда, бывшій на Ахдамъ-Тахтѣ, придвинуть ко входу въ мухахское ущелье, противъ селенія Чардахлы.

Пошла тревога за тревогою, сообразно свѣдѣніямъ, ежеминутно получавшимся отъ лазутчиковъ. Независимо этихъ свѣдѣній, видимые факты говорили сами за себя, и однимъ изъ нихъ былъ тотъ, что того же 7-го сентября вечеромъ непріятельскіе передовые караулы показались въ бѣлоканскомъ ущельи, на горѣ Месельдегерѣ. Шварцъ ихъ относилъ къ скопищамъ Даніельбека, не они не имѣли съ послѣдними ничего общаго и принадлежали къ анкратльскимъ партіямъ Шабана и Адалова, которыя вылѣзли изъ своихъ норъ, по диспозиціи Даніельбека, для удержанія на мѣстѣ войскъ лезгинскаго отряда и отвлеченія ихъ отъ содѣйствія войскамъ въ прикаспійскомъ краѣ. Лазутчики еще разъ принесли совершенно невѣрное, хотя и неумышленно, извѣстіе, бывшее порожденіемъ даніельбековскаго языка, что непріятель, вмѣстѣ съ движеніемъ къ Лучеку, намѣренъ спуститься въ с. Бѣлоканы, Катехи и Мацехи. 8-го сентября получено Шварцемъ новое свѣдѣніе—что Хаджи-Муратъ занялъ Рутуль и двинулся къ селенію Ахты, а часть своей конницы отрядилъ будто бы на Нуху. Всякое новое извѣстіе заставляло опять передвигать войска, и недавнее расположеніе ихъ совершенно измѣнилось; только 9-го сентября установились они на болѣе или менѣе опредѣленныхъ пунктахъ. Генералу Бюрно было предписано, чтобы онъ не высылалъ 1-го баталіона мингрельцевъ, и принялъ бы всѣ мѣры для защиты Нухи, а изъ синахскаго уѣзда потребовано 500-тъ человекъ милиціи.

Пункты, на которыхъ стали войска къ 10-му сентября, были слѣдующіе: близъ кахскаго укрѣпленія—двѣ роты 1-го и двѣ роты 5-го баталіоновъ тифлисскаго полка, съ двумя горными орудіями, подъ командою полковника Быкова; въ мухахскомъ ущельи противъ с. Чардахлы—3-й баталіонъ эриванскаго полка, взводъ крѣпостныхъ ружей и взводъ горныхъ орудій, подъ командою маіора Фелькнера; въ Закаталахъ—три роты 15-го грузинскаго линейнаго, двѣ роты 1-го тиф-

лисскаго и двѣ 2-го эриванскаго баталіоновъ; въ катехскомъ ущельи, во временномъ укрѣпленіи, другія двѣ роты 2-го эриванскаго баталіона и взводъ боевыхъ ракетъ; между Катехами и Мацехами—2-й баталіонъ тифлискаго полка, взводъ крѣпостныхъ ружей и взводъ горныхъ орудій; въ бѣлоканскомъ фортѣ—полусотня 1-го Грузинскаго пѣшаго полка и 30-ть человекъ партизанъ, съ однимъ крѣпостнымъ орудіемъ. Шварцъ согласовалъ это расположеніе войскъ съ необходимостью наблюдать всѣ главные проходы съ горъ въ бѣлоканскій округъ, а Даніельбекъ достигъ цѣли, потому что угодилъ эти войска на такія мѣста, чтобы они не мѣшали ему въ самурскомъ округѣ.

По случаю всѣхъ этихъ тревогъ, мусульманское населеніе округа стало исподоволь и глухо волноваться, какъ въ прошломъ году, передъ вторженіемъ Даніельбека. Одни, болѣе преданные намъ, тревожились за свою безопасность и за цѣлость имуществъ; другіе, знакомые уже съ мюридизмомъ и не отчаявавшіеся возвратить себѣ давнюю свободу, готовились, при удобномъ случаѣ, повоевать съ нами. Для ободренія однихъ и удержанія въ должномъ повиновеніи другихъ, генераль Шварцъ, при малочисленности своихъ войскъ, счелъ необходимымъ опять прибѣгнуть къ маневрированію, чтобы вездѣ показывать жителямъ наши войска. Подобное передвиженіе малыми переходами, не утомляя послѣднихъ, могло въ то же время защищать округъ отъ мелкихъ хищническихъ партій, лишать непріятеля свѣдѣній о томъ, гдѣ находятся наши главныя силы, и скрывать наши намѣренія, поддерживая его въ недоумѣніи.

Вслѣдствіе этого, 9-го сентября, двѣ роты 2-го баталіона эриванскаго полка изъ Закаталъ, съ двумя горными орудіями изъ с. Катехъ, перешли въ лагерь, находившійся въ катехскомъ ущельи, а взводъ боевыхъ ракетъ изъ этого лагеря и 2-й баталіонъ, со взводомъ крѣпостныхъ ружей, тифлискаго

полка, изъ Катехъ передвинулись въ Закаталы; 2-я сотня казаковъ донскаго № 28-го полка перешла съ муганлинской переправы на бахталскій постъ, а 4-я сотня—съ тифлисской переправы передвинулась черезъ Алазань на муганлинскую переправу; на другой день 2-я сотня отправилась съ бахталскаго поста въ укр. Кахъ, на усиленіе войскъ, тамъ находившихся.

Въ это время Даніельбекъ, разбивъ и вытѣснивъ изъ селенія Лучекъ самурскую милицію, овладѣлъ имъ, равно Рутуломъ и всѣмъ рутульскимъ магаломъ, основаль свое мѣсто-пробываніе пока въ с. Хрюкъ и вербоваль для себя толпы во всѣхъ окрестныхъ, покорившихся ему, деревняхъ; партіи муллы Шабана, въ числѣ 500-тъ человекъ пѣхоты и 300-тъ всадниковъ, вечеромъ 10-го сентября показали на высотахъ Гонзогоръ, надъ джарскими селеніями; другія мелкія партіи начали спускаться изъ дидойскаго общества и беспокоить насъ на лѣвомъ флангѣ линіи, а одна изъ нихъ, числомъ въ двѣсти человекъ, появилась въ верховьяхъ лопотинскаго ущелья, на урочищѣ Мухасъ-Цихе. Теперь только для генерала Шварца вполнѣ выяснилось какъ намѣреніе Даніельбека, такъ равно и то, откуда и отъ кого онъ можетъ ожидать опасность для линіи. Нужно было обороняться и защищаться у себя дома, а о содѣйствіи войскамъ прикаспійскаго края, и преимущественно самурскому округу, нельзя было помышлять—тѣмъ болѣе, что князь Аргутинскій его до сихъ поръ не требоваль, не получивъ до 10-го сентября вѣрныхъ и официальныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ во ввѣренномъ ему краѣ. Только въ этотъ день, 10-го сентября, для него, подобно какъ и для Шварца, раскрылись всѣ цѣли непріятеля и критическое положеніе самурскаго округа—и онъ, по тревогѣ, двинулъ на помощь къ полковнику Роту войска темиръ-ханъ-шуринскаго лагеря.

Противъ партій Шабана была собрана часть жителей

ближайшихъ деревень и расположена при спускѣ съ Гонзогора. Видя невозможность безнаказанно ограбить джарскія селенія, наибъ перешелъ по высотамъ на Месельдегеръ и Доорджабалъ и здѣсь усилился новыми толпами, подъ начальствомъ мудира Адалова. Послѣ этого, соединенное скопище, ничего не предпринимая рѣшительнаго, безмолвно и спокойно стояло до 25-го сентября. Ни холодъ, ни голодъ не могли заставить его уйти съ столь выгодной позиціи, и когда три джурмутца, по недостатку продовольствія, вздумали заявить объ этой невзгодѣ муллѣ Шабану и выразили свое намѣреніе оставить его—онъ, безъ всякихъ разсужденій, приказалъ ихъ разстрѣлять.

Въ эти дни генераль Шварцъ продолжалъ заниматься передвиженіемъ войскъ: 11-го сентября онъ перевелъ 4-ю сотню казаковъ донскаго № 28-го полка съ муганлинской переправы на бахталскій постъ, а двѣ роты 3-го баталіона мингрельскаго полка изъ Лагодехъ въ бѣлоканскій фортъ; 12-го сентября двѣ роты 2-го баталіона тифлискаго полка прослѣдовали къ бѣлоканскому форту и на другой день, съ двумя горными единорогами, возвратились на переправу черезъ Катехъ-чай; 14-го сентября явились въ Закаталы двѣ сотни сигнахской милиціи; на слѣдующій день двѣ роты 1-го баталіона тифлискаго полка выступили изъ Закаталъ къ с. Кахъ, для осмотра дорогъ и истребленія малыхъ хищническихъ партій, еслибы онѣ встрѣтились, а въ Закаталы прибыли три сотни сигнахской милиціи. Въ то же время, предугадывая затруднительное положеніе генерала Бюрно, Шварцъ, 14-го сентября, предписалъ полковнику Быкову командировать изъ Каха въ его распоряженіе два горныхъ орудія, а командующему двумя ротами 5-го тифлискаго баталіона капитану князю Туманову далъ знать, чтобы онъ доставилъ тѣ орудія по назначенію и оставался въ отрядѣ генерала Бюрно, съ обѣими ротами, до особаго распоряженія.

А въ самурскомъ округѣ дѣла были въ полномъ разгарѣ и далеко не въ отрадномъ для насъ видѣ. Шамиль, явившійся къ своимъ скопищамъ, чтобы лично руководить ими, 13-го сентября занялъ селеніе Ахты и осадилъ ахтынское укрѣпленіе; Хаджи-Муратъ сталъ на сообщеніи по нижнему Самуру, а Даниельбекъ въ с. Мескинджи; по дорогѣ отъ Рутула въ Борчъ расположились двѣ тысячи непріятельской конницы. Генераль Бюрно, оставивъ с. Борчъ, отступилъ, съ своимъ рабочимъ отрядомъ, за гору Салаватъ, въ шинское ущелье, открывъ непріятелю дорогу въ нухинскій уѣздъ и давъ ему возможность дѣйствовать внизъ по Самуру, не опасаясь нимало за свой тылъ. Такимъ образомъ, связь между войсками прикаспійскаго края и лезгинской кордонной линіи была порвана *). Генераль Шварцъ, узнавъ объ этомъ, 15-го сентября предписалъ генералу Бюрно, чтобы, для лучшаго прикрытія г. Нухи, онъ поднялся вновь въ горы съ двумя баталіонами и двумя горными орудіями и занялъ бы прежнюю позицію при селеніи Борчъ; но Бюрно этого не исполнилъ.

Шварцъ получилъ все эти запоздалыя для него свѣдѣнія только 17-го сентября. Да они не принесли бы ему никакой пользы, еслибы явились и своевременно, потому что у него передъ глазами, въ угрожающемъ положеніи, стоялъ свой собственный врагъ, противъ котораго нужно же было что нибудь предпринять. Вознамѣрившись отгѣснить его въ Джурмутъ, чтобы развязать себѣ руки для дѣйствій на правомъ флангѣ линіи, онъ 15-го сентября выступилъ въ лагерь, находившійся въ катехскомъ ущельи, съ двумя ротами 2-го баталіона тифлисскаго полка, партизанскою командою изъ 60-ти человекъ, взводомъ боевыхъ ракетъ, взводомъ крѣпостныхъ ружей, сотнею казаковъ и двумя сотнями сичахской милиціи.

*) Дѣйствія генерала Бюрно подробно описаны въ VII т. „Кавказскаго Сборника“, въ статьѣ „Трехлѣтіе въ Дагестанѣ“.

На другой день онъ предполагалъ присоединить къ себѣ въ катехскомъ ущельи баталіонъ и два орудія и двинуться на Месельдегеръ, а двумя ротами мингрельскаго полка, съ милиціонерами 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, подъ командою подполковника Суровцова, угрожать отъ Бѣлоканъ въ тылъ непріятелю. Но соображенія его не удались, потому что ночью, послѣ дождя, вода въ Катехъ-чай значительно повысилась, и онъ обязанъ былъ приступить къ устройству переправы. Когда же мостъ былъ совершенно готовъ, и войска поднимались изъ лагеря, онъ вдругъ получилъ донесеніе кахскаго воинскаго начальника и элисуйскаго пристава, что до десяти тысячъ непріятеля двигаются по направленію къ элисуйскому участку. Эта неожиданность заставила его поспѣшить къ элисуйскому ущелью, и онъ выступилъ немедленно, оставивъ въ катехскомъ ущельи двѣ роты пѣхоты, двѣсти милиціонеровъ и два горныхъ орудія—для наблюденія за Шабаномъ и Адаловымъ и для охраненія селеній. Подполковникъ Суровцовъ, сдѣлавшій, тѣмъ временемъ, движеніе изъ Бѣлоканъ на Цертель-Тахту, въ тылъ скопищамъ, узнавъ, что Шварцъ не двинулся на Месельдегеръ, возвратился въ бѣлоканскій фортъ.

17-го сентября лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Шварца, сосредоточился близъ укр. Кахъ. Сюда же того же числа перешли изъ селенія Чардахлы 3-й баталіонъ и взводъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка, съ двумя горными орудіями, а вмѣсто ихъ, для прикрытія мухаскаго ущелья, двинуты изъ кр. Закаталъ двѣ роты 1-го и двѣ роты 2-го баталіоновъ тифлискаго полка; 300-та человекъ милиціи прибыли изъ Закаталъ въ составъ отряда къ кахскому укрѣпленію. На другой день, 18-го сентября, послѣдовало еще одно передвиженіе: двѣ роты 1-го и двѣ роты 2-го баталіоновъ тифлискаго полка прибыли изъ Чардахлы къ укр. Кахъ, а другія двѣ роты 2-го тифлискаго и двѣ роты 2-го эриванскаго баталіоновъ, со взводомъ гор-

ныхъ орудій и взводѣмъ крѣпостныхъ ружей тифлисскаго полка, перешли изъ Закаталъ въ с. Чардахлы. Съ тѣмъ вмѣстѣ генераль Шварцъ, ожидая съ часа на часъ подкрѣпленій, и желая оказать князю Аргутинскому содѣйствіе отвлеченіемъ отъ него части непріятельскихъ силъ, распустилъ слухъ, что немедленно выступаетъ на соединеніе съ шинскимъ отрядомъ въ Борчъ и оттуда прослѣдуетъ въ Рутуль.

Такимъ образомъ, генераль Шварцъ, въ своемъ критическомъ положеніи, такъ сказать, лавировалъ по всеѣмъ направленіямъ—и, къ счастью, не безъ пользы для дѣла, потому что, хотя не могъ выразить большаго сопротивленія непріятелю, за то держалъ въ покоѣ и повиновеніи ненадежное мусульманское населеніе округа. А это было едва ли не важнѣе удачныхъ боевыхъ столкновеній съ угрожавшими ему партіями, потому что послѣднія могли надѣяться на совершенный успѣхъ только тогда, еслибы въ тылу нашего отряда произошелъ домашній пожаръ,—и они ждали его, но не дождались.

21-го сентября онъ вздохнулъ свободнѣе, и тревожныя опасенія его стали разсѣиваться, потому что въ Закаталы прибыли, наконецъ, на подкрѣпленіе его отряда двѣ роты 3-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полка, съ дивизиономъ легкихъ орудій батарейной батареей 21-й артилерійской бригады, а въ селеніе Чардахлы вступили другія двѣ роты того же баталіона. Тогда изъ Чардахлы онъ немедленно отозвалъ два горныхъ орудія, а изъ Закаталъ вызвалъ взводъ боевыхъ ракетъ, подъ прикрытіемъ одной роты пѣхоты, и присоединилъ эти части къ отряду, стоявшему у кахскаго укрѣпленія; на усиленіе же войскъ въ мухахскомъ ущельи онъ передвинуть изъ Чардахлы еще одну роту пѣхоты. Вечеромъ прибыли въ кахское укрѣпленіе и двѣ роты 5-го баталіона тифлисскаго полка, подъ командою капитана князя Туманова, отозваннаго обратно изъ шинскаго ущелья.

Усилившись поддержаніями и узнавъ, что непріятель занялъ крѣпкое селеніе Кудали, генераль Шварцъ теперь могъ оказать вспоможеніе дагестанскому отряду и рѣшился дѣйствовать наступательно. Поддерживая все тотъ же слухъ о движеніи черезъ с. Борчъ на Рутуль, онъ, нимало не медля, 21-го сентября вечеромъ двинулся съ войсками по элисуйскому ущелью на селеніе Кудали, съ намѣреніемъ овладѣть имъ и Гильмецомъ и совершенно отрѣзать непріятеля отъ Дагестана. Въ составъ выступившаго отряда вошло одиннадцать ротъ пѣхоты, четыре горныхъ орудія, взводъ боевыхъ ракетъ, взводъ крѣпостныхъ ружей, полсотни казаковъ и двѣсти человекъ сигнахской милиціи. Двѣ роты 5-го тифлискаго баталіона, прибывшія изъ шинскаго ущелья, получили приказаніе слѣдовать на другой день за отрядомъ по элисуйскому ущелью и для прикрытія сообщеній съ Кахомъ съ лѣвой стороны отъ с. Цохура стать у селенія Сарубаша.

22-го сентября, князь Аргутинскій, приближаясь къ осажденному укрѣпленію Ахты, разбилъ наголову и разсѣялъ скопища Шамиля при селеніи Мескинджи, а затѣмъ торжествующимъ побѣдителемъ вступилъ въ Ахты и возвратилъ къ новой жизни нѣсколько сотъ человекъ счастливаго гарнизона. Шамиль, Даніельбекъ, Кибитъ-Магома и Хаджи-Муратъ бѣжали, кто куда находилъ для себя выходы; но, убѣгая, имамъ все-таки не забылъ послать грустную вѣсть о своемъ пораженіи и въ Кудали, приказавъ бывшему тамъ скопищу быстро отступить. Последнее не заставило себя просить еще разъ о томъ, и когда генераль Шварцъ, переночевавъ въ Элису, 23-го сентября приблизился къ Кудали, то увидѣлъ тамъ немногихъ запоздалыхъ мюридовъ, которые, замѣтивъ его, обратились тотчасъ въ отчаянное бѣгство. Глубокій снѣгъ и суровая погода не позволили ему ихъ преслѣдовать— да и не стоило, поэтому онъ, спустившись обратно въ Элису, хотѣлъ на другой день слѣдовать въ шинское ущелье къ горѣ

Салаватъ, соединиться съ войсками Бюрно, который все еще не выступалъ въ Борчъ, и дѣйствовать для изгнанія непріятеля изъ самурскаго округа, еслибы онъ гдѣ либо тамъ еще оставался; но прибывшіе къ нему старшины изъ Гильмеца объяснили, что это будетъ совершенно напрасно, потому что въ самурскомъ округѣ онъ не найдетъ ни одного человѣка изъ громаднхъ скопищъ. На другой и на третій день эти свѣдѣнія подтвердились даже официально, и генераль Шварцъ, прійдя къ заключенію, что преднамѣреніе его теперь бесполезно, 28-го сентября, черезъ укр. Кахъ, прибылъ съ войсками въ Закаталы. Послѣ пораженія непріятеля у Мескинджи и освобожденія отъ осады Ахты, генераль Бюрно занялъ опять позицію у с. Борчъ.

Во время движенія генераль-лейтенанта Шварца въ Кудали, мулла Шабанъ и мудиръ Адаловъ время отъ времени спускали въ округъ съ Мессельдегера небольшія партіи для грабежа. Всѣ покушенія этихъ партій были по большей части предупреждаемы дѣятельностью обходовъ и предусмотрительностью подполковника Суровцова, защищавшаго Вѣлоканы съ двумя ротами пѣхоты и сотнею 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, а также распорядительностью командира 2-го баталіона эриванскаго полка, подполковника Фрейтага фонъ-Лоренсгофена, который стоялъ въ катехскомъ ущельи, на лѣвомъ берегу Катехъ-чай, съ тремя ротами пѣхоты, двумя сотнями сигнахскихъ милиціонеровъ и двумя горными орудіями.

Знали ли наибы о мескинджикскомъ пораженіи въ тотъ день, когда вѣсть о немъ дошла до селенія Кудали—неизвѣстно; но, вѣроятно, что не имѣли еще точныхъ свѣдѣній, потому что, не смотря на всѣ неудобства, они не только продолжали стоять на своей позиціи, но даже рѣшились, 25-го сентября, спустить на плоскость, по правому берегу Катехъ-чай, партію въ пятьсотъ человѣкъ, съ цѣлью напасть на Катехи, въ тылъ нашимъ войскамъ. Но они были предупреж-

дены подполковникомъ Фрейтагомъ, который, съ одною ротою вѣреннаго ему баталіона и двумя сотнями сигнахской милиціи, переправился черезъ рѣку и встрѣтить ихъ почти на линіи своего лагеря. Горцы заняли позицію на высотахъ близъ подошвы горы. Хотя она была достаточно сильна, но они не долго удержали ее за собою: милиціонеры, разсыпавшись вокругъ нихъ за мѣстными закрытіями, поражали ихъ съ фланговъ, орудія громили ихъ изъ лагеря, а эриванцы, обстрѣлявъ позицію съ фронта, кинулись въ штыки—и вся партія въ безпорядкѣ побѣжала назадъ въ глубину лѣса, унося раненыхъ и оставя на мѣстѣ одного изъ нихъ, десять лошадей и много переметныхъ сумъ, по большей части пустыхъ, которыя располагала наполнить обильною добычею. Съ нашей стороны ранено два милиціонера.

На другой день явились въ катехскій укрѣпленный лагерь изъ Закаталь двѣ роты грузинскаго гренадерскаго полка и два легкихъ орудія, а вѣлѣдъ за ними прибылъ и генераль-маіоръ князь Андрониковъ. 26-го сентября, оставивъ въ лагерь одну роту пѣхоты, два легкихъ орудія и сотню милиціи, князь Андрониковъ, съ остальными войсками, двинулся противъ Шабана и Адалова, чтобы, наконецъ, прогнать ихъ и вывести округъ изъ долгаго напряженнаго состоянія. Но наобы его не дождались — или потому, что считали свою задачу конченною, или же потому, что были устрашены позавчерашнимъ пораженіемъ: поднявъ свое полутора-тысячное скопище и оставя въ завалахъ, для прикрытія своего отступленія, двѣсти лучшихъ воиновъ, они быстро удалились въ Джурмутъ. Когда нашъ отрядъ всходилъ на месельдегерскія высоты, то и эти двѣсти человекъ очистили позицію. Истребивъ завалы, князь Андрониковъ возвратился въ лагерь.

Развлеченіе нашихъ силъ и вниманія поддерживалось горцами, по приказанію Шамяля, также и на лѣвомъ флангѣ

линіи, но тамъ, какъ и прежде, оно выразилось въ послѣднее время нападеніями мелкихъ партій (приложеніе XIII), которыя отряжали изъ среды своей дидойцы или кистины, и только въ ночь на 20-е сентября произведено довольно обширное покушеніе, угрожавшее Кахетіи болѣе или менѣе серьезною опасностью. Партія въ триста человекъ двинулась изъ Дидо черезъ гору Марткохъ, имѣя видимое намѣреніе, судя по ея направленію, посѣтить селеніе Шильды. Находящійся въ маленькомъ блокгаузѣ на Марткохѣ нашъ горный караулъ изъ пяти милиціонеровъ, оставивъ въ сторонѣ всякую сообразительность о громадномъ неравенствѣ силъ, рѣшился задержать непріятеля и неподражаемо исполнилъ свое рѣшеніе, избавивъ жителей Шильды, можетъ быть, отъ новаго лялисахурскаго несчастья. Лишь только горцы приблизились шаговъ на полтораста, милиціонеры открыли огонь. Не зная силы караула, но предполагая, что во всякомъ случаѣ подобная отвага немислима для ничтожной горсти людей, лезгины остановились и, подъ прикрытіемъ ночной темноты, вступили въ перестрѣлку. Разсвѣтъ дня обнаружилъ имъ число защитниковъ, и они, пристыженные и сконфуженные своею трусостью, съ негодованіемъ бросились на блокгаузъ. Въ первыя минуты караульные вродолажали метко отстрѣливаться, поражая врага навѣсью; но когда нѣсколько наиболѣе озлобленныхъ горцевъ начали разбирать надъ ними навѣсъ, то они выскочили изъ своего уѣжища и, съ обнаженными шапками, бросились на осаждающихъ, чтобы проложить сквозь нихъ себѣ дорогу. Эта геройская попытка обошлась жизнью только двоимъ, которые были изрублены въ куски; остальные же трое счастливо прорвались сквозь толпу и, чуть не кубаремъ скатившись съ горы, безъ оглядки бѣжали въ Шильды и объявили о случившемся. Немедленно были приняты мѣры къ отраженію непріятеля; но онъ, сообразивъ, что уже невозможно произвести нечаянное нападеніе, удалился въ горы.

Такимъ образомъ, дерзкое движеніе Шамиля въ самурской округъ, непрерывныя нападенія на Кахетію и намѣреніе вторгнуться въ бѣлоканскій округъ и нухинскій уѣздъ окончились неудачею.

Наши успѣхи въ борьбѣ съ непріятелемъ каждый разъ имѣли послѣдствіемъ своимъ и нравственное вліяніе на непокорныхъ горцевъ не только на лезгинской кордонной линіи, но и на всемъ Кавказѣ. Оно выражалось прежде всего стремленіемъ переселиться въ наши предѣлы тѣхъ изъ нихъ, которые, взвѣсивъ у семейныхъ очаговъ всѣ невыгоды пребыванія подъ постояннымъ давленіемъ съ двухъ сторонъ, предусмотрительнѣе и благоразумнѣе прочихъ рѣшили, что воевать съ нами противъ своихъ гораздо полезнѣе, чѣмъ сражаться съ своими противъ насъ. Противодѣйствіе, оказываемое этимъ лицамъ со стороны наибовъ Шамиля, порождало другую форму выраженія намъ покорности горцевъ на лезгинской кордонной линіи: они испрашивали разрѣшенія прибывать къ намъ на зиму на плоскость для пастьбы скота и производства торговли въ краѣ. Если они были изъ обществъ болѣе или менѣе благорасположенныхъ къ намъ, то начальство не препятствовало ихъ побужденіямъ, усматривая въ этомъ начало и задатокъ ихъ будущей безусловной покорности. Этимъ путемъ исподоволь ослаблялась власть Шамиля въ горахъ и, въ частности, подготовлялось будущее общее покореніе Кавказа.

Такъ было и въ 1848-мъ году. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сошдніе съ Тупетією кистины майститскаго и терелойскаго обществъ, бывшіе повременамъ въ дружественныхъ связяхъ съ тушинами, и тогда предупреждавшіе ихъ о намѣреніяхъ непріятеля, притѣсняемые за это Шамилемъ и его наибамъ, просили позволенія навсегда переселиться къ намъ въ числѣ 32-хъ семействъ и принять наше подданство. Генераль Шварцъ далъ свое разрѣшеніе, и они были поселены, въ

числѣ 105 душъ, въ тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ, на урочищѣ Боцары, выше панкійскаго поста, закрывъ для хищниковъ одну сторону панкійскаго ущелья.

Одновременно съ ними, жившіе въ горахъ калучинцы, вмѣстѣ съ жителями дидойскаго селенія Инухо, обратились съ просьбою, чтобы спустить на плоскость свои стада и войти въ торговля сношенія съ жителями. Препятствія не встрѣтилось и въ этомъ случаѣ, но генераль Шварцъ поставилъ просителямъ особыя условія, которыя ихъ, между прочимъ, обязывали и къ тому, чтобы, при возвращеніи на лѣто въ горы, они оставили бы намъ своихъ аманатовъ.

Послѣ этого шага со стороны столь враждебнаго къ намъ общества, какъ дидойское, жители другихъ обществъ, увѣренные въ такой же благосклонности и гостепріимствѣ русскаго правительства, не испрашивая никакого у насъ дозволенія, нагрянули къ намъ въ гости, въ числѣ 150 семействъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ, обѣщаясь жить смирно и содѣйствовать всѣмъ нашимъ интересамъ. Но на этотъ разъ генераль-лейтенантъ Шварцъ, усумнившійся въ этомъ обѣщаніи, потому что горцы были изъ обществъ неблагонадежныхъ, предложилъ добровольнымъ переселенцамъ оставить насъ въ покоѣ и убраться назадъ. Они избрали изъ среды себя представителей и отправили ихъ съ заявленіемъ къ генералу Шварцу слѣдующаго содержанія: „прикажите насъ всѣхъ перерѣзать, а въ горы мы не пойдёмъ: минутная смерть для насъ легче, нежели продолжительная, но также неминуемая въ горахъ отъ голода“. Этотъ рѣшительный отвѣтъ и истинно бѣдственное положеніе сотенъ лицъ, едва прикрывавшихъ рубищемъ свою наготу, остановили генерала Шварца въ его рѣшительныхъ побужденіяхъ; но такъ какъ онъ считалъ всѣхъ этихъ выходцевъ для насъ бесполезными и все-таки желалъ, чтобы они убрались восвояси, то испросилъ разрѣшенія главнокомандующаго, чтобы нѣко-

торыхъ изъ нихъ, какъ бы за ослушаніе, отпратить въ ссылку, во внутреннія губерніи Россіи. Шварцъ думалъ, что эта мѣра подѣйствуетъ на остальныхъ — и главнокомандующій согласился. Но увы! она вовсе не произвела никакого вліянія, и почти всѣ выходцы остались навсегда у насъ на плоскости, увеличивъ собою меньшинство преданныхъ намъ горскихъ переселенцевъ и большинство разбойниковъ, скрывавшихся постоянно въ трупобахъ округа и при каждомъ удобномъ случаѣ помогавшихъ своимъ соплеменникамъ въ грабежахъ и хищничествѣ.

Относительно этихъ частыхъ въ 1848-мъ году нападеній на жителей телавскаго и сигналакскаго уѣздовъ гражданское начальство подняло даже особый вопросъ, придавъ ему и особенную важность, и сваливало вину на военное начальство, которое будто бы не принимало надлежащихъ мѣръ охраны; военная же власть относила большую часть несчастныхъ случаевъ къ безпечности и халатности туземнаго населенія, и въ данномъ случаѣ не была несправедлива, потому что имѣла возможность въ скоромъ времени подтвердить это фактомъ, происшедшимъ въ селеніи Сабуи *), гдѣ очередной карауль не вышелъ на ночь по приказанію сельскаго начальника и далъ возможность лезгинамъ произвести нападеніе: они ограбили одинъ домъ и увлекли въ плѣнъ все семейство. Къ сожалѣнію, и этотъ случай, и пререканіе начальствъ не улучшили дѣла и на дальнѣйшее время, такъ какъ въ горахъ былъ постоянный и сильный двигатель нападеній — голодъ, котораго уничтожить было нельзя. Такимъ образомъ, вторженія и грабежи продолжались до конца года, и послѣдніе мѣсяцы были едва ли не обильнѣе ими предыдущихъ. Они возникли тотчасъ послѣ того, какъ генераль Шварцъ спустилъ въ штабъ-квартиры нѣкоторыя вспомогательныя части войскъ, а остальные размѣстилъ до зимы на

*) Донесеніе полковника кн. Меликова отъ 16-го октября за № 2227.

пунктахъ работъ и на важнѣйшихъ оборонительныхъ позиціяхъ у предгорія.

8-го октября двое изъ жителей с. Енисели были застигнуты въ лѣсу партіею лезгинъ, и одинъ изъ нихъ убитъ. Товарищъ его далъ знать о происшествіи въ с. Артаны, откуда была послана погоня за хищниками. Сутки слишкомъ просидѣли грузины въ засадѣ, подкарауливая своихъ враговъ. Наконецъ, 10-го числа, на разсвѣтѣ, они увидѣли партію возвращавшуюся въ горы въ числѣ двадцати человекъ, сдѣлали по ней залпъ и преслѣдовали до тѣхъ поръ, пока она не оставила у нихъ въ рукахъ награбленную добычу и одного раненаго. 9-го октября въ Катехи явилась партія качаговъ и укрылась въ дружелюбномъ семействѣ. Пока она пожинала плоды любезнаго гостепріимства, одинъ изъ катехцевъ, по имени Вали, далъ знать о ней въ Закаталы. Въ ночь на десятое число послана была оттуда часть партизанской команды, которая окружила домъ, гдѣ скрывались хищники, и, послѣ перестрѣлки, зажгла его. Огонь и дымъ хотя вышвырнули лезгинъ изъ ихъ убѣжища, но за то темнота ночи и ближайшій лѣсъ скрыли ихъ безнаказанно. Команда лишилась одного убитаго и одного раненаго. Въ ночь на 15-е октября едва не спустилась съ горъ въ сабуйское ущелье весьма значительная партія. Къ счастью, она была замѣчена на горѣ Хубіари обходомъ изъ 12-ти человекъ, который, укрывшись въ засадѣ, встрѣтилъ ее дружнымъ огнемъ. Не зная численности противника, горцы дали доказательство своей храбрости въ нѣсколькихъ десяткахъ выстрѣловъ и принуждены были удалиться.

Удивительна и пока неразгадана оставалась плодovitость этихъ разбойничьихъ шаекъ, которыя выростали, какъ грибы изъ земли на разныхъ отдаленныхъ пунктахъ лезгинской кордонной линіи, не имѣя, между прочимъ, одна съ другою ничего общаго. Черезъ день послѣ происшествія на Хубіари, толпа хищниковъ угнала скоть, принадлежав-

шій жителямъ селенія Гавазы или, лучше сказать, пастухи, по безопасности, проспали этотъ скотъ. И не видѣть бы имъ никогда его, еслибы не выручить изъ бѣды сельскій нацваль, который, съ командою, нагналъ лезгинъ и отбилъ обратно общественное достояніе. 21-го же октября одна партія показала за гавазскими садами и была разбѣяна, а другая, съ добычею, наткнулась на разбѣздныхъ казаковъ, въ десяти верстахъ отъ муганлинскаго поста и, послѣ перестрѣлки, должна была отказаться отъ награбленнаго имущества.

Всѣ эти разбои до того ловко практиковались лезгинами, что часто объ ихъ продѣлкахъ позже всего узнавали тѣ, которыхъ дѣло ближе всего касалось, т. е. пострадавшіе. Такъ было и 31-го октября, когда партія въ тридцать человекъ угнала скотъ жителей селенія Артаны. Не подвернись въ это время тушины, посланные окружнымъ начальникомъ для розыска совѣмъ иной партіи, и отобравшіе у хищниковъ добычу близъ большой Андаразани, артанцы бы не получили никогда своихъ коровъ и быковъ, потому что они спохватились только тогда, когда стадо было имъ возвращено. Въ накладѣ остались только тушины, потерявъ одного убитаго и одного раненаго.

Подобныя схватки съ непріятелемъ были извѣстны на языкѣ тушинъ подъ общимъ названіемъ „славнаго дѣла,“ и одно изъ такихъ, дѣйствительно, славныхъ дѣлъ произошло у нихъ 1-го ноября, когда юзбашъ накадуртскаго поста производилъ осмотръ дорогъ изъ Тушетіи въ кистинскія деревни. Погода была суровая; вѣтеръ гудѣлъ и стоналъ, взметая цѣлые сугробы снѣжной пыли. На вершинѣ горы Тебуло тушины замѣтили партію кистинъ, съ двадцатью краденными лошадьми, и тотчасъ, обойдя гору, отрѣзали ей дорогу. Кистины послали за помощью въ свои ближайшія деревни, но юзбашъ, догадавшись, по примѣтамъ, въ чемъ было дѣло, предупредилъ прибытіе къ нимъ подкрѣпленія молодецкою атакою. Непрѣя-

тель защищался, но лишившись въ короткое время трехъ бѣладовъ убитыми и одного раненаго, долженъ былъ оставить добычу и искать спасенія въ глубокомъ ущельи. Другая обходная команда тушинъ, въ одиннадцать человекъ, встрѣтила хищническую партію на горѣ Бурси-Сатави и опять имѣла „славное дѣло“, уложивъ одного кистина наповаль и ранивъ троихъ. Едва наступила ночь, караулъ въ панкійскомъ ущельи открылъ третью партію, которая хотя и была встрѣчена выстрѣлами, но, благодаря темнотѣ, разбѣжалась.

Никакія зимнія невзгоды не охлаждали пылкихъ порывовъ горцевъ, страсти ихъ къ нападеніямъ и необходимости отвоевать себѣ на плоскости кусокъ хлѣба. Собравъ довольно значительную партію, они 3-го ноября двинулись по ущелью Дидь-Хеви къ Артанамъ или Напареуду. Но и этотъ набѣгъ имъ не удался, потому что сигналы горнаго караула ихъ предупредили, и они должны были повернуть обратно.

Однако, природу трудно осилить, и въ концѣ ноября столкновенія съ горами на кордонѣ затихли. Только время отъ времени продолжались они на плоскости съ тѣми качагами, которые тамъ утвердились въ лѣсахъ, и которыхъ никакъ нельзя было перестрѣлять. Одно изъ крупныхъ нападеній было произведено ими 27-го ноября на команду 1-го Грузинскаго пѣшого полка, посланную, съ топорами, въ числѣ 20-ти человекъ, изъ Лагодехъ въ Бѣлоканы. Схватка произошла въ двухъ верстахъ за рѣкою Мазымъ-чай и открылась со стороны разбойниковъ залпомъ изъ пятидесяти ружей. Лишившись въ первый моментъ одного товарища раненымъ, и видя превосходство силъ противника, милиціонеры бросились въ лѣсъ, но лезгины ихъ настигли, изрубил семерыхъ и отрѣзали у нихъ правыя кисти рукъ; четыре же другихъ милиціонера пропали безъ слѣда. Команда тифлискаго полка, посланная изъ Лагодехъ для розыска партіи, вернулась назадъ безъ успѣха.

Это было одно изъ послѣднихъ видныхъ происшествій въ бѣлоканскомъ военномъ округѣ въ концѣ 1847-го года и во время командованія войсками на линіи генераль-лейтенанта Шварца: Высочайшимъ приказомъ 26-го ноября онъ назначенъ начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи, а, приказомъ по отдѣльному кавказскому корпусу отъ 14-го декабря за № 149-мъ, исправленіе должности начальника джаро-бѣлоканскаго военнаго округа и всей лезгинской кордонной линіи возложено на командира тифлискаго полка полковника Чиляева.

VI.

У себя дома. Въ горахъ. Предположенныя предпріятія въ 1849-мъ году. Составъ лезгинскаго отряда. Пораженіе непріятельской партіи 20-го февраля. Нахѣренія Шамиля. Распределеніе нашихъ войскъ. Два обширныхъ нападенія кистинъ на Тушетію. Сборы въ горахъ и приготовленія къ тройственному вторженію въ наши предѣлы. Движеніе нашего отряда въ дидойское общество. Сильное пораженіе непріятеля 25-го и 26-го іюня близъ аула Хуиро. Возвращеніе на линію. Кровавыя происшествія въ округѣ. Волненіе въ г. Нухѣ. Пораженіе партіи нахздника Богарчи при с. Мышлинѣ. Новые обширные планы и покушенія Шамиля и Даніельбека. Примирительное направленіе дидойцевъ и кистинъ.

Преемникомъ генерала Шварца былъ избранъ человекъ въполнѣ достойный этого назначенія и оправдавшій его. Въ этомъ случаѣ, какъ и по большей части, очень метко выразился взглядъ князя Воронцова на людей способныхъ и полезныхъ. Чиляевъ, произведенный въ концѣ 1848-го года въ генераль-маіоры, тотчасъ же обнаружилъ, какъ обыкновенно бываетъ съ каждымъ новымъ на должности лицомъ, вопер-

выхъ, особенную энергію, вмѣстѣ съ знаніемъ дѣла и края, восторыхъ—несходство его во многомъ съ воззрѣніями своего предмѣтника и отклоненіе разныхъ его предположеній. Въ послѣднемъ случаѣ онъ значительно сѣзнулъ и видоизмѣнилъ программу, поставленную Шварцомъ для дѣйствій въ 1848-мъ году—и имѣлъ на это правдивое основаніе, потому что не видѣлъ у себя средствъ ни денежныхъ, ни физическихъ. Что же касается до проявленія его личныхъ качествъ и воззрѣній, то они прежде всего обратились на внутреннее состояніе округа, въ которомъ онъ хотѣлъ достигнуть полнаго спокойствія и безопасности и гарантировать эти условія на будущее время мѣрами строгости по отношенію къ подозрительнымъ лицамъ среди туземнаго населенія, розысканіемъ и наказаніемъ виновниковъ зла и, наконецъ, распоряженіями о предупрежденіи и пресѣченіи его.

Дѣло началось съ джурмутцевъ, которые самовольно поселились въ предыдущемъ и даже въ 1847-мъ году на зимовье въ округѣ. Генераль Шварцъ неоднократно воспрещалъ имъ спускаться съ горъ для пастьбы зимою своихъ стадъ, потому что, съ наступленіемъ весны, часть изъ нихъ оставалась на жительство у своихъ кунаковъ и производила безпрестанные грабежи и разбои, способствуя во всемъ партіямъ хищниковъ, а другая часть, удалившись въ горы и пользуясь весьма хорошо изученною ею мѣстностью въ округѣ, служила для своихъ соплеменниковъ въ качествѣ хорошихъ проводниковъ, даже соблазняла ихъ легкостью нападеній и возбуждала къ нимъ. О постоянныхъ же сношеніяхъ жителей съ горами, чрезъ посредство всѣхъ этихъ злоумышленниковъ, и говорить было нечего. Воспрещенія генерала Шварца не приводили къ цѣли, потому что не подкрѣплялись никакими существенными и рѣшительными мѣрами, и джурмутцы не обращали на нихъ никакого вниманія, продолжая попрежнему свои кочевки и переселенія изъ Джурмута въ округъ и обратно; такимъ обра-

зомъ, распоряженіе начальства къ прекращенію сношеній туземцевъ съ горцами являлись бесполезными. Къ крайнему удивленію, такое направленіе, между прочимъ, обнаружили и тѣ 64 семейства, которые въ февралѣ 1848-го года явились къ намъ подъ предводительствомъ наиба Ибрагимъ-Магомета. Сначала, дѣйствительно, можно было залобоваться на ихъ поведеніе и видимую къ намъ преданность; но, освоившись на мѣстѣ и подружившись съ вредными для насъ туземцами-лезгинами, въ которыхъ недостатка никогда не было, а главнымъ образомъ, такъ сказать, отжиравъ на нашемъ хлѣбѣ послѣ продолжительнаго голоданія *), они мало по малу, сперва изподтишка, а потомъ и довольно явно стали доказывать на дѣлѣ, что „какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ“. Это обнаружилось только въ концѣ 1848-го года, вскорѣ по вступленіи въ командованіе округомъ и войсками генерала Чилева. Онъ изслѣдовалъ и доказалъ фактически, что въ предыдущемъ году мы были обязаны массою кровавыхъ происшествій никому другому, какъ нашимъ пріятелямъ переселенцамъ, прибывшимъ къ намъ въ числѣ 64-хъ семействъ, которые не только укрывали хищниковъ и имъ содѣйствовали, но даже участвовали съ ними въ главнѣйшихъ преступленіяхъ и разбояхъ, какъ на примѣръ: въ нападеніи въ іюнѣ мѣсяцѣ на казаковъ, когда восемь человекъ изъ нихъ было убито; въ убійствѣ и увлеченіи въ плѣнъ изъ за Алазани синахскихъ жителей; въ нападеніи, 27-го ноября, на команду милиціонеровъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, изъ среды которой было убито семь человекъ и передано въ горы плѣнными четверо, и т. д. Мало того, эти волки въ овечьей шкурѣ помогали дагестанскимъ моридамъ въ распространеніи среди населенія ихъ злостнаго фанатическаго ученія и даже постоянно до-

*) Переселенцамъ, среди прочихъ льготъ, уступокъ и бдженій, вылавался нашимъ правительствомъ и паекъ.

ставляли хлѣбъ партіямъ муллы Шабана и ирибскимъ скопичамъ.

Естественно, что нужно было жестоко наказать главныхъ дѣятелей и руководителей этихъ преступленій, и въ особенности ихъ учителей и представителей, имена которыхъ съ почетомъ произносились въ разбойничьихъ труппахъ округа. Это были знаменитые качаги, извѣстные своею дерзостью и предприимчивостью: Сеидъ-Ахметъ-Шабанъ-оглы и Рамазанъ-Заагамъ-оглы—и на нихъ палъ первый ударъ. 26-го января, когда они явились къ своимъ кунакамъ въ селеніе Талы, то немедленно отпавлена была туда изъ Закаталъ часть партизанской команды и 15-ть человекъ джаро-лезгинской постоянной милиціи. Разбойники были застигнуты въ домѣ одного изъ своихъ пріятелей и тотчасъ атакованы. Не думая сдаться живыми, они открыли перестрѣлку, но потомъ, предвидя, что легко могутъ быть, по принятому обыкновенію, сжарены на огнѣ, рѣшились проложить себѣ дорогу съ оружіемъ въ рукахъ. Однако, это имъ не удалось, и едва они выскочили изъ сакли, какъ тутъ же пали, пронизанные каждый нѣсколькими пулями. Въ этой схваткѣ раненъ прапорщикъ милиціи Магометъ-Вели-Магометъ-Эминъ-оглы, награжденный впоследствии за свое усердіе къ намъ.

На другой день воинскій начальникъ бѣлоканскаго форта поручикъ князь Агатовъ Вачнадзе открылъ въ селеніи Килиса третьяго разбойника, участвовавшаго въ прошлогоднемъ нападении на казаковъ—Израила-Османа-оглы. Окруживъ домъ, гдѣ онъ находился, Вачнадзе предложилъ ему сдаться, но тотъ отвѣтилъ ему выстрѣлами и призвалъ къ оказанію ему помощи сельскихъ жителей. Тогда оставалось только прибѣгнуть къ оружію—и князь Вачнадзе такимъ порядкомъ и порѣшилъ дѣло съ Израиломъ.

Послѣ этого нужно было искать остальныхъ. Но ихъ пришлось искать не очень долго: въ началѣ февраля они

оказались въ перикальскомъ ущельи, на кутанахъ своихъ родственниковъ джурмутцевъ, которымъ дозволено проживать въ округѣ, и пасли тамъ барановъ. Генераль Чилиевъ направилъ къ нимъ туда командующаго джаро-лезгинскою постоянною милиціею штабсъ-капитана князя Мачабели, съ партизанскою командою. Прибывъ на мѣсто на разсвѣтъ дня, Мачабели внезапно окружилъ логовище разбойниковъ, отбилъ ихъ барановъ и взялъ въ плѣнъ шесть человѣкъ, которыхъ и доставилъ въ Закаталы. Слѣдствіе обнаружило ихъ полнѣйшее участіе въ преступленіяхъ минувшаго года; кромѣ того, они указали еще на четырехъ своихъ сообщниковъ. Когда горные джурмутцы узнали о такомъ положеніи своихъ низменныхъ друзей, то немедленно обязались возвратить восемь лошадей, отнятыхъ у казаковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ грузинъ и шесть человѣкъ плѣнныхъ солдатъ, и впродъ до исполненія этого обязательства дали шесть аманатовъ—что послужило лучшимъ доказательствомъ ихъ преступленій. Такъ какъ, между прочимъ, оказалось, что отбитые княземъ Мачабели бараны принадлежатъ извѣстному разбойнику Алилову, то всѣ двѣсти штукъ были проданы за 176 рублей, и деньги эти обращены въ штрафную сумму. Въ заключеніе, джурмутцамъ было объявлено, что за всякое ихъ преступленіе они будутъ истребляемы оружіемъ; карауламъ же, расположеннымъ вблизи Вѣлоканъ и всюду по кордону, приказано—съ каждымъ лезгиномъ, отправляющимся въ горы или спускающимся оттуда, неимѣющимъ письменнаго вида отъ своего начальства, поступать какъ съ непріателемъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ у себя дома, Чилиевъ въ то же время не спускалъ глазъ съ непріятельскихъ обществъ и, подобно всѣмъ начальникамъ стараго Кавказа, интересовался и придавалъ весьма серьезное значеніе тому, что дѣлается въ горахъ вообще и у Шамиля въ частности, отъ котораго по всему непокорному краю исходили руководящіе аккорды. Ког-

да 3-го февраля командующій войсками въ прикаспійскомъ краѣ увѣдомилъ его въ общихъ выраженіяхъ, что, по слухамъ, въ горахъ происходитъ движеніе, и дѣлаются значительныя приготовленія, Чилевъ тотчасъ отправилъ туда благонадежныхъ лазутчиковъ, и свѣдѣнія, ими доставленныя, освѣщаютъ намъ картину тогдашняго положенія дѣлъ и состояніе умовъ въ Дагестанѣ вообще.

Въ горахъ держалось мнѣніе, что еслибы русскіе не пошли въ глубь Дагестана съ лезгинскою линіею или отъ Каспійскаго моря, то Шамиль рѣшилъ явиться самъ въ наши предѣлы. Для этого онъ приказалъ всѣмъ отъ Андіи до казыхумскаго ханства ковать лошадей, починять оружіе и быть готовыми къ движенію по первому призыву. Это привело въ движеніе толпы горцевъ на разныхъ пунктахъ. Въ началѣ февраля мюриды дѣятельно собирались въ Ихрекѣ, Ирибѣ, Карахѣ и другихъ мѣстахъ, и часть изъ нихъ отправилась въ Чечню. Хотя все-таки вопросъ о настоящихъ намѣреніяхъ непріятеля оставался нерѣшеннымъ, но ахтынцы, взятые въ плѣнъ во время прошлогодняго нападенія на самурскій округъ, и пользовавшіеся уже среди горцевъ свободою, предупреждали своихъ родственниковъ, чтобы они не пахали земли вблизи дорогъ, потому что мюриды могутъ уничтожить такія пашни. Даніельбекъ, желая привлечь на свою сторону жителей горнаго магала, обѣщалъ имъ построить крѣпость въ цохурскомъ ущельи и самъ тамъ поселиться. Все вниманіе Шамиля и Даніельбека было устремлено на Ирибѣ, куда они, по своему соображенію, прежде всего ожидали движенія нашихъ войскъ. Эта крѣпость, равная по величинѣ половинѣ тогдашней закатальской крѣпости, составляла четырехугольникъ съ двумя блиндированными башнями и съ каменною стѣною толщиною въ три и высотой въ два съ половиною аршина. Хотя она сама по себѣ и по природной обстановкѣ составляла пунктъ весьма твердый и трудно оборимый, но горцы еще обстав-

ляли и укрѣпляли ее такими завалами на высотахъ, въ оврагахъ и ущельяхъ, которые легко могли быть защищаемы десятию человѣками. Завалы эти прикрывали доступы къ крѣпости на разстояніи трехъ-пяти верстъ. Ежедневно въ Ирибѣ производилась практическая стрѣльба изъ орудій на тѣ пункты, съ которыхъ возможны были нападенія нашихъ войскъ. Въ полуверстѣ отъ Ириба, въ деревнѣ Никуштъ, дѣлались орудія мастеромъ, присланнымъ изъ Дарго, и уже было готово до тринадцати такихъ орудій; лафеты изготовлялись нашими плѣнниками; ядра вытачивались изъ булыжнаго камня, но былъ запасъ и нашихъ русскихъ; пороху было вдоволь: за 20 копѣекъ серебромъ можно было купить его два фунта; въ одномъ изъ погребовъ въ Ирибѣ хранились готовые картузные заряды для орудій; изъ бѣлоканскаго округа была доставляема для изготовленія пороха острая водка; свинцомъ пользовались преимущественно изъ руды, открытой близъ Дарго, и куски его, доставляемые въ Ирибъ, были величиною въ человѣческую голову.

Эти и многія другія, весьма интересныя свѣдѣнія были получены генераломъ Чилиевымъ именно въ тѣ минуты, когда мы не только не думали проникнуть къ Ирибу со стороны лезгинской линіи, но и вовсе, безъ крайней необходимости, не располагали вступать въ горы. Все наши военныя предположенія на 1849-й годъ сводились прежде всего, и главнѣйшимъ образомъ, къ *перенесенію линіи на второй уступъ кавказскаго хребта* посредствомъ возведенія укрѣпленныхъ оборонительныхъ башенъ: въ шильдекомъ ущельи на урочищѣ Шуагори, въ допотинскомъ на горѣ Кипручи и третьей на горѣ малой Андаразани. Остальныя преднамѣренія заключались въ слѣдующемъ: довершеніе устройства баталіонной штаб-квартиры въ Лагодехахъ; вырубка дѣсовъ въ шильдекомъ ущельи и въ окрестностяхъ Бежаньянъ, на мѣстахъ, выбранныхъ для возведенія укрѣпленій, и послѣдовательное проложеніе просѣкъ

на дальнѣйшихъ военныхъ сообщеніяхъ; охраненіе края и только по мѣрѣ надобности наступательныя движенія въ горы; довершеніе кахскаго укрѣпленія, если средства позволятъ. Для всего этого назначались: гренадерскаго Его Высочества Константина Николаевича (грузинскаго) полка два баталіона, эриванскаго карабинернаго полка одинъ баталіонъ, тифлискаго полка три баталіона, одна рота саперъ, команды съ крѣпостными ружьями эриванскаго и тифлискаго полковъ, ракетная команда съ одиннадцатью станками, восемь горныхъ орудій, три сотни донскаго казачьяго № 28-го полка и 1-й Грузинскій пѣшій полкъ. По ходатайству генерала Чиляева, войска эти были усилены полубаталіономъ 2-го баталіона гренадерскаго Его Высочества Константина Николаевича полка, прибывшимъ 26-го мая въ с. Кварели, и конно-ракетною командою изъ шести станковъ, сформированною изъ казаковъ донскаго № 28-го полка. Для продолженія разработки военно-ахтынской дороги: одинъ (первый) баталіонъ тифлискаго и, послѣ перваго періода военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ, одинъ и даже два баталіона мингрельскаго егерскихъ полковъ, сто человекъ кавказскаго сапернаго баталіона, ракетная команда и 400 человекъ милиціи и рабочихъ изъ нухинскаго уѣзда и самурскаго округа. Въ мѣсто инженеръ генераль-маіора Бюрно, надъ которымъ было наряжено слѣдствіе, командующимъ рабочимъ ахтынскимъ отрядомъ былъ назначенъ инженеръ-подполковникъ Фортини, съ подчиненіемъ его и ввѣренныхъ ему войскъ, въ военномъ отношеніи, начальнику лезгинскаго отряда. Войска, назначенныя извнѣ, должны были прибыть на мѣсто своихъ дѣйствій: въ кр. Закаталы къ 15-му апрѣля и въ с. Шинъ къ 25-му марта. Что же касается до мѣстныхъ войскъ, то они были выдвинуты уже 8-го февраля, и изъ нихъ двѣ роты 3-го баталіона тифлискаго полка выступили въ этотъ день на ур. Кивручи, а одна рота того же баталіона и три взво-

да грузинскаго линейнаго № 16-го баталіона на ур. Шуа-гори.

Въ этомъ году зима на плоскости была слабѣе предше-ствовавшей, поэтому и работы открылись ранѣе прошлогод-нихъ. Въ горахъ также начали обнажаться нѣкоторые вы-ходы скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, и въ половинѣ фев-раля представлялась уже возможность, хотя и съ трудомъ, проникнуть въ округъ. Лезгины не желали упустить этого благоприятнаго обстоятельства и вознамѣрились спуститься для грабежей заблаговременно, пока войска наши не заняли главные пути. Собравъ партію въ 150-ть человекъ, они 18-го февраля двинулись черезъ Джурмутъ. Но сообщеніе нашихъ лазутчиковъ ихъ опередило, и 20-го февраля на всѣхъ пу-тяхъ изъ этого общества уже стояли наши засады, направ-ленные изъ бѣлоканскаго форта. При спускѣ съ Акимала, на плоской возвышенности Цхинъ-Тахта, гдѣ полтора года назадъ измѣнникъ Кара-Али устроилъ попутный заваль, расположи-лись 60-ть милиціонеровъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, подъ командою урядника дворянина Ивана Бакрадзе. Обез-печивъ себя возможными закрытіями, команда недолго ожи-дала гостей. Едва темная ночь охватила горы, какъ на бли-жайшей изъ нихъ, покрытой бѣлою снѣжною пеленою, пока-залась черная движущаяся масса. Нырря въ балки и затѣмъ опять рисуясь на ихъ окраинахъ, она подвигалась все ближе и ближе, и наконецъ, миновавъ нѣкоторыя препятствія, быстро начала скользить подъ гору. Бакрадзе тотчасъ отправилъ двухъ вѣстниковъ въ Бѣлоканы; остальные же милиціонеры приго-товились къ бою. Они были скрыты такъ хорошо, что имѣли возможность допустить къ себѣ горцевъ на пистолетный вы-стрѣлъ. Не предполагая никакой опасности, послѣдніе безпеч-но, густою толпою, летѣли прямо на засаду. Но въ одно мгно-веніе раздался дружный залпъ, и они, не успѣвъ даже выхва-тить изъ за плечъ свои винтовки, были приняты въ панки.

Такая нечаянная встрѣча обошлась имъ моментально двадцатью убитыми и ранеными, оставшимися на мѣстѣ. Пораженные ужасомъ, они быстро повернули назадъ и, обгоняя другъ друга, побѣжали обратно на Акимать. Но сдѣлавъ не болѣе ста шаговъ подъ выстрѣлами милиціонеровъ, и сообразивъ въ это время, что значительный численный перевѣсъ на ихъ сторонѣ, они вдругъ остановились и съ ожесточеніемъ бросились на своихъ враговъ. Грузины имѣли основаніе ожидать этого, вслѣдствіе чего не трогались съ мѣста и молодецкимъ отпоромъ встрѣтили атаку противника. Горцы немного отступили и, разсѣявшись насколько позволяла мѣстность, открыли ружейный огонь. Трескотня эта оглашала горы довольно продолжительное время. Наконецъ, когда Бакрадзе рассчиталъ, что подкрѣпленіе изъ Бѣлоканъ должно прибыть очень скоро, то, увѣренный, съ одной стороны, что лезгины его осилить не успѣютъ, а съ другой, не желая раздѣлить съ кѣмъ либо славы, которая всецѣло должна была принадлежать его командѣ, снова атаковалъ непріятеля и заставилъ его отступить такъ поспѣшно, что онъ не успѣлъ подобрать всѣ тѣла своихъ убитыхъ и оставилъ въ распоряженіи грузинъ пять изъ нихъ, съ полнымъ вооруженіемъ. Преслѣдовать лезгинъ было нельзя, такъ какъ внезапно поднялась такая выюга, что въ трехъ шагахъ невозможно было увидѣть человѣка. Въ эту минуту подбѣжало на урочище подкрѣпленіе, состоявшее изъ 60-ти человѣкъ бѣлоканскаго гарнизона и 150-ти человѣкъ жителей, собравшихся по первому вызову, подъ начальствомъ своего юзбаша Махмеда-Вели, но, къ ихъ общему сожалѣнію, не только слѣдъ непріятеля, но и мѣсто кровавой схватки было уже занесено снѣгомъ.

У милиціонеровъ бытъ убитъ одинъ и ранено три человѣка, изъ которыхъ одинъ на другой день умеръ. При осмотрѣ брошеннаго горцами оружія, одно ружье оказалось принадлежавшимъ наибо джурмутскаго селенія Гапоколоба Куди-

Юраву. Значить, джурмутцы и на этотъ разъ выразили новое доказательство полной къ намъ непріязненности—хотя и получили прекрасный урокъ. Главнокомандующій въ особенности остался доволенъ усердіемъ и преданностью къ намъ бѣлоканскихъ жителей, которые впервые проявили ихъ съ такою энергіею, безъ малѣйшаго понужденія.

Вѣсть о пораженіи на Цхинъ-Тахта прогремѣла по всей линіи до границъ Кистіи, и три мѣсяца слишкомъ горцы не отваживались производить нападенія обширными партіями—чему въ значительной степени округъ и Кахетія были обязаны постоянной бдительности нашихъ войскъ и въ особенности вѣрнымъ и своевременнымъ свѣдѣніямъ о сборахъ непріятеля, которыя Чиляевъ получалъ отъ лазутчиковъ, оплачивая довольно щедро каждую ихъ услугу. За то, движенія въ горахъ было много, и Шамиль съ Даніельбекомъ не спускали своихъ глазъ съ лезгинской кордонной линіи, готовые воспользоваться каждою удобною минутою, чтобы сбросить на нее возможно сильное скопище. Въ концѣ марта имамъ собралъ въ Гидатлѣ до двухъ тысячъ мюридовъ, и самъ прибылъ въ с. Ансальгу, технучальскаго общества. Для какого дѣла и на какой пунктъ онъ приготовилъ это скопище—было пока неизвѣстно; но являлись обстоятельства, которыя заставляли подозрѣвать, что и лезгинская кордонная линія не остается внѣ его намѣреній: дидойцевъ онъ поощрялъ къ вторженіямъ, по крайней мѣрѣ, мелкими партіями, обѣщая свою поддержку, а въ бѣлоканскій округъ посылалъ десятки бѣглецовъ производить безпорядки и собирать свѣдѣнія о томъ, пріймутъ ли жители его сторону, когда явятся его толпы. Хотя жители вели себя хорошо, но, привыкнувъ отчасти къ безнаказанности за свое вѣроломство, и подчинившись вліянію мюридизма, не давали права рассчитывать на ихъ вѣрность, въ особенности при неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ. Для удержанія ихъ въ должномъ повиновеніи, нужны были самыя строгія

мѣры—и, слѣдуетъ отдать справедливость генералу Чиляеву, въ нихъ недостатка не было.

Въ первыхъ числахъ апрѣля намѣренія Шамиля выяснились: наибы богозскій, каратынскій и андійскій были отправлены, съ ихъ толпами, возобновлять Гергебиль; самъ же Шамиль, съ партією мюридовъ, отправился въ Чечню. Но, удаляясь туда, онъ приказалъ мудиру Адалову и наибамъ другихъ обществъ, ближайшихъ къ лезгинской линіи, чтобы они держали людей своихъ въ сборѣ и безъ его приказанія не смѣли ихъ распускать. Скоро, возвратясь изъ Чечни и перенеся на время свое пребываніе изъ Дарго въ Карату, Шамиль вызвалъ туда для совѣщаній Даніельбека. Послѣдствій отъ этого свиданія было достаточно: возвратясь къ себѣ въ Ирибъ, Даніельбекъ быстро собралъ огромное скопище, съ шестью наибами, и ставъ во главѣ его, готовился проникнуть въ горныя магалы джаро-бѣлоканскаго округа; въ дидойскомъ обществѣ, между се. Асахо и Хупро, сосредоточились, для нападенія на Кахетію, скопища другихъ четырехъ наибовъ; независимо того, мулла Шабанъ, мудиръ Адаловъ, Кара-Али и прочіе анкратльскіе наибы приступили и съ своей стороны къ обширнымъ сборамъ и приготовленіямъ.

Для отпора непріятелю на всѣхъ угрожаемыхъ пунктахъ, войска лезгинскаго отряда къ 1-му мая были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1-й и 3-й баталіоны и взводъ крѣпостныхъ ружей гренадерскаго Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, двѣ роты 4-го баталіона тифлискаго егерскаго полка, четыре горныхъ орудія и взводъ боевыхъ ракетъ—при кр. новыхъ Закаталахъ; 1-й баталіонъ и взводъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго карабинернаго, 2-й баталіонъ, двѣ роты 4-го баталіона и взводъ крѣпостныхъ ружей тифлискаго егерскаго полковъ, рота саперъ и два горныхъ орудія—въ укр. Лагодехахъ, готовые двинуться изъ этого центрального пункта туда, гдѣ потре-

буеть необходимость; отъ Каратубани же до окончности лѣваго фланга были размѣнены: 3-й баталіонъ тифлискаго егерскаго полка, грузинскій линейный № 16-го баталіонъ, Грузинская пѣшая Дружина (переименованная въ концѣ марта изъ 1-го Грузинскаго пѣшаго полка), одна сотня казаковъ, два горныхъ орудія кавказской гренадерской артилерійской бригады и два легкихъ орудія новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона.

Съ 1-го по 5-е мая, Шамиль, съ толпою фанатически преданныхъ ему мюридовъ, объѣзжалъ все пограничныя общества, возбуждая ихъ къ упорной борьбѣ съ русскими. Этотъ объѣздъ составлялъ нѣчто въ родѣ торжественнаго шествія по горнымъ тущомамъ, которое въ наиболѣе населенныхъ аулахъ и въ мѣстахъ пребыванія наибовъ сопровождалось всевозможными, въ азіятскомъ духѣ, оваціями. Во время объѣзда имамъ убѣдился, что все распоряженія исполнены свято и въ воодушевленіи правовѣрныхъ на борьбу съ нами недостатка нѣтъ. Въ Дидо онъ особенно расхвалилъ население, выразилъ много ласки наибу Гаджи-Магомету и увѣрилъ его, что дидойское общество, могущественнѣйшее и храбрѣйшее въ горахъ, составляетъ оплотъ и надежду цѣлой половины Дагестана. Мимоходомъ Шамиль зацѣпилъ даже Кистію и получилъ отъ кистинъ святое обѣщаніе, что въ самомъ непродолжительномъ времени они постараются отличиться и порадовать сердце своего владыки.

Тотчасъ послѣ его отъѣзда, дидойцы усилили свои скопища, на главныхъ проходахъ изъ глубины горъ поставили сильныя караулы и послали въ разные пункты лѣваго фланга линіи нѣсколько небольшихъ шакъ для разузнанія о мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, генералъ Чиліаевъ остановилъ постройку укрѣпленныхъ башенъ на Кипручи и Шуагори, велѣлъ отозвать оттуда три роты 3-го баталіона тифлисцевъ и полторы роты грузинскаго ли-

нейнаго № 16-го баталіона и сосредоточилъ ихъ на горѣ маломъ Ялагѣ (Эйлахѣ), откуда возможно было предупредить движеніе горцевъ на селенія Кварели, Шильды и другія, расположенныя по Алазани; если же бы непріятель двинулся противъ Бежаньянъ, то съ малаго Ялага представлялась возможность слѣдовать по горной дорогѣ черезъ Долисъ-Губи и ударить ему въ тылъ. Въместѣ съ тѣмъ, по приказанію Чилиева, начальникъ лѣваго фланга линіи успѣлилъ призвать въ ружье триста милиціонеровъ изъ селеній, лежащихъ между Кварели и Лялихури. 8-го мая самъ генералъ Чилиевъ выступилъ изъ Закалатъ съ двумя ротами 4-го баталіона тифлискаго полка, двумя горными орудіями, взводомъ боевыхъ ракетъ, партизанскою командою и частью джаро-лезгинской постоянной милиціи, и 9-го прибылъ въ Лагодехи, чтобы, по первому извѣстію о движеніи дидойскихъ скопищъ, выступить для защиты Кахетіи. Развѣдчики, посланные Гаджи-Магометомъ, воочію убѣдились, что мѣры противъ вторженія приняты самыя обстоятельныя, и ни на что нельзя рѣшиться, не рискуя потерѣть полнѣйшую неудачу. Такъ они донесли и по начальству. Гаджи-Магометъ не могъ имъ не повѣрить, потому что въ рекогносцировочныхъ шайкахъ находились люди самыя благонамѣренныя и приверженныя къ нему— и велѣлъ своимъ толпамъ разойтись пока на отдыхъ, но быть готовыми къ походу ежеминутно. Вслѣдствіе такой перемѣны обстоятельствъ, Чилиевъ приказалъ милицію распустить по домамъ и приступить опять къ работамъ на Кипручи и Шуагори. Дѣятельность въ этихъ двухъ пунктахъ закинула съ удвоенною силою, и 31-го мая башни были готовы. Въ кипручинскую введено тридцать милиціонеровъ при урядникѣ, а въ шуагорскую—двадцать пять человекъ при урядникѣ же, отъ Грузинской пѣшей Дружины; 3-й же баталіонъ тифлисецвъ, три роты котораго заняты были сооруженіемъ этихъ башенъ, а четвертая находилась у подошвы горы Кодоры, сосредото-

чень на урочищѣ Мачхіари, между сс. Артаны и Напареуломъ.

Неудача дидойцевъ не повлияла, однако, на кистинъ, потому что имъ благопріятствовали мѣстныя условія, главнѣйшимъ изъ которыхъ было то, что, по географическому положенію, мы не имѣли никакой возможности защищать Тушетію съ лезгинской линіи. Это важное обстоятельство, а также соседство съ Тушетією, побудили кистинъ поспѣшить исполненіемъ ихъ обѣщанія, даннаго Шамилю. Въ глухую и темную ночь съ 27-го на 28-е мая пятьсотъ человекъ изъ нихъ внезапно напали въ алазнитавскомъ ущельи (въ горной Тушетіи) на стадо тушинскихъ барановъ и отбили двѣ тысячи головъ. Пастухи и караульные, охранявшіе это стадо, отстаивали его насколько позволяли ихъ силы, но, конечно, съ успѣхомъ противодѣйствовать непріятелю не могли, хотя вскорѣ и получили небольшое подкрѣпленіе съ ближайшаго поста. Кистины раздѣлились на двѣ части; одна изъ нихъ погнала впередъ барановъ, а другая, засѣвъ на дорогѣ и открывъ ружейный огонь, преградила тушинамъ всякую возможность къ дальнѣйшему наступленію. Не смотря, однако, на это, послѣдніе все же отбили сто штукъ барановъ, но болѣе сдѣлать ничего не могли и ограничились только перестрѣлкою до полудня слѣдующаго дня. Серьезной помощи имъ было ожидать не откуда, потому что жители еще не возвратились въ горы съ зимнихъ кочевокъ, и поэтому, истративъ триста боевыхъ патроновъ, они должны были поневолѣ отказаться отъ дальнѣйшаго состязанія съ своими врагами. У кистинъ было убито три и ранено пять человекъ, а у тушинъ—убито два и ранено два.

Увлеченные столь важнымъ успѣхомъ, торжествующіе кистины, возвратясь домой, положили—произвести вторичное нападеніе, но съ болѣе широкими цѣлями, а слѣдовательно и наивозможно сильною партією. Немедля приступили они къ

сборамъ и со дня на день стали усиливаться сотнями прибывавшихъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ своихъ и чужихъ горцевъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе въ ночь съ 3-го на 4-е іюня, окружной начальникъ маіоръ князь Челокаевъ отправилъ въ горную Тушетію со стороны Пшавіи 60-ть караульныхъ и столько же вооруженныхъ жителей, а велѣвъ за ними двинуть туда же и сто человѣкъ тушинъ, собранныхъ имъ наскоро на алванскомъ полѣ; помощнику же своему прапорщику князю Джорджадзе онъ предписалъ, чтобы тотъ собралъ остальныхъ тушинъ, слѣдовать съ ними въ панкійское ущелье, ожидать тамъ болѣе вѣрныхъ извѣстій и оттуда подалъ бы скорую помощь туда, гдѣ надобность укажетъ. Всѣ эти распоряженія, безспорно, были очень хороши, и еслибы ихъ привести въ исполненіе, то можно было бы отстоять Тушетію отъ силы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; но, къ сожалѣнію, непріятель не ждалъ, пока они состоятся и, собравшись въ числѣ полуторы тысячи человѣкъ, 5-го іюня, на разсвѣтѣ, обложилъ крайнія тушинскія деревни перикительскаго общества—Чонтіо и Дакіурга. Ни внезапность нападенія, ни силы непріятеля не устранили горсть храбрыхъ тушинъ, захваченныхъ въ это время въ деревняхъ: они укрылись съ семействами въ своихъ крѣпкихъ банняхъ и рѣшили не сдаваться живыми. Почти до двухъ часовъ пополудни отстаивали они себя ружейнымъ огнемъ, въ ожиданіи какого нибудь подкрѣпленія. Наконецъ, прибѣжали караулы съ накадуртскаго и данойскаго постовъ, за ними сотни двѣ жителей окрестныхъ селеній—и дѣло приняло другой оборотъ. Присоединившись къ осажденнымъ, прибывшіе тушины начали отовсюду поражать горцевъ сильнымъ и меткимъ огнемъ, не неся при этомъ почти никакой потери. Опасаясь, что средства атакowanychъ могутъ еще болѣе усилиться, и что они тогда перейдутъ въ наступленіе, а самимъ прійдется уйти съ пустыми руками, кистины отступили отъ обоихъ селеній и, какъ въ предыдущій

разъ, раздѣлясь надвое, кинулись половиною своихъ силъ на пасшееся вблизи стадо барановъ, отхватили полторы тысячи головъ и погнали ихъ въ свои трущобы. Остальная половина опять задержала наступленіе тушинъ до тѣхъ поръ, пока совершенно обезпечила неприкосновенность своей добычи. Къ ночи бой кончился, и партія исчезла, оставивъ на мѣстѣ два тѣла, но унеся своихъ раненыхъ; у тушинъ было ранено двое.

Одновременно съ этими обширными нападеніями на Тушетію, гроза готова была прогремѣть и на противоположной крайнѣй линіи, но, благодаря пребыванію тамъ нашихъ войскъ и зоркому наблюденію генерала Чилева, она прошла мимо. 6-го іюня онъ получилъ извѣстіе, что Даніельбекъ собираетъ сильное скопище въ Кейсерухъ для нападенія на округъ, и тотчасъ же двинулъ изъ Лагодехъ въ катехское ущелье, на мѣсто разрушеннаго селенія Каписдара, 1-й баталіонъ, со взводомъ крѣпостныхъ ружей, эриванскаго карабинернаго полка, вторую роту кавказскаго сапернаго баталіона, четыре орудія горной № 2-го батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, взводъ боевыхъ ракетъ 21-й артилерійской бригады, конно-ракетную казачью команду, половину третьей и 25-ть казаковъ второй сотенъ донскаго № 28-го полка. На другой день войска эти явились на мѣсто, и лазутчики донесли, что Даніельбекъ уже подвигается въ горные магалы округа, а племянникъ его Тамимъ-Ага занялъ съ передовымъ отрядомъ селеніе Цохуръ. Медлить было нельзя: генераль Чилевъ, на другой день, 8-го іюня, двинулся изъ Закаталь къ с. Калялю съ двумя баталіонами и взводомъ крѣпостныхъ ружей гренадерскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка и двумя горными орудіями; изъ катехскаго лагеря онъ присоединилъ къ себѣ 2-й баталіонъ, со взводомъ крѣпостныхъ ружей, эриванскаго полка, роту саперъ, два горныхъ орудія, пѣшій и конный взводы ракетъ и 75-ть казаковъ; за-

тѣмъ, майору Воронченко приказалъ выступить изъ Лагодехъ съ вторымъ баталіономъ и четырьмя крѣпостными ружьями тифлисскаго полка и присоединиться къ отряду въ горномъ магалѣ. Чилевъ прибылъ въ Калялю въ тотъ же день, но Тамимъ-Ага уже исчезъ: толпы его, узнавъ о приближеніи нашихъ войскъ, раздѣлились на мелкія партіи и разбѣжались по своимъ обществамъ; Даніельбекъ, подвигавшійся съ главнымъ скопищемъ вслѣдъ за племянникомъ, также повернулъ назадъ и сталъ въ Ирибѣ.

Это неудавшееся покушеніе было лишь малою частью тѣхъ предначертаній Шамиля, которыя онъ готовился привести въ исполненіе. Самое же главное заключалось въ другомъ, болѣе обширномъ предпріятіи.

Обрадованный двумя успѣхами кистинъ, онъ освободилъ ихъ, равно и другія общества, сосѣднія съ Тушетіею и Кахетіею, отъ прямаго участія въ дѣлахъ противъ нашихъ дѣйствующихъ отрядовъ, но съ тѣмъ, чтобы они, выбравъ удобное время, нагрянули бы на эти двѣ провинціи. Вслѣдствіе этого, дидойцы, съ нѣкоторыми изъ своихъ сосѣдей, рѣшили самостоятельно атаковать наши войска, видвинутыя 4-го іюня на малую Андаразань *) для постройки тамъ укрѣпленія, и затѣмъ прорваться на линію. Вполнѣ одобривъ это благонамѣренное побужденіе правовѣрныхъ, Шамиль, однако, считалъ его предпріятіемъ частнымъ, не особенно важнымъ, и рѣшилъ, что ужъ если что либо исполнить во славу своего оружія, то именно такое, что дало бы несомнѣнный успѣхъ и подорвало бы насъ весьма чувствительно. Онъ приказалъ анкратльскимъ, дагестанскимъ и богозскому наибамъ собрать такія скопища, которыя бы удивили своею громадностью весь покорный и непокорный Кавказъ, и велѣлъ Даніельбеку вторгнуться въ са-

*) 3-й баталіонъ тифлисскаго полка съ урочища Мачхіарп, два орудія горной № 2-го батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады изъ Бежанявъ и 20-ть человекъ Грузинской Дружины съ прилежащихъ постовъ.

мурскій округъ, Хаджи-Мурату и Кибигъ-Магомѣ въ бѣлоканскій округъ, а для себя предназначилъ Кахетію. До осуществленія этого тройственнаго движенія, онъ поручилъ мудиру Адалову наблюдать за каждымъ шагомъ лезгинскаго отряда и, для противодѣйствія послѣднему, назначилъ въ распоряженіе Адалова семь набобовъ съ подчиненными имъ горами. Адаловъ, чтобы скрыть отъ насъ свои намѣренія, запретилъ пропускать въ горы поселенныхъ на лезгинской линіи капучинцевъ, а тѣмъ, которые остались въ горахъ, приказалъ, подъ страхомъ смертной казни, не смѣть спускаться на плоскость.

Генераль Чилевъ, оставивъ у Каляло 3-й баталіонъ, съ четырьмя крѣпостными ружьями гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, и два горныхъ орудія, съ остальными войсками вернулся въ Закаталы. Здѣсь онъ отдѣлилъ въ вѣдѣніе начальника праваго фланга, для охраненія бѣлоканскаго округа, первый баталіонъ эриванскаго полка, партизанскую команду, сотню казаковъ, джаро-лезгинскую постоянную милицію и два горныхъ орудія новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона, и распорядился объ усиленіи этихъ войскъ, въ случаѣ крайней необходимости, двумя ротами тифлисскаго полка и легкими орудіями изъ Царскихъ Колодцевъ, а также грузинскою милиціею сигнахскаго уѣзда; прикрылъ кахское укрѣпленіе ротою грузинскаго линейнаго № 15-го баталіона, бѣлоканскій фортъ сотнею Грузинской Дружины, а самъ 15-го іюня выступилъ на лѣвый флангъ съ двумя баталіонами пѣхоты, ротою саперъ, двумя взводами крѣпостныхъ ружей, четырьмя горными орудіями, пѣшимъ и коннымъ взводами ракетъ и 75-ю казаками донскаго № 28-го полка. 18-го числа іюня онъ присоединилъ къ себѣ въ Лагодехахъ двѣ роты втораго баталіона гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, а въ Бежаньянахъ

еще двѣ роты 4-го баталіона, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей, тифлискаго полка, а также полусотню казаковъ донскаго № 28-го полка. Со всеми этими войсками Чилиевъ 19-го іюня прибылъ въ укрѣпленіе Кварели, чтобы оттуда дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Для прикрытія Лагодехъ имъ оставлены другія двѣ роты гренадерскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка и одно легкое орудіе.

Стоя, такъ сказать, у дверей въ дидойское общество, генераль Чилиевъ имѣлъ возможность окончательно убѣдиться, что опасность, угрожавшая лѣвому флангу линіи, не исключая и Тушетіи, весьма серьезна. Это еще болѣе сознавалось самими кахетинцами, которыхъ онъ засталъ въ чрезвычайно тревожномъ и уныломъ состояніи, такъ какъ все отъ мала до велика знали хорошо, что протяженіе горъ впереди Кахетіи занято толпами непріятеля, готовившимися низринуться на плоскость тремя отдѣльными скопицами. Главныя силы горцевъ, какъ оказалось по развѣдкамъ изъ подъ руки, сосредоточивались у селенія Хупро, гдѣ представитель ихъ мудиръ Адаловъ основалъ свое мѣстопробываніе вмѣстѣ съ другими наибамі. Ободривъ и поднявъ нравственный духъ кахетинцевъ не только своимъ прибытіемъ въ среду ихъ жилищъ, но и увѣреніемъ, что за плечами у русскихъ они могутъ быть спокойны, какъ у Бога за дверьми, генераль Чилиевъ поставилъ себѣ въ обязанность какъ можно скорѣе разрѣшить трудную задачу отвращенія нависшей съ двухъ сторонъ бѣды пораженіемъ и разсѣяніемъ горцевъ. За свои войска, за ихъ отвагу и даже за слабую сравнительно числительность онъ не боялся: но его смущало раннее время года для горной экспедиціи и тѣ трудности, которыя онъ долженъ будетъ встрѣтить на высотахъ, покрытыхъ еще снѣгомъ. Только одна боевая опытность, знаніе кавказскаго солдата и его постоянныхъ сказочныхъ подвиговъ нѣсколько разгоняли мрачныя думы, рождавшіяся при взглядѣ на бѣлоснѣжныя шапки разныхъ Кодорь.

Андаразаней, Барбало и другихъ подобныхъ хребтовъ, сурово высившихся надъ Кахетією.

Рѣшившись, не откладывая болѣе, ворваться въ горы и однимъ ударомъ сокрушить оживлявшій лезгинъ духъ дерзкой отваги, начальникъ отряда призвалъ къ оружію и самихъ кахетинцевъ. Они охотно исполнили это приказаніе. 23-го іюня войска двинулись къ цѣли тремя колоннами: главные силы черезъ укрѣпленіе Натлисъ-Мцемели на Кодору, баталіонъ и два горныхъ орудія, бывшіе на малой Андаразани, по андаразанскому хребту, а пятьсотъ человекъ милиціи тушино-ишаво-хевсурскаго округа отъ границы Тушетіи, съ горы Лай.

Нужно самому испытать или, по меньшей мѣрѣ, быть свидѣтелемъ тѣхъ трудностей, которыя одолѣвали войска на каждомъ шагѣ, чтобы судить о томъ, во что далась намъ экспедиція въ Дидо въ 1849-мъ году. Если, какъ случалось впоследствии, отрядъ иногда окунался въ снѣгъ или неожиданно просыпался подъ нимъ въ серединѣ іюля, то можно себѣ вообразить, что было во второй половинѣ іюня, да еще при поздней веснѣ. Съ половины подъема на Кодору войска были встрѣчены всѣми зимними невзгодами, а, подбираясь къ кодорскому укрѣпленію, буквально ползли по обледенѣлой почвѣ. На вершинѣ этой непривѣтливой горы возможно было получить дрова, принадлежавшіе гарнизону, только для варки пищи—да и то слава Богу!—а о томъ, чтобы разложить костеръ и самому согрѣться—смѣшно было и думать. Солдаты выступили въ походъ, конечно, не въ полушубкахъ, потому что на плоскости было лѣто, и должны были, какъ умѣли, своими собственными средствами, отогрѣвать полуоченѣвшіе члены. И отогрѣвали ихъ—къ прискорбію, даже почти всю ночь напролетъ. Только тѣ счастливыя, которые имѣли при себѣ коротенькія походныя бурки кое-какъ могли успокоиться, плотно прижавшись другъ къ другу на обнаженной ими отъ снѣга мерзлой землѣ; всѣ же прочіе—да позво-

лено будетъ выразиться безъ усмѣшки — протанцовали на линейкѣхъ возлѣ своихъ ружей.

На утро двинулись далѣе. Положеніе сдѣлалось еще хуже: дорога — если только можно назвать ее этимъ именемъ — была занесена глубокимъ снѣгомъ; пѣшія тропинки, едва доступныя въ самое счастливое время года, были затянуты льдомъ; люди едва передвигали ноги, а лошади скользили и безпощадно срывались въ кручи. Для спасенія артилеріи, пришлось снять ее съ выюковъ и разобрать по рукамъ. Чилаевъ всего могъ ожидать, но этого ужъ никакъ не ожидалъ. Прийдя на привалъ, онъ пошатнулся духомъ и, по его собственнымъ словамъ, готовъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго движенія и повернуть назадъ. Но его остановила и въ то же время поразила не только покорность, но даже бодрость и веселость солдатъ, которые, поборовъ сейчасъ титаническіе труды и невзгоды, и зная, что впереди предстоятъ, быть можетъ, большіе, даже острили другъ надъ другомъ, вспоминая, какъ одинъ растянулся на льду и окровавилъ себѣ лицо, а другой проѣхался назадъ подъ гору, словно на салазкахъ, и т. п. Съ такими войсками можно было идти далѣе, и Чилаевъ, отогнавъ отъ себя всѣ сомнѣнія, съ воскресими надеждами и даже почти съ увѣренностью въ успѣхѣхъ, двинулся впередъ. И слава Богу, что онъ не сдѣлалъ роковаго шага: отступленіе его сразило бы окончательно кахетинцевъ, имѣло бы дурное вліяніе на боевое направленіе солдатъ, и, что хуже всего, удесятерило бы въ горцахъ смѣлость и отвагу. Войска шли медленно, потому что приходилось разгребать снѣгъ, пролагать и разрабатывать дорогу; но, тѣмъ не менѣе, ни утомительность работъ, ни суровое время, ни трудности движенія не охлаждали въ нихъ того порыва, который замѣтенъ былъ на плоскости, когда до нихъ коснулась вѣсть о походѣ въ горы и о возможности имѣть съ непріателемъ серьезное дѣло.

Вечеромъ всѣ три отдѣльные отряда соединились на узлѣ отроговъ андаразанскаго и хупринскаго хребтовъ, на урочищѣ Андаразанисъ-тави. Проведя еще одну мучительную ночь, они, на утро, 25-го іюня, двинулись по хребту Хупрапъ и, идя почти безостановочно, въ пять часовъ пополудни стали въ боевомъ порядкѣ на урочищѣ Хуприсъ-тави, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія Хупро *).

По мѣрѣ того, какъ отрядъ, слѣдовавшій по тропинкѣ, быстро стягивался въ боевой порядокъ, высоты передъ селеніемъ Хупро застигались массою горцевъ, ежеминутно увеличивавшеюся вновь прибывавшими толпами. Они какъ бы сами напрашивались въ бой—и генераль Чилиевъ призналъ это вполне благопріятнымъ, чтобы утолить рвеніе войскъ и по первому же разу осадить противника. Обстрѣлявъ толпы орудіейнымъ огнемъ, онъ объѣхалъ войска и, къ великому ихъ удовольствію, напомнить и поздравить ихъ съ днемъ тезоименитства Государя Императора, пожелавъ отпраздновать это торжество побѣдою надъ врагами. Одушевленіе мгновенно охватило войска, и продолжительное „ура“ огласило всѣ трющобы на далекое пространство. Велѣдъ затѣмъ, милиція, во главѣ съ дружинниками, выстроенная впереди отряда, открыла праздникъ. Быстро начала она взбираться на лѣсистыя высоты, сопровождая свое движеніе ружейнымъ огнемъ, и очищала мѣстность отъ непріятели шагъ за шагомъ. По удалявшимся все глубже въ чащу лѣса выстрѣламъ можно было судить, что, подъ молодецкимъ напоромъ милиціи, горы проворно отступаютъ подъ прикрытіе аула. Наконецъ, въ

*) Составъ отряда въ данную минуту былъ слѣдующій: четыре баталіона пѣхоты, рота саперъ, шесть горныхъ орудій, пѣший и конный взводы боевыхъ ракетъ, два съ половиною взвода крѣпостныхъ ружей, двѣ сотни казаковъ, 190 человекъ Грузинской пѣшей Дружины, четыреста тридцать человекъ бахетинской милиціи, пятьсотъ пятьдесятъ человекъ милиціи тушино-пшаво-хеусурскаго округа и сто человекъ переселившихся на линію капуцинецъ.

лѣсу раздалось перекатное „ура“, затѣмъ безпорядочные возгласы на разныхъ нарѣчіяхъ, пронзительный гикъ—и все это затихло по ту сторону высоты, въ густой чащѣ, покрывавшей собою скаты хупринскаго хребта. Было ли быстрое отступленіе горцевъ ложною диверсіею, посредствомъ которой они завлекли милиціонеровъ въ глубину лѣсистыхъ трупщобъ и ближе къ селенію, гдѣ у нихъ были скрыты главныя силы, или же и въ самомъ дѣлѣ они не устояли подѣ давленіемъ атакующихъ—грузины, тупины, капучинцы о томъ не разсуждали и, наступая по пятамъ непріятеля, перешли за нимъ на противуположную покатость хребта. Но здѣсь они встрѣтили такое твердое и мужественное сопротивленіе, что, не будучи въ состояніи осилить его, остановились. Тогда генераль Чилиевъ двинулъ имъ на поддержку 2-й баталіонъ тифлискаго полка, взводъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка и два горныхъ орудія. Довольно было приближенія этихъ частей и нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, чтобы возбудить въ усталыхъ милиціонерахъ новую энергію и отвагу: они бросились впередъ и спустили горцевъ внизъ по отрогу хребта. Такимъ образомъ, главныя передовыя высоты были за нами. Потеря была весьма незначительная: мы лишились двухъ убитыхъ и шесть раненыхъ милиціонеровъ.

Вечерѣло. Генераль Чилиевъ прекратилъ бой до утра и свелъ отрядъ на занятую позицію, оставивъ позади его, на высотѣ, откуда были прогнаны горцы, все тяжести, подѣ прикрытіемъ 3-го баталіона тифлискаго полка, сотни казаковъ № 28-го донскаго полка, коннаго взвода боевыхъ ракетъ, двухъ горныхъ единороговъ и ста человекъ кахетинской милиціи.

Отъ позиціи, занятой войсками, мѣстность, на протяженіи четырехъ верстѣ, круто спускалась до самаго селенія Хупро и состояла изъ узкаго отрога, покрытаго по боковымъ покатостямъ густымъ лѣсомъ. Эти крутыя покатости не представ-

ляли никакой возможности для движенія пѣхоты, между тѣмъ, хотя съ трудомъ, были проходимы для горцевъ. Необходимо было дѣйствовать единственно по хребту отрога и, удаляясь на нѣсколько верстъ отъ вагенбурга, сохранить съ нимъ связь посредствомъ занятія лежавшихъ по пути уступовъ. Это было неизбѣжно еще и потому, что влѣво отъ хребта, въ глубинѣ ущелья, у селенія Хитрахо, была расположена сильная неприятельская партія, которая могла усиливать толпы, засѣвшія въ завалахъ по лѣсамъ на лѣвой покатости отрога. На этомъ основывались всѣ соображенія для предстоявшаго на утро боя.

26-го іюня, въ шесть часовъ утра, оставя на мѣстѣ вагенбургъ съ его прикрытіемъ, генераль Чилиевъ раздѣлилъ войска на два эшелона—для постепеннаго спуска по отрогу. Первый эшелонъ состоялъ изъ всей милиціи, роты кавказскаго сапернаго баталіона, перваго баталіона, двухъ ротъ втораго баталіона и полувзвода крѣпостныхъ ружей гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, взвода крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка, перваго взвода горной № 2-го батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады и взвода босвыхъ ракетъ. Эшелонъ этотъ былъ ввѣренъ командиру гренадерскаго полка полковнику Дебу. Второй эшелонъ составляли: второй баталіонъ, двѣ роты четвертаго баталіона и взводъ крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка, четыре взвода той же 2-й батареи, часть милиціи и сотня казаковъ; онъ былъ ввѣренъ тифлискаго полка майору Воронченко.

Все протяженіе отрога, начиная отъ мѣста, на которомъ ночевалъ отрядъ, имѣло четыре господствующія одна надъ другою и выдающіяся позиціи. Занятіе ихъ возможно было произвести не иначе, какъ перекатнымъ наступленіемъ, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы, оставляя на каждой позиціи часть войскъ, удерживать ее за собою для обезпеченія тыла, для

отступленія и для связи съ вагенбургомъ. Такъ было и поступлено. Когда первый эшелонъ снялся съ мѣста ночлега и двинулся впередъ, второй не трогался и поддерживалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ занялъ передовой уступъ. Тогда двинулся второй эшелонъ и, пройдя мимо позиціи, занятой первымъ, утвердился на послѣдующей; съ выступленіемъ же второго эшелона, изъ вагенбурга были выдвинуты на его мѣсто двѣ роты съ однимъ орудіемъ, чтобы связать вагенбургъ съ позиціею, занятою наканунѣ. Толпы непріятели, залегшія въ завалахъ по обѣимъ боковымъ покатостямъ отрога, встрѣчали и проводжали наступавшіе эшелоны бѣглымъ ружейнымъ огнемъ, который видимо былъ направленъ съ верхушекъ деревьевъ; но милиціонеры, слѣдовавшіе во главѣ колонны, ухитрились на ходу по возможности очищать эти верхушки, а орудія съ занимаемыхъ постепенно позицій громили по лѣсу картечнымъ огнемъ—и такимъ образомъ отрядъ, снимая у непріятели шагъ за шагомъ, подвигался по наклонной плоскости хребта. Встрѣчи и проводы, устраиваемыя войскамъ, въ особенности были сильны и рѣшительны на лѣвой покатости и преимущественно въ то время, когда первый эшелонъ подвигался со второй позиціи на третью по едва проходимой каменной тропинкѣ. Милиціонеры, привыкшіе къ путешествіямъ по стремнинамъ горъ, бѣгомъ проходили это пространство, но пѣхота, даже при ускоренномъ шагѣ, несла чувствительныя потери—не смотря и на содѣйствіе орудій, изъ которыхъ все время приходилось дѣйствовать на лямкахъ. При подступѣ къ третьей позиціи, лѣсъ съ обѣихъ покатостей сливался въ сплошную массу, и въ этомъ пунктѣ тушины и сотня Грузинской Дружины были обданы такимъ густымъ свинцовымъ дождемъ, что только одно ихъ непобѣдимое упорство и заповѣдное мужество, подогрѣтое притомъ увлеченіемъ, да поддержка стрѣлковъ, могли оставить побѣду за ними. Очнувшись послѣ непріятельскаго залпа и не обращая вниманія на послѣдовавшую за-

тѣмъ жестокою трескотню, милиціонеры, окрестя голову, ворвались въ лѣсъ, перебѣжали по немъ на крутизну вздымавшегося здѣсь отрога и, облитые кровью, выскочили на открытый холмъ, окруженный лѣсомъ, проложивъ дорогу всему эшелону. Это была самая главная и важная позиція—какъ вышняя господствующая точка гребня. Велѣдъ за милиціонерами и стрѣлками поднялись на холмъ орудія и поддерживали вправо и влево картечный огонь до тѣхъ поръ, пока не протянулся весь эшелонъ. Когда заднія орудія его стали на холмъ, переднія тотчасъ послѣдовали за нимъ внизъ по скату, прикрываясь одно другимъ, на четвертую позицію, а второй эшелонъ въ это время стянулся на холмъ. Во всѣхъ занятыхъ позиціяхъ отступление нашихъ войскъ было вполне обезпечено: на холмѣ, составлявшемъ ключъ всей вообще длинной позиціи, былъ оставленъ 4-й взводъ 2-й горной батареи и 2-й баталіонъ тифлискаго полка; лѣсъ отъ холма до второй позиціи былъ охраняемъ двумя ротами 4-го баталіона того же полка и взводомъ крѣпостныхъ ружей, а самая эта позиція удерживалась отборною частью тушинской милиціи.

Горцы, убѣдившись, что удержать наступленіе отряда не могутъ, направили значительную часть своихъ силъ на тотъ пунктъ, гдѣ ночевалъ отрядъ, чтобы отрѣзать вагенбургъ и дѣйствовать въ тылъ нашимъ войскамъ. Но здѣсь, благодаря предусмотрительности генерала Чилева, они встрѣтили ружейный и картечный огонь частей, оставленныхъ для связи вагенбурга съ отрядомъ. Горцы два раза пробовали подползти къ самому вагенбургъ, но цѣпи застрѣльщиковъ, поддержанные резервами и дѣйствіемъ артилеріи и боевыхъ ракетъ, отбросили ихъ обратно въ глубину лѣса, покрывавшаго лѣвый скатъ высоты.

Съ четвертой позиціи открылись, какъ на ладони, два селенія: внизу—Хурро, а впереди, на противоположной покатости—Цицмахо. Первое изъ нихъ было въ особенности

сильно укрѣплено каменными башнями. Масса непріятеля выжидала наши войска, прикрывшись слѣва селеніемъ, а по фронту высокими завалами. По всему было замѣтно, что онъ не намѣренъ быть безъ упорнаго боя уступить намъ свои твердыни,—но вышло иначе.

Войска, которая могли быть употреблены для атаки, состояли только изъ неполнаго перваго эшелона, именно: изъ четырехъ ротъ пѣхоты, роты саперъ и милиціи, и было бы опасно удалять ихъ всѣхъ отъ холма; поэтому, генераль Чиляевъ съ мѣста открылъ огонь изъ передоваго взвода орудій, пѣшаго взвода босвыхъ ракетъ и крѣпостныхъ ружей, предоставивъ дѣйствию этого огня указать на способъ и средства для штурма аула. Но лезгины сами помогли намъ въ послѣднемъ случаѣ: не прошло и четверти часа послѣ меткой и чрезвычайно удачной пальбы по селенію и по толпамъ, растянутымъ въ завалахъ, какъ онѣ заколебались и частями начали отступать за обрывъ, находившійся позади селенія. Тогда всякія сомнѣнія начальника отряда разсѣялись, и онъ двинулъ впередъ пѣшую милицію и конныя сотни тушинъ. Первая въ перегонку бросилась по прямому направленію, а тушины, гдѣ только мѣстность позволяла—въ обхватъ лѣваго фланга непріятеля. За ними подвигалась рота саперъ и первый баталіонъ гренадерскаго полка, подъ командою полковника Дебу. Милиціонеры лихо атаквали завалы, и, осыпавъ ихъ выстрѣлами, при пособіи пѣхоты ворвались въ нихъ съ фронта, а тушины въ это самое время врѣзались въ толпы непріятеля съ фланга. Схваченный съ двухъ сторонъ и оставивъ на мѣстѣ громадное количество тѣлъ, онъ безъ оглядки бросился во всѣ стороны, стремясь укрыться въ лѣсахъ или спастись на мѣстности, непроходимой для нашей кавалеріи. Благодаря усердію милиціонеровъ, селеніе въ одну минуту запылало со всѣхъ сторонъ. Пока пожаръ распространялся, побѣдители имѣли возможность освободить и облегчить его отъ всякаго

имущества и разнаго рода живности, которыми былъ полонъ этотъ богатый и многолюдный аулъ. Такая же участь постигла и селеніе Цицмахо.

Теперь оставалось самое главное — благополучно отступить и соединиться съ вагенбургомъ. Первый эшелонъ сталъ отступать перекатами и, пользуясь прикрытіемъ втораго эшелона, вышелъ на первую позицію безъ всякой потери. Но лишь только двинулся черезъ лѣсъ между четвертой и третьей позиціями арріергардъ втораго эшелона, какъ лезгины, скрывавшіеся въ этой мѣстности и подкрѣпленные значительными толпами изъ селенія Хитрахо, пробиравшимися, на глазахъ всего отряда, по ущелью Эхо, открыли по немъ убійственный огонь. Цѣпь наша подалась назадъ и очистила имъ мѣсто. Тогда съ торжествующимъ гикомъ они бросились въ шашки и повидимому хотѣли завладѣть нашими орудіями. Уже передовые смѣльчаки были не болѣе, какъ въ десяти шагахъ отъ нихъ — и фельдфебель горной № 2-го батареи первый былъ сраженъ пистолетнымъ выстрѣломъ наповаль. Чиляевъ этого ждалъ, не спуская глазъ съ арріергарда, и прежде чѣмъ толпа посмѣла коснуться орудій — съ ближайшаго уступа низверглись на нее двѣ роты гренадерскаго полка, а за ними и второй баталіонъ тифлискаго полка. Молодецкій ударъ въ штыки во мгновеніе ока охладила запальчивость горцевъ — и орудія были спасены. Гренадеры и тифлисы бѣгомъ спустились внизъ и совершенно опрокинули горцевъ въ глубину лѣса. Дорого обошлась лезгинамъ ихъ удаля: вся опушка была завалена рядами ихъ тѣлъ. Пораженіе это было такъ полно, что послѣ него не раздалось ни одного выстрѣла. Въ семь часовъ вечера утомленные войска стянулись на мѣстѣ своего ночлега.

Побѣда надъ непріятелемъ 26-го іюня стоила и намъ сравнительно недешево: у гренадеръ было убито три нижнихъ чина, у тифлисцевъ семь, у артилеристовъ одинъ и въ милиціи три; ранено нижнихъ чиновъ: у гренадеръ 14-ть, у тифлис-

цевъ 17-ть, въ горной № 2-го батареѣ два, у казаковъ одинъ и у милиціонеровъ 18-ть и одинъ офицеръ (прапорщикъ кн. Николай Вахваховъ), -- всего 67-мь человекъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ послѣдствіи лазутчиками, непріятель потерялъ до пятисотъ человекъ.

Черезчуръ предупредительнаго посѣщенія нами дидойцевъ было на этотъ разъ весьма достаточно для того, чтобы разрушить на продолжительное время ихъ посягательства на Кахетію. Левый флангъ линіи былъ пока обезпеченъ -- и кахетинцы сознавали это болѣе всеѣхъ, предаваясь непомѣрной радости. Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ, потому что горцы, съ уныніемъ въ душѣ, толпами расходились по своимъ обществамъ, проклиная втихомолку Шамиля и гласно упрекая наибовъ, что они подвели ихъ подѣ такую злополучную долю. Такъ какъ при этихъ условіяхъ цѣль являлась вполне достигнутою, и не встрѣчалось болѣе надобности оставаться въ горахъ, тѣмъ болѣе, что пришлось бы бороться съ новыми природными преградами, то генераль Чилыевъ 27-го іюня снялся съ позиціи и, черезъ большую Андаразань, 29-го числа прибылъ въ с. Артаны. На малой Андаразани оставленъ былъ попрежнему, для постройки укрѣпленія, 3-й баталіонъ тифлискаго полка, съ двумя горными орудіями; тушино-пшаво-хевсурская, кахетинская и капучинская милиціи были распущены; въ Бежаньянахъ оставлены двѣ роты 4-го баталіона и взводъ крѣпостныхъ ружей тифлискаго полка, а остальные войска 4-го іюля прибыли въ укр. Лагодехи.

Возвращеніе на ливію было тѣмъ болѣе необходимо, что настояла экстренная потребность прикрыть правый флангъ ея отъ угрожавшаго ему вторженія непріятеля, принять мѣры къ установленію спокойствія на плоскости, вновь нарушеннаго бродячими разбойничьими партіями и, наконецъ, предупредить зарождавшееся волненіе въ Нухѣ. Смутные слухи о послѣднемъ достигли до Чилыева тотчасъ по прибытіи на плоскость,

и хотя за самостоятельное значеніе этого волненія онъ мало опасался, но такъ какъ имъ могли воспользоваться горцы для своихъ цѣлей, благодаря соплеменности съ мусульманами нухинской провинціи, то игнорировать этимъ обстоятельствомъ было также невозможно.

Покушенія горскихъ партій, а также разбойничьихъ шаекъ въ округѣ, сказались тотчасъ же по выступленіи нашего отряда въ Дидо, и первое изъ нихъ произошло въ ночь съ 26-го на 27-е іюня. Партія около ста человѣкъ, въ глубокую полночь, явилась на Месельдегерѣ и отсюда намѣрена была спуститься къ с. Катехамъ. Но она неожиданно наѣзжалась на полуроту 1-го баталіона эриванскаго полка, которую выслать въ засаду на дорогу командующій полубаталіономъ, расположеннымъ въ укрѣпленномъ лагерѣ выше с. Мацехи, предувѣдомленный заранѣе о нападеніи. Разбѣжавшись въ кусты послѣ встрѣчнаго залпа, партія завела перестрѣлку и тяжело ранила одного изъ солдатъ; но сообразивъ, что съ ближайшихъ постовъ легко можетъ явиться подкрѣпленіе, забрала своихъ раненыхъ и возвратилась въ горы. Въ этомъ родѣ произошло и нѣсколько другихъ повседневныхъ случаевъ.

Когда же отрядъ освободилъ отъ своего присутствія лезгинскія горы, то кистины прежде другихъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ и 5-го іюля опять угнали до пяти-сотъ барановъ, принадлежавшихъ жителямъ гомецарскаго общества, причемъ убили одного пастуха, а другаго ранили и увели въ плѣнъ. Помощникъ окружнаго начальника, собравъ наскоро жителей, бросился въ погоню за партіею, нагналъ ее, ранилъ въ ея средѣ пять человѣкъ, отбилъ плѣнника и барановъ и безъ потери отступилъ въ свои горы.

Генераль-маіоръ Чиляевъ, послѣ подобныхъ происшествій, строго подтвердилъ о неустанныхъ обходахъ и розыскахъ, въ особенности со стороны партизанской команды, которая, впро-

чемъ—нужно отдать ей полную справедливость—и безъ того не дремала. Это ли подтвержденіе, или сила общепринятаго порядка дали возможность въ скоромъ времени наказать и проучить довольно сильную непріятельскую партію. Дѣло началось съ того, что партизанская команда, въ ночь съ 12-го на 13-е іюля, поднимаясь отъ Катехъ на Доорджабалъ, встрѣтила нѣсколько хищниковъ, гнавшихъ пару быковъ и лошадь съ награбленными на нихъ вещами. Уложивъ на мѣстѣ двухъ человѣкъ и отбивъ добычу, партизаны, какъ люди весьма опытные и наметанные въ своемъ ремеслѣ, пришли къ заключенію, что встрѣченные ими разбойники непременно должны быть отбросками какой нибудь партіи, которая дѣйствовала или намѣрена была дѣйствовать съ ними вмѣстѣ. Прорыскавъ цѣлые сутки, команда скрытно расположилась въ лѣсу, близъ одного изъ главныхъ воровскихъ путей на Месельдегерѣ. Собоображенія ея оправдались: на разсвѣтѣ 14-го іюля она увидѣла свыше ста человѣкъ, спокойно, но осторожно гнавшихъ небольшой транспортъ. Подпустивъ лезгинъ на вѣрный выстрѣлъ и сдѣлавъ залпъ, партизаны немедля атаковали ихъ холоднымъ оружіемъ. Непріятель, въ страхѣ, стремглавъ бросился въ крутую лѣсистую балку, оставя на мѣстѣ пять тѣлъ, двѣнадцать навьюченныхъ всякимъ добромъ лошадей и пару быковъ.

Дерзость горцевъ дошла до того, что они стали являться даже въблизи нашихъ укрѣпленій, и одна изъ ихъ партій была замѣчена 15-го іюля близъ Лагодехъ. Противъ нея немедленно выслали роту гренадерскаго полка, которая, послѣ кратковременной перестрѣлки, разсѣяла эту партію по окрестнымъ лѣсамъ. Въ этой схваткѣ горцы лишились четырехъ убитыхъ, а рота—одного.

Генераль Чиляевъ, предоставивъ охраненіе бѣлоканскаго округа отъ всѣхъ въ этомъ родѣ поползновеній лезгинъ предусмотрительности и заботливости начальниковъ частей войскъ

и укрѣпленныхъ постовъ, обратилъ личное вниманіе на положеніе дѣлъ въ Нухѣ, гдѣ глухое броженіе, наконецъ, разразилось весьма выразительнымъ для того времени происшествіемъ, готовившимся отразиться, по соседству, и на правомъ флангѣ линіи. 8-го іюля, городское общество Нухи, вопреки распоряженію начальства, отказалось выбрать изъ среды себя депутатовъ въ комиссію, учрежденную для приведенія въ извѣстность и опредѣленія дохода съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и оказало явное ослушаніе и даже противодѣйствіе. Дерзость и неповиновеніе его дошли до того, что когда шемахинскій военный губернаторъ, пріѣхавшій по этому случаю въ Нуху, распорядился взять подъ арестъ двухъ зачинщиковъ, то толпа ринулась за ними въ крѣпость, съ намѣреніемъ освободить ихъ. Началось возстаніе. Генералъ-маіоръ баронъ Врангель это предвидѣлъ и заблаговременно построилъ впереди крѣпости роту линейнаго баталіона. Раздраженная толпа, встрѣтивъ такой сюрпризъ, сперва остановилась, но видя, что солдаты стоятъ спокойно, съ ружьями къ ногѣ, снова бросилась впередъ. Тогда баронъ Врангель приказалъ отодвинуть народъ назадъ—что и было исполнено. Эта умѣренность еще болѣе наэлектризовала толпу, и она, вооружившись камнями, всею массою кинулась влѣдъ за арестованными. Не видя другаго средства образумить расхрабрившихся мусульманъ, какъ только силою оружія, генералъ-маіоръ баронъ Врангель приказалъ ударить въ штыки. Кровь товарищей и нѣсколько раненыхъ, свалившихся подъ ружьями солдатъ, произвели рѣшительное дѣйствіе: масса отхлынула и пришла въ себя, но въ средѣ ея раздались крики ожесточеннаго негодованія и самыя крайнія угрозы, среди которыхъ можно было слышать и воззваніе къ аллаху, и призывъ на помощь Шамиля. Черезъ два-три часа, когда пыль охладѣла, народъ подчинился волѣ начальства, избралъ депутатовъ и открылъ запертыя передъ тѣмъ лавки; даже депутаты приняли

прислугу въ вѣрности исполненія возложенной на нихъ обязанности. Но искра была брошена, и неблагонамѣренные лица, пользующіяся всегда случаемъ поживиться чѣмъ нибудъ насчетъ чужихъ головъ, не отказались, какъ видно, отъ возможности привязать этотъ случай къ своимъ сношеніямъ съ Даніельбекомъ.

Съ нашей стороны рѣшительныя мѣры были отложены, и военный губернаторъ, пользуясь наступленіемъ мусульманскаго поста, приказаль, подь этимъ предлогомъ, пріостановить дѣйствія депутатовъ впредь до окончанія его. Такъ какъ нухинскіе мусульмане уже не въ первый разъ выразили неповиновеніе власти, то баронъ Врангель, для поддержанія порядка въ городѣ, просилъ прислать туда баталіонъ и расквартировать его въ обывательскихъ домахъ. Свободнаго баталіона не нашлось, поэтому онъ тотчасъ же отправленъ не былъ, и самое дѣло опредѣленія доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ волей-неволей было отложено до октября. Тѣмъ не менѣе, на случай вторженія непріятели, котораго могли призвать жители, въ половинѣ августа, т. е. мѣсяць спустя почти послѣ бунта, въ распоряженіе барона Врангеля были предоставлены находившіяся въ уѣздѣ войска (шесть ротъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и отъ четырехъ до шести орудій), которыя онъ могъ потребовать по своему усмотрѣнію, а генералу Чиляеву предписано — быть наготовѣ и, при необходимости, тотчасъ выслать изъ Закааталъ двѣ роты пѣхоты и изъ Царскихъ Колодцевъ два легкихъ орудія. Затѣмъ, разнаго рода мѣропріятія, опасенія и напряженное состояніе въ Нухѣ и на правомъ флангѣ линіи, у мѣстнаго и у вышаго начальства, продолжались до зимы. Закрытіе дорогъ въ горахъ положило предѣлъ всѣмъ затрудненіямъ.

Однако Даніельбекъ не преминулъ воспользоваться происшедшими въ г. Нухѣ беспорядками. Свѣдавъ о нихъ, онъ явился изъ Чоха, гдѣ въ то время была осада этой крѣпо-

сти, въ Ирибѣ. Получивъ здѣсь приглашеніе нѣкоторыхъ нухинскихъ мусульманъ, онъ возложилъ на ближайшее довѣренное къ нему лицо—своего возлюбленнаго молочнаго брата Богарчи, который всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительную партію, отправиться въ нухинскій уѣздъ, и если не воспроизвести что нибудь капитальное, то по крайней мѣрѣ скромнымъ образомъ поживиться чѣмъ нибудь у армянъ. Эти добродушные комерсанты уже не разъ видѣли у себя въ гостяхъ страшнаго Богарчи, и имя его приводило ихъ въ трепеть: передъ нимъ безпрекословно открывались все склады—и нужно отдать ему должную честь, что онъ не сразу обезсиливаль торговцевъ отнятіемъ у нихъ всего имущества, а всегда бралъ столько, сколько нужно и возможно, оставляя все прочее до будущаго случая. Вліяніе его было не менѣе сильно и на мирныхъ мусульманъ, которые, со времени побѣга элисейскаго султана, исполняли все требованія послѣдняго, подвергаясь, въ противномъ случаѣ, мщенію Даніельбека.

Богарчи, получивъ пріятное предложеніе своего брата, въ половинѣ іюля мастерски и незамѣтно спустился съ своею партіею въ нухинскій уѣздъ. Особенно важнаго и политическаго ему не удалось сдѣлать ничего, но за то, тихо, безъ шума, онъ такъ обобраль городскихъ и сельскихъ армянъ-торговцевъ, что не было всадника въ его партіи, у котораго лошадь не тяготилась бы обильною добычею. Выборъ предводителя партіи палъ преимущественно на ковровыя, шелковыя и прочія подобныя издѣлія. Генераль Чилиевъ узналъ о появленіи Богарчи уже тогда, когда онъ распоряжался въ уѣздѣ, и поручилъ лазутчикамъ слѣдить за нимъ, доставляя свѣдѣнія въ ближайшій пунктъ расположенія нашихъ войскъ. Вслѣдствіе этого, 18-го іюля, въ 9-ть часовъ утра, командиръ 3-го баталіона гренадерскаго полка маіоръ Сусловскій, начальствовавшій лагеремъ у с. Каляло, получилъ извѣстіе, отъ жителей с. Мышиша, что Богарчи благополучно возвращается

изъ нухивскаго уѣзда и въ данную минуту стоить на привалѣхъ возлѣ ихъ селенія. Тотчасъ же послана была туда 7-ая фузелерная рота, подъ командою штабсъ-капитана князя Шаликова. Отчаянный Богарчи, увидѣвъ подходящихъ гренадеръ, моментально поднялъ свою партію и бросился впередъ, чтобы остановить ихъ и спасти богатую добычу, но рота встрѣтила непріятеля залпомъ и дружно ударила въ штыки. Ударъ былъ тяжеловѣсный—и партія, послѣ минутнаго ратоборства, его не выдержала, тѣмъ болѣе, что на землѣ оказалось до двадцати убитыхъ и раненыхъ горцевъ, и самъ Богарчи былъ тяжело раненъ пулею въ грудь. Подхвативъ своего командира, лезгины бѣжали въ беспорядкѣ, оставивъ на мѣстѣ всю добычу, лошадей и даже множество оружія. Но и у гренадеръ не обошлось безъ потери: ранены кинжаломъ фельдфебель Петръ Горлачевъ и одинъ рядовой, да контужено шесть человекъ нижнихъ чиновъ.

Даніельбекъ прослезился, когда къ нему доставили еликаго его любимаго брата и надежнѣйшаго друга. Негодованію его противъ мышлицевъ не было предѣла, и онъ въ тотъ же день послалъ къ нимъ прокламацію такого содержания:

„Привѣтствую васъ! Ваше письмо *) я получилъ, и что вы писали—понялъ: ваше общество—русскіе лазутчики! Вы старались погубить моего молочнаго брата и его товарищей качаговъ **)—и въ этомъ отношеніи вы своего желанія достигли. И послѣ этого вы ходатайствуете у меня о пойманномъ ***)! Вы—глаза лазутчиковъ, просите меня объ этомъ человекѣ! Вы въ своемъ желаніи имѣли успѣхъ, и что искали, то нашли. Когда вы осмѣливались сдѣлать это, то вѣрно будете дѣлать еще больше. Вы кончили свое дѣло; теперь я у васъ въ долгу. Но, Богъ милостивъ, я надѣюсь

*) Вѣроятно, съ оправданіями и извиненіями.

**) Удальцовъ, а понашему—разбойниковъ.

***) Должно быть, о томъ, который доставилъ свѣдѣніе Сусловскому.

покончить свое дѣло съ вами не безуспѣшно, и долгъ свой вамъ заплачу. Теперь вы смотрите—и увидите, что васъ ожидаетъ перемѣно. Ромазана 5-го числа. 1265-й годъ гижры“.

Эту угрозу Даниельбекъ не думалъ откладывать надолго и началъ собирать въ Ирибѣ особое скопище. Но дѣло у него не клеилось, потому что главные силы Дагестана стояли подъ ружьемъ у Чоха и въ другихъ пунктахъ, а слѣдовательно для отдѣльнаго отряда негдѣ было набрать людей; на сильнѣйшее же изъ обществъ, примыкавшихъ къ дезгинской линіи, т. е. на дидойское, была плохая надежда послѣ погрома 26-го іюня, такъ какъ оно крѣпко призадумалось и видимо тайло какое-то особое соображеніе. Что же касается до обществъ, расположенныхъ противъ праваго фланга линіи, къ которымъ Шамиль то и дѣло посылалъ приказанія о непрерывныхъ вторженіяхъ въ наши владѣнія, то они хотя и готовы были не упустить перваго удобнаго случая для нападенія, но, по прибытіи нашихъ войскъ изъ экспедиціи на линію, значительно утратили свой куражъ—тѣмъ болѣе, что повсюду видѣли съ нашей стороны полную готовность встрѣтить всякое ихъ покушеніе на всѣхъ пунктахъ. Для таковой встрѣчи генераль Чилевъ, къ 1-му августа, держалъ войска въ слѣдующемъ расположеніи: въ Лагодехахъ—2-я рота кавказскаго сапернаго баталіона, первый баталіонъ, двѣ роты втораго и полувзводъ крѣпостныхъ ружей гренадерскаго полка, второй баталіонъ и двѣ роты 4-го баталіона тифлисскаго полка, 2-й и 4-й взводы горной № 2-го батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, взводъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка, пѣшіі ракетный взводъ подвижнаго запаснаго парка 21-й артилерійской бригады и 3-я сотня донскаго казачьяго № 28-го полка. Такое значительное, сравнительно, количество войскъ было сосредоточено въ Лагодехахъ, какъ влѣдствіе производившихся тамъ работъ, такъ и по случаю центральности этого пункта, съ котораго легко можно было дѣйстви-

вать на оба фланга линіи. При селеніи Калялю—3-й баталіонъ, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей, гренадерскаго полка и 3-й взводъ горной № 2-го батареи; въ Закаталахъ—двѣ роты перваго баталіона эриванскаго полка и 6-я сотня донскаго казачьяго № 28-го полка; въ катехскомъ ущельи, при с. Каписдара—другія двѣ роты того же баталіона эриванскаго полка и взводъ горныхъ орудій новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона; въ Бежаньявахъ, для прикрытія участка отъ с. Шильды до Каратубани—двѣ роты 4-го баталіона тифлискаго полка, 2-я сотня донскаго № 28-го полка и конно-ракетный взводъ того же полка; на малой Андаразани—3-й баталіонъ тифлискаго полка и 1-й взводъ горной № 2-го батареи.

Не смотря, однако, на то, что анкратльскія общества, съ возвращеніемъ нашего отряда изъ экспедиціи, нѣсколько умѣрили свои боевыя стремленія, непрерывныя понужденія Шамиля произвели свое дѣйствіе, и они рѣшились, въ угоду ему, еще разъ попытать счастья—хотя попытали его не совсѣмъ удачно. Собравъ довольно сильную партію, они, 25-го іюля, хотѣли прокрасться въ округъ мимо катехскаго ущелья, но въ верховьяхъ рѣчки Джаръ-чая наткнулись на взводъ 1-го баталіона эриванскаго полка, который заготовлялъ фуражъ и прикрывалъ подъемныхъ лошадей. Увидѣвъ незначительную команду, они стремглавъ бросились на нее и отхватили пять человѣкъ косцовъ, которыхъ тотчасъ же, съ частью своихъ людей, усадили въ горы. Взводъ, не взирая на это неожиданное нападеніе, не растерялся и смѣлымъ ударомъ въ тычки заставилъ партію возвратиться къ опушкѣ лѣса, покрывавшаго съ обѣихъ сторонъ ущелье. Оставивъ на мѣстѣ пять тѣлъ, горцы открыли изъ лѣса сильный огонь. Эриванцы, не имѣя возможности оставить лошадей, не могли атаковать ихъ и, чтобы избѣжать вреда въ тѣсномъ ущельи, начали, отстрѣливаясь, отступать въ лагерь. Проводивъ коман-

ду около полуверсты, партія охватила ее съ двухъ сторонъ и бросилась въ шашки, но въ эту минуту подоспѣлъ изъ лагерь другой взводъ, съ баталіоннымъ командиромъ, и отбилъ атаку съ такимъ успѣхомъ, что лезгины лишились еще десяти человѣкъ убитыми и поторопились укрыться въ лѣсу. Такъ какъ мѣстность не представляла удобствъ для атаки, то подполковникъ Фрейтагъ отступилъ, при сильной перестрѣлкѣ, еще сажений триста и навелъ увлекшуюся партію на орудіе, бывшее въ лагерѣ, которое тотчасъ встрѣтило непріятеля гранатою. Тогда только лезгины опомнились и быстро отступили въ горы. Хотя эта схватка произошла не въ обширныхъ размѣрахъ, но была достаточно выдающеюся столько же по молодецкому отпору, который дали горцамъ эриванцы, сколько и по количеству потери съ обѣихъ сторонъ: кромѣ плѣнныхъ, у насъ убито девять и ранено шесть человѣкъ.

Шамиль и Даніельбекъ увидѣли, что расчеты ихъ на успѣхъ со стороны лезгинской линіи шатки, поэтому послѣдній изъ нихъ обратился въ другую сторону. Продолжая получать приглашенія неблагонамѣренныхъ по отношенію къ намъ нухинскихъ мусульманъ, онъ задумалъ широкое предпріятіе—освобожденіе нухинскаго и шемахинскаго уѣздовъ отъ русскаго владычества. Ему не стоило большаго труда склонить къ тому жителей участковъ кабалинскаго, хачмазскаго, нухинскаго, арешскаго, лаичскаго, баргушетскаго и хангобанскаго, и оставалось только узнать, какъ думаютъ объ этомъ нухинскіе беки и представители духовенства, и готовы ли они будутъ присоединиться къ возстанію. Эту послѣднюю задачу Даніельбекъ возложилъ на одного изъ почетныхъ жителей селенія Куткашенъ, возвратившагося незадолго до того изъ Мекки, нѣкоего Гаджи-Ибрагимъ-бекъ-Гаджи-Вала-бекъ-оглы, а сей послѣдній послалъ въ Нуху своего повѣреннаго Багиръ-бека; Шамиль же выслалъ въ Куткашенъ своихъ наибовъ—наблюдать за ходомъ дѣла. Приглашеніе Даніельбека было принято

довольно сочувственно, потому что беки были народъ бѣдный и вслѣдствіе этого недовольный нашимъ правительствомъ, отъ котораго они всегда чаяли грудь золота, а духовенство было вооружено противъ насъ по случаю ограниченій, поставленныхъ его власти и вліянію на народъ. Предварительныя совѣщанія, происходившія между 5-мъ и 12-мъ числами августа въ домахъ эфендіевъ Гаджи-Абдуллы, Ибрагимъ-Халили и Гаджи-Абдуллы-Рагаба, привели вопросъ къ тому результату, чтобы въ назначенный день перебить прежде всего въ уѣздѣ участковыхъ засѣдателей, а въ городѣ — всѣхъ русскихъ, и немедленно овладѣть крѣпостью; если же бы послѣднее не удалось, то держать крѣпость въ блокадѣ до прибытія туда сельскаго населенія, и во что бы ни стало уничтожить все русское. Однако, прежде, чѣмъ приступить къ разнымъ мѣропріятіямъ для достиженія этой цѣли, эфендіи сочли необходимымъ повергнуть дѣло на окончательное обсужденіе бывшаго нухинскаго казія Абдуль-Лятифъ-эфенди, одного изъ членовъ бывшей ханской фамиліи Гашимъ-ага и его родственника Керимъ-ага. Лица эти порѣшили такъ: въ виду того, что Багиръ-бекъ не имѣетъ никакого письменнаго полномочія отъ Гаджи-Ибрагимъ-бека — просить послѣдняго, чтобы онъ самъ пріѣхалъ въ Нуху по этому важному дѣлу на общее совѣщаніе, назначенное 15-го августа въ домъ покойнаго Абдуррахманъ-бека.

Нухинскій заговоръ могъ бы имѣть громадныя и кровавыя послѣдствія, еслибы Гашимъ-ага не выдалъ его уѣздному начальнику 12-го августа. По обнаруженіи этой крамолы, съ нашей стороны были приняты всѣ мѣры къ предупреденію варфоломеевской ночи и составленъ особый наблюдательный отрядъ *), подъ командою генеральнаго штаба полковника

*) 3-й баталіонъ эриванскаго и двѣ роты 5-го баталіона тифлискаго полковъ, двѣ роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, двѣ сотни казаковъ съ повозъ и четыре орудія батареи № 4-го батареи.

Веревкина, который, по первым звукам мятежа, долженъ былъ явиться изъ Царскихъ Колодцевъ въ Нуху. Эти войска поступали въ распоряженіе шемахинскаго военнаго губернатора тогда, когда бы дѣло состояло только въ подавленіи бунта; но еслибы оно сопровождалось вторженіемъ непріятеля съ горъ или беспорядками въ бѣлоканскомъ округѣ, то общее начальствованіе надъ ними и возстановленіе порядка и спокойствія ложилось на обязанность генераль-маіора Чилиева. Кромѣ того, изъ войскъ, расположенныхъ въ шемахинской губерніи, собрано четыре роты пѣхоты, два легкихъ и четыре горныхъ орудія, двѣ сотни казаковъ и пятьсотъ человекъ карабахской милиціи; пятого сентября они введены въ Нуху и частью расположены въ уѣздѣ. Въ ахтычайское же ущелье явились изъ дагестанскаго отряда 3-й и 4-й баталіоны мингрельскаго полка и 3-я рота саперъ.

Прибытіе войскъ и внезапная арматурная обстановка связали руки и закрыли рты всѣмъ мусульманамъ. Спокойствіе быстро установилось, оцѣночная комиссія открыла свои дѣйствія, два главные представителя готовившагося возмущенія, беки изъ ханской фамиліи—выдавшій намъ заговоръ Гашимъ-Ага-Ага-Мамедъ-Гасанъ-ханъ-оглы и Ага-Киши-бекъ были арестованы, и Шамиль съ Даніельбекомъ еще разъ потерпѣли полнѣйшее крушеніе.

Однако, наблюдательнаго отряда и войскъ, собранныхъ въ Нухѣ и нухинскомъ уѣздѣ, распускать пока было нельзя, такъ какъ, вслѣдствіе тревожно-лихорадочной дѣятельности имама и его ближайшаго сподвижника и друга, нельзя было ручаться, что новыя искры не произведутъ пожара. Эти два лица метались во все стороны, избравъ преимущественными пунктами своихъ заботъ самурскій округъ, горныя магалы и дидойское общество. Но послѣднее никакъ не склонялось на ихъ убѣжденія и, уstraшенное нашею карою, къ удивленію и озлобленію Шамиля, повернуло совѣтъ въ иную сторону:

увѣровавъ, наконецъ, въ тотъ фактъ, что русскія войска всегда легко могутъ перешагнуть въ ихъ недоступныя трущобы и раззорить ихъ аулы, дидойцы, а за ними и кистины, сосѣдніе съ горной Тушетіей, заключили съ жителями сей послѣдней союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) малыхъ партій не пропускать черезъ свои селенія въ Тушетію, а о большихъ скопищахъ давать знать заблаговременно; если же то или другое обязательство не будетъ исполнено, и тушины будутъ имѣть отъ этого какой нибудь вредъ, то условливающіяся общества должны ихъ за это удовлетворить; 2) возвратить всѣхъ угнанныхъ изъ Тушетіи барановъ, а за убитыхъ людей выдать положенную между горцами плату за кровь. Непосредственно затѣмъ кистины возвратили перикительскому обществу первую партію барановъ въ 600 головъ.

Условіе это имѣло свою хорошую и благодѣтельную сторону не только для Тушетіи, но и для Кахетіи; однако, генераль Чиляевъ не рѣшился допустить дальнѣйшаго исполненія его на томъ основаніи, что заключеніе подобныхъ мирныхъ договоровъ принадлежитъ правительству, а не отдѣльнымъ частнымъ лицамъ или обществамъ. Давъ знать объ этомъ дидойцамъ и тушинамъ, онъ велѣлъ, между прочимъ, внушить первымъ изъ нихъ, что если они желаютъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ подданными русскаго Государя, то должны выслать своихъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности, и тогда имъ будутъ объявлены условія по усмотрѣнію русской власти. Что касается кистинъ, то, по отдаленности ихъ отъ нашихъ границъ, имъ объявлено, что если они будутъ жить спокойно и хорошо вести себя, соблюдая принятыя на себя обязательства, то всегда могутъ быть увѣрены въ милости къ нимъ правительства и всегдашней безопасности.

Все притихло крутомъ—до сентября; но лишь относительно.

VII.

Предпріятія Шамиля по случаю отступленія дагестанскаго отряда отъ укрѣпленія Чохъ. Вторженіе въ бѣлоканскій округъ бохнадальцевъ. Неудачныя нападенія Хаджи-Мурата и Тамимъ-Ага. Рядъ новыхъ нашихъ безпокойствъ и послѣднія покушенія горцевъ на правомъ флангѣ линіи. Нападеніе авцухцевъ 24-го ноября на лѣвомъ флангѣ линіи. Принесеніе покорности дидойцами и заключеніе съ ними мирныхъ условій.

Снятіе осады Чоха и отступленіе нашихъ войскъ, 23-го августа, на Турчидагъ, не могли не отразиться тревожно на положеніи нашихъ дѣлъ и отношеніяхъ къ намъ горныхъ обществъ, прилегавшихъ къ лезгинской линіи. Шамиль торжественно объявилъ по всему Дагестану, что далъ нашимъ войскамъ рѣшительный отпоръ, предписалъ наибамъ обязать подвѣдомственныя имъ общества народною клятвою не измѣнять ему въ предположенномъ имъ походѣ для мщенія и истребленія русскихъ и велѣлъ жителямъ Кейсеруха и всего Анкратля готовиться къ вторженію, подъ его начальствомъ, въ джаро-бѣлоканскій округъ. На какой пунктъ предполагался его ударъ—конечно, по обыкновенію, никто не зналъ; но мѣръ не принять было нельзя, потому что горцы въ одни сутки могли явиться къ намъ изъ ближайшихъ къ линіи обществъ, да и настроеніе мусульманскаго населенія округа было для насъ весьма опасное. Большинство стало волноваться вновь, а меньшая часть преданныхъ намъ людей, какъ и всегда, была безсильна въ общей средѣ. Генераль Чиляевъ попробовалъ распусить слухи, что мы вовсе не получали никакого отпора, а дали урокъ нашимъ врагамъ и, считая его достаточнымъ, сами отступили; но увѣренія его ни къ чему не повели, и фактъ отступленія отъ Чоха не могъ быть ими скрашенъ. Нечего дѣлать, приплось принять мѣры къ обезпеченію праваго фланга линіи. Для этого сдѣланы слѣдующія передвиже-

нія войскъ: для прикрытія мухахскаго ущелья были рас-
положены близъ с. Чардахлы 1-й баталіонъ эриванскаго караби-
нернаго полка и два горныхъ орудія; Закаталы были охраняемы
тремя ротами линейнаго баталіона и четвертымъ баталіономъ
тифлисецвъ; по случаю совершеннаго недостатка подножнаго
корма и усиливавшася холода въ горныхъ магалахъ, 3-й
баталіонъ, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей гренадерскаго
полка, и два горныхъ орудія перешли изъ Калялю въ мухах-
ское ущелье на урочище Ахдамъ-Тахта; изъ Лагодехъ въ
Катехи переведены 26-го августа: 1-й баталіонъ, двѣ роты
2-го баталіона и полувзводъ крѣпостныхъ ружей гренадерска-
го полка, взводъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка, рота
саперъ, четыре горныхъ орудія, пѣшіи взводъ боевыхъ ра-
кетъ; на бахталъскій постъ направлена одна сотня казаковъ.
Прочія войска остались пока на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

Увидѣвъ, что всѣ горцы съ неописанною радостью и до-
вѣріемъ приняли вѣсть объ отраженіи нашихъ войскъ отъ
Чоха, а жители бѣлоканскаго округа и подавно были этимъ
очень довольны, и заключивъ, что, такимъ образомъ, почва
тамъ и сямъ подготовлена, самъ Шамиль дѣятельно занялся
сборомъ особыхъ скопищъ близъ Ириба, приказавъ, тѣмъ вре-
менемъ, жителямъ общества Бохнады нагрянуть въ округъ
въ видѣ передоваго отряда, раздѣлиться на нѣсколько партій
и разсѣяться въ алазанскихъ лѣсахъ для грабежей и разбо-
евъ. Бохнадальцы живо собрали нѣсколько сотъ человекъ и
не замедлили осуществить волю имама: скрытно, ловко и удач-
но прорвались они на линію въ нѣсколькихъ пунктахъ. Тогда
генераль Чилиевъ отправилъ для розысканія и преслѣдованія
ихъ Грузинской Дружины штабсъ-капитана князя Кобулова,
съ тушинскою милиціею и партизанскою командою, а двумъ
сотнямъ казаковъ, расположеннымъ въ кр. Закаталахъ и на
бахталъскомъ посту, приказалъ дѣлать постоянные разъѣзды.
4-го сентября казачья команда открыла близъ дороги съ

бахтальскаго поста къ мугалинской переправѣ одну изъ партій, вступила съ нею въ перестрѣлку и, получивъ вскорѣ подрѣвленіе съ бахтальскаго поста, обратила ее въ бѣгство, съ потерей шести человѣкъ убитыхъ и трехъ плѣнныхъ. У казаковъ убито четыре и раненъ одинъ. Князь Кобуловъ въ этотъ самый день открылъ на г. Доорджабалѣ другую партію, возвращавшуюся въ горы съ награбленнымъ скотомъ и двумя плѣнными жителями, и отобралъ у нея какъ плѣнниковъ, такъ равно и добычу. Бохнадальцы лишились семерыхъ человѣкъ убитыми.

На другой день послѣ этого, третья партія въ двѣсти человѣкъ напала въ шести верстахъ отъ бахтальскаго поста на тридцать казаковъ, бывшихъ подъ командою прапорщика князя Андроникова и возвращавшихся въ Закаталы. Сдѣлавъ залпъ, хинцики уложили четырехъ казаковъ, а на остальныхъ бросились въ пашки и окружили ихъ съ трехъ сторонъ. Но казаки ударили въ пики и лихо пробили себѣ дорогу сквозь толпу обезумѣвшаго отъ удивленія непріятеля, лишившись, впрочемъ, одного раненаго. Спустя же три дня, 8-го сентября, штабсъ-капитанъ князь Кобуловъ, съ своею командою, подстерегъ еще одну партію бохнадальцевъ на горѣ большой Губахъ и, послѣ непродолжительной перестрѣлки и лихой атаки тушинъ, вогналъ ее въ горы. Лезгины оставили въ рукахъ побѣдителей двухъ плѣнныхъ и разное награбленное имущество. Послѣ этого, бохнадальцы больше не появлялись.

За то, кейсерухцы и анкратльцы быстро готовили новыя отдѣльныя партіи, а мудиръ Адаловъ прорвался съ особою толпою въ Кахетію и раскинулъ ее по разнымъ недоступнымъ пунктамъ, ежеминутно угрожая нападеніемъ то одному, то другому селеніямъ. Вооруженные жители повсюду стояли въ выжидательномъ положеніи, не имѣя покоя ни днемъ, ни ночью, и войска внимательно слѣдили за каждою вспышкою, за каж-

дымъ выстрѣломъ на лѣвомъ флангѣ лезгинской кордонной линіи и безъ устали передвигались то туда, то сюда, по призыву вспыхивавшихъ на постахъ и вышкахъ маяковъ. Эта борьба съ противникомъ была тягостнѣе всякой правильной войны, и затрудненія усложнялись со дня на день. Начальникъ лѣваго фланга просилъ генерала Чилыева подкрѣпить его хотя бы двумя ротами—и этимъ еще болѣе стѣснилъ его въ оборонѣ праваго фланга, такъ какъ войска были расположены такимъ образомъ, что передвиженіе какой либо части съ опредѣленнаго ей мѣста могло быть допущено только въ случаѣ совершеннаго открытія общихъ цѣлей непріятеля. Но это угадать было нельзя, потому что вторженіе ожидалось на разные пункты одновременно. Такъ или иначе, а все же невозможно было отказать въ содѣйствіи начальнику лѣваго фланга линіи, и генераль Чилыевъ поспѣшилъ отправить къ нему двѣ роты гренадерскаго полка, подъ командою маіора Ячнаго, изъ отряда, расположеннаго близъ селенія Катехъ, но при этомъ подтвердилъ ему, что такъ какъ на дальнѣйшія подкрѣпленія онъ уже рассчитывать не можетъ, то чтобы ограничился имѣющимися въ распоряженіи его средствами какъ знаетъ, и въ случаѣ вторженія сильнаго непріятеля вызвалъ бы въ поле жителей Кахетіи. Послѣ удаленія съ праваго фланга этихъ двухъ ротъ, для защиты сорокаверстнаго пространства между Лагодехами и Закаталами остался всего одинъ баталіонъ у селенія Катехъ, который никакъ не могъ быть усиленъ ни частями отъ двухъ баталіоновъ, расположенныхъ между Закаталами и Элису, ни гарнизонами Лагодехъ и Закаталь, потому что первыя были необходимы для охраненія опредѣленнаго имъ пространства, а послѣднихъ едва было достаточно для поддержанія самостоятельности занимаемыхъ ими важныхъ пунктовъ. А между тѣмъ, для встрѣчи съ непріателемъ нуженъ былъ отрядъ круглый и сильный, который бы сразу поразилъ его и заставилъ отказаться отъ вся-

кихъ намѣреній. Это тѣмъ болѣе было необходимо и важно, что жители хотя и не обнаруживали къ намъ, изъ страха наказанія, явнаго нерасположенія, но, строго сохраняя тайну своихъ злыхъ замысловъ, были уже вновь готовы, по глубоко вкоренившемуся въ нихъ духу мюридизма, къ поголовному возстанію при первомъ появленіи горцевъ. Еще сомнительнѣе было положеніе горнаго магала, гдѣ жители безпрекословно исполняли всѣ требованія Даніельбека, давали пристанище его агентамъ и разбойникамъ и повиновались намъ только тогда, когда наши войска стояли у нихъ подъ бокомъ. Опираясь на всѣ эти и прочія обстоятельства, и имѣя въ виду, что нухинскій уѣздъ былъ въ то время достаточно прикрытъ войсками, расположенными въ самурскомъ округѣ, а главное, что успѣхъ или неудача возмущенія въ шемахинской губерніи вполнѣ зависѣли отъ успѣха или неудачи непріятельскихъ скопищъ на лезгинской линіи, генераль Чилияевъ, при совершенномъ неимѣніи у себя резервовъ, просилъ главнокомандующаго безусловно подчинить ему наблюдательный отрядъ въ Царскихъ Колодцахъ. Хотя это требованіе было многозначительное, потому что весьма вліяло на общія соображенія относительно мусульманскихъ провинцій закавказскаго края, но, въ виду дѣйствительно безпомощнаго и крайне опаснаго положенія лезгинской линіи, не уважить его было нельзя, и князь Воронцовъ рѣшилъ удовлетворить Чилияева, парализуя окончательно барона Врангеля: онъ согласился съ желаніемъ перваго изъ нихъ только на томъ условіи, чтобы, по первой вспышкѣ въ шемахинской губерніи, или по требованію тамошняго военнаго губернатора, отрядъ тотъ, частью или сполна, былъ тотчасъ же направленъ въ его распоряженіе.

Генералу Чилияеву были развязаны руки, и, можетъ быть, только влѣдствіе этого онъ получилъ возможность предупредить два серьезныя вторженія на лезгинскую линію. Полу-

чивъ извѣстіе черезъ лазутчиковъ, что анкратльскія толпы совершенно готовы къ вторженію, онъ, для большаго сосредоточенія силъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ слѣдовало ожидать горцевъ, передвинулъ 21-го сентября 3-й баталіонъ, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей гренадерскаго полка, и два горныхъ орудія отъ с. Кахъ въ мухахское ущелье, а первый баталіонъ эриванскаго полка, съ двумя горными орудіями—изъ мухахскаго ущелья въ кр. Закаталы. Едва онъ исполнилъ это, какъ узналъ, въ ночь съ 21-го на 22-е сентября, что сильная партія горцевъ спускается по катехскому ущелью въ бѣлоканскій округъ. Немедленно и лично онъ отправился изъ Закаталъ къ сел. Катехамъ съ первымъ баталіономъ эриванцевъ и двумя орудіями, увѣренный, что вовремя успѣетъ подкрѣпить находившіяся тамъ войска *); партизанскую команду, тушинскую и джаро-лезгинскую постоянную милицію отправилъ на рекогносцировку путей, ведущихъ въ горы, а для усиленія гарнизона лагодехскаго укрѣпленія двинулъ изъ Закаталъ же двѣ роты 4-го баталіона тифлисскаго полка. Ожидаемая партія была уже невдали отъ Катехъ, но узнавъ, что будетъ встрѣчена достойнымъ образомъ, повернула назадъ.

Не остыли еще ея слѣды, какъ другое сильное скопище мюридовъ, числительностью въ тысячу всадниковъ, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата и двухъ наибовъ, спускалось по мазымъ-чайскому ущелью въ алазанскіе лѣса для раззоренія сигнахскихъ хуторовъ, расположенныхъ на правомъ берегу Алазани. Притянувъ немедленно изъ Закаталъ къ Катехамъ еще одинъ баталіонъ, съ двумя орудіями, генераль Чиляевъ двинулся оттуда, 24-го сентября, черезъ Бѣлоканы къ Лагодехамъ, для отрѣзанія пути отступленія непріятелю.

*) 1-й баталіонъ, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей, гренадерскаго полка, рота саперъ, два горныхъ орудія, взводъ ракетъ.

съ тремя баталіонами (1-й и 3-й гренадерскаго и 1-й эриванскаго полковъ), двумя взводами крѣпостныхъ ружей, ротой саперъ, шестью орудіями и взводомъ боевыхъ ракетъ; для воспріятыя непріятелю переправиться черезъ Алазань, направилъ вверхъ по правому берегу рѣки партизанскую команду, тушинскую милицію и 400 человекъ жителей бѣлоканскаго округа; майора Ячнаго, съ двумя ротами гренадерскаго полка, отозвалъ изъ Бежаньянъ къ Каратубани, а въ Бежаньяны направилъ изъ с. Артаны двѣ роты 3-го баталіона тифлискаго полка. Все эти распоряженія и движенія были живо перехвачены мюридами, и цѣль ихъ стала имъ вполне понятною, поэтому они ограничили свою предприимчивость только тѣмъ, что сожгли между Каратубанью и Лагодехами деревянную уголь-техильскую вышку, и съ особенною поспѣшностью повернули обратно въ горы черезъ урочище Химрикъ. Поспѣшность эта доказывалась тѣмъ, что по пути было найдено много шапокъ, башлыковъ и бурокъ, которые, цѣпляясь за сучья деревьевъ, частью оставались на нихъ, а частью валялись на землѣ. Генераль Чилевъ 25-го сентября прибылъ въ Лагодехи и распредѣлил отрядъ слѣдующимъ образомъ: въ катехскомъ ущельи—3-й баталіонъ, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей гренадерскаго полка, два орудія и взводъ ракетъ; въ Закаталахъ—1-й баталіонъ, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей того же полка и два орудія; въ мухахскомъ ущельи—1-й баталіонъ, со взводомъ крѣпостныхъ ружей, эриванскаго полка и два горныхъ орудія.

Хотя, такимъ образомъ, Шамиль былъ предупреждаемъ повсюду, однако не думалъ отказаться отъ принятаго рѣшенія, тѣмъ болѣе, что подъ ружьемъ у него уже стояло близь Ириба три тысячи человекъ. На совѣщаніи, которое имѣлъ Шамиль съ Даніельбекомъ, Кибитъ-Магомюю и даже съ Кара-Али, вошедшимъ у него въ особую милость и находившимся лично при немъ съ самаго дѣла, какъ бы для особо важныхъ

порученій, имамъ назначилъ предводителемъ этого скопища племянника Даниельбека Тамимъ-Ага, которому подчинилъ участвовавшихъ въ немъ наибовъ отдѣльныхъ партій: Омара салтынского, Дибира ругджинскаго и Инко-Гаджи чохскаго. Онъ объявилъ ему, что генераль Чиляевъ направился съ войсками на лѣвый флангъ линіи противъ Адалова и скоро оттуда возвратиться не можетъ, поэтому необходимо воспользоваться этимъ промежуткомъ и, спустившись по мухахскому ущелью, сильнымъ опустошеніемъ округа и привлеченіемъ къ себѣ всѣхъ его магометанъ—для дальнѣйшихъ затѣмъ дѣйствій сообразно обстоятельствамъ, разрѣшить наконецъ широкій и важный планъ пораженія и истребленія русскихъ. Тамимъ-Ага двинулся. Одновременно съ нимъ, Хаджи-Муратъ, желая изгладить въ сердцахъ непріятное впечатлѣніе послѣ неудачнаго набѣга, собралъ въ Анкратлѣ новую тысячную партію и направился съ нею на урочище Химрикъ.

Шамиль ошибся: пока готовились и предпринимались эти два вторженія, генераль Чиляевъ не только возвратился въ Закаталы, но и имѣлъ о нихъ всѣ подробности, даже въ преувеличенномъ видѣ. Поэтому, 29-го сентября онъ посѣпшилъ усилить лѣвый флангъ линіи отправленіемъ изъ катехскаго ущелья въ Лагодехи 3-го баталіона съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей гренадерскаго полка, подъ командою маіора Сусловскаго, а самъ съ первымъ баталіономъ и полувзводомъ крѣпостныхъ ружей того же полка, а также съ двумя горными орудіями, выступилъ изъ Закаталъ въ мухахское ущелье, на соединеніе съ находившимся впереди селенія Чардахлы первымъ баталіономъ и взводомъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка и двумя горными орудіями. Отъ Чардахлы весь соединенный небольшой отрядъ двинулся впередъ, имѣя въ авангардной колоннѣ милицію подъ командою штабсъ-ротмистра князя Мачабели. Последняя встрѣтила передовыя толпы Тамимъ-Ага близь урочища Ахдамъ-Тахта и завязала пе-

рестрѣлку. Быстро подтягивались главные силы непріятеля, но когда имъ стало извѣстно и видимо, что за милиціею наступаютъ наши войска, то онѣ совсѣмъ забыли о распоряженіяхъ Шамиля и поспѣшно отступили.

Хаджи-Муратъ измѣнилъ свои намѣренія, и, вмѣсто движенія на Химрикъ, двинулся въ элисуйское ущелье, чтобы напасть на селеніе Кахъ и, если возможно, разгромить самое укрѣпленіе; особая же партія шла на соединеніе съ нимъ боковыми путями. При другихъ обстоятельствахъ, трудно было думать, чтобы онѣ могъ одолѣть селеніе, имѣющее до трехсотъ дворовъ, но при тогдашнемъ настроеніи бѣлоканцевъ ни за что ручаться было нельзя. Вслѣдствіе этого, навстрѣчу Хаджи-Мурату былъ отправленъ 1-го октября генералъ-маіоръ Дебу, съ первымъ баталіономъ и полувзводомъ крѣпостныхъ ружей гренадерскаго полка, и съ двумя горными орудіями; первый же баталіонъ, со взводомъ крѣпостныхъ ружей эриванскаго полка и двумя горными орудіями, былъ оставленъ для наблюденія за мухахскимъ ущельемъ. Такъ какъ лезгинская линія послѣ этого осталась вовсе безъ резерва, который былъ необходимъ для занятія пунктовъ, находившихся въ опасности, то наблюдательный отрядъ полковника Веревкина *) былъ передвинутъ изъ Царскихъ Колодцевъ къ Закаталамъ. Счастье намъ опять послужило, и генералу Дебу не пришлось даже встрѣтиться съ Хаджи-Муратомъ, потому что онъ, подобно Тамимъ-Ага, узнавъ о сдѣланномъ ему предупреденіи, не дошелъ даже до с. Кахъ; партія же, слѣдовавшая на соединеніе съ нимъ, ограничившись ограбленіемъ нѣсколькихъ жителей селеній Сускентъ и Амирджанло, также не рискнула повидѣться съ нами.

Въ виду того, что баталіонъ маіора Сусловскаго оказался

*) Рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона. 3-й баталіонъ эриванскаго, двѣ роты 5-го баталіона тифлискаго полковъ и четыре легкихъ орудія 21-й артиллерійской бригады.

пока лишнимъ въ Лагодехахъ, генераль Чилиевъ, 2-го октября, перевелъ его въ Каратубань.

Горцы, однако, не расходились, и, подстрекаемые ежедневно прибывавшими отъ Шамиля агентами, представлявшими имъ въ заманчивомъ видѣ послѣдствія удачнаго нападенія на Бълоканскій округъ, рѣшили попытать свою судьбу другимъ порядкомъ — вторженіемъ ограниченными партіями, для которыхъ доступъ въ наши предѣлы былъ, естественно, болѣе удобенъ. Выдѣлившись изъ скопищъ своихъ двумя толпами, одною въ пятьсотъ, а другою въ двѣсти человекъ, они упрямо избрали своею цѣлью опять с. Кахъ и мухахское ущелье. Но о первой изъ этихъ партій дали знать въ кахское укрѣпленіе жители селенія Зарна, и генераль Дебу 3-го октября предупредилъ ее движеніемъ къ сему послѣднему трехъ ротъ и двухъ горныхъ орудій; вторая же хотя и отбила у селенія Сапунчи стадо рогатаго скота, но была настигнута жителями ближайшихъ деревень и ротою эриванцевъ, потеряла въ перестрѣлкѣ двухъ убитыхъ и лишилась всей добычи.

Тревоги на разныхъ пунктахъ слѣдовали такъ быстро одна за другою, что утомленные ими войска едва успѣвали по назначенію. Они не знали, гдѣ сегодня будутъ отдыхать или обѣдать, и гдѣ проведутъ ночь. Послѣ какогонибудь взрыва или вспышки, все повидимому вокругъ было тихо — какъ вдругъ, прибѣгаль или прилеталъ какойнибудь лазутчикъ, а часто нарочный отъ старшины того или другаго селенія — и черезъ десять минутъ на мѣстѣ лагеря недавно прибывшей части войскъ оставались только клоки недоѣденнаго лошадыми фуража. Чилиевъ съ трудомъ успѣвалъ слѣдить за всѣми событіями, которыя являлись какъ *deus ex machina*, и не всегда могъ ихъ предупреждать своими распоряженіями, предоставляя послѣднія личному усмотрѣнію и распорядительности начальниковъ ближайшихъ къ мѣсту этихъ событий частей войскъ. И, не смотря на это, нигдѣ не происходило

ошибки, вездѣ былъ для насъ полный успѣхъ, такъ что, по доходившимъ въ то время постоянно свѣдѣніямъ, горцы были въ изумленіи, что русскій, будто бы и тяжеловѣсный, солдатъ перещеголялъ ихъ въ проворствѣ, легкости и ходкости. И дѣйствительно, примѣры и доказательства тому они видѣли не только каждый день, но иногда и нѣсколько разъ въ день, и чѣмъ болѣе они ухитрялись озадачивать насъ своею неутоми-мою подвижностью, энергіею и неожиданностью, тѣмъ болѣе получали самыхъ вѣскихъ и существенныхъ противодѣйствій.

4-го октября новая большая партія все изъ ихъ же скопищъ, собранныхъ въ Анкратлѣ и Кейсерухѣ, вздумала прорваться въ округъ между Закаталами и Лагодехами и скрытно явилась на химрикской дорогѣ. Она не воображала или просто упустила изъ вида, что, во первыхъ, при зоркости и дѣятельности Чиляева, ей трудно достигнуть цѣли, а, во-вторыхъ, что въ Каратубани два дня назадъ нежданно, словно изъ земли, появился баталіонъ маіора Суслевскаго — и поэтому преспокойно, въ ожиданіи ночи, стала грѣться у разложенныхъ ею костровъ. Но Чиляевъ еще съ разсвѣтомъ того дня получилъ о ней самыя обстоятельныя свѣдѣнія и тотчасъ же приказалъ полковнику Веревкину сдѣлать рекогносцировку изъ Закаталъ до Мазымъ-чая, а Суслевскій постарался не прозѣвать столбиковъ дыма, которые возносились въ тихомъ воздухѣ къ безоблачному небу, и отправилъ немедля на развѣдку роту ввѣреннаго ему баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Шишкина, и 28-мъ человекъ Грузинской Дружины. Пройдя около двадцати верстъ отъ укрѣпленія вверхъ по лѣсистой тропинкѣ, милиціонеры издали увидѣли своими ястребиными глазами заваль изъ толстыхъ бревенъ, за которымъ взлетали кверху искры пламени. Были сумерки; лезгинны, какъ слѣдовало судить, кончали уже свой отдыхъ, потому что позади завала сновали группами и въ одиночку разные силуэты, собираясь въ дорогу. Благодаря густому лѣсу и опыт-

ности милиціонеровъ, рота незамѣтно подкралась къ позиціи непріятеля и, съ дружнымъ залпомъ и крикомъ „ура“, бросилась на заваль. Пораженные неожиданнымъ появленіемъ русскихъ солдатъ, лезгины опрометью бросились назадъ и, оставивъ на мѣстѣ пять раненыхъ и три лошади, благополучно отдѣлялись отъ совершеннаго пораженія только потому, что были приготовлены къ походу.

Но эти горцы, должно полагать, составляли главные силы партіи, потому что сотнѣ изъ числа ихъ удалось проникнуть на плоскость въ тотъ же день рано утромъ, когда полковникъ Веревкинъ не получилъ еще приказаній Чилиева и не открылъ своихъ развѣдокъ. Появленіе этого лезгинскаго передоваго отряда, скрывшагося въ лѣсахъ, не обошлось безъ приключеній: 6-го октября съ ковахчельской поляны возвращался транспортъ 2-го баталіона тифлискаго полка и лагодехскихъ жителей, въ шестьдесятъ повозокъ, съ нажатымъ для крышъ камышомъ, подъ прикрытіемъ ста человекъ 2-й карабинерной роты, десяти милиціонеровъ Грузинской Дружины и вооруженныхъ лагодехцевъ. Не доходя шести верстъ до укрѣпленія Лагодехъ, авангардъ транспортной колонны, во главѣ съ фельдфебелемъ Кузьминымъ, былъ встрѣченъ въ узкой просѣкѣ залпомъ ста винтовокъ, раздавшимся изъ лѣса съ правой стороны. Милиціонеры мгновенно отвѣтили горцамъ своими выстрѣлами, а Кузьминъ бросился на засаду въ штыки; правая цѣпь открыла огонь. Въ засадѣ горцевъ уже не оказалось, и только валялось одно тѣло, у котораго милиціонеры посидѣли отрѣзать кисть руки. Но горцы скрылись не совсѣмъ: они накинулись на арріергардъ и открыли по немъ огонь. Командиръ роты штабсъ-капитанъ Михайловъ, усиливъ по возможности тылъ транспортной колонны, приказалъ повозкамъ подвигаться впередъ. Три часа, на разстояніи пяти верстъ, лезгины съ полнымъ ожесточеніемъ преслѣдовали небольшую колонну и нѣсколько разъ

бросались на аррьергардъ въ атаку, но постоянно были отбиваемы штыками и залпами карабинеръ, подъ командою унтеръ-офицера Высоцкаго, а также и поселянами, во главѣ съ ихъ начальникомъ подпоручикомъ Галкинымъ. Въ разстояніи одной версты отъ Лагодехъ, на выручку тифлисцевъ подоспѣли два взвода гренадеръ, и непріятель былъ отбитъ окончательно. Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны былъ раненъ Кузьминъ, одинъ рядовой, одинъ милиціонеръ и одинъ поселянинъ. У непріятели же было шесть раненыхъ. Огорченные неудачами, горцы раздѣлились на мелкія шайки и, съ наступленіемъ ночи, отправились на разные пункты искать добычи. Одна изъ шаяекъ, прокрадываясь по дорогѣ мимо атахарабскаго поста, наткнулась на секретъ, выставленный отъ роты третьяго баталіона эриванскаго полка, стоявшей тутъ съ своимъ баталіоннымъ командиромъ маіоромъ Фелькнеромъ, для наблюденія за дорогою. Секретъ встрѣтилъ эту шайку выстрѣлами и отбросилъ въ дѣсь.

Къ сожалѣнію, это была первая и послѣдняя встрѣча наблюдательнаго отряда съ непріателемъ. 10-го октября былъ спущенъ съ работъ на военно-ахтынской дорогѣ 1-й баталіонъ тифлискаго полка, который, во избѣжаніе излишнихъ передвиженій, былъ направленъ прямо къ сел. Кахъ, куда и прибылъ 16-го октября. Съ усиленіемъ этимъ баталіономъ войскъ дезгинской линіи и по случаю поздняго времени года, когда обширныя вторженія съ горъ являлись сомнительными, изъ наблюдательнаго отряда были отправлены 12-го октября въ свои штабъ-квартиры: 3-й баталіонъ эриванскаго полка, 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона и четыре орудія; того же числа изъ Кахъ былъ передвинутъ въ Закаталы 1-й баталіонъ, со взводомъ крѣпостныхъ ружей, гренадерскаго полка и два горныхъ орудія, а изъ Лагодехъ—двѣ роты 2-го баталіона того же полка; 16-го октября спущена изъ Бежаньянъ въ штабъ-квартиру вторая сотня донскаго №

28-го полка и, наконецъ, 17-го числа выступили изъ Зака-
таль въ Царскіе Колодцы двѣ роты пятаго баталіона тиф-
лискаго полка, а въ Джелаль-Оглы—взводъ ракетъ 21-й арти-
лерійской бригады; затѣмъ, 19-го октября 2-я рота кавказ-
скаго сапернаго баталіона переведена въ Лагодехи, а два
горныхъ орудія кавказской гренадерской артилерійской бри-
гады, подъ прикрытіемъ роты 3-го баталіона тифлискаго пол-
ка, отправлены съ урочища Мачхіари въ Каратубань для при-
соединенія къ 3-му баталіону гренадерскаго полка. По случаю
же слуховъ о томъ, что партія горцевъ въ двѣсти человекъ
намѣрена спуститься въ округъ близъ Лагодехъ, командиро-
ваны изъ Закаталъ въ Бѣлоканы двѣ роты 4-го баталіона
тифлискаго полка, для наблюденія за горными путями отъ
с. Катехъ до рѣки Мазымъ-чай.

Но побужденія и дѣятельность горцевъ вовсе не гармо-
нировали съ соображеніями генерала Чилиева о томъ, что
обширныхъ вторженій болѣе не будетъ. Напротивъ, шамиль-
скіе наибы никакъ не хотѣли остаться сконфуженными передъ
своимъ имамомъ и вознамѣрились еще разъ испытать нашу
бдительность. Въ то время, когда генераль Чилиевъ распу-
скалъ войска, они, наоборотъ, сосредоточили свои силы и,
въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, направили ихъ въ округъ.
Хотя Чилиевъ объ этомъ узналъ въ то время, когда они были
уже въ верховьяхъ Самура, но это не помѣшало ему предупред-
дить ихъ рьяность. Въ ночь съ 19-го на 20-е октября онъ
выступилъ изъ Закаталъ въ мухакское ущелье съ первымъ и
двумя ротами втораго баталіоновъ гренадерскаго Великаго
Князя Константина Николаевича полка и четырьмя орудіями.
Найбы же торопились не менѣе того, какъ и наши войска, и
прежде, чѣмъ послѣднія вступили въ ущелье, передовыя шай-
ки скопища уже хозяйничали въ деревняхъ горнаго магала:
Казъ, Каркай, Кала и Сувагиль. Впрочемъ, поживиться тамъ
многимъ они не успѣли: узнавъ, что отрядъ нашъ готовится

вступитъ на урочище Ахдамъ-Тахту, они захватили наскоро у жителей нѣсколько лошадей и рогатаго скота и поспѣшили удалиться. Такая ограниченная добыча явилась послѣдствіемъ того, что жители селеній, освѣдомясь о приближеніи русскихъ, рѣшились доказать намъ свою неуступчивость мюридамъ и отстаивали себя вооруженною рукою. Въ происшедшей при этомъ перестрѣлкѣ они лишились одного убитаго и четырехъ раненыхъ; непріятель же потерялъ двухъ убитыхъ и четырнадцать раненыхъ.

Расчеты наивовъ не сбылись. Коль скоро жители рѣшились сами противодѣйствовать своимъ соплеменникамъ—искренно или для формы, это все равно—значить, для нападенія избранъ не тотъ путь, какъ бы слѣдовало. Не отчаяваясь еще въ милости своего пророка, неутомонные наобы рѣшили выбрать другую, болѣе безопасную дорогу въ округъ, и не только не роспускали скопища, но быстро усиливали его новыми толпами, а тѣмъ временемъ пустили слухъ, что расходятся по домамъ. Чиляевъ повѣрилъ этой сказкѣ, такъ какъ на сторонѣ ея былъ здравый смыслъ; вслѣдствіе этого, а болѣе потому, что былъ вполне увѣренъ въ безопасности лѣваго фланга, отозвалъ изъ Каратубани въ Лагодехи 3-й баталіонъ гренадерскаго полка съ четырьмя горными орудіями № 2-го батареи, а въ Закаталы, изъ селенія Кахъ—1-й баталіонъ тифлискаго полка. Вмѣстѣ съ тѣмъ гренадерамъ было приказано—изъ Лагодехъ, вмѣстѣ съ артилерією, слѣдовать на сборный пунктъ въ Закаталы, для отправленія въ штабъ-квартиры. Но не успѣли эти части порадоваться предстоящему отдыху, какъ 26-го октября Чиляевъ узналъ, что то же самое скопище, увеличившись въ своемъ объемѣ до трехъ тысячъ человекъ, готовится пройти въ округъ между селеніемъ Катехи и Мазымъ-чаемъ, и что этотъ путь оно избрало потому, что имѣло все данныя рассчитывать на катехцевъ болѣе, чѣмъ на другихъ одновѣрцевъ, мимо которыхъ

могло бы пробраться на плоскость. И опять закипѣла тревога, и снова вострепнулись наши войска: 27-го числа, поспѣшно были направлены въ с. Бѣлоканы: изъ Лагодехъ 3-й баталіонъ гренадеръ, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей, а изъ Закаталъ, подъ прикрытіемъ одной роты того же полка—два горныхъ орудія. Навстрѣчу скопищу посланы были, однако, лазутчики, чтобы узнать вполнѣ достовѣрно о томъ, какое именно направленіе предпріимуть набобы, такъ какъ между Катехами и Мазымъ-чаемъ выходовъ было много. 28-го октября они явились и донесли, что скопище слѣдуетъ изъ Анкратля по губахской дорогѣ. Поэтому, 3-й баталіонъ гренадеръ, съ полувзводомъ крѣпостныхъ ружей, и двѣ роты четвертаго баталіона тифлискаго полка, съ двумя горными орудіями, въ ночь съ 28-го на 29-е число, были двинуты изъ Бѣлоканъ по губахской дорогѣ, съ приказаніемъ—устроить на пути засады. Ловушка для набобовъ была подготовлена своевременно и, нѣтъ сомнѣнія, не миновали бы они ее ни въ какомъ случаѣ, но одинъ изъ бѣлоканскихъ измѣнниковъ предупредилъ ихъ—и они, повернувъ въ Анкратль, были спасены.

Никто изъ горцевъ, даже самъ Шамиль, крайне огорченный неудачею въ своихъ широкихъ и энергичныхъ замыслахъ, не могъ оспаривать того, что счастье имъ не служить. Пробовать его въ двадцатый разъ было бы безразсудно, тѣмъ болѣе, что утомленіе лезгинъ, стоявшихъ все лѣто въ сборѣ и подъ ружьемъ, дошло до крайняго предѣла. Въ виду этого, великодушный имамъ приказалъ правовѣрнымъ разойтись по домамъ, выразивъ надежду, что клятву свою объ истребленіи русскихъ они приведутъ въ исполненіе впослѣдствіи, при лучшихъ условіяхъ.

Послѣ этого и генераль Чилиевъ передвинулъ изъ мухахскаго ущелья въ с. Гуллокъ 1-й баталіонъ эриванскаго полка—для наблюденія одновременно за этимъ ущельемъ и

за элисейскимъ, 31-го октября отправилъ въ штабъ-квартиры 1-й баталіонъ гренадеръ, двѣ роты 2-го баталіона, полувзводъ крѣпостныхъ ружей и четыре орудія горной № 2-го батареи.

На правомъ флангѣ линіи все затихло и успокоилось до конца года, и только на лѣвомъ, въ концѣ ноября, произошло послѣдній и довольно серьезный взрывъ, который, между прочимъ, отчетливо характеризуетъ какъ искусство горцевъ при вторженіяхъ на линію, такъ равно и тѣ тревоги, которыя они производили.

Въ темную ночь съ 23-го на 24-е ноября, сильная партія анцухцевъ, въ нѣсколько сотъ человекъ, подъ предводительствомъ брата наиба Адалова, Хизри, поднялась отъ рѣки Самуръ на горы, прилегающія къ Кахетіи. Одна часть ея остановилась на соединеніи дорогъ изъ Кварели по ущелью рѣки Дуруджи черезъ гору Зургисъ-Дзвали и по ущелью коріанскому черезъ гору Долисъ-Губи, а другая направилась по горамъ къ Бежаньянамъ. Эта послѣдняя въ аванисъ-хевскомъ ущельи раздѣлилась опять надвое: одна половина осталась на мѣстѣ, а другая, меньшая, спустилась по горѣ Гургаль-Миндорисъ-тави. Но большаго зла, которое можно было ожидать отъ такого скопища, не произошло. Всѣ дѣйствія его ограничились тѣмъ, что оно угнало, къ сожалѣнію, безнаказанно, въ трехъ верстахъ отъ Бежаньянъ, двѣ тысячи барановъ и 14-ть лошадей.

Грузинской Дружины прапорщикъ Херодиновъ, съ восемью милиціонерами, погнался за хищниками и даже завязалъ съ ними перестрѣлку, въ которой ранилъ троихъ; но отбить добычу, по малочисленности людей, не могъ. На развѣтѣ, когда лезгины подвѣлись въ горы, подъ прикрытіе своего резерва, Херодиновъ вернулся обратно съ однимъ раненымъ милиціонеромъ. По пушечнымъ выстрѣламъ изъ бежаньянскаго укрѣпленія, жители ближайшихъ селеній хотя и явились на мѣсто происшествія, но, конечно, съ пустыми руками верну-

лись домой. Участь, подобную Херодинову, испыталъ также и старшина бежаньянскихъ поселенцевъ прапорщикъ Датхо, который, съ калучинцами также настигъ партію въ глубинѣ горъ, но вступать съ нею въ состязаніе не посмѣлъ и обратился восвояси. Въ заключеніе, штабсъ-капитанъ князь Григорій Чавчавадзе, пустившись съ вооруженными жителями селенія Кварели по коріанскому ущелью, даже и вовсе не нагналъ лезгинъ.

Тѣмъ все и кончилось—не только въ этотъ день, но даже и въ этотъ годъ (приложеніе XIV).

Описаннымъ трехлѣтіемъ весьма рельефно опредѣляется сущность нашей войны на лезгинской кордонной линіи, совершенно отличной отъ той, которую мы вели на другихъ пунктахъ Кавказа. Въ то время, какъ въ глубинѣ Дагестана, т. е. въ прикаспійскомъ краѣ, мы поставлены были въ необходимость громить непріятельскія укрѣпленія и тѣмъ уничтожать опасныя для насъ средоточія силъ горцевъ, власти Шамиля и гнѣзда мюридизма, а въ большой и малой Чечнѣ подвигались впередъ расчисткою лѣсовъ, разработкою дорогъ и возведеніемъ крѣпостей, отвоевывая этимъ путемъ у горцевъ шагъ за шагомъ и идя къ своей цѣли медленно, но вѣрно—на лезгинской кордонной линіи всю нашу дѣятельность поглощала оборона края, самозащита, и если намъ приходилось вторгаться въ горы, то или ради этихъ двухъ условій, или для наказанія вѣчно тревожившихъ насъ и обижавшихъ наше мирное населеніе лезгинъ. Велѣдствіе этого, на лезгинской линіи никакихъ вѣселихъ успѣховъ мы имѣть не могли; общества, прилежавшія къ ней, безусловно могли притихнуть, подчиниться намъ и жить съ нами мирно только тогда, когда бы мы рѣшительно торжествовали на всѣхъ остальныхъ мѣстахъ восточнаго Кавказа, велѣдствіе чего успѣхи наши на лезгинской линіи со времени нашей войны съ горцами стояли въ абсолютной зависимости отъ успѣховъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Это мы лучше всего усматривали изъ непрерывно мѣнявшихся къ намъ отношеній лезгинскихъ обществъ: если они видѣли, что общія дѣла правовѣрныхъ плохи, что Шамиль приниженъ и власть его подорвана, или если мы имъ давали какой нибудь внушительный жестокой урокъ—они склонялись и примирались съ нами; но проходило время, впечатлѣнія становились забыты, обстоятельства перемѣнялись—и вчерашніе наши друзья и подданные, связанные клятвенными обѣщаніями, становились еще болѣе злыми нашими врагами. Такое явленіе мы видимъ много разъ и увидѣли его весьма осязательно въ 1849-мъ году на дидойцахъ.

Послѣ погрома 26-го іюня и предложенія, сдѣланнаго дидойскому обществу генераломъ Чилиевымъ по поводу заключенія мирнаго условія съ тушинами, они, наконецъ, надумались и рѣшились подчиниться намъ окончательно на святыхъ и прочныхъ началахъ. Въ концѣ октября мѣсяца явилось въ Кахетію болѣе ста дидойцевъ и среди нихъ пятнадцать самыхъ почетныхъ старшинъ отъ обществъ: Асахо, Актүры (Аквторели), Кемеші, Ретло, Чилиахо, Циберо, Ицирахо, Хүпро, верхняго и нижняго Хитрахо, Шопихо, Цицмахо, Хвалахо, Осхо и Квичула, и принесли намъ совершенную покорность. Она была для насъ драгоцѣннымъ кладомъ, потому что съ той минуты Кахетія могла наслаждаться полнымъ спокойствіемъ, и, конечно, мы ухватились за этотъ кладъ обѣими руками. Чтобы крѣпко склотить это дѣло, начальство наше пригласило ихъ дать клятву въ вѣрности и обязаться по отношенію къ намъ опредѣленными письменными условіями. Какъ ни стѣснительны были эти условія, но дидойцы отъ нихъ не отказались—дали съ полною готовностью и утвердили формальнымъ клятвеннымъ обѣщаніемъ (приложеніе XV). Непосредственно засимъ, приставство надъ ними было возстановлено, и въ эту должность опять вступилъ попрежнему прапорщикъ князь Джордзадзе, бывшій доселѣ, со дня упразд-

ненія дидойскаго пристава, помощникомъ тушино-пшаво-хевсурскаго окружнаго начальника. Наконецъ, дидойцы пренебрегли всякими угрозами Шамиля, объявили ему, что клятвѣ своей не измѣнятъ, прогнали своего наиба Гаджи-Магомета и, въ обезпеченіе своей вѣрности, выдали намъ аманатовъ изъ лучшихъ и почетнѣйшихъ своихъ фамилій. Эти лица проживали въ с. Сабуи, въ приставаской резиденціи и невдали отъ своихъ родныхъ горъ, такъ удобно, сытно и тепло, что любой офицеръ прежней кавказской службы могъ бы имъ позавидовать. Кажись, все было сдѣлано прочно, и лучшаго не оставалось желать. Князь Воронцовъ торжествовалъ успѣхъ нашей военно-политической и дипломатической дѣятельности: пригласилъ къ себѣ въ Тифлисъ избраннѣйшихъ дидойскихъ представителей, наградилъ ихъ халатами и червонцами и получилъ тысячи увѣреній въ вѣчной дружбѣ.

И что же! Эта дружба едва дотянула до осени слѣдующаго года. Къ зимѣ, аманаты, вѣдѣствіе вѣроломства и измѣны дидойцевъ, были разсажены по тюрьмамъ, и всѣ тѣ, которые клялись и подписывали мирныя условія, стояли противъ насъ во всеоружіи, не упустили ни одного удобнаго случая низринуться на Кахетію и были постоянно наготовѣ встрѣтить насъ у себя дома пулею и кинжаломъ. Конечно, мы не замедлили удовлетворить столь негостепримнымъ побужденіямъ нашихъ, такъ сказать, вчерашнихъ пріятелей — и война съ дидойскимъ обществомъ потянулась еще на девять лѣтъ, пока съ трескомъ не рухнули Чечня и Дагестанъ.

Н. А. Волконскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ „ТРЕХЛѢТІЕ НА ЛЕЗГИНСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ“.

I.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ ОБЩЕСТВЪ, ПРИНИМАВШИХЪ ПОСТОЯННОЕ И НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТІЕ ВЪ БОРЬБѢ СЪ НАМИ НА ЛЕЗГИНСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ.

Въ 1847-мъ году приблизительно насчитывалось: въ Ункраклѣ 5 т., въ Тинди или Богозѣ 6 т., въ Дидо 7 т., въ Цунта-Ахвахѣ 5 т., въ Ратлу-Ахвахѣ 4 т., въ Томсодѣ 1 т., въ Анцухѣ 3 т., въ Калучѣ 4 т., въ Джурмутѣ 3 т., въ Тебелѣ 1 т., въ Аяцросо 2 т., въ Гланадѣ (Канадѣ) 1 т., въ Бохвадѣ 1½ т., въ Ухнадѣ ½ т., въ Ташѣ 3 т., въ Келѣ ½ т., въ Тлесерухѣ (Кейсерухѣ) 6 т. Итого, 53½ тысячи.

II.

ИСЧИСЛЕНІЕ ВОЙСКЪ, НАХОДИВШИХСЯ НА ЛЕЗГИНСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ МАЯ 1847-ГО ГОДА.

Въ г. Нухѣ—3-я рота № 6-го, 2-я рота № 7-го грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ и 4 горныхъ орудія (168 чел.); въ укрѣпленіи Кахъ—3-я рота грузинскаго линейнаго № 15-го баталіона и

два легких орудія (207 чел.); въ лагерѣ близъ с. Мухахи—2-й баталіонъ тифлискаго и 4-й мингрельскаго егерскихъ полковъ, два горныхъ орудія (1403 чел.); въ кр. новыхъ Закаталахъ—4-й баталіонъ тифлискаго егерскаго полка, три роты грузинскаго линейнаго № 15-го баталіона, 7-я рота новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона, съ однимъ орудіемъ, четыре легкихъ орудія, часть джаро-лезгинской постоянной милиціи, инженерная команда (1416 чел. безъ артилерійской прислуги четырехъ легкихъ орудій); въ укр. Лагодехахъ—часть Грузинскаго пѣшаго полка (сотня) и нѣсколько человекъ джаро-лезгинской постоянной милиціи и новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона, съ однимъ орудіемъ (152 чел.); въ укр. Каратубани и на вышкахъ и постахъ отъ Каратубани до Бежаньянъ—одно орудіе съ прислугою, 1-го Грузинскаго пѣшаго полка и джаро-лезгинской п. милиціи полусотня (всего 100 чел.); въ укр. Бежаньяны и на вышкахъ и постахъ до с. Кварели—одна рота грузинскаго линейнаго № 16-го баталіона и части: донскаго казачьяго № 23 полка, 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, джаро-лезгинской постоянной милиціи и новозакатальскаго артилерійскаго гарнизона, съ двумя орудіями (251 чел.); въ укр. Кварели, въ с. Кварели и на вышкахъ и постахъ до с. Шильды—одна рота и команда грузинскаго линейнаго № 16-го баталіона, команда 3-го баталіона тифлискаго егерскаго полка, два крѣпостныхъ и два легкихъ орудія, команды 1-го Грузинскаго пѣшаго полка и донскаго казачьяго № 23 полка (493 чел.); въ с. Шильды и на вышкѣ у с. Сабуні—команды отъ грузинскаго линейнаго № 16 баталіона, Грузинскаго пѣшаго полка и донскаго казачьяго № 23 полка (203 чел.); въ с. Сабуні и на сабунскомъ посту—рота 3-го баталіона тифлискаго егерскаго полка и 5 чел. 1-го Грузинскаго пѣшаго полка (190 чел.); въ с. Гремни, на постахъ и на вышкахъ между Сабуні и Натлисъ-Мцемели—рота 3-го баталіона тифлискаго полка и команда 1-го Грузинскаго пѣшаго полка (169 чел.); въ укр. Натлисъ-Мцемели и на вышкѣ Джатвисъ-Хиди у подошвы горы Кодоръ—рота грузинскаго линейнаго № 16 баталіона, два крѣпостныхъ орудія съ прислугою и команды донскаго казачьяго № 23 и 1-го Грузинскаго пѣшаго полковъ (173 чел.); въ укр. Кодоръ, на гиргальскомъ посту и на вышкахъ—одно орудіе и команды отъ 16-го грузинскаго линейнаго баталіона и 1-го Грузинскаго пѣшаго полка (164 чел.); въ с. Шакріани—команды донскаго казачьяго № 23-го и 1-го Грузинскаго пѣшаго полковъ (10 чел.); въ с. Напареуди—рота 3-го баталіона тифлискаго егерскаго и команда 1-го Грузинскаго пѣшаго полковъ (226 чел.); въ с. Артапы—рота 3-го

баталіона тифліскаго егерскаго и команды 1-го Грузинскаго пѣшого и донскаго № 23-го полковъ (226 чел.). А всего на кордонѣ: 24 орудія и 5551 чел.

III *).

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ ШВАРЦУ.

Тифлисъ. 20 апрѣля 1847-го года.

Любезный Григорій Ефимовичъ. Князь Челобаевъ пріѣхалъ сюда и сказалъ, что онъ слышалъ о вашемъ намѣреніи пріѣхать въ Тифлисъ на свиданіе со мною. Спѣшу васъ увѣдомить, что ежели вы точно можете это сдѣлать, для меня будетъ большое удовольствіе; но что я ѣду отсюда въ субботу, 26-го, во Владикавказъ. Ежели ничто вамъ не мѣшаетъ пріѣхать прежде того—тѣмъ лучше; но чтобы это было не иначе, какъ по вашему собственному желанію и совершенно согласно съ вашими занятіями. Остаюсь навсегда *преданный вамъ М. Воронцовъ.*

IV.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ ШВАРЦУ.

Лагерь на Ассѣ. 12 мая 1847 г.

Любезный Григорій Ефимовичъ. Я не могу отпустить вапего адъютанта, не написавъ вамъ нѣсколько строкъ. Генераль Гогель прислалъ его къ намъ, чтобы успокоить насъ насчетъ вашихъ дѣлъ, по я и до пріѣзда его нимаю не беспокоился, потому что я знаю васъ, вашу рѣшимость и дѣятель-

*) Послѣдующій рядъ писемъ князя Воронцова къ генералу Шварцу въ 1847-мъ и потомъ въ 1848-мъ годахъ, имѣющихъ историческое значеніе, составляетъ случайное пріобрѣтеніе автора и въ официальныхъ источникахъ не имѣется.

пость, и знаю храбрыя войска подъ вашимъ начальствомъ. Такъ и вышло. Вы уже прогнали султана, и сильная его попытка послужила только къ его стыду. Они все ошибочно полагаются на общее возстаніе и соединеніе съ ними; это могло бы быть съ плохими войсками или съ плохими начальниками, ибо при большихъ успѣхахъ непріятеля народонаселеніе натурально съ нимъ бы соединилось, но гдѣ начальники и войска дѣлають свое дѣло — большихъ успѣховъ у нихъ быть не можетъ, и къ нимъ пристають не массы, а нѣсколько частныхъ лицъ, которыя говорятъ и за себя, и за другихъ, а пользы имъ принести не могутъ. Буду ожидать дальнѣйшаго извѣстія отъ васъ съ нетерпѣніемъ. Дай Богъ вамъ здоровья и силы на славномъ поприщѣ вашемъ, а въ прочемъ я совершенно спокоенъ. Прощайте, любезный Григорій Ефимовичъ. Остаюсь навсегда преданный вамъ к. М. Воронцовъ.

V.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ ШВАРЦУ.

Лагерь при сел. Ходжалъ-Махи. 27 мая 1847 г.

Любезный Григорій Ефимовичъ! Такъ какъ князь Аргутинскій, можетъ быть, къ вамъ пошлетъ нарочнаго, я не могу не написать вамъ два слова, чтобы благодарить васъ отъ всей души за прекрасныя и успѣшныя ваши дѣйствія. Вы видѣли по прежнему моему письму, что я былъ очень увѣренъ, что этотъ бездѣльникъ Даніельбекъ ни въ чемъ противъ васъ не успѣетъ; но вы умѣли еще сильнѣе его наказать. Дай Богъ вамъ силы и здоровья, чтобы продолжать все то, что вы такъ хорошо умѣете дѣлать. Я увѣренъ, что когда вы успѣете подняться на горы, то всѣ сосѣдственныя общества затрясуются и останутся спокойными по домамъ. Желаю, чтобы болѣзнь *) у васъ исчезла; у насъ она была довольно сильна, но теперь очень уменьшается. Прощайте, любезный Григорій Ефимовичъ, буду ожидать отъ васъ представленій. Дай Богъ вамъ все, что только можете желать. Вѣрьте истинному моему почтенію и привязанности. При семъ письмо къ княгинѣ, которое я прошу

*) Холера, о которой генералъ Шварцъ доносилъ главнокомандующему.

вась отослать къ ней какъ можно скорѣе. Поклонитесь отъ меня Колюбакину и всѣмъ вашимъ храбрымъ сподвижникамъ. *Преданный вамъ М. Воронцовъ.*

VI.

ВОЗЗВАНІЕ ДАНИЕЛЬБЕКА КЪ РУТУЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Мы прибыли на эти мѣста, рѣшивъ исполнить богоугодное дѣло, но отнюдь не изъ честолюбивыхъ видовъ и не для свѣтскаго богатства. Наше настоящее намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы удалить отъ русскихъ тѣхъ мусульманъ, которые еще неполнѣ ими покорены, и направить ихъ на путь истины, дабы они могли исполнить всѣ свои обязанности. А потому, вамъ слѣдуетъ, избѣгая грѣховъ на будущее время, раскаяться въ прошедшемъ и въ томъ, что вы были въ дружбѣ съ русскими, потому что подобное дѣло есть одинъ изъ вашихъ грѣховъ и нарушеніе религіи, Богомъ установленной, и противно тексту корана: „о тѣ, которые увѣрвали! не считайте своими друзьями моихъ и вашихъ враговъ и ведите для Бога священную войну“. Есть еще много текстовъ, подтверждающихъ вышешоказанное. Вы непременно должны повиноваться Богу всевышнему и исполнять всѣ его требованія. Мы долгомъ считаемъ сперва сообщить вамъ то, что есть въ нашей священной книгѣ. Если вы не оставите невѣрныхъ и не возстанете противъ нихъ, то въ такомъ случаѣ мы начнемъ съ вась, истребимъ ваше имущество и разоримъ села ваши. Мы будемъ дѣйствовать сперва не противъ русскихъ, а противъ подобныхъ вамъ обществъ.

Цѣль нашего движенія въ Грузію состояла не въ томъ, чтобы воевать противъ русскихъ, а въ томъ, чтобы отбить стада овецъ нашихъ обществъ—въ чемъ мы совершенно успѣли. 16-го Джамадіа-Ахири мѣсяца, 1263 года гижри (20-го мая 1847 года).

VII.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ ШВАРЦУ.

Лагерь у сел. Гергебиль. 5-го іюня 1847 г.

Любезный Григорій Ефимовичъ. Мы получили вчера вечеромъ отношенія ваши вполне удовлетворительныя, и на совершенной извѣстности края основанныя ваши предположенія. Павелъ Евстафьевичъ обо всемъ вамъ отвѣчаетъ и увѣдомляетъ васъ о томъ, что здѣсь дѣлается. Вчера у насъ была неудачная попытка, но будьте увѣрены, что худыхъ послѣдствій не будетъ: я не оставлю этотъ край, не взявши такія мѣры, которыя обезпечатъ оный и поставятъ въ лучшее противъ прежняго положеніе. Богъ намъ въ этомъ помогаетъ тѣмъ, что около Улучура, близъ Акуши, найденъ хорошій каменный уголь—что дастъ, наконецъ, возможность имѣть осенью и зимою сильный резервъ для обезпеченія казикумухскаго ханства и даргинскаго общества. Вѣрьте истинному моему почтенію и привязанности. *К. М. Воронцовъ.*

VIII.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ ШВАРЦУ.

Лагерь на Турчидагъ. 6 іюля 1847-го года.

Любезный Григорій Ефимовичъ. Позвольте мнѣ отнять у васъ навремя генералъ-маіора Бюрно. Онъ намъ нуженъ здѣсь по инженерной части. Его познанія и опытность могутъ убавить потерю людей и драгоцѣнной крови. Чтобъ не терять понапрасно времени, ему предписываю—съ полученія бумаги отъ г. Коцебу отправиться въ Кумухъ и вамъ о томъ донести.

У насъ, слава Богу, все хорошо, холеры нѣтъ; но около насъ она еще свирѣпствуетъ.

Преданный вамъ к. М. Воронцовъ.

IX.

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ГЕНЕРАЛА КОЦЕБУ КЪ ГЕНЕРАЛУ
ШВАРЦУ.

Лагерь при сел. Салты. 30 іюля.

Милостивый государь Григорій Ефимовичъ.

Письмо вашего превосходительства отъ 20-го числа и имѣлъ честь получить сегодня, равно какъ и журналъ вашъ и донесеніе о дѣлѣ 19-го числа. Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ передать вамъ искреннюю его признательность за всегда благоразумныя и успѣшныя дѣйствія ваши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что его сіятельство разрѣшаетъ вамъ войти съ представленіемъ о болѣе отличившихся.

Письмо джурмутцевъ весьма пріятно; надѣяться надобно, что вы навели такой страхъ на всѣ сосѣдственныя съ вами общества, что въ настоящемъ году нельзя ожидать уже значительныхъ сѣровъ и предпріятій съ той стороны. Меня беспокоитъ нѣсколько расположеніе умовъ въ округѣ, которое и по вашему мнѣнію стремится къ мюридизму—хотя и не въ такой степени, какъ это полагаетъ подполковникъ Колюбакинъ. Истребленіе безпощадное вредныхъ людей необходимо, равно какъ и строгость съ тѣми, которые будутъ пойманы на разбоѣ, и съ тѣми деревнями, на землѣ коихъ разбоѣ случится. Къ этимъ мѣрамъ будетъ удобно приступить съ наступленіемъ осени.

Мы прибыли сюда 26-го числа почти безъ выстрѣла и расположились на позиціи около селенія. Къ несчастью, отрядъ нашъ не довольно силенъ, чтобы окружить ауль со всѣхъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что Шамиль съ большими силами расположенъ по горамъ въ виду нашемъ, но неприступно для атаки. По сей причинѣ нельзя сказать, что мы дѣлаемъ осаду укрѣпленія, но скорѣе укрѣпленной позиціи, изъ которой непріятель имѣетъ всегда свободное отступленіе въ случаѣ неудачи. Обстоятельство это весьма важно. Салты укрѣплены очень хорошо; гарнизонъ сильный и смѣняется подкрѣпленіемъ часто. Въ прошедшую ночь мы начали инженерныя работы; непріятель производилъ сильный ружейный огонь со стѣны, но раненыхъ мы имѣли только двухъ человѣкъ, не смотря, что работы начались въ 80 саженьяхъ отъ стѣны. Вчера же почью непріа-

тель вѣшній сдѣлалъ нападеніе на тылъ нашего лагеря, но былъ встрѣченъ хорошо и прогнанъ; у насъ ранили двухъ рядовыхъ и полковника кн. Гагарина легко въ ногу. 28-го числа прибыли къ намъ два баталіона изъ дагестанскаго отряда; занимая свое мѣсто въ позиціи нашей, полковникъ Евдокимовъ послалъ состоявшаго при баталіонѣ дагестанскаго полка адъютанта г. главнокомандующаго ротмистра Глѣбова, со взводомъ стрѣлковъ, занять оврагъ близь аула, впереди лагеря находящійся; тамъ сидѣло 4-е человека, которые произвели выстрѣлы, изъ коихъ одинъ убилъ Глѣбова. Холеры у насъ нѣтъ и, благодаря Бога, больныхъ весьма мало. Мы зябли, подобно вамъ, на Турчидагѣ, но здѣсь весьма тепло. Желаю вамъ здоровья и счастья, остаюсь искренно преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою Павелъ Коцебу.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ ШВАРЦУ.

Лагерь при Салтахъ. 31 іюля 1847-го года.

Мы получили вчера, любезный Григорій Ефимовичъ, рапорты ваши отъ 20-го, журналъ отъ 22-го и письмо ваше къ Павлу Евстафьевичу. Движенія и успѣхи ваши суть все то, что мы могли желать, и что можетъ намъ способствовать въ теперешнемъ нашемъ положеніи. По разогнанію вами сборовъ, по славному дѣлу полковника Бельгарда и по наказанію джурмутскихъ деревень нельзя ожидать, чтобы Даніельбекъ и сосѣдственное общество пришли сюда на помощь Шамилю и здѣшнихъ мѣсть, и появленіе ваше вновь на Тамалдѣ, когда это окажется нужнымъ, всегда будетъ держать ихъ въ страхѣ о осторожности. Лезгинскому отряду досталось въ семь году поприще трудное; но, по обыкновенію своему, отрядъ вашъ, оживленный вами самими, дѣйствовалъ сильно и славно. Три мѣсяца сряду вы работали, имѣли труды всякаго рода, но изъ всего вышли съ успѣхомъ. Само собою разумѣется, что я жду съ нетерпѣніемъ вашего представленія и буду немедленно стараться исходатайствовать должное награжденіе отъ Государя Императора. Жаль, что внутри джаро-бѣлоканскаго общества стараются усиливать мюридизмъ; но мнѣ вѣжется, что опасенія Колюбакина на этотъ счетъ немножко преувеличены: всѣ жители видѣли совершенную невозможность преодолѣть русскую

силу и власть въ округѣ, и что всякая новая попытка стоитъ имъ только новыхъ жертвъ и раззоряетъ богатые ихъ сады и поля. Строгость однако необходима противъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ противъ насъ или слушаютъ возмутителей; измѣнниковъ надо наказывать на мѣстѣ, а прикосновенныхъ къ нимъ и дѣйствующихъ противъ присяги отсылать въ Россію—хотя большимъ числомъ. Я увѣренъ, что вы всѣ нужныя мѣры возьмете, и что округъ успокоится и останется покорнымъ, особливо ежели милиція джаро-обълоканская будетъ продолжать служить вѣрно и хорошо. Для очищенія дорогъ и другихъ мѣстъ отъ хищниковъ на обоихъ берегахъ Алазани, вы всегда можете, когда нужно, взять казаковъ изъ Кара-Агача.

Возстановивъ совершенно здоровье отряда на Турчидагѣ и получивъ достовѣрныя свѣдѣнія, что въ Салтахъ и окрестностяхъ холера прекратилась, мы, 25-го числа, оставили лагерь нашъ на благодѣтельномъ Турчидагѣ, ночевали въ тотъ день около деревни Кегеръ и 26-го пришли сюда безъ всякаго сопротивленія. Салты сильно укрѣплены, и мы ведемъ теперь правильную инженерную атаку для взятія и истребленія аула; онъ намъ не нуженъ для сохраненія; но истребленіе онаго и деревни Кудали, въ которой мы теперь фуражируемъ, необходимо для возстановленія Цудахара. Мѣстоположеніе здѣсь для насъ выгодно; неприятелю трудно что нибудь противъ насъ сдѣлать. Кибитъ-Магома и Хаджи-Муратъ, терпя многіе недостатки, шатаются по горамъ около насъ, ничего не предпринимая, а Шамиль изъ за Кара-Койсу навѣщаетъ то того, то другаго, и смотритъ на насъ сверху горъ. Ночью, по наставленію Шамиля, небольшія партіи спускаются разными дорогами и нападаютъ на наружныя части лагеря, но всегда отбиты съ урономъ. Вчера противъ лагеря князя Гагарина мы палили пять одеждъ и вооруженій, оставленныхъ отъ убитыхъ, которыхъ они увезли; кромѣ того, духанцики рано поутру на мѣстѣ пожвились добычею. Князь Гагаринъ легко раненъ въ ногу, и всего въ этомъ дѣлѣ раненъ одинъ солдатъ, а другой контуженъ;—мы всѣ сожалѣемъ объ адъютантѣ моемъ Глѣбовѣ, служившемъ за младшаго штабъ-офицера въ дагестанскомъ полку. Онъ пришелъ къ намъ съ полковникомъ Евдокимовымъ изъ Ходжалъ-Махи, пошелъ ставить цѣпь на лагерномъ мѣстѣ, вышелъ неосторожно впередъ, и пулей въ лобъ убитъ на мѣстѣ. Здѣсь мы нашли много хлѣба всякаго рода, и отрядъ ни въ чемъ не нуждается, а изъ Кумуха чрезъ Цудахаръ получаемъ еще все, что намъ нужно. Траншеи уже подходятъ къ аулу, и я надѣюсь, что дня черезъ три начнемъ

дѣйствовать сильно. Впрочемъ, у насъ такъ разочтено, что ежели вѣншній непріятель что нибудь предпринялъ серьезное, то, съ пятью баталіонами, драгунами, четырьмя орудіями и ракетами, мы всегда готовы на него двинуться. Вотъ наше положеніе, любезный Григорій Ефимовичъ! Съ терпѣніемъ и твердостью, при помощи Всевышняго, я надѣюсь, что все кончится хорошо. Между тѣмъ, вы сами видите, сколько вы намъ полезны, удерживая сосѣдственное къ вамъ общество отъ увеличенія сборовъ противъ насъ. Въ Салтахъ два орудія, которыя о сю пору не сдѣлали намъ ни малѣйшаго вреда, а со вчерашняго дня даже не стрѣляютъ. Прощайте, любезный Григорій Ефимовичъ! Остаюсь навсегда *преданный вамъ к. М. Воронцовъ.*

При семъ приказъ о вашихъ дѣйствіяхъ.

X.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ ШВАРЦУ.

Весьма нужное.

Лагерь при Салтахъ. 4-го августа 1847-го года.

Любезный Григорій Ефимовичъ. Начальникъ штаба васъ увѣдомилъ о нашемъ пришествіи сюда и о томъ, что мы здѣсь дѣлаемъ. Главный мой предметъ, какъ и я прежде вамъ писалъ, есть возстановленіе Цудахара. Это нужное дѣло воспріяло свое начало, а даргинская милиція спокойно занимаетъ позади нашего лагеря деревню Кудали, и наша коммуникація съ Цудахаромъ и Кумухомъ идетъ покамѣстъ безопасно. Но намъ очень желательно овладѣть ауломъ Салты. Онъ сильно укрѣпленъ и поддерживается сосѣдствомъ Шамиля и всего, что онъ могъ собрать въ Дагестанѣ. Для избѣжанія большой потери съ нашей стороны, мы ведемъ правильную осаду, и траншеи наши уже дошли до 30 саженой отъ стѣны и башней аула. Непріятель снаружи днемъ не показывается, а ночныя атаки его на разныя части лагеря кончались и должны кончаться въ нашу пользу. Явно, однако, что Шамиль употребитъ всѣ данныя для спасенія деревни Салты. Сборы Кибить-Магомы и другихъ набобовъ не смѣютъ показываться, но стоятъ близко насъ. Даніельбекъ былъ третьяго дня у Шамиля, и ему вѣрно воротиться и

сдѣлать диверсію сильнымъ нападеніемъ на Кумухъ. Вы намъ сильно поможете, любезный Григорій Ефимовичъ, ежели вы найдете возможнымъ, сверхъ распространенія повсюду слуха, что идете на Прибѣ, сдѣлать движеніе къ верховьямъ Кара-Койсу или по дорогѣ на Арчи. Вы лучше знаете, что можно, и что будетъ полезно. У васъ отрядъ невеликъ, и далеко идти нельзя; рисковать этимъ отрядомъ не должно, но вы столько разъ умѣли сдѣлать тамъ полезное и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумное, что я надѣюсь, что вы найдете и теперь возможность сдѣлать сильную диверсію въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій нашихъ здѣсь. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы; о всемъ прочемъ я совершенно спокоенъ. Прибавлю только, что Богъ насъ благословилъ въ томъ, что больше всего меня беспокоило: здоровье отряда въ самомъ удовлетворительномъ состояніи и точно такъ, какъ на Турчидагѣ; о моральномъ духѣ и нечего говорить—все желаютъ драться, хотя бы въ кулаки. Мое дѣло стараться, чтобы драки было меньше, и дойти до результата инженерными работами, артилерійскимъ огнемъ и минами. Прощайте, любезный Григорій Ефимовичъ, остаюсь навсегда

Преданный вамъ к. Воронцовъ.

XI.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ ШВАРЦУ.

Лагерь при Салты. 12-го августа 1847-го года.

Любезный Григорій Ефимовичъ. Вчера получено письмо ваше къ начальнику штаба, и я читалъ съ большимъ удовольствіемъ прекрасныя ваши распоряженія, которыя все клонятся къ тому, чтобы непріятель не могъ изъ западныхъ обществъ посылать подкрѣпленія сюда къ Шамилю, чтобы дѣйствовать противъ насъ. Вы такъ хорошо знаете и мѣстность, и людей около васъ, что мнѣ только остается быть увѣреннымъ и вамъ сказать, что все, что вы дѣлаете, и что будете дѣлать—хорошо и полезно; я же всегда буду давать вамъ знать, что у насъ дѣлается, и какъ у насъ подвигается. Непріятельскіе сборы около насъ весьма мало намъ мѣшаютъ; вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, что Шамиль моритъ

голодомъ несчастныхъ горцевъ со всѣхъ обществъ и не только ничего не смѣетъ предпринять противъ насъ серьезнаго, но мы ихъ гонимъ всякій разъ, когда можно дойти до нихъ. Павелъ Евстафьевичъ вамъ сообщить о двухъ почтовыхъ экспедиціяхъ, которыя мы сдѣлали въ три дня: первую на лагерь Кибитъ-Магомы, который совершенно разогнали съ большою для нихъ потерею, а другую на противоположную гору по правому берегу салтынской рѣчки, и въ обоихъ случаяхъ мы гнали ихъ до самаго Кара-Койсу. Шамиль, который стоитъ къ Мурадъ и Кородъ съ малымъ сборомъ, въ обоихъ случаяхъ имѣлъ только удовольствіе видѣть, какъ его люди бѣгутъ безъ возможности имъ помочь.

Пріѣхавшій сюда третьяго дня генераль Бюрно сказалъ мнѣ, что нашъ рыжій мулла Шабанъ въ Закаталахъ арестованъ. Неужто и онъ былъ найденъ въ измѣнѣ? Это было бы очень жалко. Прощайте, любезный Григорій Ефимовичъ. Будьте сами здоровы, и все у васъ пойдетъ хорошо. Остаюсь навсегда

Преданный вамъ к. М. Воронцовъ.

XII.

ПЕРЕЧЕНЬ НАИБОЛѢЕ ВЫДАЮЩИХСЯ НАПАДЕНІЙ ГОРЦЕВЪ И СХВАТОКЪ СЪ НИМИ НАШИХЪ ВОЙСКЪ НА КОРДОНѢ И НА ПЛОСКОСТИ ВЪ 1847-мъ году.

13-го мая партія лезгинъ въ пятьсотъ человекъ, опрокинувъ (впрочемъ, безъ потери) нашъ карауль въ кварельскомъ ущельи, проникла на плоскость, но узнавъ, что войска извѣщены и готовы ее встрѣтить, 14-го числа возвратилась въ горы. Въ тотъ же день другая партія напала на команду тифлисцевъ, высланную изъ Закаталъ, въ числѣ 15 человекъ, въ ущелье около с. Мацехи, для фуражировки, и убила одного рядоваго; остальные отступили безъ преслѣдованія.

27-го іюня, при слѣдованіи, съ летучею почтою, четырехъ казаковъ и одного всадника съ муганлинскаго поста въ Закаталы, пятьдесятъ человекъ хищниковъ выскочили изъ лѣса и атаковали команду. Одинъ казакъ былъ раненъ; остальные отдѣлались благополучно. Что помѣшало лезгинамъ истребить всю команду—неизвѣстно.

Въ ночь на 15-е іюля, караулъ въ кварельскомъ ущельи, при обходѣ, замѣтилъ слѣды хищниковъ, и зная, что послѣдніе должны обратно проходить черезъ урочище Сахрависцеви, засѣлъ въ крѣпкомъ мѣстѣ. Но лезгины, замедливъ, не прошли еще этого урочища и показались только съ восходомъ солнца, безпечно спускаясь на линію. Милиціонеры, допустивъ ихъ на вѣрный ружейный выстрѣлъ, сдѣлали два залпа и разогнали партію, которая, отстрѣливаясь, ранила одного милиціонера.

31-го іюля, партія хищниковъ произвела нападеніе въ лѣсу на черводарскій транспортъ, возвращавшійся изъ Бѣлоканы въ Тагодехи. Одна часть этой партіи напала на прикрытіе, но была съ урономъ отражена и опрокинута, а другая бросилась къ лошадямъ, многихъ изъ нихъ перебила и нѣсколько угнала въ лѣсъ. У насъ убитъ одинъ милиціонеръ, раненъ также одинъ и, кромѣ того, вахтеръ. Непріятель потерялъ одного убитого и пять раненыхъ.

Другіе же семьдесятъ человекъ напали на десять милиціонеровъ 1-го Грузинскаго пѣшого полка, слѣдовавшихъ отъ Катехъ въ Бѣлоканы. Милиціонеры вступили въ перестрѣлку. Конная команда того же полка, проѣзжавшая изъ Закаталь, услышавъ выстрѣлы, поспѣшила на мѣсто боя и, вмѣстѣ съ пѣшими, дружно ударила на непріятели и опрокинула его въ лѣсъ, отбивъ у него нѣсколько вещей.

2-го августа партія хищниковъ сдѣлала нападеніе на команду милиціонеровъ, слѣдовавшую изъ Бѣлоканы на урочище Цертель-Тахту, по отражена съ урономъ, оставивъ на мѣстѣ боя часть своихъ вещей.

6-го августа, на засаду, выставленную изъ форта Бѣлоканскаго на губахскую дорогу, наткнулась партія хищниковъ. Милиціонеры встрѣтили ее залпомъ, обративъ въ бѣгство, и захватили одного въ плѣнъ.

10-го августа изъ Закаталь послана была команда тифлискаго полка въ числѣ 36 человекъ, подъ начальствомъ прапорщика Шимановскаго, для осмотра лѣсовъ по муганлинской дорогѣ. Въ одной изъ лѣсныхъ труппъ она встрѣтила партію до сорока человекъ. Хищники сначала хотѣли уйти по оврагу, но, достигнутые командою, завели перестрѣлку. Бой не могъ быть равенъ потому, что половина команды состояла изъ лучшихъ стрѣлковъ полка и введена въ дѣло хладнокровно и искусно. Лезгины думали только о спасеніи; вслѣдствіе этого, большая часть ихъ уничтожена въ оврагѣ меткими выстрѣлами. Пять человекъ хотѣли бѣжать, но два изъ нихъ положены на мѣстѣ, а три принуждены были сдаться. У тифлисцевъ убитъ одинъ рядовой.

8-го сентября, изъ форта бѣлоканскаго была выслана, для наблюденія за дорогою со стороны г. Губаха, команда 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, въ числѣ 40 человекъ, подъ начальствомъ прапорщика Георгія Мамука-швили. На другой день съ разсвѣтомъ она замѣтила непріятельскую партію въ шестьдесятъ человекъ, спускавшуюся въ Бѣлоканы. Мамука-швили, приказавъ милиціонерамъ залечь за срубленные деревья, бывшія близъ дороги, подпустилъ горцевъ на полуружейный выстрѣлъ, сдѣлалъ залпъ изъ ружей и, не смотря на превосходство противника, бросился на него въ шашки. Горцы, изумленные неожиданнымъ нападеніемъ, обратились въ бѣгство; но скоро, ободренные своимъ начальникомъ, остановились и вступили въ перестрѣлку. Черезъ полчаса, замѣтивъ, что они выносятъ своихъ раненыхъ, прапорщикъ Мамука-швили атаковалъ ихъ холоднымъ оружіемъ; горцы, съ своей стороны, ударили въ шашки. Но въ это мгновеніе Мамука-швили, раненый пулею въ бокъ навзлетъ, упалъ. Тогда урядникъ Басиль Тевторадзе, не теряя присутствія духа и ободривъ милиціонеровъ, мужественно встрѣтилъ непріятели и, послѣ нѣсколькихъ минутъ рукопашной схватки, опрокинулъ его совершенно, преслѣдовалъ и нанесъ сильный уронъ. Кромѣ Мамуки-швили, ранено три милиціонера; у непріятели ранено значительное число, четыре тѣла и много оружія онъ оставилъ на мѣстѣ.

13-го сентября, изъ отряда, стоявшаго на урочищѣ Месельдегерѣ, была отправлена почта, подъ прикрытіемъ восемнадцати человекъ волонтеровъ. Въ двухъ верстахъ отъ селенія Катехъ они встрѣчены были выстрѣлами хищниковъ, засѣвшихъ въ лѣсу по обѣимъ сторонамъ дороги. Адъютантъ лезгинской линіи поручикъ Гамалей, слѣдовавшій при командѣ въ Закаталы, завелъ перестрѣлку. Другая команда, посланная прежде и независимо отъ волонтеровъ, для открытія непріятели, услышавъ выстрѣлы, прибыла на помощь. Видя это, волонтеры тотчасъ бросились въ шашки, и непріятель, атакованный съ двухъ сторонъ, бѣжалъ въ лѣсъ. У насъ убито три волонтера: подпоручикъ Михайль Белисіановъ, прапорщикъ Григорій Андрониковъ и 14-го класса Василій Цискаровъ; раненъ канцеляристъ Алексѣевъ.

17-го сентября партія лезгинъ напала на хутора, находившіеся близъ алванскаго поля, недалеко отъ селенія Лялисури. Нѣсколько человекъ жителей было убито, нѣсколько уведено въ плѣнъ, но подоспѣвшія на помощь войска отбили плѣнниковъ и тѣла убитыхъ, а партію разсѣяли съ урономъ.

25-го сентября партія въ сто человекъ, подойдя къ укрѣпле-

нію на горѣ Кодорѣ, завела съ гарнизономъ перестрѣлку; въ то же время другая партія начала спускаться внизъ—въротно, для нападенія на части войскъ, заготовлявшія дрова для кодорскаго укрѣпленія. Покушеніе непріятели было уничтожено, и онъ принужденъ былъ удалиться въ дидойское общество.

20-го октября горный караулъ милиціонеровъ, изъ десяти человекъ, находившійся въ верховьяхъ кварельскаго ущелья, замѣтилъ значительную партію, спускавшуюся въ Кахетію. Расположившись въ засадѣ и подпустивъ ее на выстрѣль, милиціонеры открыли огонь и ранили четырехъ человекъ; остальные обратились въ бѣгство, увнеся своихъ раненыхъ. У милиціонеровъ тяжело раненъ тушинъ Хведегули Мешвели-швили.

22-го октября, изъ кодорскаго укрѣпленія посланы были въ обходъ шесть человекъ милиціонеровъ. Проходи мимо ущелья Сасантлись-хеви, они замѣтили разведенный огонь и возлѣ него до десяти лезгинъ. Сдѣлавъ по нимъ залпъ, команда бросилась въ шашки. Горцы бѣжали, оставя на мѣстѣ одного убитаго, восемь ружей, пистолетъ и девять буроковъ. Темнота ночи не позволила ихъ преслѣдовать.

12-го ноября, партія кистинъ отбила и угнала 70 лошадей, находившихся въ панкійскомъ ущельи. Команда, преслѣдовавшая хищниковъ, по случаю большаго снѣга, въ горы проникнуть не могла.

Достаточно этихъ немногихъ случаевъ, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о родѣ и духѣ борьбы съ горцами на линіи и на плоскости.

ХІІІ.

ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНѢЙШИХЪ НАПАДЕНІЙ И СХВАТОКЪ НА ЛЕЗГИНСКОЙ
ЛИНІИ ВЪ 1848-мъ ГОДУ.

20-го апрѣля явилась небольшая партія горцевъ въ двухъ верстахъ отъ селенія Напареула, напала на восемь человекъ вооруженныхъ грузинъ, пасшихъ скотъ, и четырехъ изъ нихъ увлекла въ горы. За наступившею темнотою, поиски оказались безслѣдны.

4-го мая, въ четыре часа пополудни, почти на томъ же мѣстѣ,

близь Напареула, опять были взяты въ плѣнъ два пастуха. Жители селенія и милиціонеры хотя нагнали на другой день въ горахъ хищническую партію, виновную въ этомъ разбоѣ, но та, видя ихъ приближеніе, бѣжала.

29-го мая, партія, имѣвшая цѣлью напасть на сел. Гавазы, убила на дорогѣ около урочища Аванисъ-хеви одного изъ грузинъ, и этимъ открыла себя и свое намѣреніе, которое было предупреждено.

На ширакской степи, 10 іюля, партія хищниковъ напала на табунъ, пасшійся близь хутора, принадлежащаго грузинскому линейному № 15-го баталіону, изрубила двухъ солдатъ и угнала часть скота.

Съ 10-го на 11-е августа партія хищниковъ напала на тушинское селеніе. Отхитвали, увлекла троихъ жителей въ плѣнъ и разграбила часть имущества. Юзбашъ панкійскаго поста дворянинъ Дмитрій Юталовъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, съ 25-ю караульными немедленно пошелъ въ погоню за лезгинами, догнавъ ихъ и, послѣ жаркой перестрѣлки, разсѣявъ, отбилъ плѣнныхъ и отобралъ награбленное имущество.

15-го августа хищники прорвались въ горную Хевсурію и близь селенія Гуро убили одного пшавца. Хевсуры немедленно преслѣдовали ихъ, нагнали и вступили въ бой, причемъ потеряли одного раненаго. Темнота ночи дала возможность непріятелю спастись бѣгствомъ.

5-го сентября небольшая кистинская партія приблизилась къ тушинскому селенію Чонтіо. Завѣдывающій накадуртскимъ постомъ Нико Георги-швили, замѣтивъ ее, сдѣлалъ засаду, встрѣтилъ выстрѣлами и обратилъ въ бѣгство. При этомъ убитъ кистинскій бекладъ Нуръ Махмадъ-швили.

20-го сентября, высланные изъ кодорскаго укрѣпленія для обхода по горамъ 13 милиціонеровъ, открывъ на горѣ Хубіари хищническую партію, сдѣлали засаду и, подпустивъ ее на ружейный выстрѣлъ, дали залпъ. Одинъ изъ хищниковъ былъ раненъ, а остальные обратились въ бѣгство, бросивъ на мѣстѣ лошадь, осла, двѣ бурки и много другихъ вещей.

Сотникъ доискаго № 28-го полка Гвилорыбовъ, находясь съ 20-ю казаками на бахталъскомъ полупусту, послалъ, того же числа двоихъ изъ нихъ осмотрѣть окрестность—для корма лошадей. Едва они подъѣхали къ лѣсу, какъ оттуда послышался залпъ, которымъ былъ раненъ одинъ казакъ; затѣмъ, выскочила партія хищниковъ и изрубила другаго казака. Гвилорыбовъ бросился съ поста, съ осталь-

ною командою, на выстрѣлы, но когда прискакали на мѣсто, то горцевъ уже не засталъ.

XIV.

ПЕРЕЧЕНЬ НѢКОТОРЫХЪ НАПАДЕНІЙ И СХВАТОКЪ НА ЛЕЗГИНСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ ВЪ 1849-мъ году.

9-го апрѣля, на ширакской степи, шайка хищниковъ угнала скотину, принадлежавшую одному изъ жителей сигналахскаго уѣзда. Въ глухую полночь она тайкомъ пробиралась внизъ по Алазани и въ восьми верстахъ выше муганлинскаго поста, у брода черезъ рѣку, наѣхала на казачій секретъ. Послѣ перестрѣлки, добыча была отбита, и лезгины бѣжали въ лѣсъ.

26-го мая, вслѣдствіе извѣстія о томъ, что партія хищниковъ появилась возлѣ с. Бѣлоканы, начальникъ партизанской команды, прибывъ туда изъ Лагодехъ, раздѣлилъ свою команду на двѣ части и отправилъ ее для розысковъ. Въ полночь трое изъ хищниковъ явились въ Бѣлоканы и вошли въ домъ одного жителя, бывшаго въ отсутствіи. Партизаны ихъ выслѣдили, окружили домъ и требовали добровольной сдачи, но лезгины выскочили съ обнаженными кинжалами, рѣшивъ проложить себѣ дорогу силою. Въ происшедшей при этомъ схваткѣ одинъ изъ нихъ былъ убитъ и одинъ партизанъ раненъ; другіе успѣли скрыться.

На другой день, командиръ первой сотни 1-го Грузинскаго пѣшаго полка, расположенной въ бѣлоканскомъ фортѣ, освѣдомясь, что въ Бѣлоканы намѣрена явиться непріятельская партія, поставилъ вблизи этого селенія засаду изъ двадцати человекъ. Свѣдѣніе оправдалось: когда совѣсъ стемнѣло, появились лезгины, но были встрѣчены ружейнымъ огнемъ милиціонеровъ. Потерявъ одного убитого и опасаясь прибытія изъ форта подкрѣпленія, они оставили тѣло своего товарища и бѣжали въ горы.

3-го іюня партія въ сто человекъ произвела нападеніе педдали отъ р. Мазымъ-чай на офицеровъ постоянной джаро лезгинской милиціи подпоручика Махмудъ-Али-Махма-оглы и прапорщика Цебель-хана, ѣхавшихъ въ Закаталы въ сопровожденіи пяти милиціонеровъ. Цебель-ханъ убитъ, а Махма-оглы раненъ нѣсколькими пулями.

Въ три часа пополночи на 20-е іюля, разъѣздъ, въ числѣ трехъ казаковъ донскаго № 28-го полка, былъ атакованъ партиєю лезгинъ въ пятьдесятъ человекъ, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ муганлинскаго поста, въ крутомъ оврагѣ. Одинъ изъ казаковъ былъ убитъ, а остальные спаслись на постъ и дали знать о происшествіи. Поиски высланной команды оказались безуспѣшными.

Въ ночь съ 30-го на 31-е іюля партія горцевъ захватила на горѣ малый Салаватъ коннаго пукера, отправленнаго изъ рабочаго отряда съ бумагами въ г. Нуху, и ограбила его; затѣмъ, на другой день она отбила транспортъ съ мукою, слѣдовавшій изъ с. Шинъ къ оборонительному реду, мѣшки съ мукою разрѣзала и бросила на дорогѣ, убила провіантскаго служителя, двухъ рядовыхъ ранила и угнала въ горы пятнадцать лошадей. По разслѣдованію оказалось, что партія имѣла свой притонъ въ хуторахъ на г. Салаватъ, гдѣ укрывался, когда встрѣчалась надобность, и извѣстный наѣздникъ Богарчи. Хуторяне понесли достойное наказаніе.

Енисельскій участковый засѣдатель, узнавъ, что партія хищниковъ должна возвращаться изъ жаро-бѣлоканскаго округа въ горы черезъ мухахское ущелье, 10-го сентября далъ знать о томъ командиру 1-го баталіона эриванскаго полка, расположеннаго близъ с. Чардахлы. Вслѣдствіе этого, въ ту же ночь на двухъ тропинкахъ были устроены засады. На одну изъ нихъ направились двадцать человекъ хищниковъ, встрѣченные ружейнымъ огнемъ. Потерявъ трехъ человекъ убитыми и двухъ ранеными, лезгины разбѣжались.

Тушино-пшаво-хевсурскій окружной начальникъ, желая наказать кистинъ за ихъ нападенія и грабежи, собралъ 450 тушинъ и 8-го сентября отправился къ сел. Хушеты. Здѣсь тушины захватили 1500 барановъ и 79 штукъ крупнаго скота. Хушетцы пытались отбить добычу, но подполковникъ князь Челобаевъ, раздѣливъ свою партію на двѣ части, съ одною частью отправилъ весь скотъ назадъ, а съ другою завязалъ съ непріателемъ дѣло, въ которомъ хушетцы потеряли значительное число убитыхъ и раненыхъ и оставили на мѣстѣ восемь тѣлъ. У тушинъ ранено трое.

21-го сентября посланы были изъ Лагодехъ подводы, съ прикрытіемъ въ 44 человека 2-го баталіона тифлискаго полка, подъ начальствомъ прапорщика Волоцкаго, для перевозки сѣна, накопленнаго близъ Каратубани, на лагодехской просѣлкѣ. Когда обозъ возвращался назадъ и былъ приостановленъ на уголь-техильскомъ перевалѣ, Волоцкой отъѣхалъ шаговъ сорокъ въ сторону къ опушкѣ лѣса и неожиданно получилъ съзади нѣсколько ранъ пашками и

кинжалами. Прибывшіе на возгласъ его нижніе чины не нашли никого.

13-го октября получено было извѣстіе, что партія горцевъ на мѣрена пробраться на линію черезъ гору Доорджабалъ. Тотчасъ послана была въ засаду часть партизанской команды, которая, увидѣвъ передовую шайку этой партіи въ пятнадцать человѣкъ, сдѣлала по ней залпъ и бросилась въ шашки. Лезгины оставили на мѣстѣ два тѣла; партія же не успѣла спуститься на плоскость.

Того же числа изъ кипручинской башни отправленъ былъ въ лазаретъ больной милиціонеръ съ конвоемъ изъ десяти человѣкъ Грузинской Дружины. Команда эта была встрѣчена на дорогѣ къ с. Артаны партіею горцевъ, которые сдѣлали по ней залпъ. Милиціонеры завязали перестрѣлку, продолжавшуюся до тѣхъ поръ, пока подоспѣло къ нимъ подкрѣпленіе изъ башни на г. Апдаразани. Тогда только хищники удалились и скрылись въ лѣсу. Въ командѣ раненъ одинъ милиціонеръ.

XV.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, ДАННОЕ ДИДОЙЦАМИ ВЪ 1849-МЪ ГОДУ.

Мы нижеподписавшіеся, дидойскихъ обществъ старшины, уполномоченные отъ всѣхъ вообще жителей селеній: Асахо, Актурь, Кемени, Ретло, Чилиахо, Циберо, Ицирахо, верхнее Хитрахо, нижнее Хитрахо, Хупро, Шопихо, Квичула, Цицмахо, Хвалахо и Осхо, принося покорность русскому правительству и желая при этомъ имѣть свободный входъ въ Кахетію съ своими семействами, скотомъ и имуществомъ, вести торговлю съ жителями Кахетіи и проживать у нихъ въ услуженіи, обязуется подъ присягою исполнять слѣдующее:

1) Для обезпеченія верхнихъ селеній Кахетіи отъ вторженія значительныхъ силъ непріязненныхъ горцевъ со стороны Дидо и Пляневи, обѣщаемся отнынѣ впредь сообщать начальнику лѣваго фланга лезгинской кордонной линіи и въ Тушетію въ замыслахъ, предпріятіяхъ, сборищахъ враждебныхъ горцевъ заблаговременно, и именно: первый разъ тогда, какъ скоро только горцы собираются будутъ гдѣ либо; другой разъ тогда, когда они гдѣ нибудь соберут-

ся въ Дидо, а третій разъ тогда, когда собравшееся скопище предпрійметъ свое движеніе, съ поясненіемъ—по какой дорогѣ и на какой именно пунктъ оно направляется.

2) Малыхъ хищническихъ партій, откуда бы онѣ ни были, чрезъ свои селенія ни въ Кахетіи, ни изъ Кахетіи не пропускать, а своихъ разбойниковъ удерживать и не выпускать изъ селеній, подъ строжайшею отвѣтственностью за невыполненіе сего. Если же бы хищники прокрались мимо нашихъ селеній въ Кахетію, и мы о томъ освѣдомились, должны въ тотъ же часъ дать знать ближайшему кордонному начальнику, смотря потому, куда хищники направились.

3) Въ случаѣ неисполненія нами обѣщаннаго, сказаннаго въ предшествовавшихъ двухъ пунктахъ, вольно будетъ русскому правительству нашихъ людей, по какому бы то ни было случаю находящихся и могущихъ находиться въ Кахетіи, арестовать и сослать въ Россію, а все ихъ имущество обратить въ пользу казны.

4) Изъ селеній нашихъ жители обязаны прибывать въ Кахетію по кордонной дорогѣ черезъ укрѣпленіе Натлись-Мцемели безъ оружія, предъявлять свои товары, скотъ и прочее имущество своему приставу, получать отъ него билеты на право торговли и на жительство въ Кахетіи; при уходѣ же изъ Кахетіи въ горы—возвращать эти билеты ему же для уничтоженія.

5) Какъ мы, такъ и всѣ односельцы наши, должны исполнять въ точности всѣ требованія пристава нашего, котораго, если правительство почтетъ нужнымъ, чтобы онъ находился въ обществѣ нашихъ селеній, мы обязаны принять съ должнымъ уваженіемъ и за безопасность его особы отвѣтствовать. Для вѣдншаго же исполненія всѣхъ требованій начальства, мы должны имѣть своего наиба, назначеннаго русскимъ начальствомъ, безъ вѣдома какъ и безъ полученія отъ него печатнаго билета, мы не должны приходить въ Кахетію.

6) Если бы правительство потребовало отъ нашихъ селеній аманатовъ, то мы должны выдать ихъ изъ лучшихъ семействъ, которыя потребуются; но они должны быть содержимы не на нашъ счетъ.

7) Всѣхъ бѣглецовъ изъ русскихъ подданныхъ, могущихъ искать въ нашихъ селеніяхъ убѣжища, мы должны выдавать русскому правительству и получать за то закономъ положенную плату.

8) Мы не должны противиться разработкѣ дорогъ черезъ земли, селеніямъ нашимъ принадлежащія, но напротивъ того, способствовать къ тому русскому правительству зависящими отъ насъ

мѣрами, не допуская сосѣднихъ жителей силою оружія причинить какой либо вредъ разрабатывающимъ дороги войскамъ.

9) Мы не можемъ участвовать нигдѣ и ни въ какихъ враждебныхъ предпріятіяхъ горцевъ противъ русскихъ войскъ съ оружіемъ въ рукахъ, хотя бы вызываемы были для сего наибами Шамиля; напротивъ же того, мы охотно обязуемся совмѣстно съ русскими войсками сражаться противъ непріязненныхъ имъ горцевъ, чего если не исполнимъ, то подвергаемся тому наказанію, которое опредѣляемъ для себя третьимъ пунктомъ сего обязательства;—и

10) Прибывающіе въ Кахетію для торговли и на временное жительство изъ нашихъ селеній люди будутъ вести себя честно и добросовѣстно, не заниматься воровствомъ и другими предосудительными поступками, не заводить ссоръ и дракъ съ жителями Кахетіи; возникшія же жалобы по какимъ либо причинамъ приносить на судъ и удовлетвореніе своему приставу, который, если не окажетъ надлежащаго удовлетворенія, то должны обращаться съ ними къ начальнику лѣваго фланга кордонной линіи. Если же кто либо изъ дидойцевъ нашихъ селеній, пустившись на воровство или на какой нибудь другой законопротивный поступокъ, будетъ при этомъ раненъ или даже убитъ, то въ такомъ случаѣ начальство не обязано дѣлать никакихъ розысковъ и преслѣдованій.

Что все прописанное въ предшествовавшихъ десяти пунктахъ этого нашего обязательства будетъ отнынѣ впредь навсегда свято и ненарушимо исполнено жителями селеній (*такихъ-то*), мы, какъ уполномоченные отъ общества сихъ селеній, клятвою на коранѣ заключаемъ и своеручно подписью при свидѣтеляхъ утверждаемъ.

Слѣдуетъ рядъ подписей.

мы не допускаем борьбы между двумя силами, а
мы не допускаем борьбы между двумя силами.

1) Мы не допускаем борьбы между двумя силами, а
мы не допускаем борьбы между двумя силами. Мы не допускаем
борьбы между двумя силами, а мы не допускаем борьбы между
двумя силами. Мы не допускаем борьбы между двумя силами,
а мы не допускаем борьбы между двумя силами.

2) Мы не допускаем борьбы между двумя силами, а
мы не допускаем борьбы между двумя силами. Мы не допускаем
борьбы между двумя силами, а мы не допускаем борьбы между
двумя силами. Мы не допускаем борьбы между двумя силами,
а мы не допускаем борьбы между двумя силами.

3) Мы не допускаем борьбы между двумя силами, а
мы не допускаем борьбы между двумя силами. Мы не допускаем
борьбы между двумя силами, а мы не допускаем борьбы между
двумя силами. Мы не допускаем борьбы между двумя силами,
а мы не допускаем борьбы между двумя силами.

Мы не допускаем борьбы между двумя силами.

ЛѢВЫЙ ФЛАНГЪ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ ВЪ 1848 ГОДУ.

I.

ЛѢВЫЙ флангъ кавказской линіи. Составныя его части: терская и сунженская линіи и кумыкское владѣніе. Самое выдающееся событіе на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи въ 1848-мъ году. Когда и какъ начали готовиться къ нему. Составъ чеченскаго отряда въ зимнюю экспедицію 1847—48-го года. Лагерь на Гойтѣ. Первый періодъ зимней экспедиціи. Опять на Гойтѣ. Второй періодъ зимней экспедиціи 1847—48-го г. Сабдулла ссорится съ курпичами. Торжественная влятва намба. Удачная диверсія. Сабдулла вымещаетъ свое разочарованіе на кабардинцахъ. Табельный день на берегахъ Гойты. Истребленіе лѣсовъ между Гойтою и Урусъ-Мартаномъ. Князь Барятинскій въ аулѣ Багочарой. Движеніе полковника Форстена вверхъ по правому берегу Гойты. Конецъ второго періода. Военныя провѣществія на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи въ концѣ 1847-го года.

Вся система кордоновъ, укрѣпленій, постовъ и блокауззовъ, обращенныхъ къ большой и малой Чечнѣ, составляла въ предпоследній періодъ войны, т. е. въ сороковыхъ годахъ, лѣвый флангъ кавказской линіи. Началомъ послѣдняго періода, началомъ конца можно считать отчаянную рекогносцировку князя Барятинскаго въ зимнюю экспедицію 1852-го года, рекогносцировку, приподнявшую завѣсу, за которой такъ долго скрывались отъ насъ таинственныя трущобы большой Чечни.

Въ составъ лѣваго фланга кавказской линіи входили: терская и сунженская линіи и кумыкское владѣніе. Терская линія начинается отъ Екатеринограда, отъ того мѣста, гдѣ рѣка Терекъ, дѣлая крутой поворотъ съ юга на во-

стокъ, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Малку. Воды этихъ двухъ рѣкъ, даже и послѣ окончательнаго сліянія, продолжаютъ сохранять на нѣкоторомъ протяженіи каждая свой цвѣтъ: одна голубоватый, другая желтоватый. Терская линія, составляя сѣверную границу лѣваго фланга кавказской линіи, оканчивается устьемъ рѣки, слѣдовательно упирается восточнымъ краемъ въ Каспійское море.

Въ Екатериноградѣ, крайнемъ западномъ пунктѣ терской линіи, бывшемъ когда-то столицей линейнаго казачьяго войска, до сихъ поръ еще сохранилась воздвигнутая въ честь основательницы его, Императрицы Екатерины II, триумфальная арка, обратившаяся въ недвижимую собственность летучихъ мышей, подобно развалинамъ прирейнскихъ замковъ.

Къ востоку отъ Екатеринограда тянутся длинной вереницей по всему лѣвому берегу Терека до самаго Кизляра богатая станицы моздокскаго, гребенскаго и кизлярскаго казачьихъ полковъ, съ двумя городами: Моздокомъ на западѣ, съ двадцати-двухтысячнымъ населеніемъ, состоящимъ изъ армянъ, осетинъ крещеныхъ и некрещеныхъ, русскихъ и ногайцевъ, и Кизляромъ на востокѣ, славящимся своими виноградными садами, превосходными винами и злокачественными лихорадками, производящими такія опустошенія въ рядахъ его населенія, какъ будто оно каждое лѣто принимаетъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Между станицами, на близкомъ другъ отъ друга разстояніи, въ небольшихъ турлучныхъ оградахъ, содержатся казачьи посты; на вышкахъ, надъ каждымъ постомъ, устройствомъ своимъ напоминающихъ не то скворечницу, не то голубятню, стоятъ часовые, глаза которыхъ почти не отрываются отъ Терека. Ночью посты высылаютъ отъ себя къ самому берегу рѣки, преимущественно къ бродамъ, а иногда и на противоположный берегъ, залогомъ или секретомъ, въ которыхъ человекъ своею неподвижностью уподобляется кошкѣ, стерегущей мышъ.

ЛѢВЫЙ ФЛАНГЪ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ.

Масштабъ

въ англійскомъ дюймѣ 20 верстѣ

20 40 60 80

На правомъ берегу Терека заслуживаютъ упоминанія: противъ Червленной станицы Новый-Юрть, ауль, основанный кабардинскими выходцами болѣе ста лѣтъ тому назадъ, съ населеніемъ смѣшаннымъ, состоящимъ изъ кабардинцевъ, чеченцевъ и кумыковъ; противъ Щедринской станицы— Брагуны, на лѣвомъ берегу Сунжи, тамъ, гдѣ эта рѣка очень близко подходитъ къ Тереку, образуя съ нимъ острый уголъ; наконецъ, Амир-аджи-юрть— между Щедринской и Шелковой; здѣсь черезъ Терекъ перекинутъ мостъ съ тетъ-де-пономъ впереди. Другой мостъ черезъ Терекъ, николаевскій, подлѣ станицы того же имени, западнѣе Червленной, находится на прямомъ сообщеніи терской линіи съ Чечней.

Терская линія замыкаетъ собою фронтъ лѣваго фланга кавказской линіи. Ее можно сравнить съ третьей шеренгой стариннаго строя.

Сунжа на сѣверѣ лѣваго фланга кавказской линіи составляетъ вторую оборонительную линію, обращенную фронтомъ къ большой и малой Чечнѣ: къ большой отъ устья Гудермеса до праваго берега Гойты, къ малой—отъ лѣваго берега Гойты до Казахъ-Кичу. Основаніе сунженской линіи положено на другой годъ возстанія Чечни, въ 1841-мъ; къ 1848-му году на ней было четыре крѣпости:

Умаханъ-юртъ, съ двумя аулами: Умаханъ и Аласханъ-юртами, которые начали заселяться съ 1841-го года. Сама крѣпость— крайній восточный стратегическій пунктъ сунженской линіи, построена въ 1837-мъ, году при впаденіи Гудермеса въ Сунжу. Къ сѣверо-сѣверо-востоку отъ Умаханъ-юрта находится старый большой ауль Брагуны, съ знаменитымъ брагунскимъ лѣсомъ, основанный болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ крымскими переселенцами татарами. Терекъ и Сунжа такъ близко сходятся въ этомъ мѣстѣ, что между Брагунами на Сунжѣ и станицей Щедринской на Терекѣ разстоянія менѣе двухъ верстъ. Близостью Сунжи и брагун-

скаго лѣса объясняются частыя тревоги на щедринскомъ кордонѣ.

Крѣпость Грозная, съ тремя аулами: Янги, Кули и Сорочань-юртами и четвертымъ Старосунженскимъ, въ пяти или шести верстахъ ниже ея, построена Ермоловымъ въ 1818-мъ году на противъ восточной оконечности сунженскаго хребта, къ западу отъ нея и въ семи верстахъ отъ ханкальскаго ущелья къ югу.

Въ Умахань-юртъ черезъ Сунжу переправляются на паромъ; въ Грозной черезъ нее перекинутъ мостъ.

Закань-юртъ—противъ устья Ассы и Казахъ-Кичу, верстахъ въ сорока къ западу отъ Умахань-юрта, существуетъ съ 1841-го года.

Разстояніе между Терекомъ и Сунжею, сначала до того значительное, что рѣки эти могутъ быть приняты за совершенно самостоятельныя, быстро затѣмъ начинаетъ уменьшаться—отъ Николаевской станицы съ одной стороны, отъ Старосунженскаго аула съ другой; Терекъ поворачиваетъ къ юго-востоку, Сунжа къ сѣверо-востоку; отъ Щедринской станицы, точно чувствуя приближеніе Сунжи, Терекъ прямо идетъ къ ней на встрѣчу, а Сунжа, въ двухъ съ половиною или въ трехъ верстахъ къ востоку отъ аула Брагуны, всѣ воды, собранныя ею въ большой и малой Чечнѣ, сдаетъ Тереку, который несетъ ихъ по принадлежности къ Каспійскому морю, куда впадаетъ нѣсколькими рукавами.

Пространство между Терекомъ и Сунжею, нѣкогда заселенное чеченцами, съ того мѣста, гдѣ эти рѣки вступаютъ въ районъ лѣваго фланга кавказской линіи, представляетъ поверхность гористую, изрѣзанную оврагами, отчасти покрытую лѣсами, но безводную. Здѣсь проходятъ два почти параллельныхъ хребта: одинъ, извѣстный подъ именемъ кабардинскихъ горъ, между рѣками Урухомъ и Ардономъ принимаетъ названіе сунженскаго хребта у лѣваго берега Сунжи, которую онъ провожаетъ до Грозной; здѣсь онъ обрывается

почти отвѣснымъ мысомъ; другой, сѣвернѣе перваго, южнѣе праваго берега Терека, терскій или надтеречный, заходитъ въ узкое пространство между обѣими рѣками, поворачиваетъ на югъ, на встрѣчу качкалыковскому хребту, но, уступая дорогу Сунжѣ, вдругъ останавливается.

Между сунженскимъ и надтеречнымъ хребтами проходитъ широкая долина Алханъ-Чуртъ, замѣчательная своимъ плодородіемъ; не смотря на то, что здѣсь нѣтъ воды, она покрыта на всемъ своемъ стоверстномъ протяженіи богатыми луговыми пространствами и пахатными мѣстами. По мѣрѣ приближенія къ Грозной, долина эта постепенно расширяется и переходитъ въ волнистую равнину, по которой бѣжитъ Нефтянка, единственный, сколько нибудь замѣчательный лѣвый притокъ Сунжи. За то, съ правой стороны эта послѣдняя принимаетъ въ себя всѣ рѣки, оплодотворяющія большую и малую Чечню, и между ними самое видное мѣсто занимаетъ Аргунъ, не только по своему протяженію и обилію водъ, но и въ историческомъ отношеніи, такъ какъ у верховьевъ этой рѣки преданіе помѣстило колыбель чеченскаго народа. На половинѣ разстоянія между устьемъ Аргуна и его ущельемъ сохранились слѣды аула Чеченъ; именемъ этого аула, сначала казаки, а за ними и вся Россія, окрестили цѣлый народъ. И такъ, у истока Аргуна—колыбель, а недалеко отъ его устья—купель чеченскаго народа.

До возстанія Чечни, не смотря на то, что пространство между Терекомъ и Сунжею заселено было чеченцами, сообщенія между Грозной и Владикавказомъ были настолько безопасны, что экипажи, слѣдовавшіе по дорогѣ вдоль Сунжи, почти не нуждались въ прикрытіи. Послѣ возстанія, баталіона съ двумя орудіями едва было достаточно для конвоированія транспортовъ и оказій.

Въ кавказской войнѣ, гдѣ крупныя событія перемежались мелкими хищническими набѣгами и непрерывными тревогами,

переправы черезъ рѣки играли очень видную роль. На Терекѣ ихъ было шесть: противъ Моздока, противъ станицъ: Ищорской, Наурской, Николаевской, Щедринской и противъ Амиръ-аджи-юрта. Здѣсь, въ этихъ шести пунктахъ, привычныя горцы безопасно могли переправляться вплавь на своихъ привычныхъ лошадяхъ; но, чѣмъ меньше опасности представлялось для нихъ со стороны природы, тѣмъ большей опасности подвергались они со стороны человѣка. Оставались еще броды; но постоянныхъ бродовъ въ горныхъ потокахъ не только Кавказа, но и всякой другой альпійской страны, никогда почти не бываетъ: быстрымъ теченіемъ воды переносятся съ мѣста на мѣсто большія массы ила, песку и камней, и дно рѣки постоянно мѣняется. Что касается до Сунжи, то глинистый грунтъ ея крутыхъ береговъ и быстрое теченіе дѣлаютъ переправы черезъ нее не только затруднительными, но и опасными во всякое время года, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Дороги, по которымъ двигались наши войска отъ одного пункта лѣваго фланга до другаго, ничѣмъ не отличались отъ всякой другой, обыкновенной, т. е. не шоссированной дороги: грязныя въ мокрую погоду, пыльныя въ сухую. Несравненно большій интересъ представило бы описаніе дорогъ, по которымъ пробирались къ намъ и уходили отъ насъ хищники, еслибы такое описаніе могло быть сдѣлано. Къ несчастью, еще не родился тотъ топографъ, который бы взялся наносить ихъ на планы. Хищники появлялись иногда въ такихъ мѣстахъ, куда легче, кажется, пробраться между небой и землей, нежели по поверхности земли, и въ такихъ случаяхъ замыслы ихъ удавались; но по слѣдамъ своимъ они не всегда могли возвращаться, стѣсняемые добычей, и попадались нашимъ разъѣздамъ или секретамъ. Бывали примѣры, что они отважно выбирали для своихъ набѣговъ большія дороги мимо людныхъ селеній и даже крѣпостей, и обыкновенные часы дня; —

ихъ пропускали, принимая за мирныхъ жителей. Такіе смѣлые фарсы были во вкусѣ Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы. Последний, кадій тилитлинскій, старшина нѣсколькихъ обществъ, жившихъ по правому берегу аварскаго Койсу, человѣкъ ученый, всѣми уважаемый, былъ тайнымъ врагомъ гяуровъ и только въ 1840-мъ году, по призыву имама, сбросилъ съ себя маску и открыто вступилъ въ ряды его клеветовъ и горячихъ приверженцевъ. По своему уму, познаніямъ и предприимчивости, онъ былъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для Шамиля.

Третьей передовой линіи противъ малой Чечни, можно сказать, не существовало до назначенія князя Воронцова главнокомандующимъ. За годъ до его прибытія, въ 1844-мъ году, противъ аргунскаго ущелья заложена была крѣпость Воздвиженская; при немъ, въ 1847-мъ году, на рѣкѣ Фортангѣ, правомъ притокѣ Ассы, возведено было Ачхоевское укрѣпленіе. Но между Аргуномъ и Фортангой разстояніе не менѣе, если не болѣе сорока верстъ, а такое разстояніе только въ геометріи могло назваться линіей, какъ и всякое разстояніе между двумя точками; въ смыслѣ же стратегическомъ, для того, чтобы она имѣла право на это названіе и соотвѣтствовала свосму прямому назначенію — наблюдать и охранять, нужна была по крайней мѣрѣ еще одна, третья точка. Вотъ эту-то точку и намѣтилъ старый, опытный сардаръ на берегахъ Урусъ-Мартана, отстоящаго отъ Аргуна на пятнадцать и отъ Фортанги на двадцать шесть или семь верстъ. Выборъ этого пункта, почти въ два раза ближайшаго къ Аргуну, нежели къ Фортангѣ, оправдывается сколько топографическими условіями мѣстности, столько же и положеніемъ Воздвиженской на прямомъ сообщеніи съ линіей, откуда доставлялись боевые и продовольственные запасы для дѣйствующихъ отрядовъ. Мѣстность между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ, будучи покрыта сплошными вѣковыми лѣсами, представляла гораздо больше опасностей для нашихъ ко-

лоннѣ, нежели по ту сторону Урусъ-Мартана, т. е. къ западу отъ этой рѣки, гдѣ лѣса чередовались съ широкими полянами и прогалинами. Окрестности Урусъ-Мартана, включая сюда и верховья сосѣдней съ ней Гехи, имѣли гораздо болѣе плотное населеніе, нежели окрестности рѣкъ, ближайшихъ къ истинному центру проектируемой линіи. Наконецъ, въ самыя суровыя зимы вода въ Урусъ-Мартанѣ не вымерзала, чего нельзя сказать о рѣкахъ, имѣвшихъ болѣе центральное положеніе. И вотъ почему кн. Воронцовъ избралъ Урусъ-Мартанъ для заложения на ней третьей крѣпости, которою должна была завершиться чеченская передовая линія. Между Арцуномъ и Форгангою, съ востока на западъ, отъ Воздвиженской къ Ачхою, пересѣкая всѣ рѣки малой Чечни, обгущія съ юга на сѣверъ, проходитъ дорога, извѣстная у чеченцевъ подъ именемъ большой русской дороги.

Кромѣ пространствъ, лежащихъ между терскою и сунженскою линіями и между этой послѣдней и большой русской дорогой, въ составъ лѣваго фланга кавказской линіи входила обширная область, такъ называемое кумыкское владѣніе. Предѣломъ этой области на сѣверѣ служитъ Терекъ до впаденія своего нѣсколькими рукавами въ море; на востокѣ граница идетъ сначала вдоль устьянаго болотами и озерами Аграханскаго залива, затѣмъ пустыннымъ берегомъ Каспія, идущимъ здѣсь почти въ вертикальномъ направленіи по отношенію къ экватору до устья Сулака. Граница эта, какъ она ни безлюдна, какъ ни печальна и негостепріимна, украшена историческимъ воспоминаніемъ: на югѣ длинной косы полуострова Учъ, замыкающей Аграханскій заливъ со стороны открытаго моря, въ 1772-мъ году стоялъ укрѣпленный лагерь Петра Великаго, во время знаменитаго похода его къ Дербенту. Отъ устья Сулака, вверхъ по теченію этой рѣки, съ востока на западъ, проходитъ южная граница кумыккаго владѣнія: отъ аула Костека, вмѣстѣ съ рѣкой, она поварачиваетъ на

югъ, почти совпадая съ меридіаномъ, южнѣе переправы черезъ Сулакъ разстается съ этой рѣкой и поворачиваетъ на западъ мимо сѣверныхъ предѣловъ Салатавіи, мимо отроговъ и ущелій гористаго Ауха до покрытаго лѣсомъ качкалыковскаго хребта—крайняго сѣвернаго отрога андійскихъ горъ, отдѣляющаго кумыкскую плоскость отъ большой Чечни. Здѣсь южная граница постепенно принимаетъ сѣверо-западное направленіе и у сѣверной оконечности хребта переходитъ въ западную границу, идущую вдоль Гудермеса, низовья Сунжи, по правому берегу Терека, мимо Амиръ-аджи-юрта, станицъ: Шелковой, Новогладовской, Старогладовской, Курдюковской до окончательнаго поворота рѣки къ морю, откуда, т. е. отъ поворота, начинается сѣверная граница. Къ сѣверо-западу отъ Кази-юрта, охраняющаго переправу черезъ Сулакъ, т. е. почти отъ половины разстоянія между устьемъ этой рѣки и ауломъ Костекъ, на Кизляръ идетъ дорога, соединяющая двѣ главныя водныя артеріи этой окраины—Сулакъ и Терекъ. Дорога эта тѣмъ замѣчательна, что она дѣлитъ кумыкское владѣніе на двѣ части—юго-западную и сѣверо-восточную, которыя рѣзко отличаются одна отъ другой: на первой изъ нихъ, кумыкской плоскости, сидятъ аулы мирныхъ кумыковъ; по второй разбросаны кочевья ногайцевъ. Черезъ кумыкскую плоскость къ ногайскимъ кочевьямъ направляются рѣки, которыя все берутъ начало въ горахъ Ауха и смежной съ нимъ Ичкеріи. Изъ нихъ Акташъ на востокъ, составляющій пограничную черту Салатавіи—последней территоріи лезгинъ на западѣ, и Ауха, которымъ начинается Чечня со стороны Дагестана. Акташъ бѣжитъ сначала въ крутыхъ, скалистыхъ берегахъ, съ шумомъ проносится черезъ знаменитый корагачинскій лѣсъ, вступивъ на плоскость, течетъ параллельно Сулаку, подобно ему поворачиваетъ къ морю, но, не доходя до него, пропадаетъ въ болотѣ.

Западнѣе Актанія выходитъ изъ Ауха Ярыксу; въ юго-

рахъ и по кумыкской плоскости до Хасавъ-Юрта течетъ въ высокихъ и крутыхъ берегахъ, отъ Хасавъ-Юрта по ровной и открытой мѣстности; также направляется къ морю и также, не доходя до него, теряется въ болотахъ.

За Ярыкеу слѣдуетъ Ямансу. Въ высокихъ, почти отвѣсныхъ берегахъ несетъ она свои свѣтлыя воды по каменистому ложу со многими порогами къ Аксаю, но вмѣсто Аксая встрѣчаетъ болота, которыми и поглощаются ея прозрачныя струи.

Послѣдняя на западѣ рѣка, Аксай, начинается у сѣвернаго склона андійскаго хребта тремя истоками, которые, сливаясь въ одно русло ниже Дарго, образуютъ самостоятельную рѣку. Аксай выходитъ изъ Ичкеріи, захватываетъ Аухъ, течетъ съ юга на сѣверъ подобно предыдущимъ рѣкамъ, около Ташъ-Кичу поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, пересѣкаетъ кизлярско-кази-юртовскій трактъ у Магоматова моста и дѣлитъ ногайскія степи на двѣ половины: на сѣверную, въ которой кочуютъ аксаевскіе ногайцы, и южную, занятую кочевьями костековскихъ ногайцевъ. Аксай цѣлою вереницею болотъ и озеръ направляется къ Каспійскому морю, очень близко подходитъ къ нему, но до него не доходитъ. Ни одной изъ рѣкъ кумыкской плоскости не суждено видѣть море; всѣ онѣ буйно и гордо начинаютъ, смиряются въ среднемъ теченіи и вовсе перестаютъ быть рѣками къ низовьямъ.

И вотъ почему восточная граница кумыкскаго владѣнія такъ печальна, такъ непривлекательна и безлюдна: болота, трясины, топкіе луга, обрывки рѣкъ, ручьи безъ начала и конца, болотистыя озера, и между ними камыши, высокіе, сплошные, безконечные камыши, а надъ всѣмъ этимъ, подобно ключьямъ разорваннаго вѣтромъ тумана, міриады мошекъ.

Горе тому, кто въ знойный лѣтній день, прельстившись предательскимъ видомъ подобнаго ручья, задумаетъ погрузиться въ его прозрачныя струи: ноги его не достанутъ дна, ко-

торое казалось такъ близко, онъ весь уйдетъ въ неизвѣданную глубину, и никогда трупъ его не всплыветъ на поверхность.

Ногайскія степи охранялись длинною цѣпью казачьихъ постовъ, разставленныхъ по всему тракту отъ Кизляра до Кази-юрта. Три главныхъ поста: Камбулатовскій, Магоматовъ мостъ и Лащуринскій служили этапами оказіянь, поддерживавшимъ сообщенія между Сулакомъ и Тереккомъ, между Дагестаномъ и линіей.

Оборона кумыкской плоскости вѣрепа была двумъ линіямъ крѣпостей: передовой, на южной оконечности которой, противъ Салатавіи и Ауха, на Акташѣ, стояла Внезапная; на сѣверѣ—Умаханъ-юртъ, при впаденіи Гудермеса въ Сунжу; къ юго-востоку отъ него—Куринское (Ойсунгурь)—на качкалыковскомъ хребтѣ; эти двѣ послѣднія наблюдали за большой Чечней. Къ востоку отъ Куринскаго, на Аксаѣ, противъ Ичкеріи и Ауха—историческій Герзель-ауль, съ именемъ котораго связаны воспоминанія о самыхъ выдающихся военныхъ событіяхъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Скромные размѣры его далеко не соотвѣтствуютъ громкой извѣстности. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ собою маленькаго, тихаго, затеряннаго въ толпѣ человѣка, имя котораго гремитъ на всѣхъ окраинахъ цивилизованнаго міра.

Вторую боевую оборонительную линію составляли также четыре крѣпости: на правомъ флангѣ—Амиръ-аджи-юртъ, у переправы черезъ Терекъ, на лѣвомъ—Хасавъ-юртъ, штабъ-квартира кабардинскаго егерскаго полка, на Ярыкеу; между ними: Ташъ-Кичу на Аксаѣ и Баташъ-юртъ на Ямансу.

Влѣво отъ дороги, идущей отъ плывучаго моста на Сулакѣ къ Хасавъ-юрту, стояла чипчаковская башня; дорогу изъ Внезапной въ Хасавъ-юртъ пересѣкала знаменитая въ лѣтописяхъ военныхъ происшествій „воровская балка“.

Между аулами кумыкской плоскости, чаще другихъ под-

вергавшимися хищническимъ нападеніямъ горцевъ, едва ли не первое мѣсто занимаетъ Индрэ-ауль на Акташѣ, подлѣ Внезапной, переименованный русскими въ Андрееву деревню (индрэ—порусски молотильный токъ); за нимъ слѣдуютъ: Умаханъ-юртъ и Аласханъ-юртъ на Сунжѣ, Баташъ-юртъ и Османъ-юртъ на Ямансу, Темирь-ауль и Костекъ на лѣвомъ берегу Сулака, Байрамъ-ауль по дорогѣ отъ Хасавъ-юрта къ аулу Костекъ.

Цѣлью кавказской войны было покореніе края. Самою важною ступенью на пути къ достиженію этой цѣли всегда считалось заложеніе крѣпости. Это—шагъ солидный, капитальный и безповоротный. Разъ, что мы ступили впередъ, избрали пунктъ и укрѣпили его—онъ нашъ на вѣчныя времена. Если мы подвинулись впередъ, то конечно не съ тѣмъ, чтобы рано или поздно опять отодвинуться назадъ; напротивъ, съ тѣмъ, чтобы подвигаться все дальше и дальше. Бываютъ предпріятія, въ которыхъ нельзя останавливаться и страшно отступать; къ числу такихъ предпріятій принадлежитъ и кавказская война. Набѣги и рекогносцировки были только подготовительными и вспомогательными операціями; капитальною всегда было заложеніе крѣпости. Вотъ почему, какимъ бы обиліемъ и разнообразіемъ военныхъ событій не отличался 1848-й годъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, особенную рельефность придаетъ ему и дѣлаетъ его одною изъ перво-классныхъ станцій на пути покоренія Кавказа появленіе новой русской крѣпости въ малой Чечнѣ. Безъ этой крѣпости на берегахъ Урусъ-Мартана, чеченская передовая линія была бы слишкомъ растянута и бѣдна обсерваціонными пунктами, такъ какъ ни въ Ачхоѣ, ни въ Воздвиженской никогда нельзя было знать, что дѣлается на плоскости малой Чечни. Экспедиціи, предпринимаемой съ цѣлью заложенія крѣпости, должна неминуемо предшествовать другая, подготовительная, на такой закрытой и пересѣченной мѣстности, какою пред-

ставлялись ближнія и дальнія окрестности рѣки Урусъ-Мартана. Прежде нежели строить крѣпость, нужно обнажить и расчистить мѣстность вокругъ намѣченнаго пункта, нужно обезпечить ему сообщенія съ сосѣдними крѣпостями, слѣдовательно прорубить въ лѣсахъ широкія просѣки, по меньшей мѣрѣ на пушечный выстрѣлъ по обѣ стороны дороги, и на такомъ же разстояніи противъ всѣхъ фасовъ проектируемаго укрѣпленія; тогда только оно будетъ имѣть возможность дѣйствовать и наблюдать во всѣ стороны, не подвергаясь ежеминутнымъ тревогамъ и опасности быть застигнутымъ врасплохъ нечаяннымъ нападеніемъ.

Задача подобныхъ дополнительныхъ или подготовительныхъ экспедицій, съ возможно меньшими потерями и неудобствами, могла быть осуществляема только въ зимніе мѣсяцы, когда лѣса стоятъ обнаженные, переправы черезъ рѣки не представляютъ никакихъ затрудненій, воздухъ чистъ и прозраченъ, и здоровье войскъ, при ровной, постоянной, хотя и низкой зимней температурѣ, не смотря на усиленные труды, подвергается горавдо меньше случайностямъ, нежели во всякое другое время года, подъ знойнымъ и переменчивымъ небомъ Кавказа. Зима на Кавказѣ, мягкая или суровая, снѣжная или безснѣжная, за весьма немногими исключеніями, начинается во второй половинѣ или въ концѣ ноября, когда послѣдніе листья съ деревьевъ опадаютъ и послѣдніе туманы расходятся. Около этого же времени раздаются обыкновенно первые выстрѣлы зимнихъ экспедицій, прекращающихся съ наступленіемъ оттепелей.

И такъ, по отношенію къ военнымъ дѣйствіямъ, новый годъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи начинался не 1-го января, а мѣсяцемъ, иногда и двумя ранѣе, и зимнія экспедиціи, подобно академическому году, носили всегда названіе двухъ годовъ; такъ, военныя дѣйствія чеченскаго отряда, предшествовавшія возведенію крѣпости на Урусъ-Мартанѣ и

происходившія въ концѣ 1847-го и въ началѣ 1848-го года, будутъ извѣстны въ исторіи кавказской войны подъ именемъ зимней экспедиціи 1847—48-го года.

Она началась рано, эта экспедиція. По распоряженію начальника лѣваго фланга кавказской линіи, генераль-лейтенанта Фрейтага, къ 16-му ноябрю въ крѣпость Грозную стянуты были войска, которыя должны были войти въ составъ чеченскаго отряда: изъ владикавказскаго военнаго округа прибыли пять баталіоновъ пѣхоты съ четырьмя орудіями, съ кумыкской плоскости одинъ баталіонъ съ восемью орудіями и двѣсти пятьдесятъ казаковъ. Къ этимъ войскамъ присоединены были еще двѣ роты егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка (т. е. куринскаго), сто казаковъ донскаго № 39-го полка и два орудія подвижной гарнизонной артиллеріи № 2-го роты.

Въ 9 часовъ утра, 17-го ноября, отрядъ выступилъ изъ Грозной въ крѣпость Воздвиженскую. Въ ноябрѣ мѣсяцъ сумерки наступаютъ рано. Прежде нежели колонна успѣла прибыть на мѣсто, сдѣлалось совершенно темно; пользуясь этимъ, къ арріергарду подъѣхала небольшая партія чеченцевъ и залпомъ изъ нѣсколькихъ ружей ранила одного рядоваго тенгинскаго пѣхотнаго полка. До Воздвиженской оставалось въ то время не болѣе трехъ верстъ.

Жители большой и малой Чечни, слѣдившіе за передвиженіями нашихъ войскъ и догадывавшіеся о приготовленіяхъ къ зимней экспедиціи, наученные горькимъ опытомъ прошлыхъ лѣтъ, заранѣе начали перевозить свое имущество и запасы въ трудно доступныя мѣста.

Войска, прибывшія изъ Грозной, усилены были въ крѣпости Воздвиженской шестью ротами куринскаго егерскаго князя Воронцова полка, двумя орудіями донской № 3-го батареи и ста казаками донскаго № 39-го полка.

Въ 10 часовъ утра, 18-го ноября, отслуженъ былъ мо-

лебень, и отрядъ въ слѣдующемъ составѣ выступилъ изъ крѣпости Воздвиженской:

2-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка, 3-й и 4-й баталіоны тенгинскаго пѣхотнаго полка, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны навагинскаго пѣхотнаго полка, 2-й баталіонъ кабардинскаго егерскаго князя Чернышева полка, двѣ роты 1-го и двѣ роты 5-го баталіоновъ того же полка, донскаго казачьяго № 39-го полка двѣсти человекъ, моздокскаго и гребенскаго казачьихъ полковъ 250 человекъ, чеченской милиціи шестьдесятъ восемь всадниковъ, взводъ донской № 3-го батареи, дивизионъ линейной казачьей № 15-го батареи, дивизионъ батарейной № 3-го батареи 20-й артилерійской бригады, дивизионъ легкой № 4-го батареи 20-й артилерійской бригады, взводъ подвижной гарнизонной артилеріи № 2-го роты, мортирная батарея изъ четырехъ мѣдныхъ мортиръ, пѣшая команда съ боевыми ракетами. Всего, въ составѣ чеченскаго отряда, подъ командой начальника лѣваго фланга кавказской линіи, генераль-лейтенанта Фрейтата, было: пѣхоты 9-ть баталіоновъ, кавалеріи, включая чеченскую милицію, 518-ть человекъ, артилеріи 16-ть орудій, четыре мѣдныхъ мортиры, пѣшая команда съ боевыми ракетами.

При отрядѣ слѣдовало, для поднятія запаснаго артилерійскаго парка, инженернаго инструмента, сухарей и овса, сто тридцать повозокъ коннаго транспорта лѣваго фланга.

Когда отрядъ вступилъ на гойтенскую просѣку, на самой Гойтѣ показались незначительныя партіи пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ, которыя тотчасъ же скрылись въ лѣсъ. Черезъ Гойту безпрепятственно наведены были два подвижныхъ моста, послѣ чего, также безъ сопротивленія со стороны непріятели, занята была Черная поляна—такъ называлось пространство въ шесть верстъ длины по обѣ стороны большой русской дороги, отъ Гойты до Урусъ-Мартана—и войска расположились лагеремъ по обѣ стороны рѣки (Гойты). Ко-

мандиръ егерскаго князя Воронцова полка, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, посланъ былъ съ тремя баталіонами пѣхоты, всей кавалеріей, при шести конныхъ орудіяхъ, къ сторонѣ Чонгурой-юрта на фуражировку, для обезпеченія сѣномъ лошадей чеченскаго отряда. Партія конныхъ чеченцевъ, послѣ незначительной перестрѣлки съ фуражирами, скрылась въ лѣсу. Въ этотъ день мы потеряли ранеными двухъ казаковъ и одного всадника милиціи. Одна лошадь мездокскаго казачьяго полка убита.

Гойтенская просѣка, вырубленная еще въ 1845-мъ году, въ два года успѣла покрыться значительными зарослями; особенно та часть ея, которая прилегаетъ къ Черной полянѣ, а также пространство между рукавами Гойты, поросли густымъ лознякомъ и ольхою, поднимавшимися отъ земли почти на двѣ сажени. Чеченцы каждый годъ наводняли эту мѣстность собственно для этой цѣли.

19-го ноября начальникъ лѣваго фланга поручилъ полковнику барону Вревскому, съ шестью ротами пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, заняться очисткою просѣки отъ всѣхъ этихъ зарослей.

Въ то же время командиръ кабардинскаго егерскаго князя Чернышева полка, флигель-адъютантъ полковникъ князь Барятинскій, съ четырьмя баталіонами пѣхоты, при шести легкихъ орудіяхъ, и всею кавалеріею, направлень былъ къ Джарганъ-юрту истребить огнемъ этотъ ауль, а запасъ сѣна доставить въ лагерь.

Ауль Джарганъ-юртъ весь состоитъ изъ хуторовъ, которые отъ опушки лѣса Черной поляны тянутся на нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ Урусъ-Маргану и соединяются съ бывшими алдынскими хуторами.

Приблизившись къ Джарганъ-юрту, князь Барятинскій, съ двумя ротами 2-го баталіона князя Чернышева полка, одной 2-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полка и одной

ротой 4-го баталіона тенгинскаго пѣхотнаго полка, быстро двинулся впередъ, овладѣлъ версты на двѣ смежными хуторами, а остальнымъ войскамъ приказалъ слѣдовать за собою и огнемъ истреблять все запасы хлѣба и имущество жителей, которые успѣли скрыться въ лѣсъ. Кавалерія между тѣмъ обсакала хутора со всехъ сторонъ, и часть ея, спѣшившись, подъ командой ротмистра Гедлинскаго, заняла оврагъ.

Наибъ Сабдулла, съ значительною партіею пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ, сильно преслѣдовалъ нашу колонну при отступленіи, но, благодаря распорядительности колоннаго начальника и стойкости 2-го баталіона князя Чернышева, 4-го баталіона тенгинскаго пѣхотнаго и 2-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полковъ, отрядъ князя Барятинскаго вернулся въ лагерь безъ большаго урона, съ успѣхомъ выполнивъ возложенное на него порученіе. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ ограничилась однимъ убитымъ, двадцатью пятью ранеными и одиннадцатью контужеными *).

Гойтенская просѣка на такомъ большомъ пространствѣ и такъ густо заросла молодымъ лѣсомъ, что за одинъ день, 9-го ноября, не могла быть расчищена, а потому 20-го числа генеральнаго штаба полковникъ Форстенъ, съ колонной въ значительно усиленномъ составѣ, изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, при шести орудіяхъ, съ одною тысячею ста топорами, отправленъ былъ продолжать начатое барономъ Вревскимъ; непріятель не тревожилъ этой колонны.

21-го ноября 2-й баталіонъ егерскаго князя Воронцова полка, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, сопровождалъ въ крѣпость Воздвиженскую боль-

*) Сверхъ того, семь лошадей убито и двѣнадцать ранено. Въ числѣ контуженыхъ было два офицера грузинскаго гренадерскаго полка: штабсъ-капитанъ князь Шаликовъ и подпоручикъ Микаладзе.

ныхъ и раненыхъ. Въ семь часовъ утра баталіонъ выступилъ изъ лагеря и въ пять пополудни вернулся, никого не встрѣтивъ.

Въ тотъ же день полковникъ баронъ Вревскій получилъ приказаніе — съ двумя баталіонами навагинскаго пѣхотнаго полка, вторымъ и четвертымъ, однимъ баталіономъ тенгинскаго — четвертымъ, своднымъ баталіономъ князя Воронцова полка, четырьмя сотнями донскихъ и линейныхъ казаковъ, взводомъ линейной казачьей № 15-го батареи и взводомъ подвижной гарнизонной артилеріи, двинуться къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ, къ той части, которая расположена между рѣками Гойтой и Урусъ-Марганомъ.

Въ пяти верстахъ отъ лагеря, въ перелѣскѣ, ближайшемъ къ Черной полянѣ, колонна полковника барона Вревскаго была встрѣчена небольшими партіями чеченцевъ, которые, послѣ незначительной перестрѣлки, перешли въ другой перелѣсокъ, примыкающій къ хуторамъ. Чтобы овладѣть этой новой позиціей и ближайшими хуторами, баронъ Вревскій двинулъ впередъ четвертый баталіонъ навагинскаго полка, съ четырьмя конными орудіями. Чеченцы упорно держались въ занятой ими позиціи и выбиты были изъ нея только послѣ усиленнаго дѣйствія артилеріи и совокупной атаки всѣхъ баталіоновъ въ штыки. Войска овладѣли хуторами и начали производить фуражировку, продолжавшуюся около четырехъ часовъ. Бой во все это время не прекращался. Чеченцы нѣсколько разъ пытались бросаться въ шашки на наши боевыя цѣпи, въ особенности на 1-ю егерскую роту князя Воронцова полка и на 6-ю мушкетерскую навагинскаго пѣхотнаго, но ихъ встрѣчали штыками и опрокидывали въ глубь лѣса.

По окончаніи фуражировки, сопровождавшейся истребленіемъ хуторовъ, прежде нежели предпринять обратное движеніе въ лагерь, баронъ Вревскій снова атаковалъ непріятеля авангардомъ и оттѣснилъ его далеко въ лѣсъ; чеченцы, потер-

пѣвшіе значительный уронъ, слабо преслѣдовали колонну при отступленіи *).

Около полудня наибъ Дуба, изъ легкаго орудія, скрытаго въ лѣсу, за верхними рукавами Гойты, на разстояніи 500 саженой, открылъ по лагерю огонь, но послѣ третьяго выстрѣла принужденъ былъ замолчать дѣйствіемъ нашихъ восьми легкихъ и двухъ батарейныхъ орудій, заставившихъ его меткими выстрѣлами своими сняться съ позиціи. Однимъ изъ непріятельскихъ снарядовъ у насъ ранена транспортная лошадь.

Вечеромъ начальникъ лѣваго фланга получилъ отъ вѣрныхъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что орудіе наиба Дубы подбито и три человѣка артилерійской прислуги убиты.

Съ джарганъ-юртовскихъ хуторовъ дано знать, что колонна барона Вревскаго имѣла противъ себя четырехъ наибовъ: Сабдуллу, Анзорова, Ахмата и Гяхо; чеченцы потеряли семь человѣкъ убитыми и около шестидесяти ранеными.

Между тѣмъ, въ отрядѣ ощущался недостатокъ въ сѣнѣ; заготовленное на поляхъ, частью истреблено самими чеченцами, частью свезено въ глубь лѣсовъ, а такъ какъ погода стояла прекрасная, то добываніе фуража въ лѣсахъ, занятыхъ непріателемъ, не иначе могло производиться, какъ съ значительною потерей въ людяхъ. Въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ, приходилось прибѣгать къ запасамъ закупленнаго у частныхъ лицъ сѣна въ крѣпости Воздвиженской, хотя, по незначительности ихъ, они должны были оставаться неприкосновенными впредь до совершеннаго истощенія ре-

*) Съ нашей стороны убиты въ этотъ день въ колоннѣ барона Вревскаго: егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка подпоручикъ Анастасьевъ и нижнихъ чиновъ девять; ранено сорокъ шесть, въ томъ числѣ навагинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Шенелевъ и подпоручикъ Есиповъ—оба тяжело; егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка прапорщикъ Пистолькорсъ тяжело; контужено двадцать семь нижнихъ чиновъ, а также тенгинскаго пѣхотнаго полка маіоръ Кемпфертъ и капитанъ Соймоновъ и донской № 3-го батареи хорунжій Тихоновъ.

сурсовъ, предоставляемыхъ намъ фуражировками. Для начальника лѣваго фланга забота о сбереженіи людей ввѣреннаго ему отряда стояла выше всякихъ другихъ соображеній, и, не смотря на то, что экспедиція, можно сказать, еще только начиналась и могла затянуться до начала марта, онъ нашелся вынужденнымъ командировать 22-го ноября въ крѣпость Воздвиженскую за сѣномъ изъ неприкосновеннаго склада князя Воронцова полка подполковника Кишинскаго. Съ колонной, выступившей изъ лагеря подъ командой этого штабъ-офицера и состоявшей изъ шести ротъ того же князя Воронцова полка и трехъ легкихъ орудій, отправлены были больные и раненные чеченскаго отряда и всѣ подъемныя лошади. Туда и обратно колонна прошла безъ выстрѣла.

Такъ какъ часть гойтенской просѣки—пространство между рукавами Гойты, не была расчищена, то генеральнаго штаба подполковнику Броневскому предписано было занять это пространство тремя баталіонами пѣхоты, при шести орудіяхъ. Къ вечеру и здѣсь не оставалось зарослей. Около полудня непріятель началъ собираться въ лѣсу значительными партіями ниже ахшалато-гойтенскаго кладбища, но прикрытія не тревожили. Часа въ три пополудни наибъ Сабдулла (онъ же Саиддулла) сдѣлалъ нѣсколько навѣсныхъ выстрѣловъ изъ горнаго орудія, скрытаго въ лѣсу, но снаряды его не долетали до колонны.

Чтобы окончательно очистить гойтенскую просѣку отъ зарослей и вмѣстѣ съ тѣмъ заготовить лѣсъ для предполагаемой башни на Гойтѣ, генеральнаго штаба подполковникъ Индреніусъ получилъ приказаніе—23-го ноября выступить съ четырьмя баталіонами пѣхоты, при шести орудіяхъ и тысячею ста рабочихъ съ топорами; онъ долженъ былъ также уширить просѣку къ сторонѣ Черныхъ горъ. Въ то же время до двухсотъ человѣкъ рабочихъ, съ мотыгами и лопатами, сравнивали съ землей чеченскіе окопы по берегу Гойты. Непріятель въ

этотъ день не препятствовалъ работамъ; за то, около двухъ часовъ пополудни, Сабдулла, со стороны раззореннаго аула Чонгурой-юрта, открытъ по лагерю огонь изъ орудія, спрятаннаго въ лѣсу; но батареи въ нѣсколько минутъ заставили его увезти орудіе, не причинившее намъ, впрочемъ, никакого вреда.

На другой день, 24-го ноября, колонна въ томъ же численномъ составѣ, какъ и наканунѣ, и съ тѣмъ же числомъ рабочихъ (1100 топоровъ), подъ командой подполковника Кишинскаго, продолжала работы по уширенію гойтенской просѣки къ сторонѣ Черныхъ горъ, а двѣсти человѣкъ рабочихъ, съ мотыгами и лопатами, продолжали скапывать окопы на Гойтѣ. Такъ же, какъ и наканунѣ, и по лагерю непріятель сдѣлалъ нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, и такъ же, какъ и наканунѣ, снаряды его пропадали даромъ. Только при отступленіи колонны, возвращавшейся съ рубки лѣса, нѣсколько человѣкъ чеченцевъ завязали съ арріергардомъ перестрѣлку, причемъ съ нашей стороны два человѣка ранены: одинъ карабинеръ и одинъ егеръ, и одинъ карабинеръ контуженъ— всѣ трое егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка.

25-го ноября тысяча сто человѣкъ рабочихъ, съ топорами, подъ прикрытіемъ колонны изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, подъ командой подполковника Майделя, рубили лѣсъ къ сторонѣ верхней Гойты и истребили одинъ хуторъ, находившійся въ лѣсу. Чеченцы стрѣляли по прикрытію изъ орудія, съ разстоянія болѣе семисотъ сажень, но снаряды ихъ не долетали до цѣпей.

На другой день, 26-го, четыре баталіона, при четырехъ орудіяхъ, подъ командой кавказскаго сапернаго баталіона подполковника Эггера, продолжали вырубку лѣса по Гойтѣ къ сторонѣ Черныхъ горъ. При занятіи лѣса нашей колонной, нѣсколько человѣкъ чеченцевъ залпомъ изъ ружей ранили

егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка прапорщика Неелова и одного егеря.

Въ часть пополудни непріятель открылъ по лагерю канонаду со стороны раззореннаго аула Чонгурой-юрта, изъ двухъ орудій, скрытыхъ за завалами въ онушкѣ лѣса, съ разстоянія семисотъ саженой. Наши два батарейныя орудія отвѣчали на непріятельскій огонь меткими выстрѣлами. Въ то же время полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, по приказанію начальника чеченскаго отряда, генераль-лейтенанта Фрейтага, съ двумя баталіонами пѣхоты: вторымъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева и вторымъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полковъ и всею кавалеріею, при четырехъ конныхъ орудіяхъ, быстро двинулся изъ лагеря по Черной полянѣ къ сторонѣ непріятельской батареи.

Едва войска показались на большой русской дорогѣ, непріятель бѣжалъ съ двумя орудіями въ лѣсъ, по направленію къ нижнему Маргану. Полковникъ Аминовъ, съ кавалеріею, преслѣдовалъ конную партію, а второй баталіонъ кабардинцевъ (князя Чернышева полка) направлень въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ стояли толпы пѣшихъ горцевъ, прикрывавшія батарею. Болѣе двухъ верстъ казаки преслѣдовали непріятельскую кавалерію. Подполковникъ Майдель, съ кабардинцами, въ примѣрномъ порядкѣ вступилъ въ лѣсъ, овладѣлъ хуторомъ Чонгурой-юртъ и опрокинулъ непріятельскую пѣхоту, которая не выдержала сильнаго натиска егерей, бросила завалы и скрылась въ глубь лѣса.

Колонна барона Меллера-Закомельскаго потеряла въ этомъ дѣлѣ одного убитаго, двухъ раненыхъ и двухъ контуженныхъ нижнихъ чиновъ, двухъ лошадей убитыми и семь ранеными.

Потеря непріятели осталась неизвѣстной.

Для окончательной вырубкы лѣса вверхъ по Гойтѣ, къ сторонѣ Черныхъ горъ, на такомъ разстояніи, чтобы проэкти-

руемая башня на Гойтѣ не подвергалась пушечнымъ выстрѣламъ непріятели, 27-го ноября отправлена была партія рабочихъ въ тысячу сто человѣкъ, съ прикрытіемъ изъ четырехъ баталіоновъ, при шести легкихъ орудіяхъ, подъ командой флигель-адъютанта полковника князя Барятинскаго. Когда колонна вступала въ лѣсъ, по ней сдѣланъ былъ залпъ изъ нѣсколькихъ ружей, при чемъ ранены одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ егеръ. Послѣ пробитія вечерней зари, со стороны джарганъ-юртовскихъ хуторовъ сдѣланы были два безвредныхъ пушечныхъ выстрѣла.

Наконецъ, гойтенская просѣка была расчищена и къ сторонѣ Черныхъ горъ расширена. Оставалось еще заняться вырубкой лѣса внизъ по лѣвому берегу Гойты, по направленію къ чонгурой-юртовскимъ хуторамъ. Выполненіе этой задачи, назначенное на 28-е ноября, поручено было генеральнаго штаба полковнику Форстену, которому, въ прикрытіе все тѣхъ же тысячи ста человѣкъ рабочихъ съ топорами, назначена была колонна въ составѣ трехъ баталіоновъ пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ. Въ тотъ же день въ крѣпость Воздвиженскую послана была другая колонна изъ шести ротъ, при четырехъ орудіяхъ, подъ командой подполковника Кишинскаго за подъемными лошадьми. Эта послѣдняя прошла въ оба пути безъ выстрѣла, тогда какъ колонна полковника Форстена, около полудня, имѣла незначительную перестрѣлку съ непріателемъ, намѣревавшимся занять лѣсъ, въ которомъ производилась рубка, но потерпѣвшимъ неудачу, благодаря разумнымъ распоряженіямъ колоннаго начальника. Перестрѣлка не обошлась для насъ безъ потерь: ранено два нижнихъ чина и контужены одинъ оберъ-офицеръ *) и нижній чинъ. Неимѣніе въ лагерѣ запасовъ фуража и провіанта заставило начальника лѣваго фланга пріостановить на нѣкоторое время военныя

*) Грузинскаго гренадерскаго полка подпоручикъ Николадзе.

дѣйствія въ Чечнѣ и дать войскамъ кратковременный отдыхъ: 29-го ноября отрядъ снялся съ позиціи на рѣкѣ Гойтѣ и раздѣлился на двѣ части: одна направилась въ крѣпость Воздвиженскую, другая, подъ личнымъ начальствомъ генерал-лейтенанта Фрейтага, выступила въ Грозную.

Когда отрядъ поровнялся съ гойтенскимъ кладбищемъ (Ахшапатъ), непріятель проводилъ его изъ-за лѣваго рукава Гойты четырьмя пушечными выстрѣлами, не сдѣлавшими никому никакого вреда и завершившими собою первый періодъ зимней экспедиціи 1847—1848-го года. Не смотря на энергическое сопротивленіе неустрашимыхъ чеченцевъ, при двукратномъ раззореніи джарганъ-юртовскихъ хуторовъ, войска чеченскаго отряда лишились въ эти двѣнадцать дней, съ 17-го по 29-е ноября, убитыми только одного оберъ-офицера и тринадцати нижнихъ чиновъ; ранеными четырехъ оберъ-офицеровъ и восьмидесяти двухъ нижнихъ чиновъ и контужеными одного штабъ-офицера, пяти оберъ-офицеровъ и тридцати девяти нижнихъ чиновъ. Всего же выбыло изъ строя убитыми, ранеными и контужеными сто сорокъ пять человѣкъ.

Послѣ трехдневнаго перерыва, военныя дѣйствія въ малой Чечнѣ возобновились. Часть отряда, квартировавшая въ Грозной, 3-го декабря, въ восемь часовъ утра, выступила на Гойту подъ командой начальника лѣваго фланга генерал-лейтенанта Фрейтага. Въ тотъ же день, и также на Гойту, съ другою частью отряда выступилъ изъ крѣпости Воздвиженской полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. Непріятель, слѣдившій за движеніемъ войскъ, не сдѣлалъ по нимъ ни одного выстрѣла, ограничившись наблюденіемъ.

Колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго, употреблявшая на переходъ отъ Воздвиженской до Гойты не болѣе трехъ часовъ, около часу пополудни была уже на правомъ берегу этой рѣки, и въ то время, какъ черезъ нее перекидывались мосты, состоявшая при ней чеченская милиція

захватила на Черной полянѣ стадо барановъ, болѣе ста пятидесяти головъ.

4-го декабря, въ восемь часовъ утра, начальникомъ лѣваго фланга генераль-лейтенантомъ Фрейтагомъ, подъ его личнымъ начальствомъ, предпринята была рекогносцировка внизъ по лѣвому берегу рукава Гойты; при этомъ имѣлось въ виду уничтожить ауль Геленъ-Гойту. Отрядъ выступилъ изъ лагеря въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ 2-й баталіонъ кабардинскаго егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка и при немъ шесть легкихъ орудій; правая цѣпь—2-й баталіонъ куринскаго егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка; лѣвая цѣпь—сводный баталіонъ куринскаго егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка; въ арріергардѣ—3-й и 4-й баталіоны тенгинскаго пѣхотнаго полка и при нихъ два легкихъ орудія; въ центрѣ колонны шла вся кавалерія.

Колонна проникла въ глубину лѣса по полянѣ, расчищенной самими чеченцами для посѣвовъ.

Командовавшій авангардомъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Барятинскій быстро двинулся къ хуторамъ Ахшпатъ и Геленъ-Гойты и занялъ ихъ на протяженіи болѣе двухъ верствъ. Ни женщинъ, ни дѣтей, ни рогатаго скота и никакого имущества нигдѣ не было видно; оставался не свеженнымъ небольшой запасъ сѣна, котораго едва достаточно было, чтобы навьючить имъ казачьихъ лошадей.

Чтобы истребить хутора на всемъ занятомъ нашими войсками пространствѣ и не растягивать отряда, авангарду приказано было остановиться. Между тѣмъ, лѣвая цѣпь, которой командовалъ подполковникъ Кишинскій, пробираясь лѣсомъ, наткнулась на собственный хуторъ наиба Сабуллы. Такъ какъ съ занятіемъ этого хутора войска были бы слишкомъ растянуты, то лѣвая цѣпь немедленно была отозвана назадъ, и хуторъ наиба остался нетронутымъ.

Едва лѣвая цѣпь предприняла обратное движеніе, чтобы приблизиться къ колоннѣ, отъ которой она отдѣлилась на довольно опасное разстояніе, Сабдулла, успѣвшій по тревогѣ собрать нѣсколько сотъ человѣкъ пѣшихъ чеченцевъ, началъ употреблять всѣ усилія, чтобы отрѣзать лѣвую цѣпь отъ авангарда. Густой лѣсъ и устроенные въ немъ изъ бревень завалы, за которыми сидѣли чеченцы, были благопріятными для его маневра условіями. Мѣстность позволяла чеченцамъ незамѣченными подползать къ нашимъ цѣпямъ на пистолетный выстрѣлъ. Командиръ 1-й егерской роты генераль-адъютанта князя Воронцова полка (лѣвая цѣпь, сводный баталіонъ) поручикъ Галыгинъ, замѣтивъ, что непріятель намѣревается прорваться черезъ цѣпь, бросился съ резервомъ впередъ, выбилъ чеченцевъ изъ заваловъ, опрокинулъ ихъ въ глубь лѣса и при этомъ своеручно убилъ двухъ человѣкъ, но и самъ тяжело былъ раненъ. Черезъ нѣсколько минутъ отважный наибъ возобновилъ покушеніе, но и на этотъ разъ противъ 3-й егерской роты того же князя Воронцова полка; и опять потерпѣлъ неудачу: командиръ роты штабсъ-капитанъ Ганскау, принявъ чеченцевъ въ штыки, отразилъ нападеніе и далеко отбѣснилъ непріятеля въ лѣсъ, но и онъ былъ раненъ такъ же, какъ и его товарищъ Галыгинъ. Рота его поддержана была 9-ю ротою тенгинскаго пѣхотнаго полка и двумя орудіями линейной казачьей № 15-го батареи; въ то же самое время на усиленіе лѣвой цѣпи флигель-адъютантомъ полковникомъ княземъ Барятинскимъ изъ авангарда направлена была 6-я егерская рота князя Чернышева полка.

Въ третій разъ Сабдулла сдѣлалъ попытку прорваться въ томъ же мѣстѣ, но сильный ружейный и картечный огонь заставили его отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній. Когда пламя охватило сакли непріятельскихъ хуторовъ, истребленіе которыхъ въ окрестностяхъ большой русской дороги и будущей крѣпости входило въ программу военныхъ дѣйствій че-

ченскаго отряда, войска начали отступать. Чеченцы провожали колонну незначительной перестрѣлкой. Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны было убито семь, ранены: одинъ оберъ-офицеръ и сорокъ нижнихъ чиновъ и контужено восемнадцать. Сверхъ того, одна лошадь убита и пять ранено. Непрiятель потерялъ четырехъ убитыми и до двадцати пяти ранеными.

Съ разсвѣтомъ, 5-го декабря, колонна изъ шести ротъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, при четырехъ орудiяхъ, подъ командой подполковника Кишинскаго, выступила изъ лагеря въ крѣпость Воздвиженскую за сѣномъ. Съ этою же колонною отправлены раненые нижніе чины и подъямныя лошади. Къ вечеру колонна возвратилась въ лагерь, никого не встрѣтивъ. Въ восемь часовъ утра полковникъ баронъ Вревскій выступилъ изъ лагеря на рекогносцировку всей мѣстности отъ лѣваго берега Гойты до праваго Урусъ-Мартана и внизъ по правому берегу этой послѣдней до лѣса, примыкающаго къ Черной полянѣ. Колонна состояла изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ легкихъ орудій и всей кавалеріи. По пути она должна была отыскивать запасы сѣна, заготовленнаго чеченцами. Небольшія партіи непріятельскихъ всадниковъ, наблюдавшія за движеніемъ колонны, были разсѣяны пушечными выстрѣлами. Сѣна нигдѣ не оказалось. Чеченцы заблаговременно свезли его въ недоступные лѣса и тамъ разбросали небольшими копнами, такъ что фуражировки сдѣлались невозможны, и стросвыхъ лошадей приходилось продовольствовать покупнымъ сѣномъ, доставляемымъ изъ Грозной и Воздвиженской. Хуторъ Сабдуллы уцѣлѣлъ, но не надолго: участь его была рѣшена 6-го декабря. Наибъ клялся, что не отдастъ его дешево русскимъ, будетъ защищать его до послѣдней капли крови; тѣмъ не менѣе, семейство свое и все имущество вывезъ оттуда; оставались только кое-какія заготовленія. Такъ какъ доступъ къ хутору Сабдуллы чрезъ

вычайно затруднителенъ, потому что онъ окруженъ лѣсомъ, заваленнымъ вѣковыми чинарами, и дорога къ нему, узкая, извилистая, проходитъ черезъ лѣсныя чащи, то начальникъ лѣваго фланга, чтобы отвлечь силы непріятеля въ противоположную сторону и облегчить войскамъ овладѣніе хуторомъ, направилъ полковника барона Вревскаго, съ баталіономъ грузинскаго гренадерскаго полка (вторымъ), своднымъ баталіономъ навагинскаго пѣхотнаго полка, при четырехъ легкихъ орудіяхъ и со всею кавалеріею, къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ. Диверсія удалась вполне: вниманіе наиба, дѣйствительно, отвлечено было въ ту сторону. Колонна барона Вревскаго выступила съ Гойты въ семь съ половиною часовъ утра. Едва она показалась на большой русской дорогѣ, Сабулла началъ собирать чеченцевъ и послѣшилъ къ ней навстрѣчу.

Самъ начальникъ отряда, генераль-лейтенантъ Фрейтагъ, выступилъ изъ лагеря къ хутору Сабуллы въ восемь часовъ утра. Въ колоннѣ его было только три баталіона, при четырехъ легкихъ орудіяхъ: 3-й и 4-й тенгинскаго пѣхотнаго полка и 2-й баталіонъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, который шелъ въ головѣ колонны.

Движеніе генерала Фрейтага было замѣчено непріятельскими пикетами, которые тотчасъ же поскакали дать знать своему наибу; но прежде нежели Сабулла успѣлъ возвратиться къ своему хутору, этотъ послѣдній былъ уже въ рукахъ нашихъ егерей, которые заняли его безъ выстрѣла. Тамъ найдены были запасы кукурузы, проса, пшеницы, съна, два мѣшка съ порохомъ, артилерійскіе снаряды и одинъ значекъ.

Князю Барятинскому отдано было приказаніе съечь хуторъ и, что не могло быть истреблено огнемъ—разобрать и разметать. На все это потребовалось около часа времени. Уничтоженіе хутора сопровождалось незначительною перестрѣлкою. Не трудно было предвидѣть, что всѣ усилія Сабул-

дуллы направлены будутъ къ тому, чтобы оправдать свои слова и нанести намъ возможно большій вредъ.

Полковникъ князь Барятинскій, истребивъ совершенно хуторъ какъ ему было приказано, началъ отступать съ большимъ хладнокровіемъ, принявъ всѣ мѣры къ отраженію натиска непріятеля. Успѣху отступленія, произведеннаго какъ на маневрахъ, черезъ эту едва проходимую трупобу, не мало содѣйствовали, начиная отъ подполковника Майделя до послѣднаго рядоваго, всѣ чины 2-го баталіона князя Чернышева полка, которые, какъ и всегда, вели себя примѣрно. Одинъ разъ только Сабдулла бросился на егерей, но за то съ ожесточеніемъ, весьма понятнымъ послѣ той клятвы, которую онъ торжественно произнесъ передъ всѣми; егеря повернулись къ нему фронтомъ и штыками отразили его отчаянный натискъ. Шестъ непріятельскихъ тѣлъ были трофеемъ кабардинцевъ въ этой схваткѣ. Дальнѣйшія свои дѣйствія озадаченный наибъ ограничилъ ружейнымъ огнемъ. Черезъ геленгойтенскую поляну войска направились въ лагерь въ отличномъ порядкѣ, продолжая вести не особенно сильную перестрѣлку съ непріателемъ. Потеря наша, при истребленіи хутора Сабдуллы и отступленіи колонны черезъ лѣсъ, состояла изъ тридцати одного раненаго и восьми контуженныхъ нижнихъ чиновъ. Убито двѣ лошади. Непріатель потерялъ одиннадцать убитыми и двадцать ранеными. Въ лагерь, по прибытіи колонны, былъ отслуженъ молебень по случаю тезоименитства Государя Императора, и, не смотря на десятиградусный морозъ, на берегахъ Гойты до поздней ночи раздавались пѣсни.

Колонна барона Вревскаго, посланная для отвлеченія Сабдуллы, подходя къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ, встрѣтила непріятеля, съ которымъ завязала перестрѣлку. Сабдулла, извѣщенный пикетами о нападеніи на его хуторъ, отсталъ отъ колонны барона Вревскаго и бросился спасать свое пепелище. Полковникъ баронъ Вревскій приступилъ къ истре-

бленію хуторовъ; перестрѣлка продолжалась, но съ удаленіемъ наибо она значительно ослабѣла. Догадавшись по выстрѣламъ съ той стороны, гдѣ находился хуторъ Сабдуллы, что отрядъ генерала Фрейтага началъ обратное движеніе, баронъ Вревскій двинулся впередъ, чтобы раздѣлить силы непріятеля, который частью началъ собираться около него, возвратившись отъ хутора Сабдуллы, и полагая, что колонна Вревскаго отступить по той же дорогѣ, по которой слѣдовала къ Джаргань-юрту, спѣшилъ занять кладбище, остававшееся въ тылу нашихъ войскъ. Баронъ Вревскій обманулъ ихъ ожиданіе: изъ хуторовъ онъ двинулся по другому направленію, такъ что кладбище осталось далеко въ сторонѣ. Благодаря этому благоразумному распоряженію, колонна его отступила почти безъ урона и за весь день потеряла четырехъ раненыхъ и трехъ контуженыхъ нижнихъ чиновъ. Убита одна и ранено четыре лошади.

7-го декабря тысяча сто человекъ рабочихъ съ топорами, подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, ста казаковъ и четырехъ орудій истребляли лѣсъ по дорогѣ къ Урусъ-Мартану. Колоннымъ начальникомъ былъ генеральнаго штаба полковникъ Форстенъ. Во весь день никто не показывался и не было слышно ни одного выстрѣла. Вечеромъ лазутчиками доставлено въ лагерь свѣдѣніе, что въ хуторѣ Касырь-юртѣ находится много рогатаго скота. Туда, незадолго до разсвѣта, 8-го декабря, отправлена была колонна въ составѣ пяти баталіоновъ: 2-го грузинскаго гренадерскаго полка, 3-го тентинскаго и 4-го навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2-го и своднаго егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка и всей кавалеріи, при шести легкихъ орудіяхъ, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго.

Колонна выступила въ пять часовъ утра; не доходя мартанскихъ хуторовъ, передъ разсвѣтомъ, была открыта непріате-

лемъ и должна была ограничиться поискомъ въ ближайшихъ хуторахъ.

Въ хуторъ Беной баронъ Меллеръ-Закомельскій захватилъ около пятнадцати штукъ рогатаго скота, и оставивъ для истребленія этого хутора генеральнаго штаба подполковника Броневскаго, съ тремя баталіонами пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ, самъ, съ двумя баталіонами князя Воронцова полка, при двухъ орудіяхъ, двинулся для истребленія мартанскихъ хуторовъ. Казаки, между тѣмъ, навьючивали найденное въ хуторахъ сѣно. Когда пламя охватило занятые нашими войсками хутора, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій притянулъ къ себѣ колонну подполковника Броневскаго и началъ обратное движеніе, имѣя въ арріергардѣ 4-й баталіонъ навагинскаго пѣхотнаго полка и сводный князя Воронцова полка, при четырехъ орудіяхъ; въ правой цѣпи 2-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка, въ лѣвой 3-й баталіонъ тенгинскаго пѣхотнаго полка и, наконецъ, въ авангардѣ 2-й баталіонъ князя Воронцова полка и при немъ два орудія. Середину колонны занимала кавалерія. Все усилія непріятели направлены были къ тому, чтобы разстроить лѣвую цѣпь, въ которой завязалась сильная перестрѣлка. Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій подкрѣпилъ эту цѣпь двумя ротами, которыя взяты были имъ изъ арріергарда. Когда колонна вступила на Черную поляну, изъ лѣса показались значительныя партіи конныхъ чеченцевъ. Казакамъ приказано было сбросить вьюки и атаковать непріятельскую кавалерію. Этой атакой прекратился бой; чеченцы скрылись въ глубь лѣсовъ.

Это движеніе къ Касырь-юрту, разстроенное бдительностью непріятели, стоило намъ одного убитымъ, девяти ранеными и четырнадцати контужеными нижнихъ чиновъ *),

*) При раззореніи геленгойтенскихъ хуторовъ и хутора Ахшпатъ 4-го декабря, хутора Сабдуллы и демонстраціи къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ 6-го и при истребленіи Беной-юрта и нѣкоторыхъ мартанскихъ хуторовъ 8-го декабря,

трехъ лошадей убитыми и пяти ранеными. Непріятель потерялъ одного убитого и четырехъ раненыхъ.

9 и 10-го декабря изъ лагеря посылались колонны для истребленія лѣсовъ по дорогѣ къ раззоренному аулу Урусъ-Мартану. Непріятель показывался, наблюдалъ за движеніемъ войскъ, но ничего противъ нихъ не предпринималъ. 11-го декабря, подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ пѣхоты съ четырьмя орудіями, партія рабочихъ съ топорами, все въ томъ же числѣ, т. е. тысяча сто человѣкъ, продолжала ту же работу. Показавшюся со стороны Урусъ-Мартана неприятельской кавалерію, колонный начальникъ подполковникъ Броневскій разсѣялъ пушечными выстрѣлами.

Для конвоированія раненыхъ и больныхъ въ крѣпость Воздвиженскую, съ разсвѣтомъ была отправлена колонна подъ командой егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка маіора Ушакова, которому приказано было—изъ крѣпости Воздвиженской доставить транспортъ съ сѣномъ. При обратномъ слѣдованіи колонны, между гребенскими казаками и неприяТЕЛЬскими пикетами завязалась перестрѣлка, въ которой убитъ одинъ казакъ.

12-го декабря, три баталіона пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ, и сотня казаковъ прикрывали рабочихъ съ топорами, подъ командой генеральнаго штаба подполковника Индреніуса, которому поручено было продолжать истребленіе лѣса по лѣвую сторону большой русской дороги къ Урусъ-Мартану. Партія пѣшихъ чеченцевъ, занявши балку, которая перерѣзываетъ лѣсъ, намѣрена была воспрепятствовать работамъ,

въ чеченскомъ отрядѣ выбыло изъ строя раненыхъ и контуженныхъ восемь обер-офицеровъ: тенгискаго пѣхотнаго полка поручикъ Боголюбовъ, Фирсовъ и Шелевъ; егерскаго генераль-адъютанта кн. Чернышева полка подпоручикъ Рыдинъ и прапорщикъ Концевичъ; егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка штабсъ-капитанъ Ганскау и поручикъ Галыгинъ и линейной казачьей № 15-го батареи штабсъ-капитанъ Дыдымовъ.

но дѣльными распоряженіями колоннаго начальника намѣреніе непріятели было разстроено.

13-го декабря колонна, подъ начальствомъ кавказскаго сапернаго баталіона подполковника Эгтера, продолжала истреблять дѣсь по дорогѣ къ Урусъ-Мартану. Въ незначительной перестрѣлкѣ, которую непріятель завязалъ съ прикрытіемъ, съ нашей стороны ранены: одинъ оберъ-офицеръ и три нижнихъ чина.

Лазутчики доставили начальнику лѣваго фланга свѣдѣнія, что жившіе между рѣками Урусъ-Мартаномъ и Гойтой чеченцы отправили свои семейства частью за Аргунь, частью за р. Шалажи. Только въ одномъ аулѣ Багочарой осталось нѣсколько семействъ, потому что мѣсто это считалось недоступнымъ для русскихъ войскъ. Еще въ 1846-мъ году, при истребленіи алдынскихъ хуторовъ, когда всѣ чеченцы разбѣжались въ разныя стороны, только жители Багочароя продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ, и къ нимъ переселились даже жители нѣкоторыхъ другихъ ауловъ, потому что аулъ этотъ, по своему положенію, дѣйствительно одинъ изъ самымъ трудно доступныхъ на всей плоскости малой Чечни. Хотя уничтоженіе этого аула не могло обойтись безъ большихъ потерь въ людяхъ, но, въ видахъ обезпеченія будущей крѣпости отъ частныхъ тревогъ, а колоннъ и оказій, при передвиженіи ихъ, отъ засады и нечаянныхъ нападений, необходимо было по возможности очистить пространство между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ отъ заселенныхъ хуторовъ и ауловъ.

Для истребленія аула Багочарой 14-го декабря посланъ былъ полковникъ флигель-адъютантъ князь Барятинскій. Колонна его состояла изъ всей кавалеріи, 2-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полка, 3-го баталіона тенгинскаго и 4-го навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2-го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка и своднаго баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова

полка, взвода донской № 3-го батареи, взводовъ линейной казачьей № 15-го батареи, легкой № 4-го батареи 20-й артиллерійской бригады и подвижной гарнизонной артилеріи, всего восемь легкихъ орудій.

Полковникъ князь Варягинскій выступилъ изъ лагеря въ четыре часа пополудни. Не доходя четырехъ верстъ до обреченнаго раззоренію аула, онъ былъ открытъ неприятельскимъ пикетомъ, который тотчасъ же подаль сигналъ къ тревогѣ, подхваченный въ одно мгновеніе всѣми остальными пикетами, разставленными въ окрестныхъ лѣсахъ. Не смотря на быстроту, съ которой пройдено было войсками пространство, отдѣляющее берега Гойты отъ Вагочароя, полковникъ князь Варягинскій не засталъ въ аулѣ ни семействъ, ни рогатаго скота; онъ нашелъ только большіе запасы хлѣба и свѣжеиспеченные чуреки—несомнѣнное доказательство, что въ аулѣ жили; имущество же движимое: котлы, тазы, ковры и другіе предметы, составляющіе богатство жителей, свезены были въ горы еще въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ періодами зимней экспедиціи.

Почти часъ продолжалось истребленіе аула Вагочарой, послѣ чего князь Варягинскій началъ отступать. Со всѣхъ сторонъ нахлынули чеченцы на его колонну. Болѣе версты приходилось отряду пробираться лѣсомъ, по дорогѣ до того узкой, что дѣйствовать можно было только изъ одного орудія. Пользуясь этимъ, чеченцы сильно тѣснили нашъ арріергардъ, но подполковникъ Майдель, съ храбрыми кабардинцами, и подполковникъ Кишинскій, съ не менѣе храбрыми куринцами, мужественно отстаивали каждый шагъ. Славно дрались чеченцы, очертя голову бросались въ пашки на арріергардную цѣпь, но вовремя подоспѣвавшіе резервы сдерживали ихъ порывы. Не видя успѣха съ этой стороны, неприятель пытался атаковать одновременно правую и лѣвую цѣпи, но и здѣсь пылкую отвагу его останавливала невозмутимая стойкость грузинскихъ грена-

дерь и 3-го баталіона тенгинцевъ, встрѣчавшихъ его стальною щетиною штыковъ. Когда колонна, по выходѣ изъ лѣса, начала вытягиваться на джарганъ-юртовскую поляну, полковникъ князь Барятинскій выстроилъ въ рядъ шесть орудій и обдалъ картечью чеченцевъ, выбѣжавшихъ влѣдъ за колонной на поляну. Послѣ этого смертоноснаго залпа, чеченцы не возобновляли натиска, но перестрѣлка, хотя не очень сильная, не прекращалась все время, пока колонна проходила черезъ джарганъ-юртовскіе хутора.

Въ этомъ славномъ для обѣихъ сторонъ дѣлѣ мы потеряли семь человекъ убитыми, семьдесятъ двухъ ранеными и шестнадцать контужеными нижнихъ чиновъ, восемь лошадей убитыми и семь ранеными. Свѣдѣній о потерѣ непріятеля не было. Вверхъ по правой сторонѣ Гойты, верстахъ въ пяти отъ лагеря, углубившись нѣсколько въ лѣсъ, держались еще хутора, въ которыхъ, по словамъ лазутчиковъ, продолжали проживать семейства. Генеральнаго штаба полковникъ Форстенъ 15-го декабря получилъ приказаніе истребить эти хутора, для чего ему назначена была колонна изъ ста тридцати человекъ моздокскаго казачьяго полка, семидесяти человекъ гребенскаго, 3-го и 4-го баталіоновъ тенгинскаго, 2-го и 4-го навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2-го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, взвода линейной казачьей № 15-го батареи, взвода донской № 3-го батареи и взвода батарейной № 3-го батареи 20-й артилерійской бригады. Полковникъ Форстенъ выступилъ изъ лагеря въ пять часовъ утра. Не смотря на то, что, при ночныхъ движеніяхъ, войска соблюдаютъ возможную тишину, но при морозѣ въ 15-ть градусовъ скрипъ артилерійскихъ колесъ по замерзшему снѣгу не могъ не быть услышанъ чуткими къ малѣйшему звуку въ ночной тиши чеченскими пикетами, здѣсь, какъ и вездѣ, внимательно слѣдившими за всѣмъ, что происходитъ въ отрядѣ. Колонна Форстена была открыта. Къ ху-

торамъ ведутъ двѣ дороги: одна прямая, черезъ лѣсъ, другая обходная, пролегаетъ по расчищеннымъ полянамъ, огибая лѣсъ со стороны Гойты. Зная, что первая изъ нихъ завалена срубленными деревьями, полковникъ Форстенъ хотѣлъ сначала избрать послѣднюю, но такъ какъ движеніе отряда было открыто пикетами и скрываться долѣе было совершенно бесполезно, то онъ рѣшился идти прямо черезъ лѣсъ, чтобы этимъ, по крайней мѣрѣ, выиграть время. Но такъ какъ здѣсь не было никакой возможности провезти орудія, тѣмъ болѣе, что и пѣхота съ трудомъ могла прокладывать себѣ дорогу, онъ съ кавалеріей обскакалъ лѣсъ по обходной дорогѣ и всей колоннѣ велѣлъ слѣдовать по тому же направленію. Прежде нежели войска успѣли занять аулъ, жители разбѣжались. Въ хуторахъ найдены всѣ признаки недавняго пребыванія чловека—котлы на огнѣ, хлѣбъ и прочая.

Ауль былъ истребленъ. При обратномъ движеніи, чеченцы, по обыкновенію, со всѣхъ сторонъ оцѣпили колонну, но 4-й баталіонъ тенгинскаго пѣхотнаго полка, перейдя въ наступленіе, штыками отбросилъ непріятеля, оставившаго пять тѣлъ въ нашихъ рукахъ. Чеченцы послѣ этого не осмѣливались уже возобновлять нападеніе, но сильнымъ ружейнымъ огнемъ провожали отступавшую колонну. Когда войска вышли на открытую мѣстность, впереди показались значки наибовъ Атабая и Муртазали, спѣшившихъ на тревогу; партіи ихъ были разсѣяны нѣсколькими картечными выстрѣлами. Сабдулла и Ахмать опоздали: они тогда только прискакали на тревогу, когда войска были уже въ лагерѣ.

Чеченцы отстаивали, какъ могли, свои пепелища; разрушеніе самыхъ незначительныхъ хуторовъ не обходилось безъ потерь. Даже и теперь, когда помощь явилась слишкомъ поздно къ жителямъ, въ колоннѣ полковника Форстена было два убитыхъ, двадцать пять раненыхъ и двадцать пять контуженыхъ нижнихъ чиновъ, двѣ лошади убитыхъ и девять

раненыхъ. Непріятель потерялъ семь человѣкъ убитыми и около двадцати ранеными.

Колонна, подъ командой егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка подполковника Майделя продолжала, 16-го декабря, истреблять лѣса все въ томъ же направленіи, по лѣвую сторону дороги къ раззоренному аулу Урусъ-Мартану. 17-го декабря двѣ колонны выступили изъ лагеря почти одновременно: одна для рубки лѣса въ той же мѣстности, другая сопровождала въ крѣпость Воздвиженскую больныхъ и раненыхъ и возвратилась въ лагерь того же дня вечеромъ съ транспортомъ сухарей, фуража и сѣна. Первой изъ нихъ пришлось пушечными выстрѣлами разстроить намѣреніе чеченцевъ воспрепятствовать работамъ; вторая совершила свое путешествіе въ оба конца безъ всякихъ встрѣтъ и приключеній.

Со второй половины декабря морозы въ Чечнѣ постепенно усиливаются; 17-го числа, утромъ и вечеромъ, при густомъ туманѣ, ртуть въ термометрѣ Реомюра стояла на двадцати градусахъ ниже нуля. Еще дня на четыре оставалось работы по расчисткѣ просѣки между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ. Колонны, высланныя въ ту сторону съ 18-го по 21-е декабря включительно, не встрѣчали противодѣйствія со стороны непріятели; за то, сильные морозы вредили успешному ходу работъ. Только 20-го числа сдѣланы были по колоннѣ, возвращавшейся въ лагерь, три орудійныхъ выстрѣла, не причинившіе, впрочемъ, никакого вреда.

23-го декабря предполагалось уже всѣмъ отрядомъ выступить изъ Чечни и развести войска по квартирамъ на отдыхъ, какъ вдругъ получило извѣстіе, что наибы Ахмать и Гяхо намѣреваются съ конными партіями двинуться къ низовьямъ Сунжи. Въ полночь генераль Фрейтагъ, со всею кавалеріею, при четырехъ конныхъ орудіяхъ, и вторымъ батальономъ князя Чернышева полка, выступилъ изъ лагеря на

Гойтѣ въ крѣпость Грозную, откуда кавалерію, подѣ командой полковника Форстена, направилъ прямою дорогою на Умаханъ-Юртъ, чтобы отрѣзать неприятелю отступленіе. Въ Чертугаѣ полковникъ Форстенъ узналъ, что наибы уже возвратились съ поиска на сунженской линіи, и потому двинулся съ кавалеріей обратно въ Грозную. Имѣли ли наибы успѣхъ на Сунжѣ, или потерпѣли неудачу—ни въ Грозной, ни въ отрядѣ пока не было извѣстно.

Къ роспуску войскъ на отдыхъ теперь препятствій не представлялось. Полковникъ баронъ Вревскій получилъ предписаніе отъ начальника лѣваго фланга выступить изъ лагеря на Гойтѣ въ семь часовъ утра двумя колоннами, изъ которыхъ одну направить на Воздвиженскую, другую на Грозную. Безъ выстрѣла снялся отрядъ съ лагеря на Гойтѣ, и ни одинъ чеченецъ не показывался при его выступленіи. Нелегка была трехнедѣльная экспедиція втораго періода: морозы переходили иногда за двадцать градусовъ; войска нуждались въ отдыхѣ; имъ нужно было исправить и освѣжить одежду, въ особенности обувь, пригорѣвшую и потрескавшуюся подлѣ костровъ, у которыхъ ютились солдаты въ свободное отъ службы время. Сверхъ того, нѣкоторыя части войскъ, болѣе другихъ пострадавшія во время военныхъ дѣйствій послѣдняго періода, приходилось замѣнить свѣжими, другія пополнить. Вотъ почему, начальникъ лѣваго фланга линейныхъ казаковъ распустилъ по домамъ, третій и четвертый баталіоны тенгинскаго, первый, второй и четвертый навагинскаго пѣхотныхъ полковъ и взводъ легкой № 4-го батареи направилъ на квартиры въ станицы верхне-сунженской линіи.

Въ послѣднія три недѣли отъ возобновленія военныхъ дѣйствій до роспуска отряда мы потеряли: убитыми семнадцать человекъ, ранеными сто восемьдесятъ пять и контужеными восемьдесятъ пять, всего двѣсти восемьдесятъ семь человекъ. Въ это число слѣдуетъ включить, кромѣ поименован-

ныхъ уже прежде офицеровъ, десять другихъ раненыхъ и контуженныхъ 13-го, 14-го и 15-го чисель декабря мѣсяца, при движеніи колонны подполковника Эггера къ Урусъ-Мартану для истребленія лѣса, при набѣгѣ князя Барятинскаго на аулъ Вагочарой, при раззореніи полковникомъ Форстеномъ хуторовъ по правую сторону Гойты *).

Главной боевой силы—штыковъ—со дня открытія военныхъ дѣйствій по день ихъ прекращенія убавилось на 1455, т. е., считая по 800-тъ человекъ въ баталіонѣ, изъ строя вышло почти два баталіона изъ девяти въ продолженіе пяти недѣль. Если мы исключимъ изъ валовой цифры 1455 около четырехсотъ человекъ, пострадавшихъ въ бояхъ отъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, останется тысяча слишкомъ человекъ, выбывшихъ изъ отряда за болѣзнь, и это, несмотря на отеческую заботливость, съ которою отрядные начальники, почти всѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, относились къ вопросу о благосостояніи и здоровьи нижнихъ чиновъ вѣранныхъ имъ войскъ.

Одновременно съ дѣйствіями главнаго чеченскаго отряда, происходили частныя нападенія непріятеля и на прочихъ пунктахъ линіи, а именно:

18-го ноября, въ самый день выступленія отряда въ малую Чечню, въ тылу колонны, слѣдовавшей изъ крѣпости Воздвиженской къ ханкальскому ущелью, показалась довольно сильная непріятельская партія со стороны Аргуна. Хотя картечными выстрѣлами изъ орудія, бывшаго въ арріергардѣ, она была разсѣяна, но въ перестрѣлкѣ, которую она завязала съ колонной, съ нашей стороны два егеря были кон-

*) Раненые: гренадерскаго полка поручикъ Кноррингъ и прапорщикъ Семеновъ, тенгинскаго подпоручикъ Селезневъ, навагинскаго подпоручикъ Серебряковъ, князя Чернышева прапорщикъ Концевичъ, артилеріи прапорщикъ Ватковскій; контуженые: гренадерскаго полка поручикъ Строжевскій, тенгинскаго майоръ Кемфертъ, князя Чернышева полка подпоручикъ Рындицъ, князя Вороцова полка прапорщикъ Евреиновъ.

тужены. 22-го декабря, въ первомъ часу пополудни, партія конныхъ чеченцевъ, болѣе пятисотъ человекъ, вѣроятно та самая, о которой дано было знать начальнику лѣваго фланга накануне роспуска отряда, переправилась по льду на лѣвый берегъ Терека близъ поста Монастырскаго и поскакала въ степь, чтобы захватить пасшійся тамъ табунъ лошадей или стадо рогатаго скота. Около того же поста въ это самое время двадцать пять казаковъ занимались рыбною ловлею. Замѣтивъ вовремя партію, они открыли по ней ружейный огонь. Поднялась тревога. Съ ближайшихъ резервныхъ постовъ и станицъ стали собираться казаки. Горцы, понявъ, какой опасности они подвергаются при отступленіи, отказались отъ поиска въ степи и бросились обратно переправляться за Терекъ. Казаки преслѣдовали ихъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись въ лѣсахъ сунженскаго хребта. Въ перестрѣлкѣ съ непріателемъ контужень сотникъ Титкинъ и раненъ одинъ казакъ—оба гребенскаго казачьяго полка. Наканунѣ, т. е. 21-го декабря, на Сунжѣ, въ томъ же родѣ была сдѣлана попытка, но только съ нашей стороны: воинскій начальникъ укрѣпленія Заканъ-юрта, полковникъ Шульцъ, предложилъ жителямъ аула, поселившася близъ укрѣпленія, отправиться на поиски на правый берегъ Сунжи. Нѣсколько всадниковъ, подѣ командой узденя Бачи Саралиева, переправились на правый берегъ рѣки и, воспользовавшись оплошностью своихъ немирныхъ сосѣдей, захватили у нихъ безъ выстрѣла пятьсотъ штукъ барановъ.

Для другаго отдѣла лѣваго фланга кавказской линіи, для кумыкскаго владѣнія, этотъ промежутокъ времени отмѣченъ нѣсколькими болѣе крупными военными происшествіями: командующему войсками этого владѣнія генераль-маіору Витовскому разрѣшено было Фрейтагомъ, пользуясь отсутствіемъ зааргунскихъ чеченцевъ, отбывшихъ въ малую Чечню, произвести нѣсколько поисковъ по ту сторону качкальковскаго хреб-

та. Вслѣдствіе этого, въ ночь съ 27-го на 28-е ноября генераль-маіоръ Витовскій, съ шестью ротами егерскаго князя Чернышева полка, при двухъ орудіяхъ легкой № 5-го батареи 20-й артилерійской бригады, и семью сотнями донскихъ казаковъ №№ 20-го и 40-го полковъ, двинулся изъ укрѣпленія Куринскаго за качкалыковскій хребетъ къ аулу Наимъ-Берды. Истребивъ этотъ аулъ и находившіеся въ немъ запасы хлѣба и сѣна, генераль Витовскій отступилъ къ Куринскому укрѣпленію. При обратномъ движеніи колонны, чеченцы завязали съ ней довольно сильную перестрѣлку, въ которой съ нашей стороны одинъ казакъ убитъ и двое ранены; егерскаго полка контуженъ прапорщикъ Длатовскій и раненъ одинъ унтеръ-офицеръ. Въ ночь съ 28-го на 29-е ноября, присоединивъ къ своему маленькому отряду одну роту линейнаго № 12-го баталіона и одно орудіе линейной казачьей № 15-го батареи, генераль Витовскій выступилъ изъ укрѣпленія Куринскаго черезъ Кошкельды къ аулу Аллерой. Собравшіеся по тревогѣ чеченцы встрѣтили колонну ружейнымъ огнемъ, но они прекратили перестрѣлку и скрылись въ лѣсу послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ нашей артилеріи. Въ этомъ набѣгѣ убитъ одинъ унтеръ-офицеръ егерскаго полка и того же полка три егеря ранены и два контужены. Аулъ Аллерой и наблюдательный неприятельскій постъ на качкалыковскомъ хребтѣ истреблены огнемъ. Въ третьемъ набѣгѣ, въ ночь на 30-е ноября, уничтоженъ отрядомъ генерала Витовскаго аулъ Шавдонъ-Шари, безъ потери съ нашей стороны.

Къ концу стараго 1847-го года на всемъ протяженіи кумыкскаго владѣнія наступило затишье, непрерываемое ни однимъ выстрѣломъ, кромѣ тѣхъ, которыми всю ночь 31-го декабря привѣтствовали быстро приближавшійся новый 1848-й годъ.

II.

Третій періодъ зимней экспедиціи. Лагерь на Урусъ-Мартанѣ. Истребленіе лѣсовъ между этой рѣкой и Рошней, между Рошней и Гехой. Перерывъ военныхъ дѣйствій. Набѣгъ полковника барона Вревскаго въ ночь съ 25-го на 26-е января. Четвертый періодъ зимней экспедиціи. Новый операціонный базисъ. Лагерь на р. Шалажи. Истребленіе лѣсовъ вверхъ и внизъ по р. Валерику. Расчетка гехинской просѣки. Мѣсто для будущаго укрѣпленія готово. Начало оттепелей. Распускъ отряда. О тревогахъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Основаніе для дѣленія перечня военныхъ происшествій. Съ 1-го января по 9-е марта 1848-го года. Весна 1848-го года. Тревоги. Вторженіе въ ауховскія владѣнія 24-го іюня и послѣдствія его, Опять мѣсяць тревогъ. Что увидѣла Чипчаковская башня 26-го іюля на дорогѣ отъ Сулака къ Хасавъ-Юрту.

Тысяча восемьсотъ сорокъ седьмой годъ сдать своему преемнику дѣло о продолженіи и окончаніи работъ по истребленію лѣсовъ къ западу отъ Урусъ-Мартана. Къ востоку отъ этой рѣки, т. е. къ сторонѣ крѣпости Воздвиженской, все было уже окончено, и войска свободно могли двигаться по большой русской дорогѣ, такъ какъ по обѣ стороны дороги лѣса вырублены были какъ-разъ на такое разстояніе, чтобы непріятельскіе снаряды безпрепятственно не могли доноситься до нашихъ колоннъ, и батареи, устраиваемыя на бабахъ по опушкамъ лѣсовъ, не могли прикрываться вѣковыми деревьями и завалами.

Восеннія дѣйствія въ малой Чечнѣ возобновились 10-го января; театромъ имъ служило въ этотъ третій періодъ зимней экспедиціи пространство между Урусъ-Мартаномъ и ея лѣвымъ притокомъ Рошней и между этой послѣдней и рѣкою Гехи. Отрядъ выступилъ изъ Грозной, своего обыкновеннаго сборнаго пункта, 8-го января въ 9-ть часовъ утра, подъ командой начальника лѣваго фланга кавказской линіи, генераль-лейтенанта Фрейтага. Составъ его былъ прежній, кромѣ кавалеріи, въ которой произведены слѣдующія сокращенія:

донскаго № 39-го полка, вмѣсто прежнихъ двухсотъ казаковъ прибыло только двадцать; чеченской милиціи, вмѣсто прежнихъ шестидесяти восьми, явилось только сорокъ шесть человекъ; гребенскіе казаки не принимали участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Изъ артилерійскихъ частей не вошли въ составъ отряда въ день его выступленія только четыре орудія линейной казачьей № 15-го батареи, которыя, за глубокимъ снѣгомъ на линіи, не могли своевременно прибыть въ Грозную; дивизионъ только 13-го января присоединился къ отряду.

Въ девять часовъ утра 9-го января, войска выступили изъ крѣпости Воздвиженской, куда прибыли наканунѣ въ четыре часа пополудни, и черезъ гойтенскую просѣку направились къ раззоренному аулу Урусъ-Мартану. Для рубки лѣса по лѣвую сторону дороги между Урусъ-Мартаномъ и Рошней, 10-го января выслана была колонна, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты при трехъ орудіяхъ. Протестъ чеченцевъ выразился въ слабой перестрѣлкѣ, въ которой съ нашей стороны ранены три нижнихъ чина. Нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы чеченцы разсѣялись и больше не тревожили колонны. При истребленіи лѣса въ томъ же направленіи, колонной, подъ командой флигель-адъютанта полковника князя Барятинскаго, 11-го января, непріятель завязалъ съ прикрытіемъ незначительную перестрѣлку, въ которой съ нашей стороны четыре нижнихъ чина ранены и два контужены.

Истребленіе лѣса продолжалось 12-го января колонной подъ командой полковника барона Вревскаго. Наибъ Анзоровъ около перваго часа дня сдѣлалъ по прикрытію нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія, скрытаго въ лѣсной чащѣ, но снаряды его далеко не долетали до нашихъ цѣпей. Въ три часа пополудни наибъ Сабдулла возобновилъ канонаду по лагерю. Орудіе его стояло на позиціи на правомъ берегу Урусъ-Мар-

тана, въ балкѣ, выше лагеря. Ему отвѣчали выстрѣлами изъ восьми орудій: четырехъ mortarной батареи и четырехъ батарейныхъ. Онъ не ожидалъ такой шумной встрѣчи и бѣжалъ съ своимъ орудіемъ вверхъ по Урусъ-Мартану. Въ девять часовъ утра изъ лагеря выступили до переправы черезъ Гойту шесть ротъ пѣхоты для конвоирования ста повозокъ коннаго транспорта, для усиленія двумя ротами князя Воронцова полка, первую и третьею, гарнизона крѣпости Воздвиженской, который долженъ былъ въ скоромъ времени приступить къ постройкѣ моста черезъ Аргунъ противъ крѣпости, такъ что изъ колонны, высланной на Гойту, въ лагерь должны были возвратиться только четыре роты. Безъ выстрѣла прошли онѣ разстояніе между Гойтой и Урусъ-Мартаномъ. Никогда прежде не двигались войска такими незначительными частями по этой дорогѣ.

13-го января три баталіона пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ, подъ командой подполковника Броневскаго, прикрывали рабочихъ, продолжавшихъ истреблять лѣса по лѣвую сторону дороги къ Рошнѣ. Передъ полуднемъ, на Гойту была выслана колонна для принятія слѣдовавшихъ изъ Воздвиженской на Урусъ-Мартанъ транспорта съ сухарями и запоздавашаго дивизіона линейной казачьей № 15-го батареи. Наибъ Дуба провожалъ ее артилерійскими выстрѣлами, когда она съ Гойты возвращалась въ лагерь. Но ни ему, ни Анзорову, стрѣлявшему изъ орудія по войскамъ, прикрывавшимъ въ этотъ день рубку лѣса, не удалось нанести вреда своими снарядами. На слѣдующій день, 14-го, истребленіе лѣсовъ продолжалось; колонной, прикрывавшей рабочихъ, командовалъ подполковникъ Махинъ. Чеченцы не препятствовали работамъ.

Морозы все время стояли на пятнадцати градусахъ, но на здоровье войскъ, благодаря, можетъ быть, ихъ постоянству, замѣтнаго вліянія не оказывали. 15-го января они по-

высились еще на пять градусовъ; холодъ былъ слишкомъ ощутителенъ даже для привычнаго русскаго человѣка, но не помѣшала однако чеченцамъ, во время работъ по истребленію лѣса, подъ начальствомъ полковника Аминова, подползать къ прикрытію и вступать съ нимъ въ перестрѣлку. Съ нашей стороны раненъ одинъ нижній чинъ. Наибъ Анзоровъ по тому же прикрытію сдѣлалъ нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, къ счастью безвредныхъ. 16-го января рубка лѣса производилась вблизи оврага, изъ котораго чеченцамъ удобно было вести съ нашими цѣлями перестрѣлку, чѣмъ они и воспользовались, не смотря на двадцатиградусный морозъ. Съ нашей стороны ранено двое и контужено трое нижнихъ чиновъ.

Чтобы окончить вырубку лѣса между рѣками Урусъ-Мартаномъ и Рошней съ южной стороны большой русской дороги на одну версту, послана была колонна изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, при восьми орудіяхъ, подъ командой флигель-адъютанта полковника князя Барятинскаго, которому приказано было очистить отъ лѣса оврагъ, перерѣзывающій дорогу. Въ этомъ оврагѣ постоянно скрывались чеченцы, и пользуясь выгодами, предоставляемыми имъ этою мѣстностью, тревожили наши прикрытія ружейнымъ огнемъ. Оврагъ уже былъ занятъ чеченцами, когда колонна приблизилась къ нему. Князь Барятинскій картечью принудилъ ихъ очистить его, занявъ войсками лѣсъ, которымъ онъ былъ покрытъ, и приказалъ рубить его. Около половины дня человѣкъ до тридцати чеченцевъ, прикрываясь вѣковыми деревьями, часа два поддерживали съ цѣлями перестрѣлку. Въ этотъ день мы потеряли ранеными: егерскаго князя Чернышева полка прапорщика Гернгросса—тяжело, и трехъ нижнихъ чиновъ, и контужеными четырехъ нижнихъ чиновъ.

Работы по истребленію лѣса на лѣвомъ берегу Рошни оставалось еще дня на три; чтобы покончить съ нею, отъ

отряда откомандирована была, подъ начальствомъ полковника барона Вревскаго, колонна изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, при восьми орудіяхъ, которая съ 18-го по 20-е января рубила по обѣ стороны русской дороги; 21-го же числа лѣсъ уничтожался по правую сторону дороги къ Рошнѣ. Въ тотъ же день шесть ротъ пѣхоты и четыре орудія ходили на Гойту для принятія транспорта съ сухимъ фуражемъ, слѣдовавшимъ съ колонной изъ Воздвиженской. Въ оврагѣ между Урусъ-Мартаномъ и Гойтой, наибъ Дуба, съ однимъ орудіемъ, подстерегалъ возвращенія этихъ шести ротъ въ лагерь, и когда онѣ приблизились къ нему на разстояніе пушечнаго выстрѣла, открылъ по нимъ огонь изъ своего орудія; но командовавшій колонной майоръ Лукомскій сосредоточеннымъ огнемъ артилеріи заставилъ замолчать неприятельское орудіе послѣ четвертаго выстрѣла. Роты вернулись въ лагерь безъ потерь. Передъ закатомъ солнца, человекъ тридцать конныхъ чеченцевъ бросились на пикетъ, выставленный отъ 1-го баталіона егерскаго князя Чернышева полка, вѣроятно съ намѣреніемъ отрѣзать его отъ лагеря, но, встрѣченные ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, отступили съ потерю нѣсколькихъ человекъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ одно тѣло. Вечеромъ лазутчики дали знать начальнику лѣваго фланга, что наибы Ахмать и Гяхо возвратились съ своими партіями за Аргунь.

Обнажая постепенно мѣстность къ западу отъ Урусъ-Мартана, мы въ то же время облегчали себѣ доступъ къ неприятельскимъ ауламъ и хуторамъ, притаившимся въ трупцабахъ темныхъ, едва проходимыхъ лѣсовъ. На этомъ основаніи жители береговъ Рошни стали выселяться мало по малу и подаваться въ гойтенскіе лѣса, но такъ какъ вода въ рѣкѣ Гойтѣ вымерзла, то имъ поневолѣ пришлось пригонять свои стада на водопой къ Урусъ-Мартану, ниже нашего лагернаго расположенія, по близости джарганъ-юртовскихъ хуторовъ.

Получивъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что водопой начинается около половины дня и не прекращается до самаго вечера, начальникъ лѣваго фланга 22-го января предписалъ князю Барятинскому—съ 4-мъ баталіономъ тенгинскаго и 1-мъ егерскаго князя Чернышева полковъ, съ шестью орудіями и ста пятидесятью казаками моздокскаго полка, выступить изъ лагеря въ двѣнадцать часовъ и какъ можно быстрѣе двинуться къ джарганъ-юртовскимъ хуторамъ. Движенія этого, въ самый полдень, не было никакой возможности скрыть отъ непріятеля, который по тревогѣ началъ бы сбѣгаться со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, но начальникъ лѣваго фланга, замѣнивъ числительную силу отряда внезапностью его выступленія и быстротою движенія, надѣялся отхватить хоть часть рогатаго скота.

Отъ лагеря до Джарганъ-юрта шесть верстъ. Едва войска этого маленькаго летучаго отряда успѣли отойти версты двѣ отъ мѣста, какъ въ сторонѣ водопоя послышались сигнальные выстрѣлы: движеніе было открыто. Князь Барятинскій немедленно послалъ командовавшаго казаками ротмистра Іедлинскаго по направленію къ Джарганъ-юрту, приказавъ захватить, что попадется подъ руку, и продержаться съ добычею до прибытія пѣхоты. Ротмистру Іедлинскому удалось отбить семьдесятъ штукъ крупнаго рогатаго скота и взять въ плѣнъ одну женщину и трехъ раненыхъ казаками чеченцевъ. Тревога быстро распространилась по окрестностямъ; со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться чеченцы; казаки были окружены. Ротмистръ Іедлинскій, опасаясь за свою добычу, которой легко могъ лишиться, если начнетъ отступать, приказалъ казакамъ спѣшиться и залечь за случившійся тутъ заваль. Заслышавъ учащенную перестрѣлку, пѣхота, слѣдовавшая все время форсированнымъ маршемъ, бѣгомъ поспѣшила на выручку казаковъ. Чеченцамъ не удалось возвратитъ захваченную у нихъ добычу. Плѣнные чеченцы умерли отъ ранъ при обратномъ движеніи нашей колонны. Вся потеря съ нашей стороны въ

этомъ дѣлѣ пала на долю моздокскаго казачьяго полка, который лишился одного убитаго и шестерыхъ раненыхъ; убито двѣ и ранено восемь лошадей.

Не смотря на ежедневныя и усиленныя работы по истребленію лѣсовъ въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана, пришлось еще два дня, 22-го и 23-го января, посылать колонны для той же надобности къ сѣверной сторонѣ большой русской дороги. Непріятель не препятствовалъ работамъ и даже не показывался: мѣста, покинутыя жителями, повидимому перестали уже интересоваться ихъ. Но и къ 24-му января, послѣ послѣднихъ двухъ дней усиленной рубки лѣса, мѣстность къ сѣверу отъ большой русской дороги, къ сторонѣ Сунжи, еще не совершенно была открыта на пушечный выстрѣлъ; но такъ какъ лѣсъ, ее прикрывавшій, не будучи сплошнымъ, не могъ препятствовать военнымъ дѣйствіямъ, то начальникъ лѣваго фланга рѣшился прекратить дальнѣйшую вырубку лѣса между Урусъ-Мартаномъ и Рошней, потому что оставленный уничтожится самъ собою, когда войска будутъ стоять въ лѣтнюю экспедицію лагеремъ на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ; сюда очень удобно и безопасно будетъ посылать команды за дровами. Съ южной стороны дороги, хотя лѣса вырублены на цѣлую версту въ ширину просѣки, но большихъ деревьевъ, годныхъ для строеваго лѣса, не велѣно трогать, такъ какъ они могутъ быть употреблены въ дѣло при заложеніи крѣпости на Урусъ-Мартанѣ.

Ровно двѣ недѣли, неустанно, въ трескучіе морозы, трудились войска надъ выполненіемъ далеко не легкой задачи—густо поросшее вѣковыми лѣсами пространство въ шесть квадратныхъ верствъ превратить въ открытое поле. Нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ лѣнными гигантами отъ полутора до двухъ аршинъ и болѣе въ діаметрѣ; побѣда надъ такимъ колоссомъ требовала иногда, смотря по его породѣ, непрерывной работы нѣсколькихъ топоровъ въ продолженіе полныхъ семи рабочихъ часовъ. Эти патріархи кавказскихъ дебрей, съ густо

разросшимся вокругъ нихъ поколѣніями, попадались чуть ли не на каждыя десяти-двѣнадцати квадратныхъ саженьяхъ. Шумъ отъ ихъ паденія не заглушался даже ружейной перестрѣлкой; падая, они увлекали съ собою другія деревья; раздавался по лѣсу трескъ, оглушительный, протяжный, сопровождаемый криками „ура“, веселымъ смѣхомъ и остротами. Начальникъ отряда рѣшилъ сдѣлать небольшой перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы дать возможность солдату привести въ порядокъ одежду и обувь, и сколько нибудь отдохнуть. Для этой цѣли отрядъ двумя колоннами направленъ былъ на временныя квартиры. Въ первой, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, находились: донскіе и линейные казаки, 2-й баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка, 1-й баталіонъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, шесть ротъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, дивизіонъ линейной казачьей № 15-го батареи, взводъ донской № 3-го батареи, дивизіонъ батарейной № 3-го батареи 20-й артилерійской бригады, взводъ подвижной гарнизонной артилеріи; вторую колонну, подъ командой полковника барона Вревскаго, составляли: 3-й и 4-й баталіоны тенгинскаго пѣхотнаго полка, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны навагинскаго пѣхотнаго полка, дивизіонъ легкой № 4-го батареи 20-й артилерійской бригады. Войска снялись съ позиціи въ семь часовъ утра. Ни одинъ чеченецъ не показывался въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана. Колонна барона Меллера-Закомельскаго прошла въ крѣпость Воздвиженскую безъ выстрѣла.

Колонна полковника барона Вревскаго двинулась къ Ачхою по большой русской дорогѣ. Когда она подходила къ Валерику, между нею и этой рѣчкой показалась конная партія чеченцевъ, около двухсотъ человѣкъ, имѣвшая, повидимому, намѣреніе замедлить переправу нашихъ войскъ. Баронъ Вревскій быстрымъ движеніемъ къ Валерику предупредилъ намѣреніе непріятеля. Завязалась перестрѣлка; первому баталіону

навагинскаго пѣхотнаго полка пришлось выдержать довольно сильный ружейный огонь.

Войска переправились съ потерей четырехъ нижнихъ чиновъ ранеными, одного штабъ-офицера (навагинскаго полка маіоръ Лукомскій) и трехъ нижнихъ чиновъ контужеными и двухъ лошадей убитыми. Между Валерикомъ и Ачхоемъ непріятель больше не показывался.

Зная, какъ безпечны бываютъ чеченцы передъ роспускомъ отрядовъ, генераль Фрейтагъ предписалъ барону Вревскому—въ ночь съ 25-го на 26-е января сдѣлать набѣгъ, для чего заблаговременно просить начальника владикавказскаго военнаго округа генерала Нестерова предоставить въ распоряженіе барона Вревскаго возможно больше кавалеріи. Въ полночь колонна, въ составѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты: 4-го тенгинскаго и 1-го, 2-го и 3-го навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, при шести орудіяхъ, съ шестью сотнями линейныхъ казаковъ сунженскаго полка и двумя сборными сотнями донскаго № 19-го полка, выступила изъ Ачхоя по направленію къ густо населенной мѣстности, аудамъ: новый Гехинъ-Кажъ, старый Гехинъ-Кажъ, Тегень-юртъ, Берды-юртъ и нѣкоторые другимъ. Отъ опушки лѣса баронъ Вревскій отдѣлилъ всю кавалерію, подъ начальствомъ полковника Слѣщова, для занятія обреченныхъ раззоренію ауловъ. Появленіе казаковъ, послѣ роспуска отряда, въ такое время, когда менѣе всего можно было ожидать тревоги, до такой степени озадачило чеченцевъ, что они сначала какъ бы не вѣрили своимъ глазамъ. Пользуясь ихъ замѣшательствомъ, полковникъ Слѣщовъ, не теряя времени, быстро охватилъ аулы и, спѣшивъ большую часть казаковъ, приказалъ имъ занять сакли и опушку лѣса, окружавшаго чеченскія деревни. Чеченцы защищались отчаянно въ своихъ сакляхъ; многія изъ нихъ приходилось брать штурмомъ. По тревогѣ, изъ окрестныхъ деревень стали сбѣгаться чеченцы; въ цѣпи завязалась жаркая перестрѣлка;

въ аулахъ шель рукопашный бой. Пѣхота нѣсколько замедлила прибытіемъ вслѣдствіе глубокаго снѣга и встрѣтившихся на пути препятствій, такъ какъ колонна слѣдовала не по дорогамъ, по которымъ движеніе ея легко могло быть открыто пикетами. Какъ только подошла пѣхота, баронъ Вревскій тотчасъ же смѣнилъ цѣль спѣшенныхъ казаковъ шестью ротами навагинскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями. Аулы, занятые казаками, были разорены и преданы огню. Кромѣ разнаго имущества, найденнаго въ сакляхъ, добычу отряда составляли плѣнные, въ числѣ пятнадцати человѣкъ обоого пола, двадцать лошадей, двѣсти головъ рогатаго скота и множество оружія. Колонна отступила. Это движеніе, столь же неожиданное для нашихъ войскъ, сколько и для чеченцевъ, стоило намъ трехъ офицеровъ убитыми, трехъ ранеными и двухъ контужеными *); семнадцати нижнихъ чиновъ убитыми, шестидесяти двухъ ранеными и семи контужеными; тридцать шесть лошадей убито и тридцать девять ранено.

Набѣгомъ барона Вревскаго завершились военныя дѣйствія третьяго періода зимней экспедиціи 1847—1848-го годовъ. Въ этотъ періодъ мы потеряли убитыми, ранеными и контужеными: штабъ и оберъ-офицеровъ двѣнадцать, нижнихъ чиновъ сто двадцать шесть; всего же выбыло изъ строя съ 10-го по 26-е января сто тридцать восемь человѣкъ. Изъ этого числа семьдесятъ девять, т. е. больше половины, приходится на послѣдній набѣгъ.

Вырубкою лѣсовъ въ окрестностяхъ Рошни задача чеченскаго отряда въ зимнюю экспедицію 1847—48-го годовъ

*) Убитыми: донскаго № 19-го полка есаула Саринова и сотника Ткачева и сунженскаго линейнаго казачьяго № 1-го полка сотника Суровецкаго; ранеными: тенгинскаго полка поручика Левандовскаго, навагинскаго штабсъ-капитана Ленскаго и донскаго № 19-го хорунжаго Цыплакова; контужеными: тенгинскаго полка прапорщика Ушакова и сунженскаго сотника Баскакова.

не была исчерпана. Правда, отъ крѣпости Воздвиженской до рѣки Гехи, на протяженіи двадцати двухъ верстѣ, большая русская дорога, пролегавшая прежде между зарослями, лѣсами и перелѣсками, была теперь открыта со всѣхъ сторонъ, и войска свободно могли двигаться по ней, если не совершенно безпрепятственно, какъ въ мирной странѣ, то, во всякомъ случаѣ, не подвергаясь нечаяннымъ нападеніямъ изъ-за скрытыхъ засадъ; но оставалось еще такое или почти такое же разстояніе, т. е. около двадцати двухъ верстѣ отъ рѣки Гехи до Ачхоевскаго укрѣпленія, крайняго западнаго пункта будущей чеченской передовой линіи, крайнимъ восточнымъ пунктомъ которой была Воздвиженская. Теперь, въ этотъ четвертый періодъ экспедиціи, для удобнѣйшаго доставленія въ отрядъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, при очисткѣ пространства между Гехою и Ачхоемъ, за основаніе предстоявшихъ военныхъ дѣйствій принято было Ачхоевское укрѣпленіе.

Наступали оттепели; слѣдовать черезъ Чечню съ большимъ обозомъ становилось затруднительно; войскамъ приходилось идти къ новому мѣсту лагернаго расположенія въ обходъ, вверхъ по Сунжѣ, правымъ ея берегомъ, почему начальникомъ лѣваго фланга предписано было полковнику барону Меллеру-Закомельскому—29-го января изъ Воздвиженской прибыть въ Грозную съ шестью ротами егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, при двухъ орудіяхъ донской № 3-го батареи. 30-го января всѣ наличныя войска чеченскаго отряда, за исключеніемъ колонны полковника барона Вревскаго, остававшейся въ Ачхоѣ, въ восемь часовъ утра выступили изъ Грозной къ Заканъ-Юрту и 31-го сдѣлали переходъ отъ Заканъ-Юрта до Казахъ-Кичу, гдѣ переночевали. 1-го февраля всѣ войска, принадлежавшія къ составу чеченскаго отряда *), соединились въ Ачхоѣ, откуда на слѣ-

*) За исключеніемъ мортирной батареи и одного орудія батарейной № 3-го батареи 20-й артилерійской бригады.

дующій день, въ восемь часовъ утра, двинулись къ рѣкѣ Шалажи, по берегамъ которой въ два часа пополудни расположились лагеремъ.

Медлить было некогда, потому что съ каждымъ днемъ становилось теплѣе: весна шла впередъ, не оборачиваясь, какъ это бываетъ въ мѣстностяхъ, отличающихся непостоянствомъ и спутанностью времени года; а между тѣмъ и время для полевыхъ работъ еще не скоро должно было наступить; отъ морозовъ же, лишавшихъ бодрости нашихъ противниковъ, нельзя было ожидать содѣйствія успѣху нашихъ операций.

3-го февраля изъ лагеря высланы были двѣ колонны: одна для истребленія лѣса между рѣками Шалажи и Нетхоемъ, другая въ Ачхоевское укрѣпленіе за сѣномъ для продовольствія лошадей. Еще три дня—4-го, 5-го и 6-го производилась рубка лѣса все въ томъ же направленіи, между Шалажи и Нетхоемъ. Непритель не показывался. Въ послѣдующіе же затѣмъ четыре дня, отъ 7-го до 10-го, лѣса истреблялись вверхъ и внизъ по Валерику; при этомъ уничтожались и хутора, попадавшіеся въ окрестностяхъ большой русской дороги. Сверхъ ожиданія, чеченцы не препятствовали работамъ, ограничиваясь самыми незначительными перестрѣлками, въ которыхъ раненъ одинъ нижній чинъ. Удобнѣе было бы, для успѣшной рубки лѣса по Валерику, расположить войска лагеремъ на самой рѣкѣ, но такъ какъ въ ней въ настоящее время не было воды, то войска поневолѣ должны были оставаться на Шалажи, въ трехъ верстахъ отъ Валерика. Къ 14-му февраля, весь лѣсъ внизъ по Валерику, насколько того требовала безопасность большой русской дороги, былъ вырубленъ; гехинская просѣка, успѣвшая, подобно гойтенской, покрыться зарослями, была расчищена. 15-го февраля войска расположились лагеремъ на Гехи, 16-го и 17-го занимались истребленіемъ

лѣса вверхъ по этой рѣкѣ, 18-го на разсвѣтѣ снялись съ позиціи.

Задача, возложенная на чеченскій отрядъ, была окончена. Большая русская дорога отъ крѣпости Воздвиженской до укрѣпленія Ачхоевскаго была очищена отъ лѣсовъ; теперь она имѣла гораздо больше сходства съ большой дорогой, нежели прежде. Начальникъ лѣваго фланга прекратилъ военныя дѣйствія въ малой Чечнѣ, и днемъ окончательнаго роспуска отряда назначено было 18-е февраля. Войска съ береговъ Гехи выступили двумя колоннами: тѣ, которыя принадлежали къ владикавказскому военному округу, двинулись черезъ Ачхой на сунженскую линію, а войска лѣваго фланга черезъ Воздвиженскую направились въ Грозную. Эти послѣднія не окончательно распростились съ чеченцами. Стоявшая нѣсколько дней сряду ясная и теплая погода распустила снѣгъ по ущельямъ Черныхъ горъ, рѣки тронулись, наполнились водой, которая поднялась выше обыкновеннаго уровня, и переправы сдѣлались затруднительны. Согрѣтые весеннимъ солнцемъ, чеченцы высыпали изъ своихъ ущѣлѣвшихъ труповъ провожать нашу колонну до Гойты; на каждой изъ трехъ рѣкъ, начиная отъ Рошни, они завязывали съ ней перестрѣлку, гарцуя по вновь расчищеннымъ полянамъ, забѣгая впередъ, поджидая войска на переправахъ. Эти проводы не обошлись безъ потерь для нашего отряда; ранены: одинъ оберъ-офицеръ, подпоручикъ Навроцкій, и семь нижнихъ чиновъ; контужены: прапорщикъ Джаджановъ и восемь нижнихъ чиновъ. И такъ, два оберъ-офицера и пятнадцать нижнихъ чиновъ составляютъ весь уронъ четвертаго періода зимней экспедиціи. Всего же выбыло изъ строя въ зимнюю экспедицію 1847—48-го годовъ убитыми, ранеными и контужеными триста человекъ.

Три мѣсяца неутомимаго, добросовѣстнаго труда тысяча ста рабочихъ рукъ, подъ прикрытіемъ шести тысячъ (сред-

нимъ числомъ) человѣкъ, принадлежащихъ къ разнаго рода оружію, потребовалось для того, чтобъ уровнять путь отряду, которому предстояло лѣтомъ 1848-го года поставить крѣпость на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ, не первоклассную крѣпость, не твердыню, но укрѣпленный обсерваціонный и оборонительный пунктъ для какихъ нибудь четырехъ, много шести ротъ.

Съ половины ноября до второй половины февраля военныя дѣйствія нашего отряда въ малой Чечнѣ имѣютъ характеръ безусловно наступательный: войска заняли извѣстное пространство непріятельской территоріи, измѣнили его топографическія условія, дали странѣ совершенно другую фізіономію, перевернули вверхъ дномъ ея экономическія основы; когда все было кончено, и край сдѣлался неузнаваемъ, они разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ и захолустьямъ. Но періодъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій не исключалъ возможности возникновенія на разныхъ пунктахъ кавказской линіи эпизодовъ никогда не прекращавшейся оборонительной войны. Напротивъ, ни одинъ воинскій начальникъ никогда не могъ съ увѣренностью сказать, что гарнизонъ ввѣреннаго ему поста проведетъ день и ночь такого-то числа и мѣсяца въ мирныхъ трудахъ и мирномъ снѣ, никѣмъ и ничѣмъ не потревоженный, и всегда, во всякій часъ дня и ночи, вездѣ, на всѣхъ пунктахъ, всѣ могли ожидать чего нибудь.

Такъ какъ горцы, для своихъ вторженій въ наши предѣлы, руководствовались условіями, о которыхъ намъ ничего не было извѣстно, и никогда не оказывали особеннаго предпочтенія той или другой мѣстности, появляясь иногда то въ самой опасной для себя, то въ такой, гдѣ ничтожные результаты, на которые они могли рассчитывать, не представляли никакихъ разумныхъ основаній для нападенія, то за основаніе дѣленія исторіи военныхъ происшествій удобнѣе всего

принять времена года, хотя и оно не может назваться рациональнымъ. Благопріятныя и неблагопріятныя условія то совпадаютъ, то расходятся, такъ что и это дѣленіе по временамъ года не можетъ служить масштабомъ для правильныхъ выводовъ и коментарій, но оно, по крайней мѣрѣ, не произвольное и представляетъ менѣе запутанности.

Январь мѣсяцъ прошелъ спокойно, но въ февралѣ мѣсяцѣ изъ четырехъ столкновеній съ непріятельскими партіями заслуживаетъ вниманія слѣдующее: 23-го февраля, изъ крѣпости Воздвиженской въ лѣсъ за дровами посланъ былъ 3-й баталіонъ князя Воронцова полка въ полномъ составѣ, при двухъ орудіяхъ, съ двадцатью пятью казаками донскаго № 39-го полка. Наибъ Дуба по тревогѣ собралъ партію чеченцевъ, болѣе трехсотъ человѣкъ, и какъ только колонна начала отступать отъ лѣса, сдѣлалъ по ней залпъ и готовился броситься въ пашки на арріергардную цѣпь, но, встрѣченный сильнымъ ружейнымъ огнемъ, мгновенно скрылся въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько минутъ, раздѣливши свою партію на три части, одновременно атаковалъ арріергардную и обѣ боковыя цѣпи. Но и эта попытка Дубы окончилась неудачей: по приказанію колоннаго начальника подполковника Костырки, резервы встрѣтили атакующихъ штыками. Чеченцы, не рѣшаясь вступить въ рукопашный бой съ опытными и храбрыми егерями, бѣжали, преслѣдуемые огнемъ. Въ этомъ дѣлѣ контуженъ егерскаго князя Воронцова полка поручикъ Греченевскій, шестнадцать егерей ранены и одинъ убитъ. Первые числа марта мѣсяца, за исключеніемъ мелкихъ тревогъ и прорыва хищническихъ партій, не представляли также ничего выдающагося.

Такъ кончилась зима 1848-го года на лѣвомъ флангѣ, и начиная съ 10-го января по 9-е марта, въ предѣлахъ его всего выбыло изъ фронта, включая сюда войска владикавказскаго военнаго округа, принимавшія участіе въ военныхъ дѣй-

ствіяхъ чеченскаго отряда: штабъ и оберъ-офицеровъ убитыхъ—3, раненыхъ и контуженыхъ—7; нижнихъ чиновъ убитыхъ—21, раненыхъ и контуженыхъ—151. Въ предѣлахъ же лѣваго фланга кавказской линіи изъ мирныхъ жителей трое убито, одиннадцать ранено.

Весна началась тревогой, имѣвшей для жителей кумыкской плоскости менѣе счастливый исходъ: 9-го марта, между Внезапной и Хасавъ-юртомъ, конная партія хищниковъ около сорока человѣкъ напала на пять человѣкъ кумыковъ и двухъ армянъ, ограбила ихъ, убила одного армянина, ранила одного кумыка и съ добычей скрылась въ горы. Спустя три дня, нѣсколько семействъ бывшихъ алдынскихъ хуторовъ *), желая выселиться въ наши владѣнія, въ аулы, расположенные близъ крѣпости Грозной, обратились къ начальнику лѣваго фланга прикрыть частью войскъ ихъ имущество во время переселенія. Начальникъ лѣваго фланга приказалъ выслать колонну изъ крѣпости Грозной къ аулу старые Алды для рубки дровъ. Конная партія наиба Сабдуллы сильно преслѣдовала переселенцевъ, но ружейнымъ и картечнымъ огнемъ нашей колонны была разсѣяна. Имущество переселенцевъ благополучно доставлено на мѣсто. Съ нашей стороны въ перестрѣлкѣ съ неприятелемъ одинъ рядовой раненъ и одинъ контуженъ.

Двѣнадцать дней было тихо и на линіяхъ, и въ кумыкскомъ владѣніи. Чѣмъ объяснить подобный перерывъ: половодьемъ или весенними полевыми работами? Половодье для большихъ рѣкъ, которыхъ верховья находятся у главнаго хребта, наступаетъ поздно; полевая работа въ горахъ начинаются около этого времени. 14-го марта тревоги возобновляются: въ этотъ самый день, значительная партія конныхъ чеченцевъ спустилась съ качкалыковского хребта близъ быв-

*) Алды къ юго-западу отъ Грозной, при устьѣ Гойты, родина знаменитаго шейха Мансура.

шаго Горячеводскаго укрѣпленія (Истису). Командующій подвижнымъ резервомъ въ укрѣпленіи Куринскомъ подполковникъ Майдель, съ тремя ротами пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, и тремя сотнями казаковъ, двинулся навстрѣчу партіи. Чеченцы, замѣтивъ движеніе войскъ, направлявшихся въ ихъ сторону, стали поворачивать назадъ къ качкалыковскому хребту, но прежде нежели успѣли подняться на него, подвижной резервъ достигъ ихъ и началъ поражать огнемъ артилеріи и боевыхъ ракетъ. Партія разсѣялась; чеченцы потеряли нѣсколько человекъ убитыми и ранеными; съ нашей стороны контужень одинъ егеръ князя Чернышева полка. Мелкія нападенія горцевъ на наши отдѣльныя команды продолжались; нерѣдко платились жизнью и имуществомъ и мирные горцы.

Между ними, преимущественно кумыками и горцами другихъ наименованій, были жители дѣйствительно мирные, преданные русскимъ и дорожившіе своимъ положеніемъ мирныхъ жителей. Въ горахъ ихъ ненавидѣли, считая измѣнниками, и при всякомъ удобномъ случаѣ дорого заставляли ихъ платить за измѣну. Это была первая категорія мирныхъ жителей, самая малочисленная. Въ глазахъ правовѣрныхъ они были великими грѣшниками, проливавшими кровь своихъ единовѣрцевъ въ рядахъ гяуровъ, подъ ихъ нечистыми знаменами. Ко второй категоріи принадлежало большинство—люди сомнительной преданности: мирные, когда того требовалъ интересъ и ихъ личная безопасность, немирные, когда счастье улыбалось имаму при его вторженіяхъ въ наши предѣлы; людямъ этой категоріи сходило все съ рукъ: русскіе не ставили имъ измѣны въ вину на томъ основаніи, что они были увлечены силою обстоятельствъ, наконецъ еще и потому, что они составляли громадное большинство. Попадались и между ними люди, истинно преданные русскимъ, но свою преданность, изъ робости, изъ опасенія мести, они таили про себя. Третью категорію, къ счастью немногочисленную, составляли люди,

пропитанные до мозга костей ненавистью къ русскимъ. Они выселялись въ наши предѣлы для того, чтобы ближе наблюдать за нами, слѣдить за всѣми нашими дѣйствіями, сообщать наши планы и намѣренія, давать знать обо всѣхъ нашихъ затрудненіяхъ, промахахъ, о малѣйшей опасности. Мы далеко не знали такъ хорошо набобовъ Шамиля, какъ Шамиль зналъ нашихъ генераловъ и выдающихся боевыми качествами начальниковъ частей; всѣ эти свѣдѣнія собирались и передавались по принадлежности жителями послѣдней, самой опасной категоріи. Коварство и лицемеріе ихъ можно бы назвать изящными, еслибы гнусное и изящное могли быть совмѣстимы. Иезуитъ, съ своей напускной набожностью, заставляющею васъ быть насторожѣ, покажется школьникомъ въ сравненіи съ этими настоящими професорами двуличности. Нельзя не отдать справедливости большей части нашихъ отрядныхъ и колонныхъ начальниковъ: они одинаково не довѣряли людямъ всѣхъ трехъ названныхъ выше категорій; они знали, что имѣютъ дѣло съ сынами востока; осторожность съ ними — самая мудрая политика. Осторожность — мать безопасности, говорить арабская, т. е. восточная же пословица.

Тревоги продолжались въ апрѣлѣ и въ маѣ мѣсяцахъ. Отмѣтимъ изъ числа ихъ особенно выдающіяся: 29-го апрѣля, въ два часа пополудни, командующій войсками въ крѣпости Воздвиженской, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, съ первымъ баталіономъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, при одномъ орудіи донской казачьей № 3-го батареи, и сотнею казаковъ донскаго № 39-го полка, переправившись по мосту на правый берегъ Аргуна, отбилъ у непріятеля двадцать три штуки рогатаго скота и четырехста барановъ. Когда онъ отступалъ съ добычею, чеченцы сильно преслѣдовали его колонну, въ особенности арріергардную цѣпь, на которую нѣсколько разъ бросались въ шашки, но всякій разъ съ урономъ были опрокидываемы. Кромѣ добычи, захваченной ба-

рономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, въ нашихъ рукахъ осталось три непріятельскихъ тѣла. Потеря наша состояла въ трехъ контуженыхъ и пяти раненыхъ егеряхъ и одной раненой казачьей лошади. 2-го мая, въ четыре часа пополудни, три чеченскихъ наиба: Талгикъ, Сабдулла и Дуба, съ партією конныхъ чеченцевъ болѣе семисотъ человѣкъ, бросились со стороны аргунскаго ущелья на пасшійся вблизи крѣпости Воздвиженской скотъ, принадлежавшій жителямъ аула Чахкери. Выскочившіе на тревогу чахкеринцы сильнымъ ружейнымъ огнемъ остановили покушеніе непріятели и такимъ образомъ не дали ему воспользоваться добычей; мало того, надѣясь на скорую помощь нашихъ войскъ, рѣшились атаковать его. Сборище чеченцевъ раздѣлилось на двѣ партіи: одна приняла направленіе къ гойтенской просѣлкѣ, другая бѣжала по лѣвому берегу Аргуна къ ущелью. Войска, выбѣжавшія изъ крѣпости, также раздѣлившись на двѣ колонны, начали преслѣдовать обѣ бѣгущія партіи. Чахкеринцы, увлекшись преслѣдованіемъ, были окружены чеченцами, которые дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія съ праваго берега Аргуна, но подоспѣвшія на выручку войска сбили непріятельское орудіе и картечнымъ огнемъ разсѣяли партіи. Смѣлая выходка чахкеринцевъ стоила имъ только трехъ раненыхъ. Войска безъ урона возвратились въ крѣпость. 12-го мая, въ часъ пополудни, изъ крѣпости Грозной посланъ былъ курьеръ на линію. До рѣки Нефтянки, по распоряженію начальника лѣваго фланга, его конвоировали сорокъ человѣкъ казаковъ донскаго № 39-го полка. Исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, казаки возвращались въ Грозную и уже отбѣхали версты двѣ отъ Нефтянки, какъ со стороны Суяжи показалась партія конныхъ чеченцевъ, болѣе четырехсотъ человѣкъ, предводительствуемая наибами: Сабдуллой, Талгигомъ и Дубой. Чеченцы, замѣтивъ горсть донскихъ казаковъ и считая ихъ своею вѣрною добычею, понеслись на

нихъ съ тѣмъ, чтобы отрѣзать ихъ отъ Грозной и въ нѣсколько минутъ истребить. Офицеръ, командовавшій казаками, хорунжій Погожевъ, видя несущагося къ его командѣ непріятеля, по крайней мѣрѣ въ десять разъ сильнѣйшаго, приказалъ казакамъ спѣшиться и построиться въ кружокъ. Когда чеченцы съ обнаженными шапками приблизились на пистолетный выстрѣлъ, казаки встрѣтили ихъ такимъ дружнымъ ружейнымъ огнемъ, что тѣ пріостановились. Тогда Талгикъ, окруживъ донцовъ со всѣхъ сторонъ, открылъ по нимъ сильнѣйшій огонь и нѣсколько разъ бросался въ шапки, но разорвать тѣсно сомкнутый кружокъ ему все-таки не удалось: казаки не теряли присутствія духа, и хладнокровно, безъ малѣйшей суетливости, продолжали держать непріятеля непрерывавшимся ни на минуту ружейнымъ огнемъ на извѣстномъ разстояніи. Болѣе получаса всѣ усилія чеченцевъ разстроить и затѣмъ уничтожить эту горсть казаковъ оставались безплодными. Перестрѣлка между тѣмъ слышана была въ Грозной. Вызванные по тревогѣ войска уже показали на дорогѣ къ мѣсту схватки. Чеченцы, замѣтивъ пыль, быстро приближавшуюся къ нимъ со стороны Грозной, сдѣлали послѣднее усиліе: вся масса ихъ съ угрожающими жестами и гикомъ хлынула на казаковъ. Положеніе этихъ послѣднихъ было критическое: еслибы они дрогнули при этомъ рѣшительномъ натискѣ, участь ихъ была бы рѣшена. Но голосъ хорунжаго Погожева и неустрашимаго урядника Назарова, кричавшихъ: „не робѣй братцы, наши близко!“ одушевилъ молодыхъ казаковъ—и они выдержали нападеніе. Черезъ нѣсколько мгновеній дымъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ разсѣялся; горсть казаковъ, до этой минуты заслоняемая густыми массами непріятеля, теперь была вся на виду; чеченцы бѣжали къ Нефтянкѣ, гдѣ ихъ ожидала партія пѣшихъ. Войска наши, преслѣдуя обѣ партіи, разсѣяли ихъ картечнымъ огнемъ. Казакамъ донскаго № 39-го полка въ первый разъ пришлось имѣть дѣло

съ непріателемъ въ десять разъ сильнѣйшимъ, и они съ честью вышли изъ испытанія, не смотря на то, что между ними не мало было раненыхъ. Потеря ихъ простиралась до четырнадцати раненыхъ и трехъ контуженыхъ: семнадцать изъ сорока выбыло изъ строя. Уронъ въ лошадяхъ также чувствителенъ: семь убито, двадцать двѣ ранены.

Въ концѣ весны, со второй половины мая, на плоскости, какъ вдоль береговъ Терека и Сунжи, такъ равно и въ кумыкскомъ владѣннн, вездѣ начинаются покосы; жители уже не могутъ сильными прикрытіями оберегать свои пасущіяся стада и табуны, охрана которыхъ ввѣряется нѣсколькимъ пастухамъ, иногда двумъ или тремъ, большею частью людямъ бѣднымъ, плохо вооруженнымъ—чѣмъ и объясняются крупныя размѣры хищническихъ покушеній непріателя, въ которыхъ принимаютъ участіе даже наибы. Если мы взглянемъ на вопросъ съ физической точки, то и въ ней найдемъ оправданіе воинственнаго настроенія нашихъ непокорныхъ сосѣдей: весной все оживаетъ въ природѣ; человекъ также чувствуетъ себя бодрѣе, предприимчивѣе; опасности улыбаются ему, потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ настойчиво требуетъ удовлетворенія.

Весна 1848-го года была самымъ лучшимъ временемъ года для лѣваго фланга по отношенію къ понесеннымъ имъ утратамъ, въ особенности, если принять во вниманіе смѣлыя вторженія непріателя въ его предѣлы сильными партіями, доходившими иногда до нѣсколькихъ сотъ человекъ. За три весеннихъ мѣсяца, съ 9-го марта по 12-е июня, потери его выражаются въ слѣдующихъ скромныхъ цифрахъ: изъ оберъ-офицеровъ только одинъ раненъ; нижнихъ чиновъ убито четыре, ранено 27-мъ, контужено 12-тъ, взято въ плѣнъ два. Жители мирныхъ ауловъ, которые, въ бдительности и энергическомъ сопротивленіи непріателю, старались не отставать отъ нашихъ войскъ, потеряли за истек-

ше три мѣсяца убитыми пять, ранеными пятнадцать и плѣнными шесть.

Наступило обильное военными эпизодами лѣто 1848-го года. Последній его мѣсяць отмѣченъ былъ событіемъ, которое составляетъ эпоху въ исторіи покоренія Чечни *).

14-го іюня, партія конныхъ чеченцевъ, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ набовъ, поднявшись изъ оврага подлѣ селенія Брагуны, быстро направилась къ Старому юрту и въ одно мгновеніе окружила ауль, намѣреваясь, повидимому, ворваться въ него, такъ какъ большая часть жителей находилась въ это время на покосѣ. Оставшіеся отъ полевыхъ работъ староюртовцы, какъ ни незначительно было ихъ число, ободренные старшимъ княземъ своимъ Муртазали Бековичемъ Черкасскимъ, бросились къ воротамъ, заняли канаву, которою обнесень ауль, и открыли по непріятелю сильный ружейный огонь. Озадаченный этимъ неожиданнымъ отпоромъ, поддержаннымъ выстрѣлами крѣпостной артилеріи, непріятель принуждены былъ съ урономъ отступить отъ аула. Горцы успѣли захватить въ степи до восьмисотъ головъ рогатаго скота и девять лошадей. Староюртовцы хотя и преслѣдовали непріятеля, но, по малочисленности своей, не могли отбить назадъ свой скотъ. Два часа продолжалась перестрѣлка. Изъ

*) Авторъ этихъ записокъ былъ свидѣтелемъ этого событія, имѣлъ возможность прослѣдить его отъ начала до конца, во всѣхъ его деталяхъ и перипетіяхъ. За цифры, выставляемыя въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ начальниковъ частей, авторъ, конечно, не отвѣчаетъ, но находитъ умѣстнымъ привести здѣсь анекдотъ, не забытый и теперь еще ветеранами лѣваго фланга, который сразу поставитъ читателя на извѣстную точку зрѣнія:

Воинскій начальникъ одного укрѣпленія доноситъ генералъ-лейтенанту Нестерову, что высланная имъ на фуражировку рота такого-то числа была атакована партіей въ двѣ тысячи человѣкъ, но, благодаря распорядительности, и пр. и пр. Нестеровъ зналъ уже объ этомъ происшествіи отъ своихъ вѣрныхъ лазутчиковъ; зналъ, что въ партіи было всего триста человѣкъ. Прочитавъ донесеніе, онъ написалъ на немъ своей рукой: „у страха глаза велики“.

мирныхъ жителей девять человекъ ранено. Непріятель бросилъ десять тѣлъ на мѣстѣ и одну лошадь съ сѣдломъ. Потеря его въ этомъ набѣгѣ должна быть значительна, судя по меткости выстрѣловъ, которыми старались вредить нападающимъ старожуртовцы. Въ партіи было до четырехъ тысячъ человекъ, какъ говорится въ донесеніи чеченскаго пристава штабсъ-капитана Доможирова *).

14-го іюня, около четырехъ часовъ пополудни, 1-го сунженскаго линейнаго казачьяго полка сотникъ Ситниковъ, взявъ съ собою неслужащаго казака Ассинской станицы Кононова, отправился съ сѣнокоса, за полторы версты, купаться на рѣку Ассу, противъ бывшаго аула Шеналокъ. Выкупавшись и одѣвшись, онъ сталъ уже садиться на лошадь съ тѣмъ, чтобы вернуться на покосъ, какъ въ это время замѣтилъ притаившихся въ кустахъ неподалеку отъ мѣста купанья шесть человекъ всадниковъ, въ которыхъ нетрудно было признать хищниковъ. Не думая о послѣдствіяхъ, сотникъ Ситниковъ приложилъ изъ бывшаго при немъ ружья и сдѣлалъ выстрѣлъ; одинъ изъ хищниковъ былъ убитъ. Товарищи убитаго на выстрѣлъ Ситникова отвѣтили залпомъ изъ пяти ружей, и тремя пулями въ грудь положили его на мѣстѣ и бросились къ нему

*) Свѣдѣнія о числительномъ состояніи могущихъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ чеченцевъ доставлялись постоянно лазутчиками и проверялись показаніями вліятельныхъ лицъ, разновременно выселявшихся въ наши предѣлы. По этимъ свѣдѣніямъ, никогда рѣзко не противорѣчившимъ одно другому, вся Чечня, большая и малая, могла выставить въ поле не болѣе 2800 человекъ и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ 2860, но въ такихъ случаяхъ приходилось снимать всѣ наблюдательные посты и пикеты. Недостающее до 4 т. число 1140 могло быть вызвано изъ ближайшихъ обществъ Дагестана, но для этого нужно было присутствіе самаго Шамиля или одного изъ его довѣренныхъ лицъ, а времени потребно было отъ 8 до 10 дней. Наконецъ, какимъ образомъ, о появленіи скопища въ четыре тысячи кавалеріи, если оно спустилось съ Качкалыковскаго хребта, ничего не знали ни въ Куринскомъ, ни въ Истису, ни въ Умаханъ-юртѣ, ни даже въ Брагунахъ? Если же оно вышло прямо изъ ущелій Салатавіи или Ауха, оно должно было пройти мимо цѣлой линіи нашихъ укрѣпленій, мимо цѣлаго ряда мирныхъ ауловъ.

съ намѣреніемъ обобратъ его; но казакъ Кононовъ, заслонивъ собою тѣло убитаго офицера, долго, съ самоотверженіемъ и отчаяннымъ мужествомъ, отстаивалъ его. Между тѣмъ, одиночный выстрѣлъ Ситникова и отвѣтнѣй залпъ хищниковъ подняли тревогу на покосѣ. По дорогѣ къ мѣсту происшествія показались находившіеся въ прикрытіи покосовъ казаки, подъ начальствомъ сотника Старицкаго. Хищникамъ не удалось сломить геройское мужество казака Кононова и ограбить тѣло убитаго офицера; они бѣжали къ сторонѣ Черныхъ горъ, какъ только увидѣли казаковъ. Сотникъ Старицкій преслѣдовалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись у него изъ вида, въ дремучихъ лѣсахъ, къ югу отъ большой русской дороги.

До 24-го числа включительно, за исключеніемъ одиночныхъ нападеній, ничего особеннаго не произошло, но на разсвѣтъ 24-го іюня случилось одно изъ тѣхъ происшествій, которыя надолго остаются въ памяти народа и наводятъ ужасъ на далекія окрестности. Происшествіе это было вторженіе русскихъ въ предѣлы Ауха, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, набѣгъ, предпринятый временно командовавшимъ войсками въ кумыкскомъ владѣніи генеральнаго штаба полковникомъ Вережкинымъ. Набѣгъ этотъ могъ служить полезною диверсіею нашему отряду, стоявшему въ то время подъ Гергебилемъ; онъ могъ отвлечь нѣкоторую часть скопищъ Шамиля отъ дагестанскаго отряда; наконецъ, онъ могъ также косвеннымъ образомъ имѣть вліяніе на успѣхъ нашего оружія въ малой Чечнѣ, лишивъ жителей густо населенной мѣстности возможности принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нашего отряда, въ случаѣ, еслибы состоялось предполагавшееся въ томъ году заложеніе крѣпости на берегахъ Урусъ-Мартана. Ауховцы, послѣ этого набѣга, имѣли законное основаніе не являться по призыву Шамиля въ малую Чечню: свои интересы для нихъ были дороже интересовъ малой Чечни; они должны были оставаться на своихъ мѣстахъ

для того, чтобы быть въ постоянной готовности защищать свои родныя пепелища въ случаѣ повторенія тѣхъ ужасовъ, которыхъ имъ довелось быть свидѣтелями.

Планъ набѣга былъ составленъ самимъ полковникомъ Веревкинымъ, и отрядомъ подъ его личнымъ начальствомъ приведенъ въ исполненіе. Веревкинъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ совершенно самостоятельно, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, хорошо ему извѣстными. Для нападенія выбранъ былъ Ахметъ-тала—ауль, расположенный на правомъ берегу Аксая, верстахъ въ восемнадцати отъ укрѣпленія Герзель-аула. Это самый населенный изъ всѣхъ ауловъ по ущельямъ ауховскаго владѣнія, выходящимъ на кумыкскую плоскость: въ немъ насчитывалось не менѣе, а, можетъ быть, и болѣе ста дворовъ. Это одна изъ причинъ, почему выборъ командующаго войсками палъ на него. Предполагалось, задуманнымъ вторженіемъ нанести непріятелю по возможности чувствительный ударъ, отъ котораго онъ не скоро могъ бы оправиться. Раззореніемъ какого нибудь незначительнаго хутора, въблизи нашихъ укрѣпленій, въ мѣстности болѣе или менѣе доступной, цѣль была бы достигнута только вполонину, а, можетъ быть, и вовсе не была бы достигнута. Нужно было, напротивъ, показать безпокойному сосѣду, что, не смотря на довольно значительный сборъ нашихъ войскъ въ Дагестанѣ, подъ стѣнами Гергебиля, не смотря на то, что предстоитъ новый сборъ отряда въ малой Чечнѣ, боевыя силы кумыкской плоскости отъ того нисколько не пострадали, и она не лишилась возможности дѣйствовать совершенно самостоятельно не только при оборонѣ, но даже и при наступленіяхъ.

Были еще и другія не менѣе уважительныя причины, почему роковой жребій палъ на Ахметъ-тала, а не на другой какой нибудь ауль ауховскаго владѣнія: въ этой деревнѣ съ незапамятныхъ временъ постоянно находили себѣ убѣжище абреки изъ мирныхъ ауловъ кумыкской плоскости, спасавшіеся

въ горахъ отъ преслѣдованія русскаго правосудія. Эти абреки, въ благодарность за оказанное имъ въ непокорныхъ намъ обществахъ гостепрїимство, служили проводниками вторгавшимся въ наши предѣлы хищническимъ партїямъ, иногда сами предводительствовали ими и причиняли не мало вреда жителямъ мирныхъ ауловъ, которыхъ обычаи, привычки и въ особенности матеріальныя средства имъ хорошо были извѣстны. Впрочемъ, этотъ мотивъ полковника Веревкина, по многимъ причинамъ, отзывается нѣкоторою натянутостью. Последняя же, истинная, капитальная причина—почему Веревкинъ выбралъ Ахметъ-тала для своего набѣга: Ахметъ-тала ближе всѣхъ другихъ значительныхъ центровъ населенія ауховскаго владѣнія расположенъ къ центральному, историческому сборному пункту кумыкской плоскости, Герзель-аулу, пункту, куда удобнѣ всего было стянуть войска, не возбуждая подозрѣній непрїятеля; изъ разныхъ мѣстъ вѣрообразнаго расположенія своего, части войскъ, выступивши съ вечера, могли почти одновременно прибыть къ Герзель-аулу, а оттуда, однимъ переходомъ, на разсвѣтѣ, достигнуть аула и совершенно врасплохъ напасть на него.

Приготовленія къ набѣгу дѣлались въ глубочайшей тайнѣ. Обыкновенно, даже войска узнавали, о набѣгѣ только въ моментъ выступленія. Они догадывались, но отъ догадки до увѣренности не всегда одинъ шагъ. Можно стянуть отрядъ къ извѣстному пункту и на другой день распустить: подобныхъ демонстрацій требовали иногда военныя обстоятельства, и ими достигались намѣченныя цѣли. Изъ мѣстныхъ жителей при командующимъ войсками въ кумыкскомъ владѣніи безотлучно находились только два человѣка, на скромность которыхъ онъ могъ бы вполне положиться; не смотря на то, когда пришло время, т. е. когда нельзя было не посвятить ихъ въ тайну, онъ старался подъ разными благовидными предлогами, не выказывая имъ открыто недоувѣрія, держать ихъ

при себѣ и глазѣ, такъ сказать, не спускать съ нихъ. Одинъ изъ нихъ, состоявшій въ чинѣ майора, Иналъ Гебековъ, давно заручившійся довѣріемъ администраторовъ края, извѣстный своею преданностью русскимъ, не разъ доказавшій ее на дѣлѣ; другой—Султанъ Муратъ, сынъ долгое время находившагося въ бѣгахъ кумыка, который незадолго передъ тѣмъ явился изъ Ахметъ-тала съ повинной. Только имъ, этимъ двумъ личностямъ изъ всего многочисленнаго штата своего, ввѣрилъ полковникъ Веревкинъ тайну замышляемаго имъ вторженія въ непріятельскую землю, такъ какъ они же должны были служить проводниками въ предстоящемъ набѣгѣ, но и имъ довѣрился онъ не ранѣе, какъ наканунѣ выступленія, и съ этой-то минуты и сталъ ихъ держать, такъ сказать, на привязи. Отъ лазутчиковъ же, доставлявшихъ ему самыя вѣрныя свѣдѣнія, ему также удалось скрыть свои настоящія намѣренія. Мало того, вывѣдавъ отъ нихъ все, что ему нужно было знать, онъ постарался ввести ихъ въ заблужденіе и направить ихъ подозрѣнія въ другую сторону.

23-го іюня, послѣ заката солнца, когда совѣтъ стемнѣло, изъ разныхъ пунктовъ кумыкской плоскости, отстоящихъ почти на равныхъ разстояніяхъ отъ центрального ея пункта, слѣдующія части войскъ почти одновременно выступили и къ одиннадцати часамъ ночи прибыли въ Герзель-ауль: тенгинскаго пѣхотнаго полка одинъ баталіонъ (изъ укрѣпленія Куринскаго), навагинскаго пѣхотнаго полка 3-я гренадерская, 8-я и 9-я мушкетерскія роты (три роты изъ лагеря на Карасу), егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка: 1-я карабинерная рота изъ укрѣпленія Ташъ-Кичу, 1-й егерской роты одинъ взводъ изъ Энгель-юрта, 2-й егерской роты одинъ взводъ изъ Баташъ-юрта, 2-й баталіонъ и стрѣлковая команда изъ крѣпости Хасавъ-юрта, кавказскаго линейнаго № 12-го баталіона, одна рота съ Герзель-аула, 3-го резервнаго сапернаго баталіона команда изъ лагеря на Карасу,

батареи № 3-го батареи 20-й артиллерийской бригады три орудія—одно изъ Куринскаго, одно изъ Ташъ-Кичу, одно изъ Хасавъ-арта, конно-артиллерийской линейной казачьей № 15-го батареи одно орудіе въ Герзель-аулѣ, нижегородскаго драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка два эскадрона изъ Хасавъ-юрта, донскаго казачьяго № 20-го полка пять сотенъ—три изъ Куринскаго, одна изъ Хасавъ-юрта, одна въ Герзель-аулѣ, донскаго казачьяго № 40-го полка одна сотня изъ лагеря на Карасу; итого, пѣхоты четырнадцать ротъ и двѣ команды, кавалеріи два эскадрона и шесть сотенъ, артиллеріи четыре орудія. Изъ названныхъ частей войскъ только нѣкоторыя, весьма немногія, выступили засвѣтло, подъ разными благовидными предлогами, въ родѣ напримѣръ оказіи.

Изъ Герзель-аула къ Ахметъ-тала ведутъ двѣ дороги: одна по правому, другая по лѣвому берегу Аксея. Первая изъ нихъ самими горцами считалась непроходимой для нашихъ войскъ, а потому или вовсе не охранялась ими, или охранялась весьма слабо; на второй, напротивъ день и ночь содержались сильные наблюдательные караулы, обходить которые не представлялось никакой возможности. Полковникъ Веревкинъ избралъ тотъ путь, который считался непроходимымъ, съ тѣмъ, чтобы отступить уже по второму пути, т. е. по лѣвому берегу Аксея, тѣмъ болѣе, что, по показаніямъ лазутчиковъ, очень осторожно отобраннымъ отъ нихъ, въ эту ночь на правомъ берегу рѣки, не только карауловъ или залоговъ, не было выставлено даже пикетовъ по дорогѣ. Чтобы развлечь вниманіе и силы непріятеля и поставить его въ недоумѣніе, другая небольшая колонна, подъ командой подполковника Домбровскаго, должна была двинуться изъ Хасавъ-юрта вверхъ по Ямансу, для чего изъ Внезапной, подъ предлогомъ оказіи, вызваны были въ Хасавъ-юртъ еще двѣ роты. Этой колоннѣ предписано было: не углубляясь въ ущелье рѣки, открыть на разсвѣтѣ усиленную канонаду.

Отрядъ выступилъ изъ Герзель-аула ровно въ полночь. Въ головѣ колонны шли охотники изъ казаковъ. За ними слѣдовали драгуны, за послѣдними вся иррегулярная кавалерія, и, наконецъ, пѣхота. Войска, не смотря на трудности, которыя безпрестанно приходилось преодолевать въ пути, подвигались въ такой тишинѣ, что въ двухъ хуторахъ, расположенныхъ влѣво отъ дороги, на довольно близкомъ отъ нея разстояніи, ничего не подозрѣвали. Ночью отрядъ никого не встрѣтилъ, но на разсвѣтѣ стали попадаться люди, отправлявшіеся на полевая работы: всѣ они, согласно инструкціи колоннаго начальника, были схвачены. Къ аулу подошли, когда совѣтъ разсвѣло. Драгуны ворвались въ него, а казаки оцѣпили его съ трехъ сторонъ. Въ то же самое время слышались орудійные выстрѣлы со стороны Ямансу: то была условленная демонстрація колонны подполковника Домбровскаго. Нападеніе на Ахметъ-тала произведено было такъ быстро и такъ неожиданно, что жители буквально были застигнуты врасплохъ. Изъ крайнихъ домовъ, стоявшихъ надъ отвѣсными берегами рѣки, нѣкоторые успѣли выбѣжать и броситься въ обрывъ; остальные заперлись въ сакляхъ и защищались поодиночкѣ.

Драгуны, казаки, а впоследствии и солдаты пѣхотныхъ частей войскъ, благодаря численному превосходству своему, проникали въ сакли мелкими партіями, и великая драма этого утра разбилаь на множество частныхъ эпизодовъ; каждый изъ нихъ разыгрывался въ тиши и полумракѣ тѣснаго, замкнутаго пространства, въ четырехъ стѣнахъ — эпизоды ужасные, сцены глухія, безвѣстныя, темныя, но кровавыя. Ауховцы составляютъ, какъ извѣстно, одно изъ подраздѣленій чеченскаго племени: тотъ же языкъ, то же происхожденіе, тѣ же обычаи и воинственный духъ тотъ же, а чеченцы, не дешево продающіе свою жизнь въ полѣ, дерутся съ изступленіемъ, когда угрожаютъ раззореніемъ и гибелью ихъ домашнему кро-

ву. И вотъ чѣмъ объясняются потери нашихъ отрядовъ въ набѣгахъ, всегда значительныя. Уронъ одного набѣга равняется иногда урону цѣлой экспедиціи.

Впослѣдствіи, князь Барятинскій, когда занималъ постъ начальника лѣваго фланга, въ набѣгахъ сталъ придерживать другую систему: къ аулу точно также подходили ночью, скрытно, безъ шума, но врывались въ него не тотчасъ, какъ это дѣлалось прежде, а сначала открывали по немъ сильный артилерійскій огонь. Разбуженные канонадой, жители выбѣгали изъ своихъ домовъ, и бой, открытый, честный бой завязывался на улицахъ или за оградой аула. Женщины, дѣти, беспомощные старики не умерщвлялись безжалостно у своихъ очаговъ: ихъ забирали въ плѣнъ на глазахъ начальниковъ послѣ того, какъ аулъ переходилъ въ наши руки; если же въ нѣкоторыхъ сакляхъ продолжали еще защищаться, то ихъ разбивали артилерійскими снарядами или брали приступомъ, и это всегда сопровождалось меньшими потерями въ людяхъ, нежели прежнія вторженія по два и по три человѣка въ незнакомыя, полуосвѣщенныя, а иногда и совершенно темныя сакли. И нравственность солдата отъ того выигрывала *).

Около тысячи головъ рогатаго скота, крупнаго и мелкаго, досталось въ добычу отряда полковника Веревкина. Все, что можно было взять съ собою, выносилось и укладывалось въ мѣшки, на повозки, на вьюки: одѣяла, подушки, ковры, оружіе, мѣдная посуда, домашняя птица. Большая часть аула, со всѣми находившимися въ немъ запасами, сдѣлалась добычею пламени прежде, нежели войска покинули его; осталшая часть подверглась той же участи при отступленіи арріер-

*) При взятіи селенія Кутеши 15-го октября 1846-го года, одинъ драгунъ былъ убитъ большою старухой, которой присутствія въ темномъ углу сакли онъ не замѣтилъ. Въ то время, какъ онъ рылся въ ея сундукахъ, лицомъ къ свѣту, спиной къ ея постели, она сняла висѣвшую надъ ея изголовьемъ вшитовку и выстрѣлила въ него почти въ упоръ. И это далеко не единственный примѣръ подобной смерти храбраго, хорошо вооруженнаго солдата.

гарда. Запылали дома, амбары, стога и скирды, даже плетни; сады также не были пощажены огнемъ. Весь аулъ представлялъ зрѣлище ста слишкомъ отдѣльныхъ, одновременныхъ пожаровъ. Четвертый баталіонъ навагинскаго пѣхотнаго полка, подъ командой маіора Кемпферта, вступившій въ аулъ съ двумя орудіями вслѣдъ за казаками, былъ немедленно посланъ на лѣвый берегъ Аксай, уже занятый толпами горцевъ, сбѣжавшихся изъ окрестныхъ хуторовъ. Маіоръ Кемпферъ перешелъ черезъ глубокій оврагъ, по которому протекаетъ Аксай, съ бою занялъ противоположный берегъ и разсѣялъ столпившихся на немъ горцевъ. Отступленіе отряда черезъ оврагъ съ праваго берега на лѣвый сопряжено было съ большими затрудненіями. Арріергардъ при отступленіи всегда выноситъ на своихъ плечахъ всю тяжесть боя, но въ арріергардѣ были кабардинцы, и ими командовалъ подполковникъ Майдель, офицеръ храбрый, распорядительный, хладнокровный. Нѣсколько разъ непріятель бросался на арріергардъ въ шашки, и всякій разъ кабардинцы останавливались, переходили въ наступленіе, опрокидывали штыками обезумѣвшія отъ ярости толпы ауховцевъ, и опять продолжали движеніе.

Для обратнаго слѣдованія отряда къ Герзель-аулу избрана была дорога по лѣвому берегу Аксай, какъ и предполагалось съ самаго начала. Дорога эта, считавшаяся жителями доступною для движенія русскихъ колоннъ, пересѣкалась шестью глубокими, поросшими густымъ лѣсомъ оврагами, а потому войска отряда размѣщены были нѣсколько иначе, нежели при наступленіи.

Въ авангардѣ шель сводный баталіонъ, подъ командой подполковника Клитарева; начальство надъ правой цѣпью, въ которой находилось три роты навагинскаго пѣхотнаго полка, ввѣрено было полковнику Преображенскому; лѣвую цѣпь занималъ маіоръ Кемпфертъ съ баталіономъ тенгинскаго пѣхотнаго полка; честь замыкать колонну, составляя ея арріер-

гардъ, въ такія трудныя минуты, по праву, принадлежала кабардинцамъ, какъ настоящимъ хозяевамъ кумыкской плоскости; этого требовалъ этикетъ и долгъ гостепріимства: провожая гостей, хозяинъ обыкновенно замыкаетъ шествіе. Кабардинцевъ было пять ротъ въ арріергардѣ, и ими командовалъ, какъ уже выше было сказано, подполковникъ Майдель. Кавалерія должна была двигаться впереди, но, чтобы обезпечить переходы ея черезъ овраги и дать драгунамъ возможность дѣйствовать согласно ихъ прямому назначенію, вся кавалерія оставалась на полянахъ до тѣхъ поръ, пока послѣднія пары правой и лѣвой цѣпей не вступятъ въ лѣсъ и не прикроютъ собою дороги, ведущей черезъ оврагъ: тогда драгуны, а за ними и вся остальная кавалерія, на рысяхъ проходятъ черезъ оврагъ, занимаютъ слѣдующую поляну, мгновенно спѣшиваются, разсыпаютъ стрѣлковъ и остаются на позиціи до тѣхъ поръ, пока весь отрядъ за ними не переправится черезъ оврагъ. Такимъ образомъ, самыя трудныя мѣста дороги—лѣсистыя овраги, пройдены были отрядомъ съ относительно малыми потерями. Непріятель пользовался всѣми затрудненіями, встрѣчавшимися на пути войскъ. При переходѣ черезъ овраги онъ прибѣгалъ къ самымъ коварнымъ маневрамъ своей горной тактики, чтобы замедлить движеніе нашихъ войскъ и нанести имъ возможно большій вредъ. На долю арріергарда и правой цѣпи выпадали очень критическіе моменты, но арріергардомъ и правой цѣпью командовали штабъ-офицеры, которыхъ ни на минуту не покидало ихъ обычное присутствіе духа и хладнокровіе, и они съ честью выходили изъ затруднительныхъ положеній. Восемь часовъ продолжался бой; только въ трехъ верстахъ отъ Герзель-аула онъ прекратился.

Набѣгъ на Ахметъ-тала, по своимъ результатамъ, долженъ быть отнесенъ къ категоріи самыхъ удачныхъ. Болѣе ста дворовъ истреблено огнемъ; отъ огромныхъ продоволь-

ственныхъ запасовъ остались груды пепла; весь скоть, принадлежащій аулу, сдѣлался добычей отряда, и, если принять во вниманіе время года, когда лѣса одѣты густою зеленью, ранній часъ утра, когда жители, за исключеніемъ немногихъ, не успѣли разойтись по полевымъ работамъ, то потеря нашихъ войскъ въ этомъ набѣгѣ можетъ назваться весьма умѣренною: двѣнадцать убитыхъ, сто пятнадцать раненыхъ и сборокъ пять контуженыхъ, въ числѣ коихъ раненый одинъ оберъ-офицеръ—навагинскаго полка подпоручикъ Кишинскій, и контуженные два оберъ-офицера (егерскаго князя Чернышева полка прапорщики Брянскій и Бурковскій). Такому незначительному урону не мало содѣйствовала диверсія подполковника Домбровскаго: привлеченные выстрѣлами на Ямансу, ауховцы не успѣли прибыть къ мѣсту настоящаго побоища, и отрядъ отступилъ къ Герзель-аулу прежде, нежели они могли сообразить, гдѣ драма и гдѣ комедія.

Въ одиннадцать часовъ утра, т. е. ровно черезъ двѣнадцать часовъ, войска прибыли опять, но на этотъ разъ уже не частями, къ тому же сборному пункту. На другой день, въ томъ же вѣрообразномъ направленіи, по расходящимся радіусами дорогамъ, они вернулись къ своимъ временнымъ и постояннымъ резиденціямъ.

По уходѣ отряда, уныніе и ужасъ овладѣли жителями ауховскаго владѣнія. Ахметъ-тальская катастрофа многихъ ауховцевъ заставила призадуматься. Одно за другимъ, стали перебираться уцѣлѣвшія отъ погрома семейства нѣкоторыхъ изъ нихъ въ наши предѣлы, предпочитая лишиться въ два-три года, при хищническихъ набѣгахъ своихъ же однородцевъ, пары быковъ или одной лошади, нежели терять разомъ все, въ одинъ часъ, при первомъ вторженіи русскаго отряда, послѣ котораго, какъ послѣ коня Атиллы, не скоро трава вырастетъ. Долго ли населеніе Ауха оставалось подъ удручающимъ впечатлѣніемъ трагическаго утра 24-го іюня? До 31-го

юля, т. е. ровно пять недѣль, объ нихъ ничего не было слышно, точно всѣ они сошли со сцены съ тѣмъ, чтобы никогда на ней не показываться. Пять недѣль считается большимъ перерывомъ въ цѣпи военныхъ происшествій. Были покушенія изъ-за качкалыковского хребта, со стороны присяжныхъ хищниковъ большой Чечни, для которыхъ хищничество есть азартная игра; но Аухъ молчалъ; Аухъ замкнулся въ своемъ горѣ и не подавалъ признаковъ жизни, а по прошествіи пяти недѣль, когда, точно трауръ, установленный обычаями, кончился—опять въ предѣлахъ безмолвной, коварной кумыкской плоскости стали появляться его неисправимые искатели сильныхъ ощущеній, то мелкими, то крупными партіями, и не съ тѣмъ, чтобы свести счеты по ахметъ-талъскому долгу, а такъ, по привычкѣ, или вѣрнѣе, по страсти, какъ охотникъ, нѣсколько оправившись послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, снимаетъ ружье со стѣны, кличетъ свою собаку и отправляется въ лѣсъ—тоже по привычкѣ, по страсти.

Гроза, разразившаяся надъ Аухомъ, послужила урокомъ одному Ауху, и то не надолго; остальные непокорныя намъ общества продолжали тревожить своими набѣгами и самое кумыкское владѣніе, откуда вышла гроза, и укрѣпленія, и аулы остальныхъ отдѣловъ лѣваго фланга кавказской линіи. Изъ числа мелкихъ нападеній мы остановимся на самыхъ выдающихся.

26-го іюня партія чеченцевъ атаковала 4-й баталіонъ тенгинскаго пѣхотнаго полка, находившійся въ лѣсу на рубкѣ дровъ, близъ раззореннаго аула Наимъ-берды. По тревогѣ, войсковой старшина Баклановъ прибылъ изъ укрѣпленія Гуринскаго съ тремя сотнями донскаго № 20-го казачьяго полка и однимъ орудіемъ батарейной № 3-го батареи 20-й артиллерійской бригады. Чеченцы встрѣтили подкрѣпленіе картечью и ружейнымъ залпомъ, но вскорѣ должны были бѣжать и скрыться въ чащѣ лѣса. При этомъ войсковой старшина Ба-

клановъ и одинъ рядовой тенгинскаго пѣхотнаго ранены; одинъ рядовой того же полка пропалъ безъ вѣсти. 28-го іюня сильная партія горцевъ бросилась къ аулу Брагуны съ намѣреніемъ отбить принадлежащій аулу скоть, но жители предупреждены были о нападеніи командующимъ нѣкоторыми частями войскъ по прикрытію мирныхъ ауловъ, расположенныхъ между Тереккомъ и Сунжею, полковникомъ Суловымъ, и потому были осторожны и держали скоть въ аулѣ. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ мѣстѣ, партія потянулась къ Новому юрту, но здѣсь нашла роту егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, съ однимъ орудіемъ, присланную сюда изъ станицы Николаевской; тогда она направилась къ Сунжѣ и, встрѣтивъ на дорогѣ трехъ жителей Новаго юрта, одного убила, остальныхъ двухъ взяла въ плѣнъ. 4-го іюля человекъ до трехсотъ чеченцевъ, пробравшись по ханкальскому ущелью къ Сунжѣ, бросились къ мирнымъ ауламъ, расположеннымъ по лѣвому берегу рѣки, но, встрѣченные выбѣжавшими на тревогу жителями и войсками грозненскаго гарнизона, удалились поспѣшно въ лѣсъ безъ добычи.

12-го іюля командиръ кавказскаго линейнаго № 9-го баталіона подполковникъ Берсеневъ 2-й выступилъ изъ крѣпости Грозной на фуражировку, на правый берегъ Сунжи, по направленію къ раззореннымъ хуторамъ Тепли-Кичу (Тепли-Гечю) съ двумя ротами 4-го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка и двумя ротами кавказскаго линейнаго № 19-го баталіона, при двухъ орудіяхъ и командой казаковъ донскаго № 39-го полка. Въ томъ мѣстѣ занимались уже заготовленіемъ сѣна чеченцы. Когда они увидѣли колонну, то бросили работу и завязали съ войсками перестрѣлку, продолжавшуюся до тѣхъ норъ, пока колонна не окончила фуражировку и не отступила къ Грозной. Съ нашей стороны въ этой перестрѣлкѣ ранено семь человекъ рядовыхъ. 22-го іюля, при слѣдованіи 3-го и 4-го баталіоновъ егерскаго генераль-адъю-

танта князя Чернышева полка отъ укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры къ Чирь-юрту, три офицера этого полка: штабсъ-капитанъ Занъ, подпоручикъ Соковникъ и прапорщикъ Коцуевичъ, находившіеся по болѣзни при обозѣ, никѣмъ не замѣченные, отлучились отъ колонны. Отсутствіе ихъ обнаружилось только по прибытіи войскъ на ночлегъ. Лазутчики дали знать, что всѣ трое взяты горцами въ плѣнъ.

26-го іюля, рано утромъ, съ Чипчаковской башни, построенной на возвышеніи, верстахъ въ семи отъ Сулака, замѣчена была партія всадниковъ, человѣкъ до двухсотъ пятидесяти, стройно двигавшаяся по дорогѣ отъ урочища Балтугай, на лѣвомъ берегу Сулака, къ Хасавъ-Юрту. Всадники эти шли по шести въ рядъ. Всѣ они были одѣты совершенно одинаково, на лошадахъ почти одинаковаго роста и одинаковой масти—темно-гнѣдой. Всадники эти были драгуны—дивизионъ нижегородскаго драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка, слѣдовавшій изъ своей штабъ-квартиры, Чирь-юрта, на лѣвый флангъ кавказской линіи, въ чеченскій отрядъ. Впереди дивизиона ѣхалъ командиръ его, маіоръ Золотухинъ, блондинъ лѣтъ тридцати шести-семи, съ красивымъ благороднымъ профилемъ, высокимъ обнаженнымъ лбомъ, проложившимъ себѣ дорогу, благодаря отсутствію волосъ, до самаго темени. Виски также не особенно щедро надѣлены были волосами, но они были длинны, и, зачесывая ихъ наверхъ, ими можно было проводить границы между челомъ и теменемъ. Голубые глаза ѣхавшаго впереди начальника имѣли такое ласковое, добродушное выраженіе, что еслибы это былъ не дивизионеръ, а падишахъ, имѣющій власть казнить людей безъ всякаго суда, по одному капризу, то и тогда люди подходили бы къ нему безъ малѣйшей робости. Всего этого, конечно, нельзя было видѣть съ Чипчаковской башни простыми глазами. За дивизионеромъ ѣхалъ трубачъ, а по лѣвую его руку адъютантъ, прапорщикъ, т. е. еще не настоящій офи-

перъ, по лѣтамъ юноша и не настоящій человѣкъ, такъ какъ ему не было и двадцати одного года. Для этого послѣдняго, появленіе двухсотъ пятидесяти всадниковъ на дорогѣ отъ Сулака къ Хасавъ-Юрту имѣло такую важность, что онъ желалъ бы, чтобъ и читатель смотрѣлъ на это происшествіе 26-го іюля такими же точно глазами и вмѣстѣ съ нимъ перенесся воображеніемъ въ тотъ уголокъ міра, откуда вышли эти всадники...

III.

Чирь-юртъ и его стратегическое значеніе. Выборъ штабъ-квартиры для нижегородскаго драгунскаго полка. Первое представленіе, данное драгунами въ Дагестанѣ. Появленіе ихъ на лѣвомъ флангѣ. Штабъ-квартира нижегородскаго полка въ лѣтніе мѣсяцы. Вѣсть о походѣ. Мотивъ, вызвавшій аудіенцію. За неожиданнымъ горемъ неожиданная радость. Круковскій. Двѣ дуэли. Великій человѣкъ въ Чирь-юртѣ.

Дикая, печальная, пустынная мѣстность, составляющая юго-западную оконечность шамхальской равнины, тамъ, гдѣ эта послѣдняя съ одной стороны упирается въ правый берегъ Сулака, а съ другой замыкается отвѣсными предгоріями сѣвернаго Дагестана, носить очень странное названіе—Чирь-юртъ, странное не столько для насъ, русскихъ, незнакомыхъ съ языкомъ, сколько для самихъ туземцевъ. Такъ какъ съ именемъ мѣстности нерѣдко бываютъ связаны историческія воспоминанія, иногда легенды, служація довольно надежными проводниками къ археологическимъ изысканіямъ, то не бесполезно будетъ объяснить значеніе слова „Чирь-юртъ“. Юртъ—селеніе, урочище, это знаетъ каждый; но слово „Чирь“ на

туземномъ языкѣ, должно быть, совсѣмъ не существовало, потому что ни одинъ изъ туземцевъ не могъ его объяснить—хотя они никогда не отказываютъ въ свѣдѣніяхъ подобнаго рода, если только въ состояніи дать ихъ. Можетъ быть слово Чиръ слѣдовало искать въ словарѣ прежнихъ обитателей страны, но кто были эти прежніе обитатели, куда они дѣвались, и какъ давно покинули страну—неизвѣстно, такъ какъ во второмъ вѣкѣ магометанской эры, или въ восьмомъ нашего лѣтосчисленія, сюда явились аравитяне проповѣдывать ученіе корана и уже застали здѣсь кумыковъ. Добился же я разъясненія интереснаго слова особымъ путемъ.

На кумыкской плоскости, въ томъ мѣстѣ рѣки Аксея, гдѣ она пересѣкаетъ дорогу изъ Хасавъ-юрта на линію, стоитъ огромный и богатый ауль Тапшъ-Кичу, который можетъ называться Аѳинами восточнаго Кавказа: туда со всѣхъ его концовъ, какъ нѣкогда въ Гимры, какъ въ Самаркандѣ въ центральной Азіи, стекаются правовѣрные, жаждущіе свѣта истины. Муллы при духовныхъ училищахъ, славящіеся своею ученостію, служатъ распространителями этого свѣта. Нѣкоторые изъ нихъ побывали въ Меккѣ и другихъ святыхъ мѣстахъ мусульманскаго міра; тамъ они встрѣчались съ представителями трехъ частей свѣта. Не вполне раздѣляя мнѣнія слѣпыхъ фанатиковъ, что кораномъ исчерпывается весь запасъ челоѳической мудрости, они стараются расширить его, убѣдившись на опытѣ, что въ знаніи заключается сила; они собираютъ свѣдѣнія о далекихъ странахъ, за предѣлами ихъ отчизны, чему также не мало способствуютъ обширныя торговыя связи нѣкоторыхъ изъ наиболѣе предприимчивыхъ и вліятельныхъ торговыхъ фирмъ этого богатаго и многолюднаго селенія; они тщательно собираютъ и записываютъ мѣстныя преданія, повѣрья, міровоззрѣнія и всѣ, передаваемыя изъ рода въ родъ произведенія устной литературы: сказки, былины, сатиры, пословицы и поговорки. Отъ нихъ-то, отъ

Мел. Сивер!
этихъ хранителейъ духовныхъ сокровищъ мусульманскаго міра
восточнаго Кавказа, узнавъ, наконецъ, что Чирь-юртъ
по старинному туземному произношенію, давно уже оставлен-
ному, есть испорченное Царь-юртъ. На томъ самомъ мѣстѣ,
которое носить это названіе, русскій Царь—такъ говорить
преданіе—при отступленіи отъ Дербента былъ окруженъ пол-
чищами полудикихъ горскихъ племенъ и даже нѣкоторое вре-
мя отрѣзанъ отъ моря. Если отрядъ его не былъ весь пого-
ловно истребленъ, и самъ онъ не былъ убитъ или взятъ въ
плѣнъ, то обязанъ этимъ столько же стойкости и мужеству
своихъ солдатъ, своей находчивости и присутствію духа,
сколько милосердію аллаха: объятые суетвѣрнымъ страхомъ,
внезапно омрачившимъ даже умы ихъ предводителей, горы
разступились передъ отважными пришельцами и пропустили
ихъ къ морю. Все это говоритъ преданіе. Событіе, на кото-
рое оно указываетъ, относится къ 1722-мъ году. Но впер-
выхъ, тридцать тысячъ регулярнаго войска, бывшаго у Петра
Великаго, не могутъ назваться горстью, а во вторыхъ, чтобы
окружить такой отрядъ, нужно было по меньшей мѣрѣ сто
тысячъ горцевъ, которымъ не откуда было взяться; наконецъ,
о столкновеніяхъ съ горцами, по крайней мѣрѣ открытыхъ,
насколько мнѣ извѣстно, ни въ исторіи, ни въ современныхъ
лѣтописяхъ не упоминается. Но такъ какъ „нѣтъ дыма безъ
пламени“, то можно думать, что это странное преданіе осно-
вано на событіи, случившемся три года спустя послѣ пребы-
ванія Царя на берегахъ Каспія, когда шамхаль Адиль-Гирей,
недовольный постройкою русской крѣпости (Святаго Креста)
въ его владѣніяхъ, осаждалъ ее съ тридцатитысячною арміею.
Какъ ни странно преданіе о пребываніи русскаго Царя въ
прикаспійскомъ краѣ, но оно все-таки сохранилось у горцевъ,
и пустынный уголокъ, который онъ осчастливилъ своимъ при-
сутствіемъ, они назвали почетнымъ именемъ.

Сто двадцать слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Судь-

ба опять вызвала къ жизни этотъ забытый исторіей уголокъ: въ немъ свилъ себѣ гнѣздо одинъ изъ самыхъ старыхъ и заслуженныхъ полковъ созданной Великимъ Царемъ русской арміи. Нижегородскій драгунскій полкъ, сорокъ лѣтъ квартировавшій на одномъ мѣстѣ, въ долинѣ Алазани, переведенъ въ 1846-мъ году изъ благословенной Кахетіи въ безлюдный Чирь-юртъ. Выборъ такого пункта для единственнаго въ то время въ цѣлой кавказской арміи регулярнаго кавалерійскаго полка—задача далеко не легкая. Онъ долженъ былъ имѣть не одно стратегическое значеніе, но долженъ былъ совмѣщать въ себѣ также и всѣ условія экономическія и санитарныя. Луговые пространства подъ покосы, строевой лѣсъ для возведенія штабъ-квартиры, лѣсъ для топлива и выжиганія угля должны были находиться подъ рукой. Нужно было умѣть отыскать такой пунктъ, и его нашелъ человекъ, котораго главнокомандующій князь Воронцовъ высоко цѣнилъ, не смотря на его скромное положеніе въ свѣтѣ, скромный чинъ и имя. Человекъ этотъ былъ Круковскій, по чину полковникъ, по происхожденію—сынъ бѣднаго польскаго дворянина. Извѣстный въ то время пока только одному намѣстнику, онъ по своимъ дарованіямъ стоялъ выше многихъ современныхъ дѣятелей, хотя и между ними были очень даровитые люди. Главнокомандующій избралъ Круковскаго командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка и піонеромъ для проложенія пути къ новымъ подвигамъ и отличіямъ ввѣренной ему части. Круковскій самъ долженъ былъ приискать штабъ-квартиру для своего полка; выборъ его палъ на Чирь-юртъ.

Пространство, занятое Чирь-юртомъ между правымъ берегомъ Сулака и передовымъ хребтомъ нагорнаго Дагестана, издали, со стороны моря, какъ будто замыкается тупымъ угломъ, но этотъ уголъ—одинъ изъ тѣхъ оптическихъ обмановъ, которые создаются перспективой; вблизи обманъ разсѣвается: между сторонами мнимаго угла открывается ши-

рокое пространство, такъ какъ горы на довольно значительномъ разстояніи отъ береговъ рѣки вдругъ останавливаются. Чирь-юртъ находится въ центрѣ сулакской линіи, прикрывающей владѣнія шамхаловъ Тарковскихъ, которыя, до водворенія на Сулакѣ драгунскаго полка, оставались совершенно беззащитными, доступными вторженіямъ непріятеля. Слово центръ не слѣдуетъ понимать здѣсь буквально: это стратегическій, отнюдь не математическій центръ. Прикрывая владѣнія шамхаловъ Тарковскихъ, нижегородскій драгунскій полкъ изъ своей новой штабъ-квартиры угрожалъ въ то же время ауховскимъ владѣніямъ и Салатавіи, а внезапнымъ появленіемъ своимъ на лѣвомъ берегу Сулака разстроивалъ наступательные замыслы непріятеля на кумыкскую плоскость со стороны большой Чечни и смежныхъ съ нею непокорныхъ обществъ. Кромѣ того, дѣйствуя совершенно самостоятельно въ предѣлахъ своего обширнаго района, не составляя исключительной принадлежности ни одного изъ отрядовъ, полкъ, благодаря незначительнымъ разстояніямъ отъ нихъ въ три-четыре форсированныхъ перехода, могъ частями своими принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ каждаго изъ нихъ, иногда даже одновременно и въ Чечнѣ, и въ Дагестанѣ, не отрываясь отъ своего прямого назначенія — стеречь переправы на Сулакѣ.

Главнокомандующій, когда посѣтилъ въ первый разъ Чирь-юртъ, то ничего не сказалъ. Онъ ничего не могъ сказать; онъ только молча, при всѣхъ, обнялъ Круковского. Это было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Нижегородскій драгунскій полкъ, тотчасъ послѣ того, какъ поселился въ Дагестанѣ, успѣлъ заложить фундаментъ для своей будущей боевой дѣятельности, и въ кутешинскомъ дѣлѣ, 15-го октября 1846-го года, доказать всѣмъ новымъ сподвижникамъ своимъ дагестанскаго отряда, что рассказы о его военныхъ доблестяхъ нисколько не преувеличены. Слава ни-

жегородскаго драгунскаго полка, который никогда не любилъ отдыхать на лаврахъ, въ Дагестанѣ была упрочена. Только въ Чечнѣ ничего еще не знали объ этихъ новыхъ людяхъ. Кутеши были забыты, даже въ свое время тамъ никто не хотѣлъ вѣрить взятію конными укрѣпленнаго аула. Это считалось мифомъ, риторической фигурой, вставленной въ реляцію для красоты слога, отнюдь не фактомъ, совершившимся на глазахъ многихъ тысячъ сильно заинтересованныхъ свидѣтелей.

Лѣтомъ 1848-го года и лѣвому флангу кавказской линіи представился случай познакомиться съ драгунами, которые не дають себѣ труда даже спѣшиться при штурмѣ укрѣпленій. На передовой чеченской линіи, въ самомъ сердцѣ малой Чечни, предполагалось заложеніе крѣпости на берегахъ Урусъ-Мартана; съ этою цѣлью къ двумъ сборнымъ пунктамъ—Грозной и Воздвиженской стягивались войска, изъ которыхъ долженъ былъ образоваться чеченскій отрядъ. По распоряженію главнокомандующаго, въ составъ отряда, для усиленія его кавалеріи, должны были войти и части нижегородскаго драгунскаго полка, расположеннаго въ Чирь-юртѣ, на правомъ берегу рѣки Сулака.

Если вѣрить устной хроникѣ того времени—а не вѣрить ей нѣтъ основанія: она подтвердилась показаніями многихъ, заслуживающихъ довѣрія лицъ—и такъ, если вѣрить хроникѣ, начальникъ лѣваго фланга энергически возсталъ противъ распоряженія намѣстника. Нашу иррегулярную кавалерію онъ считалъ незамѣнимой въ Чечнѣ; она вполне отвѣчала своему назначенію—дѣйствовать противъ непріятельской, также иррегулярной кавалеріи; ухода за собою никакого не требуетъ; лошади ея неразборчивы, выносливы, неутомимы; аванпостная и конвойная служба вся лежитъ на иррегулярной кавалеріи; драгуны къ ней неспособны, на своихъ статныхъ, красивыхъ, но тяжелыхъ лошадяхъ; они могутъ служить украшеніемъ отряда—въ чемъ этотъ послѣдній, конечно,

не нуждается, и своимъ присутствіемъ будутъ только стѣснять его операціи и т. д., все въ этомъ родѣ. Предубѣжденія начальника лѣваго фланга противъ драгунъ никто не зналъ. Своимъ протестомъ онъ какъ будто бы заранѣе умывалъ руки и слагалъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія прикомандированія къ его отряду этой бесполезной кавалеріи, но князь Воронцовъ на этотъ протестъ не обратилъ никакого вниманія.

Предубѣжденія начальника лѣваго фланга, были ли они искренни или нѣтъ, разсѣялись скорѣе, нежели могъ ожидать самъ предубѣжденный: едва прошло нѣсколько дней послѣ появленія драгунъ въ чеченскомъ отрядѣ, какъ они уже смѣнились настроеніемъ діаметрально противоположнымъ. Когда генераль Нестеровъ увидѣлъ, что аргументы его, которые онъ считалъ неотразимыми, не устояли противъ дѣйствительности, то сдался передъ очевидностью и открыто призналъ себя побѣжденнымъ. Это пораженіе не только не возстановило его противъ драгунъ, но оно сразу поставило въ ряду сторонниковъ и почитателей славы этого полка и пользы для отряда отъ прикомандированія къ нему частей его *).

Въ половинѣ августа, когда въ Грозной получились новыя донесенія командовавшаго чеченскимъ отрядомъ, на-

*) Подробности разговора начальника лѣваго фланга съ главнокомандующимъ по поводу прикомандированія драгунъ къ чеченскому отряду, которыя я слышалъ отъ многихъ лицъ, сообщены мнѣ впервые адъютантомъ начальника фланга Адамомъ Александровичемъ Романусомъ; ему же я обязанъ многими любопытными свѣдѣніями о частной жизни и характерѣ этого замѣчательнаго кавказскаго генерала; отъ него же я получилъ въ подарокъ пачку собственноручныхъ писемъ Слѣпцова къ нему. Романусъ въ довольно прозрачныхъ намекахъ далъ мнѣ понять, что въ вопросѣ о прикомандированіи драгунъ къ отряду генералъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ враждебныхъ драгунамъ инсинуацій, но откуда исходили эти инсинуаціи—осталось тайною для него. Только по холодности, обнаружившейся съ нѣкотораго времени въ отношеніяхъ начальника лѣваго фланга къ другому высокопоставленному лицу, Романусъ основывалъ свои догадки по этому поводу, но онъ не сообщалъ ихъ никому, не будучи увѣренъ въ ихъ непогрѣшимости.

чальникъ фланга за столомъ, при всѣхъ, произнесъ слова, которыми окончательно скрѣпилъ, такъ сказать, свое отреченіе отъ прежнихъ несправедливыхъ предубѣжденій противъ драгунъ. — Драгуны, сказалъ онъ, начинаютъ вводить въ моду рукопашный бой; только казаки едва ли захотятъ подражать этой модѣ: они вообще старовѣры; я боюсь, что и въ этомъ останутся старовѣрами.

Драгуны, между тѣмъ, пребывали въ счастливомъ невѣдѣніи относительно того, что говорилось за и противъ нихъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля мѣсяца получено въ Чирь-юртѣ предписаніе начальника лѣваго фланга генерала Нестерова, въ которомъ сообщалось распоряженіе о прикомандированіи двухъ эскадроновъ къ войскамъ чеченскаго отряда на время предстоящихъ военныхъ дѣйствій въ малой Чечнѣ. Предписаніе начиналось словами: „его сіятельству, г. главнокомандующему кавказскою арміею угодно было“ и т. д.

Въ лѣтніе мѣсяцы штабъ-квартиру нижегородскаго драгунскаго полка можно было принять издали за огромный караванъ, движущійся по глубокимъ пескамъ пустыни. Ничего нельзя было разглядѣть за густыми облаками песку и пыли, одно за другимъ непрерывно налетавшими на нее и окутывавшими ее почти сплошною, непроницаемою темно-бурою массою. Иногда только въ просвѣтахъ этихъ облаковъ появлялись тупыя, конусообразныя, темно-сѣрыя верхушки бунтовъ, напоминавшія горбы верблюдовъ, и этимъ еще болѣе увеличивалось сходство штабъ-квартиры съ движущимся по пескамъ пустыни караваномъ. Откуда брались эти неистощимые запасы песку и пыли? Гдѣ ихъ подхватывали бури Каспійскаго моря, чтобы засыпать ими бѣдную штабъ-квартиру изо дня въ день, въ продолженіе цѣлаго лѣта. Какъ стратегическій пунктъ, Чирь-юртъ занималъ едва ли не самое видное мѣсто

на всемъ Кавказѣ. Въ экономическомъ отношеніи онъ уступалъ, можетъ быть, тремъ или четыремъ штабъ-квартирамъ, въ родѣ Мангліса, Бѣлаго Ключа; въ санитарномъ же отношеніи рѣдкій населенный пунктъ въ цѣломъ краѣ былъ оставленъ болѣе благопріятными условіями: ни болотъ по близости, ни озеръ и рѣчекъ, пересыхающихъ въ извѣстное время года, ни овраговъ съ стоячею въ нихъ водою, ничего такого въ окрестностяхъ, что могло бы вредно вліять на здоровье; и вотъ почему лихорадки были у насъ явленіемъ исключительнымъ, заносимымъ большею частью съ оказіями изъ Кизляра, Хасавъ-Юрта, Озени и Дагестана. Эпидеміи въ Чиръ-юртѣ никогда не засиживались; онѣ или очень скоро прекращались, или еще скорѣе переносились въ другія мѣстности. Даже холера въ сорокъ седьмомъ году, не падившая на своемъ пути ни штабъ-квартиръ, ни станицъ, ни ауловъ, заглядывавшая даже въ одиноко стоящіе блокгаузы, пронеслась надъ центромъ сулакской линіи едва слышно, выхватила жертвъ гораздо меньше, нежели сколько уноситъ ихъ лихорадка въ одинъ годъ въ другой мѣстности, и отправилась дальше, искать болѣе гостепріимной почвы для своихъ мрачныхъ оргій. Пыль, которая никогда не задерживалась, вѣчно смѣнялась новыми притоками, пыль свободной пустыни, не зараженная миазмами населенныхъ мѣстъ, подобно городской пыли, пронеслась совершенно безвредно надъ нами, не трогая ни нашихъ глазъ, ни нашихъ легкихъ, такъ что въ Чиръ-юртѣ мы были здоровы. Каспійское море было вентилаторомъ, дѣйствовавшимъ безостановочно въ самое опасное для здоровья время года.

Что же касается до комфорта въ этомъ захолустѣ, носившемъ такое громкое имя, то едва ли съ нимъ могли бы примириться самые невзыскательные, самые обездоленные народы обоихъ полушарій. Что могло быть возмутительнѣе этихъ безостановочно дувшихъ вѣтровъ, начинавшихъ свое монотон-

ное завываніе въ десять часовъ утра и стихавшихъ только къ шести часамъ вечера, регулярно каждый день, отъ начала мая до конца лѣта. Трава сохнетъ и выгораеть еще въ послѣднихъ числахъ апрѣля, когда во всемъ крещеномъ мірѣ дѣлаются приготовленія къ торжественной встрѣчѣ цвѣтущаго душистаго мая; зелень прячется въ глубокіе овраги вмѣстѣ съ пунцовыми чашечками полеваго мака и пушистыми головками одуванчика. Все принимаетъ унылый, безжизненный видъ. Даже прибрежные кусты блекнуть и вянуть, не смотря на близость воды; между ними быстро, какъ молнія, перебѣгаютъ зеленя ящерицы. На оголенной вѣтрами и солнцемъ степи можно встрѣтить, какъ единственныхъ представителей мѣстной фауны, черныхъ полевыхъ сверчковъ, своими тоскливыми нотами вторящихъ тоскливой пѣснѣ вѣтра, да тощихъ сѣренькихъ кузнечиковъ, суетливо чего отыскивающихъ на этой обожженной растрескавшейся почвѣ. Вотъ и вся жизнь вокругъ Чирь-юрта.

Вмѣстѣ съ нами, въ нашихъ кельяхъ спасались отъ вѣтра и пыли цѣлые рои мухъ, которымъ не подъ силу было бороться съ такими стремительными воздушными токами, и свое благородное назначеніе—не давать человѣку покоя—онѣ, отъ нечего дѣлать, выполняли такъ добросовѣстно, что доводили его до изступленія. Попробуйте выглянуть изъ своего полуосвѣщеннаго, занесеннаго пылью логовища, чтобъ отдохнуть отъ ихъ назойливости и подышать пропитаннымъ пылью воздухомъ, васъ такъ загримируетъ въ одно мгновеніе, что вы потомъ и сами себя не узнаете въ зеркалѣ. А ночью, когда такъ хорошо забыться сномъ, послѣ томительныхъ часовъ удушливаго зноя, пыли и мухъ, ваше спокойствіе подвергается новымъ испытаніямъ: изъ своихъ невидимыхъ засадъ выползаютъ страшныя, какъ кошмаръ, огромныя паукообразныя чудовища, на высокихъ ногахъ, съ длинными и толстыми, какъ ноги, усами: это фаланги; раздаются звуки, тихіе,

но отчетливые, точно кто булавкой царапает отдѣлившіеся отъ стѣны шпалеры, и вась бросаетъ въ холодный потъ: эти звуки производятъ фаланги треніемъ своихъ роговыхъ челюстей одна о другую.

Въ одинъ изъ тѣхъ дней и часовъ, когда изъ нашихъ запыленныхъ оконъ намъ ничего не было видно, кромѣ темнотой атмосферы, заслонявшей и небо, и солнце, и даже сосѣднія строенія, по штабъ-квартирѣ, съ быстротою гальваническаго тока пронеслась вѣсть о выступленіи драгунъ въ походъ. Все разомъ встрепенулось, какъ въ сказкѣ о спящей царевнѣ. Только электричество, да подобныя вѣсти могутъ дѣлать такія чудеса надъ полуживыми существами, начавшими уже смотрѣть на свое временное оцѣпенѣніе какъ на нормальное состояніе. Мгновенно стряхнулъ съ себя апатію сонный Чирь-юрь. Забыто было все: и бури, и песокъ, и мухи. На площади, окруженной маленькими сѣренькими домиками, показались неясныя очертанія человѣческихъ фигуръ; въ сумерки легче было бы разглядѣть лица, нежели въ этомъ мутномъ хаосѣ шестой стихіи. Фигуры бѣгали, сталкивались, сходились и расходились, и всѣ прикрывали глаза рукою; нѣкоторыя подхватывали налету срываемя вѣтромъ фуражки; другія, пригнувшись къ землѣ, бѣжали за ними, пока онѣ, кувыркаясь, подобно перекати поле, вмѣстѣ съ клубами песку и пыли, катились по площади въ обрывъ.

„Весь полкъ идетъ въ походъ. На смѣну нижегородскаго драгунскаго полка, на время его отсутствія, на сулакскую линію выступаютъ два донскихъ казачьихъ полка“.

Вотъ что переходило изъ усть въ уста въ этотъ день до самаго вечера. Всѣ идутъ въ походъ, но далеко не всѣ были готовы къ выступленію: у того не было выючной лошади, у другаго выючнаго сѣдла, у третьяго бурки или башлыка; были и такіе, у которыхъ ничего не было. Приходилось доставать недостающіе предметы не другъ у друга, какъ это

бывало прежде, когда не всё выступали въ походъ, вѣтъ, нужно было искать на сторонѣ, въ мирныхъ аулахъ.

Не могъ не поддаться общему увлеченію и я, ничего еще въ жизни не видѣвшій, кромѣ Чирь-юрта и дороги къ нему изъ Петербурга. Еще и потому не долженъ быть я относиться равнодушно къ одуряющей вѣсти о походѣ, что у меня не было даже боеваго коня, маленькой, туземной лошадки, о которой я давно мечталъ, лошадки крѣпкой на ногахъ, поворотливой, выносливой, такой лошадки, которую бы нельзя было удивить ни холодомъ, ни зноемъ, ни голодомъ, ни жаждой и никакими лишеніями и невзгодами. До вечера продолжался пароксизмъ походной лихорадки, и всё были въ ненормальномъ, возбужденномъ состояніи. Къ вечеру тревога улеглась мало по малу; кстати и буря на морѣ къ шести часамъ, по обыкновенію, стихла. Вечеромъ вѣсть о походѣ хотя и подтвердилась, но оказалась слишкомъ преувеличенною. Не только всему полку, но даже и половинѣ его не предстояло никакихъ передвиженій: выступали въ походъ только два эскадрона, которые требовались на лѣвый флангъ кавказской линіи для усиленія чеченскаго отряда. Эскадронамъ велась очередь, а на очереди были первый и второй, т. е. весь 1-й дивизионъ. „Только два эскадрона?“ слышались со всѣхъ сторонъ восклицанія разочарованныхъ. И воображеніе, быстро развернувшее свои крылья утромъ, такъ же быстро свернуло ихъ вечеромъ. И въ маленькихъ, сѣренькихъ домикахъ, полуосвѣщенныхъ запыленными окнами, снова укрылись человѣческія существа, неясныя очертанія которыхъ носились по площади въ самые тяжкіе часы зноя и пыли, вызванныя къ жизни фальшивой тревогой.

Только два эскадрона выступали въ походъ: первый и второй. Я былъ во второмъ и слѣдовательно принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ смертныхъ, счастію которыхъ, и не безъ основанія, завидовили всѣ остальные смертные на-

шего полусоннаго захолустья. Мы уходили далеко отъ этихъ мухъ, зноя и пыли, въ другой, совершенно незнакомый намъ край, который не могъ быть повтореніемъ Чирь-юрта, потому что другой Чирь-юртъ невозможенъ. Два дня продолжались мои сборы; за эти два дня я наглотался столько пыли, что ее достало бы на все остальное лѣто, принимая по извѣстной дозѣ въ день; за то, къ вечеру втораго дня я былъ совершенно готовъ, оснащень съ головы до ногъ, а на третій—я и теперь еще, какъ тогда, не могу придти въ себя отъ напыла самыхъ разнообразныхъ чувствъ при воспоминаніи о третьемъ днѣ—на третій, приказомъ по полку, я... переведень былъ въ 7-й эскадронъ!! Навѣрное никогда ничье воображеніе не падало съ такой высоты и не ушибалось такъ больно, какъ мое. Когда мнѣ сказали объ этомъ, первымъ моимъ ощущеніемъ было оцѣпенѣніе; за оцѣпенѣніемъ слѣдовало недоумѣніе—первый признакъ возвращенія къ жизни послѣ окаменѣлаго состоянія; недоумѣніе смѣнилось удивленіемъ, и тогда, еслибы меня постигло совершенное горе—къ кому бы я обратился? Къ полковому командиру и ни къ кому болѣе: не смотря на то, что онъ былъ одинокъ, онъ все понималъ и во всемъ принималъ участіе. Почему бы мнѣ не обратиться къ нему теперь, когда горе шло прямо отъ него? Я рѣшился идти къ нему.

Полковой командиръ принялъ меня стоя. По службѣ Круковскій даже нижнихъ чиновъ принималъ стоя, тогда какъ преемникъ его, въ растегнутомъ сверху донизу сюртукѣ, въ голубомъ шелковомъ архалухѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ, пропускалъ мимо себя эскадроны церемоніальнымъ маршемъ, и на салютъ офицеровъ отвѣчалъ иногда густыми клубами табачнаго дыма, за которыми не всегда можно было видѣть его лицо: совершенно въ восточномъ вкусѣ. Тѣмъ же восточнымъ вкусомъ отличались и всѣ его дѣянія домашней и общественной жизни. Слова, сказанныя мнѣ въ этотъ день

полковникомъ Круковскимъ, такъ хорошо сохранились въ моей памяти, какъ будто они сказаны были не годы, а мѣсяцы тому назадъ.

— Вы, вѣроятно, по поводу вашего перевода? Вашъ переводъ вызванъ необходимостью, такъ какъ вы будете состоять при дивизионерѣ въ должности походнаго адъютанта; объ этомъ просилъ меня самъ дивизионеръ; стало быть, въ первомъ дивизионѣ вы будете постороннимъ офицеромъ, прикомандированнымъ только на время похода, а у васъ будетъ одинъ начальникъ—вашъ дивизионеръ. Еслибы я васъ оставилъ во 2-мъ эскадронѣ или даже перевелъ въ 1-й, вы бы имѣли двухъ начальниковъ вмѣсто одного, а это не совсѣмъ удобно, а въ ваши лѣта и не безопасно. Теперь вы въ 7-мъ эскадронѣ: вашъ эскадронный командиръ остается при штабъ-квартирѣ, а вы съ чужимъ дивизиономъ отправляетесь въ походъ. Такъ будетъ лучше“.

Полагая, что онъ кончилъ, я сдѣлалъ торопливый поклонъ и собирался уходить. Ни одного слова не нашлось у меня, чтобы выразить ту глубокую признательность, которая всего меня переполняла въ эту минуту и готова была вылиться черезъ край. Круковскій остановилъ меня.

— Я васъ долженъ предупредить, сказалъ онъ мнѣ, что настоящій вашъ дивизионеръ, Дмитрій Матвѣевичъ Золотухинъ, прекрасный человекъ; онъ помнитъ васъ ребенкомъ, когда въ Россіи командовалъ эскадрономъ и стоялъ въ имѣніи вашего отца; онъ принимаетъ въ васъ большое участіе. Я бы желалъ, чтобы вы, помимо всякихъ постороннихъ вліяній, сообразовались во всемъ съ его, и только съ его правилами. Дальше я не буду распространяться; я боюсь, и такъ много сказалъ; если вы меня поняли, тѣмъ лучше; если же не поняли, то поймете современемъ и даже, можетъ быть, очень скоро.

Нѣтъ, я его понялъ; онъ это видѣлъ по моимъ гла-

замъ: я очень боялся, что на нихъ навернутся слезы. Взглядъ у него былъ угрюмый, какъ и всегда, а голосъ задушевный. Онъ, повидимому, остался доволенъ, въ знакъ чего протянулъ мнѣ на прощанье свою широкую, мохнатую руку.

Я земли не слышалъ подъ собой, когда отъ полковаго командира, черезъ площадь, возвращался въ свою темную, пыльную обитель. Мнѣ пришлось идти теперь навстрѣчу вѣтру, крупный песокъ билъ меня по лицу, но я едва обращалъ вниманіе на него. Быть адъютантомъ значило имѣть доступъ во всѣ свѣтилица, ревниво охраняемая отъ нескромныхъ взоровъ обыкновенныхъ смертныхъ, стоять близко къ источнику, откуда исходили всѣ распоряженія и приказанія, куда доставлялись свѣдѣнія о намѣреніяхъ непріятеля, донесенія о происшествіяхъ на нашихъ линіяхъ и отдѣльныхъ постахъ; короче, быть адъютантомъ—значило слышать и видѣть гораздо больше того, что видишь и слышишь, стоя во фронтѣ. Радость моя была такъ велика, что не смотря на то, что и фаланги на этотъ разъ не беспокоили меня, я только къ утру забылся короткимъ лихорадочнымъ сномъ.

Будетъ ли когда нибудь біографическій очеркъ Круковского помѣщенъ на страницахъ одного изъ сборниковъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей? Думаю, что никогда не будетъ, хотя былъ бы очень радъ, еслибы кто нибудь взялъ на себя доказать противное. Самъ Круковский никогда не говорилъ о себѣ, изъ скромности; другіе никогда не говорили о немъ—изъ зависти. Въ галереяхъ, сборникахъ и пантеонахъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей нерѣдко встрѣчаются имена и портреты лицъ, замѣчательныхъ только тѣмъ, что никогда въ жизни не сдѣлавши ничего замѣчательнаго, они очутились въ списокъ дѣйствительно замѣчательныхъ людей. Круковский не былъ такимъ. Онъ былъ кавказскій дѣятель, но въ жизни его былъ одинъ моментъ, который выдвигаетъ его изъ ряда исключительно кавказскихъ дѣятелей, и котораго одного до-

статочно, чтобы сдѣлать имя его безсмертнымъ и популярнымъ. Это тотъ моментъ, когда въ 1850-мъ году онъ хватаетъ за узду лошадь одного всадника, увлекшагося преслѣдованіемъ непріятеля, поворачиваетъ ее назадъ и тѣмъ спасаетъ жизнь всаднику. Всадника этого звали Александромъ Вторымъ; Онъ былъ въ то время Наслѣдникомъ русскаго Престола, а впоследствии перешелъ въ исторію подъ великимъ, величайшимъ изъ всѣхъ именъ Царя-Освободителя. Замѣчательно, что этотъ моментъ не былъ подхваченъ никѣмъ.

Прахъ Круковского уже много лѣтъ, подъ скромнымъ памятникомъ, покоится въ церковной оградѣ одной изъ станиц *) линейнаго казачьяго войска, котораго въ послѣднее время онъ былъ наказнымъ атаманомъ; прямыхъ наслѣдниковъ послѣ себя онъ не оставилъ, а потому никто не вправѣ заподозрить автора въ пристрастіи къ памяти этого замѣчательнаго человѣка: никто не скажетъ, что авторъ ожидаетъ отъ него или его близкихъ великой и богатой милости. Когда послѣдній изъ современниковъ Круковского сойдетъ со сцены, на землѣ не останется ни одного человѣка, который бы могъ составить себѣ даже приблизительное понятіе о его наружности. Этотъ пробѣлъ по крайней мѣрѣ я постараюсь пополнить настолько, насколько перо можетъ замѣнить въ этомъ случаѣ фотографію или кисть художника. Фотографія только по слухамъ была извѣстна въ то время у насъ на Кавказѣ; великое открытіе Шарля Ньепса, одно изъ самыхъ популярныхъ открытій послѣднихъ трехъ вѣковъ, какъ ни быстро облетѣло оно весь цивилизованный міръ, не успѣло еще проникнуть въ нашу гремѣвшую войной окраину, и черты лица Круковского остались пока потерянными для свѣта.

Въ 1848-мъ году Круковскому на видъ можно было дать не болѣе тридцати восьми лѣтъ, хотя въ дѣйствительности

*) Екатериноградской.

ему могло быть около сорока трехъ или четырехъ. Онъ былъ выше средняго роста, широкоплечъ, хорошо сложенъ, держалъ себя нѣсколько сутуловато. Черные волосы его всегда были острижены подъ гребенку. Онъ встрѣтилъ какъ-то разъ на площади, въ своей штабъ-квартирѣ, двухъ вольноопредѣляющихся, съ длинными, предлинными, какъ у провинціальныхъ актеровъ, волосами. Вольноопредѣляющіеся только накануне прибыли съ оказіей въ Чиръ-юртъ и полковаго командира въ лицо не знали. Круковский очень вѣжливо раскланялся съ ними, предложилъ имъ проводить ихъ къ парикмахеру, отвелъ ихъ на гауптвахту, приказалъ при себѣ остричь ихъ на барабанѣ, подъ гребенку, и когда операція была кончена, отпустилъ и при этомъ посовѣтовалъ имъ беречь свое здоровье и одѣваться сообразно съ климатическими условіями, такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ въ халатѣ, а у другаго на ногахъ надѣты были вышитыя туфли. Невысокій, но широкій лобъ Круковского, нѣсколько выдавшійся, былъ нѣжнаго, почти молочнаго цвѣта. Густой красный загаръ во всякое время года покрывалъ все остальное лицо, точно онъ только что вышелъ изъ русской бани. Подъ черными, правильно очерченными бровями свѣтились выразительные, темносѣрые глаза, глядѣвшіе угрюмо, изподлобья. Широкій внизу, слегка вздернутый носъ придавалъ его лицу отѣнокъ веселаго ухарства, странно противорѣчившаго угрюмому выраженію его глазъ. Щеки и подбородокъ его всегда были гладко выбриты, а длинные, шелковистые черные усы, слегка волнистые, доходили почти до половины груди; я никогда не видалъ такихъ прекрасныхъ усевъ. Круковский носилъ длиннополый сюртюкъ, верхка на три ниже колѣнъ, съ глубокими карманами напередѣ; фуражку надѣвалъ нѣсколько на затылокъ и не снималъ ея у себя въ комнатѣ, если не было никого изъ постороннихъ, т. е. не принадлежащихъ полку. Безъ шапки и толстой суковатой палки, желтой, полированной, никуда не вы-

ходить. Полковой лазаретъ посѣщаль два раза въ день аккуратно и, кромѣ того, заходилъ туда всякій разъ, какъ только приводили трудно-больнаго, о чемъ ему тотчасъ же давали знать. Въ конскій лазаретъ, находившійся въ пяти верстахъ отъ штабъ-квартиры, подлѣ аула Султанъ-Янги-юрта, онъ навѣдывался черезъ день, и всегда пѣшкомъ, и всегда одинъ. Одинъ разъ онъ не засталъ тамъ часоваго, который, оставивъ ружье на крѣпостномъ валу, куда-то отлучился. Круковский взялъ ружье и ходилъ съ нимъ на часахъ до тѣхъ поръ, пока не вернулся настоящій часовой. Драгуны почему-то называли Круковского дѣдушкой, тогда какъ это странное прозвище не оправдывалось ни его лѣтами, ни его молодежавою наружностью.

Круковский очень любилъ купаться. Но ночью онъ никогда не раздѣвался, считая это непозволительною роскошью въ его положеніи начальника линіи. Днемъ, послѣ обѣда, онъ позволялъ себѣ эту роскошь часа на два, не больше. День и ночь очередной конь его стоялъ засѣдланнй; за то, едва раздадутся первые звуки тревоги, прежде нежели хоть одну лошадь успѣютъ вывести изъ конюшни дежурнаго эскадрона, онъ уже на конѣ; его живописная фигура уже выступаетъ изъ темнаго фона ночи, какъ привидѣніе въ старинныхъ нормандскихъ балладахъ.

Быль ли Круковский хорошъ собой? Конечно нѣтъ. Но на него нельзя было вдоволь насмотрѣться; скажу болѣе: отъ него трудно было оторваться; онъ былъ картинень, особенно на конѣ, на своемъ бѣломъ боевомъ конѣ *), носившимъ его по всемъ главнымъ рѣкамъ Кавказа и сложившимъ кости въ одинъ день и часъ и на одномъ полѣ честно съ своимъ до- блестнымъ хозяиномъ.

Круковский говорилъ мало, но слушалъ со вниманіемъ,

*) Подаренномъ генераломъ Гурко.

придерживаясь мудраго изрѣченія: „кто говоритъ, тотъ съѣтъ; кто слушаетъ, тотъ пожинаетъ“. Онъ смѣялся рѣдко; въ смѣхѣ его было что-то принужденное, неискреннее. Мнѣ всегда казалось, что у него есть затаенное горе, которое наложило неизгладимую печать на всю его остальную жизнь. Съ людьми ограниченными онъ обходился мягко, съ отеческой снисходительностью. „Это наши младшіе братья“, говорилъ онъ, „мы должны смотрѣть на нихъ, какъ смотримъ на калѣкъ—съ участіемъ, отнюдь не съ пренебреженіемъ. Фаты оказывали замѣтное вліяніе на его расположеніе духа; въ ихъ присутствіи онъ терялъ самообладаніе, становился раздражителемъ, безпокоясь; они были для него почти тѣмъ же, чѣмъ бывають для нѣкоторыхъ нервныхъ людей мыши, лягушки, тараканы. Въ этомъ случаѣ онъ напоминалъ многихъ великихъ людей и въ томъ числѣ Суворова, который отъ фатовъ отплевывался.

— Поставьте, говорилъ Круковский, Гумбольдта рядомъ со идиотомъ, вы сейчасъ скажете, что одинъ изъ нихъ старшій братъ, совершеннолѣтній, другой младшій, малолѣтній. Поставьте рядомъ Гумбольдта и фата, вы скажете, что первый изъ нихъ человекъ, а второй... вы затруднитесь сказать—кто такой второй? Какое мѣсто отвести ему въ царствѣ животныхъ? Обезьяна, конечно, стоитъ выше; она впервыхъ, не имѣетъ претензіи на званіе разумнаго существа, вовторыхъ, она доставляетъ удовольствіе, она смѣшитъ, и наконецъ, она до самоотверженія любитъ своихъ дѣтей, слѣдовательно у нея есть чувства. Фатъ тогда только и хорошъ, когда избавляетъ васъ отъ своего присутствія.

Кто бы могъ подумать, глядя на суровую, угрюмую наружность Круковского, что въ его мужественной груди бьется великое нѣжное сердце, что не было такого горя, конечно непритворнаго, котораго бы онъ не понималъ, которому бы не сочувствовалъ; за то, сентиментальность, притворную нѣжность казнилъ ядовитыми насмѣшками. Одна дама, жена на-

шего полковаго квартирмистра, какъ мы узнали впоследствии, едва не расплакалась, когда при ней убили таракана. „Зачѣмъ вы это сдѣлали?“ воскликнула она. „Можетъ быть, у него есть дѣти“. А когда ея мужъ, за какой-то неумышленный промахъ наказалъ своего повара ста ударами розогъ, эта дама опять едва не расплакалась. „О, еслибъ я была мужчиной“, сказала она, „онъ бы двумя стами не отдѣлался у меня“. Этотъ анекдотъ разсказанъ былъ самимъ Круковскимъ съ такими интонаціями, которыхъ авторъ, при всемъ желаніи своемъ, не въ состояніи передать перомъ, далеко не такимъ послушнымъ орудіемъ, какъ это воображаютъ тѣ, кому никогда не приходилось испытать его силу и гибкость.

Честь Круковскій ставилъ очень высоко, не смотря на растяжимость этого понятія. Пусть каждый народъ имѣетъ свои понятія о чести—это, по его мнѣнію, ничего не значило; но пусть каждый уважаетъ ее, чтобы онъ тамъ ни разумѣлъ подъ словомъ честь. У разбойниковъ даже есть своя честь, и они строго преслѣдуютъ нарушителей ея. Дуэль онъ оправдывалъ, но Мартынова, убившаго на дуэли Лермонтова, считалъ государственнымъ преступникомъ. Лермонтовъ не былъ частнымъ человѣкомъ; онъ принадлежалъ Россіи, человѣчеству, современникамъ и потомству, и ни вызывать его на дуэль, ни принимать отъ него вызова никто не имѣлъ права. Скорѣе сановника какого нибудь, разсуждалъ онъ, можно назвать частнымъ человѣкомъ: объ немъ говорить, и то немногіе, пока онъ занимаетъ своей постъ; черезъ два-три года, много черезъ пять лѣтъ, и самое имя его забываютъ. Имя Лермонтова и черезъ двѣсти лѣтъ будутъ помнить и произносить съ уваженіемъ.

При Круковскомъ въ полку было двѣ дуэли; объ имѣли трагическій исходъ—смерть одного изъ противниковъ. Первую дуэль онъ скрылъ. Главнокомандующій зналъ объ ней, но не показывалъ и вида, что знаетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ

князь Воронцовъ съ неподражаемымъ добродушіемъ позволялъ обманывать себя. Вторую дуэль показалось опаснымъ скрывать. Виновные въ ней: оставшійся въ живыхъ противникъ и оба секунданта преданы были суду и впредь до окончанія дѣла содержались въ крѣпости. Намѣстникъ кавказскій, по несчастью, расходился съ командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка во взглядахъ на дуэль, и подсудимыхъ ожидала суровая кара. Такъ все и думали. Но каково же было удивленіе и самихъ подсудимыхъ, и всей кавказской арміи, когда имъ вмѣнили арестъ въ наказаніе и... больше ничего. Радость наша равнялась нашему недоумѣнію. Больше всѣхъ радовался Круковскій. „Понять не могу, что сдѣлалось съ нашимъ намѣстникомъ“, говорилъ онъ.

Съ намѣстникомъ вотъ что сдѣлалось: онъ получилъ изъ Чирь-юрта письмо, въ которомъ говорилось о боевыхъ заслугахъ подсудимыхъ, о ихъ примѣрномъ поведеніи, высокой нравственности и прекрасномъ образованіи, о незамѣнимой потерѣ для полка въ лицѣ подсудимыхъ, если съ ними поступлено будетъ по всей строгости законовъ, или даже если они будутъ исключены изъ списковъ полка при менѣ суровыхъ условіяхъ. Тотъ, кто написалъ это письмо, просилъ намѣстника, въ награду за все его прежнія заслуги, въ награду за тѣ, которыя онъ еще надѣется оказать въ будущемъ, даровать молодымъ офицерамъ полное прощеніе, вмѣнивъ имъ арестъ въ наказаніе. Письмо это подписано тѣмъ самымъ лицомъ, которое, раздѣляя общее удивленіе, не знало, что сдѣлалось съ нашимъ намѣстникомъ. Главнокомандующій, прочитавъ письмо, былъ тронутъ энергическимъ заступничествомъ Круковскаго, заступничествомъ, въ оправданіе котораго приводились интересы полка и службы, тогда какъ ни полкъ, ни служба ничего не теряли въ лицѣ подсудимыхъ; князь Воронцовъ зналъ это очень хорошо.

— Нельзя отказать этому человѣку, сказалъ онъ, указы-

вая на лежавшее передъ нимъ письмо; нельзя отказать потому, что онъ никогда ни о чемъ не просить; еще менѣе я бы рѣшился отказать ему потому, что онъ у насъ одинъ Баярдъ въ цѣлой кавказской арміи.

Эскизъ будетъ не полонъ, если умолчать о личныхъ отношеніяхъ двухъ изъ трехъ подсудимыхъ къ полковому командиру. Одинъ изъ нихъ, непризнанный поэтъ, писалъ пасквили противъ Круковского, которые имѣли самонадѣянность величать сатирами; другой доставлялъ матеріалы для пасквилей, переписывалъ ихъ и употреблялъ все свое стараніе, чтобы они расходились въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ. О третьемъ подсудимомъ ничего нельзя было сказать, кромѣ того, что онъ былъ неисправимый игрокъ; изъ-за игры произошла ссора, окончившаяся дуэлью; онъ же былъ и оставшимся въ живыхъ противникомъ; знаменитый сатирикъ и его секретарь были секундантами. Произведенія, весьма сомнительнаго достоинства, доморощенного Ювенала доходили по адресу; Круковский читалъ ихъ и, какъ мы видѣли, отвѣчалъ на нихъ великодушіемъ.

Главнoкомандующій не иначе называлъ Круковского, какъ Баярдомъ, рыцаремъ безъ страха и упрека. Нужно быть дѣйствительно рыцаремъ безъ страха, чтобы съ восьмидесятью казаками выступить противъ четырехъ тысячъ отборной непріятельской кавалеріи, осмѣлиться вступитъ съ нею въ неравный бой, разстроить, обратить въ постыдное бѣгство и преслѣдовать ее, какъ это сдѣлалъ Круковский, когда четырехтысячная партія закубанскихъ горцевъ угрожала нападеніемъ беззащитному Пятигорску.

Дѣйствительно нужно быть идеально-бескорыстнымъ и чистымъ отъ всякаго нареканія, чтобы перевести регулярный кавалерійскій полкъ за семьсотъ верстъ, черезъ горы, водворить его на новомъ мѣстѣ, такомъ мѣстѣ, какъ Чиръ-юртъ, представить его въ блестящемъ видѣ, почти въ полномъ со-

ставѣ, въ первый же прїѣздъ главнокомандующаго, при этомъ сберець здоровье людей и лошадей и отказаться отъ подъемныхъ денегъ на томъ основаніи, что полкъ при его предмѣстникѣ былъ такъ хорошъ въ хозяйственномъ отношеніи и обладалъ такими средствами, что могъ бы обойтись ими и при болѣе значительномъ передвиженіи.

Командуя одиннадцати-эскадроннымъ полкомъ, Круковскій жилъ среди монастырской обстановки, отказывалъ себѣ во многомъ, не могъ даже обзавестись своей библіотекой и телескопомъ, о которыхъ мечталъ всю жизнь, и завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ двадцать пять тысячъ, Высочайше пожалованныхъ ему уже впоследствии, въ видѣ награды, по особому представленію намѣстника кавказскаго. За то, при немъ полкъ процвѣталъ; это былъ, при тогдашнемъ живописномъ костюмѣ, нарядный гвардейскій кавалерійскій полкъ: люди были здоровы и щегольски одѣты, лошади сыты и веселы. Подвижная кордонная служба отправлялась день и ночь не прерываясь: днемъ высылались разъѣзды къ мѣтлинской переправѣ, когда эскадронъ, когда два; ночью сновали мелкіе разъѣзды между Чирь-юртомъ и Султанъ-Янги-юртомъ. Не успѣваетъ вступить въ штабъ-квартиру одинъ разъѣздъ, какъ уже на смѣну ему выступаетъ другой. Искатели *regretium mobile* нашли бы его, въ командованіе полкомъ Круковскимъ, на сулакской линіи. И тихо было на всемъ сорокаверстномъ протяженіи шамхальской равнины отъ Чирь-юрта до Каспійскаго моря: стада паслись безъ прикрытія, подъ наблюденіемъ мальчугановъ, жители выходили на полевыя работы безъ оружія, въ бешметахъ, при однихъ кинжалахъ. Ни о какихъ хищническихъ партіяхъ и абрекахъ слышно не было. Каждое утро въ домъ полковаго командира являлся татаринъ, всегда одинъ и тотъ же, Бирь-Магома. Обязанность его была не легкая: онъ долженъ былъ каждый день осматривать броды на Сулакѣ и обо всѣхъ замѣченныхъ имъ на переправахъ

подозрительныхъ слѣдахъ немедленно доносить начальнику сулакской линіи. Бирь-Магому нельзя было назвать ни лазутчикомъ, ни проводникомъ: это былъ просто „искатель слѣдовъ“. Лазутчиковъ долженъ былъ содержать одинъ изъ владѣтельныхъ кумыкскихъ князей, имѣвшій постоянное мѣсто-пребываніе въ Султань-Янги-юртѣ; отъ него начальникъ сулакской линіи получалъ свѣдѣнія о намѣреніяхъ, сборахъ и приготовленіяхъ непріятели; но свѣдѣніямъ, доставляемымъ ему этимъ путемъ, онъ вѣрилъ только вполовину и всю надежду по охраненію вѣреннаго ему района возлагалъ на свою бдительность и желѣзное здоровье и на всегдашнюю готовность полка къ выступленію. При немъ и саранча, непремѣнно каждый годъ появлявшаяся въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая со стороны Каспійскаго моря, иногда по два и по три дня застилавшая небо, затмѣвавшая солнце, и та не смѣла садиться на поля владѣній шамхала Тарковского; тотчасъ же принимались энергическія мѣры: высылались трубачи, барабанщики, пѣсенники, жители мирныхъ ауловъ выбѣгали толпами—и крикомъ, гамомъ, стрѣльбой изъ ружей провожали ее за Сулакъ, на кумыкскую плоскость, куда немедленно отправлялись нарочные съ извѣстіемъ о появленіи этого страшнаго бича народнаго хозяйства.

Все измѣнилось съ того дня, когда нижегородскій драгунскій полкъ перешелъ въ другія руки. Какъ много значить одинъ человѣкъ, честный, энергическій, неутомимый, считавшій непозволительною роскошью раздѣваться на ночь! Сулакской линіи нельзя было узнать: разъѣзды прекратились, на тревогу стали выѣзжать шагомъ, не для преслѣдованія непріятели, а для очищенія совѣсти. По дорогамъ черезъ шамхальскія владѣнія по всѣмъ направленіямъ начали разгуливать абреки; въ лѣсахъ, камышахъ и ущельяхъ находили себѣ убѣжище, въ ожиданіи добычи, партіи хищниковъ. Непритель, сначала робко, осторожно, мелкими бандами въ пять-

шесть человекъ, и притомъ черезъ мѣтлинскую переправу, которая менѣе на виду у полка, пробирался на нашу сторону какъ бы для развѣдокъ, чтобы удостовѣриться—точно ли на Сулакѣ наступили новые порядки, и когда въ дѣйствительности этого отраднaго для него факта не оставалось больше сомнѣнiя, началъ становиться смѣлѣе и смѣлѣе, и наконецъ, скопищами въ нѣсколько сотъ человекъ сталъ врываться въ наши предѣлы черезъ открытыя переправы, къ сѣверу отъ Чирь-юрта, между этимъ послѣднимъ пунктомъ и Казіюртомъ. Два раза даже были сдѣланы попытки оставить полкъ безъ лошадей, но нижегородскій драгунскій полкъ не могъ снести этого оскорбленiя даже и при новомъ полковомъ командирѣ: старый духъ пробудился въ немъ, и онъ встрепенулся, какъ ужаленный левъ, и вышелъ навстрѣчу наглаго противника, добрый и неустрашимый какъ въ старые годы, когда передъ фронтомъ его носился призракъ стройнаго всадника, съ краснымъ лицомъ и длинными черными усами, съ фуражкой, опрокинутой на затылокъ, на бѣломъ боевомъ конѣ. Первая попытка непріятеля не удалась вовсе и имѣла для него роковую развязку: шестьдесятъ семь тѣлъ брошены были на правомъ берегу Сулака, кругомъ драгунскаго водооя; множество раненыхъ, убитыхъ и утонувшихъ въ рѣкѣ лишился онъ при обратной переправѣ черезъ Сулакъ *). Вторая попытка, безпримѣрная по своей дерзости въ лѣтописямъ нижегородскаго драгунскаго полка, удалась только отчасти: ночью, черезъ проломъ стѣны въ одной конюшнѣ, выведены были лошади почти цѣлаго эскадрона; часть изъ нихъ была отбита назадъ, остальные уведены въ горы. Тревога была поднята одною молодою лошадыю, испугавшеюся внезапнаго появленiя въ ея стойлѣ человека въ папахѣ и буркѣ и начавшею бить задними ногами въ перегородку.

*) Дѣло на водоюѣ 1-го января 1852-го года.

Круковский всегда говорилъ правду: это также одна изъ причинъ, почему главнокомандующій называлъ его Баярдомъ. Если неудобно было говорить правду, такъ какъ она отличается довольно страннымъ свойствомъ колоть глаза, то Круковский ничего не говорилъ: рѣчь серебро, молчаніе золото. Если нужно было солгать для спасенія чести, имуществва или карьеры ближняго, какъ напримѣръ въ донесеніи о первой дуэли, то Круковский лгалъ, но такъ неловко, что самая ложь его была въ то же время и признаніемъ во лжи. Одинъ изъ приближенныхъ намѣстника, зная положительную неспособность и даже неумѣнье нашего Баярда говорить ложь, обратился къ нему съ коварнымъ вопросомъ: дѣйствительно ли Яковлевъ (офицеръ, убитый на первой дуэли) убитъ хищниками?

— Да, онъ дѣйствительно убитъ хищниками, отвѣчалъ Круковский; онъ содержалъ свою старуху мать; когда убили ея сына, она лишилась средствъ къ жизни, у нея ихъ похитилъ убившій ея сына; его-то я и называю хищникомъ.

— Знаете ли вы, продолжалъ онъ конфиденціальнымъ тономъ, что въ донесеніи своемъ о смерти Яковлева я очернилъ самого себя, какъ начальника сулакской линіи: въ моемъ районѣ никогда не показывались хищники, а я доношу, что они убили офицера моего полка.

Вѣрность этого замѣчанія такъ озадачила приближеннаго намѣстника, что онъ тотчасъ же передалъ весь свой разговоръ съ Круковскимъ маститому вождю. Князь улыбнулся и одобрительно закивалъ головой.

Одинъ разъ, въ своей семьѣ, т. е. въ кругу офицеровъ нашего полка, въ присутствіи полковаго командира, зашелъ разговоръ объ этой несчастной дуэли.

— Желалъ бы я знать, заговорилъ Круковский, кому бы я сдѣлалъ пользу, еслибы донесъ, что Яковлевъ убитъ на поединкѣ? Мнѣ кажется, никому; за то, троихъ сдѣлалъ бы несчастными. Случай очень прискорбный — я не отрицаю, но

на меня находятъ иногда минуты, когда мнѣ представляется, будто я самъ его убилъ. Я готовъ назначить премію тому, кто придумаетъ новый способъ рѣшать дѣла чести.

Три года спустя послѣ того, какъ Круковский сдалъ полкъ, когда и его самого уже не стало, мы совершенно случайно узнали, что онъ все время высылалъ матери убитаго содержаніе.

Одинъ разъ въ жизни Круковский позволилъ себѣ настоящую ложь, но то была ложь, такъ сказать, посмертная: завѣщаніе его начинается словами: „я никому не долженъ и мнѣ никто не долженъ“. Онъ, дѣйствительно, никому не былъ долженъ, но ему многіе остались должны. Не знаю—простили ли ему наслѣдники эту великодушную ложь, но должники навѣрное простили.

На лицѣ этого человѣка, обыкновенно молчаливаго, необщительнаго, угрюмаго, появлялось иногда выраженіе беззаботнаго добродушія, которое очень шло къ нему и показывало, что онъ и былъ такимъ когда-то прежде, до таинственнаго перелома въ его жизни, о которомъ ходили темныя догадки, но положительнаго никто ничего не зналъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ одной сцены, основаніемъ которой послужило недоразумѣніе, сцены, подготовленной самимъ Круковскимъ. Нужно было видѣть искреннее добродушіе и неподдѣльную веселость, съ какими онъ все время слѣдилъ за ходомъ разыгрывавшейся на нашихъ глазахъ комедіи! Это былъ чудный солнечный день послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ туманнаго пасмурнаго неба.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ комедіи былъ докторъ Р., одинъ изъ нашихъ полковыхъ медиковъ. Фигурой своей докторъ Р. напоминалъ Эзопа въ нѣсколько большихъ размѣрахъ. Это былъ маленькій, горбатый человѣкъ, не карликъ, но со всеми достоинствами и недостатками карликовъ. Остроумный, веселый, страстный охотникъ спорить, докторъ

Р. спорилъ обо всемъ, даже о такихъ предметахъ, о которыхъ могъ имѣть только самыя смутныя понятія. Онъ спорилъ не для того, чтобы убѣдить, не для того, чтобы почерпнуть въ спорѣ полезныя свѣдѣнія, онъ спорилъ изъ любви къ искусству. Ему нравился самый процессъ спора, такъ что, если его разбивали на одномъ пунктѣ, онъ тотчасъ же переходилъ къ другому, изъ опасенія, чтобы споръ не прекратился. Давно собирался Круковскій проучить его и только ждалъ благопріятнаго случая. Случай представился, наконецъ; онъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы имъ не воспользоваться: докторъ Р. былъ приглашенъ въ Балтугай, урочище, отстоявшее версты на двѣ съ половиной отъ нашей штабъ-квартиры, къ одному трудно больному офицеру. Въ его отсутствіе, изъ Кизляра въ Чиръ-юртъ пришла экстренная оказія, и съ нею, проѣздомъ въ дагестанскій отрядъ, прибылъ и остановился въ домѣ полковаго командира знаменитый Пироговъ. Докторъ Р. возвратился изъ Балтугая, отъ своего пациента, въ Чиръ-юртъ, не встрѣтивъ никого по дорогѣ, кто бы могъ предупредить его о пріѣздѣ Пирогова; въ штабъ-квартирѣ онъ также не встрѣтилъ ни души. Между тѣмъ колоколь, стоявшій подъ навѣсомъ, впереди караульной платформы, пробилъ два часа, а такъ какъ докторъ Р. постоянно обѣдалъ у полковаго командира, то и проѣхалъ прямо къ его дому. Онъ засталъ все общество въ столовой, въ тотъ самый моментъ, когда агремѣли стулья и всѣ сидѣли за столъ. Ему пришлось сидѣть какъ разъ напротивъ Пирогова, котораго онъ едва удостоилъ разсѣяннымъ взглядомъ, какъ челоуѣка посторонняго, служившаго ему несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ Чиръ-юртъ, въ его отсутствіе, пришла какая-то оказія, но откуда и зачѣмъ пришла оказія, и кто была эта новая личность, прибывшая съ нею и сидѣвшая за столомъ напротивъ его—до этого ему мало было дѣла.

Въ началѣ обѣда, Круковскій, лицо котораго сіяло лукавымъ добродушіемъ, обратился къ доктору Р. съ распроса-

ми о состояніи здоровья его новаго пациента. Докторъ описывалъ довольно подробно положеніе больнаго, въ заключеніе назвалъ и самую болѣзнь. Пироговъ, не проронившій ни одного слова изъ его объясненія, позволилъ себѣ въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ замѣтить, что симптомами, совершенно тождественными съ тѣми, которые описываетъ докторъ Р., сопровождаются и нѣкоторыя другія болѣзни, и что выводить по нимъ слишкомъ поспѣшное заключеніе не всегда бываетъ безопасно для больнаго. Докторъ Р. не удостоилъ даже отвѣтомъ на замѣчаніе Пирогова и ограничился презрительной гримасой и пожатіемъ плечъ, какъ будто хотѣлъ сказать: этотъ туда же, съ своими замѣчаніями. Круковскій начиналъ кусать губы; улыбка свѣтлѣе прежняго озарила его лицо. Пироговъ, не обращая вниманія на мимику своего противника, продолжалъ развивать высказанную имъ мысль. Докторъ Р. не выдержалъ; духъ противорѣчія тѣмъ съ большею энергіею заговорилъ въ немъ, что почва, на которой должно было происходить состязаніе, была слишкомъ хорошо ему знакома. Онъ началъ забрасывать своего незнакомаго противника доводами, одинъ другаго полновѣснѣе; онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе. Пироговъ, съ вѣжливымъ вниманіемъ, склонивъ слегка голову на бокъ, выслушивалъ каждое объясненіе доктора Р. и противъ его доводовъ, вѣроятно парадоксальныхъ, приводилъ свои, равнымъ, спокойнымъ тономъ, какъ человѣкъ, увѣренный въ непогрѣшимости своей теоріи. Задѣтый за живое сдержанностью своего антагониста, докторъ Р. началъ горячиться. Одинъ изъ сидѣвшихъ напротивъ офицеровъ знаками хотѣлъ остановить его. Докторъ Р., объясняя эти знаки посвоему, принимая ихъ за поощреніе—не поддаваться, заспорилъ сильнѣе прежняго. Онъ началъ стучать черенкомъ вилки по столу, поднимая вверхъ салфетку, протягивался черезъ столъ, опрокинулъ стаканъ и, въ концѣ концовъ, увлекъ и самаго Пирогова, который также воодушевился и съ жа-

ромъ сталъ отстаивать свои убѣжденія. Обѣдъ кончился. Круковскій отозвалъ доктора Р. въ другую комнату.

— Знаете ли вы, спросилъ онъ его, съ кѣмъ вы про- спорили весь обѣдъ?

— А почему я знаю! я вижу, что онъ человѣкъ неглупый, даже въ медицинѣ кое-что смыслить; но вѣдь кое-что, согласитесь, не даетъ ему права слишкомъ много о себѣ думать и вступать въ полемику съ настоящимъ медикомъ, докторомъ медицины—понимаете ли вы, докторомъ медицины?

— Ну, а если я вамъ скажу, кто этотъ неглупый человекъ, дадите ли вы мнѣ слово больше не спорить съ нимъ?

— Пожалуй, я не буду больше съ нимъ спорить, если онъ, въ свою очередь, будетъ говорить о чемъ угодно постороннемъ, только не о медицинѣ.

— Я вамъ скажу, такъ и быть, кто этотъ дерзкій незнакомецъ, осмѣлившійся спорить о медицинѣ съ докторомъ Р. Только вы его не обижайте: онъ мой гость, и я даже вамъ не позволю дѣлать ему непріятности въ моемъ домѣ.

Наступила пауза. Круковскій смотрѣлъ на доктора Р. все съ той же лукавой улыбкой. На лицѣ доктора выразалось недоумѣніе. Круковскій заговорилъ:

— Человѣкъ, который сидѣлъ напротивъ васъ за столомъ, человѣкъ, въ котораго вы хотѣли пустить салфеткой, никто иной какъ Пироговъ. Понимаете ли вы, самъ знаменитый Пироговъ.

Маленькій докторъ Р. сдѣлался какъ будто еще меньше при этомъ открытіи, точно бревно упало ему на голову.

— Что жъ вы со мной сдѣлали? зачѣмъ же вы меня не предупредили? съ упрекомъ, въ минорномъ тонѣ, заговорилъ онъ. Я человѣкъ семейный, куда я теперь дѣнусь?

— Видите ли, отвѣчалъ ему съ улыбкой Круковскій, я хотѣлъ посмотрѣть—есть ли на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, съ которымъ бы вы не рѣшились вступить въ споръ; теперь

я убѣдился, что нѣтъ такого человѣка; значить, васъ могила исправить.

Докторъ Р. былъ горбать; острога Круковского заставила его улынуться; онъ повеселѣлъ, пріободрился; въ головѣ его въ одно мгновеніе составился планъ, и онъ вернулся въ гостиную приводить его въ исполненіе. Докторъ Р. направился къ Пирогову; между нимъ и знаменитымъ мужемъ произошло объясненіе, изъ котораго Пироговъ узналъ, что онъ — солнце науки, что имя его гремитъ во всѣхъ частяхъ свѣта, отъ одного полюса до другаго, а докторъ Р., къ великому удивленію своему, узналъ, что великій ученый давно не проводилъ время такъ пріятно, благодаря единственно тому счастливому обстоятельству, что собесѣдникъ его не зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Докторъ Р. узналъ также, что его полковой командиръ очень дорожить имъ и отзывается объ немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. На другой день, при встрѣчѣ съ докторомъ Р., Круковскій сказалъ ему:

— Теперь вы будете рассказывать, что не дали спуску даже самому Пирогову. Въмѣсто того, чтобы исправить, я, кажется, еще хуже испортилъ васъ.

Всякій разъ, когда вызываешь тѣни прошлаго, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаешься на только-что описанной сценѣ. Въ ней видѣнъ Круковскій въ его настоящемъ свѣтѣ: веселый, добродушный, остроумный — словомъ, такой, какимъ онъ былъ вѣроятно давно, можетъ быть, въ ранній періодъ жизни, прежде нежели его благородному сердцу нанесена была глубокая, никогда незакрывающаяся рана. Тяжелъ и серьезенъ долженъ быть ударъ для того, чтобы сломить такую мощную натуру.

Въ Круковскомъ были всѣ задатки великаго государственнаго дѣятеля: глубокій, трезвый умъ, высокое понятіе о долгѣ, энергія, гуманность, неподкупность, обширныя познанія и вѣра въ прогрессъ, какъ въ органическую потребность от-

дѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Въ его судьбу вмѣшалась безвременная смерть, можетъ быть, потому, что онъ явился слишкомъ рано на землѣ съ своею неподкупностью, и задатки такъ и остались задатками безъ приложенія. Человѣчество потеряло въ немъ одного изъ лучшихъ представителей своихъ, исторія лишилась одного изъ лучшихъ украшеній и многихъ утѣшительныхъ страницъ. Зналъ ли Круковскій настоящую себя цѣну? Я часто задавалъ себѣ этотъ вопросъ и никогда не находилъ на него отвѣта. Одно Круковскій зналъ, въ одномъ онъ былъ глубоко убѣжденъ, и не только словами, но и всѣми поступками своими высказывалъ это убѣжденіе: онъ зналъ, что какъ бы далеко человѣкъ ни искалъ счастья, онъ скорѣе всего найдетъ его въ своемъ сердцѣ, и потому старался держать этотъ уголокъ какъ можно чище, какъ мѣсто отдохновенія отъ бурь и непогодъ житейскаго моря.

К.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ ДАГЕСТАНѢ

ВЪ 1852 И 1853 ГОДАХЪ.

I.

1852-Й ГОДЪ.

Замыслы Шамиля на Кайтагъ и Табасарань. Прибытіе въ Кайтагъ Букъ-Магомета. Распоряженіе князя Аргутинскаго. Дѣйствія горцевъ. Сборъ кайтагскаго отряда и выступленіе въ Маджалисъ. Укрѣпленіе Букъ-Магометомъ селенія Шеяги. Движеніе отряда. Раззореніе аула Минкелю. Подступъ къ Шеяги и штурмъ. Возвращеніе въ Маджалисъ. Роспускъ войскъ. Сборы Шамиля. Намѣреніе горцевъ вторгнуться въ казикумухское ханство. Князь Аргутинскій временно замѣняется княземъ Орбеліани. Расположеніе войскъ на передовой линіи. Часть войскъ изъ самурскаго округа переѣзжается на Тамашу. Князь Орбеліани переходитъ на Турчидагъ и посѣщаетъ старые Салты. Роспускъ войскъ. Нападеніе горцевъ на Агаларъ-бека и отраженіе ихъ.

Послѣ кровавыхъ битвъ, которыми ознаменовалась эпоха князя Воронцова, въ Дагестанѣ наступила война чисто партизанская, по большей части вызывавшая войска лишь на незначительныя тревоги и стычки, возбуждаемая повсемѣстно и непрерывно непріятельскими партіями разной числительности. Нападая и на пограничныхъ покорныхъ намъ жителей, и на наши небольшія команды, онѣ всюду причиняли нѣкоторыя потери. По поводу этого происходило, разумѣется, быстрое появленіе ближайшихъ нашихъ войскъ и, послѣ схватки, такое же быстрое преслѣдованіе убѣгавшихъ горцевъ. Но въ про-

межуткахъ этого обыкновеннаго состоянія края войскамъ приходилось быть наготовѣ и по случаю болѣе серьезныхъ дѣйствій со стороны неусыпнаго имама, который, уже не безпокоймый нашими наступательными дѣйствіями въ Дагестанѣ, самъ принимался угрожать намъ своими нашествіями (1846—1848 годы), и если не всегда приводилъ ихъ въ исполненіе, то, во всякомъ случаѣ, заставлялъ насъ прибѣгать къ противодѣйствію усиленіемъ войскъ на угрожаемыхъ пунктахъ и нерѣдко сборомъ отрядовъ.

Такимъ образомъ, еще осенью 1851-го года Шамиль намѣревался со всѣми своими силами вторгнуться въ Кайтагъ и Табасарань, чтобы утвердить тамъ ученіе мюридизма; но это намѣреніе не состоялось, потому что оно было отсовѣтано Шамилю его приближенными наибамъ и почетными лицами. Все же, Табасарань и Кайтагъ были у имама на очереди, и онъ, наконецъ, въ исходѣ упомянутаго года рѣшилъ предварительно подготовить жителей этихъ мѣстностей, и если они согласятся возстать противъ русскихъ, то уже тогда дѣйствовать открытою силою.

Выполненіе этого первоначальнаго намѣренія Шамиль предлагалъ бѣглецамъ, вышедшимъ изъ кумухскаго ханства, даргинскаго округа и другихъ подвластныхъ намъ мѣсть; но тѣ отказывались, ссылаясь на то, что лѣтомъ прошлаго года тамъ побывала партія изъ отборныхъ мюридовъ и все же не имѣла успѣха, а имъ то и подавно нельзя надѣяться на этотъ успѣхъ. Вслѣдствіе такой уклончивости отъ исполненія воли Шамиля, послѣдовало отъ него приказаніе, чтобы всѣ они, съ своими семействами, немедленно вышли изъ горъ, такъ какъ ихъ не для чего и печѣмъ кормить. Эта угроза повела къ тому, что кумухскій выходецъ Букъ-Магометъ, желая исполнить волю Шамиля, собралъ въ пограничномъ укрѣпленіи Уллу-Кала 300 человекъ конныхъ, тоже бѣглецовъ, пробрался оттуда ночью на 31-е декабря въ наши предѣлы и,

слѣдуя мимо селеній Лавани и Мекеге (даргинскаго округа), а затѣмъ чрезъ кайтагскіе лѣса, прибыль въ нагорный Кайтагъ, въ окрестности Маджалиса.

Командующій войсками въ Дагестанѣ, генераль-адъютантъ князь Аргутинскій-Долгорукій, зорко слѣдившій за всѣми дѣйствіями Шамиля, зналъ о его намѣреніяхъ. Хотя ему было извѣстно, что Букъ-Магометъ и его партизаны были не болѣе какъ бѣглые выходцы, которые не могли имѣть того вліянія на народъ, какъ это сдѣлали бы шамилскіе мюриды, но во всякомъ случаѣ, чтобы успокоить большею частью преданныхъ намъ жителей и наказать возмутителей, счелъ необходимымъ немедленно же собрать въ Кайтагъ отрядъ. Въ составъ этого отряда поступили: 1-й, 3-й и 4-й баталіоны князя Варшавскаго (ширванскаго) пѣхотнаго полка, 1-й баталіонъ самурскаго полка, взводъ 3-й роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, четыре орудія и двѣ мортиры горной № 4-го батареи 21-й артилерійской бригады, двѣ сотни донскаго казачьяго № 14-го полка, двѣ сотни кубинскихъ конныхъ нукеровъ и двѣ сотни кумухской милиціи. Сверхъ того, управляющему Кайтагомъ и Табасаранью приказано было собрать изъ подвѣдомственныхъ ему селеній сколько окажется возможнымъ конной и пѣшей милиціи. Начальство надъ отрядомъ поручено было командиру 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи генераль-маіору Суслову.

Пока эти распоряженія приводились въ исполненіе, горцы, для отвлеченія нашего вниманія отъ дѣйствій Букъ-Магомета, съ его выступленіемъ въ наши предѣлы, въ значительныхъ силахъ собрались въ пограничномъ непріятельскомъ аулѣ Араканы, подъ предводительствомъ наибовъ араканскаго, гергебильскаго и аварскаго—съ намѣреніемъ вторгнуться въ мехтулинское ханство. Объ этомъ сборѣ 2-го января вечеромъ лазутчиками сообщено было управляющему ханствомъ, маіору Лазареву, который, имѣя въ готовности въ селеніи Дженгу-

таѣ, 1-й баталіонъ апшеронскаго полка, тотчасъ же собрали изъ нижнихъ мехтулинскихъ селеній милицію, съ тѣмъ, чтобы двинуться туда, куда направится непріятель; причемъ, верхнимъ селеніямъ этого ханства приказали быть наготовѣ.

Горцы не заставили долго себя ждать и на слѣдующій день послѣ полученнаго о нихъ сообщенія съ развѣтомъ показались на большой дорогѣ близъ селенія Оглы, гдѣ захватили четырехъ жителей, шедшихъ въ лѣсъ. Партія непріятели, состоявшая изъ конныхъ, не болѣе 40 человекъ, была преслѣдуема выбѣжавшими на тревогу оглинцами и начала отступать, слегка отстрѣливаясь. Она подвела насѣдавшихъ на нее жителей къ оврагу, лежавшему на пути ихъ отступленія, гдѣ было скрыто все скопище мюридовъ, вышедшихъ ночью въ засаду изъ Араканъ. Занесшимся оглинцамъ, бывшимъ въ числѣ не болѣе ста человекъ, пришлось плохо: мюриды ихъ окружили; силы были несоразмѣрны, и когда захваченные такимъ образомъ жители стали отступать, то едва могли спастись, потерявъ при этомъ двухъ человекъ убитыми, трехъ ранеными и тридцать три взятыми въ плѣнъ. Майоръ Лазаревъ, спѣшившій на тревогу съ конной милиціей и слѣдовавшимъ влѣдъ за ней баталіономъ, не успѣлъ къ мѣсту происшествія, а направившись далѣе, не могъ догнать горцевъ, которые по извилистому глубокому спуску успѣли скрыться и отступить въ Араканы.

Между тѣмъ изъ Дешлагара и Кусары выступали баталіоны самурскаго и ширванскаго полковъ, съ горными орудіями, изъ Кубы—двѣ сотни казаковъ и изъ Кафырь-Кумыка—взводъ стрѣлковъ, назначенные въ составъ отряда, собиравшагося въ селеніи Великентѣ. Войска эти сходились съ пѣспями, зная однако, что многіе изъ ихъ состава болѣе не возвратятся; но это дѣло привычное, и какъ солдаты, такъ и офицеры, прервавъ свои обыкновенныя мирныя занятія, спокойно готовились къ походу. Первые, набивъ свои ранцы

сухарями и ввинтивъ новые кремни въ ружья, а вторые—позаботившись о своихъ лошадяхъ и наполненіи вычухныхъ сундуковъ все́мъ необходимымъ, въ нѣсколько часовъ уже были готовы слѣдовать въ путь.

Никто не тосковалъ и не радовался, и собравшись поротно въ строй, съ прибытіемъ ротнаго начальства, каждый разъ неизмѣнно повторялось:

— Поздравляю васъ, братцы, съ походомъ!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе.

Эти поздравленія имѣли мѣсто при встрѣчѣ каждаго изъ высшихъ начальниковъ, и даже въ частности отовсюду слышалось:

— Съ походомъ, земляки!

Затѣмъ, на сборномъ мѣстѣ произносилось обычное „съ Богомъ!“ и солдаты, снимая шапки и крестясь, шли за барабанщикомъ.

Погода благопріятствовала движенію; широкая, по приморской равнинѣ, дорога давала возможность идти почти фронтомъ, не утомляясь задержками, которыя бывають на узкихъ дорогахъ. Изъ Великента предстоялъ одинъ переходъ до Маджалиса (мѣстопребываніе управляющаго Кайтагомъ), расположеннаго въ ущельи, среди лѣсистыхъ горъ, составляющихъ рубежъ верхняго Кайтага, гдѣ находился всегдашній притонъ возмутителей—ауль Шеляги. Тамъ Букъ-Магометъ, неудачно побывавшій въ Табасарани, жители которой отнесли къ нему уклончиво, нашель полную готовность къ возмущенію, равно какъ и въ нѣсколькихъ сосѣднихъ, менѣе значительныхъ аулахъ, поэтому и водворился съ своей партией въ Шелягахъ, приведя какъ самый ауль, такъ и доступы къ нему въ оборонительное положеніе.

Весь отрядъ къ 14-му января собрался въ Великентъ и на другой день выступилъ въ Маджалисъ. Тамъ была сдѣлана дневка, во время которой подтвердилось, что шелягинцы ук-

рѣпились и клялись Букъ-Магомету драться до послѣдней капли крови, и что, по дорогѣ къ нимъ, тѣснина, находящаяся въ семи верстахъ отъ Маджалиса, тоже укрѣплена завалами.

Послѣ дневки, утромъ 16-го января, отрядъ двинулся къ этой тѣснинѣ, слѣдуя по ущелью, омываемому рѣчкой Удлу-чай; при приближеніи его къ заваламъ, непріятель открылъ ружейный огонь. Чтобы облегчить доступъ къ тѣснинѣ, генераль Сусловъ приказалъ пѣшей милиціи взобраться на боковыя крутизны, въ обходъ непріятелю, гдѣ хотя тоже была оборона, но въ отношеніи укрѣпленныхъ внизу горцевъ слабѣе и болѣе отдаленная. Затѣмъ, послѣ обстрѣла тѣснины картечью, ширванцы, бывшіе въ головѣ отряда, бросились впередъ и овладѣли проходомъ, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля далѣе по ущелью. При этомъ захвачены были одинъ непріятельскій значокъ и девять лошадей; мы потеряли въ этомъ дѣлѣ одного нижняго чина убитымъ и одного оберъ-офицера и 9-ть нижнихъ чиновъ ранеными.

Послѣ этого, отрядъ подвинулся къ небольшому аулу Мишкелю, лежащему по дорогѣ къ Шелягамъ, въ трехъ верстахъ далѣе. Тамъ уже никого не было; жители этого аула, тоже участвовавшіе въ оборонѣ тѣснины, всѣ ушли въ Шеляги, и поэтому, тотчасъ по приходѣ отряда, генераль Сусловъ приказалъ разрушить аулъ до основанія. Быстро пошла работа, и къ вечеру сакли обратились въ груды камней, а зажженный лѣсъ изъ этихъ построекъ всю ночь освѣщаль развалины.

Была сдѣлана дневка, во время которой генераль Сусловъ посылалъ къ шелягинцамъ нарочныхъ изъ кайтагцевъ съ увѣщаніемъ, чтобы они прогнали изъ своего аула Букъ-Магомета, въ противномъ случаѣ аулъ будетъ подвергнутъ той же участи, что и Мишкелю; но шелягинцы отвѣчали, что русскихъ не боятся и не впускаютъ ихъ къ себѣ, хотя бы

ихъ было въ сто разъ болѣе. Такого отказа можно было ожидать заранѣе отъ возставшихъ жителей, которые вдобавокъ находились подъ прямымъ начальствомъ Букъ-Магомета, а генераль Сусловъ это сдѣлалъ лишь для выполненія приказанія князя Аргутинскаго, требовавшаго употребить силу оружія только въ крайнемъ случаѣ. Поэтому, на слѣдующій день послѣ дневки, 18-го января утромъ, отрядъ подступилъ къ Шелягамъ.

Ауль этотъ расположенъ былъ въ горной лощинѣ и вправо прилегалъ къ крутой горѣ, укрѣпленной завалами, а влѣво—къ оврагу, составляющему русло рѣчки Уллу-чай; съ фронта аульные постройки прикрывались тоже каменными, невысокими завалами; густо застроенныя сакли аула, по обыкновенію горцевъ сложенныя изъ крупнаго тесанаго камня, съ бойницами на всѣ стороны и узкими проходами, причиняли оборону во всякомъ случаѣ сильную, и штурмовать такіе аулы было нелегко.

Жители первые встрѣтили насъ выстрѣлами: послѣ этого болѣе съ ними нечего было дѣлать, какъ только штурмовать. Не теряя времени, генераль Сусловъ приказалъ дивизиону горныхъ орудій, вмѣстѣ съ разсыпавшимся взводомъ стрѣлковъ, выдвинуться впередъ и обстрѣлять фронтальные завалы, а также гору, командующую ауломъ справа; между тѣмъ, войска распределены были для штурма: 1-ый баталіонъ ширванскаго полка назначался для занятія горы, прилегающей къ аулу справа; 4-й баталіонъ того же полка и 1-й баталіонъ самурцевъ должны были занять фронтальные завалы и идти далѣе къ аулу, а 3-й баталіонъ ширванцевъ остался въ резервѣ. Такимъ образомъ, большинство нашихъ силъ шло въ дѣло, и отъ нашего успѣха зависѣла дальнѣйшая участь и Кайтага, и, быть можетъ, всей Табасарани.

Ровно въ полдень баталіоны стали поротно на определенныхъ мѣстахъ и, по прекращеніи артилерійскаго огня, бро-

сились впередъ. Фронтальные завалы однимъ взмахомъ были сбиты, и ширванцы съ самурцами почти на плечахъ бѣгущаго непріятеля ворвались въ аулъ, гдѣ уже по частямъ встрѣчены были ружейнымъ огнемъ невидимыхъ горцевъ, поражавшихъ въ упоръ изъ бойницъ крайнихъ сакль и подваловъ.

Между тѣмъ, 1-й баталіонъ ширванцевъ быстро шелъ въ гору подъ непріятельскими выстрѣлами изъ верхнихъ заваловъ и вскорѣ занялъ эти завалы; пѣшая милиція направлена была на высоты правѣе укрѣпленной горы, гдѣ собрались неучаствовавшіе въ оборонѣ окрестныхъ ауловъ жители, наблюдавшіе за ходомъ дѣла; но они не сопротивлялись милиціи и съ приближеніемъ ея отодвинулись далѣе. Въ то же время конная милиція, подъ начальствомъ полковника Уцмѣева, направленная въ объѣздъ съ лѣвой стороны аула, спустилась въ лощину рѣчки и понеслась вскачь подъ непріятельскими выстрѣлами—гдѣ наткнулась на завалы, но все же прорвалась и стала позади аула.

Бой въ аулѣ усиливался по случаю сгущенія вытѣсненнаго изъ крайнихъ сакль противника, и наши потери увеличивались, не смотря на то, что солдаты, въ пламени и въ дыму зажигаемыхъ саманниковъ и прочаго матеріала, отчасти скрывались отъ непріятельскаго прицѣла; но все же, рѣзня шла въ упоръ, и приходилось врываться въ темныя сакли и подвалы, чтобы изъ нихъ выбивать засѣвшихъ тамъ фанатиковъ, упорно защищавшихся, хотя въ результатѣ погибавшихъ подъ штыками. Болѣе всего пришлось понести потери нашимъ передовымъ частямъ, шедшимъ подъ огонь свѣжихъ бойцовъ, засѣвшихъ въ тѣсныхъ проходахъ и съ каждой бойницы поражавшихъ почти безъ промаха.

Штурмъ подвигался впередъ весьма медленно; потери наши увеличивались поминутно, и у самурцевъ, подвигавшихся къ центру аула, при значительной убыли нижнихъ чиновъ, были убиты два ротные командира и сильно ранены, при за-

нятіи площадки, командиръ баталіона полковникъ Ракуса. Ширванцы тоже имѣли большія потери какъ въ нижнихъ чинахъ, такъ и въ офицерахъ, въ числѣ которыхъ былъ раненъ командиръ ихъ полка полковникъ Манюкинъ. Время клонилось къ вечеру. Съ принятіемъ участія въ штурмъ 1-го баталіона ширванцевъ, послѣ занятія укрѣпленной горы обложившаго аулъ справа, и милиціи, начавшей подступать къ аулу сзади, непріятель понемногу слабѣлъ, а наши подвигались впередъ, сопровождая свое наступленіе трескомъ палбы и дымомъ поджоговъ. Вечеромъ, когда бой стихъ и уцѣлѣвшіе горцы только кое-гдѣ еще держались, а весь аулъ свѣтился догоравшимъ пожарищемъ, войска начали собираться, повѣряя свою убыль и предоставляя, по обыкновенію, милиціи доканчивать дѣло съ остатками защитниковъ, изъ числа которыхъ, съ наступленіемъ ночи, лишь небольшая часть успѣла спастись бѣгствомъ.

Въ одной изъ сакль, взятыхъ съ боя, въ числѣ многихъ другихъ, найденъ былъ сильно раненый Букъ-Магометъ, который просилъ пощады, и генераль приказалъ перевязать ему раны и назначить къ отправленію въ дербентскій госпиталь.

Трофеями этого дѣла, кромѣ огромной непріятельской потери въ людяхъ, были: шесть значковъ, сѣбира, данная Букъ-Магомету Шамилемъ при отправленіи его въ Кайтагъ, и 200-ти лошадей. Съ нашей стороны убыль состояла изъ 24-хъ офицеровъ *), 490-та нижнихъ чиновъ и 60-ти мили-

*) Убиты: самурскаго полка капитанъ Сунко, штабсъ-капитанъ баронъ Лейнбургъ, пранорщикъ Краевскій и пранорщикъ милиціи Улясъ-бекъ. Ранены: самурскаго полка полковникъ Ракуса, поручикъ Николаевъ и пранорщики Накранъ и Осиповъ; ширванскаго полка: полковникъ Манюкинъ, поручикъ Крумесь, подпоручики Семеновъ и Буткѣвъ, пранорщики Шереметьевъ, князь Гагаринъ и Гуть; милиціи: поручикъ Джамбраилъ и пранорщикъ Магмедъ-паша-бекъ. Контужены: самурскаго полка поручикъ Теодоровичъ, ширванскаго полка подполковникъ Домбровскій, поручикъ Вріони, подпоручики Самойловичъ, Адашевъ и Клугенъ, и пранорщикъ Левашевъ.

ціонеровъ, выбившихъ изъ строя убитыми, ранеными и контужеными. Столь значительная потеря оправдывалась достиженіемъ цѣли, и войска, по обыкновенію, сознавая это и гордясь своимъ самоотверженіемъ, спокойно проводили остальные часы ночи при свѣтѣ ярко пылавшихъ костровъ, щедро подбавляемыхъ нанесеннымъ изъ аула деревяннымъ хламомъ, и при своихъ мѣдныхъ котелкахъ, приставленныхъ къ огню съ разными яствами, вели разговоры о происшествіяхъ дня. Бесѣда продолжалась долго, пока наконецъ костры притухли, а усталые солдаты, пробираемые холодомъ зимней ночи, прижавшись другъ къ другу вдоль ружей, на штыкахъ которыхъ отражались догоравшіе огни, уснули крѣпкимъ сномъ, подъ мѣрные шаги часовыхъ.

19-го января аулъ былъ обращенъ въ груды камней, а войска, окончившія свою задачу, въ тотъ же день выступили обратно въ Маджалисъ, гдѣ оставались двѣ сотни казаковъ, для удержанія сообщенія съ отрядамъ.

Князь Аргутинскій, получивъ донесеніе о результатѣ дѣйствій отряда, хотѣлъ двинуть его въ верхнюю часть Кайтага, для поддержанія среди жителей выраженной ими покорности, но наступившій холодъ и выпавшій снѣгъ въ горахъ, затруднявшій подвозъ туда провіанта, заставили распустить войска по штабъ-квартирамъ.

Шамиль, потерпѣвъ полную неудачу въ возложенномъ на Букъ-Магомета предпріятіи, а также пораженный въ дѣлахъ, бывшихъ въ ту зиму въ Чечнѣ, казалось, долженъ былъ надолго оставить свои затѣи, въ особенности со стороны прикаспійскаго края, гдѣ грозный его противникъ пока не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій; но избравъ своею цѣлью борьбу съ русскими, или лучше сказать, съ препятствіемъ къ расширенію своей власти среди кавказскихъ горцевъ, онъ дѣйствовалъ неутомимо.

Съ вечера 5-го марта и въ теченіе всего 6-го числа князь Аргутинскій получалъ свѣдѣнія отъ лазутчиковъ, что въ горахъ дѣлаются огромные сборы, что непріятельскія скопища направляются къ Аваріи, а далѣе къ андалаяльскому обществу, съ намѣреніемъ вторгнуться въ предѣлы прикаспійскаго края, и что Шамиль прибылъ въ Аварію и предполагаетъ немедленно выступить съ скопищемъ въ Андалаяль. Князь Аргутинскій хотя не вѣрилъ, чтобы Шамиль съ этою цѣлью, и притомъ въ такую пору, затѣялъ наступательныя дѣйствія, но все же нашель необходимымъ распорядиться о сборѣ отряда.

Передовую нашу линію противъ Андалаяля, за исключеніемъ одного форта и двухъ укрѣпленій, въ то время занимали только три баталіона съ шестью горными орудіями, именно: въ сел. Кумухъ 3-й баталіонъ ширванскаго полка съ двумя орудіями горной № 4-го батареи 21-й артилерійской бригады; въ сел. Курклю—4-й баталіонъ самурскаго полка съ двумя орудіями горной № 2-го батареи 20-й артилерійской бригады, и въ селеніи Кутеши—3-й баталіонъ самурскаго полка съ двумя орудіями той же батареи. Эти три баталіона занимали пограничное пространство на протяженіи сорока верстъ, и поэтому, на усиленіе первыхъ двухъ пунктовъ, охранявшихъ казикумухское ханство, изъ Кусары были вытребованы 1-й, 2-й и 4-й баталіоны ширванскаго полка, съ четырьмя орудіями горной № 4-го батареи, и присоединены къ нимъ на пути слѣдованія двѣ сотни кюринской милиціи; а въ селеніе Кутеши (даргинскаго округа) изъ Темиръ-Ханъ-Шуры назначены были 1-й, 3-й и 4-й баталіоны апшеронскаго полка, 3-й баталіонъ дагестанскаго полка, рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, четыре орудія горной № 2-го батареи, дивизіонъ нижегородскаго драгунскаго полка и шесть сотенъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Войсками этими долженъ былъ начальствовать самъ князь Аргутинскій.

Между тѣмъ, 8-го числа вышалъ большой снѣгъ, и под-

нялась выюга, а какъ болѣе никакихъ свѣдѣній изъ горъ не было, то князь Аргутинскій приостановилъ выступленіе войскъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Въ это время Шамиль, прибывъ въ Аварію, вмѣсто осуществленія слуховъ о вторженіи въ наши предѣлы, потребовалъ наибовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ изъ собранныхъ скопищъ, участвовавшихъ въ зимнихъ дѣлахъ въ Чечнѣ. Выразивъ имъ неудовольствіе за нестойкость и малодушіе подвѣдомственныхъ имъ горцевъ, которые даже самовольно убѣгали изъ Чечни въ Дагестанъ, и объяснивъ важность преступнаго ихъ поведенія, онъ распредѣлил эти скопища по пограничнымъ селеніямъ, лежащимъ по аварскому Койсу и Кара-Койсу, съ тѣмъ, чтобы какъ эти селенія, такъ и дороги, ведущія къ нашей передовой линіи, повсюду были укрѣплены. Работы эти, какъ оказалось впоследствии, должны были обезпечить задуманное Шамилемъ нашествіе на лезгинскую линію и препятствовать нашему вторженію въ глубь страны, обезсиленной отсутствіемъ большихъ скопищъ. Сдѣлавъ это распоряженіе, Шамиль уѣхалъ обратно въ Ведень, сказавшись больнымъ.

Князь Аргутинскій узналъ о происходившемъ только ночью 9-го числа—и то чрезъ одного лишь лазутчика, такъ какъ остальные, посланные въ горы, тамъ были задержаны. Не довѣряя, однако, этому сообщенію, изъ котораго, между прочимъ, было видно, что часть скопища оставалась въ сборѣ, и ожидая, что будетъ дальше, командуя войсками приказалъ назначеннымъ къ выступленію изъ Темиръ-Ханъ-Шуры войскамъ быть въ полной готовности, а ширванцамъ, слѣдовавшимъ съ горными орудіями изъ Кусары, и двумъ сотнямъ кюринской милиціи остановиться, до особаго приказанія, въ Курахѣ и расположиться тамъ по квартирамъ.

11-го марта снова было получено извѣстіе, что часть горцевъ, собранныхъ въ Аварію, направилась къ селенію Руджѣ, съ намѣреніемъ напасть на вицхинскій пограничный

магалъ казикумукскаго ханства. Въ виду этого, чтобы быть наготовѣ и ближе къ непріятелю, если это извѣстіе окажется вѣрнымъ, въ тотъ же день изъ Темиръ-Ханъ-Шуры выдвинуты были по дорогѣ къ Кумуху 3-й и 4-й баталіоны апшеронскаго полка и дивизионъ орудій горной № 2-го батареи, которымъ приказано было остановиться, въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, въ селеніяхъ мехтулинскаго ханства—большомъ и маломъ Дженгутаѣ. Вслѣдъ за этимъ, 12-го марта, получено было донесеніе отъ управляющаго казикумукскимъ ханствомъ, полковника Агаларъ-бека, что самъ Шамиль съ скопичемъ прибылъ въ Ругджу, съ намѣреніемъ ворваться въ вицхинскій магалъ; но узнавъ, что въ этомъ магалѣ уже расположены наши войска (4-й баталіонъ самурекаго полка со взводомъ горныхъ орудій изъ Куркюю туда былъ передвинутъ 2-го марта), былъ крайне недоволенъ наибами чохскимъ и согратльскимъ и упрекалъ ихъ за передачу ему ложныхъ свѣдѣній объ отсутствіи въ томъ магалѣ русскихъ войскъ; затѣмъ, онъ приказалъ укрѣплять все дороги, ведущія съ нашей передовой линіи въ горскіе аулы, въ особенности въ селеніе Ругджу, и послѣ этого отправился въ Ведынь. Получивъ такія свѣдѣнія, которыя не выражали другаго намѣренія со стороны Шамиля, какъ укрѣпить доступы въ земли горцевъ, князь Аргутинскій приказалъ войскамъ, находившимся въ Дженгутаѣ и Курахѣ, возвратиться въ свои штабъ-квартиры. Въ скоромъ времени онъ по болѣзни отправился за-границу на воды, а временно командующимъ войсками въ прикаспійскомъ краѣ назначенъ былъ генераль-маіоръ князь Орбеліани.

Между тѣмъ, сборы скопичъ по разнымъ случаямъ по-прежнему продолжались, и нерѣдко свѣдѣнія о нихъ въ превеличленномъ видѣ переносились къ намъ лазутчиками, ожидавшими хорошаго вознагражденія. Такъ было и теперь. Съ прибытіемъ новаго начальника князи Орбеліани, въ послѣд-

нихъ числахъ мая начали доходить свѣдѣнія, что кромѣ покушенія горцевъ, подѣ начальствомъ Даніельбека, на горный магаль джаро-бѣлоканскаго округа и на правый флангъ лезгинской линіи, въ то же время Шамиль дѣлаеть большіе сборы въ Андїи, цѣль которыхъ пока неизвѣстна, но что эти сборы съ каждымъ днемъ увеличиваются. Вслѣдствіе этого, на случай, еслибы горцы имѣли какіе либо замыслы противъ прикаспійскаго края, князь Орбеліани счелъ нужнымъ выдвинуть войска на передовую линію. 3-го іюня, изъ Темиръ-Ханъ-Шуры выступили на кутешинскія высоты, подѣ личнымъ начальствомъ князя Орбеліани: 1-й, 2-й и 4-й баталіоны дагестанскаго полка, саперная команда, 3-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 4-й дивизіонъ нижегородскаго драгунскаго полка, 1-я, 3-я, 5-я и 6-я сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка съ ракетной командой, и дивизіонъ орудій, съ двумя мортирами, горной № 2-го батареи 20-й артилерійской бригады.

Для охраненія казикумухскаго ханства, изъ Дешлагара выступилъ 2-й баталіонъ самурскаго полка съ двумя орудіями горной № 4-го батареи 21-й артилерійской бригады и изъ селенія Кутеши—3-й баталіонъ того же полка; туда же слѣдовали изъ Кубы двѣ сотни донскаго казачьяго № 14-го полка и двѣ сотни кубинскихъ конныхъ нукеровъ. Эти войска, съ присоединеніемъ къ нимъ 4-го баталіона самурскаго полка, находившагося въ казикумухскомъ ханствѣ, расположились на гамашинскихъ высотахъ, подѣ начальствомъ генераль-маіора Суслова.

Для содѣйствія же со стороны самурскаго округа войскамъ лезгинскаго отряда противъ скопищъ Даніельбека, кромѣ прибывшихъ ранѣе въ означенный округъ 1-го и 4-го баталіоновъ ширванскаго полка, при двухъ орудіяхъ горной № 4-го батареи, направлены были туда: изъ Кусары—2-й баталіонъ того же полка при двухъ мортирахъ, и изъ Темиръ-

Хань-Шуры—взводъ 4-й роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, съ четырьмя орудіями легкой № 6-го батареи 20-й артилерійской бригады. Войска эти поступили подъ начальство генераль-маіора Волкова и расположились на рубежѣ горнаго магала джаро-бѣлоканскаго округа, около с. Лучека, куда прибыли и 3-й баталіонъ ширванцевъ изъ Кумуха, смѣненный 2-мъ баталіономъ самурцевъ съ гамашинскихъ высотъ. Командованіе войсками, остававшимися въ Темиръ-Хань-Шурѣ, поручено было командиру апшеронскаго полка полковнику Кипинскому, а охраненіе сулакской линіи—командиру нижегородскаго драгунскаго полка полковнику князю Чавчавадзе.

Такимъ образомъ, вся передовая линія прикаспійскаго края была прикрыта; но со стороны Шамиля никакихъ наступательныхъ дѣйствій не предпринималось, и если онъ собиралъ свои скопища, то это, повидимому, лишь для того, чтобы лично фанатизировать ихъ и упражнять въ готовности къ дѣйствительной надобности. Слухи объ этихъ сборахъ смѣнялись одни другими. Оказалось, что изъ горнаго магала джаро-бѣлоканскаго округа Давіельбекъ отступилъ, и въ собранныхъ тамъ войскахъ уже не было надобности, поэтому 1-й и 4-й баталіоны ширванскаго полка, двѣ мортиры и взводъ стрѣлковъ переведены были на Гамаша, а четыре полевые орудія отправлены въ свою штабъ-квартиру, въ укрѣпленіе Петровское.

Однако, 29-го іюля снова было получено извѣстіе, что около развалинъ стараго Салты опять собираются горцы. Такъ какъ съ этой мѣстности они могли угрожать нашимъ пограничнымъ ауламъ, въ особенности Ходжалъ-Махи и Цудахару, то чтобы удостовѣриться въ сообщенномъ свѣдѣніи и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть слѣды кровавыхъ битвъ 1847-го года, князь Орбеліани, въ сопровожденіи 1-го и 2-го баталіоновъ апшеронскаго полка, 3-й роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, команды саперъ, 4-го дивизіона нижегородскихъ драгунъ, 1-й и 6-й сотенъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго

полка и четырехъ орудій горной № 2-го батареи, 30-го іюля, утромъ, выступилъ съ кутешинскихъ высотъ, а къ вечеру 31-го числа прибылъ на Турчидагъ, гдѣ уже были расположены войска генерала Сулова, перешедшія съ Гамашей. Присоединивъ здѣсь 3-й и 4-й баталіоны самурскаго полка, отрядъ этотъ, налегкѣ, въ тотъ же вечеръ дошелъ до сѣверной оконечности Турчидага, и, переночевавъ тамъ, на другой день черезъ горную лощину перешелъ на салтынскія высоты и расположился около разореннаго (тоже въ 1847-мъ году) аула Кудали. Здѣсь разъяснилось чрезъ лазутчиковъ, что горы, дѣйствительно, были собраны около салтынскаго моста, но 31-го іюля разошлись.

На другой день, 2-го августа, князь Орбеліани спустился съ кавалеріею по сѣверо-восточному склону высотъ къ старому Салты, груды котораго, на изрытой оврагами мѣстности, были покрыты зарослями бурьяна и напоминали все прошлое этой кровавой арены, въ особенности для тѣхъ, кто былъ знакомъ съ происходившимъ здѣсь событіемъ. Изъ подъ Салты отрядъ возвратился 3-го августа на Турчидагъ, имѣя перестрѣлку съ горами только на пути около спуска въ селеніе Чохъ. Тамъ онъ простоялъ весь августъ, пользуясь прекрасной теплой погодой и нетревожимый горами. 6-го сентября, оставивъ на гамашинскихъ высотахъ 1-й баталіонъ ашшеронскаго, 2-й баталіонъ самурскаго полковъ, дивизионъ орудій (по взводу отъ горныхъ батарей №№ 2-го и 4-го), двѣ сотни донскихъ казаковъ и двѣ сотни конной милиціи, а въ самомъ Кумухѣ—3-й и 4-й баталіоны ширванцевъ, со взводомъ орудій горной № 4-го батареи, подъ общимъ начальствомъ генерала Волкова, съ остальными затѣмъ войсками князь Орбеліани направился на приморскую плоскость къ селенію Губденъ, жители котораго, подъ вліяніемъ приходившихъ съ горъ абрековъ, стали уклоняться отъ прямого подчиненія своему владѣтелю шамхалу Тарковскому.

Отсюда 3-й и 4-й батальоны самурскаго полка были отпущены въ свою штабъ-квартиру, на урочище Дешлагарь, отстоящее на четырнадцать верстъ отъ Губденя. Съ Дешлагара огч имѣли возможность, въ случаѣ надобности, поспѣть на передовую линію въ одни сутки. Остальныя войска этой колонны передвинуты къ высотамъ Харкаса (у спуска къ непріятельскому аулу Араканы). Съ наступленіемъ же осеннихъ холодовъ, всѣ войска, находившіяся на позиціяхъ для охраненія края, частью расположились въ пограничныхъ селеніяхъ, а частью были распущены въ свои штабъ-квартиры.

Въ скоромъ времени, однако, послѣ окончанія этого лѣтняго походнаго періода, прошедшаго почти безъ всякаго серьезнаго столкновенія съ горцами, 15-го октября, сынъ Шамиля Кази-Магома, съ огромнымъ скопищемъ подоидя къ цуарскимъ высотамъ, съ цѣлью вторгнуться въ казикумухское ханство, и узнавъ, между прочимъ, что въ это время, съ небольшимъ конвоемъ, Агаларь-бекъ объѣзжалъ свои пограничныя селенія, предложилъ Даніельбеку воспользоваться этимъ случаемъ и захватить или истребить Агаларь-бека съ его конвоемъ.

Даніельбекъ зашелъ съ частью скопища на высотахъ Бурцунаха, по пути слѣдованія Агаларь-бека въ селеніе Ницаукра, и съ прибытіемъ послѣдняго началъ окружать его. Видя это, Агаларь-бекъ поспѣшилъ занять крѣпкую позицію на одномъ изъ кургановъ, и хотя горцы, послѣ произведеннаго ими залпа, нѣсколько разъ бросались въ шашки, но казикумухцы меткими выстрѣлами отражали эти атаки, пока на тревогу не подоспѣли къ нимъ пѣшіе жители селенія Ницаукра, которые по горной рытвинѣ успѣли пробраться къ позиціи Агаларь-бека и этимъ значительно усилили оборону.

Между тѣмъ, Кази-Магома, съ главнымъ своимъ скопищемъ, показавшійся на Цуарѣ, причинилъ въ пограничныхъ аулахъ тревогу и, по первымъ сигнальнымъ выстрѣламъ, стояв-

шій въ Кумухъ 4-й баталіонъ ширванцевъ, подъ командою маіора Тюнина, съ двумя орудіями горной № 4-го батареи и тремя сотнями отборной агаларской милиціи, поспѣшилъ на встрѣчу горцамъ. Милиція понеслась впередъ и встрѣтившись съ горцами у спуска съ Цуара, завязала съ ними перестрѣлку. Затѣмъ, горцы массою бросились на милицію, которая однако отстояла себя; подоспѣвшій баталіонъ занялъ высоту, и хотя непріятель снова бросился въ атаку, но, встрѣченный ружейнымъ огнемъ и картечью, съ урономъ отступилъ по направленію къ Дусреку и Согратлю. Войска преслѣдовали его до Цуара. Давіельбекъ, узнавъ объ отступленіи Кази-Магомы, въ свою очередь поспѣшилъ туда же, пробираясь окольной дорогою къ Дусреку, и этимъ самымъ устранивъ себя отъ фланговой атаки казикумухскихъ сотенъ, съ которыми Агаларбекъ уже успѣлъ соединиться.

Потеря наша заключалась въ двухъ убитыхъ и семи раненыхъ милиціонерахъ и одиннадцати убитыхъ и двухъ раненыхъ лошадахъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ девятнадцать тѣлъ.

Такъ кончились въ описываемомъ году главныя дѣйствія горцевъ со стороны прикаспійскаго края, и Шамиль, въ ожиданіи зимней экспедиціи въ Чечнѣ, имѣлъ досугъ выработать свои честолюбивые замыслы на будущее время. Въ исходѣ осени возвратился князь Аргутинскій, хотя все еще больной, но попрежнему зоркій и опасный для Шамиля.

II.

1853-Й ГОДЪ.

Дѣло на водопоѣ близъ Чирь-юрта. Новыя затѣи кайтагцевъ. Покушеніе горцевъ на джаро-бѣлоканскій округъ. Вторженіе ихъ въ даргинскій округъ. Главный отрядъ на Турчидагѣ. Горцы на границѣ самурскаго округа. Нападеніе на пастбищное прикрытіе возлѣ укр. Евгениевскаго. Шамиль на лезгинской линіи. Мѣры князя Орбеліани. Занятіе горцами Закаतालъ. Отраженіе ихъ. Ожиданіе содѣйствія дагестанскаго отряда. Свѣдѣнія о Шамилѣ. Выступленіе дагестанскаго отряда съ Турчидага. Слѣдованіе черезъ кавказскія горы. Переходъ черезъ Дюльты-дагъ. Дневка у раззореннаго аула Кусура. Положеніе дѣлъ на лезгинской линіи. Дагестанскій отрядъ раздѣляется на двѣ колонны. Кн. Аргутинскій въ Заканалахъ. Отступленіе Шамиля. Возвращеніе дагестанскаго отряда. Роспускъ войскъ.

1853-й годъ въ прикаспійскомъ краѣ начался молодецкимъ дѣломъ нижегородскихъ драгунъ, бывшимъ 12-го января возлѣ ихъ штабъ-квартиры, укрѣпленія Чирь-юрта.

Командиръ нижегородскаго драгунскаго полка князь Чавчавадзе ночью на 12-е января получилъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что салатавскій наибъ Каиръ-бекъ, съ двумястами отборныхъ всадниковъ, рассчитывая угнать драгунскихъ лошадей во время утренняго водооя, расположилъ часть партіи на лѣвомъ берегу Сулака, пониже Чирь-юрта, а съ другою частью переправился на правый берегъ и засѣлъ въ ямахъ вблизи водооя. Командиръ полка предупредилъ объ этомъ бывшій на очереди для утренняго разъѣзда 7-й эскадронъ и дежурившій того числа 8-й эскадронъ. Оба эти эскадрона, подъ общимъ начальствомъ дивизионера подполковника Шульца, съ раннимъ разсвѣтомъ спустились къ Сулаку и слѣдовали одинъ поодаль отъ другаго къ мѣсту водооя.

Первымъ подходилъ къ водою 7-й эскадронъ, подъ начальствомъ капитана князя Чавчавадзе. Каиръ-бекъ, полагая, что лошадей ведутъ одни невооруженные коноводы, выско-

чить съ своею партіею изъ ямъ и хотѣлъ броситься въ шапки; но эскадронъ развернулся, понесся на хищниковъ, опрокинулъ ихъ и вогналъ въ рѣку. Тамъ, при глубинѣ по брюхо лошадямъ, завязался рукопашный бой. Горцы, поддержанные остальною ихъ частью, находившеюся на лѣвомъ берегу рѣки, пытались отразить натискъ 7-го эскадрона, но подоспѣвшій 8-й эскадронъ довершилъ поражение ихъ. Оставивъ двѣнадцать человѣкъ убитыхъ и двухъ плѣнныхъ, кромѣ утонувшихъ въ рѣкѣ, партія рассыпалась по зарѣчнымъ оврагамъ. Потеря же драгунъ состояла изъ одного убитаго, шести раненыхъ и шести контуженыхъ нижнихъ чиновъ, а также одиннадцати убитыхъ и шести раненыхъ строевыхъ лошадей.

Въ верхнемъ Кайтагѣ и отчасти въ Табасарани подстрекатели снова начали волновать умы жителей, и эти послѣдніе послали къ Шамилю своихъ депутатовъ просить прибытія къ нимъ со скопищемъ на помощь противъ русскихъ. Шамиль склонялся содѣйствовать имъ и уже намѣренъ былъ послать въ Кайтагъ и подкрѣпленіе, но собранные по этому поводу въ Ведено дагестанскіе наибы отсовѣтовали ему это намѣреніе. Они приводили въ примѣръ опыты, произведенные лѣтомъ 1851-го года Хаджи-Муратомъ и въ началѣ 1852-го года Букъ-Магометомъ, которые потеряли много хорошихъ людей и ничего не выиграли. Не смотря на это, Шамиль отвѣчалъ присланнымъ депутатамъ, что если кайтагцы и табасаранцы дадутъ ему аманатовъ изъ лучшихъ фамилій въ доказательство твердости своего намѣренія, то онъ, съ наступленіемъ лѣта, пришлетъ имъ войско съ сыномъ своимъ Кази-Магомою или же самъ къ нимъ прибудетъ.

Князь Аргутинскій хотя не допускалъ, чтобы Шамиль въ точности исполнилъ свое обѣщаніе, тѣмъ болѣе въ отношеніи своего прибытія или своего сына, но все же не упускалъ изъ вида эти затѣи; зачинщики же, зная о томъ, не посылали требуемыхъ заложниковъ. Шамиль однако не без-

дѣйствовали и съ наступленіемъ весны начать направлять свои скопища, болѣе или менѣе значительныя, на хищничество въ наши предѣлы. Пятая часть добычи должна была идти въ его пользу. Такимъ образомъ, въ концѣ апрѣля, непріятельская партія въ 2500 человекъ собралась въ горномъ магалѣ джаро-бѣлоканскаго округа, изъ числа коей 500 человекъ угрожали селеніямъ самурскаго округа, прикрывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, тылъ остальнаго сборища, направившагося черезъ главный хребетъ въ элисуійскій участокъ.

Князь Аргутинскій, узнавъ объ этомъ сборѣ, угрожавшемъ самурскому округу, немедленно выдвинулъ изъ Кусары въ ахтынское укрѣпленіе 2-й и 4-й баталіоны ширванцевъ, съ дивизиономъ орудій горной № 4-го батареи и двумя сотнями кубинскихъ конныхъ нукеровъ; но горцы, узнавъ на пути въ элисуійскій участокъ, что туда спѣшать войска лезгинской кордонной линіи, и опасаясь, чтобы выпавшій снѣгъ въ горахъ не лишилъ ихъ возможности отступить, повернули назадъ, отозвавъ и тѣхъ 500 человекъ, которые выдвинулись противъ селеній самурскаго округа.

Вслѣдствіе этого, 4-й баталіонъ ширванцевъ оставленъ былъ въ укр. Ахты, для прикрытія тамъ лечебнаго курса минеральными водами, а 2-й баталіонъ, съ двумя орудіями и сотнями кубинскихъ нукеровъ, передвинуть былъ къ Лучеку на пограничную линію, и потомъ, въ началѣ іюня, на Носдагъ— для прикрытія казикумухскихъ жителей, разработывавшихъ тамъ, по приказанію князя Аргутинскаго, прямую дорогу изъ казикумухскаго селенія Хозрека черезъ гору Носдагъ въ ихрекское ущелье и далѣе въ Лучекъ. Дорога эта составляла ближайшее сообщеніе между казикумухскимъ ханствомъ и самурскимъ округомъ, и по ней войска удобно могли проходить съ артилеріею въ лѣтніе мѣсяцы.

Въ концѣ мая горцы сдѣлали покушеніе на даргинскій округъ, но тоже безуспѣшно, именно: наибы араканскій, гер-

гебильскій и аварскій, съ скопищемъ въ 1500 человекъ, переправившись противъ аймякинскаго ущелья черезъ Койсу и раздѣлившись на нѣсколько партій, рассчитывали захватить скоть у жителей селеній Оглы и Ахкента, а также транспортъ съ провіантомъ и дровами, слѣдовавшій въ то время (26-го мая) изъ Оглы въ аймякинское укрѣпленіе подъ прикрытіемъ 60-ти нижнихъ чиновъ дагестанскаго пѣхотнаго полка и 30-ти мехтулинскихъ конныхъ нукеровъ.

Появленіе горцевъ въ окрестностяхъ с. Оглы замѣчено было нашими пикетами, и, по произведенной тревогѣ, командующій двумя ротами дагестанскаго пѣхотнаго полка, тамъ расположенными, капитанъ Добржанскій, тотчасъ же направилъ 3-ю гренадерскую роту въ помощь транспорту, выступившему по аймякинской дорогѣ, гдѣ уже послышались выстрѣлы, а самъ съ 7-ю ротою и оглынскими жителями бросился на конную партію, быстро приближавшуюся къ с. Оглы со стороны Ахкента. Горцы были встрѣчены быстрымъ натискомъ 7-й роты, съ фланговою пальбою жителей, и сразу опрокинутые, начали отступать. Капитанъ Добржанскій преслѣдовалъ ихъ до селенія Ахкента, которое между тѣмъ уже было обложено другою, пѣшею партією, но вторичный натискъ выбилъ ихъ изъ занятыхъ мѣстъ и заставилъ бѣжать къ араканскому спуску.

Порѣшивъ это дѣло, капитанъ Добржанскій съ 7-ю ротою поспѣшилъ на аймякинскую дорогу, гдѣ атакованное горцами транспортное прикрытіе, съ участіемъ аробщиковъ, храбро защищалось до прибытія 3-й гренадерской роты, въ свою очередь атаковавшей горцевъ и заставившей ихъ перейти въ оборонительное положеніе и отстрѣливаться изъ за большихъ камней; но гренадеры, съ подоспѣвшей 7-й ротой, возобновивъ атаку, выбили горцевъ изъ этихъ закрытій и погнали черезъ балки къ араканскому спуску. Затѣмъ, капитанъ Добржанскій пошелъ на выстрѣлы аймякинскаго укрѣпленія. Тамъ, ранѣе этого показалаь непріятельская партія, вѣроятно съ цѣлью, чтобы

отвлечь аймякинскій гарнизонъ отъ прочихъ пунктовъ нападенія; но когда навстрѣчу горцамъ вышла изъ гарнизона укрѣпленія 9-я рота дагестанскаго же полка, подъ командой штабсъ-капитана Штанге, и поднялась на возвышенную каменистую мѣстность, занятую горцами, то была ими охвачена съ трехъ сторонъ. Ставъ на выгодной позиціи, рота все же могла отражать неоднократные натиски многочисленнаго непріятели, имѣвшаго при томъ удобныя закрытія отъ нашихъ выстрѣловъ за огромными камнями. Такъ продолжалось дѣло болѣе часа; наконецъ, появленіе двухъ ротъ капитана Добржанскаго и произведенная вслѣдъ за этимъ общая атака заставили горцевъ обратиться въ бѣгство. Роты преслѣдовали ихъ до самаго спуска въ Араканы. Потеря горцевъ въ этихъ дѣлахъ состояла изъ одиннадцати человѣкъ убитыхъ, множества раненыхъ, одного взятаго въ плѣнъ и трехъ отобранныхъ у нихъ лошадей. Съ нашей стороны ранено шесть рядовыхъ и пять человѣкъ жителей, и убита одна лошадь.

На эту тревогу изъ селенія Дженгутая прискакалъ къ с. Оглы управляющій мехтулинскимъ ханствомъ подполковникъ Лазаревъ, съ своей милиціей, но повсюду сбитые горцы уже успѣли скрыться.

При такихъ болѣе или менѣе значительныхъ перестрѣлкахъ, начинавшихся преимуществу весною, когда еще войска не выдвигались на передовыя позиціи по случаю поздно показывающагося въ горахъ подножнаго корма, наступило время выступленія на обычныя лагерныя стоянки. По этому случаю, на гамашинскихъ высотахъ съ 12-го іюня расположились: 1-й баталіонъ самурскаго и 3-й баталіонъ ширванскаго полковъ, двѣ сотни кюринской конной милиціи и взводъ орудій горной № 2-го батареи 20-й артилерійской бригады, подъ начальствомъ генераль-маіора Манюкина; на кутешинскихъ высотахъ: 3-й и 4-й баталіоны апшеронскаго, 3-й и 4-й баталіоны дагестанскаго и 2-й и 4-й баталіоны

самурскаго полковъ, 2-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, команда саперъ, дивизионъ орудій легкой № 6-го батареи, дивизионъ орудій и двѣ мортиры горной № 2-го батареи 20-й артилерійской бригады и взводъ орудій горной № 4-го батареи 21-й артилерійской бригады, 3-й дивизионъ нижегородскихъ драгунъ, четыре сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и двѣ ракетныя команды.

Изъ числа этихъ войскъ, 3-й и 4-й баталіоны ашшеронскаго полка, легкія орудія, взводъ горныхъ орудій и двѣ сотни дагестанскихъ всадниковъ оставлены были на кутешинскихъ высотахъ подъ начальствомъ генераль-маіора Волкова, а съ остальными войсками князь Аргутинскій, въ концѣ іюля, перешелъ на Турчидагъ, куда присоединились и войска съ гамашинскихъ высотъ.

Такимъ образомъ, на лѣтній періодъ противъ непріятельскихъ нашествій войска ограждали прикаспійскій край слѣдующимъ образомъ: на Турчидагѣ, какъ центральному пунктѣ и болѣе вдающемся въ непріятельскія земли, расположены были главныя силы нашихъ войскъ, подъ личнымъ начальствомъ князя Аргутинскаго, именно—шесть баталіоновъ пѣхоты, при шести горныхъ орудіяхъ и двухъ мортирахъ, и два эскадрона и шесть сотенъ кавалеріи, съ двумя ракетными командами; въ селеніи Кумухъ—1-й баталіонъ ширванскаго полка, со взводомъ горныхъ орудій и четырьмя сотнями казикамухской конной милиціи, и на оконечности лѣваго фланга передовой линіи, въ предѣлахъ самурскаго округа—два баталіона того же полка, съ двумя горными орудіями и двумя сотнями кубинскихъ нукеровъ; къ правому флангу по передовой линіи—3-й баталіонъ самурскаго полка, по двѣ роты въ цудахарскомъ фортѣ и ходжалъ-махинскомъ укрѣпленіи; на кутешинскихъ высотахъ, какъ выше сказано, два баталіона съ шестью орудіями и двумя сотнями конницы; затѣмъ, одинъ баталіонъ въ укрѣпленіи аймякинскомъ и селеніи Оглы, по двѣ

роты въ каждомъ, и въ Темиръ-Ханъ-Шуръ—остальные два баталіона апшеронскаго полка съ артилеріей и двумя сотнями конно-иррегулярнаго полка, которые составляли резервъ для охраны нижнихъ селеній мехтулинскаго ханства и шамхальскихъ владѣній, а также поддержки впереди лежащаго урочища Ишкарты—штабъ-квартиры дагестанскаго полка, и наконецъ—Чиръ-Юрта, штабъ-квартиры нижегородскаго драгунскаго полка.

При такой оборонѣ, въ лѣтній періодъ непріятель могъ вторгаться въ пограничную окраину прикаспійскаго края только съ фланговъ передовой линіи, и то лишь послѣдственными, кратковременными набѣгами, такъ какъ правый флангъ ограждался Сулакомъ, а лѣвый—горнымъ магаломъ джаро-бѣлоканскаго округа.

Въ этомъ-то магалѣ, 16-го августа, непріятельская партія въ 700-тъ человекъ конныхъ показала на пограничныхъ высотахъ близъ раззореннаго селенія Гельмица, и когда находившійся въ это время на передовой линіи начальникъ самурскаго округа подполковникъ Клугень, съ своей милиціей и вторымъ баталіономъ ширванцевъ, съ двумя горными орудіями и одной сотней кубинскихъ нукеровъ, направился съ урочища Чилихура ущельемъ къ мѣсту появленія горцевъ, то тѣ, перейдя въ окрестности селенія Борчъ, на разсвѣтѣ 17-го числа захватили пасшихся тамъ 14-тъ тысячъ барановъ, табунъ лошадей и стадо рогатаго скота, причемъ хищники забрали и бывшихъ тамъ 50-тъ человекъ жителей.

Началось преслѣдованіе по извилистымъ проходамъ горной мѣстности, и хотя партія, раздѣлившись на двѣ части, одною изъ нихъ старалась навлечь на себя преслѣдованіе, взявъ другое и ближайшее къ намъ направленіе отъ той части, которая удалялась съ добычей, но уловка эта, замѣченная развѣздами милиціи, послужила къ тому, что подполковникъ Клугень, не обращая вниманія на ближайшую партію,

направился въ погоню за другою, и въ тотъ же день настигнувъ ее, атаковалъ. Бросивъ добычу, партія бѣжала. Всѣ захваченныя стада и 33 лошади возвращены жителямъ, а также освобождены изъ числа взятыхъ въ плѣнъ 35-ть человѣкъ; остальные плѣнные и 23 лошади остались въ рукахъ у непріятеля. У насъ при этомъ убито три и ранено семь человѣкъ жителей.

Почти въ то же время, на другомъ концѣ передовой линіи, именно около Евгеніевскаго укрѣпленія, занятаго грузинскимъ линейнымъ № 13-го баталіономъ, саладавскій наибъ Каиръ-бекъ, ночью переправившись чрезъ Сулакъ съ значительною партіею пѣшихъ и конныхъ, засѣлъ въ балкахъ возлѣ худумбашскаго форта. Когда, съ утра, къ этому форту выгнанъ былъ изъ укрѣпленія скотъ на пастбу, подъ прикрытіемъ команды изъ 40 нижнихъ чиновъ, то непріятельская конница, выскочивъ на пастбищное мѣсто, частью смяла выставленный пикетъ и захватила скотъ, а частью бросилась на прикрытіе, которое начало отстрѣливаться. Высланные изъ форта на эту тревогу 50-ть человѣкъ въ свою очередь были атакованы и не могли соединиться съ прикрытіемъ, а между тѣмъ пѣшая партія атаковала самый фортъ и была отбита только выстрѣлами изъ орудія. Многочисленность горцевъ ставила въ безвыходность раздѣленныя наши команды, но въ это время подпоручикъ Соловой, бывшій поблизости на покосѣ съ 79-ю человѣками, поспѣшивъ на тревогу, оттѣснилъ горцевъ и преслѣдовалъ ихъ до Сулака. У насъ при этомъ убито девять рядовыхъ и ранены: одинъ унтеръ-офицеръ и шесть рядовыхъ; угнано 53 штуки рогатаго скота.

Эти нападенія, во время сбора войскъ, если и производились на флангахъ передовой линіи, а также въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, причиняя болѣе или менѣе значительныя тревоги, за то на Турчидагѣ войска стояли совершенно спокойно, занимаясь, сверхъ обыкновенія князя Аргу-

тинскаго, даже ученіями, которыя дѣлались по его приказанію.

Князь Мойсей Захаровичъ хотя еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни, но все же находился при отрядѣ, и въ своемъ тепломъ, длинномъ гражданскомъ сюртукѣ и въ теплой же фуражкѣ, съ большимъ козыркомъ, по цѣлымъ часамъ расхаживалъ возлѣ своей обыкновенной офицерской палатки, съ неизмѣнною свидѣтельницей его затаенныхъ думъ—трубкой съ толстымъ чубукомъ. Онъ не любилъ окружать себя услужливыми штабными лицами и большею частью былъ одинокъ. Погруженный въ свои мысли, онъ изрѣдка подзывалъ своего Глахуна набить ему трубку или поставить передъ нимъ дрожавшаго отъ страха лазутчика, у котораго молча, проникательнымъ взглядомъ, выпытывалъ всю истину и все слышанное, повѣряя сообщеніями изъ другихъ источниковъ. Князь Аргутинскій зналъ еще въ концѣ іюля о намѣреніи Шамиля вторгнуться въ наши предѣлы и о дѣлаемыхъ втайнѣ большихъ приготовленіяхъ, но такъ какъ настоящія цѣли его пока не выяснились, то чтобы лучше слѣдить за имамомъ, Мойсей Захаровичъ притворился спящимъ львомъ и, вѣроятно, съ этимъ расчетомъ занялся ученіями, давъ при этомъ разойтись слуху, что самъ скоро получитъ другое назначеніе.

Слухъ этотъ заключался въ догадкахъ, что князь Аргутинскій будетъ назначенъ корпуснымъ командиромъ въ дѣйствующей арміи. Догадки же явились изъ того, что когда въ одно прекрасное послѣобѣденное время на Турчидагѣ извѣстный кавалеристъ капитанъ П. объѣзжалъ сѣрую лошадь Мойсея Захаровича, и послѣдній спросилъ его: „слушай, П., хороша ли лошадь?“ то кашитанъ отвѣтилъ:

— Передъ корпусомъ будетъ мала, ваше сіятельство.

— Ну, ты сейчасъ и передъ корпусомъ! замѣтилъ полунедовольнымъ тономъ князь Аргутинскій и снова продолжалъ свое медленное движеніе передъ палаткой, думая на-

вѣрное не о корпусѣ, а о Шамилѣ, котораго теперь сторожилъ.

Войска, между тѣмъ, спокойно проводили свое лагерное время, чередуясь въ фуражировкахъ и въ прикрытіи пастъбы лошадей на обширной поверхности Турчидага, а также занимаясь поротно ученіями, оглашавшими чистый горный воздухъ барабаннымъ боемъ и командными словами; затѣмъ, когда окрестныя скалистыя горы, послѣ солнечнаго яркаго освѣщенія, покрывались дымкой сумерокъ, и на лазури потемнѣвшаго неба начинали блистать звѣзды, то виднѣвшаяся въ это время на сѣверо-западѣ небольшая комета возбуждала говоръ солдатъ, видѣвшихъ въ этомъ предзнаменованіе войны.

— Война будетъ! повторялись тамъ и сямъ замѣчанія старослуживыхъ наблюдателей.

Между тѣмъ Шамиль, обезпечившій въ прошломъ году доступы въ свои владѣнія укрѣпленными преградами, и не допуская, чтобы дагестанскій отрядъ могъ ему препятствовать въ дѣйствіяхъ на другой сторонѣ горъ, началъ приводить въ исполненіе, хотя все же скрытно, но уже быстро, ранѣе задуманное нашествіе на лезгинскую линію, къ сторонѣ мусульманскаго населенія, гдѣ его замыслы ожидали общаго возмущенія той страны и, кромѣ матеріальныхъ поборовъ, рассчитывали, быть можетъ, на болѣе обширныя завоевательныя цѣли.

Начальникъ лезгинской кордонной линіи генераль-маіоръ кн. Орбеліани, узнавъ 20-го августа, что въ горахъ собираются большія скопища горцевъ, и что Шамиль съ четырьмя орудіями уже прибылъ въ Карату, съ намѣреніемъ вторгнуться въ джаро-бѣлоканскій округъ и нухинскій уѣздъ, поспѣшилъ принять мѣры къ оборонѣ края.

Лезгинская кордонная линія, растянутая отъ Нухи до р. Арагвы и большею частью вдоль дѣсистаго подножія главнаго кавказскаго хребта, охраняла, между прочимъ, и густо насе-

ленную алазанскую долину, столь часто подвергавшуюся набѣгамъ горцевъ. Тамошнія войска были расположены вдоль линіи; въ настоящемъ случаѣ кн. Орбеліани, вытребовавъ два баталіона и два горныхъ орудія съ лѣваго фланга линіи, размѣстилъ войска на правомъ флангѣ слѣдующимъ образомъ: въ кр. Закаталахъ, кромѣ линейнаго баталіона, 9½ ротъ пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ, и три сотни кавалеріи, причемъ, на усиленіе этихъ войскъ потребованы были изъ Царскихъ Колодцевъ двѣ роты 5-го баталіона тифлискаго егерскаго полка и съ дорожныхъ постовъ на рѣкѣ Алазани—двѣ сотни донскихъ казаковъ, вмѣсто которыхъ заняла посты сигнахская милиція; лѣвѣе Закаталь, въ 25-ти верстахъ по подгорной линіи, въ селеніи Бѣлоканы—одинъ баталіонъ съ двумя горными орудіями; въ промежуткѣ, въ селеніи Катехи—одинъ баталіонъ, и выше, на подъемѣ въ горы, въ месельдегерскомъ укрѣпленіи—тоже одинъ баталіонъ; правѣе Закаталь, въ мухахскомъ ущельи—полтора баталіона, при двухъ горныхъ орудіяхъ, и далѣе, въ элисуйскомъ ущельи—одинъ баталіонъ; сверхъ того, для охраненія нухинскаго уѣзда—въ шинскомъ ущельи стояло три роты пѣхоты и одна сотня конницы.

Такимъ образомъ, князь Орбеліани располагалъ для дѣйствій семью баталіонами пѣхоты, пятью сотнями кавалеріи и шестью горными орудіями, разбросанными на значительномъ пространствѣ. Впрочемъ, это неудобство князь Орбеліани успѣлъ исправить, вытребовавъ въ Закаталы баталіоны изъ Бѣлоканъ, Катехъ и мухахскаго ущелья, а также двѣ роты изъ месельдегерскаго укрѣпленія.

Едва окончились эти передвиженія, какъ 24-го августа, въ пять часовъ пополудни, на горахъ въ виду Закаталь показалась значительная конная партія, при которой, по полученному вечеромъ сообщенію, находились два орудія и самъ Шамиль съ сыномъ и Даніельбекомъ. Къ ночи стянулось все

огромное скопище Шамиля и на другой день (25-го августа) начало спускаться къ селенію Закаталамъ; затѣмъ оно заняло его. Жители успѣли оттуда выбраться.

Не давая горцамъ укрѣпиться такъ близко отъ крѣпости, князь Орбеліани, съ 3½ баталіонами, при четырехъ горныхъ и двухъ полевыхъ орудіяхъ (послѣднія прибыли изъ Царскихъ Колодцевъ), а также ракетной командой и всей кавалеріей, состоявшей изъ пяти сотенъ, тотчасъ же атаковалъ селеніе Закаталы. Горцы толпились густыми массами и съ приближеніемъ нашихъ войскъ заняли окраину селенія, гдѣ встрѣтили атаку густымъ ружейнымъ огнемъ. Когда же выстроившіяся передъ селеніемъ орудія открыли пальбу, поражая горцевъ картечью, а вслѣдъ за этимъ войска пошли въ атаку, то непріятель не выдержалъ и началъ отступать, все-таки упорно защищаясь на каждомъ шагѣ; къ вечеру, выбитые отовсюду, горцы поднялись на горы.

Потеря наша въ этотъ день заключалась въ одномъ штабъ-офицерѣ и 47-ми нижнихъ чинахъ убитыми, и двухъ оберъ-офицерахъ и 50-ти нижнихъ чинахъ ранеными, въ одномъ оберъ-офицерѣ и 27-ми нижнихъ чинахъ контужеными; въ милиціи: одинъ штабъ-офицеръ, одинъ оберъ-офицеръ и 12 милиціонеровъ были убиты; одинъ оберъ-офицеръ и 21 милиціонеръ ранены и 8 милиціонеровъ контужены. Непріятель же въ самомъ селеніи и по пути оставилъ много тѣлъ, изъ числа которыхъ нѣкоторыя были богато одѣты, въ особенности на одномъ найдена была чалма изъ дорогой шали и оружіе покрытое серебромъ.

Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ главнокомандующему, князь Орбеліани присовокуплялъ, что хотя непріятель отброшенъ на горы, но сбить его съ занимаемой позиціи нѣтъ никакой возможности, а рисковать малочисленнымъ отрядомъ, единственнымъ для всей лезгинской линіи и всего пространства до г. Тифлиса, князь Орбеліани не рѣшался, и Шамиль, при

такихъ обстоятельствахъ, оставаясь съ главными скопищами на горѣ, имѣлъ полную возможность разсылать свои партіи по селеніямъ и приводить край въ волненіе.

Князь Орбеліани съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій отъ князя Аргутинскаго, къ которому онъ отнесся съ просьбою о содѣйствіи. Не видя большой опасности для праваго фланга кордонной линіи, по случаю выпавшаго въ горахъ глубокаго снѣга, препятствовавшаго свободному передвиженію горцевъ, кн. Орбеліани потребовалъ въ Закаталы, на усиленіе своихъ средствъ, баталіонъ изъ Элису и три роты съ конной сотней изъ шинскаго ущелья. Съ этими усиленіями онъ все же не могъ удалиться отъ Закаталъ для свободныхъ дѣйствій противъ непріятельскихъ партій, потому что защита крѣпости, съ ея обширнымъ форштатомъ, требовала не менѣе трехъ баталіоновъ, а также нельзя было оставить безъ особой сильной поддержки близлежащее селеніе Талы, жители котораго хотя выражали намъ преданность, но отъ ихъ дальнѣйшаго поведенія зависѣло спокойствіе селеній, расположенныхъ въ мухахскомъ ущельи, и другихъ мѣсть.

При такихъ обстоятельствахъ, положеніе князя Орбеліани становилось безвыходнымъ, и хотя дни проходили безъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Шамиля, разсылавшаго только, какъ выше сказано, партіи для возмущенія жителей, но, помимо всего этого, князь Орбеліани крайне беспокоило и положеніе месельдегерскаго укрѣпленія, занятаго двумя ротами мингрельскаго полка, которое горцы уже обложили.

Между тѣмъ, князь Аргутинскій уже съ 23-го августа началъ получать на Турчидачѣ свѣдѣнія о выразившейся цѣли Шамиля на джаро-бѣлоканскій округъ, но какъ эти свѣдѣнія были сбивчивы, и можно было допускать, что Шамиль ихъ роспускаетъ для обнаруженія дѣйствій дагестанскаго отряда, то князь выжидалъ болѣе точныхъ извѣстій, которыя и принесъ 27-го августа хидатлинскій житель, пятисотенный на-

чальникъ у горцевъ, Хаджіевъ Ункулау-оглы. Будучи недоволенъ Шамилемъ, онъ, 24-го августа, выбѣжалъ изъ его скопища, именно въ то время, когда по перевалу Гудурь-дага горцы спускались въ джаро-бѣлоканскій округъ, и передалъ, что въ скопищѣ находилось болѣе десяти тысячъ человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, и что Шамиль намѣренъ быть остановиться на джарскихъ лѣтнихъ пастбищахъ выше Закаталь и оттуда посылать партіи въ джарскіе аулы для переселенія жителей въ горы, а въ случаѣ отказа ихъ, для наказанія грабежемъ и раззореніемъ.

Получивъ эти свѣдѣнія, неподлежавшія сомнѣнію, князь Аргутинскій тотчасъ же приказалъ отряду сняться съ позиціи, и къ вечеру выступилъ въ Кумухъ; тамъ, оставивъ все тяжести, лагерь и больныхъ, и снабдивъ, въ теченіе ночи, людей провіантомъ на двѣнадцать дней, онъ 28-го августа, въ полдень, выступилъ по дорогѣ къ Хозреку *). При этомъ, если кто изъ молодыхъ солдатъ любопытствовалъ: куда идутъ, то отъ сторослуживыхъ получалъ отвѣтъ:

— Знаеть объ этомъ Аргутинскій и его чубукъ.

Для охраненія казикумухскаго ханства остались въ Кумухѣ, подъ начальствомъ командира дагестанскаго полка полковника Броневскаго, полтора баталіона того же полка, штуцерная команда, прибывшая къ отряду отъ грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ, четыре единорога и три сотни конной милиціи.

Князь Аргутинскій, уже зная избранный пунктъ Шамилемъ для его дѣйствій на лезгинской линіи, хотѣлъ по воз-

*) Составъ отряда былъ слѣдующій: 1-й, 2-й и 4-й баталіоны самурскаго, 1-й и 3-й баталіоны ширванскаго полковъ, команда саперъ, рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, дивизионъ нижегородскаго драгунскаго полка, четыре сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, двѣ сотни допскаго казачьяго № 14-го полка, шесть сотенъ конной милиціи, четыре орудія и двѣ мортиры горной № 2-го батареи 20-й артилерійской бригады и двѣ мортиры горной № 4-го батареи 21-й артилерійской бригады, а также двѣ ракетныя команды.

возможности дольше держать горцевъ въ заблужденіи насчетъ своего выступленія и поэтому далъ разойтись слуху, что отрядъ идетъ въ верхнюю Табасарань наказать жителей за невыполненіе даннаго имъ приказанія—разработать у себя дороги для удобнаго прохода войскъ. Съ такою открытою будто бы цѣлью войска имѣли первый ночлегъ при селеніи Хозрекъ, на пути, не противорѣчившемъ распущенному слуху, и уже на другомъ переходѣ повернули на новую, разработанную черезъ Носдагъ дорогу. На перевалѣ этой горы поднялась снѣжная выюга, затруднявшая движеніе, но все же дорога, проложенная зигзагами, дала возможность благополучно перевалиться черезъ эту высоту и спуститься въ ихрекское ущелье, теплое и сухое. Тамъ уже находились прибывшіе изъ Лучека на усиленіе отряда 2-й и 4-й баталіоны ширванцевъ, четыре орудія горной № 4-го батареи, двѣ конныя и пять пѣшихъ сотенъ самурской милиціи и двѣ сотни кубинскихъ конныхъ нукеровъ. При этомъ усиленіи отрядъ состоялъ изъ 7¼ баталіоновъ пѣхоты, 8-ми орудій, четырехъ мортиръ, двухъ эскадроновъ, десяти сотенъ кавалеріи, пяти сотенъ пѣшей милиціи и двухъ ракетныхъ командъ.

Этотъ многочисленный отрядъ князь Аргутинскій велъ съ цѣлью, чтобы дать положительную помощь лезгинскому отряду и, спустившись черезъ главный кавказскій хребетъ прямо въ тылъ шамильскому скопищу, атаковать его и сразу очистить край отъ непріятеля. Путь однако предстоялъ трудный, незнакомый войскамъ, пролежавшій черезъ громадныя дикія горы, доступныя только для горцевъ, налегкѣ пробирающихся по едва замѣтнымъ тропинкамъ, въ ту пору засыпаннымъ глубокимъ снѣгомъ и не удерживавшимъ ноги путника надъ пропастями, причинявшими головокруженіе.

Изъ ихрекскаго ущелья, повернувъ на западъ, первые два дня отрядъ шелъ черезъ два горныхъ отрога, которыхъ развѣтвленные, крутые края, спускаясь въ глубокія проща-

сти, мѣстами были засыпаны снѣгомъ, а мѣстами обнаруживали скользкіе скалистые скаты, по которымъ вели проводники, то пробираясь черезъ снѣгъ, то цѣпляясь за голый плитнякъ. За ними гуськомъ слѣдовала кавалерія, ведя лошадей въ поводу, затѣмъ саперы и рабочія команды, расчищая по возможности на спускахъ и косогорахъ тропу, которая, извинаясь змѣйкой по громаднымъ утесамъ, выводила на вершины края, гдѣ взоры поражались грандіознымъ просторомъ заоблачныхъ горъ, покрытыхъ блестящимъ снѣгомъ, какъ ледовитое море. Въ первый день этого заоблачнаго перехода въ горахъ былъ сильный вѣтеръ, сбивавшій съ ногъ людей, и больно было видѣть, какъ вождь этого смѣлаго движенія, еще не оправившійся отъ болѣзни, закутанный въ раздуваемую вѣтромъ сѣросинюю шинель, и своею тучностью составлявшій тяжелую ношу для сѣрой лошади, которую два нукера вели подъ узду, на каждомъ шагу, при неустойчивости конскихъ ногъ на скользкомъ скалистомъ грунтѣ, рисковалъ оборваться въ кручу.

Съ княземъ Аргутинскимъ былъ достойный его помощникъ—начальникъ штаба войскъ прикаспійскаго края генераль Индреніусъ, и въ числѣ другихъ лицъ, дѣятельно руководившій дорожными работами въ этомъ движеніи инженеръ подполковникъ Миллеръ, а также генеральнаго штаба подполковникъ Циммерманъ, человекъ съ обширными способностями, занимавшій впоследствии высокія должности. Одинъ изъ знакомыхъ ему офицеровъ, обмѣниваясь съ нимъ впечатлѣніями дня, замѣтилъ, что нашъ переходъ почище наполеоновскаго черезъ Альпы. Князь Аргутинскій услышалъ эти слова и, окинувъ любопытнымъ взглядомъ выразившаго ихъ, спросилъ:

— Послушайте, Циммерманъ, какъ фамилія этого офицера?

Видно было, что отъ наблюдательности Мойсея Захаровича ничего не ускользало, и что онъ, при своемъ полномъ самолюбіи, былъ ко всему внимателенъ.

Въ этотъ день отрядъ остановился на ночлегъ у спуска отрога, гдѣ войска кое-какъ размѣстились на покатоги небольшой площадки. Хотя выучный обозъ въ каждой части былъ самый ограниченный—въ ротахъ подъ котлы и крупу и офицерскіе выюки, но онъ такъ растянулся, что собирался до ночи; всюду слышались распросы:

— А мой выюкъ?

— Должно назади, нехотя отвѣчали усталые конюхи.

— А мой?

— Не знаемъ; сказываютъ, оборвался въ кручу.

— Да тамъ не то, что одинъ, добавляютъ другіе.

И такимъ образомъ продолжалось безпокойство для тѣхъ, кто еще ждалъ, до окончательнаго разъясненія съ приходомъ арріергарда.

На слѣдующій день отрядъ перешелъ черезъ другой хребетъ и расположился въ глубокомъ и тѣсномъ ущельи на рѣчкѣ Дюльты-чай. Оттуда предстоялъ переходъ черезъ Дюльты-дагъ, гдѣ подъемъ чрезвычайно высокъ и крайне утомителенъ, а спускъ еще труднѣе. Войска, начавъ взбираться на гору съ ранняго утра, дали возможность съ мѣста тронуться арріергарду только въ сумерки. День былъ хотя тихій, но пасмурный, и съ полудня пошелъ густой снѣгъ, а къ вечеру начало морозить.

Въ арріергардѣ былъ 1-й баталіонъ самурскаго полка съ дивизиономъ нижегородскихъ драгунъ. Имъ пришлось, соображаясь съ движеніемъ выюковъ, то останавливаться, то прибавлять шагу, гуськомъ подвигаясь по извилинамъ тропы, засыпаемой снѣгомъ и незамѣтной для глазъ съ наступленіемъ темноты. Движеніе на подъемъ тянулось медленно и крайне утомительно; взбираясь съ уступа на уступъ и надѣясь съ каждымъ новымъ подъемомъ взойти на вершину горы, всѣ каждый разъ разочаровывались, увидѣвъ выше себя, въ матовомъ снѣжномъ сумракѣ, движущуюся вереницу солдатъ, которая те-

рялась вверху. Между тѣмъ, морозъ усиливался, и съ каждымъ шагомъ силы слабѣли, склоняя ко сну; ноги едва двигались по безконечному подъему все выше и выше. Нельзя было однако отставать и терять изъ вида впереди идущихъ, чтобы не прервать этой цѣпи изъ людей и лошадей и не своротить въ боковую пропасть; поэтому, одинъ за другимъ поспѣшали какъ за спасительнымъ призракомъ, исчезавшимъ въ утомляющемъ зрѣніе ночномъ мракѣ. Наконецъ, когда прошли полосу тучъ и поднялись на заоблачную высоту, свѣтъ пересталъ, но за то холодъ еще болѣе усилился, оледѣняя мокрую одежду, а пронзительный вѣтеръ увеличивалъ коченѣніе членовъ какъ у выбивавшихся изъ силъ подъ тяжелой ношей солдатъ, такъ и не менѣе усталыхъ офицеровъ. На тропѣ уже начали встрѣчаться какія-то павшія лошади, брошенный хламъ, вѣроятно изъ व्यюковъ милиціи, и, казалось, что не будетъ конца этому движенію. Но вотъ, вмѣсто тусклой бѣлизны, сливающейся съ мракомъ ночи, гдѣ все время двигались вверху туманныя очертанія людей, вдругъ показался небо-склонъ, усыпанный звѣздами, и общее движеніе ускорилося: было очевидно, что мы на вершинѣ. Это всѣхъ ободрило, а быстрое движеніе начало согрѣвать и людей, и животныхъ.

Теперь уже почти бѣгомъ мы спускались книзу, скользя и падая и не видя боковыхъ пропастей, которыя по обѣ стороны спуска терялись въ глубинѣ туманнаго пространства. Наконецъ, гдѣ-то далеко, внизу, показались едва замѣтные, раскинутые огоньки, манившіе къ себѣ усталыхъ путниковъ. Казалось, и лошади тоже туда спѣшили, быстро подаваясь книзу и не отставая отъ своихъ коноводовъ, то скользя по размятому снѣгу, то мѣстами спускаясь съ тяжелыми व्यюками на своихъ крупахъ. Огоньки, между тѣмъ, оставались все въ томъ же далекомъ разстояніи, и крутизна спуска не уменьшалась.

Если подъемъ утомлялъ медленностью движенія и угро-

жалъ ледяющею стужею, то спускъ еще болѣе былъ тяжелъ. При постоянно согнутыхъ колѣнахъ утомленіе ногъ, не удерживавшихъ ослабѣвшаго тѣла, доходило до крайности, такъ что солдаты безпрестанно падали и, снова поднимаясь, скользили, какъ пьяные, по крутизнѣ размякшей тропы. А конца спуску все не было и не было. Огни, прежде виднѣвшіеся, потомъ скрылись на днѣ туманной глубины, и безнадежность скорого достиженія цѣли еще болѣе утомляла людей. Наконецъ, когда уже заблѣлъ востокъ и, при слабомъ утреннемъ свѣтѣ, изъ ночнаго мрака начали выдѣляться снѣжные боковые спуски горныхъ кряжей, тогда только, съ поворотомъ нашей тропы, мы очутились въ тѣсномъ ущельи, освѣщенномъ многочисленными огнями, гдѣ отрядъ стоялъ бивакомъ при раззоренномъ селеніи Кусуръ.

Не успѣли арріергардныя войска расположиться, въ числѣ прочихъ, надъ р. Самуромъ (невдали отъ его начала) и обступить котлы съ пищей, уже приготовленной здѣсь ранѣе прибывшими ротными кашеварами, гдѣ и услужливые денщики встрѣчали офицеровъ съ завареннымъ чаемъ, какъ вдругъ, раздался сигналъ „по возамъ“, тяжело отозвавшійся во всѣхъ сердцахъ. Но черезъ нѣсколько минутъ послѣдоваль „отбой“, возбудившій веселый говоръ солдатъ.

Князь Аргутинскій хотя спѣшилъ, какъ говорится, накрыть Шамиля, до стоянки котораго оставался только одинъ переваль черезъ гору Гудуръ-дагъ, но какъ предстоявшій переходъ тоже былъ очень труденъ и великъ, а между тѣмъ снѣгъ началъ идти густыми хлопьями, обращаясь въ мятель, залѣплявшую глаза, то рѣшено было сдѣлать тамъ дневку, гдѣ было и достаточно дровъ, набираемыхъ изъ раззоренныхъ аульныхъ сакль.

Это былъ седьмой день движенія, 3-е сентября, и дневка была крайне необходима.

Между тѣмъ, положеніе дѣлъ на лезгинской линіи оста-

валось прежнее: Шамиль занималъ джарекія высоты Гонзо-горь, гдѣ укрѣпился, и оттуда разсылалъ своихъ мюридовъ въ селенія бѣлоканскаго округа волновать жителей. Князь Орбеліани стоялъ съ своими войсками около Закаталъ, не имѣя достаточныхъ силъ противодѣйствовать этому повсемѣстному нашествію отдѣльныхъ конныхъ партій. Впрочемъ, одна изъ нихъ, болѣе значительная, въ ночь на 29-е августа, осмѣлившись пройти вблизи Закаталъ, наткнулась на первый баталіонъ грузинскаго гренадерскаго полка, отдѣльно расположенный около селенія Джарь, и, встрѣченная тамъ ружейнымъ огнемъ и картечью изъ двухъ горныхъ орудій, понесла большія потери, оставивъ на мѣстѣ много тѣлъ, оружія и убитыхъ лошадей.

При такихъ обстоятельствахъ, 30-го августа получено было черезъ шинское ущелье увѣдомленіе отъ князя Аргутинскаго о его выступленіи на помощь лезгинскому отряду. Это извѣстіе ободрило всѣхъ, и князь Орбеліани на слѣдующій день, т. е. 31-го августа, съ четырьмя баталіонами, шестью орудіями и пятью конными сотнями, выступилъ изъ Закаталъ въ селеніе Бѣлоканы, уже занятое Даніельбекомъ, и, выбивъ оттуда непріятеля, въ тотъ же день возвратился въ Закаталы.

Горцы начали дѣйствовать рѣшительнѣе, занявъ въ тотъ же день селенія Мацехи и Катехи, а 1-го сентября прибскій наибъ—сынъ Шамиля Кази-Магома, съ Даніельбекомъ, вступили въ мухакское ущелье, такъ что окрестности по обѣ стороны Закаталъ уже были въ рукахъ непріятеля.

Князь Орбеліани, желая оградить болѣе населенныя мѣста отъ сосѣдства враговъ, расположившихся въ мухакскомъ ущельи, 2-го сентября выступилъ туда съ частью отряда и атаковалъ Кази-Магому въ селеніи Чардахлы; но тотъ успѣшилъ отступить въ горы, а Даніельбекъ, съ конною партією, ранѣе этого, ночью, выступивъ внутрь страны, сжегъ

алмалинскую и муганлинскую почтовые станціи, уничтожилъ тамъ переправы и направился въ элисуйское приставство. Такимъ образомъ, непріятель являлся повсюду въ бѣлоканскомъ округѣ, а какъ Даниельбекъ прежде былъ владѣтелемъ элисуйскаго населенія, то оно вездѣ его принимало дружественно и ждало, повидимому, только дальнѣйшихъ послѣдствій, чтобы возстать противъ насъ.

Князь Орбеліани, возвратившись изъ селенія Чардахлы въ Закаталы, на слѣдующій день, именно 3-го сентября (время дневки у Кусура), былъ извѣщенъ, что все скопище Шамиля спускается въ катехское ущелье. Предполагая, что Шамиль намѣренъ вторгнуться на плоскость, князь Орбеліани, съ пятью баталіонами и девятью орудіями, въ тотъ же день выдвинулся къ селенію Мацехи и занялъ позицію между имъ и Катехи, оберегая выходъ изъ ущелья, на противоположной сторонѣ котораго, за рѣчкой Катехъ-чай, расположился Шамиль.

Вскорѣ ночь покрыла мракомъ сближенныя позиціи противниковъ.

Шамиль, въ сущности, не желалъ боя, и онъ спустился съ Гонзогора по необходимости, чтобы стать на другомъ горномъ пути, имѣя уже закрытымъ прежній путь черезъ Гудурь-дагъ, и поэтому, съ разсвѣтомъ 4-го сентября, потянулся съ своимъ скопищемъ вверхъ по ущелью къ месельдегерскому укрѣпленію, стоявшему на подъемѣ вновь принятаго направленія. Князь Орбеліани послѣшилъ вслѣдъ за непріятелемъ, но, встрѣтивъ глубокую переправу черезъ Катехъ-чай, гдѣ вода съ снѣжныхъ горъ за ночь прибыла, успѣлъ только поразить хвостъ непріятельскаго скопища выстрѣлами изъ орудій. Устроивъ затѣмъ мостъ черезъ рѣчку, князь Орбеліани, съ своимъ отрядомъ, къ вечеру перешелъ на ту сторону ущелья и занялъ позицію на подъемѣ къ месельдегерскому укрѣпленію, которое было обложено непріятелемъ, и доступы къ нему укрѣп-

лены завалами. Атаковать тамъ Шамиля небольшими силами было невыгодно, тѣмъ болѣе, что дорога шла около десяти верстъ по узкому крутому подъему, покрытому густымъ лѣсомъ, и поэтому князь Орбеліани рѣшился ждать прибытія князя Аргутинскаго. Къ этому времени подошла конная милиція изъ Елисаветполя, Тифлиса и изъ Кахетіи, но регулярныя войска для наступательныхъ дѣйствій оставались тѣ же.

Теперь уже Шамиль ускользнулъ изъ ловушки, которая ему готовилась на Гонзогорѣ.

Князь Аргутинскій, имѣя въ виду, что глубокій снѣгъ еще болѣе затруднитъ переходъ черезъ главный хребетъ, и сомнѣваясь въ показаніяхъ проводниковъ, что разстояніе черезъ Гудурь-дагъ до джарскихъ лѣтнихъ пастбищъ не превышаетъ двадцати четырехъ верстъ, рѣшилъ, для удобнѣйшаго движенія, раздѣлить отрядъ на двѣ колонны: въ первую колонну онъ назначилъ четыре баталіона ширванцевъ, команду саперъ, стрѣлковую роту, дивизіонъ драгунъ, четыре сотни дагестанскихъ всадниковъ, двѣ сотни донскихъ казаковъ, двѣ сотни казикумухцевъ, четыре единорога, двѣ мортиры горной № 4-го батареи и двѣ ракетныя команды, а во вторую, подъ командою самурскаго полка полковника Ракусы, всѣ остальные войска, съ лишними тяжестями первой колонны, которая взяла только провіантъ и порціонную скотину на четыре дня. Вторая колонна должна была оставаться на мѣстѣ и выжидать особаго приказанія, а первая съ разсвѣтомъ 4-го сентября выступила далѣе.

Дорога сначала шла вверхъ по Самуру то правымъ, то лѣвымъ берегомъ безъ особенныхъ затрудненій. Не доходя верстъ шесть до подъема на Гудурь-дагъ, головная часть, состоявшая изъ конницы, поймала двухъ горцевъ, которые бѣжали изъ скопища Шамиля по неимѣнію продовольствія. Они передали, что Шамиль, будучи на Гонзогорѣ и получивъ 3-го сентября извѣстіе о прибытіи дагестанскаго отряда къ Кусу-

ру, того же числа ушелъ въ другое ущелье, съ тѣмъ, чтобы отступить въ горы. Не зная насколько это извѣстіе справедливо, князь Аргутинскій слѣдовалъ дальше.

Подъемъ на Гудурь-дагъ не былъ такъ труденъ, какъ должно было ожидать при выпавшемъ глубокомъ снѣгѣ, и авангардъ, изъ одного баталіона съ кавалеріею и отряднымъ штабомъ, къ двумъ часамъ пополудни достигъ до перевала. Спускъ по крутому острому гребню боковой горной отрасли представлялъ больше затрудненія: тропа буквально ныряла по крутымъ выступамъ, дѣлая безчисленное множество извилинъ и проходя надъ глубокими обрывами, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ орудія съ ящиками и даже вьюки нужно было переносить на рукахъ или поддерживать людьми. Слѣдуя такимъ образомъ по безконечному спуску среди боковыхъ кручъ къ далекому внизу горному подножію, покрытому, вмѣсто верхней снѣжной полосы, синевою обширныхъ лѣсовъ, авангардъ, съ княземъ Аргутинскимъ, хотя при отличной ясной погодѣ, не могъ ранѣе дойти до верхнихъ джарскихъ пастбищъ (урочище Динди) какъ въ девять часовъ вечера; оттуда до Гонзогора оставалось еще верстъ шесть—что составляло, по сдѣланному промѣру, не 24, какъ утверждали проводники, а 37 верстъ. Въ теченіе всей ночи, при чувствительномъ морозѣ, и на слѣдующій день до поздняго вечера спускалась оставшая часть первой колонны.

Князь Аргутинскій удостовѣрился, что Шамиль не ушелъ въ горы, а только, чтобы обезпечить свой тылъ, перешелъ на месельдегерскія высоты, чрезъ которыя проходитъ дорога въ Джурмутъ. Въ тотъ же день вечеромъ получено было извѣдомленіе отъ князя Орбеліани, что месельдегерское укрѣпленіе осаждается горцами, и что онъ выдвинулъ на месельдегерскій подъемъ все, что могъ, т. е. пять баталіоновъ пѣхоты; но при чрезвычайно сильной позиціи горцевъ не имѣетъ возможности сбить ихъ отряда, а между тѣмъ укрѣпле-

нію угрожаетъ опасность. Поэтому, князь Аргутинскій, не смотря на страшное утомленіе войскъ, до поздняго вечера 5-го сентября спускавшихся съ Гудурь-дага, на другой день съ разсвѣтомъ снялся съ Динди и направился въ Закаталы, чтобы, соединившись съ княземъ Орбеліани, немедленно атаковать горцевъ.

7-го числа утромъ, не доходя четырехъ верстъ до позиціи лезгинскаго отряда, князь Аргутинскій получилъ извѣстіе, что наканунѣ, въ восемь часовъ вечера, горцы производили вторичный штурмъ укрѣпленія, но были вновь опрокинуты, и Шамиль, опасаясь соединенія дагестанскаго и лезгинскаго отрядовъ, не рѣшился болѣе оставаться въ бѣлоканскомъ округѣ и въ девять часовъ того же вечера бѣжалъ, съ своимъ скопищемъ, по пути къ Джурмуту.

По полученіи этого извѣстія князь Аргутинскій тотчасъ отправилъ впередъ всю иррегулярную кавалерію и вслѣдъ за нею два баталіона ширванцевъ для преслѣдованія непріятеля; но какъ по прибытіи этихъ войскъ къ Месельдегеру хвостъ непріятельскаго скопища уже перевалился черезъ гору въ Джурмутъ, то дальнѣйшее преслѣдованіе было невозможно.

Храбрый месельдегерскій гарнизонъ, состоявшій изъ двухъ ротъ мингрельскаго егерскаго полка (3-й карабинерной и 7-й егерской) подъ командою того же полка подполковника Критскаго, въ теченіе 13-ти дней былъ обложенъ горцами, а на послѣдокъ, безъ воды и при маломъ числѣ артиллерійскихъ зарядовъ, выдержавъ трехдневную блокаду всего скопища горцевъ, отбилъ ихъ ожесточенные штурмы и со славою спасъ недостроенное укрѣпленіе. Потеря его во время блокады и штурма состояла изъ шести нижнихъ чиновъ ранеными.

Князь Аргутинскій, умѣлый цѣнитель боевыхъ заслугъ, во время своего посѣщенія месельдегерскаго укрѣпленія,

осматривалъ его и съ особенною похвалою отозвался о молодцомъ гарнизонѣ.

Такимъ образомъ, хотя непріятель ускользнулъ изъ рукъ князя Аргутинскаго, но все же край былъ освобожденъ, и въ немъ водворилось совершенное спокойствіе.

Оставивъ въ Месельдегерѣ три баталіона для работъ по окончанію укрѣпленія, и смѣнивъ гарнизонъ, оба отряда возвратились въ Закаталы. Оттуда 3-й дивизионъ нижегородскаго драгунскаго полка, по распоряженію князя Воронцова, 12-го сентября выступилъ въ Тифлисъ, а стрѣлковая рота отправлена была къ своему баталіону на урочище Гомборы; прочія же войска, прибывшія съ княземъ Аргутинскимъ, направились обратно въ Дагестанъ по кружной прекрасной дорогѣ черезъ шинское ущелье и самурскій округъ.

Между тѣмъ, пока рѣшались событія въ джаро-бѣлоканскомъ округѣ, куда направился черезъ главный перевалъ князь Аргутинскій, вторая колонна въ это время, ставъ на полянѣ по ущелью выше раззореннаго селенія Кусура, въ виду Гудурь-дага, съ нетерпѣніемъ ждала извѣстія насчетъ своего назначенія. Но день проходилъ за днемъ, а извѣстія все не было. Наконецъ, и сухари были съѣдены, и вся соль израсходована, такъ что пища заключалась только въ одномъ мясѣ, которое иными приправлялось порохомъ, и котораго, при порціонномъ скотѣ, было вдоволь. Весь Гудурь-дагъ, покрытый глубокимъ снѣгомъ, блестѣлъ яркой бѣлизной при освѣщеніи солнца и ослѣплялъ глаза, высматривавшіе, не спускаются ли ожидаемые нарочные. Но ихъ все не было, и только на пятый день къ вечеру четыре всадника прибыли съ предписаніемъ, чтобы колонна обратно слѣдовала въ Кумухъ. По словамъ прибывшихъ, они были третьими, посланными одни велѣдъ за другими, по обычной предусмотрительности князя Аргутинскаго, а первыя двѣ очереди, вѣроятно, попались горцамъ, бывшимъ въ партіи Даніельбека, отрѣзанной отъ Ша-

мила во время своихъ походовъ на плоскости и пробиравшейся восвояси черезъ Гудурь-дагъ.

Съ понятнымъ удовольствіемъ колонна поспѣшила собраться, но уже не отягощенная запасами провизіи, и выступить черезъ тѣ же, теперь знакомыя горы, которыя хотя въ своихъ заоблачныхъ размѣрахъ не уменьшились, однако, при благопріятствовавшей погодѣ, пройдены были благополучно, и даже найденъ былъ прежде упавшій въ кручу, вмѣстѣ съ выюкомъ одного врача, деньщикъ, который, благодаря глубокому снѣгу, остался живъ, и, имѣя во выюкѣ хлѣбъ и теплую одежду, дождался возвращенія отряда.

Пройдя снѣжныя горы, вторая колонна быстро слѣдовала среди мирныхъ предгорій и 14-го сентября прибыла въ Кумухъ.

Въ то же время князь Аргутинскій, сопутствуемый войсками первой колонны, перевалившись черезъ кряжъ Салаватъ, по отлично устроенной военно-ахтынской дорогѣ, отъ селенія Борчъ намѣренъ былъ отпустить ширванцевъ съ артилеріею въ ихъ штабъ-квартиру на урочище Кусары, но, получивъ на пути свѣдѣніе, что Шамиль, съ частью своего скопища, направился въ Ирибъ, съ намѣреніемъ вторгнуться въ казикумухское ханство, отпустилъ только 1-й и 2-й баталіоны того полка, которые, по распоряженію князя Воронцова, должны были выступить въ Тифлисъ, а съ остальными двумя баталіонами и орудіями продолжалъ слѣдовать по прямой дорогѣ черезъ Рутуль, Лучекъ и ихрекское ущелье. Въ послѣднемъ пунктѣ получено было донесеніе отъ управляющаго казикумухскимъ ханствомъ генераль-маіора Агаларъ-бека, что Шамиль, послѣ бѣгства изъ бѣлоканскаго округа, дѣйствительно шелъ на Ирибъ и далѣе въ Согратль, но теперь все его скопище распущено, и онъ самъ уѣхалъ въ Ведень. Вслѣдствіе этого, изъ ихрекскаго ущелья князь Аргутинскій отпустилъ въ Кусары и остальные два баталіона ширванцевъ, съ

орудіями горной № 4-го батареи, а самъ, съ конно-иррегулярными всадниками и донскими казаками, 19-го сентября прибылъ въ Кумухъ.

Съ неподдѣльной радостью встрѣтили войска своего боеваго вожака, который съ улыбкою участія спрашивалъ солдатъ, хотя навѣрно зналъ обо всемъ:

— Не голодали ли вы, братцы, подъ Кусуромъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство! съ военной гордостью отвѣчали солдаты, причинивъ полное удовольствіе князю Аргутинскому, не любившему въ войскахъ изнѣженности.

Затѣмъ, князь уѣхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру—и болѣе войска его не видѣли. Онъ считалъ себя обиженнымъ въ лицѣ подвѣдомственныхъ ему войскъ, которыхъ труды въ описанномъ походѣ, по его мнѣнію, не были признаны, и вскорѣ заболѣвъ, навсегда выѣхалъ изъ Дагестана.

Войска, находившіяся на передовой линіи, были спущены въ свои штабъ-квартиры, а постоянные сторожевые пункты, какъ-то: Кумухъ, Кутеши и другіе, заняли очередные баталіоны, со взводами горныхъ орудій.

В. Солтанъ.

ДѢЙСТВІЯ ОХОТНИЧЬЕЙ КОМАНДЫ КАБАРДИНСКАГО ПОЛКА ВЪ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ 6 ІЮНЯ 1862 ГОДА *)

Въ „Исторіи 80-го пѣхотнаго кабардинскаго полка,“ *А. Зиссермана*, часть III, стр. 408, рассказано одно изъ выдающихся нападений закубанскихъ горцевъ на наши войска, происшедшее 6-го іюня 1862-го года. У автора оно заимствовано изъ военнаго журнала, но въ послѣднемъ передано несовсѣмъ вѣрно и черезчуръ сжато—вѣроятно потому, что бывшій командиръ севастопольскаго полка и начальникъ даховскаго отряда полковникъ Гейманъ почему-либо не придалъ ему той важности или, лучше сказать, значенія, которое оно имѣло въ дѣйствительности по своему кровавому результату: въ этомъ дѣлѣ мы понесли, вопервыхъ, довольно значительную потерю, а вовторыхъ, горцы, пострадавъ гораздо болѣе насъ, получили одинъ изъ внушительныхъ уроковъ, разрушившій ихъ дерзкое предпріятіе и парализовавшій ихъ возможныя, при жданномъ успѣхѣ, дальнѣйшія преднамѣренія.

*) Статья эта представлена для напечатанія командиромъ 77-го пѣхотнаго тенгинскаго полка, полковникомъ Щелкачевымъ, командовавшимъ въ 1862-мъ году, въ чинѣ капитана, охотничьею командою кабардинскаго полка.

Событіе это въ военномъ журналѣ изложено слѣдующимъ образомъ:

„6-го іюня, изъ лагеря даховскаго отряда, у устья р. Дахо, послана была колонна въ станицу Царскую, подъ прикрытіемъ шести ротъ севавтопольскаго пѣхотнаго полка и сотни казаковъ, при двухъ орудіяхъ, и въ четырехъ верстахъ отъ станицы Даховской была атакована конною партіею абадзеховъ, около полуторы тысячи человѣкъ; но такъ какъ колонна двигалась съ сохраненіемъ всѣхъ военныхъ предосторожностей, то горцы были открыты еще издали, и нападеніе ихъ было отражено съ полнымъ успѣхомъ, послѣ чего непріятель ограничился живою перестрѣлкою съ нашими цѣпями. По первымъ пушечнымъ выстрѣламъ въ колоннѣ, поспѣшили къ мѣсту боя изъ лагеря: три роты сводно-стрѣлковаго № 3-го баталіона, рота и охотничья команда стрѣлковаго баталіона кабардинскаго пѣхотнаго полка и двѣ сотни казаковъ, при одномъ горномъ орудіи. Прибытіе этихъ войскъ заставило горцевъ отступить; но вскорѣ непріятель былъ подкрѣпленъ свѣжею партіею убыховъ, пришедшихъ съ южнаго склона западныхъ кавказскихъ горъ, силою около двухъ тысячъ человѣкъ, и бой возобновился. Особенно жаркое дѣло происходило за обладаніе небольшимъ ауломъ на лѣвомъ берегу Дахо, занятымъ охотничьею командою кабардинскаго стрѣлковаго баталіона. Многочисленная толпа горцевъ воровалась было въ ауль и перемѣшалась тамъ съ кабардинцами, но въ это время подоспѣла на помощь вторая рота севавтопольскаго полка, подъ командою поручика Лопицкаго. Непріятель былъ вытѣсненъ послѣ ожесточенной схватки, продолжавшейся нѣсколько минутъ. Приближеніе свѣжихъ войскъ изъ лагеря заставило, наконецъ, горцевъ отступить.

„Въ этомъ упорномъ дѣлѣ, въ которомъ десятью нашими ротами и тремя сотнями, при трехъ орудіяхъ, отражены были соединенныя усилія абадзеховъ и убыховъ, мы потеряли убитыми 16-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ и ранеными: одного оберъ-офицера (севавтопольскаго пѣхотнаго полка поручика Лопицкаго, получившаго десять ранъ—четыре пулями и шесть пашками) и 48-мъ человѣкъ нижнихъ чиновъ. Лошадей убито и ранено въ колоннѣ 15.

„По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ дѣлѣ 6 го іюня убыли потеряли одиннадцать почетныхъ старшинъ, 21-го человѣка меньшаго значенія людей и до ста человѣкъ ранеными“.

Въ дѣйствительности же, дѣло 6-го іюня 1862-го года, тамъ, гдѣ оно исключительно касается охотничьей команды кабардинскаго полка, происходило слѣдующимъ образомъ *):

Весною 1862-го года верхне-абадзехскій отрядъ занялъ съ боя долину р. Дахо, населенную непокорными абадзехами, и, открывъ свои дѣйствія, получилъ названіе даховскаго. Овладевъ многими важными пунктами и проникнувъ до р. Бѣлой, онъ занялся устройствомъ Даховской станицы и проложеніемъ путей сообщенія внизъ по р. Бѣлой и по другимъ направленіямъ къ заселеннымъ нами пунктамъ.

Колонизація Кубанской области въ это время была въ разгарѣ, и горцы, выбиваемые отовсюду оружіемъ и выкуриваемые дымомъ пожарницъ, были на высшей точкѣ враждебнаго къ намъ настроенія, изыскивая каждый удобный случай причинить намъ какой нибудь вредъ. Сообразно цѣли нашей войны и образу нашихъ дѣйствій, войска даховскаго отряда, подобно остальнымъ, оперировавшимъ на другихъ пунктахъ, дробились нерѣдко на самыя мелкія части и, работая съ ружьемъ за плечами, моментально переходили къ нему отъ топора и кирки или, бросивъ работу, бѣжали на выручку туда, гдѣ раздавался непріятельскій гикъ и короткіе, глухіе выстрѣлы винтовоѣ, дававшіе знать опытному и привычному уху о неожиданномъ нападеніи. Такихъ случаевъ въ даховскомъ отрядѣ было нѣсколько, но самый крупный изъ нихъ произошелъ 6-го іюня 1862-го года. На этотъ день войска получили слѣдующее назначеніе: одинъ баталіонъ севастополь-

*) Охотничья команда кабардинскаго полка была лишена всякой связи съ прочими частями войскъ, поэтому авторъ не могъ наблюдать за тѣмъ, что происходило въ сторонѣ отъ нея.

скаго полка былъ наряженъ для сопровожденія воловьего транспорта, въ числѣ 300 подводъ, отправлявшагося въ станицу Царскую за провіантомъ, а большая часть баталіоновъ— на работы по устройству станицъ, постройкѣ моста черезъ р. Бѣлую, рубкѣ лѣса, разработкѣ дорогъ и прочая; одинъ же баталіонъ кабардинскаго полка, за исключеніемъ 90 человекъ, назначенныхъ также на работы, и охотничья команда должны были оставаться на мѣстѣ для охраненія лагеря.

Охотничья команда кабардинскаго полка состояла изъ 70-ти человекъ. Воздерживаясь отъ всякаго описанія боевыхъ качествъ охотниковъ, которыя давнымъ давно были извѣстны на всемъ Кавказѣ, авторъ замѣчаетъ только объ ихъ внѣшности: они носили азіятскій костюмъ, имѣли бороды и бритыя головы и донельзя переняли и усвоили себѣ всѣ приемы и привычки горцевъ, которые, конечно, вводили въ дѣло тогда, когда въ этомъ встрѣчалась надобность. Всѣ эти наружные признаки сбивали съ толку самихъ горцевъ, и нерѣдко они принимали охотниковъ, въ ихъ разнокалиберныхъ и полуизорванныхъ походныхъ черкескахъ, за своихъ соплеменниковъ—что давало возможность партизанамъ часто выходить изъ крайнихъ затрудненій, а еще чаще усыплять бдительность непріятеля и его недоразумѣніе обращать себѣ въ пользу. Охотники были вооружены двустволками, составлявшими единственное внѣшнее отличіе ихъ отъ горцевъ, и слыли лучшими стрѣлками въ полку; большинство изъ нихъ не знало промаха, а въ описываемое время были и такіе, какъ напримѣръ рядовой Давидовъ, который могъ сажать пулю на пулю и непогрѣшимо поражать въ указанный заранѣе неподвижный или движущійся предметъ—будь то звѣрь, человекъ или птица. Нѣтъ сомнѣнія, что при всѣхъ подобныхъ условіяхъ успѣхи охотничьей команды были по большей части всегда гарантированы заранѣе, и это какъ нельзя болѣе развивало и укрѣпляло въ ней увѣренность и отвагу.

6-го іюня, съ разсвѣтомъ, войска выступили по назначенію. Охотники, оставшись въ лагерѣ, были рады случаю нѣсколько отдохнуть послѣ тревогъ и трудовъ, которые постоянно сопровождали ихъ бытъ, и не торопились даже вылезать изъ своихъ палатокъ, а что касается ихъ командира, то онъ и подавно позволилъ себѣ въ этотъ день излишне повѣжиться въ сладкомъ утреннемъ снѣ. Вдругъ, до лагеря донесся внизъ по р. Дахо, съ той стороны, куда выступила транспортная колонна, дружный и сильный залпъ, а велѣдъ залѣмъ и азіятскій гикъ сотенъ голосовъ. Начальникъ охотничьей команды слышалъ спросонья и то, и другое; даже въ полуснѣ онъ привычнымъ ухомъ отгадалъ, что эти хорошо знакомые звуки получили свое начало не далѣе версты отъ лагеря, но подниматься съ своего походнаго ложа все-таки медлилъ, такъ какъ пока дѣло его не касалось. Однако, черезъ двѣ-три минуты вбѣжалъ въ его палатку фельдфебель Баженокъ и доложилъ, что, молъ, приказано охотникамъ, съ двумя ротами сводно-стрѣлковаго линейнаго № 3-го баталіона и однимъ горнымъ орудіемъ, немедленно двинуться на выручку обозной колонны. Передавъ фельдфебелю, чтобы команда бѣгомъ выходила за околицу станицы, командиръ быстро одѣлся, сѣлъ на лошадь и догналъ своихъ людей противъ батареи, изъ которой назначено было орудіе въ составъ порученныхъ ему частей войскъ. Велѣвъ поскорѣе запрягать орудіе, онъ направилъ свою команду къ выходу и увидѣлъ здѣсь бѣжавшія съ работъ двѣ роты названнаго 3-го баталіона, которыя остановилъ въ ожиданіи орудія. Команда же немедля поспѣшила впередъ, такъ какъ стрѣльба становилась все слышнѣе и сильнѣе, и повременамъ повторялся все тотъ же отчаянный гикъ, смѣшанный съ крикомъ „ура“. Можно было судить, что дѣло завязалось жаркое.

Едва охотники пробѣжали отъ батареи нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ были встрѣчены исправлявшимъ должность

дежурнаго штабъ-офицера капитаномъ Калининымъ, который сказалъ, что, по распоряженію начальства, команда должна вступитъ въ вѣдѣніе командира сводно-стрѣлковаго линейнаго № 3-го баталіона маіора Клюки-фонъ-Клугенау. Хотя въ виду подобныхъ приказаній не разсуждаютъ, но на этотъ разъ капитанъ Щелкачевъ, по движенію невольнаго и неяснаго для него самого предчувствія, просилъ Калинина доложить завѣдывающему отрядомъ полковнику Дове, чтобы лучше присоединить его команду къ кабардинскому баталіону; но Калининъ отказалъ ему въ этомъ. Подчиняясь неизбѣжной необходимости, начальникъ команды явился къ маіору Клугенау и услышалъ отъ него слѣдующее:

— Капитанъ, вы, какъ знающій все дороги, идите, пожалуйте, направо—причемъ Клугенау указалъ рукою къ аулу—а я, съ двумя ротами, пойду по этой дорогѣ и тамъ соединимся; а пока вы дойдете до аула—я буду слѣдить за вами.

Команда бѣгомъ пустилась по указанному направленію. Обогнувъ аулъ, она чрезвычайно удачно, не будучи замѣчена горцами, зашла имъ въ тылъ, и на полянѣ, подъ уступомъ, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ первыхъ сакль, разсыпала цѣпь и продолжала наступать. Но лишь только она начала выходить на уступъ, какъ горцы, которыхъ здѣсь было до шестисотъ человекъ, замѣтили ее, открыли огонь и посмѣшно перепли съ юго-западной стороны аула на сѣверную; остановившись здѣсь въ лѣсной балкѣ, она продолжала пальбу. Пользуясь заблужденіемъ непріятели относительно численности охотниковъ, Щелкачевъ тотчасъ занялъ сѣверную часть аула и расположилъ впереди его цѣпь, фронтомъ къ позиціи непріятели, рѣшивъ ожидать здѣсь прибытія ротъ, съ орудіемъ—такъ какъ броситься съ горстью людей на партію въ восемь разъ сильнѣйшую и отважившуюся на нападеніе въ виду лагеря было по меньшей мѣрѣ безразсудно.

Лишь только цѣль стала на свое мѣсто, противъ ея фланга неизвѣстно откуда появились казаки и вступили въ перестрѣлку съ одиночными горцами, выскакивавшими изъ балки съ видимымъ намѣреніемъ завлечь ихъ поближе къ себѣ. Желая знать, кто прислалъ это неожиданное пособіе, и кто имъ командуетъ, капитанъ Шелкачевъ послалъ къ нимъ унтеръ-офицера Зайцева. Послѣдній, возвратясь, доложилъ, что казаковъ двѣ сотни и начальника изъ офицеровъ среди нихъ нѣтъ; урядникъ же, сообщившій эти свѣдѣнія, прибавилъ, что не помнитъ фамиліи того, кто ихъ послалъ сюда. Среди этого разговора, отъ р. Бѣлой внезапно показалась масса горцевъ, отъ 1500 до 1700 человекъ, и спѣшила соединиться съ первою партіею въ лѣсной балкѣ. Шелкачевъ, увидѣвъ это и сообразивъ, что положеніе казаковъ на пересѣченной мѣстности внезапно стало весьма опаснымъ, потому что ихъ могли отрѣзать, а команда не въ состояніи обезпечить ихъ отступленія, велѣлъ тому же Зайцеву поспѣшить къ нимъ обратно и передать, чтобы они прекратили бесполезную стрѣльбу и немедленно отступали, пока не потеряны еще удобный моментъ. Однако, не только казаки, но и самая команда, съ появленіемъ столь значительнаго скопища, очутилась въ крайнемъ затрудненіи, потому что мѣстность, окружавшая ауль, была открыта на небольшое узкое пространство только съ одной стороны, а съ трехъ другихъ представляла собою рядъ лѣсистыхъ скрещенныхъ балокъ, по которымъ подступы для непріятели были вполне скрыты и удобны, и нападеніе его даже съ тыла вполне безнаказанно. Хотя въ эту минуту къ охотникамъ присоединились, подъ командою поручика Ничо, 90 нижнихъ чиновъ кабардинскаго полка, бывшихъ на работѣ, но это подкрѣпленіе было, сравнительно, весьма слабое, и въ особенности потому, что на прибывшихъ людяхъ были малые патронташи, вмѣщавшіе въ себѣ только по пятнадцати патроновъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, благора-

зуміе требовало немедленно снять охотниковъ съ позиціи и также отступитъ — что, конечно, и удалось бы безъ особенной потери, но положеніе казаковъ заставляло выждать нѣсколько минутъ, чтобы дать имъ возможность благополучно выбраться изъ опаснаго мѣста. Эти минуты были роковыми, потому что казаки замедлили, время было упущено, и непріятель имъ воспользовался съ совершеннымъ успѣхомъ. Не предвидя пока этого, и рассчитывая, что казаки уже получили приказаніе и отошли къ концу аула, капитанъ Щелкачевъ приказалъ поручику Ничо слѣдовать туда же съ его командою, занять тамъ выгодную позицію, расположивъ людей за закрытіями, принять начальство надъ казаками и ожидать присоединенія охотниковъ. Затѣмъ, послѣднимъ былъ поданъ сигналъ отступленія. Но не успѣли они сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ въ той балкѣ, гдѣ стояли казаки, загорѣлась жаркая перестрѣлка, и слышались возгласы сотенъ голо-совъ. Сомкнувъ взводъ, бывшій въ цѣпи, Щелкачевъ поспѣшилъ къ балкѣ; другой взводъ, бывшій въ резервѣ, бросился черезъ аулъ по пятамъ предыдущаго. Подбѣжавъ къ балкѣ, команда увидѣла, что горцы, приблизительно человекъ въ триста, окружили казаковъ со всѣхъ сторонъ; съ крикомъ „ура“, она бросилась въ штыки и моментально осадила непріяте-ля. Воспользовавшись этимъ, казаки тотчасъ начали отступать и были направлены къ противоположному концу аула, гдѣ уряднику ихъ велѣно было присоединиться къ командѣ поручика Ничо.

Выручивъ казаковъ, капитанъ Щелкачевъ началъ отступать и самъ, переводя цѣпь отъ закрытія къ закрытію, которымъ служили преимущественно плетни и сакли. Горцы жарко преслѣдовали охотниковъ и вскорѣ ранили двухъ изъ нихъ — юнкера Елагина и рядоваго Климова. Понятно, что при этомъ въ средѣ ограниченнаго числа отступавшихъ не могло не произойти нѣкоторой задержки, такъ какъ нужно было ока-

затъ пособіе пострадавшимъ. Непрiятель принялъ это замедленіе за замѣшательство, и отнеся его, конечно, къ упадку мужества, онъ, съ партіей въ пятьсотъ человекъ, съ гикомъ ринулся въ шашки и врѣзался въ команду, съ которою тотчасъ смѣшался. Къ счастью охотниковъ, они были уже въ это время у одного изъ дворовъ, обнесеннаго частоколомъ, куда вела весьма узкая дорога; это препятствіе немного задержало горцевъ и ослабило ихъ ударъ. Пользуясь имъ, охотники, отстрѣливаясь и отбиваясь, живо пробирались вразсыпную черезъ аулъ. Щелкачевъ отступалъ въ числѣ послѣднихъ, имѣя возлѣ себя нѣсколько человекъ и въ томъ числѣ рядоваго Давидова. У одной изъ сакль Давидовъ остановился и сталъ заряжать ружье. Въ это время какой-то горець, выстрѣливъ по отступавшимъ охотникамъ, подбѣжалъ къ Давидову, что-то такое проговорилъ и, усѣвшись второпяхъ съ нимъ рядомъ, началъ заряжать и свою винтовку. Вдругъ, онъ увидѣлъ у Давидова двустволку—и совершенно растерялся. Давидовъ же, окончивъ прехладнокровно свое дѣло, приставилъ дуло ружья къ груди своего сосѣда и выстрѣлить. Послѣ этого онъ снялъ съ убитаго винтовку, кинжалъ и папаху, и подойдя къ капитану Щелкачеву, сказалъ:

— Ваше благородіе, позвольте мнѣ выстрѣлить изъ татарскаго ружья вонъ въ того гололобаго, что за плетнемъ.

— Стрѣлай въ любого, былъ ему отвѣтъ.

Раздался отрывистый выстрѣлъ, и гололобаго, на котораго указалъ Давидовъ, какъ не бывало на свѣтѣ.

— Вотъ тебѣ гостинецъ изъ твоего же добра, заключилъ стрѣлокъ.

Проскочивъ черезъ аулъ, охотники въ концѣ его остановились, чтобы перевести духъ, сосредоточенными силами встрѣтить противника и дать ему жестокой отпоръ. Это казалось весьма возможнымъ, такъ какъ былъ расчетъ на содѣйствіе казаковъ и двухъ пѣхотныхъ колоннъ,

стоявшихъ въ 250-ти или 300-хъ шагахъ. Но, къ общему удивленію, казаковъ вовсе не оказалось: обрадованные тѣмъ, что вышли благополучно изъ западни, они куда-то скрылись, не исполнивъ приказанія; изъ пѣхотныхъ же колоннъ одна прикрывала большой обозъ и не могла его оставить, а другая, бывшая подъ начальствомъ майора Кюлки-фонъ-Клугенау, не двигалась съ мѣста: не выражая ни малѣйшихъ признаковъ жизни, она безмолвно и равнодушно взирала на выбивавшихся изъ силъ кабардинцевъ. Щелкачевъ понялъ, что въ его безвыходномъ положеніи оны предоставлены самому себѣ—и тяжелое чувство сковало его сердце: тутъ для него стало вполне яснымъ то предчувствіе, которое побудило его просить Калинина о присоединеніи охотничьей команды не къ сводно-стрѣлковымъ линейнымъ ротамъ, а къ кабардинскому батальону.

Но разсуждать и отвлекаться разными посторонними соображеніями было некогда; охотники, положась на помощь божію, рѣшились сами постоять за себя или умереть, если на то пошло, со славою. Выхвативъ изъ числа ихъ семь человекъ лучшихъ стрѣлковъ и пролагая съ ними дорогу остальнымъ, начальникъ команды кинулся въ слѣдующій ближайшій дворъ и уже вступилъ въ него—какъ вдругъ, изъ-за частокола, въ разстояніи не болѣе пятнадцати шаговъ, раздался сильный залпъ—и всѣ семь человекъ свалились на земь. Какимъ образомъ самъ Щелкачевъ остался живъ и невредимъ и лишь отдѣлался, какъ потомъ уже оказалось, десяти пульными дырами въ полахъ и рукавахъ его черкески—про то знаетъ одинъ Богъ, и разгадать, безъ сомнѣнія, никто никогда не разгадаетъ. Восторженный, съ одной стороны, такою явною охраною провидѣнія, а съ другой—пораженный скорбнымъ чувствомъ при видѣ семерыхъ павшихъ товарищей, обливавшихся кровью у его ногъ, Щелкачевъ, подъ вліяніемъ этихъ двухъ противоположныхъ потрясеній, оставался нѣсколько се-

кундъ какъ прикованный къ землѣ; но, замѣтивъ, что вокругъ него уже собрались остальные храбрые сподвижники и, до-вѣрчиво смотря ему въ лицо, ожидали его приказаній, онъ опомнился и, крикнувъ „ура,“ бросился впередъ. Команда мигомъ заняла весь дворъ и безъ сопротивленія овладѣла ча-стоколомъ, отъ котораго горцы отхлынули, вѣроятно, не успѣвъ зарядить своихъ винтовокъ.

Съ этой минуты во дворъ загорѣлся страшный и упор-ный бой, *продолжавшійся около часа*. Напрасно атакован-ные и окруженные со всеѣхъ сторонъ охотники ожидали по-мощи, отчаянно отбиваясь и удерживая свою позицію: по-мощь не являлась; никто изъ видѣвшихъ издали эту картину не торопился къ нимъ на выручку, и маіоръ Клугенау, обѣщав-шій соединиться съ ними, все не трогался съ мѣста, а лишь выразилъ имъ содѣйствіе и сочувствіе только тѣмъ, что от-крылъ стрѣльбу изъ орудія. Но эта оригинальная поддержка не только еще болѣе вводила въ досаду обездоленныхъ охот-никовъ, но даже усиливала ихъ опасность, потому что сна-ряды ложились среди нихъ, а не среди горцевъ, и услуга, такимъ образомъ, оказывалась поистинѣ баснописно-кры-ловскою.

Однако, нужно же было, наконецъ, найти какойнибудь выходъ изъ своего положенія или, лучше сказать, путь от-ступленія. Сознавая, что эта обязанность лежитъ на началь-никѣ, Щелкачевъ приказалъ людямъ продержаться еще нѣ-сколько минутъ, пока онъ осмотритъ сосѣдній дворъ, и от-правился туда одинъ, не рискуя подвергать, вмѣстѣ съ собою, возможной гибели кого либо изъ подчиненныхъ. Съ трудомъ протиснувшись по какой-то узкой лазейкѣ между стѣнками амбара и буйволятника, онъ вступилъ въ сосѣдній дворъ и вдругъ былъ окруженъ шестью горцами, наскоро заряжавшими ружья. Щелкачевъ понялъ, что повернуть назадъ — значило бы подставить подъ выстрѣлы въ тѣсномъ переулочкѣ свою

спину, — да и удалось ли бы еще сдѣлать это, такъ какъ въ лазейкѣ съ трудомъ помѣщалась человѣческая фигура; поэтому, оставалось искать спасенія въ какомъ нибудь закрытіи — и Щелкачевъ бросился налѣво въ буйволятникъ. Живо началъ онъ разламывать плетень своего убѣжища, чтобы черезъ эту брешь соединиться съ своею командою, и когда сдѣлалъ отверстіе, достаточное, по его мнѣнію, для того, чтобы пролѣзть человѣку, сунулся въ дыру. Но увы! лишь только онъ просунулъ голову, непослушный сухой и упругій плетень возвратился въ свое прежнее положеніе и колючимъ ошейникомъ охватилъ его шею. Пока Щелкачевъ барахтался, освобождая себя изъ западни, тѣ же горцы заняли снаружи выходъ изъ буйволятника и торопливо насыпали порохъ на полки своихъ винтовокъ. Сдѣлавъ, наконецъ, отчаянное усиліе, Щелкачевъ вырвалъ изъ отверстія свою голову, и сказавъ стоявшему по ту сторону рядовому Калмыкову, раненому въ руку, что онъ окруженъ, кошачьимъ скачкомъ бросился къ выходу. Здѣсь онъ увидѣлъ, что горцы, стоя по обѣ стороны двери, все еще возились съ своими ружьями. Въ эту критическую минуту оставалось одно — идти напроломъ, и Щелкачевъ, полуприсѣвъ на порогѣ двери, съ непонятнымъ впоследствии для него самого проворствомъ, какъ мышь, юркнулъ между оторопѣлыми врагами, считавшими его заранѣе своею жертвою, и въ три отчаянныхъ прыжка очутился за плетнемъ, среди своихъ товарищей, цѣлый и невредимый, отдѣлавшись и на этотъ разъ лишь царапинами на лицѣ и на шеѣ.

Едва только охотники успѣли радостнымъ возгласомъ встрѣтить своего командира, какъ послѣдовалъ новый сюрпризъ: окружившій ихъ непріятель грянулъ по нимъ дружнымъ залпомъ изъ двухсотъ винтовокъ. Это было ужъ совсемъ плохо. Прійдя къ окончательному заключенію, что, при подобномъ образѣ дѣйствій, горцы раньше или позже перестрѣляютъ всю команду, и потерявъ послѣднюю надежду на

помощь, Щелкачевъ приказалъ фельдфебелю Баженюку и унтеръ-офицеру Лавренцу ползкомъ пробраться съ полувзводомъ со двора и занять дорогу по правую сторону плетня. Маневръ этотъ былъ исполненъ вполне удачно, и у начальника команды отлегло отъ сердца, потому что онъ получилъ возможность свершить свою священную обязанность относительно убитыхъ и раненыхъ, которыхъ набралось болѣе двадцати человѣкъ, именно—отправить ихъ въ станицу. Одинъ изъ числа пострадавшихъ, рядовой Фарманюкъ, раненый въ кисть руки навзлетъ, наотрѣзъ отказался отъ отправленія на перевязочный пунктъ и, съ улыбкою, поднявъ крышку патронташа, сказалъ своему командиру:

— У меня есть одна рука и три патрона; я могу еще орудовать.

— Но вѣдь ты ослабѣешь отъ потери крови, отвѣчалъ Щелкачевъ.

— Хоть умру, а не оставлю васъ, пока не прогонимъ татарву, возразилъ раненый.

Щелкачевъ сдвинулъ плечами и сдался на рѣшеніе своего храбраго товарища.

Отправивъ остальныхъ и облегчивъ этимъ удрученное массою тревоженій сердце, Щелкачевъ имѣлъ теперь нѣкоторое право рассчитывать на спасеніе прочихъ чиновъ команды, которыхъ, между прочимъ, у него оставалось всего двадцать человѣкъ, и съ которыми, къ сожалѣнію, онъ не могъ привести противнику какой либо вредъ, а слѣдовательно, подчиняясь благоразумію, долженъ былъ подумать объ отступленіи. Онъ не боялся, что горцы раздавятъ эту горсть храбрыхъ, потому что зналъ ихъ отвагу и находчивость, и нимало не огорчался, что у нихъ оставалось на рукахъ по одному и по два патрона, такъ какъ команда его владѣла такъ же хорошо штыкомъ, какъ и поражала пулями. Притомъ же, среди обстоятельствъ, въ которыхъ находились охотники, малочисленность

ихъ, съ одной стороны, была даже выгодна, потому что допускала возможность, при счастливыхъ условіяхъ, одиночнаго отступленія, съ примѣненіемъ въ данномъ случаѣ изрѣченія „спасайся, кто можетъ,“ а съ другой—была какая-то неодолимая и непобѣдимая вѣра также въ милость и въ силу божьяго промысла. Онъ не замедлилъ сказаться: сдѣлавъ послѣдній залпъ, большинство горцевъ стало пробираться по обѣ стороны балки къ транспортной колоннѣ, оставивъ охотниковъ совершенно отрѣзанными. Воспользовавшись этимъ моментомъ, Щелкачевъ приказалъ готовиться къ отступленію.

Въ это время изъ транспортной колонны слѣдовала въ лагерь за патронами 1-я стрѣлковая рота севастиопольскаго полка, подъ командою поручика Лопицкаго. На полпути нагналъ ее саперный поручикъ Вирюковъ (нынѣ генераль-маіоръ въ отставкѣ), и наведя на мысль командира роты о ясномъ и видимомъ тогда для всѣхъ критическомъ положеніи охотничьей команды, посоветовалъ ему помочь кабардинцамъ. Лопицкій тотчасъ же ухватился за эту мысль, потому что Щелкачевъ былъ ему большой кунакъ, и, повернувъ роту, направился къ аулу ближайшимъ путемъ. Но лишь только рота стала выходить съ разработанной по косоугору дороги на возвышенность, толпа горцевъ, стремившаяся на транспортную колонну, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ стрѣлками, ринулась на нихъ съ страшнымъ ожесточеніемъ. Одною изъ первыхъ жертвъ палъ благодѣтельный Лопицкій, получившій десять ранъ, за нимъ—фельдфебель и, въ заключеніе, тридцать семь другихъ нижнихъ чиновъ. Рота однако отбилась и окрававленная прибыла въ лагерь.

Это новое, хотя вполне прискорбное, обстоятельство также имѣло для команды свою выгоду, потому что хотя Лопицкій, пожертвовавъ собою и десятками храбрыхъ своихъ сотоварищей, ее и не спасъ, за то отвлекъ отъ нея и отъ аула еще часть непріятели, поспѣшившую присоединиться къ

своей партіи, атаковавшей стрѣлковъ. Кромѣ того, и сама судьба улыбнулась кабардинцамъ: къ нимъ возвратились нѣсколько человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые относили убитыхъ. Хотя помощь эта была незначительная и даже, при измѣнившихся тогда обстоятельствахъ, пожалуй, и лишняя, но въ крайнемъ случаѣ, котораго предвидѣть было нельзя, и она могла получить неожиданное значеніе. Эти прибывшіе люди сообщили, что когда они несли на перевязочный пунктъ трупъ рядоваго Ростовцева, пораженнаго въ числѣ семи человѣкъ во дворѣ аула двумя пулями въ грудь навылеть, то покойникъ вдругъ воскресъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Братцы, пустите меня, я пойду самъ, а вы идите назадъ въ дѣло, пособляйте товарищамъ, не покидайте своего начальника и помните присягу. Тамъ вы лучше пригодитесь, чѣмъ возлѣ меня.

Убѣжденные его рѣчью, товарищи бережно сложили раненаго на дорогу и вернулись въ аулъ.

Когда остатки команды готовились къ отступленію, рядовой Городовой доложилъ командиру, что за плетнемъ лежатъ человѣкъ тридцать нижнихъ чиновъ линейнаго баталіона, о прибытіи которыхъ никто даже и не подозрѣвалъ—ужъ не говоря о томъ, что эти люди въ бою вовсе не участвовали. Обратить ихъ въ подмогу охотникамъ было совершенно излишне, даже неудобно, потому что пришлось бы, чего добраго, ихъ же самихъ защищать и отстаивать, поэтому неожиданные гости были вовсе не находкою; но у Щелкачева явилась внезапная мысль—воспользоваться ими для своего благополучнаго отступленія, и въ то же время, конечно, не дать и ихъ въ обиду. Поэтому, онъ приказалъ имъ подняться и безъ оглядки бѣжать въ лагерь. Какъ ни странно имъ показалось такое распоряженіе, но все приняли его охотно и, что есть мочи, пустились къ станицѣ. Давъ отбѣжать имъ

шаговъ пятьдесятъ, Щелкачевъ подхватилъ своихъ охотниковъ и во весь духъ помчался влѣдъ за ними. Горцы, принявъ партизанъ за своихъ товарищей, и видя, что они весьма энергично преслѣдуютъ—и, конечно, непременно настигнуть—русскихъ солдатъ, съ удовольствіемъ смотрѣли на эту мнимую травлю и не трогались съ мѣста. Только спустя двѣ-три минуты они спохватились—но было уже поздно, и имъ не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать за толпою, которая направилась къ транспортной колоннѣ.

Потеря горцевъ въ дѣлѣ съ кабардинскими охотниками 6-го іюня, по словамъ бывшаго при отрядѣ переводчикомъ, прапорщика севастопольскаго полка Гугіева, служившаго прежде въ кабардинскомъ полку, заключалась въ одиннадцати князьяхъ и тридцати трехъ простыхъ горцахъ, убитыхъ и раненыхъ только въ аулѣ; а сколько ихъ было ранено за ауломъ, при вырубкѣ казаковъ—достоверно неизвѣстно.

Охотники прибыли къ колоннѣ маіора Клюки-фонъ-Клугенау, и Щелкачевъ отрапортовалъ ему, что приказаніе его исполнено въ точности, и что, молъ, все обстоитъ благополучно.

Вскорѣ партизаны увидѣли и своего товарища Ростовцева, тѣсно прижавшагося къ какому-то молодому солдатику и ковылявшаго вмѣстѣ съ нимъ то вправо, то влѣво. Они посиѣшили на помощь къ подходившимъ, и все ихъ недавнее грустное настроеніе быстро разсѣялось, когда отъ провожа-таго и самого Ростовцева они услышали слѣдующую курьезную, происшедшую между ними сцену:

Отправивъ товарищей „въ дѣло“, Ростовцевъ слегка отдохнулъ и, какъ могъ, тронулся на перевязочный пунктъ; но, ослабѣвъ отъ потери крови, опять сѣлъ и прижался ранами къ откосу дороги, чтобы задержать кровотеченіе. Въ это время мимо него бѣжала партія горцевъ, человекъ въ пятьдесятъ. Не желая отдаться имъ въ руки безнаказанно, Ро-

стовцевъ вскочилъ на ноги—и тутъ же опять палъ обезсиленный. Партія промчалась, не обративъ на него вниманія. Ростовцевъ, считая свои минуты уже сочтенными, сталъ въ душѣ прощаться съ жизнью и съ своими кунаками кабардинцами, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою какого-то солдатика, видимо раненаго въ руку, который шелъ по направленію къ станицѣ. Ростовцевъ сталъ упрашивать солдата—помочь ему добраться до лагеря, но тотъ, отговариваясь, что самъ раненъ, отказалъ ему. Тогда, нечего дѣлать, партизанъ пустился на хитрость: онъ попросилъ солдатика поправить ему сорочку и прикрыть раны. Послѣдній, ничего не подозрѣвая, склонился къ Ростовцеву и, какъ глазомъ мигнуть, былъ охваченъ обѣими руками за шею.

— Ну, братъ, сказалъ Ростовцевъ, коли не хотѣлъ помочь мнѣ дойти до перевязки, такъ—все равно—теперь, давай, будемъ вмѣстѣ пропадать.

Молодой солдатикъ разсудилъ, что если для Ростовцева „все равно“ пропадать, то для него вовсе не „все равно,“ и волей-неволей привелъ его въ колонну.

Изъ знаменитой схватки кабардинскихъ охотниковъ съ горцами, происшедшей 6-го іюня 1862-го года, капитанъ Щелкачевъ наглядно вывелъ тогда заключеніе, что еслибы въ его командѣ были люди менѣе отважные и опытные въ боевомъ дѣлѣ, то ни одинъ изъ нихъ не вышелъ бы живымъ изъ этой бойни.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Кавказскомъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ окружной штабъ кавказскаго военнаго округа. Форма изложенія, форма и видъ рукописи не должны стѣснять автора или владѣльца ея; необходимо только, чтобы, при высылкѣ или при личномъ представленіи сочиненій, дѣлать указанія: кѣмъ, а если то заслуживаетъ вниманія—и при какихъ условіяхъ они составлены.

Редакція проситъ подъ статьями *четко* подписывать свои ресы; причемъ, по желанію авторовъ, имена ихъ открыты отъ публики. Статьи *неподписанныя* печатаются не будутъ.

Если авторы пожелаютъ, то имѣется возможность за высылаемые статьи опредѣлить слѣдующее вознагражденіе: за переводы—15 р. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи—20 р., за оригинальныя статьи—50 р., за приложенія къ нимъ—30 р. и за документы—25 рублей.

Авторы имѣютъ право на полученіе 20-ти отдѣльныхъ оттисковъ своихъ статей; желающихъ получить ихъ, просятъ обозначать объ этомъ на рукописяхъ.

Подписка на «Кавказскій Сборникъ» принимается въ Тифлисѣ, въ окружномъ штабѣ кавказскаго военнаго округа. Каждый томъ отдѣльно стоитъ 2 р., пересылка за 2 фунта.

Редакторъ «Кавказскаго Сборника»,

Артилеріи генераль-маіоръ Чернявскій.

